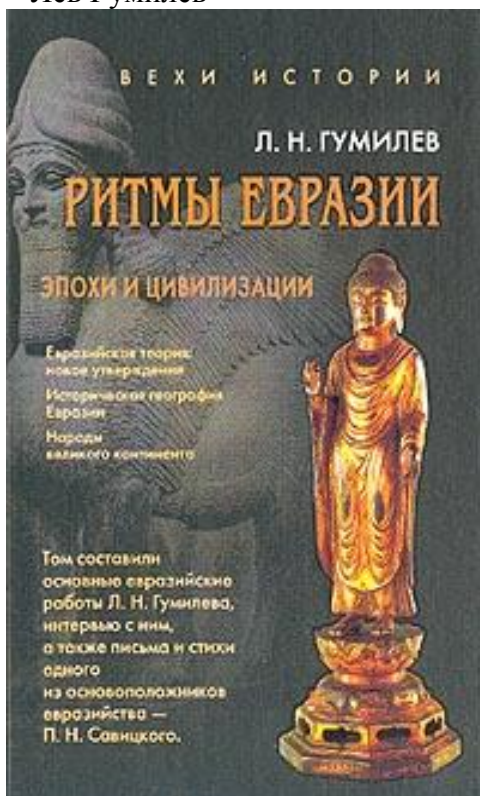

Лев Гумилев

Ритмы Евразии

Л.Н. Гумилев и евразийство

Концепция евразийства проходит через всю творческую жизнь Льва Николаевича Гумилева. Судьба этой концепции сложна и противоречива. Зародившись в начале 20-х гг. в эмигрантской среде вне России, она как бы сошла на нет уже в начале следующего десятилетия [1 - В 1973 г. евразиец В. Ильин писал, что тогда имело место «снижение, разложение и вообще говоря гибель евразийства» [«Ступени», 1992, № 2, с.59]. Правда, он же нашел и другое, более верное определение – анабиоз.]. Книги и статьи евразийцев не доходили до нашей страны долгие десятилетия, поэтому не было, да и не могло быть серьезных советских исследований этого течения. Да и по сей день единственное капитальное исследование евразийства – докторская диссертация... немецкого ученого Отто Босса, изданная в Висбадене в 1961 году [2 - Небольшой, но весьма интересный отрывок из нее опубликован недавно в религиозно-философском журнале «Начала», 1992, № 4.].

Формально датой рождения евразийства считается 1921 г., когда в Софии вышел сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства». Создателями этого течения были русские ученые, изгнанные революцией из России и осевшие в эмиграции – в Софии, Праге, Белграде, Берлине. И хотя Зинаида Шаховская отмечала, что они «занимали лучшие кафедры в Берлине, Лондоне, Праге» [О соблазне евразийства. – «Русская мысль», 24 марта 1983 г.], все же это была сложная и тяжелая жизнь в отрыве от России, «в атмосфере катастрофического мироощущения» (Н. Трубецкой), с постоянной тревогой о судьбах России. Вот эта тревога, эти раздумья и поиски пути – истинные, глубинные истоки евразийства.

При этом надо учесть еще и специфику Софии тех лет – крах белого движения, трагедия

Галлиполи и переброска воинских частей в Болгарию и Сербию, предательство Запада, господствующее чувство безысходности в русской эмиграции. Неизбежен был поиск и рождение альтернативы – реальной, но отнюдь не сиюминутной. Один из видных евразийцев Георгий Флоровский говорил тогда: «Попыткой не считается с жизнью, попыткой пойти напролом было „белое“ движение, и здесь именно коренился его неизбежный неуспех» [цит. по: С. Рыбас, Л. Тараканова. Похищение генерала Кутепова. – «Наш современник», 1993, № 3, с.84].

Шел поиск идеи-силы, идеи-ценности (определения В. Ильина).

Создателями евразийства были филолог и историк князь Н.С. Трубецкой (1890–1938) [3 - Н.С. Трубецкой, которого законно считают филологом и историком мирового класса, кроме этого был глубочайшим знатоком национальных проблем России. Об этом говорит не только целый комплекс его работ об украинском национализме, но и недавно опубликованная у нас «Записка о народах Кавказа»(1925), написанная как будто бы сегодня («В Абхазии следует признать официальным языком абхазский, поощрять развитие абхазской интеллигенции и внушить ей сознание необходимости борьбы с грузинизацией» [«Политика», 1993, № 3].], географ и геополитик П.Н. Савицкий (1895–1968), сын великого русского ученого-естествоиспытателя – историк Г.В. Вернадский (1877–1973) [4 - В известных нам библиографических справках не отмечены самые капитальные труды Г.В. Вернадского: видимо, потому, что они написаны позже «евразийского периода», уже в США – «Древняя Русь» (1-е изд., 1943), «Киевская Русь» (1-е изд., 1948), «Монголы и Русь» (1953). В письме П. Савицкого Л. Гумилеву он называет эти труды английской «трилогией Георгия Владимировича» (письмо 7 мая 1958 г.), а позже сообщает, что вышел уже пятый том «Истории России» Г.В. Вернадского (письмо П. Савицкого 4 октября 1967 г.).]

Наиболее сжатая, на мой взгляд, формула евразийства дана Н.С. Трубецким. «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, – писал он в 1927 г., – может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация и в качестве такой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством» [«Евразийская хроника». Вып. VII. Париж, 1927].

Целью евразийства было «создать новую русскую идеологию, способную осмыслить происшедшие в России события и указать молодому поколению цели и методы действия», – писал П. Савицкий [цит. по: «День», 1992, № 31].

Итак, особая территория, особая «многонародная нация», новая русская идеология. И к каждой из этих позиций Л. Гумилев добавил свое весьма существенное.

Территорию нашей страны евразийцы понимали как особый исторический и географический мир, не принадлежащий ни к Европе, ни к Азии, как неповторимую историческую и географическую индивидуальность (П. Савицкий). Л. Гумилев дополняет это учением о «кормящем ландшафте» и «вмещающем ландшафте» – разным, но всегда родном для данного этноса. Для русских это были речные долины, для финно-угорских народов – водораздельные пространства, для тюрков и монголов – степная полоса.

«Долгое время бытовало мнение, что лес и степь находятся между собой в оппозиции, степняки и лесовики борются друг с другом. В этнокультурном аспекте это мнение глубоко ошибочно; как степняки нуждаются в продуктах леса, так и наоборот» [137а), с.4]. И все капитальные работы Л. Гумилева показывают исторические перипетии этого сосуществования, его неизбежность, его естественность.

В письме к Л. Гумилеву один из главных евразийцев – Петр Савицкий поддерживал эти идеи: «Да, конечно. Вы правы: „сочетание разнодарений“ (или, как говорите Вы, „двух и более ландшафтов“) очень усиливает и ускоряет развитие. В этой Вашей мысли нет никакого

противоречия моим мыслям. Я думаю, нет в ней противоречия и мыслям Г.В. Вернадского. Все 1920-е и 1930-е годы я бился над проблемой значения „сочетания разноодарений“ для исторического развития», и далее: «Вы с большой четкостью проследили значение „сочетания разноодарений“ для этногенеза... Вам принадлежит безусловный приоритет в этом важном историко-географическом открытии» (из письма 1 января 1957 г.).

Правда, ему не нравился гумилевский термин «вмещающий ландшафт» – «Продолжаю отстаивать термин „Месторазвитие“. Мне кажется, что он динамичнее, чем „вмещающий ландшафт“... помимо того, он обходится без немецких слов, очень для нас нежелательных» (из письма 17 декабря 1965 г.).

И показательно, что Л. Гумилев в одной из последних своих статей уже сам применил термин «месторазвитие» [137а), с.3].

Говоря об историко-методологических выводах евразийцев, о согласии с ними, Л. Гумилев отмечал: «Но главного в теории этногенеза – понятия пассионарности – они не знали» [«Наш современник», 1991, № 1, с.132]. И это вполне естественно – если евразийская доктрина была синтезом истории и географии – геополитики, то учение Л. Гумилева, опирающееся на многие выводы евразийства, было синтезом истории, географии и естествознания. «Георгию Владимировичу Вернадскому, – говорил Гумилев, – как историку очень не хватало усвоения идей своего отца – Владимира Ивановича» [там же]. Интересно, что и сам Г.В. Вернадский отмечал: «Я, конечно, приветствую, что он (Гумилев) принимает постановку проблемы „биосферы“ моим отцом – ...сюда надо добавить и „ноосферу“» (из письма Г.В. Вернадского).

По Гумилеву, именно пассионарные толчки определили ритмы Евразии, доминацию тех или иных сил в разные периоды истории, а вместе с тем сложный процесс формирования единого целого – Евразии.

Это единое целое не противопоставляется всему «остальному миру» – полицентризм является общеметодологическим принципом евразийства. Евразия – не какой-то мифический центр, доминирующий в мире (а ведь теория известного английского геополитика Х. Маккиндера состояла именно в этом), а один из центров. «Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа – центр мира, но и Палестина – центр мира, Иберия и Китай – то же самое» [«Социум», 1992, № 9, с.81].

Евразийцы выступали за сохранение самобытности этносов, но никогда – за узкий национализм. Наоборот, Н.С. Трубецкой отмечал, что «человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной», а поэтому «всякая естественная группа, к которой этот человек принадлежит, признается им без доказательств самой совершенной». А Л.Н. Гумилев дополнял, что «претензии на всемирность собственной культуры характерны далеко не для всех „международных ликов“, т.е. суперэтносов» [«Наше наследие», 1991, № 3, с.21]. Не правда ли, звучит сверхактуально?

Но евразийская концепция направлена и против национализма и против некоей мифической общечеловеческой культуры, на сохранение национальной самобытности. Еще в 20-х гг. Н. Трубецкой отмечал, что общечеловеческая культура – одинаковая для всех народов – невозможна. А в 1992 г., незадолго до смерти, Л. Гумилев объяснил это по-своему. «Поскольку мы на 500 лет моложе (Западной Европы. – С.Л.), то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения. Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать иной опыт можно и должно, но стоит помнить, что это именно чужой опыт» [Л. Гумилев, От Руси к России. – Л., 1992, с.299].

Идеи евразийцев: самобытность срединной, евразийской культуры (основой которой, по Н. Трубецкому, является великорусская культура), господство идеологии (стержнем которой

является православие), «правлящий отбор», при котором правящий слой культуры выражает не групповой, а общенациональный интерес. Для современных «демократов» интересно было бы ознакомиться с концепцией власти, данной князем Н. Трубецким, которого никак не объявить ни сторонником коммунистических идей, ни апологетом тоталитаризма. Он писал: «Мысля новую партию как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию партии совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она – партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она – государственно-идеологический союз,... не совпадающий с государственным аппаратом» [216а], с.394]. Достаточно остро и современно, хотя написано 70 лет назад...

Лев Гумилев пришел к евразийству не случайно. К глубокому осознанию особого (но не изолированного) пути России, пути русских вместе с другими ее народами привела его вся судьба, вся жизнь – сложная, трагическая, но всегда творческая, и в конце – даже счастливая. В последние недели жизни в больнице он сказал мне изумительные слова: «А все-таки я счастлив, я всегда писал что думал, а не то, что велели».

Л. Гумилев первым поднял свой голос в защиту самобытности тюрко-монгольской истории, первым выступил против европоцентристской концепции о татаро-монгольском иге, об извечной вражде с кочевниками. А знакомство его с Востоком произошло еще в юности, в начале 30-х годов, когда он работал в Таджикистане малярийным разведчиком. И на титульном листе его книги «Древние тюрки» стоят такие слова: «Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским народам Советского Союза». Он писал правду о народах этих стран. «Лично мне, – говорил он, – тесные контакты с казахами, татарами, узбеками показали, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренними, доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев. Ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывают» [«Известия», 13 апреля 1988 г.].

«Выход» на кочевниковедение, на монгольскую тематику евразийцев и Л.Н. Гумилева шел параллельно и абсолютно независимо друг от друга. Евразийцы не могли до 50-х гг. даже знать о его существовании, а он не мог читать труды евразийцев, естественно, не доходившие ни до Ленинграда, ни тем более до лагерей.

И тем не менее этот параллельный, почти синхронно шедший научный поиск давал близкие результаты. Вспомним, какой резонанс вызвала (да и сейчас вызывает) концепция Л. Гумилева о татарском иге. Но, базируясь на своих работах 30-х гг., П. Савицкий в 60-х гг. писал: «Русь органически усвоила ту часть монголов, которая в XII – XIV вв. попала на запад от Мугоджар: переход на русскую службу татаро-монгольских мурз и князей с их дружинниками и слугами в XIV и последующих веках. Как известно, великорусское дворянство, сыгравшее огромную роль в создании великого Русского государства, на 30, 40 и даже более процентов состояло из потомков этих мурз, князей и слуг» (из письма П. Савицкого 2–3 апреля 1964 г.).

П подтверждает эту связь, это единомыслие тот символический факт, что в роду Савицких были Ахматовы.

Высказывался по этим поводам и Н. Трубецкой. В научно-популярной брошюре «Наследие Чингисхана» (1925) он показал, что государственность России – Евразии строилась не только русским, но и другими народами, населяющими нашу страну, и что большая роль здесь принадлежит наследию, доставшемуся от империи Чингисхана.

Многие из высказываний Льва Николаевича звучат сейчас сверхактуально. Такое, например: «Науке известно, что... навечно закрепленных за каким-то народом земель и территорий не существует. Каждому этносу отведен определенный исторический срок, в пределах которого территория его проживания может и измениться» [«Союз», 1991, № 18]. Сколько крови не было бы пролито в межнациональных конфликтах, если бы политики

руководствовались этим бесспорным положением...

Любовь к своей стране преодолевала у евразийцев естественное чувство ненависти к тем, кто заставил их влачить эмигрантское существование, всегда обездоленное, даже при высоких научных постах, которых достигала элита эмиграции.

П. Савицкий, прошедший мордовские лагеря после войны, вспоминал: «В 1953–1954 гг. Матвей Александрович (профессор ЛГУ М. Гуковский. – С.Л.) возил на моих глазах на рыжей кобыле глину. А когда я «пророчествовал» о волнообразном движении, он его отрицал. Расспросите при случае его об этом. Но уже в 1955–1956 гг. его положение стало совсем иным...» (из письма к Л. Гумилеву, 11 апреля 1965 г.) [5 - Абсолютно неверна версия о том, что Л. Гумилев и П. Савицкий познакомились в мордовском лагере [Соболев А.В. Полюса евразийства. – «Новый мир», 1992, № 1]. Заочное их знакомство произошло через известного ленинградского историка проф. М. Гуковского, который действительно познакомился в лагере с П. Савицким. Из писем П. Савицкого к Л. Гумилеву выясняется, что он был репрессирован при немцах и спасло его то, что он «фон Завицки». Сидел второй раз он в Чехословакии в 1960 г., но был вызволен Советским посольством. Личное же их знакомство произошло в 1966 г., когда Л. Гумилев приехал на археологический конгресс в Прагу.]

Там же, в лесах Мордовии, П. Савицкий написал такие стихи под названием «Грамматистам русским»:

Служили Руси вы. Но труд ваш благородный
Ковал для мира мировой язык.
Заговорят по-русски в мире все народы,
Все племена и каждый материк.

(1952)

А ведь до этого он вынес еще и немецкую оккупацию Чехословакии (...«перестал ходить в общественные библиотеки уже с появления здесь немцев в 1939 г.»), – сообщит он потом Л. Гумилеву о своей жизни в Праге (письмо от 28 февраля 1963 г.).

Судьба Льва Николаевича была, как известно, никак не легче, и он отлично понимал П. Савицкого. Поэтому письма их друг к другу исключительно откровенны и доброжелательны. И оба они – патриоты своей страны, своего народа... Оба они – государственники, пронесшие через все испытания веру в Россию, в ее будущее [6 - Ведь поразительны, учитывая время и место действия, слова великого евразийца князя Н. Трубецкого. А он писал в 1927 г., вдали от России – большевистской России, которую он имел основания ненавидеть, – что «общность социального идеала и, следовательно, того направления, по которому устремляется государственная воля всех отдельных частей нынешнего СССР, разумеется, является мощным объединительным фактором» [«Евразийская хроника», вып. VII, 1927, Париж].].

Если П. Савицкого печатали, если Г. Вернадский работал в Йельском университете (США) и выпускал книгу за книгой, то ситуация Л. Гумилева была много сложнее. Три тюремных срока, последний из них после того, как он дошел в рядах Советской Армии до Берлина, – это не все. Долгий период «табу» на его книги, годы работы для ящика письменного стола могли ожесточить человека, но он оставался мудрым, он работал и работал сверхинтенсивно. Лев Николаевич редко высказывался по современным вопросам, работала какая-то внутренняя цензура. Но, видимо, слишком болезненным оказался для него распад страны. И последний раздел его книги «От Руси к России» стал своеобразным завещанием великого ученого, заветом нам – как выходить из этой безнадежности. Быть самими собой – лейтмотив этого завещания, и оно идет прямо от евразийцев. «При этом Н.С. Трубецкой отмечал, что признание самопознания целью жизни как человека, так и этноса – мысль не новая. Высказал

ее еще Сократ, но он не придумал ее, а прочел на надписи храма в Дельфах», – напишет в 1990 г. Лев Николаевич в предисловии к сборнику сочинений евразийца Н.С. Трубецкого.

Последние евразийцы на Западе – П. Савицкий и Г. Вернадский – внимательно следили за работами Л. Гумилева, высоко оценивали его концепции. Это видно из десятков писем, которые шли из Праги, а зачастую они дополнялись и отзывами из США (через Прагу), где работал Г. Вернадский.

Вот пара примеров: «Вы делаете великое дело: впервые в истории науки кочевниковедение обосновывается с такой широтой и яркостью, как это дано в Ваших трудах. Ни у кого до Вас не было такого всеобъемлющего кругозора» (письмо П. Савицкого 30 июня 1963 г.).

На больничной койке, незадолго до смерти П. Савицкий пишет:

Великий Лев! Иди дорогой
света
И пусть на многая и творческая
лета
Успех ведет тебя по трудному
пути!

(8 апреля 1967 г.)

Г.В. Вернадский из-за океана следил за каждой статьей Л. Гумилева, передавал свои замечания через П. Савицкого: «Все, что Л.Н. говорит в этих работах, – очень существенно, устанавливая возможность подхода к этим проблемам в плоскости естественной, а не гуманитарной науки» (1966).

В 1970 г. Г.В. Вернадский напрямую обращается к Л. Гумилеву: «Вижу, что Вы все обобщаете, развиваете и углубляете Ваши столь важные изучения понятий „этнос“, „ландшафт“ и т.д. на фоне биосферы. Все это дает большой толчок мысли. Буду думать!» (письмо Г. Вернадского, 9 июля 1970 г.).

И Л. Гумилев ощущал себя преемником и продолжателем работ евразийцев 20–30-х гг., перепроверя и развивая эту концепцию. В предисловии к сборнику работ Н. Трубецкого он писал, что князь «работал на том уровне европейской науки, который ныне, безусловно, устарел. Мы внесем поправки и проверим концепцию кн. Н.С. Трубецкого на прочность, используя материал, неизвестный автору. Если концепция в целом верна, то выводы должны сойтись». И они, к большой радости Льва Николаевича, – сошлись.

Продолжатель и пропагандист (в какое-то время единственный в стране!) должен был по логике нашей жизни получать ответные удары. И он их получал.

На заре «перестройки» тогдашний ортодоксальный марксист Юрий Афанасьев – ныне один из главных «демократов» – нанес такой удар по Л. Гумилеву в журнале «Коммунист». Проработочная тирада звучала так: «В прямом противоречии с марксистско-ленинскими критериями разрабатывались так называемые евразийские теории с их антиисторическим, внеклассовым, биолого-энергетическим подходом к прошлому: периоды подъемов и спадов некоей пассионарности в мировой истории, „симбиоз“ Орды и Руси в XIII – XV вв. и т.п.» [Ю. Афанасьев. «Прошлое и мы». – «Коммунист», 1985, № 14, с. 110].

Но оказывается «громить» евразийство можно не только с марксистских, но и с яро-антимарксистских позиций, в эпоху «плюрализма». Другой бывший марксист (в отличие от Ю. Афанасьева он работал в «Молодом коммунисте»), а ныне – гражданин США Александр Янов уже после смерти Л. Гумилева в крайне злобной статье так характеризует евразийство: «имперско-изоляционистская установка, характерная для выродившегося славянофильства, неминуемо должна была вести и привела к фашизму» [А. Янов. Учение Льва Гумилева. – «Свободная мысль», 1992, № 17, с. 105]. Но и этого мало: «Я утверждаю...

что „учение Гумилева“ может стать идеальным фундаментом российской „коричневой“ идеологии, в которой так отчаянно нуждается Русская новая правая» [там же, с.114].

По серости А. Янов не удосужился ознакомиться с теми оценками евразийства, которые исходят совсем не от русских новых правых. Великий князь Владимир Кириллович в интервью с азербайджанским журналистом говорил о евразийстве так: «Течение это незаслуженно предано забвению, между тем как многое в идеях Вернадского и Трубецкого, Зелинского и Савицкого, Карсавина, Иванова, барона Унгерна удивительно актуально именно сегодня. Я имею в виду прежде всего идеи о том, что исторические судьбы России неотделимы от судеб Азии, Евразийского Севера, Турана и, следовательно, тюркских народов. Российская империя могла бы стать, но не стала евразийской. К сожалению. Славянство и Туран, Русь и Степь – эти великие космосы с их глубинными духовными геополитическими связями, – убежден, еще найдут в себе силы и энергию для нового взаимообогащающего синтеза. И идеи мыслителей-евразийцев еще окажут весьма ценную помощь этому мирному объединительному процессу» [«Панорама Азербайджана». 12–18 сентября 1991 г.]. Да, великий князь, в отличие от А. Янова, был высокоэрудированным человеком, а к тому же – государственным...

Почему же так заволновались нынешние хулители Гумилева? Дело в том, что евразийство после многих десятилетий анабиоза (запреты прошлой эпохи объясняют это) вновь возрождается, и очень стремительно. Об этом говорит и огромная популярность книг Л. Гумилева, который первым вызвал эти идеи из забвения, и поток публикаций старых статей евразийцев в «Нашем современнике», и поиски философов (малотиражный журнал «Ступени»), и выход нескольких номеров евразийского обозрения «Элементы» (1992–1993 гг.) – весьма спорного по многим идеям, но интересного. Наконец, недавно вышел целый сборник «Пути Евразии» (М., 1992), и ключевые работы первых евразийцев стали доступны современному читателю.

Интересно и другое: евразийство вновь вызывает интерес и далеко за пределами России. Американский географ Марк Бассин (специальность – геополитика) выпустил недавно обстоятельную статью «Россия между Европой и Азией: идеологическое построение географического пространства» (1991), и еще более неожиданно – о евразийстве знают и в Африке – автор ряда книг по философии и социологии Дикенбе Мутombo знаком и с концепцией евразийства, и с трудами Л. Гумилева [«Политика», 1993, № 4].

Несколько раньше, в 60–70-х гг. американский ученый русского происхождения А. Рязановский опубликовал целую серию статей об истории и основных слагаемых евразийской концепции [А. Троянов. Изучение евразийства в современной зарубежной литературе. – «Начала», 1992, № 4, с.99–102].

Евразийская тема начала подхватываться и политиками, хотя «Русская новая правая» здесь ни при чем. Но если в одних случаях это делается грамотно, со знанием дела, то в других – крайне конъюнктурно. Почти анекдотично тема евразийства звучит в Манифесте Международного движения демократических реформ, где под бессодержательным текстом стоят подписи политиков, которые вряд ли когда-нибудь читали евразийцев, а уж действовали точно «со знаком наоборот». Также вызывают недоумение интерпретации евразийства на страницах упомянутого журнала «Элементы» (пример тому – более чем странная концепция Ж. Тириара о «Европе от Дублина до Владивостока»).

Итак, возрождение евразийства – мода или веление времени? Если мода, то вроде бы и нечего волноваться Янову и К°. Если веление времени – тогда сложнее.

А они волнуются, и есть отчего. Ведь Л. Гумилев нацело отвергал те «ценности», которые так милы бывшим партийцам. В статье, опубликованной уже после смерти ученого, прямо говорится, что «соединение двух суперэтносов как таковых невозможно, но остается

возможным отрыв отдельных этносов и присоединение их к другому суперэтносу. Вхождение России в „семью цивилизованных народов Европы“ как раз и является одним из проигрываемых сегодня вариантов присоединения страны к новой суперэтнической системе. Но было бы величайшим заблуждением думать, что итогом строительства общеевропейского дома станет обоюдное торжество общечеловеческих ценностей» [См. статью «Горе от иллюзий» в данном сборнике].

Дело в том, что у противников евразийства нет «идеи-силы», нет «идеи-ценности». Не может же стать такой идеей «приобщение к европейской цивилизации» (хотя бы в силу «вторичности» идеи) или «вхождение в рынок»? В лучшем случае – это метод, но где же цель?

Евразийство дает такую «идею-силу», и Ренессанс его может дать опору патриотическим силам – сторонникам сильной государственности – отнюдь не имперской, не русифицирующей. И это хорошо понимают в нерусских государствах и регионах. Идеи Л. Гумилева пользуются высоким авторитетом у ученых Азербайджана, в Татарии, в Казахстане [7 - В Азербайджане в 1991 г. вышла книга Л. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия» (Азгосиздат), а в Татарии – уникальный библиографический указатель «Л.Н. Гумилев» (Казань, 1990).]. Но дело не только в ученых, на евразийство «выходят» политики. Именно из Казахстана исходит идея прочного экономического и военного союза (пусть для начала России, Казахстана и Белоруссии). Экономический императив действует, и его влияние будет все сильнее, но наряду с этим усиливается и чувство принадлежности к суперэтносу Евразии, которое тоже является объективным фактором.

Действуют и внешнеполитические реалии. Как не процитировать тут Н.С. Трубецкого – «Те романо-германские державы, которые окажут России помощь... сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии» [Н. Трубецкой, Русская проблема, 1921, с.298]. Начинает «работать» и религиозный фактор – жесткое сопротивление санкциям против православной Сербии. И созвучны с этим слова Льва Николаевича – «быть самим собой» – его завет нам в это сложное и тяжелое время. А слова последнего интервью еще раз подчеркивают современность евразийства: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

С.Б. Лавров, профессор,
президент Русского Географического общества,
вице-президент Фонда Л.Н. Гумилева

Часть первая
Евразийская теория: новое утверждение

Чем глубже разум проникал
В обетованные пределы,
Тем вдохновенней постигал
Священный дух числа и меры.

Число и мера! Тайный смысл
В них бездны звездной мироздания,
И устремляющая мысль,

И волевое указанье.

Ведь в ритмах стройных и простых
Живет и движется природа.
Растут, мужают, крепнут в них
И государства, и народы.
Периодический закон.

Животворящая идея.
Следим за бегом мерных волн,
Пред тайною благоговя.

П.Н. Савицкий. Число и мера

«Меня называют евразийцем...»
(Отрывок из интервью Андрея Писарева с Л.Н. Гумилевым) [8 - «Наш современник», 1991,
№ 1, с.62.]

А.П.: Лев Николаевич, давайте начнем с «истоков». Сегодня Вы представляете единственную серьезную историческую школу в России. Последней такой школой было евразийство – мощное направление исторической мысли первой половины нашего века, представленное такими именами, как Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, отчасти Л.П. Карсавин и Г.П. Федотов. Насколько евразийцев можно считать предшественниками теории этногенеза Л.Н. Гумилева?

Л.Г.: Вообще меня называют евразийцем – и я не отказываюсь. Вы правы: это была мощная историческая школа. Я внимательно изучал труды этих людей. И не только изучал. Скажем, когда я был в Праге, я встречался и беседовал с Савицким, переписывался с Г. Вернадским. С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен. Но главного в теории этногенеза – понятия пассионарности – они не знали. Понимаете, им очень не хватало естествознания. Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало усвоения идей своего отца, Владимира Ивановича.

Когда мы говорим «история» – мы просто обязаны отметить или упомянуть, какая это история, история чего? Существует простое перечисление событий – это хроника; есть история экономическая, описывающая производство материальных благ; есть история юридическая, достаточно развитая России в XIX веке, изучающая эволюцию общественно-политических институтов; есть история культуры, военного дела и так далее. Я занимаюсь этнической историей, которая является функцией природного процесса – этногенеза – и изучает естественно сложившиеся несоциальные коллективы людей – различные народы, этносы. В чем принципиальное отличие этнической истории от исторических наук, изучающих социальные структуры? Этническая история от всех прочих отличается прежде всего дискретностью, прерывистостью. Происходит это потому, что сам процесс этногенеза (как, впрочем, и всякий другой природный процесс) конечен и связан с определенной формой энергии, открытой нашим великим соотечественником В.И. Вернадским, – энергией живого вещества биосферы. Эффект избытка этой энергии у человека ваш покорный слуга назвал пассионарностью. Любой этнос возникает в результате определенного взрыва пассионарности, затем, постепенно теряя ее, переходит в инерционный

период, инерция кончается, и этнос распадается на свои составные части...

Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава... [9 - Ежемесячный дайджест социального соразмывления «Социум», 1992, № 5. Задавал вопросы и подготовил материал к публикации Игорь Савкин.]

ВОПРОС: Приходилось слышать, что Ваш, Лев Николаевич, интерес к евразийству проявился очень рано. Не могли бы Вы рассказать, как открыли для себя евразийство?

– Когда я был молод, точнее, когда я еще только поступил на первый курс исторического факультета Ленинградского университета, меня уже тогда интересовала история Центральной Азии. Со мной согласился поговорить «заслуженный деятель киргизской науки» Александр Натанович Бернштам, который начал разговор с предостережений, сказав, что самое вредное учение по этому вопросу сформулировано «евразийством», теоретиками белоэмигрантского направления, которые говорят, будто настоящие евразийцы, то есть кочевники, отличались двумя качествами – военной храбростью и безусловной верностью. И на этих принципах, то есть на принципе своего геройства и принципе личной преданности они создавали великие монархии. Я ответил, что мне это, как ни странно, очень нравится и мне кажется, что это сказано очень умно и дельно. В ответ я услышал: «У вас мозги набекрень. Очевидно, вы – такой же, как и они». Сказав так, он пошел писать на меня донос. Вот с этого и началось мое знакомство с евразийством и с научным работником Бернштамом... А в 1938 году, когда я учился на четвертом курсе и был арестован в третий раз (всего же меня арестовывали четырежды), в Крестах, в душной тесноте под нарами (я спал на голом асфальтовом полу), мне пришла в голову замечательная идея...

ВОПРОС: Считаете ли Вы себя преемником евразийской школы в исторической науке? Правильно ли Вас называют иногда «последним евразийцем»?

– Когда меня называют евразийцем, я не отказываюсь от этого имени по нескольким причинам. Во-первых, это была мощная историческая школа, и если меня причисляют к ней, то это делает мне честь. Во-вторых, я внимательно изучал труды этих людей. В-третьих, я действительно согласен с основными историко-методологическими выводами евразийцев. Но есть и существенные расхождения: в теории этногенеза у них отсутствует понятие «пассионарность». Вообще им очень не хватало естествознания. При том, что евразийская доктрина замышлялась как синтез гуманитарной науки и естествознания, синтез истории и географии. Уже при первом знакомстве с теориями евразийцев у меня возникло сомнение: правильный ли они избрали путь – сопоставление вмещающих ландшафтов и истории населяющих их этносов. Основной принцип, найденный Петром Николаевичем Савицким, видным русским географом, верен: границы России – Евразии, отделяющие этот внутренний континент от Западной Европы, проходят по изотерме января. На восток она отрицательна, что имеет следствием сильные и продолжительные морозы, а на запад она положительна – оттепели.

Другой общеметодологический принцип евразийского учения, а именно принцип полицентризма, я усвоил самостоятельно, размышляя над вопросами, которые волновали и евразийских теоретиков. Первой прочитанной мною евразийской книгой было историческое исследование Хара-Давана о Чингисхане (Э. Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи XII – XIV веков. Белград, 1929). Позже я прочел в Публичной библиотеке книгу Толля о скифах (Н.П. Толль. Скифы и гунны. Прага, 1927), но ни Савицкого, ни Георгия Вернадского, ни евразийских сборников в библиотеках в те сталинские времена, конечно, не было. Правда, в экземпляре книги Толля, который мне попался, было приложение – статья Савицкого «О задачах кочевниковедения: Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?..». Поэтому я вынужден был соображать сам и доходить до многого, так сказать, своим умом. Впоследствии, когда

эмигрантская литература стала более доступной, я прочитал работы князя Н.С. Трубецкого и убедился, что задолго до открытия системологии, авторство которой приписали американскому биологу Л. Берталанфи, он использовал ее постулаты в своей практике как лингвист, этнограф и философ. Особенно важны две его работы: «К проблеме русского самопознания» и «Об истинном и ложном национализме», в которых он подвергает критике укоренившийся в нашем сознании «европоцентризм». Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа – центр мира, но и Палестина – центр мира. Иберия и Китай – то же самое, и т.д. Центров много, число их можно подсчитать по сходству ландшафтов.

ВОПРОС: Существует версия, что Вы, познакомились с Савицким в мордовском лагере, где он и проповедовал Вам свое учение. Когда Вы на самом деле познакомились с ним и были ли знакомы еще с кем-либо из видных евразийцев?

– Это миф, я познакомился с Савицким Петром Николаевичем много позже. В 1956 году, вернувшись в Ленинград, я некоторое время работал в Государственном Эрмитаже. Однажды я разговорился с часто захаживавшим в нашу библиотеку профессором Гуковским Матвеем Александровичем. Вот он-то и сидел в Мордовии вместе с Савицким. Когда он сказал мне, что они расстались друзьями и что у него есть адрес Савицкого, я попросил написать ему в следующем письме, что хотел бы вступить с ним в переписку. Десять лет мы переписывались, а когда я приехал в Прагу на археологический конгресс в 1966 году, он встретил меня на вокзале. Мы несколько раз встречались, долго гуляли, он рассказывал о пережитом...

ВОПРОС: Каким Вы видите будущее евразийства, есть ли у него перспективы и что наиболее актуально и ценно в нем сейчас?

– Прежде всего, надо отказаться от таких aberrаций массового сознания, как европоцентризм. Считаю, что самое ценное – это то, что мы наконец-то можем разобраться в истории человечества, рассматривая последнее не как единое целое с единственным центром в Европе, а как мозаичную целостность, вид, разбитый на разные ландшафты.

В этой связи многократно усиливается роль географии. Благодаря евразийству и той солидной исторической подготовке, которой обладали евразийские теоретики, ныне можно объединить такие науки, как история, география и природоведение. И в этом я вижу главное научное достижение, а равно и главную научную перспективу евразийства. Что же касается политики, то я в этом деле специалист никакой и ничего в этом не понимаю, но я знаю одну простую вещь, что если вы оскорбляете людей обидчивых, то они на вас рано или поздно очень обидятся и вам этого не простят...

ВОПРОС: Аполлон Кузьмин на страницах «Молодой гвардии» обвинил Вас в русофобии. Что бы Вы могли ему ответить?

– Считаю, что полемика с А. Кузьминым по вопросам пассионарной теории этногенеза бессмысленна: спорить на научные темы на уровне низкопробных острот и нечистоплотных намеков – занятие недостойное. Ограничусь некоторыми историческими не то ошибками, не то передержками А. Кузьмина, касающимися русской истории. Перечислять их все невозможно и не нужно.

В целом как способ полемики А. Кузьмин избрал надежный прием: излагая взгляд оппонента, он его искажает, а потом опровергает собственное искажение...

Почему-то А. Кузьмин приписывает мне абсурдное утверждение, что пассионарный толчок XIII в. н.э. «спустился» только на двух людей – Александра Невского и Миндовга. Это еще одна демонстрация «полемического метода» А. Кузьмина, черпающего представления о взглядах оппонента из собственной фантазии.

Перейдем к примерам из русской истории. Аргументация А. Кузьмина слишком неряшлива. Он ссылается на антимонольские летописи, воспринимая их некритично. Утверждая, что

археологические материалы подтверждают «страшную картину разорения», он не может объяснить, почему церкви во Владимире, Киеве и многих других городах не были разрушены и сохранились до нашего времени. Более того, если считать, согласно Кузьмину, что «население России составляло свыше 11 миллионов человек», то как могли монголы, которых было всего 700 тысяч, завоевать и покорить такой большой, храбрый и культурный народ? Такое предположение обидно не только для наших предков, но и для нас...

Особенно досадно, что Кузьмин спутал два разных похода Тимура на Золотую Орду: 1) 1391 г., когда он одержал победу при Кондурче, впадающей в Волгу, а не в Каму (как пишет А. Кузьмин); 2) 1395 г., когда Тимур вошел в Рязанские пределы и разорил Елец, но принужден был отступить из-за восстания черкесов, дагестанцев и татар на Кубани и Тереке.

Волжские татары оказались барьером для наступления «Востока» на Россию, а в 1406 г. одно появление Шади-бека на помощь Москве заставило Витовта отступить, не принимая боя.

Точно так же Василий I в 1391 г. пришел на помощь Тохтамышу, он вовремя оттянул свои войска, а второй раз в 1395 г. мобилизовал армию против Тимура, но тот успел отступить, не входя в соприкосновение с русскими.

Разбирать дальнейшие ошибки А. Кузьмина неинтересно. Ограничимся тезисом. Согласно нашей реконструкции, Россия испытывала угрозу с Востока и с Запада, и от Тимура и от Витовта. В обоих случаях Золотая Орда защитила Россию от вторжения и продолжала находиться в союзе с Москвой до своего распада в начале XV века. Разгром Москвы в 1382 г. – всего лишь набег внутри политической системы, инициаторами были суздальские князья. Это событие такого же порядка и значения, как и любая из междоусобных войн на Руси XII – XV вв.

Вряд ли кто-нибудь из читателей согласится с А. Кузьминым, что «доносы – реакция на деспотический режим и связанное с ним беззаконие». Так же думали Сталин, Берия, Ежов и др. Я с А. Кузьминым не согласен, особенно по части лживых доносов. Удивительно, что А. Кузьмин обвиняет меня, русского историка и этнографа, в русофобии. Ведь сам он вслед за К. Марксом считает, что душа русского народа «подавлена, растлена и иссушена» монгольским игом, а это и есть самая настоящая и неприкрытая русофобия. Более того – эта русофобская легенда очевидно опровергается историческими фактами. После XIV века русский народ создал великое государство, 600 лет шедшее от победы к победе. Этого с «растленной и иссушенной» душой сделать было нельзя.

Кузьмин удивительно безграмотен. Он утверждает, что среди евразийцев не было ни одного серьезного историка. Мне было просто стыдно это опровергать. Противоположность Запада и Востока вовсе не главное: главное – принцип полицентризма. Утверждение о якобы имевшем место влиянии Грушевского на евразийцев совершенно неверно и никакой реальной основы под собой не имеет. Что касается «наднациональных» влияний («вроде исихазма»), то я удивляюсь, как это меня не обвинили еще в космополитизме: был бы полный набор (вместе с русофобией)... По поводу энергетических импульсов, приходящих из космоса, я выскажусь в другом месте.. На этот вопрос отвечает специальная статья, подготовленная с участием астрофизика. И два слова о «поработителях» – без ярлыков Кузьмин не может. Я думаю, что не следует прибегать к неуместному морализаторству там, где должен быть строгий объективный анализ. Если Кузьмин имел в виду пресловутое «монголо-татарское иго», то я еще раз повторю: они не были поработителями по вышеперечисленным причинам. А по поводу ненависти евразийцев к русским – посудите сами, ведь русские и есть евразийский народ – так как же они могут сами себя ненавидеть?! Известное дело: поскреби русского и найдешь татарина, и наоборот. Откуда взялась эта самая русофобия, то есть настоящая русофобия, я описал в работе «Черная легенда», напечатанной в журнале «Хазар». Она взялась с 1260 года, когда монгольское войско во главе с Кит-Буга нойоном и Хуламуриханом,

взяв Багдад, повернуло на Иерусалим, чтобы освободить Гроб Господень. Мусульмане сопротивлялись этому. Внезапно умер верховный хан Менге. Хан Хубилай узурпировал его престол, и разразилась гражданская война. Многие войска были возвращены из похода, а оставшиеся потерпели поражение в том самом, 1260 году.

Когда в Европе узнали, что предводитель разбитого войска Кит-Буга нойон христианин, как и большая часть его воинов, то поднялся страшный шум: как могли крестоносцы-тамплиеры помогать мусульманам разбить христианское войско? Тамплиеры в ответ стали ругать монголов, что, мол, монголы хуже самого черта и что христиане они сомнительные, то есть восточные христиане, а от православных самого Бога тошнит и потому надо их бить. Однако не все поверили их словам. И Филипп Красивый, король Франции, истребил всех тамплиеров в 1314 году. Но тамплиеры остались в других странах – в Германии, Англии, Кастилии, Арагоне, – и всюду они продолжали говорить, что монголы – это порождение сатаны, что с ними надо бороться и уничтожить их. Таким вот образом сложилась в Европе «черная легенда» о том, что религиозный долг всех христиан, т.е. католиков, бить монголов и их союзников.

Союзниками монголов были русские князья. Начиная с Ивана Калиты Москва была верным союзником Золотой Орды. Русофобия выводится из монголофобии как сопутствующее явление...

ВОПРОС: Были ли Вы знакомы с Вернадскими, отцом и сыном?

– С Владимиром Ивановичем Вернадским я не был знаком, я как-то все больше по тюрьмам сидел в то время... С Георгием Владимировичем Вернадским я также не был лично знаком, но мы с ним переписывались.

ВОПРОС: А каково было место в евразийстве монархической идеи, на Ваш взгляд?

– Возьмите работы князя Трубецкого и посмотрите: довольно слабое место они отводили в общественном устройстве России монархическому принципу. Петра Первого Трубецкой ругает всеми словами, а монархическая идея – он считал – может быть, а может и не быть, он не хотел предрешать выбор народа. Самое главное – «не попасть к немцам на галеру», к европейцам то есть. Я с ним полностью согласен, это самое главное. Я не хочу быть у немцев на галерах. Это уже было у нас не однажды.

Евразийский тезис: надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних. Так вот, турки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами.

ВОПРОС: По поводу союзников – Вы не могли бы сейчас указать, кто они, нынешние союзники России?

– Ей-Богу, не могу, не сейчас. Я очень долго болел, у меня был инсульт, и я не знаю, что делается в мире. Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство.

//-- * * * --//

От редакции «Социума»: Мы готовили этот материал в печать, когда пришла скорбная весть о смерти Льва Николаевича Гумилева...

Тяжело и горько об этом говорить. Не стало еще одного из тех, кто составляет золотой фонд нации. Лев Гумилев был Рыцарем Науки и Поэзии и служил им всю жизнь преданно и бескорыстно.

Со страниц этого интервью встает деятельный, полный жизни человек: он полемизирует с противниками, увлеченно рассуждает о будущем... Запомните его таким!

Заметки последнего евразийца [10 - Печатается по рукописи. Сразу возникает вопрос: почему Л.Н. Гумилев назвал себя «последним» евразийцем? Конечно, не потому, что он

считал евразийскую теорию законченной и не нуждающейся в продолжателях! Наоборот, он страстно мечтал о ее дальнейшем развитии, о появлении новых ее последователей. Но при этом Гумилев был действительно «последним евразийцем» – членом особого Духовного братства, если угодно, партии, сложившейся в русской эмигрантской среде. Из писем П.Н. Савицкого к Л.Н. Гумилеву, отрывки из которых включены в настоящую книгу, читатель увидит, что Л.Н. Гумилев был единственным советским ученым, которого отцы-основатели евразийской идеологии признали за «своего». С кончиной Л.Н. Гумилева плеяда евразийцев-«партийцев» прервалась. А жизнь теории продолжается, перспективы ее грандиозны. – Примеч. науч. ред.]

(Предисловие к сочинениям кн. Н.С. Трубецкого)

Когда эвакуированные в Галлиполи в 1920 г. войска П.Н. Врангеля начали анализировать причины своего поражения, среди наиболее творческой и интеллектуальной части Белой армии возникла проблема осмысления последствий и причин Великой революции 1917 г.; одни из эмигрантских мыслителей полагали, что они оказались свидетелями случайного переворота, эксцесса, который вот-вот пройдет как страшный сон; другие считали, что гибель монархии была неизбежна, но на смену прогнившему строю должна прийти парламентская республика с капиталистическим экономическим строем, копирующая западноевропейские демократии. Третьи, которых было очень мало, пытались разобраться в глубоких исторических причинах судьбы России. Эти пришли к парадоксальным выводам в экономическом, политическом и идеологическом аспектах и категорически разошлись с монархистами-реакционерами и либеральными конституционалистами. Те и другие сочли третье направление близким к большевизму, за исключением вопроса о религии. Новое направление получило название «евразийство». Видными представителями его были П.Н. Савицкий, географ, Г.В. Вернадский, историк и кн. Н.С. Трубецкой, лингвист, этнограф и философ, статьи которого, объединенные в публикуемом томе, удостоены внимания советской научной общественности вследствие их оригинальности и серьезности, хотя, разумеется, читатель может относиться к новым точкам зрения сколь угодно критически.

Этнология и теория евразийства

Евразия, евразийство и евразийцы – слова, или термины, перечисленные в заглавии, имеют совершенно разное значение, а тем самым и смысл. Евразия – термин географический, с него и начнем.

Отец истории, стало быть и исторической географии, Геродот разделил известную в его время сушу на части: западнее Эгейского моря – Европа, восточнее – Азия, а южнее Средиземного моря – Африка. Для его времени такого деления было достаточно, но через две тысячи лет, в эпоху великих открытий, выяснилось, что Европа – просто западный полуостров огромного континента, как Индия – южный, Китай – восточный, Япония, Филиппины и Зондские острова – прибрежные архипелаги, а Средиземное море – залив, образовавшийся в недавнюю геологическую эпоху из-за грандиозного землетрясения.

До тех пор, пока география была служебной сферой практической деятельности, такого деления было достаточно, но с появлением научной географии, включившей в себя биосферу, и даже антропосферу, стало ясно, что деление Геродота неконструктивно, а принцип его – контуры литосферы – взят произвольно и неудачно.

В самом деле: ландшафты Сирии и Ливии похожи друг на друга, тогда как Северная Африка и леса Судана разделены подлинной биосферной границей – Сахарой. Чтобы сохранить номенклатуру Геродота, приходится писать: «Африка севернее Сахары» и «Африка южнее Сахары». А не проще ли удобный термин: «Афразия»?

Еще нагляднее необходимость деления континента на крупные регионы: Индия, ограниченная Гималаями, джунглями Бирмы и пустыней Белуджистана, «Срединная равнина», которую мы называем «Китай», – субтропическая область, орошаемая муссонами, и Великая степь от Хингана до Карпат, ограниченная с юга пустынями и горными хребтами, а с севера широкой полосой леса – «таежным морем», за которым расположилась особая циркумполярная область тундры, со специфическими экологическими условиями.

Западный полуостров континента от внутренней его части отделяет атмосферная граница – положительная изотерма января. Гольфстрим смягчает климат Европы и делает его непохожим на резкоконтинентальные условия Евразии – страны, лежащей между Желтым и Балтийским морями. Эта физико-географическая разница была столь очевидна еще в древности, что китайцы III в. до н.э. соорудили Великую стену между двумя природными регионами; то же самое сделали персы около Дербента и в Средней Азии. Китайцы называли северных кочевников – хунну, персы – саками. Романо-германские народы, составлявшие собственную мозаичную целостность, постоянно осуществляя натиск на Восток, пределом этого натиска искусственно избрали Уральский хребет. Когда же стало ясно, что завоевание «Восточной Европы» неосуществимо, завоеватели перенесли агрессию за океаны: в Америку, Австралию и южную Африку, но эта тема лежит вне наших интересов.

Из изложенного ясно, что широко распространенные понятия «Запад» и «Восток» бессмысленны, точнее, неверны. Под «Западом» обычно понимается романо-германская суперэтническая общность, а под «Востоком» вся остальная ойкумена, включающая в себя пять суперэтнических регионов: Островной, Дальний Восток, Китай, Индию, Афразию и Евразию [11 - Евразия – в трудах европейских географов до XVIII в. называлась Татарией.] . Кроме того, существовали и поныне существуют понятия «Черная Африка» южнее Сахары, Черная Австралия, Меланезия, индейские регионы в Америке и Циркумполярный регион. И это только в первом приближении!

Может показаться, что эта преамбула не нужна для понимания мыслей изучаемого автора. Нет! Любому читателю следует научиться понимать чужие научные идеи и проверять их логику, а также соответствие идей фактам. Ради последнего необходимо уточнить понятие «этнос».

Издавна, со времен Верхнего палеолита, люди, как вид *Homo sapiens*, населили всю сушу Земли, за исключением арктического и антарктического ледниковых массивов. Этому факту способствовала исключительная пластичность вида *Homo sapiens*, способного адаптироваться в разных ландшафтах и климатических условиях. Но эта пластичность и приспособляемость повлияли на возникновение разнообразия людей, всегда живших коллективами, непохожими друг на друга. Эти коллективы называются «этносомами», и каждый из них имеет оригинальную внутреннюю структуру и собственный стереотип поведения. Этнические различия не мыслятся, а ощущаются по принципу: «это мы, а все прочие – иные». Так было и так есть, пока человек остается человеком.

Этносы, возникшие в одном регионе, в одну эпоху, а тем самым от одного импульса [137], в советской науке – этнологии – называются суперэтническими целостностями. Они часто образуют мозаику типов, культур, политических образований. Каждый этнос, в свою очередь, включает в себя субэтносы – мелкие группы, отличающиеся друг от друга иногда языком, иногда религией, иногда родом занятий, но всегда стереотипом поведения. Этносы – члены одного суперэтноса не всегда похожи один на другой, но всегда ближе друг к другу, чем к этносам других суперэтносов, как по ментальности, так и по поведению. Таковы этносы – нации романо-германского мира: немцы, французы, англичане, итальянцы, поляки, чехи, шведы и испанцы. Они целостность по отношению к представителям «мусульманского мира»: арабам, персам, тюркам, берберам и туарегам – или этносам Евразии: русским, татарам и якутам.

Изложенное здесь – простое применение системного подхода [25], хорошо известного и давно принятого в советской науке, кроме истории, так как для последней нужен особый параметр – координата времени. Так, в I в. римляне и эллины были целостностью – «античным миром», а кельты и тевтоны в него не входили. Так и православная Византия не составила единого суперэтнуса с Евразией, несмотря на то что ветви восточного христианства распространились в Евразии до Китая.

Но каждая системная целостность имеет темпоральную протяженность, иными словами, начало и конец. Для этнических процессов время существования удалось подсчитать: 1200–1500 лет. Византия и славянство возникли одновременно: первая – как христианская община, возникновение второго – эпизод Великого переселения народов. Начала ознаменовались взрывом пассионарности как диссипацией энергии живого вещества биосферы. Ничего оригинального в этих процессах не было: все остальные этногенезы протекали так же и в те же сроки.

Кн. Н.С. Трубецкой дал подробные дефиниции задолго до открытия системологии, авторство которой приписано американскому биологу Л. фон Бергаланфи. Предшественник американского ученого, советский врач А. Богданов, окрестивший свои взгляды «Тектологией», хотя и успел опубликовать свою работу, не был замечен. Та же участь постигла книгу кн. Н.С. Трубецкого: «К проблеме русского самопознания» (София, 1927). Он не употребляет привычного термина «этнос», заменяя его русским словом «лик», а понятие «суперэтнос» – «многонародной личностью» в совокупности с ее физическим окружением. Так для нашей страны это Россия – Евразия, ныне СССР, вместе с МНР, охватившая весь физико-географический регион континента, в котором народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психическим сходством и часто возникающей взаимной симпатией (комплиментарностью).

Тому примером служат отношения русских и бурят в Забайкалье и контакты русских и татар на юго-восточной границе Московского царства.

В статье «Об истинном и ложном национализме» князь Н.С. Трубецкой отмечает, что «человек с ярко выраженной, эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной... Поэтому всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его племя, его раса кажутся ему – лучше остальных! Романо-германцы, будучи насквозь пропитаны этой психологией, всю свою оценку культур земного шара строят именно на ней. Поэтому для них возможны два вида отношения к культуре: либо признание, что высшей и совершеннейшей культурой в мире является та... к которой принадлежит „оценивающий“ субъект, либо признание, что венцом совершенства является не только эта частная разновидность, но и вся сумма... родственных культур, созданных всеми романо-германскими народами. Первый вид называется в Европе узким шовинизмом, а второй – общий романо-германский шовинизм – наивно именуется „космополитизмом“».

Надо особо отметить, что претензии на всемирность собственной культуры характерны далеко не для всех «межнациональных ликов», т.е. суперэтносов. Так, индусы с их системой каст, образовавшейся в VIII в., стремятся к изоляции собственного этнического коллектива. Напротив, мусульмане охотно принимают в свою среду тюрок, малайцев, негров-банту, не требуя подражательности в культуре. Евразийские народы (хунны, тюрки, сельджуки, монголы) переселяются в ландшафты, сходные с родными им, и ищут компромисса с народами, даже ими покоренными (см. ниже раздел «Соседи Евразии»). Подобно романо-германцам вели себя предки современных китайцев, народ государства Срединной равнины. Их политика в отношении соседей сводилась к «окитаиванию» последних или к прямому уничтожению.

Как шовинизм, так и космополитизм европоцентризма с позиций Науки вредны для всех

неромано-германских этносов, как переливание крови несовместимых групп. Причем одинаково вредны как теория, так и практика европеизации. Ведь этнос – это процесс адаптации к определенному ландшафту, и навыки чужого этноса, называемые цивилизацией, отнимают у аборигенов силы, необходимые для собственного хозяйства; либо, что еще хуже, прививают детям аборигенов навыки, часто убийственные во внеевропейских условиях (алкоголизм, наркомания).

Итак, европоцентризм – явление бедственное, а иногда даже губительное. Его не компенсирует и трансплантация европейской школьной науки. Школьное образование, несовершенное само по себе достижение романо-германской культуры, при механической пересадке его в иную среду приносит более вреда, чем пользы. Годы, затраченные на освоение школьной программы, часто лишают детей необходимых для повседневной жизни навыков и дают информацию, в жизни неприменимую и потому неизбежно забываемую.

Таким образом, и космополитизм, как любая другая форма навязывания своих навыков иным суперэтносам является разновидностью шовинизма и, будучи таковым, не может рассматриваться как благо.

Какую ситуацию в межэтнических отношениях Н.С. Трубецкой считает оптимальной? Начнем с понятия «национализма», который в его «истинном» виде Н.С. Трубецкой считает безусловно положительным.

Истинный национализм состоит не в заимствованиях у чужих этносов и не в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании. Это долг, хорошо сформулированный двумя афоризмами: «познай самого себя» и «будь самим собой».

При этом кн. Н.С. Трубецкой отмечает, что признание самопознания целью жизни как человека, так и этноса – мысль не новая. Высказал ее еще Сократ, но он не придумал ее, а «прочел на надписи храма в Дельфах». Принцип самопознания «одинаково приемлем для всех людей без различия национальностей и исторических эпох». Прочность и жизнеспособность этого принципа Н.С. Трубецкой видит в диалектическом единстве задач самопознания, решаемых на личном уровне и уровне этноса. Развивая свою идею, кн. Н.С. Трубецкой приходит к выводу, что «самопознание логически связано с понятием личности», а народ (этнос) он рассматривает как «коллективную личность». В наше время это формулируется несколько иначе: этнос есть личность на популяционном уровне, выраженная как самобытная культура. Но перефразировка не изменяет смысла.

Необходимо дополнить рассуждения Н.С. Трубецкого данными современной советской науки и сделать вывод, не сделанный самим ученым: общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна, поскольку все этносы имеют разный вмещающий ландшафт и различное прошлое, формирующее настоящее как во времени, так и в пространстве. Культура каждого этноса своеобразна и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид *Homo sapiens* выжил на планете Земля.

Итак, этническая пестрота – это оптимальная форма существования человечества, хотя политическое объединение различных этносов обладает определенной устойчивостью во времени.

По Н.С. Трубецкому существует вариант «ложного» национализма – это отождествление национальной самобытности с древними культурными формами, созданными в прошлом и переставшими осуществлять живую связь культуры с психикой ее носителей.

В исторической науке «ложный» национализм неизбежно игнорирует смену этносов и характер их взаимосвязей. Так, в XX в. неоднократно делались попытки усмотреть в скифах-земледельцах предков славян, русичей и великороссов. При таком подходе упраздняется живая связь культуры с психикой этносов, так как игнорируется основа этноса – самобытность. Этот вариант ложного национализма не менее вреден, чем вышеописанные, так как в нем вымысел подменяет реальную смену событий, что видно из приложенной

таблицы.

//-- Схема этнографии Юго-Восточной Европы за исторический период 2000 лет --//

Что бывает, когда автор более прав, чем его утверждение

(«Наследие Чингисхана»: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока)

То, что патристически настроенного автора интересует история Отечества – закономерно, равно как и то, что его отношение к традиционной историографии может быть не только критичным, но и скептическим. Каждый исследователь имеет право на оригинальные суждения, а читателя интересует лишь, насколько новая концепция убедительнее прежней. В Науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они ни были.

Даже более того, многие концепции безнадежно устаревают. Так, взгляды летописца Нестора, придворного историографа великого князя Святополка II Изяславича, вождя древнерусских западников, вряд ли имеют право на безусловное доверие. Многие натяжки и подтасовки в «Повести временных лет» обнаружили академики А.А. Шахматов и Д.С. Лихачев. Так не будем удивляться выводу, предложенному нам Н.С. Трубецким: Киевская Русь XII в. не предок современной России. Действительно, Киевская Русь распалась на 8 суверенных государств еще в XII в., за сто лет до появления монголов и за 300 лет до создания русского национального государства.

Для начала необходимо вспомнить историю создания в Евразии монгольского государства.

В XI – XII вв. монголы не составляли единой нации. Одни служили империи Кинь, охраняя Великую стену. За службу они получали муку, посуду и шелковые ткани. Они назывались «белые татары», т.е. цивилизованные, за что их презирали «черные татары», кочевавшие в северных степях, подчинявшиеся не чужой власти, а своим, «природным» ханам. А еще севернее, на границе степи и тайги, жили «дикие татары», которые презирали «черных татар» за то, что они привязаны к своим стадам, подчинены старейшинам и ханам и, хуже того, обычаям родового строя, связывавшего любую инициативу. Те юноши, которые не выносили тягот родового строя, уходили в горные леса, добывали пищу охотой и грабежом и погибали от рук своих родственников. Этих обреченных удальцов называли «люди длинной воли», идеалом их поведения были верность дружбе и военная доблесть. Из этой среды вышел Тэмуджин, в 1206 г. победивший соседей-обывателей и избранный Чингисханом. Тогда же был издан новый закон: Яса. В нем главное место занимали статьи о взаимопомощи в походе и запрещении обмана доверившегося. Нарушившего их казнили, а верного своему хану, врага монголов, щадили и принимали в свое войско. «Добром» считалась верность и храбрость, а «злом» – трусость и предательство. Многим монголам этот новый закон был чужд. Они отстаивали древнее право на свободу преступлений!

В 1201 г. ханство Чингиса не охватывало всей Монголии. Часть монголов, керaitы, меркиты, татары, ойраты и найманы, были врагами Чингисхана. Победа над ними, а следовательно и объединение Монголии, было достигнуто в 1206 г., когда Чингиса выбрали общемонгольским ханом. Тогда численность монголов достигала лишь 600–700 тысяч человек. Большая часть евразийской степи: Семиречье, Уйгурия, Приуралье – были самостоятельны, а могучие государства – чжурчжэньская Золотая (Кинь) империя (60 млн. жителей) и Хорезмийский султанат (20 млн. населения, включая весь Иран и Азербайджан) – были врагами кочевой державы Чингиса, как и Тангут, Камская Булгария и нынешняя Башкирия. Стремиться к завоеванию таких могучих стран, казалось бы, было бессмысленно. Однако завоевание все-таки произошло, и целесообразнее искать причины такого странного

явления, чем сваливать вину за гибель людей и разрушения, всегда сопутствующие войнам, на дурной характер монгольского хана. Поиски могут идти по двум направлениям: 1) почему монголы стремились к победам? и 2) почему их соседи позволяли себя завоевывать?

Инициатива войн исходила, как ни странно, не от маленькой кочевой державы Чингисхана, а со стороны его могущественных соседей.

Чжурчжэньская империя Кинь «через каждые три года отправляла войска на север (от Китая) для истребления и грабежа. Это называлось „уменьшением рабов и истреблением людей“. Поныне в Китае еще жива память о том, что тогда редкая семья в Шаньдуне и Хэбэе не имела в услужении татарских девочек и мальчиков. Но и взрослым было не легче. Китайская хроника XIII в. с удовлетворением отмечала, что «те, которые в настоящее время (XIII в. – Л.Г.) у татар вельможами, тогда, по большей части, были уведены в плен. Татары убежали в Шамо (пустыню), и мщение проникло в их мозг и кровь» [107, с.188–189]. Учтя это, можно ли считать агрессией контрудар Чингиса в 1210 г. по чжурчжэньской империи, тем более что монголы ограничились взятием Пекина в 1215 г. Война не кончилась. Войска чжурчжэней в Китае, пополнившись за счет аборигенов, сражались с монголами до 1235 г. по собственной инициативе, но были разбиты и истреблены.

На западной окраине объединенного кочевого мира находился Хорезмийский султанат – население которого было наиболее несчастным. Власть в Хорезме принадлежала не культурным потомкам согдийцев, а тюркам-кангалам, т.е. восточным печенегам, и их союзникам карлукам и халаджам (в западном Афганистане). Тюркские гулямы (наемные воины) вели себя в Иране так грубо и жестоко, что с 1200 по 1212 г. во всех крупных городах – Нишапуре, Герате, Бухаре, Самарканде – вспыхивали восстания, после которых города отдавались карателям на трехдневное разграбление. Но Мухаммеду-хорезмшаху этих побед было мало: он хотел стать «гази» – борцом с неверными. В 1219 г. он пошел на конфликт с Чингисханом, убил его послов, чего монголы не прощали, был разбит и погиб на острове прокаженных на Каспийском море. Чингисхан ограничился тем, что установил границу по Амударье, но сын Мухаммеда Джеляль-ад-Дин не согласился на территориальные уступки, захватил Азербайджан и возобновил войну с монголами. В 1231 г. он был разбит, бежал и был убит курдом, мстившим за смерть брата.

Как в Китае, так и в Иране монголы отражали нападения отнюдь не местного населения, а отдельных отрядов бывших завоевателей и поработителей: чжурчжэней и тюрок, отступивших после поражения, не сложивших оружия. Вывод: монголы не пытались покорить оседлое население, а стремились установить надежные границы, обеспечивающие безопасность их собственной страны от нападений сильных и безжалостных врагов.

То же самое произошло в Причерноморье. Половцы приняли под свою защиту меркитов, врагов монголов. Степная дорога от Онона до Днестра равна дороге от Днестра до Онона. Оставить открытой границу с мобильным противником – безумие; потому монголы воевали с половцами, пока не загнали их за Карпаты, ради этого совершили глубокий кавалерийский рейд через Русь. Но русские земли с оседлым населением они к своему улусу не присоединяли и гарнизонов в городах не оставляли. Решив поставленную верховным ханом Угэдэем задачу, монголы Батые и Мункэ ушли на Нижнюю Волгу, где чувствовали себя в безопасности.

И наоборот, папа объявил крестовый поход, а Багдадский халиф – джихад против монголов. В число намеченных крестоносцами жертв попали и православные русские, но князь Александр Невский заключил союз с монголами и тем остановил крестоносный натиск. Договор Александра с ханами Бату и Берке был по сути дела военно-политическим союзом, а «даны» – взносом в общую казну на содержание армии.

Мы вкратце обозрели головокружительный процесс создания империи монголов. Ее возникновение заняло всего 60 лет. Какие же принципы, по мнению Н.С. Трубецкого, были

положены в основание государства его создателем Чингисханом?

Трубецкой считает, что основными принципами «традиции Чингисхана» были:

– деление людей на подлых, эгоистичных, трусливых и, наоборот, на тех, «которые ставят свою честь и достоинство выше безопасности и материального благополучия». По существу, это деление знали сами монголы, называвшие первых «черная кость», а вторых «белая кость» или люди «длинной воли» [153, с.207];

– глубокая религиозность каждого – от великого хана до последнего дружинника. «Чингисхан считал, что эта религиозность является непременным условием той психической установки, которую он ценил в своих подчиненных»;

– повышенное уважение к кочевникам, морально превосходящим покоренные оседлые народы;

– отсутствие догматизма и веротерпимость, касающаяся христиан, мусульман, даосов, буддистов, сторонников религии бон, к которой принадлежал сам Чингис и его род.

«Официальной государственной религии в его царстве не было, среди его воинов, полководцев и администраторов были как шаманисты, так и буддисты, мусульмане и христиане (несториане)».

Кратким экскурсом о вере бон необходимо дополнить и отчасти поправить приведенную цитату Н.С. Трубецкого.

Бон – древнее поклонение космосу. Космос персонифицировался в личное бонство – бог «Белый Свет» (ср. у греков – Уран, в Индии – Варуна). Согласно космологии бона, мир устроен из трех сфер: белой небесной области богов, красной земной области людей и синей нижней области водяных духов. Все три сферы прорастает мировое дерево (под которым понимается возможность мистического сношения с верховной и нижней сферами).

Бон распространился из Средней Азии как на Запад, так и на Восток. В Персии и даже на западе, в Римской империи, бон принял форму и название митраизма. В Риме III в. культ Митры особо распространился в солдатской среде, причем охватил даже императоров. В Монголии то же имя звучало как «Мизир». Бон или митраизм там исповедовали отдельные роды кочевников, среди которых был род Бордэнжинов, из которого произошел Чингисхан. Этика теистической системы бон практически не отличалась от этики буддизма: рекомендуется делать добро, устраняться зла, проповедовать истину. Разным было отношение к смерти. В отличие от норм буддизма бон разрешал и одобрял охоту и войну. Распространенной и довольно грубой ошибкой является отождествление религии бон с шаманизмом, являющимся по существу медицинской практикой.

Согласно совокупности этих принципов, «власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей».

Насколько справедливо мнение Н.С. Трубецкого, мы попытались разобраться, интерпретируя известные события XIII в.

Особое значение имеет тезис Н.С. Трубецкого о положении Руси в составе государства монголов. По словам ученого, «...нелепо писать историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то время провинцией большого государства». Итак, Россия – провинция монгольской империи. Она «втянута» в финансовую и, разумеется, военную системы монголов.

Нам придется внести необходимые поправки. С точки зрения современной советской науки название Руси «провинцией» империи вряд ли точно. Сам факт государственного единения несомненен, но объединение Руси с Улусом Джучиевым (Золотой Ордой) в 1247 г. произошло спустя девять лет после похода Батыею осенью 1237 г. Дань же русские князья

начали платить лишь в 1258 г. Иными словами, Александр Ярославич Невский признал суверенитет хана Орды, и случилось это в том самом году, когда папа объявил крестовый поход против схизматиков (православных) и татар (монголов). Очевидная взаимосвязь этих событий дает право на понимание ситуации «Русь – Орда» как военно-политического союза. Это политическая ситуация, напоминающая решение Переяславской Рады в 1654 г. о вхождении Украины в состав Русского царства, при сохранении на Украине своих законов и порядка управления.

Князь Н.С. Трубецкой был, безусловно, прав, придавая большое значение роли православной церкви, поддержанной «сильным подъемом религиозной жизни». К сожалению, в дальнейших рассуждениях о необходимости «оправославливания» монгольской государственности автор упускает из виду существование очень большого числа монголов-христиан (несториан) [107, с.47–50].

В 1312 г. при победе в Орде ислама и начале религиозных гонений множество монголов-христиан эмигрировало на Русь, поступая на службу в русских княжествах.

Таким образом, «наследие Чингисхана» действительно попало на Русь, но не в 1238 г. под грозными бунчуками монгольских нойонов, а с натальными крестами женихов для ростовских, рязанских и московских красавиц. Немногочисленные монголы на Волге – всего 4000 воинов, и, следовательно, не более 20 тыс. человек, за полвека растаяли среди половцев и русских. Они стали друзьями богатырей и витязей, прихожанами церквей и посетителями мечетей. И тут возникает вопрос: о каком иге можно говорить, да и знали ли сами древние русичи слово «ига»? Впервые оно употреблено в грамоте запорожских казаков Петру I, содержащей жалобу на произвол одного из воевод, но как применить его к великому княжеству Владимирскому, добровольно примкнувшему к Золотой Орде в 1263 г. по воле святого князя Александра Невского.

Перейдем к наиболее важному вопросу о татарском иге. Н.С. Трубецкой придерживается традиционной точки зрения о существовании татарского ига на Руси, что не вполне увязывается с представлениями автора о евразийском единстве. Сомнения в действительном существовании «ига» вызывает и следующий факт. В 1312 г. хан Узбек насильственно ввел ислам как государственную религию Орды. Принятие ислама было обязательно под страхом смерти для всех подданных хана... но не распространялось на русские княжества! Более того, противники ислама находили на Руси надежное убежище. Это показывает, что зависимость Руси от Золотой Орды ограничивалась политической сферой, но не распространялась в области идеологии и быта (торговля, ремесла, празднества, образ жизни).

Итак, тезис кн. Н.С. Трубецкого, что «московские князья... превратились как бы в бессменных и наследственных губернаторов русской провинции татарского царства и в этом отношении сравнялись с другими ханами-правителями отдельных провинций...», неверен, как по существу, так и с позиции евразийства, отстаиваемого автором.

Ханы Тохта, Узбек, Джанибек и даже Тохтамыш давали ярлыки на великое княжение не только московским, но и тверским и суздальским князьям. Не трон московского князя, а престол митрополита связывал Поволжье и русский улус. Епископия Сарская и Задонская подчинялись митрополиту всея Руси. Да и князья городов подчинялись митрополитам Петру, Феогносту, Алексию и игумену Троицкой лавры – Сергию.

А в Орде русские интересы представляли епископы Сарский и Задонский. Новообращенные в ислам кочевники уважали православие не меньше ислама: фанатизм наблюдался только у камских булгар, наименее надежных подданных Орды.

Как Н.С. Трубецкой трактует события 1480 г.? По мнению автора, произошла «замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву». Вывод довольно странный с точки зрения традиционной историографии и тем не менее абсолютно верный.

Дело в том, что Орда с момента возникновения не являлась монополистом. Уже в XIII в. существовало разделение на Золотую (на Волге), Синию (в Тюмени) и Белую (на Иртыше) Орды. С конца XIII в. смуты и дробление охватили собственно Золотую Орду. Темник Ногай, «враг греков» и тайный мусульманин, попытался захватить власть в Сарае, но в 1299 г. проиграл сражение с законным ханом Тохтой и был убит русским ратником. В XIV в. его попытку повторил темник Мамай, друг генуэзцев и литовцев, уже обратившихся к союзу с папой. Дмитрий Московский выступил в поддержку Тохтамыша, чингисида, опиравшегося на сибирских татар. Дмитрий в 1380 г. стал Донским, а Мамай позже пал в Кафе (Феодосии) жертвой предательства генуэзцев.

В XV в. Орда распалась. Отложились: Крым, Казань, Белая Орда – на Иртыше, Синяя орда в Тюмени и ногаи – на берегах Яика, черкесы на Кубани, но русский улус соблюдал верность.

Наконец раскололась сама Золотая Орда. Хан Улуг-Мухаммед с двумя сыновьями бежал на Русь, а его победитель – Кучук-Мухаммед оставил престол своему сыну и наследнику – Ахмеду. Улуг-Мухаммед был убит своим сыном – Махмутеком, но брат отцеубийцы, Касим, остался на Руси, получил для жительства Мещерский городок и стал самым верным сподвижником Иоанна III, сохранив при этом веру ислама.

Итак, формулировка Н.С. Трубецкого о смене столиц, будучи бесспорной, требует лишь добавления о сопутствовавшей смене династий. А в XVI в. земли бывших Золотой и Синей орды (Поволжье и Тюмень) были воссоединены, на сей раз под рукой московского государя.

Иной оказалась судьба юго-западных княжеств. Белая Русь, Галиция, Волынь, Киев и Чернигов отказались от союза с Ордой и... стали жертвой Литвы и Польши, отдавшей завоеванную страну на откуп еврейским ростовщикам, компрадорской буржуазии Средневековья. Белорусам и украинцам под властью Польши было несладко. Католическая реакция в XVI в. поставила население Малой, Червленной и Белой Руси перед альтернативой потери либо свободы, либо совести, т.е. вероисповедания. Эксплуатация белорусских и галицких крестьян через посредство евреев, приглашенных в Польшу из Германии и Испании, лишила сельское население всякой самостоятельности. Городское население русского происхождения исчезло, а аристократия была обращена в католичество. Те же русичи, которые пытались отстоять свои традиции, бежали на границу со степью и в Запорожье, и только через ряд восстаний отстояли свои права при Богдане Хмельницком. Великороссия же подобных бед избежала благодаря союзу с Золотой Ордой, отразившей в 1399 г. при противостоянии на р. Нарове натиск ливонских рыцарей. Сохранение Новгорода в пределах России, в это время возглавившей народы западной Евразии, во многом – заслуга татар, научивших русскую конницу приемам степной войны.

А время было крайне опасным. В Новгороде возникла западническая партия, желавшая подчиниться «крулю лядскому» и остаться членом Ганзы, Смоленск – щит России – переходил из рук в руки; Крым менял ориентацию с польской на турецкую. Враги чингисидов – ногайцы, вырезавшие в 1480 г. население Сарая, боролись с русскими за Сибирь. Орда в XV – XVI вв. не представляла единого целого, но выиграли те татары, которые вошли в состав России.

Военная традиция Чингисхана, бывшая до XV в. наиболее совершенной от Атлантики и до Тихого океана, перенятая Москвой, обеспечила независимость России. Монголы принимали к себе на службу любых смелых и верных воинов.

Также поступали в XIV – XV вв. на Москве, благодаря чему переманили к себе много православных литовцев, большую часть языческой мордвы и монголов-несториан. Этими людьми (мы называли бы их пассионариями) в значительной мере была укомплектована армия, одержавшая победы на Куликовом поле, на Шелони и под Смоленском. Это войско и можно считать военным «наследием Чингисхана».

Исторические тезисы требуют наглядных примеров, иначе они неубедительны. В XV в.

Великое княжество Московское было зажато тремя крупными противниками: государством Тимуридов, которые могли добраться до Волги по пути страшного деда; османским султанатом, уже подчинившим Балканский полуостров, и романо-германской общностью, продолжавшей «натиск на Восток», авангардом которого являлось Польско-Литовское королевство, втянувшее в коалицию Новгород, заимствовавший на Западе тяжелое вооружение рыцарей, считавшееся в XV в. наиболее совершенным.

Москва могла рассчитывать только на свои силы, но в 1456 г. у нее возник конфликт с Новгородом, и москвиты под командованием кн. Оболенского-Стрыги и Федора Басенка разграбили Старую Руссу. Обрадованные победители повезли добычу домой на санях, но были настигнуты пятью тысячами новгородских латников. Москвичи испугались не столько новгородцев, сколько своего князя и приняли бой: 200 стрелков против 5000 латников. Владея длинными луками и привычные к верховой езде, москвичи стреляли по крупам коней, которые стали сбивать всадников. Те падали с коней в сугробы и не могли подняться из-за тяжелой брони, как все западные рыцари.

Пленных было мало, потому что «некому было брать их». Новгород капитулировал и заплатил контрибуцию [239, кн. II, с.425].

Этот эпизод, сам по себе незначительный, показывает, каким образом Россия XIV – XVII вв. устояла в войне с Польшей и Швецией, обладавшими регулярными армиями и артиллерией, хотя последняя была и в Москве.

Действительно, Петром была усовершенствована и взлелеяна регулярная армия, одержавшая победу над шведами под Полтавой. Но война с Турцией была проиграна, персидский поход принес завоевания на южном берегу Каспия, удержать которые оказалось невозможно, а столкновения с Хивой и Джунгарским ханством кончились поражениями. Швеция же была принуждена к Ништадтскому миру не гренадерами и драгунами армии европейского образца, а «низовыми» войсками: казаками, башкирами и татарами, которые переходили по льду Ботнический залив и предавали огню и грабежу окрестности Стокгольма. Степные навыки войны оправдали себя и здесь.

В последний же раз луки были применены в битве народов в 1813 г. у Лейпцига. Этот воинский дух был наследием долгого контакта русских с народами Сибири и Великой степи, в котором было гораздо больше дружбы, чем вражды. Этот контакт не был еще известен в 1920-е годы, когда кн. Н.С. Трубецкой создавал свою концепцию. Его интуиция оказалась грандиознее его эрудиции.

При проверке его выводов и аргументов выясняется, что новые материалы, неизвестные Н.С. Трубецкому, говорят в пользу его общей концепции. И не вина автора, что он их не использовал: таков был уровень науки начала XX в.

Любой привычный (т.е. обывательский) тезис нуждается в пересмотре. Ради этого и существует наука. Оценка Петра I – преобразователя, произведенная Н.С. Трубецким, позволяет интерпретировать ход событий на широком историческом фоне.

Кн. Н.С. Трубецкой правильно отмечает, что перед Московской государственностью стояла важная задача: оборона против Запада. Половина Древней Руси в начале XVII в. была оккупирована Польшей. В начале этого века, в Смутное время, был момент, когда в Москве стоял польский гарнизон, и независимость России была под угрозой. Московскому государству угрожала судьба восточной Монголии, захваченной Китаем, и Средней Азии, ставшей добычей Тимура.

В XVII в. в Западной Европе настала эпоха технического прогресса. Для того чтобы устоять против активизации агрессии Польши и Швеции, русским понадобилось обновление военной техники, и роль преобразователя принял царь Петр. Однако кн. Н.С. Трубецкой полагает, что «задача была выполнена именно так, как нельзя было ее выполнить... военная мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой», и

перечисляет ряд крайне болезненных и вредных нововведений, как то: упразднение патриаршества, различные кощунства, изменение придворной одежды и этикета – «ассамблеи», приглашение на высшие посты иностранцев, Это дает Н.С. Трубецкому основание назвать новый период истории России «периодом антинациональной монархии». Европеизацию князь Н.С. Трубецкой считает причиной разрушения национального единства, розни между классами, сословиями, поколениями... короче говоря, итогом стала «изуродованная Россия». Кн. Н.С. Трубецкой формулирует свои мысли и оценки предельно четко. Он считает, что «за Петром могли пойти только не русские, приглашенные им на службу иностранцы, либо русские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся... за наживой...». Знаменитые «птенцы гнезда Петрова» были большей частью отъявленными мошенниками и проходимцами... То обстоятельство, что, как с грустью отмечают русские историки, у «Петра не нашлось достойных преемников, было вовсе не случайно: действительно – достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру». Кн. Н.С. Трубецкой не противник заимствования европейской техники, но осуждает эксцессы, без которых можно было достичь больших результатов при меньших затратах. Наихудшим последствием петровских реформ он считает их необратимость.

Сначала Петр окружил себя иностранцами и русскими подхалимами, рассматривавшими русский народ как податную массу. Этот подход к собственной стране практиковался наследниками Петра до 1741 г., предельным воплощением его стала «бионовщина». Екатерина II действовала более тонко: она ударила по русской культуре секуляризацией 80% монастырей, бывших хранилищами летописей и древних икон. Введенные ею закрытые учебные заведения превращали самых способных русских во второстепенных европейцев. При этом подразумевалось забвение традиций, а немца из русского сделать было невозможно.

В XIX в. самая пассионарная часть русских воинов погибла в войнах с Наполеоном. Война была выиграна в значительной мере за счет монгольских традиций (партизанской войны), но восстановить генофонд и культурный фонд не удалось; впрочем, к этому даже не стремились.

Истребление евразийских традиций теперь продолжалось под лозунгом «русификации». С местными традициями и оригинальными мировоззрениями была проделана та же инволюция, что и с православием. Зато появились европейские философско-социальные концепции.

Так возникла безотчетная вера в технический прогресс, который якобы осчастливит человечество, учение о борьбе за существование и агностицизм Огюста Конта. О несостоятельности первой концепции не стоит даже говорить. Вторая заменена обратным тезисом конвергенции биоценоза (видообразование нашло себе объяснение в процессе мутогенеза). Третья концепция – идея об ограниченности человеческого познания, заявленная Контом как невозможность познать химический состав звезд, – была опровергнута... спустя год открытием спектрального анализа. Стоило ли ради подобных заимствований уничтожать монастырские библиотеки и шедевры иконописи, что проводилось со времен Екатерины.

Все вышеизложенное дает Н.С. Трубецкому бесспорное основание назвать Российскую империю с восторжествовавшим в ней западничеством «антинациональной монархией».

Неприятие новой концепции

Несмотря на то что авторы евразийского направления писали много, легко и увлекательно, их мысли были отвергнуты многими, даже слишком многими читателями. В отношении ученых-аборигенов Западной Европы это объяснимо и объяснено с исчерпывающей полнотой самим автором – кн. Н.С. Трубецким:

«Затаенной мечтой каждого европейца является обезличение всех народов Земного шара,

разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме одной европейской... которая желает прослыть общечеловеческой, а все прочие культуры превратить в культуры второго сорта».

Этот тезис входит в сознание каждого европейца с детства и, более того, с начала этногенеза современных европейских этносов, т.е. с IX в. Убежденные в своем превосходстве крестоносцы шли в Палестину и Прибалтику, на Константинополь и Болгарию, а потом в Америку – грабить индейцев, в Африку – захватывать невольников, в Индию, на Яву и даже в Китай, где индийский опиум находил широкий сбыт. И при этом у «цивилизаторов» не возникало никаких угрызений совести: ведь приобщение «дикарей» к культуре – это героика, «бремя белого человека». А то, что ограбляемые народы ничуть не хуже европейцев, последним не могло прийти в голову, ибо стереотип этнического поведения не может быть нарушен логическими доводами. Но эмоции европейцев, знакомящихся с евразийцами, однонаправленны. Да и в самом деле, как тут не обидеться?

Однако европейцы были настолько убеждены в своей правоте, что рассматривали направление евразийцев как несерьезный домысел русских оригиналов и поэтому давали им жить, зарабатывая изданием филологических и художественных шедевров. Иначе восприняли евразийство немецкие фашисты. Русские издания или запрещались, или задерживались. Русским патриотам угрожали преследования за убеждения и даже аресты. Н.С. Трубецкой не был арестован лишь потому, что он был князь, аристократ, но в его квартире производились неоднократные, причем весьма грубые обыски, вызвавшие инфаркт и раннюю смерть. Этот трагический эпизод мне рассказал Петр Николаевич Савицкий [12 - Но и чехи относились к евразийцам плохо. П.Н. Савицкий написал сборник стихов биографического жанра... и был посажен в тюрьму в Праге в 1964 г. и вызволен только заступничеством советского представителя, который, ознакомившись с делом, не обнаружил никакого криминала. Благополучно сложилась биография Г.В. Вернадского, уехавшего в Америку, где он попросту не был интересен американцам, ибо его темы были не актуальны для США.] в Праге, когда в 1966 г. советские ученые ездили туда на археологический конгресс.

В русской эмиграции двадцатых и тридцатых годов было два направления: либеральное и монархическое. Либералы мечтали ввести в России парламентскую республику по образцу английской или французской, т.е. уподобить Россию Европе. Именно против такой оксидентализации или вестернизации России и возражали евразийцы, осуждая Петра I.

Русская эмиграция двадцатых и тридцатых годов отнеслась к евразийству в целом отрицательно. Как монархисты, мечтавшие о возвращении прошлого, так и либералы, стремившиеся превратить Россию в подобие Дании, обвиняли евразийцев в «сменовеховстве» – компромиссе с коммунизмом. Если сформулировать приведенные ниже ответы евразийцев, то возникает только одна фраза: «зачем нам прошлое, которое было беременно настоящим?» Конечно, это не означало, что евразийцы стремились примкнуть к коммунизму или даже испытывали симпатию к режиму в России того времени, но вспомним, что тот период был переплетением троцкизма со сталинщиной, так что требовать с эмигрантов?!

Н.С. Трубецкой работал на том уровне европейской науки, который ныне, безусловно, устарел. Мы внесем поправки и проверим концепцию кн. Н.С. Трубецкого на прочность, используя материал, неизвестный автору. Если концепция в целом верна, то выводы должны сойтись.

Соседи Евразии (Проверка концепции)

Условившись в определении понятия Евразии – степная полоса от Хингана до Карпат, ограниченная с севера «таежным морем», т.е. сплошной полосой леса, а с юга пустынями и

горами, у подножий которых располагаются оазисы, – нам надлежит охарактеризовать соседние суперэтноты, взаимодействовавшие с евразийскими народами: Срединную равнину, называемую ныне «Китай» (условное наименование), Афразию (Ближний Восток и Иран) и Западную Европу – романо-германскую целостность. Восточная Европа, точнее – Западная Евразия органически связана с Великой Степью, так как наиболее населенная ее часть – лесостепь, включающая на севере ополья, а на юге аazonальные ландшафты речных долин и несохранившиеся причерноморские леса, в античную эпоху именовавшиеся «Гилея».

В историческое время в Евразии протекали три витка этногенеза: скифский (до III в. до н.э.) [13 - Скифы (греч.) или саки (перс.) – история их темна; она не может быть использована для интерпретации.], хунно-сарматский (с III в. до н.э. по XI в.) [14 - Хунны обитали рядом с Китаем в современной Внутренней и Внешней Монголии. В III в. до н.э. Китай объединился, и при династии Хань с 202 г. до н.э. по 221 г. н.э. население его выросло до 59 млн. чел. [144, с.270 – 274], тогда как хуннов было около 300 000 чел. Но при военных столкновениях обе стороны сражались как равноценные силы [66, с.63 – 144].], монголо-маньчжурский – на востоке (XII – XX вв.). Четвертый – великорусский [15 - Великороссия как этнический термин означает сложный этнографический состав этноса, включивший многих соседей, в данном случае кроме славян: угро-финнов, тюрков-куманов, якутов, бурят, восточных балтов и монголо-татар, большая часть коих растворилась в ведущем этносе, а меньшая сохранилась как реликты.], начавшийся в XIII в., еще не кончен.

За 2500 лет в Евразии сменилось несколько этносов, но при сопоставлении их в избранном параметре – взаимоотношение с соседями – просматривается общая закономерность. Каждый этнос имеет две культурно-политические доминанты:

I. Стремление к подражанию соседям, более богатым и многочисленным, – мимесис.

II. Стремление к оригинальности, на основе адаптационного синдрома или приспособления к вмещающему ландшафту – евтурофилия (любовь к Родине) – евразийство. Так у всех!

Весьма примечательно, что, к примеру, хунны не искали территориальных приобретений. Царица хуннов сказала мужу, шаньюю Модэ, окружившему авангард китайского войска вместе с императором в 200 г. до н.э.: «Приобретя земли дома Хань, не можешь жить на них» [30, т. I, с.51]. Шаньюю (правитель) согласился и заключил мир на основе «мира и родства», что означало брак китайской царевны с иностранным властителем и присылку установленного количества даров [там же] – замаскированную дань.

Четкую характеристику хунно-китайских противоречий дал евнух Юе, обиженный императором династии Хань, насильно отправленный к хуннам и отдавший свои симпатии шаньюю. Он говорил: «Прежде, т.е. после побед над китайцами, многие хуннские женщины сменили овчины на шелковые платья. Наряду с кумысом и сыром у хуннов появились вино, печенье и китайские лакомства, а с ними и упадок нравов. Если ты, шаньюю, изменишь обычаи, а Китай истратит одну десятую своих вещей на подкуп, все хунны будут на стороне Хань. Дерите на колючках шелковые ткани, продолжайте есть сыр и молоко, иначе вы потеряете свободу, а с нею и жизнь».

Но сила вещей могущественнее убеждений. За сто лет в державе Хунну сложились две партии, которые мы условно назовем: придворная и старохуннская. Первая принимала многочисленных эмигрантов из Китая, давая им возможность сеять просо и жить среди хуннов, не сливаясь с ними. Вторая хранила традиции покойных шаньюев: право «сражаться на коне за господство над народами» [30, т. I, с.57–59].

Единое «этническое поле» хуннов раскололось. Так разрывается комета, пролетающая слишком близко от большой планеты [16 - Хунну разделилось на две державы: северную и южную; обе погибли, но по-разному.]. Следствием раскола стали междоусобные войны, восстания покоренных племен и подчинение Китаю. Трагедия затянулась лишь за счет узурпации Ван Мана, попытавшегося заменить традицию разумом, конечно собственным,

поголовного восстания китайских крестьян – «краснобровых» – и аристократов против узурпатора и ослабления Китая (18–25 гг.), но к 93 г. Хунну было сокрушено и последний шаньюй, проиграв последнюю войну, погиб.

Хунны частью отступили на запад, где объединились с биттогурами (манси), а частью поселились вдоль длинной китайской стены и подчинились династии Младшая Хань.

Вернуться в Великую степь они не могли, потому что вековая засуха III в. превратила степи в пустыню Гоби, расширившуюся до того, что она стала непроходимой [81]. Разделение хуннов шло по отмеченному признаку: северную Хунну составили пассионарные удалыцы, тяготевшие ограниченностью возможностей при родовом строе, где богатырь не мог достичь почестей и власти, так как все должности занимались по старшинству. Поэтому на севере скопились предприимчивые честолюбцы и масса инертного населения. А на юг ушли носители родовых традиций: «старцы и почтительные отроки» [66, с.215 и след.], готовые служить китайским офицерам, лишь бы те обеспечили им спокойную жизнь. Естественно, северные хунны были евразийским вариантом развития, а южные создали хунно-китайскую химеру в III в. Но она оказалась нестойкой. Китайцы так обижали хуннов, что те восстали в 304 г. и сражались, пока не погибли в 460 г. [121, с.189–202].

С биттогурами хунны смогли объединиться, потому что те и другие были членами одного супертноса – евразийского. Они вместе совершили поход на готов и римлян в 451 г., но после поражения от германцев при реке Недао от хуннов остался только один осколок, но прославился он на весь мир. Они назывались «голубые тюрки» [94].

Древние «голубые» тюрки (мн.ч. тюркют) сложились из двух ветвей хуннов и одного сяньбийского (древнемонгольского) отряда, которыми командовал вождь по имени Ашина.

После долгих исторических коллизий они, оторвавшись от китайского и романо-германского суперэтносов, не только уцелели, но и сумели объединить вокруг себя всю Великую степь и даже оазисы Согдианы. Их государство называлось Великий каганат, или Вечный тюркский Эль-Орда и охузи (покоренные племена) [17 - Орда, по-тюркски, тюрк беглер будун – тюркские беги и народ; охузы – племена. Соединение орды и охузов – эль – держава [94, с.53 – 65.].], и просуществовало с 545 по 745 г., но было уничтожено китайскими дипломатами, сумевшими вызвать восстание уйгуров и других племен.

Этот немногочисленный евразийский этнос оставил потомкам не только свое имя, но и свои традиции и славу одержанных ими побед. Реликтом тюрков (тюркютов) было племя телес на Алтае. К середине XX в. оно слилось с соседними теленгитами. Конец этого этноса был не насильственным, а естественным: от старости.

Тюрков сменили в Великой степи уйгуры (745–840 гг.). Они старательно избегали контактов с Китаем, как политических, так и культурных, но их соблазнила мысль иранских гностиков-манихеев (766–767 гг.). Это мистико-атеистическое учение было весьма логично и изящно, но совсем не подходило евразийским кочевникам. Убийство считалось грехом, а воевать было необходимо; пост был обязателен, причем запрещалось не только мясо, но и молоко, семья осуждалась, но разрешались оргии, ибо все материальное считалось порождением мрака, а жизнь рассматривалась как этап переселения душ. Это учение было для уйгуров экзотично и неприемлемо, но интеллектуалы его восприняли фанатично. Возникла коллизия, аналогичная разделению интеллигенции и народа в Москве XIX в. В Уйгурии она закончилась катастрофой в 840 г. Уйгурское ханство уничтожили сибирские кыргызы, а народ разбежался кто куда. Оказалось, что идеологическая агрессия может быть столь же губительной, как и военно-политическая [см. 94].

Последние этносы хуннского этногенетического взрыва: кимаки, кыпчаки и гузы – медленно угасали, черпая пассионарность у соседей: в Средней Азии у мусульман, в Причерноморье у русичей (половцы), а в Маньчжурии у жителей Срединной равнины –

кидани, от этнонима которых возник топоним – Китай. Только в XI в. новый взрыв этногенеза создал этнос – монгол.

Остановимся и сделаем вывод. Все евразийские этносы жили на своей родине сравнительно благополучно. Но, проникая в Китай, то как победители, то как гости, они гибли, равно и принимая китайцев к себе. Контакт на суперэтническом уровне давал негативные результаты. Даже идеологическая агрессия – манихейство у уйгуров – давала тот же результат.

Очевидно, что монголы не могли стать исключением. Вбирая в себя новые этносы, новые идеологические системы и новые стереотипы поведения, они должны были деформироваться и из евразийцев превратиться в химерные конструкции, всегда нестойкие.

После смерти Чингисхана его дети и внуки продолжали войны, так как против них выступила империя Южная Сун, стремившаяся вытеснить монголов из Северного Китая – земель империи Кинь. Багдадский халиф объявил против монголов джихад, а папа – крестовый поход. Только православная никейская империя заключила с монголами справедливый мир... и не пострадала.

К 1260 г. монголы-христиане, шедшие на освобождение Иерусалима, потерпели полное поражение в Галилее и были отброшены за Евфрат, а в Китае царевич Хубилай объявил себя великим ханом, не будучи избранным курултаем. Как только монгольские кони вышли за географические пределы Евразии, монголы начали терпеть поражения даже друг от друга – в междоусобных войнах. В Иране, в Средней Азии и в Поволжье мусульмане восторжествовали над своими победителями, а в Китае Хубилай из хана превратился в императора династии Юань, т.е. китайского. К 1370 г. господство монголов окончилось. В Китае воцарилась национальная династия Мин, а в Средней Азии и Иране – эмир Тимур, паладин культуры ислама. Евразийская традиция уцелела только в улусе Джучиевом.

Таким образом, евразийская концепция этнокультурных регионов и химерных целостностей в маргинальных (окраинных) зонах оказалась пригодной для интерпретации всемирно-исторических процессов. Там, где сталкиваются два и более суперэтноса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов. Возникает подражание (мимесис) как противник оригинальности, и, таким образом, нарушается принцип «познай себя» или «будь самим собой».

Напротив, этносы, живущие на своих территориях-родинах, поддерживающие свою традицию – «отечество», уживаются с соседями розно, но в мире. Да и в самом деле, стоит ли делать из планеты Земля огромную коммунальную квартиру?

Мы заглянули в глубину веков. А теперь вслед за Н.С. Трубецким обратимся к Ветхому Завету и тем самым... к современности.

//-- * * * --//

Случилось так, что практически все тезисы Н.С. Трубецкого о культуре и, шире, о судьбе евразийских народов, высказанные в 20–30-х годах, были поддержаны последующими событиями. Таким образом, читателю, знакомящемуся с трудами Н.С. Трубецкого, предоставлена удобная возможность соотнести послышки ученого с известными историческими событиями и процессами.

«Я отрицаю возможность общечеловеческой культуры» – так формулирует Н.С. Трубецкой идею евразийства о развитии национальной культуры, исчерпывающе полно изложенную им в статье «Вавилонская башня и смешение языков».

Сама культура понимается автором как «...исторически непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды, причем каждая отдельная культурная ценность имеет целью удовлетворение определенных (материальных или духовных) потребностей всего данного социального целого или входящих в его состав индивидов». Аргументы Н.С. Трубецкого просты и убедительны. Культура какой-либо общности всегда производит «нивелировку индивидуальных различий его

членов». Понятно, что это усреднение должно и может происходить на основе общих для всех «членов» национальной или социальной общности потребностей. Сильно различаясь в стремлениях духовных, люди общи в логике и материальных потребностях. Отсюда примат «логики, рационалистической науки и материальной техники» над «религией, этикой и эстетикой» в однородной общечеловеческой культуре неизбежен. Неизбежно и следствие – духовная примитивизация и бессмысленное строительство «вавилонских башен» (последнее понимается автором предельно широко).

Совершенно иначе развивается культура, опирающаяся на национальный принцип. Только она стимулирует «духовно-возвышающие человека ценности». Ведь идеальный аспект такой культуры органически, «интимно» близок «ее носителям».

Попробуем взглянуть на доводы ученого с точки зрения известной современности общей теории систем. Известно, что жизнеспособна и успешно функционировать может лишь система достаточно сложная. Общечеловеческая «культура» возможна лишь при предельном упрощении (за счет уничтожения национальных культур). Предел упрощения системы – ее гибель.

Напротив, система, обладающая значительным числом элементов, имеющих единые функции, жизнеспособна и перспективна в своем развитии. Такой системе будет соответствовать культура отдельного «национального организма». Из национальных культур составляется «радужная сеть, единая и гармоничная в силу непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности».

Перейдя от «общечеловеческого» уровня к «национальному», передадим слово этнологии. Очевидно, что «радужную сеть» составляют этносы, находящиеся на тех или иных фазах этногенеза. Совокупность этносов, связанных единой исторической судьбой, составляет суперэтносы, которые соотносимы с «культурно-историческими зонами» Н.С. Трубецкого. И, наконец, именно этнос, состоящий из субэтносов и постоянно возникающих консорций, являясь дискретной системой, обеспечивает как необходимую для культуры дифференцированность, так и необходимое единство носителей этой культуры [136]. Необходимо отметить, что решая культурологические, исторические или современные ему политические проблемы, Н.С. Трубецкой в своих исследованиях все время отыскивал категорию этнологически значимого «целого». Ни класс, ни отдельный народ, ни целое человечество, по Н.С. Трубецкому, такой категории не соответствует. Этим «целым» в действительности может быть «совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства». Читатель, знакомый с сегодняшним уровнем этнологии, отдаст должное интуиции ученого.

Приведенная цитата взята из статьи Н.С. Трубецкого «Об идее-правительнице идеократического государства», напечатанной в 1935 г. Дата делает понятным пафос статьи. В тридцатых годах к СССР, идеократически осуществляющему принцип классовой диктатуры, добавляются фашистские режимы, ставящие во главу угла идеократию националистическую. Обе идеологии, с точки зрения евразийства, принимают следствие идеократии – социализм или национал-социализм – за ее содержание. Обе идеологии, таким образом, не только далеки от истинной идеократии, но и находятся на пути, к ней не ведущем. Подлинной идеей-правительницей можно счесть лишь «благо совокупности народов, населяющих данный автаркический мир». Характерной чертой евразийства вообще и теории идеократического государства в особенности является взаимосвязанность и взаимозависимость всех теоретических элементов. Совокупность народов, живо ощущающих «общность культурных и исторических традиций», ведет автаркическое хозяйство на определенном «месторазвитии». Тем самым сохраняется преемственность взаимодействия

этноса и кормящего ландшафта. Сохраняется национальный характер культуры как в «целом», так и в «индивидуациях», составляющих «целое». Важно добавить, что необходимым условием осуществления идеократии является сдвиг в самосознании людей и народа в сторону понимания ими своей исторически определенной функции в жизни «органического целого». Однако само существование идеократического государства оправданно и необходимо лишь тогда, когда осуществляется идея «блага народов» конкретно автаркического мира.

В настоящем сборнике читатель найдет ответ на вопрос, как общие положения евразийства применимы к конкретным проблемам, современным Н.С. Трубецкому. Тот факт, что эти проблемы актуальны и в 90-е годы XX в., придает историко-культурным исследованиям ученого особую практическую ценность. К таким работам относятся статьи «К украинской проблеме» и полемический «Ответ Д.И. Дорошенку», касающиеся отношений России и Украины. То, что исследованию подвергается именно культурный аспект русско-украинских отношений, ни в коей мере не говорит об ограниченности идей Трубецкого областью культурологии. «Державная» сторона вопроса решается в рамках общей идеи о существовании Евразии. Взаимоотношения России и Украины, таким образом, сводятся к взаимосвязи двух культур, точнее, двух «индивидуаций» русской культуры. Причем, если «нижний этаж» каждого «краевого варианта» культуры национален, то именно в «верхнем этаже» русская культура достигает своего единства. Термины «нижний» и «верхний» этажи культуры находят пояснения у самого Н.С. Трубецкого. Не неся элемента оценки, эти понятия у автора означают лишь две функции культуры, в значительной мере противопоставленные друг другу. «Обращенный к народным корням» нижний этаж и «обращенный к высшей духовной и умственной жизни» верхний формируют многофункциональную культуру. При этом каких-либо барьеров между «этажами» культуры не существует. Вообще «устранение... пропасти между интеллигенцией и народными массами является одним из главных лозунгов всего евразийского движения». Естественно, что многофункциональная культура в своем едином «верхнем» этаже, проявляясь в деятельности таких людей, как Ф.М. Достоевский и Н.В. Гоголь, А.А. Шахматов и А.А. Потемкин, столь же принадлежит народным массам, как и культура «нижнего этажа», непосредственно обращенная к народу и сливающаяся с народной эстетикой труда и творчества. Переходя через множество промежуточных уровней, культура «нижнего этажа» непременно получает «краевую дифференциацию». Для единой русской культуры это – краевые «индивидуации» Украины и Белоруссии, России, ее Севера, Дона, Сибири с множественными собственными дроблениями в каждом крае.

В соответствии с историко-культурными взглядами евразийцев, реформы Петра, подготовленные второй половиной XVII в., прервали культурную традицию Руси. Этот разрыв в разной степени коснулся как России, так и Украины – факт, совершенно упущенный оппонентом Н.С. Трубецкого – Д.И. Дорошенко. Петровская и послепетровская секуляризация оттеснила Православие, пронизывавшее, подобно нерву, все слои русской культуры, породила в русском обществе духовное опустошение. А при господстве откровенно антирелигиозной системы духовная опустошенность «дошла до кульминационной точки» (время публикации статьи – 1927 г.). Перспективным для развития единой русской культуры путем Н.С. Трубецкой считает путь восстановления религиозного начала как интегрирующего фактора всех «индивидуальных» культур.

Резюмируя общую теорию евразийства, сделаем исторический экскурс. С начала нашей эры евразийские народы объединялись несколько раз: хунны, сменившие скифов, Великий Тюркский Каганат VI – VIII вв., монгольский улус XII в. (см. статью «Наследие Чингисхана») и Россия (в широком понимании термина). Как государственное строительство, так и духовная культура евразийских народов давно слита в «радужную сеть» единой

суперэтнической целостности. Следовательно, любой территориальный вопрос может быть решен только на фундаменте евразийского единства.

О нем следующий и последний раздел.

Евразия XX века («Общевразийский национализм»)

Евразийство, по Н.С. Трубецкому, – это менее всего простая интерпретация исторических событий. Помимо анализа современной Н.С. Трубецкому национальной ситуации в СССР – Евразии, автор предлагает и модель будущего национального устройства Евразии и пути следования к нему.

Следствием революции явилось то, что русский народ утратил свое положение «хозяина государства». При этом понятие «хозяин государства» нуждается в уточнении. Из работ самого Н.С. Трубецкого («Наследие Чингисхана» и др.) можно сделать вывод о том, что эта декларация являлась, по существу, лишь формальным проявлением той «русификации», которую производила «антинациональная монархия». Истинные же перемены в положении народов бывшей Российской империи сводятся к приобретению ими равноправия.

Н.С. Трубецкой, верный идее евразийской общности, находит факторы, поддерживающие государственную целостность Евразии в прошлом, в настоящем (20-е гг. XX в.) и в будущем.

Если для прошлого это – идея русской государственности, то в настоящем Н.С. Трубецкой определяет «объединяющий фактор» Евразии – СССР как стремление к определенному социальному идеалу. Также не может оставаться пустым место «хозяина» территории. По Н.С. Трубецкому, русский народ сменен пролетариатом всех народов СССР.

Нам интересна оценка перспектив национального развития СССР – Евразии, сделанная ученым более 60 лет назад.

Приходится вновь отметить проницательность ученого: «...идея диктатуры пролетариата, сознание солидарности пролетариата и разжигание классовой ненависти... должны оказаться недействительными средствами против развития националистических и сепаратистских стремлений народов СССР». И это при том, что оптимальной формой сосуществования евразийских народов Н.С. Трубецкой считает общую государственность и, более того, «евразийское братство». Какой же «объективный фактор», по мнению автора, будет актуален для будущего СССР – Евразии?

По Н.С. Трубецкому, «национализм каждого отдельного народа Евразии (СССР) должен комбинироваться с национализмом общевразийским». Аргументация автора, может быть проверена столь мучительными порою коллизиями сегодняшнего дня. По мнению автора, евразийские народы связаны общностью исторической судьбы. Прошедшие десятилетия усилили эту связь. Известны были Н.С. Трубецкому центробежные для Евразии тенденции «панизмов», выделяющие народы по отдельно взятому признаку. «Отторжение одного народа из этого (евразийского. – Л.Г.) единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям». События XX в. вполне подтвердили правоту Н.С. Трубецкого.

Необходимо повториться: ученый рассматривал теорию евразийства как программу будущего Евразии. Можно спорить с терминологией Н.С. Трубецкого, Справедливо и то, что концепция евразийства не охватывает все стороны действительности СССР – Евразии. Однако, бесспорно, практически ценным является как утверждение единства многонародного евразийского суперэтноса, так и гуманитарные пути самопознания, предлагаемые Н.С. Трубецким.

Из истории Евразии [18 - Печатается по рукописи.]

Вместо введения

Огромный континент, омываемый тремя океанами, Атлантическим – с запада, Тихим – с востока и Индийским – с юга, издавна населен народами, вошедшими в историю. Однако эта огромная территория нуждается в районировании, как в пространственном, так и во временном. Народы то возникали, то исчезали на этих необъятных пространствах, составляя определенные географические целостности, так как природные условия и ресурсы на разных территориях континента были неодинаковыми.

Так, южный полуостров Индостан ограничен от прочих районов Азии высокими горами Гималаями, пустынями Белуджистана и густыми джунглями, отделяющими Бирму от Бенгалии. Рядом с Индией располагалась страна, называемая Афразия. Это средиземноморский бассейн, включающий в себя Ближний Восток и Африку севернее Сахары. Народы, населявшие Афразию, всегда представляли собой особую целостность, связанную культурными, экономическими и политическими связями. Иногда эта целостность захватывала южную часть Европейского полуострова – Испанию, а иногда отступала на юго-восток от Средиземного моря.

Рядом с Афразией располагался Европейский полуостров этого великого континента: страна влажная и теплая, ограниченная с востока внутренней частью континента. Граница между ними пролегла по атмосфере! Это изотерма января, которая на западе положительная, а на востоке отрицательная. Принято западную часть называть Европой, а восточную Евразией. Восточная часть в климатическом отношении характерна суровыми зимами, засушливыми степями и монотонным ландшафтом: на севере – лесным, а на юге – степным. Сходство ландшафтов определяло характер народов, населявших ту область, в которой ныне располагаются Россия, Монголия и район оазисов – Средняя Азия. К востоку от евразийской степи лежит юго-восточный полуостров континента – муссонная область, называемая Китаем. Евразией в историко-культурном смысле термина мы считаем только ту часть континента, которая лежит между Китаем, горными цепями Тибета и западным полуостровом – Европой.

Долгое время ученые-европоцентристы, как и китае-центристы, считали центральную («Высокую») Азию границей Ойкумены и не придавали народам, населявшим ее – скифам, тюркам, хуннам, монголам и русским, – самостоятельного значения. Вряд ли это верно. По существу, народы, обитавшие здесь, играли свою роль в становлении культуры и противостоянии Востока и Запада. Они составляли как бы особый регион в культурной истории человечества, не менее важный, чем китайский и европейский. То, что они занимались больше скотоводством, нежели земледелием, не мешало развитию их искусства на Алтае, в долинах великих рек: Волги, Дона и Днепра, оазисах в междуречьях Сырдарьи и Амударьи и в предгорьях Тянь-Шаня. Эти народы, с того момента, как они вошли в историю, составляли самостоятельный регион развития искусства, идеологии, экономики. И если до сих пор Европа не стала частью Китая, – что могло случиться в I в. н.э. (ханьская агрессия) и в VIII в. н.э. (тайская агрессия), то это заслуга хуннов, тюрков, монголов и русских, всегда стремившихся к объединению для защиты себя от иностранных оккупантов. И это началось за тысячу лет до нашей эры.

На рубеже IX и VIII вв. до н.э. в степях Центральной Азии сложился комплекс кочевых этносов, в котором ведущую роль играли хунны, но куда входили динлины, дунху (предки сяньбийцев и монголов), усунь и кочевые тибетцы Амдо и Куньлуня. Эта суперэтническая целостность находилась в оппозиции Древнему Китаю и ираноязычному Турану (юечжам), Первые пятьсот лет, до 209 г. до н.э., история кочевников письменными источниками не освещена, но, согласно нашей модели, на этот период истории падают фаза пассионарного подъема этногенеза и начало фазы акматической. Конец этой фазы известен с достаточной степенью подробности. Большую часть сил хунны тратили на отражение ханьской агрессии,

благодаря чему смогли удержать независимость и целостность державы до конца I в. н.э. Разгромленные сяньбийцами в 93 г., хунны раскололись на четыре ветви, одна из которых перемешалась с сяньбийцами, вторая осела в Семиречье, третья ушла в Европу, а четвертая вошла в Китай и там погибла.

По принятой нами терминологии, эпоха II – V вв. для всех этносов, входивших в «хуннский» суперэтнос, была фазой упадка, после которой остались некоторые реликты, но ход этногенеза прервался.

Второй подъем имел место в середине VI в. Результатом его было создание тюркского каганата, объединившего Великую степь от Ляохэ до Дона. По масштабам тюркский каганат превосходил хуннскую державу, но за все его двухсотлетнее существование в нем незаметны общественные сдвиги. Консерватизм системы легко объясним тем, что тюрки вели непрерывные войны с империями Суй и Тан, с Ираном и Арабским халифатом, а также с покоренными, но непокорившимися степными племенами, особенно с уйгурами. Однако обаяние «тюркского Вечного эля» было столь эффективно, что многие древние народы степи: кыпчаки (половцы), кангары (печенег), карлуки, кыргызы (потомки динлинов), туркмены (потомки парфян) и даже монголоязычные кидани – восприняли культуру своих покорителей и сохранили ее даже после гибели тюрков в 745 г., в начале фазы их исторического существования.

Сменившие тюрков уйгуры были народом храбрым, но не агрессивным. Они умели защищать свою свободу, но не стремились к завоеваниям. Жадно впитывая иранскую (манихейство) и византийскую (несторианство) философии, уйгуры оказались не в состоянии наладить порядок у себя дома, вследствие чего стали жертвой енисейских кыргызов в 841–847 гг. Уцелевшие от разгрома уйгуры спаслись в оазисы бассейна Тарима, где растворились среди местных жителей, оседлых буддистов. В Великой степи наступила фаза обскурации (упадок), продолжавшаяся до XII в., когда новый толчок вознес одновременно чжурчжэней и монголов – создателей не только степной, но и континентальной империи.

Ничуть не менее примечательно общее для всех народов Центральной Азии неприятие китайской культуры. Тюрки имели свою собственную идеологическую систему, которую они отчетливо противопоставили китайской. После падения второго каганата в Азии наступила эпоха смены веры. Тогда уйгуры приняли манихейство, карлуки – ислам, басмалы и онгуты – несторианство, тибетцы – буддизм в его индийской форме, но китайская идеология так никогда не перешагнула через Великую стену.

А теперь, когда мы обрисовали общие контуры темы, попробуем проследить историко-культурные коллизии Великой степи более подробно.

1. Задача и способы ее решения

Противопоставление «Запада» – «Востоку» как этнокультурных целостностей сложилось еще в античности и отражало уровень науки того времени. Под «Западом» тогда понималась эллино-римская культура, «Востоком» называлась Персия и подвластные ей семитские и кавказские народы. Оба названия были и остались условными терминами, не связанными с географией. Так, Марокко лежит западнее Италии, но всегда причислялось к «Востоку». Но это несущественно, если заранее условиться о значении терминов, важнее другое: «Запад» в современном понимании – это романо-германская Европа с заокеанскими продолжениями в Америке и Австралии, а «Востоков» не один, а много.

Китай, Индия, Иран, Сирия с Египтом и Северной Африкой отличаются друг от друга не меньше, чем от Европы. Долгое время Балканский полуостров, завоеванный турками, и Россия, подчиненная Золотой Орде, не включались в понятие «Запад», а несходство Монголии с Китаем было всегда настолько очевидным, что китайцы в III в. до н.э. построили

Великую стену, чтобы отделиться от кочевников Великой степи, протянувшейся от Маньчжурии до Карпат и даже Паннонии. Так куда причислить Великую степь и примыкающую к ней лесную зону – тайгу: к «Западу» или «Востоку»? По-видимому, целесообразно вынести ее как отдельную от того и другого, самостоятельную целостность, которая и явится предметом нашего исследования. Только в этом случае угол зрения не будет противоречить фактам истории этносов и истории культуры.

Пристальное изучение кочевой культуры Евразии таило ряд неожиданностей, на что обратили внимание сначала русские, а вслед за ними французские ориенталисты [30; 291]. Они перестали считать Россию «задворками Европы», а Монголию – периферией Китая [19 - Такое мнение было высказано В.М. Штейном (см.; «Вести, древней истории», 1961, № 2. с.120; 1962, № 3. с.202–210).]. Наоборот, стало ясно, что исторические закономерности развития середины континента, его западной и восточной окраин, лесной и степной зон имеют общие черты, точнее, свою специфику культуры, которая резко отличает этот регион и от «Запада» и от «Востока».

Этот тезис, очевидный специалистам, вызвал недоверие тех, кто привык к предвзятой схеме, устаревшей уже в Средние века. Это печально, но не удивительно. Ведь даже люди по-своему образованные считали, что они живут на плоской Земле, а потом, согласившись, что Земля шарообразна, полагали, что она лежит в центре мира, а Солнце и планеты вращаются вокруг нее. Вспомним, что в нашем веке в Америке имел место «обезьяний» судебный процесс: учителя школы судили за изложение взглядов Дарвина.

Ученые пишут книги не друг для друга, а для широкого читателя. Поэтому необходима строгая аргументация, подробное изложение событий истории и четкое обобщение, дабы читатель не утонул в калейдоскопе дат, фактов и экзотических названий. Как это совместить?

Автор этих строк взялся за такую задачу. С 1930 г. по сие время он собирал материал и писал о деяниях хуннов, тюрков, хазар и монголов. Его труд вылился в создание «Степной трилогии», опубликованной в семи книгах [20 - См.: «Хунну» (М., 1960); «Хунны в Китае» (М., 1974); «Древние тюрки» (М., 1967); «Открытие Хазарии» (М., 1966); «Поиски вымышленного царства» (М., 1970); «Старобурятская живопись» (М., 1975); «Древняя Русь и Великая степь» (М., 1989).] и ста пятидесяти статьях [21 - Наиболее важные, дополняющие изложение: Троецарствие в Китае – «Доклады Географического общества». Вып. 5. Л., 1968; Величие и падение древнего Тибета. – В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1969; Сказание о хазарской дани. – «Рус.лит.», 1974, № 3; С точки зрения Клио – «Дружба народов», 1977, № 2; Искусство и этнос – «Декор, искусство СССР», 1972, №1.]. Статьи выполняли роль камней, из которых складывался фундамент здания; книги были стенами, а настоящий очерк – кровля, венчающая полувековую работу.

Именно это иерархическое построение позволило избежать перенасыщенности библиографией, которая полностью приведена в частных статьях и монографиях. На эти вспомогательные работы приведены отсылочные сноски, и критику легко проверить ход мысли автора.

Кроме того, оказалось необходимо использовать трактат «Этногенез и биосфера Земли» (Л., ЛГУ, 1989).

Таким образом, данная работа представляет опыт историко-географического синтеза, посвященного проблеме объяснения темных вопросов генезиса культуры и искусства Монголии в древности и Средневековье. И она завершает исследование, ибо для искусствоведа и культуролога будет всего лишь подспорьем, ступенью для дальнейших открытий и озарений. Искренне желаю будущим историкам культуры успеха и надеюсь на благодарность потомков, ради которых автор работал всю жизнь.

2. Страна и воздух

Тот факт, что разнообразие стилей и воздействий изобразительного искусства на зрителя имеет место у всех народов и даже у одного и того же народа в разных фазах его существования, отмечен давно, но толкового объяснения этому феномену нет. Так как монгольский орнамент крайне специфичен и отличается от орнаментов соседних стран, то уместно задать вопрос «а почему?». В XVII – XVIII вв. на это отвечали просто: разная географическая среда формирует разные психические складывания и, следовательно, является причиной разнообразия культур. Эта теория называется географическим детерминизмом. Создана она Боденом (в XVI в.), развита Монтескье (в XVIII в.), Гердером [266] и на Западе пользуется популярностью далее в XX в.

Теория эта проста и поэтому соблазнительна, но надо помнить, что простота – антипод истины. Например, природные условия Западной Европы и Японии стабильны, так как омывающие их моря смягчают колебания климата, а эпизодические повышенные увлажнения, хотя они и приносят некоторые бедствия, недостаточны, чтобы нарушить инерцию культурной доминанты, то есть многовековую традицию. А тем не менее традиции сменяют одна другую: на уровне суперэтноса – классическая античность Эллады и Рима сменила древнюю культуру пеласгов и этрусков, а сама уступила место византийской на Востоке и романо-германской на Западе. И на уровне изолированного этноса, например в Японии, на смену курганной эпохе Воинственных ямато пришла эпоха активного строительства буддийских пагод и храмов, которая окончилась кристаллизацией средневековой японской культуры в том классическом виде, в каком она попала в поле зрения европейцев XVIII в. Там она воспринималась как экзотика, чудачество народа, уединившегося на островах от всего цивилизованного мира. Но за какие-то сто пятьдесят – двести лет от этих представлений не осталось и следа – произошло «японское чудо», и японцы уже не учатся, а сами учат «цивилизованный мир», причем не только в промышленности, но и в литературе, живописи и кинематографе. Японская культура делает третий виток. Ландшафт тут ни при чем.

Но, может быть, в центре Евразийского континента, где диапазон климатических колебаний куда больше, где постоянно чередуются вековые засухи с эпохами повышенного увлажнения, дело обстоит иначе? Проверим и это возможное объяснение, опираясь на собственные исследования.

Посредине Евразийского континента, от Уссури до Дуная, тянется Великая степь, окаймленная с севера сибирской тайгой, а с юга – горными хребтами. Эта географическая зона делится на две половины, непохожие друг на друга. Восточная половина называется Внутренней Азией – в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири ее отделяют хребты Саянский, Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета – Куньлунь и Наньшань, от Китая – Великая стена, точно проведенная между сухой степью и субтропиками Северного Китая, а от западной половины – Горный Алтай, Тарбагатай, Саур и Западный Тянь-Шань. Это жестко очерченный географический регион, но культурные воздействия легко перешагивают за географические границы [102, с.78–87].

Западная часть Великой степи как вмещающий ландшафт культурного ареала включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья и даже, в отдельные периоды истории, венгерскую пушту. С точки зрения географии XIX в. эта степь – продолжение восточной степи, но на самом деле это не так, ибо надо учитывать не только характер поверхности Земли, но и воздух [89].

Атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи, имеют свою закономерность. Циклоны с Атлантики доносят влагу до торного барьера, отделяющего восточную степь от западной. Над Монголией висит огромный антициклон, не пропускающий влажных западных ветров. Он невидим, ибо прозрачен, и через него легко проходят солнечные лучи, раскаляющие поверхность земли. Поэтому зимой здесь выпадает мало снега, и травоядные

животные могут разгребать его и добывать корм – сухую калорийную траву. Весной раскаленная почва размывает нижние слои воздуха, благодаря чему в зазор вторгается влажный воздух из Сибири и, на юге, тихоокеанские муссоны. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных кормом на весь год. А там, где сыт скот, процветают и люди. Вот почему именно в восточной степи создавались могучие державы хуннов, тюрок, уйгур и монголов.

А на западе степи снежный покров превышает 30 см и, хуже того, во время оттепелей образует очень прочный наст. Тогда скот гибнет от бескормицы. Поэтому скотоводы вынуждены на лето, обычно сухое, гонять скот на горные пастбища – джейляу, что делает молодежь, а старики заготавливают на зиму сено. Так, даже половцы имели свои постоянные зимовки, то есть оседлые поселения, и потому находились в зависимости от древнерусских князей, ибо, лишённые свободы передвижения по степям, они не могли уклоняться от ударов регулярных войск. Вот почему в западной половине Великой степи сложился иной быт и иное общественное устройство, нежели в восточной половине [98].

Но в мире нет ничего постоянного. Циклоны и муссоны иногда смещают свое направление и текут не по степи, а по лесной зоне континента, а иногда даже по полярной, то есть по тундре. Тогда узкая полоса каменистой пустыни Гоби и пустыни Бетпак-Дала расширяется и оттесняет флору, а следовательно, и фауну на север, к Сибири, и на юг, к Китаю и Согдиане. Вслед за животными уходят и люди «в поисках воды и травы» [57], и этнические контакты из плодотворных становятся трагичными.

За последние две тысячи лет вековая засуха постигла Великую степь трижды – во II – III вв., X в. и XVI в., – и каждый раз степь пустела, а люди либо рассеивались, либо погибали [132]. Но как только циклоны и муссоны возвращались на привычные пути, трава одевала раскаленную почву, животные кормились ею, а люди снова обретали привычный быт и изобилие.

Но вот что важно: грандиозные событийные бедствия не влияли ни на культуру, ни на этногенез. Они воздействовали только на хозяйство, а через него – на уровень государственной мощи кочевых держав, ибо те слабели в экономическом и военном отношении, но восстанавливались, как только условия жизни приближались к оптимальным. Вот почему принцип географического детерминизма не выдержал проверки фактами. Ведь если бы географических условий было достаточно для понимания феномена, то в историческом времени при сохранении устойчивого ландшафта не возникало бы никаких изменений, не появилось бы новых народов, с новыми мировоззрениями и новыми эстетическими канонами. И не было бы развития, потому что пастьба овец не требует развития техники.

Овца ходит по степи и ест траву, а собака овцу охраняет. Лучше не придумать, и, значит, нужен не прогресс, а застой. Но на самом деле никакого застоя в Великой степи не было. Народы там развивались не менее бурно, чем в земледельческих районах Запада и Востока [123]. Социальные сдвиги были хоть и непохожие на европейские, но не менее значительные, а этногенез шел по той же схеме, как и во всем мире.

Легенда о пресловутой неспособности кочевников к восприятию культуры и творчеству – это «черная легенда». Кочевники Великой степи играли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем европейцы и китайцы, египтяне, ацтеки и инки. Только роль их была особой, оригинальной, как, впрочем, у каждого этноса или суперэтноса, и долгое время ее не могли разгадать. Только за последние два века русским ученым – географам и востоковедам – удалось приподнять покрывало Изида и над этой проблемой, актуальность которой несомненна.

Для того чтобы последующий исторический анализ и этнологический синтез были успешны, необходимо принять и соблюдать одно (только одно!) ограничивающее условие –

вести повествование на заданном уровне. Понятие уровня исследования известно всем естествоиспытателям, но не применяется в гуманитарных науках. И зря! Для истории оно очень полезно.

Объясним тезис через образ. Изучать звездное небо через микроскоп – бессмысленно. Исаакиевский собор – тоже. Да и человека или его кашне лучше наблюдать простым глазом. Но для изучения бактерий микроскоп необходим. Так и в истории. Там, где требуется широта взгляда, например для уяснения судьбы этноса или суперэтноса (системы из нескольких этносов), равно как стиля – готики или барокко, – мелкие отличия не имеют значения [Шупер В.А. Возможные пути влияния философии на поиски решения экологической проблемы. – В кн.: Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981, с.150]. А при повышении требований к подробности (скрупулезности) можно описать не только, допустим, амфору, но даже отбитый от нее черепок. Однако на этом уровне мы этноса не заметим, как муравей не видит Монблана.

Выбор уровня определяется поставленной задачей. Нам нужно охватить промежуток в три тысячи лет – Монголию и сопредельные страны (последние – для самоконтроля и пополнения информации). Ниже этого уровня будут уровни атомный, молекулярный, клеточный, организменный и персональный, граничащий с субэтническим. А выше – популяционный, видовой (относящийся уже к биологии), биосферный и, наконец, планетарный. Для нашей работы ни нижние, ни верхние уровни не нужны, хотя забывать о них не следует. За ними можно следить «боковым зрением», то есть учитывать по мере надобности. Если читатель согласен со всем вышеизложенным, можно пригласить его погрузиться в прошлое, для начала на самом обобщенном уровне – ландшафтно-популяционном.

3. История природы и история людей

Оба феномена имеют собственные закономерности. Этногенез – процесс природный. Он идет по ходу времени и необратим, как все процессы биосферы. Он возникает вследствие природных явлений, пока еще не выясненных до конца, и ведет себя подобно термодинамической системе, сначала расширяя ареал, а потом постепенно теряя силу первоначального импульса – «толчка» – и сливаясь с окружающей средой в подвижном равновесии – гомеостазе [108; 112; 130]. Сам по себе он не оставляет следов, и мы не знали бы о существовании таких явлений, если бы их энергия не фиксировалась в памятниках культуры – техники, искусства и письменности. А это уже не история природы, а история людей, точнее, изделий рук и умов людских, то есть техносферы.

В отличие от природных феноменов созданные людьми предметы не могут самовоспроизводиться и приспособляться к окружающей среде. Они могут только сохраняться или разрушаться [158], но зато в благоприятных условиях они не подвластны всеистребляющему времени. Поэтому они хранят информацию, заложенную в них их создателями – мастерами, зодчими, художниками. Только они, деятели культуры, сделали возможной науку историю, расширившую область применения человеческого интеллекта на десятки тысячелетий, в самые глубины палеолита – жизни наших предков.

Эти древние шедевры, добытые археологами, вызывают одновременно восторг и досаду. «Мортимер Уилер сравнивает археологию без дат с железнодорожным расписанием без указания времени» [189]. И вряд ли прав его оппонент, полагающий, что такое расписание лучше отсутствия всякого расписания. Датировки памятников могут быть ошибочными, классификация их – случайной, а интерпретация – предвзятой. Это не бросает тени на археологию палеолита и неолита, но только очерчивает границу ее возможностей. Там, где нет дат и имен, перед нами еще не история, а предыстория. Но как только появляются те и другие – историк на коне, он сжат тесным доспехом жесткой информации, оставляющей ему

право на воображение, но не на беспочвенную фантазию.

История Великой степи, долгое время не имевшей собственной письменности, начинается с трудов двух великих историков древности – Геродота и Сыма Цяня. Оба они располагали источниками, ныне утраченными, и передали нам сведения о скифах, динлинах и предках хуннов. Эти сведения не всегда полны, но они выдержали проверку исторической критикой, как сравнительной, так и внутренней. Если же добавить к их рассказам данные палеогеографии и палеоэтнографии [81; 115, с.44–52], то мы получим связную картину истории Великой степи за три тысячи лет. Это тот фундамент, на котором можно строить здание истории кочевой вообще и истории изобразительного искусства в частности. Даже если эта история будет неисчерпывающей, сама фикция лакун или заимствований будет объяснена иногда стихийными бедствиями – вековыми засухами, или воздействиями более сильных соседей, или соблазнами иноземцев, сумевших внедрить в умы и сердца кочевников дробящее души манихейство, утешающее несторианство, покой «желтой веры» и строгость ислама. Поэтому займемся историей страны и народов (этносов), ее населявших, определив для начала само понятие «этническая история».

Этногенез – природный процесс, флюктуация биохимической энергии живого вещества биосферы. Вспышка этой энергии – пассионарный толчок, происходящий в том или ином регионе планеты, – порождает движение, характер которого определяется обстановкой: географической, влияющей на хозяйственную деятельность этноса, социальной и исторической – традициями, унаследованными от прошлых этногенезов. Таким образом, этническая история описывается в четырех параметрах, подобно тому как любой предмет имеет длину, ширину, высоту и время от момента его создания [129, с.97–113]. Эта формулировка исключает приравнивание этноса к расовому типу, ибо расы – биологические таксоны – находятся на порядок выше исторического времени; поскольку этногенез – процесс энергетический, для образования нового этноса необходимо первичное сочетание разных компонентов, в том числе антропологических. Этнология – наука самостоятельная, но именно она дает возможность установить характер корреляции между историей народов и историей культур.

Вечно меняясь, умирая и возрождаясь, как все живое на нашей планете, этносы оставляют след былого путем свершения деяний, которые составляют скелет этнической истории. Этот след – память о событиях.

Но что бы мы знали о прошлых веках, если бы не было ни памятников, увековечивших их в камне и бронзе, ни живописи, фресковой и станковой, ни письменности, повествующей о них в стихах и в прозе? Ничего!

4. Монголия до хуннов и монголов

Нет ни одной страны, где бы со времен палеолита не сменилось несколько раз население. И Монголия не исключение. Во время ледникового периода Монголия была страной озер, ныне пересохших, а тогда окаймленных густыми зарослями и окруженных не пустыней, а цветущей степью. Горные ледники Хамар-Дабана и Восточных Саян давали столь много чистой воды, что на склонах Хэнтэя и Монгольского Алтая росли густые леса, кое-где сохранившиеся ныне, пережив несколько периодов жестоких усыханий степной зоны Евразийского континента, погубивших озера и придавших монгольской природе ее современный облик. Тогда среди озер и лесов в степи паслись стада мамонтов и копытных, дававших пищу хищникам, среди которых первое место занимали люди верхнего палеолита. Они оставили потомкам прекрасные схематические изображения животных на стенах пещер и утесов, но история этих племен, не имевших письменности, канула в прошлое безвозвратно.

Можно только сказать, что Великая степь, простиравшаяся от мутно-желтой реки Хуанхэ

почти до берегов Ледовитого океана, была населена самыми различными людьми. Здесь охотились на мамонтов высокорослые европеоидные кроманьонцы и широколицые, узкоглазые монголоиды Дальнего Востока и даже носатые американоиды, видимо пересекавшие Берингов пролив и в поисках охотничьей добычи доходившие до Минусинской котловины [22 - А. Каримуллин доказал, что очень много дакотских и тюркских слов совпадают по звучанию и смыслу. Это не может быть просто совпадением, но в Америке нет следов древнего пребывания азиатских монголоидов. Зато американоидные черты встречаются в скелетах Сибири III – II тыс. до н.э. Следовательно, не тюрки проникали в Америку, а индейцы – в Сибирь [50, с.123–126].].

Как складывались отношения между ними – неизвестно. Но нет сомнения в том, что они иногда воевали, иногда заключали союзы, скрепляемые брачными узами, иногда ссорились и расходились в разные стороны, ибо степь была широка и богата травой и водой, а значит, зверем, птицей и рыбой. Так было в течение тех десяти тысячелетий, пока ледник перегораживал дорогу Гольфстриму и теплым циклонам с Атлантики.

Но ледник растет лишь тогда, когда теплый ветер (с температурой около нуля) несет на него холодный дождь и мокрый снег. А поскольку эти осадки неслись на восток от Азорского максимума, ледник наращивал свой западный край и передвигался от Таймыра (18 тысяч лет до н.э.) в Фенноскандию (12 тысяч лет до н.э.), откуда сполз в Северное море и растаял. А в эти же тысячелетия его восточный край таял под лучами солнца, ибо антициклон, то есть ясная погода, пропускал солнечные лучи до поверхности земли, в данном случае льда. С тающего ледника стекали ручьи чистой воды, которые орошали степи, примыкавшие к леднику, наполняли впадины, превращая их в озера, и создавали тот благоприятный климат, в котором расцветала культура верхнего палеолита.

Но как только ледник растаял и циклоны прорвались на восток по ложбине низкого давления, пошли дожди и снегопады, а от избытка влаги выросли леса, отделившие северную степь – тундру – от южной – пустыни. Мамонты и быки не могли добывать корм из-под трехметрового слоя снега, и на месте роскошной степи появилась тайга – зеленая пустыня, где живут лишь комары, зайцы и кочующие северные олени. А на юге высохли озера, погибли травы и каменистая пустыня Гоби разделила Монголию на современную Внешнюю и Внутреннюю. Но, к счастью, в I тысячелетии до н.э. эта пустыня была еще не широка и проходима даже при тогдашних несовершенных способах передвижения: на телегах, запряженных волами, где колеса заменяли катки из стволов лиственницы, просверленные для установки осей.

Накануне исторического периода, во II тысячелетии до н.э., племена, жившие севернее Гоби, уже перешли от неолита к бронзе. Они создали несколько очагов разнообразных культур, существовавших одновременно и, очевидно, взаимодействовавших друг с другом. Это открытие было сделано С.И. Руденко, применившим радиоуглеродные методы (определение возраста по полураспаду C -----

| bookZ.ru collection

|-----

|

) для датировки археологических культур наиболее изученного района – Минусинской котловины. Оказалось, что археологические культуры не следуют одна за другой, эволюционно сменяя друг друга, а сосуществуют и датируются не III тысячелетием до н.э., а XVII – XV вв. до н.э. Разница почти в тысячу лет [229, с.39–45].

Согласно тем же датировкам, переселение предков хуннов с южной окраины Гоби на

северную совершилось не в XII, а в X в. до н.э. и тем самым связано с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай и впоследствии – знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события в свою очередь сопоставимы с началом скифского этногенеза, последующие фазы которого описаны Геродотом [51]. Итак, рубеж доисторических периодов и исторических эпох падает на X в. до н.э., причем разница этих двух разделов истории лежит только в степени нашей осведомленности. Люди всех времен знали названия своих племен и имена своих вождей, но наиболее древние из них до нас не дошли, а потому для изучения их приходится ограничиваться археологией и палеонтологией. Это, конечно, немало, но недостаточно для того, чтобы уловить и описать процессы древних этногенезов, не впадая при этом в грубые ошибки, аналогичные тем, какие сделали предшественники С.И. Руденко [244], подменившие действительную историю вымышленной, отвечавшей их предвзятым мнениям. Наука развивается, хотя на ее пути постоянно возникают препятствия, требующие преодоления. Ныне в распоряжении ученых кроме дат, установленных с помощью радиоуглеродных методов, появились имена народов, ранее называвшихся условно, по местам археологических находок или по искаженным чтениям древнекитайских иероглифов, которые в I в. до н.э. во времена Сыма Цяня, на труды которого мы опираемся, произносились не так, как сейчас.

И оказалось, что вместо «пазырыкцы» следует говорить «юечжи», а Б. Лауфер доказал, что эти иероглифы произносились «согдой», то есть согды [308]. «Тагарцы» обрели свое историческое имя – динлины, «сюнну» – хунны, «тоба» – табгачи, «сяньби» – сибирь, «тукю» – тюркюты. Только слово «кидань» пришлось сохранить, ибо его правильное звучание «ктай» перешло на жителей Срединной равнины, которых по ошибке стали называть «китайцами»; менять этноним поздно.

Но, несмотря на все успехи науки, связная история народов Великой степи может быть изложена только с III в. до н.э., когда безымянные племена Монголии были объединены хуннами, а полулегендарные скифы Причерноморья сметены сарматами. Тогда же создалась могучая держава Средней Азии – Парфия и был объединен Китай. С этого времени можно осмысливать этническую историю Монголии, а следовательно, и историю ее культуры, ибо как нет этноса без культуры, так не может быть культуры без этноса.

Дилетантам кажется, что история – это «жизнь без начала и конца». На близком расстоянии действительно не видно ни начал, ни концов. Современники никогда не видели пассионарного толчка, подобно тому как древние римляне не замечали, что республика давно сменилась империей. Но историк, находясь в должном отдалении от сюжета, видит смену цвета времени, даже делая поправку на плавность перехода. Обитатели Великой степи не замечали, как сменилось время, в котором они жили. Как до этого им казалось естественным пасти овец и охотиться, так через 150 лет их потомкам было очевидно, что надо ходить в походы. Люди не замечают перемены стереотипа своего поведения. Их обнаруживает только история долгих периодов, только там могут быть замечены переломные даты этнической истории.

Из сказанного вытекает, что модель этнической истории должна объяснить сложные периоды, где в глубоком этническом контакте ритмы разных суперэтнических целостностей порождали какофонические коллизии. Поэтому тема, избранная для иллюстрации проблемы контакта – история Монголии, и сопредельных стран, – годится для испытания нашего метода. Решение достигнуто средствами этнологии, проверка – традиционными приемами. Результат в обоих случаях однозначен. Значит, этнологическая модель может быть применена и к другой эпохе, территории, этносу, а также к географическим моментам модификации ландшафта в историческое время и к истории смены «культур». Факты скачкообразного развития наблюдаются многими областями науки и нигде не вызывают

недоверия, так же как и плавное становление в промежутках между скачками.

И ведь во всех странах и у всех этносов наблюдается та же картина. В VIII в. до н.э. так возникли этносы – создатели и носители античной культуры: Рим, Эллада и Персия – и почти одновременно (в исторических масштабах) погасли. В I – II вв. готы начали Великое переселение народов, даки погибли в борьбе с Римом, а крошечные христианские общины выросли в золотую Византию; и тоже инерции хватило на 1200 лет, кроме тех случаев, когда процесс был оборван вмешательством со стороны. В VI – VII вв. аналогично проявили себя арабы, раджпуты (этнос, смешанный из аборигенов и мигрантов: саков, согдийцев, эфталитов), тибетцы, средневековые китайцы и японцы. В IX в. в Западной Европе начались походы викингов, феодальные войны, реконкиста и образование наций, из которых лишь немногие дотянули до XX в. В XIV в. появились великороссы, турки, абиссинцы – ныне это молодые народы; перед ними будущее. Прочие примеры опускаем, ибо мысль ясна: кочевники Великой степи развивались так же, как и все прочие этносы, и если скифский виток этногенеза был нарушен и оборван внезапно возникшим хунно-сяньбийско-сарматским толчком, то это только показывает, что этногенные взрывы – явление природы.

Для того чтобы получать из наших наблюдений научные результаты, надо учесть несколько мелких, но важных деталей. Первая: взрыв этногенеза, или толчок (мутация), обнаруживается в истории не сразу. Ему всегда предшествует инкубационный период, обычно недолгий, около 150 лет, но вскрыть его очень трудно. Неучет этого явления может внести путаницу в анализ, а неясностей следует избегать. Вторая: никто не живет одиноко; значит, соседи могут силой оборвать начавшийся процесс; следовательно, этносу нужно научиться себя отстаивать. Третья: оригинальная культура, создаваемая этносом на протяжении всей его жизни, часто переживает его, как вещи, которые остаются после смерти их владельца. Наследникам предоставлено право либо расчистить свою землю от чужого хлама (а хламом нередко считают шедевры прошлого), либо тратить силы не на свое творчество, а на охрану памятников чужой старины. Неизвестно, что хуже, но автор этих строк – историк и потому безоговорочно предпочитает второй вариант.

И наконец, замечание чисто методологическое. Мерить чужую культуру по количеству уцелевших памятников – принципиально неверно. Может быть роскошная цивилизация, построенная на базе нестойких материалов – кожи, мехов, дерева, шелка, – и тупая, примитивная, но употребляющая камень и благородные металлы. От первой не останется следов, а остатки второй будет некуда девать. А ведь по числу находок оценивают «культуру» археологи и даже искусствоведы. Очевидно, для оценки уровня культуры надо иметь проверочные данные. Их-то мы и постараемся извлечь из этнической истории.

Запомнив перечисленные условия, вернемся в Великую степь, к хуннам и древним монголам.

5. Переломные даты

Принятая нами методика различения уровней исследования позволяет сделать важное наблюдение: этническая история движется неравномерно. В ней, наряду с плавными энтропийными процессами подъема, расцвета и постепенного старения, обнаруживаются моменты коренной перестройки, ломки старых традиций, коллизий, подсказанных предыдущими событиями, и ситуаций, не вытекающих из привычной расстановки сил. Вдруг возникает нечто новое, неожиданное, как будто мощный толчок потряс тщательно подобранную совокупность отношений и все перемешал, как мешают колоду карт. А после этого все улаживается и тысячу лет идет своим чередом.

При слишком подробном изложении хода событий этих дат увидеть нельзя – ведь люди не видят процессов горообразования, так как, для того чтобы их обнаружить, требуются тысячелетия, а мотыльки не знают о том, что бывает зима, ибо их активная жизнь

укладывается в несколько летних дней. И тут приходит на помощь наука, синтезирующая опыт поколений и работающая там, где личная и даже народная память угасает под действием губительного времени.

Переломные даты – не выдумка. В Великой степи их было три, и обо всех уже было упомянуто. Первой датой, древней и потому расплывчатой, надо считать X – IX вв. до н.э. Тогда появились скифы и возник Древний Китай. Вторая дата – III в. до н.э. На широте Ордоса и северных склонов Наньшаня появились три новых могучих этноса: на западе – сарматы, в горах Иньшаня – хунны, в современной Южной Монголии – ухуань и сяньби. Эту мощную вспышку этногенеза можно проследить до излета, то есть полной потери инерции, когда остаются только остывшие кристаллы и пепел. Третья вспышка – монгольский взлет XII в., инерция которого отнюдь не иссякла. Монголы здравствуют и творят, свидетельство чему – их искусство.

6. Хунну и фаза подъема кочевого мира

Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать. Этнические субстраты – компоненты возникающего этноса в момент флюктуации энергии живого вещества биосферы сливаются и образуют единую систему – новый, оригинальный этнос, обретающий в этом слиянии целостность, создающую свою, опять-таки оригинальную культуру [137].

Момент рождения этноса хунну связан с переходом племен хяньюнь и хунной с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру. Имя этноса, создавшего «культуру плиточных могил» [240, 241], украшенных изображениями оленей, солнечного диска и оружия, не сохранилось, но нет сомнения в том, что этот этнос, наряду с переселенцами с юга, формировался компонентами этноса хунну (или хуннов), относящегося к палеосибирскому типу монгольской расы [138; 66, с.46–48].

В IV в. до н.э. хунны образовали мощную державу – племенной союз двадцати четырех родов, возглавляемый: пожизненным президентом – шаньюем – и иерархией племенных князей, «правых» (западных) и «левых» (восточных). Отсчет у хуннов шел не с севера, как у нас, а с юга. Первоначальное слияние этнических субстратов в момент энергетического взрыва всегда ведет к усложнению этнической системы, то есть новый этнос всегда богаче и мощнее, нежели старые, составившие его. Хуннам предстояло великое будущее.

Не только хунны, но и их соседи оказались в ареале толчка, или взрыва, этногенеза, на этот раз вытянутого по широте от Маньчжурии до Согдианы. Восточные кочевники, предки сяньбийцев (древних монголов), подчинили себе хуннов, а согдийцы (юечжи), продвинувшиеся с запада, то есть из Средней Азии, до Ордоса, обложили хуннов данью. На юге Срединная равнина была объединена грозным царем Цинь Шихуаном, который вытеснил хуннов из Ордоса в 214 г. до н.э., лишив их пастбищ и охотничьих угодий на склонах хребта Иньшань и на берегах Хуанхэ. А хуннский шаньюй Тумань готов был на все уступки соседям, лишь бы они не мешали ему избавиться от старшего сына, Модэ, и передать престол любимому младшему сыну от очаровательной наложницы.

Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степными обывателями. Если бы все хунны были такими, то мы бы не услышали даже имени их. Но среди молодых хуннов уже появилось пассионарное поколение, энергичное, предприимчивое и патриотичное. Одним из таких новых людей был сам царевич Модэ. Отец отдал его в заложники согдийцам и произвел на них набег, чтобы они убили сына. Но Модэ похитил у врагов коня и убежал к своим. Под давлением общественного мнения Тумань был вынужден дать ему под команду отряд в 10 тысяч семей. Модэ ввел в своей войске крепкую дисциплину и произвел переворот, при котором погиб Тумань, его любимая жена и младший сын (209 г. до н.э.).

Модэ, получив престол, разгромил восточных соседей, которых китайцы называли дунху, отвоевал у китайцев Ордос, оттеснил согдийцев на запад и покори́л Саянских динлинов и кыпчаков. Так создалась могучая держава Хунну, население которой достигло 300 тысяч.

Тем временем в Китае продолжалась истребительная гражданская война. Если объединение Срединной равнины победоносным полуварварским царством Цинь унесло две трети населения побежденных царств, а угнетение покоренных – неизвестно сколько, то восстание всей страны против циньских захватчиков завершило демографический спад. Циньские воины закапывали пленных живыми, так же поступали с ними повстанцы, пока крестьянский вождь Лю Бан не покончил со всеми соперниками и не провозгласил начало империи Хань в 202 г. до н.э.

Население и военные силы Китая, даже после потерь в гражданской войне, превосходили силы хуннов. Однако в 200 г. до н.э. Модэ победил Лю Бана и заставил его заключить «договор мира и родства», то есть мир без аннексии, но с контрибуцией. Этот договор состоял в том, что китайский двор выдавал за варварского князя царевну и ежегодно посылал ему подарки, то есть замаскированную дань [66, с.60].

Но не только венценосцы, а и все хуннские воины стремились подарить своим женам шелковые халаты, просо для печенья, белый рис и другие китайские лакомства. Система постоянных набегов не оправдала себя: тяжеловато и рискованно. Гораздо легче наладить пограничную меновую торговлю, от которой выигрывали и хунны и китайское население. Но при этом проигрывало ханьское правительство, так как доходы от внешней торговли не попадали в казну. Поэтому империя Хань запретила прямой обмен на границе.

На это хуннские шаньюи, преемники Модэ, ответили набегам и потребовали продажи им китайских товаров по демпинговым ценам. Хунны имели успех. Китайские вещи текли в Великую степь, а это, как всегда, вело к смене обычаев и стереотипа поведения, а затем повлекло жестокою войну.

Во II – I вв. до н.э. в Китае бурно шли процессы восстановления хозяйства, культуры, народонаселения. К рубежу нашей эры численность китайцев достигла 59 594 978 человек [144, с.270–281] [23 - Цифры нельзя воспринимать буквально, но соотношения выдержаны, по-видимому, правильно.]. А хуннов по-прежнему было около 300 тысяч, и казалось, что силы Хунну и империи Хань несоизмеримы. Так думали сами правители Китая и их советники, но они ошиблись. Сравнительная сила держав древности измеряется не только человеческим поголовьем, но и фазой этногенеза, или возрастом этноса [137]. В Китае бытовала инерционная фаза, преобладание трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя, ибо процесс этногенеза в Китае начался в IX в. до н.э. Поэтому армию там вынуждены были комплектовать из преступников, называвшихся «молодыми негодьями», и пограничных племен, для коих Китай был угнетателем. И хотя в Китае были прекрасные полководцы, боеспособность армии была невелика.

Хунны были в фазе этнического становления и пассионарного подъема. Понятия «войско» и «народ» у них совпадали. Поэтому с 202 г. до 57 г. до н.э. малочисленные, но героические хунны сдерживали ханьскую агрессию. И только ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против Хунну окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Однако это подчинение было, скорее, формальным. Часть хуннов откочевала на запад, в долину реки Талас, и вступила в союз с парфянами. Те прислали в поддержку хуннам отряд римских военнопленных, и в 36 г. до н.э. произошла встреча римлян с китайцами. Римляне пошли в атаку сомкнутым строем, «черепашьей», прикрывшись щитами. Китайцы выставили арбалеты, расстреляли римлян и убили всех защитников [66, с.171–174].

Этот эпизод весьма поучителен. Если китайцы I в. до н.э. были в бою сильнее римлян, но

слабее хуннов, против которых они использовали численный перевес, то законно сделать вывод о том, что «энергетический» импульс молодого этноса уравнивает численность и организацию этносов старых, то есть создавших свою цивилизацию, где бы это ни случилось.

И действительно, как только Китай перешел от деликатного обращения с хуннами к попытке вмешаться в их внутренние дела, на что посягнул узурпатор Ван Ман в 9 г. н.э., хунны восстали, отложились от Китая и помогли китайским крестьянам – «краснобровым» – сбросить и убить узурпатора в 25 г. Эта авантюра стоила Китаю 70 процентов жителей, но к 157 г. численность населения восстановилась до 56 486 856 человек. Но это были уже не те люди. В конце II в. очередное крестьянское восстание, «желтых повязок», погубило династию Хань и древнекитайскую цивилизацию. В III в. население Китая упало до 7 672 881 человека. И это были уже не мужественные, работающие крестьяне, а усталые, деморализованные люди, неспособные защитить себя от пришлых племен – хуннов, тангутов и сяньбийцев [121, с.233]. Ханьская агрессия на запад не состоялась. И в этом заслуга хуннов перед человечеством.

Рост пассионарного напряжения в этнической системе благодетелен для нее лишь до определенной степени. После фазы подъема наступает как бы «перегрев», когда заявляет о себе избыточная энергия. Наглядно это выражается в междоусобных войнах и расколе на два-три самостоятельных этноса. Раскол – процесс затяжной. У хуннов он начался в середине I в. до н.э. и закончился к середине II в. н.э. Вместе с единством этноса была утрачена значительная часть его культуры и даже исконная территория – Монгольская степь, захваченная во II в. сяньбийцами, а потом – табгачами и жужанями. Но до этого периода, о котором мы расскажем особо, хунны за 150 лет акматической фазы [24 - Акматическая фаза – фаза высшего подъема энергетического, напряжения этноса. Это отнюдь не значит, что культура или экономика процветают или просто жизнь легка; скорее, наоборот, подъем энергии мы рассчитываем по количеству событий в единицу времени.], которую трудно называть «расцветом», пережили несколько победоносных и столько же трагических периодов, устояли в неравной борьбе с Китаем и уступили только сяньбийцам (древним монголам), у которых «кони быстрее и оружие острее, чем у хуннов».

И тогда хунны разделились на четыре ветви. Одна подчинилась сяньбийцам, вторая поддалась Китаю, третья, «неукротимые», отступили с боями на берега Яика и Волги, четвертая, «малосильные», укрылись в горах Тарбагатай и Саура, а потом захватили Семиречье и Джунгарию. Эти последние оказались наиболее долговечными. Они частью смешались на Алтае с кыпчаками и образовали этнос куманов (половцев), а частью вернулись в Китай и основали там несколько царств, доживших до X в. Эти последние назывались тюрки-шато, а их потомки – онгуты – слились с монголами в XIII в.

Такова видимая цепь событий, но то, что она развивалась столь причудливо, показывает, что мощные факторы нарушили запрограммированный ход этногенеза. Очевидно, без учета этих помех этническая история хуннов останется непонятной.

История искусства этноса – это фигуры на картине; описание повседневного быта – фон; изложение контактов с соседями – рамка. Без фона и рамки центральная фигура только фрагмент. Начнем с рамки.

Севернее державы Хунну, в Минусинской котловине, лежала страна динлинов. Хунны подчинили ее, и на месте «тагарской» культуры возникла «таштыкская», в которой монголоидный элемент увеличился, видимо, вследствие контакта с хуннами. В 85 г. динлины восстали и участвовали в разгроме хуннов вместе с сяньби и Китаем. Они были разбиты сяньбийцами в 157 г.

Сяньби – древние монголы – родились как этнос вместе с хуннами, от одного «толчка». Но они отстали в развитии, и, когда у хуннов наступила акматическая фаза, сяньбийцы были еще в фазе подъема. Поэтому им удалось одержать победу над хуннами в 91 г., а в 155–181 гг.

талантливый вождь Таншихай подчинил себе территорию современной Монголии и разгромил в 177 г. три китайские армии, пытавшиеся вторгнуться в Великую степь. После его смерти сяньбийская держава распалась.

В отличие от патриархально-родового строя Хунну Таншихай оформил подлинную военную демократию, то есть превратил народ в войско. Именно это помогло ему одержать победы, но потом обусловило быстрый распад державы. Ведь воины чтут только личность вождя, а для того чтобы охранять социальную систему, нужна еще и традиция. Вот почему, побежденные и расколотые на три державы, хунны пережили своих победителей. До V в. хунны были мощны и в Азии и в Европе, пока процесс этногенеза не привел их к естественному концу. Но об этом ниже.

На юге от Хунну лежал Китай, богатый, многолюдный и воинственный. Хунны любили китайские вещи: шелка, посуду, печенье, рис и т.п., но не принимали китайской идеологии. Ни рассуждения, ни утонченность конфуцианцев, ни грубый произвол легистов (Фацзя) не вызывали у кочевников симпатии. Впрочем, эти хитроумные учения были непонятны и необразованным китайцам, а жестокая эксплуатация и произвол чиновников были очевидны и весьма болезненны.

После гражданской войны III в. до н.э., восстановив экономику, ханьское правительство начало агрессию на север и запад. Как известно, война стоит дорого, и в I в. до н.э. налоги возросли настолько, что жить в Китае стало плохо. И тогда китайцы стали бежать за Великую стену, к хуннам, утверждая, что «у хуннов весело жить» [30, т. 1, с.107].

Хунны принимали беглецов, зная, что назад им дороги нет, и позволяли им устраивать у себя земледельческие колонии. Кроме ханьцев в этих колониях жили и другие племена Северного Китая, еще не ассимилированные китайцами и потому угнетаемые особенно сильно. Хунны называли их кул (qui). Ныне это слово значит «раб», но в древности оно имело другой смысл: иноплеменник, подчиненный чужому государству, без оттенка личной неволи. Кулы объяснялись между собой по-хунски, не сливались с хуннами, ибо не были членами родов. Но это им было не нужно. Совместные походы и соседство роднили их с хуннами, и они составили особый этнос в суперэтнической системе кочевой империи Хунну. А усложнение системы – это и есть фаза подъема этноса и развития культуры. Поэтому 300 тысяч хуннов могли удержать натиск 50 миллионов китайцев.

7. Больные вопросы

И тут возникает первое недоумение: в синхроническом разрезе хунны были не более дики, чем европейские варвары: кельты, кантабры, лузитаны, иллирийцы, даки, этолийцы, эфироты, фессалийцы, то есть почти все, кроме афинян, римлян и значительной части эллинов, покинувших родину. Почему же имя «гунны» (хунны, переселившиеся в Европу [150]) стало синонимом понятия «злые дикари»? Объяснить это просто тенденциозностью нельзя, так как первый автор, описавший гуннов, Аммиан Марцеллин, «солдат и грек» [3], был историком крайне добросовестным и прекрасно осведомленным. Да и незачем ему было выделять гуннов из числа прочих варваров, ведь о хионитах он ничего такого не писал, хотя и воевал с ними в Месопотамии, куда их привели персы как союзников. Очевидно, у него были веские основания.

С другой стороны, китайские историки Сыма Цянь, Бань Гу [30, т. 1, глава «Хунну»] и другие писали о хуннах с полным уважением и отмечали у них наличие традиций, способность к восприятию чужой культуры, наличие людей с высоким интеллектом. Китайцы ставили хуннов выше, чем сяньбийцев, которых считали примитивными, одновременно признавая за ними большую боеспособность и любовь к независимости – и друг от друга, и от Китая, и от хуннов [30, т. 1, глава «Сяньби»].

Кто же прав, римляне или китайцы? Не может же быть, что и те и другие ошибаются? А

может быть, правы те и другие, только вопрос надо поставить по-иному? Попробуем! Ведь у нас наука об этногенезе – возникновении, дроблении и исчезновении этносов внутри одной формации, в данном случае – первобытнообщинной.

Отметим, что хунны разделились еще до своей гибели – в 47–50 гг. н.э. Одни предпочли мир и подчинение Китаю, другие продолжали войну за «господство над народами». В такое время каждый хунн мог выбрать свой идеал – покой или победу. Одни выбрали мир, культуру, автономию, другие – войну, доблесть, независимость. Те и другие руководствовались складом своего характера, а разгром и отход на Волгу одних и спокойная жизнь на берегах Хуанхэ других усугубляли их несходство, в потенции имевшееся в еще монолитном этносе.

То же самое случилось с англичанами в XVII в., когда часть их уехала в Америку. Колонисты были недовольны порядками на своей родине. Некоторое время они оставались англичанами, а потом стали новым этносом – американцами. Банальный случай этнической дивергенции.

Естественно, отошедшие на запад хунны не унесли с собой культурных традиций, а сохранили только военные навыки. Больше того, при отступлении они теряли обозы, многих женщин и детей. Поэтому им пришлось добывать жен, что они и проделали. Таким образом, в Причерноморье возник новый, метисный этнос, который принято называть «гунны» и который унаследовал характер не столько своих хуннских отцов и дедов, сколько угорских и сарматских матерей и бабушек. И видимо, эти метисы действительно были свирепы и угнетали подчиненные племена, что и повело их государство к гибели: в 454 г., когда при реке Недао их разбили гепиды, и в 463 г., когда их восточную ветвь разгромили болгары – сарагуры. Остаток западных гуннов спасся в приволжских лесах и после вторичной метисации сложился в этнос чувашей, начисто забывших древние традиции азиатских предков [66, с.240–247; 65].

И тут возникает второй большой вопрос: а была ли у хуннов самостоятельная высокая культура или хотя бы заимствованная?

Первая фаза этногенеза, как правило, не создает оригинального искусства. Перед молодым этносом стоит так много неотложных задач, что силы его находят применение в войне, организации социального строя и развитии хозяйства, искусство же обычно заимствуется у соседей или у предков, носителей былой культуры распавшегося этноса.

И вот что тут важно. Предметы бытовые, оружие и продукты можно получать или заимствовать от кого угодно, потому что эти вещи нужны и никак не влияют на психику. А без предметов искусства вроде бы и можно обойтись, но ценны они лишь тогда, когда нравятся без предвзятости. Ведь без искренности невозможно ни творчество, ни восприятие, а искренняя симпатия к чужому (ибо своего еще нет) искусству лежит в глубинах народной души, в этнопсихологическом складе, определяющем комплиментарность, положительную или отрицательную.

Хунны в эпоху своего величия имели возможности выбора. На востоке лежал ханьский Китай, на западе – остатки разбитых скифов (саков) и победоносные сарматы. Кого же надо полюбить, повторяю – искренне и бескорыстно?

Раскопки царского погребения в Ноинуле, где лежал прах Учжунлю-шаньюя, скончавшегося в 13 г. н.э., показали, что для тела хунны предпочитали китайские и бактрийские ткани, ханьские зеркала, просо и белый рис, а для души – предметы скифского звериного стиля, несмотря на то что скифы на западе были истреблены свирепыми сарматами [161], а на востоке побеждены и прогнаны на юг, в Иран и Индию [25 - В 161 г. до н.э. юечжи отняли у саков Кашгар; в 127 и 123 гг. до н.э. парфяне отбили набеги саков, а в 114 г. до н.э. оттеснили их из Мервского оазиса на восток Ирана. В 58 г. до н.э. саки разбиты царем Индии

Викрамадитьей. При поддержке саков Фраат вступает на престол Парфии (30 г. н.э.). Затем следуют: союз саков с Парфией; поражение саков в Индии (124 г.); рассеяние саков в Пенджабе и Синде.]

Итак, погибший этнос скифов оставил искусство, которое пережило своих создателей и активно повлияло на своих губителей – юечжей и соседей – хуннов. Описывать шедевры звериного стиля здесь незачем, так как это уже сделано, причем на очень высоком уровне [228]. Нам важнее отметить то, на что раньше не было обращено должного внимания: на соотношение мертвого искусства с этнической историей Срединной Азии. Хотя искусство хуннов и юечжей (согдов) восходит к одним и тем же образцам, оно отнюдь не идентично. Это свидетельствует о продолжительном самостоятельном развитии. Живая струя единой «андроновской» культуры II тыс. до н.э. разделилась на несколько ручьев и не соединилась никогда [227]. Больше того, когда степь после засухи VIII – V вв. до н.э. снова стала обильной и многолюдной, хунны и согды вступили в борьбу за пастбища и за власть. В 165 г. до н.э. хунны победили в Азии, а после того, как они были разбиты сяньбийцами и вынуждены бежать в низовья Волги в 155 г. н.э., они там победили сарматское племя аланов, «истомив их бесконечной войной» [151]. Тем самым хунны, не подозревая о своей роли в истории, оказались мстителями за скифов, перебитых сарматами в III в. до н.э. [242].

Судьбы древних народов переплетаются в течение веков столь причудливо, что только предметы искусства – кристаллизация в камне и металле древних богатей – дают возможность разобраться в закономерностях этнической истории, но эта последняя позволяет уловить смены традиций, смысл древних сюжетов и эстетические законы исчезнувших племен. Этнология и история культуры взаимно оплодотворяют друг друга.

Итак, хотя хунны не восприняли ни китайской, ни иранской, ни эллино-римской цивилизации, это не значит, что они были неспособны. Просто им больше нравились скифы. Выбор вкуса – это право каждого, будь то один человек или многочисленный этнос. И надо признать, что кочевая культура до III в. н.э. с точки зрения сравнительной этнографии ничуть не уступала культурам соседних этносов в степени сложности системы – единственного критерия, исключаящего пристрастие и предвзятость.

И наконец, последний большой вопрос: каким способом следует сопоставлять культуры, а точнее, этногенезы, чтобы сравнение было плодотворным? В цитируемых работах был использован принцип синхронии, общепринятый, но малоэффективный. Это то же, что сопоставлять студента и школьника на том основании, что они живут в один и тот же день, и делать на основании такого сравнения выводы. Ясно, что результат будет бессмыслен.

Но если принять принцип диахронии – сравнить шестилетнего школьника со студентом или профессором, когда им было тоже по шесть лет, – то сопоставление будет иметь смысл, хотя для этого необходимо знание истории в объеме программы средней школы и категорическое запрещение отговорки: «Я этим не занимался».

Сравним Хунну, Францию и Рим в возрасте трехсот лет от их рождения как самостоятельных политических систем, зафиксированного в истории. Для Хунну это 209 г. до н.э., для Рима – 510 г. до н.э. (изгнание этруска Тарквиния Гордого и освобождение Рима), для Франции – Верденский договор 841 г. (образование королевства Франции, отделение от Священной Римской империи германской нации и других королевств: Арелатского, Наварры, Германии, Ломбардии). Все три этноса прошли фазу подъема и вступили в акматическую фазу: хунны – в 93 г., римляне – в 210 г. до н.э., французы – около 1142–1147 гг., и напомним, что хунны и сяньби составляли единую суперэтническую систему.

В аспекте государственном. Римляне – в войне с Ганнибалом, привлечшим на свою сторону половину италиков: самнитов, цизальпинских галлов, умбров. Исход войны еще не ясен, но, как известно, римляне одолели к 202 г. до н.э.

Французский король Людовик VII идет в крестовый поход 1147 г., где теряет войско. Затем

он теряет жену – Элеонору и ее владения – Аквитанию. На полвека Франция слабее соседнего герцогства, и только в 1213 г. (битва при Мюре) и 1218 г. (битва при Бувине) она становится подлинным королевством.

Хунны разбиты, как римляне – при Каннах и французы – в Малой Азии. На их месте воцаряются сяньбийцы, их ровесники, и вбирают в себя хуннов, оставшихся на родине. Через полвека Таншихай создает сяньбийскую державу, как Филипп II и Сципион Азиатский, покоривший Элладу.

В аспекте культуры. В Риме – эллинизация, кружок Сципионов – заимствование культуры Афин. Во Франции – схоластика и романский стиль в архитектуре – заимствование у аланов. В Хунну – звериный стиль, заимствованный у скифов.

В аспекте социальном и идеологическом. В Риме начинается борьба сенатской и демократической партий. Во Франции богословский спор мистиков (Бернард Клервосский) и схоластиков (Пьер Абеляр) перерастает в социальный (Арнольд Брешианский, ученик Абеляра). В Хунну – раскол на три этноса (см. выше).

До этих пор характеры этногенезов совпадают, но с III в. судьба Хунну выпадает из закономерности. Это происходит оттого, что этническая история зависит не только от запрограммированности процесса, но и от привходящих обстоятельств, из-за которых часто бывают смещения направления развития или его задержка. Это естественно, ибо люди живут в меняющейся природе и среди соседей, у которых есть свои особые ритмы этнического становления.

8. Помехи

Все этногенезы запрограммированы одинаково, но этнические истории предельно разнообразны. В естественном плане этногенез – это энергетическая вспышка, может быть, даже просто флюктуация, и последующий энтропийный процесс до уравнения энергетического баланса со средой. При этом этнос теряет внутреннюю структуру и становится беззащитным, чем обычно пользуются соседи. Тогда этнос рассыпается на отдельных людей, которые либо входят в состав других этносов, либо умирают от тоски. Следы остывания первоначального взрыва, или кристаллы былых деяний, – это предметы культуры, главным образом искусства. Такова общая схема этногенеза – природного процесса, происходящего в биосфере постоянно, ибо это способ жизни вида *Homo sapiens*.

Но если на этногенез вдруг воздействуют посторонние факторы, например колебания климата или агрессия соседних этносов, путь его становления будет смещен и ритм развития нарушен, а иногда и оборван. Последнее бывает редко, так как для этого нужна очень большая сила, и случается в моменты смены фаз. Эти трагические моменты чаще всего обойдены историками-эволюционистами, но историки-диалектики не имеют права игнорировать их. Поэтому мы отмечаем две переломные даты в этнической истории хуннов: 93 г., когда хунны потерпели сокрушительное поражение от коалиции Китая, сяньбийцев, динлинов и чэшицев (обитателей оазиса Турфана), и около 150 г., когда сяньбийский вождь Таншихай отогнал самых неукротимых хуннов к берегам Волги, после чего сяньбийцы расселились на восточной части Великой степи до Тянь-Шаня, но почему-то не остались там. Вот на эти «почему» мы и дадим посильные ответы.

Социальная сторона проблемы лежит на поверхности. Где уж тут устоять, когда враги окружали Хунну со всех сторон, а внутри державы честолюбцы вместо обороны стали бороться друг с другом за власть, заодно расшатывая общественную основу – патриархально-родовую строй. Почему же именно хуннам так не повезло, что они утратили даже родную землю? Обычно этнос держится за родной ландшафт.

Вспомним, что атлантические циклоны и тихоокеанские муссоны иногда меняют свои пути и перестают увлажнять степь, начиная заливать тайгу и тундру. Именно это произошло во II –

III вв. До того у хуннов тоже были тяжелые времена, но их старейшины говорили: «Мы не оскудели в отважных войнах» и «Сражаться на коне есть наше господство, и потому мы страшны всем народам» [30, т. 1, с.88]. Но когда стали сохнуть степь, дохнуть овцы, тощать кони, господство хуннов кончилось.

Но и победители не выиграли, ибо степь превратилась в пустыню. Сяньбийцам пришлось ютиться около гор, откуда сбегали ручейки из пересохших озер. Но таких было мало. Высох, хотя и не целиком, Балхаш, понизился уровень Иссык-Куля, а Аральское море превратилось в «болото Оксийское», то есть дно обмелевшей части заросло тростником [85, с.84–85].

Это бедствие продолжалось 200 лет. Лишь в середине IV в. н.э. циклоны и муссоны сменили путь своего прохождения [121, с.113–117].

Они понесли в степь животворную атмосферную влагу, ранее изливавшуюся на сибирскую тайгу. Изголодавшаяся земля ответила на это быстро. Зазеленели дотоле сухие равнины, кусты тамариска связали вершины песчаных барханов, ягнята нагуливали жир на нежных весенних травах, кони перестали страдать от бескормицы, а хунны на берегах Хуанхэ, Или и Волги, оказавшись хозяевами этого упавшего с облаков изобилия, ощутили себя снова могучими народами. Задержанный климатом этногенез снова пошел по заданной схеме.

Но века засухи не прошли бесследно: хунны вернулись в Монголию, которую заняли жужани и теле (телеуты). Жужани были сбродом из разных племен Северного Китая, где в IV в. уже не было китайцев, а теле были мирными скотоводами, во время засухи ютившимися на склонах Наньшаня и распространившимися по Великой степи, как только она стала пригодной для жизни. Они восстановили в Степи патриархально-родовой строй и культуру, близкую к хуннской, но с весьма существенными отличиями. Будучи людьми храбрыми и способными, они не стремились к завоеваниям и только защищались от хищных и жестоких жужаней, пока те не были уничтожены в 550 г. тюркютами [26 - Тюркют – это «тюрк» с монгольским суффиксом множественного числа. Так тюрков называли жужани, разговорным языком коих был сяньбийский, то есть древнемонгольский. Так как тюрки VI – VIII вв. были весьма не похожи на те этносы, которые позже присвоили себе название «тюрк», то во избежание путаницы целесообразно принять условное название – «тюркюты», тем более что этот этнос был начисто уничтожен в середине VIII в. и не оставил потомков [см. 94].], создавшими Великий каганат, простиравшийся от Желтого моря до Черного. Но о них речь впереди.

9. Фаза надлома и конец восточных хуннов

Надлом этногенеза – это период, когда после энергетического (пассионарного) «перегрева» система идет к упрощению. Для поддержания ее не хватает искренних патриотов, а эгоисты и себялюбцы покидают дело, которому служили их отцы и деды. Они стремятся жить для себя за счет накопленного предками достояния и в конце эпохи теряют его, равно как свои жизни и свое потомство, которому они оставляют в наследство только безысходность исторической судьбы.

Но это отнюдь не конец этноса, если в нем сохранились люди не пассионарные, а трудолюбивые и честные. Они не в силах возобновить утраченную творческую силу, творящую традиции и культуры, но могут сберечь то, что не сгорело в пламени надлома, и даже умножить доставшееся им наследство. В эту эпоху этнос или суперэтнос живет инерцией былого взлета и кристаллизует ее в памятники искусства, литературы и науки, вследствие чего представляется историкам и искусствоведам своего рода «возрождением».

Так назывался период XV – XVI вв. в Италии, когда страна ослабела настолько, что стала добычей хищных соседей – французов, испанцев, австрийцев, а четырнадцать гуманистов переводили с греческого на латынь древние книги и несколько десятков художников

расписывали храмы, куда уже приходили не молиться, а назначать свидания.

Этому возрасту этноса в Риме соответствовала «золотая посредственность» Августа, завершившаяся зверствами Калигулы и Нерона, а также солдатской войной 67–69 гг., когда сирийские, германские, испанские и итальянские легионы резались друг с другом, был разрушен Рим и опустошена Италия. Но ведь и то и другое не конец культуры, а ее кризис, для которого характерна смена этнической доминанты и стереотипа поведения, подобно тому как старика, пережившего тяжелую болезнь, привлекают покой и партия в шахматы с другом, а не туристский маршрут с решительными девицами. Но посмотрим, как прошел этот период у хуннов.

В период «расцвета» кочевников Монголии объединяли и возглавляли сначала хуннские шаньюи, а потом сяньбийский вождь Таншихай. В период надлома возникло и погибло 29 эфемерных этносистем (племен), которых китайские историки того времени объединили в ряд групп: хунны, кулы (соврем. кит. – цзелу), тангуты (ци) и тибетцы – кяны (цяны). Это первичное обобщение дало повод назвать эпоху «У ху» – «пять варварских племен». Чем вызвано такое дробление, явно нецелесообразное в смысле обороны?

Если бы все правители древности и Средневековья умели всегда находить верные решения и проводить их в жизнь, то история народов текла бы гораздо спокойнее. Но древним людям приходилось поступать и дурно и глупо, а этногенезы развиваются, как все природные феномены. Надлом – это как бы переход этноса в свою противоположность, и этим объяснима смена этнической доминанты (чтобы было не так, как раньше!) и стереотипа поведения.

Так, Римская республика превратилась в солдатскую империю, полиэтническая Франция – в королевство, где «один король, один закон, одна вера», а кочевники распались самым причудливым образом. В одних случаях смешались с аборигенами, в других – противопоставили себя им, в третьих – заимствовали чужую культуру, буддизм, в четвертых – вообще потеряли традицию.

Сложность этого периода в том, что кроме фактора этногенеза активно действовали еще два: засуха, кончившаяся в IV в., и соседство с другими суперэтносами – Китаем, враждебным к «северным варварам». Только учет этих трех параметров позволил дать интерпретацию этой жуткой эпохи, развернутую в специальном исследовании, на результатах которого мы будем базироваться в дальнейшем повествовании [121].

Когда хунны, теснимые засухой, поселились в Ордосе и Шаньси, где усохшие поля превратились в сухую степь, все-таки пригодную для скотоводства, казалось, что эти два этноса могут жить в мире. Но в Китае, как и в Риме, власть перешла в руки солдатских императоров династии Цзинь, а это были люди грубые и недаленовидные. Китайские чиновники безнаказанно обижали хуннов, хватали их юношей и продавали в рабство в Шаньдун, сковывали для вящего издевательства попарно хунна и кула. Хунны были «пропитаны духом ненависти до мозга костей», но их вместе с сяньбийцами жило в Китае 400 тысяч, а китайцев было уже 16 миллионов. Правда, в Шаньси были еще тангуты и тибетцы – всего около 500 тысяч, но они равно ненавидели и китайцев и степняков. Кроме того, хуннских князей китайцы приглашали ко двору, обучали языку и культуре, а фактически держали как заложников. Положение хуннов казалось безнадежным.

И вдруг в 304 г., во время очередной драки китайских воевод между собой, хуннский князь Лю Юань сумел вернуться домой. Старейшины хуннов обрели вождя и приняли решение оружием вернуть утраченные права. Лю Юань повел свой народ к победе, и хунны в 311 г. взяли столицу Китая – Лоян, а затем – вторую столицу, Чанъань, и в ней – китайского императора. К 325 г. весь Северный Китай был захвачен хуннами.

Китайцы перешли к тактике заговоров. В 318 г. приближенный шаньюя, китаец, убил его, но хуннские войска разбили заговорщиков. Однако при этом потрясении держава их

разделилась: кулы отложились от природных хуннов, победили их и истребили всю знать в 329 г.

Кулов постигла та же участь. В 350 г. усыновленный шаньюем китаец произвел государственный переворот и приказал убить всех хуннов, причем погибло много китайцев «с бородами и возвышенными носами» – типичный геноцид.

Изверга разбили южные сяньби – муюны, которые унаследовали Северный Китай. Их соперниками оказались тангуты, царь которых Фу Цзянь подчинил весь север Китая и Великую степь, которую пересекли сибирские сяньбийцы – табгачи, вышедшие из Забайкалья. Они разгромили в Ордосе хуннов, избежавших истребления в 350 г., и южных сяньби – муюнов.

За это время тангутский царь Фу Цзянь совершил нападение на Южный Китай и потерпел поражение при реке Фэй. Все покоренные им этносы покинули его в беде, а тибетцы поймали царя в его собственном царстве и убили. К 410 г. табгачи победили муюнов и стали самым сильным этносом на берегах Хуанхэ. Это не конец перечня событий, но остановимся для их анализа.

Вначале, около 304 г., пассионарный уровень хуннов был столь высок, что они победили великий Китай. Но он был ниже того уровня, который требовался для сохранения связей внутри державы. Поэтому отложились кулы и, перебив хуннскую знать, еще более снизили уровень, почти до уровня южных китайцев. Результат был однозначен: китайцы вырезали кулов, а муюны – сяньбийцы, перемешавшиеся с корейцами и китайцами в Ляодуне, – захватили низовья Хуанхэ.

Тангуты, жившие долгое время изолированно, победили муюнов, но, создав лоскутную империю, они шагнули к гибели. Фу Цзянь растратил потенциал своего этноса на войны и казни своих соплеменников, так как хотел получить популярность среди завоеванных им племен, а те его предали, ибо этнические симпатии не покупаются. И он погиб.

Наступила пора войны освободившихся муюнов, опиравшихся на плохо усвоенную китайскую традицию, с табгачами, которых все считали в VI в. дикарями. Табгачи победили, ибо были монолитным этносом, а не химерой – комбинацией нескольких компонентов из разных суперэтнических систем. Но, покорив Северный Китай, они встали на путь своих предшественников, а этот путь вел к гибели.

А хунны?.. Они не погибли, ибо были великим народом. Погибла только та часть, которая пошла на контакт с китайцами – народом многочисленным, хотя и находившимся в последней фазе этногенеза, за которым идет гомеостаз, сменившийся новым подъемом VI – VII вв. Безграмотные кочевники Ордоса обрели вождя, Хэлянь Бобо, который вспомнил, что его народ некогда, во II тысячелетии до н.э., жил на берегах Хуанхэ и был изгнан оттуда предками китайцев. Подобно вождю вандалов Гензериху, разгромившему Рим, чтобы отомстить за разгром Карфагена, Хэлянь Бобо в 407 г. создал хуннское царство в Ордосе и объявил, что воссоздал древнее царство Ся.

Вот третий вариант хуннского этногенеза и культуры. Но был и четвертый: в 400 г. некий хунн Мэн Сун захватил нынешнюю провинцию Ганьсу и основал в ней княжество Хэси (буквально – «западнее реки», подразумевается Хуанхэ). Это государство буддийские монахи называли «бриллиантом северных стран». Там были знаменитые пещеры Дуньхуана.

Оба хуннских государства были завоеваны табгачами: Ся – в 431 г., а Хэси – в 460 г. Хунны на востоке погибли одновременно с гуннами на западе – в 463 г. Вряд ли это простое совпадение: скорее, здесь неудачно пережитый кризис – фаза надлома этногенеза в исключительно неблагоприятных условиях.

И наконец, около 488 г. племена теле уничтожили государство «малосильных» хуннов в Семиречье – Юебань. Казалось, это конец эпохи, но дело обстоит гораздо сложнее: хунны сумели передать эстафету культуры другому народу, покрывшему себя славой. Инерционный

период кочевой культуры все-таки, несмотря ни на что, состоялся. И в этом вторая заслуга хуннов перед мировой историей.

10. Без родины и отечества

Замечательный французский историк и ориенталист Рене Груссе, описывая в своей «Степной империи» эпоху IV – V вв., назвал ее «Великим переселением народов Азии», тем самым уподобив ее европейскому передвижению германцев в Римскую империю. Некоторое сходство действительно есть, но различий гораздо больше.

Хунны просто вернулись на склоны Иньшаня и Алашаня, откуда их выгнали ханьские войска во II в. до н.э., причем китайский историк писал: «Хунны, потеряв эти земли, плакали, когда проезжали мимо этих гор». И вели себя хунны, вернувшись на утраченную родину предков, не так, как вандалы или свевы в Испании и Африке.

Сяньбийцы-муюны никуда не переселялись, а только расширили свое царство за счет обессиленного и обеспокоенного Северного Китая. В Южном Китае продолжала существовать национальная династия Цзинь, лишь в 420 г. низвергнутая не пришельцами из степи, а аборигенами, племенами группы «мань». Эти племена, близкие к современным вьетнамцам, малайцам, бирманцам, были завоеваны еще ханьцами, отчасти окитаены, но отнюдь не обожали своих правителей, сбежавших от хуннов за непроходимый барьер голубой реки Янцзы. На юге цзиньцев не уважали и при случае расправлялись с ними.

Тангуты (ди) и тибетцы (кян) жили на своих исконных землях [55, с.3]. Попытку овладеть Северным Китаем они сделали себе на беду. После катастрофы 383 г. тангутов не стало, а тибетцы отошли на запад, в горную страну Амдо, где их и нашел Н.М. Пржевальский. До этого судьба их была связана с Тибетом, а не с Китаем или Великой степью.

Кто же переселился на юг? Только один этнос, зато самый значительный, – табгачи [27 - Долгое время этот народ назывался по-китайски – «тоба». Правильное название установлено после прочтения орхонских надписей.]

Табгачи, подобно всем этносам этой эпохи, были смесью, но не с китайцами или хуннами, а с древними тунгусами – подобно последним, они носили косы. Находясь вне зоны пассионарного толчка, они включились в активную историю позже всех, ибо пассионарность они импортировали путем контактов с южными соседями, как англичане, получившие ее от викингов и французских феодалов. Будучи самыми отсталыми, табгачи в IV в. еще не прошли свою акматическую фазу и истратили энергию системы на внешние войны с муюнами, хуннами и южными китайцами. Достигнутая в V в. победа объясняется не столько мощью табгачей, хотя в доблести им отказать нельзя, сколько обскурацией Китая, подобной той, которая наблюдалась в Риме в V в., и надломом хуннских этносов, не успевших обрести новые формы общественной жизни.

Однако победа табгачей была отравлена тем, что из среды разбитых ими племен выделились отдельные храбрые люди, которые покинули своих вялых соплеменников и ушли в пустыню, которая в IV в. снова стала превращаться в цветущую степь. Там они нашли для себя место под солнцем, но, будучи воинами, хотя и разбитых армий, они не могли вернуться к труду мирных скотоводов – по закону необратимости эволюции. Они объединились не в племена, а в банды и жили больше за счет грабежа, чем пастьбы скота. Это были жужани – этнос, возникший не вследствие мутации, а сложившийся из отходов хунно-сяньбийского этногенеза. Общим языком у них был сяньбийский, то есть древнемонгольский, а различие происхождения людей, примыкавших к ним, никого не трогало и не интересовало. Для них важно было лишь то, чтобы каждый новый сочлен ненавидел табгачей – захватчиков, жестоких покорителей и обидчиков. Так в V в. сложилась этнополитическая коллизия, напоминающая бывшее соперничество Хань и Хунну, но с крайне существенным различием, о котором стоит подумать.

Хань и Хунну были естественно возникшими этносами, органически связанными с ландшафтом своих стран. Разница была лишь в возрасте. Хань – мощный, мудрый пожилой человек, еще не потерявший силы и воли; Хунну – юноша, для которого все впереди. Поэтому, когда Китай в III в. пережил очередную смену фазы этногенеза – Троецарствие – и превратился в дряхлого эгоиста – Цзинь, хунны стали победителями и уступили только отсталым, то есть молодым, табгачам.

Но табгачи сменили ландшафт, то есть лишили себя родины. Оказавшись меньшинством среди покоренных этносов, живших дома, а не на чужбине, табгачи были вынуждены с ними считаться, а следовательно, учиться у них. Так они потеряли отечественную традицию. У них осталась только социальная система и военная машина. Та и другая работали безотказно до VI в., пока в эти творения рук человеческих поступала энергия природы. А потом погубили своих создателей, прекратив действовать и развалившись на составные части.

Вкратце процесс распада табгачской державы шел так. Тоба Гуй (386–409) победами основал государство, но ввел ряд реформ, которые можно охарактеризовать как попытку создать феодальную систему, окончившуюся провалом. Самой важной реформой стало принятие закона об обязательном убийстве матери наследника престола сразу после его рождения. Дело в том, что сяньбийцы очень уважали женщин и родственники ханши-матери требовали себе видных мест в органах правления. Поэтому знатные табгачи не отдавали дочерей в ханский гарем. Пришлось пополнять его китайками, что повело к отчуждению правительства от народа. Это был необратимый процесс, ведущий к гибели.

Тоба Сэ (409–423) привлекал китайских крестьян на опустелые земли, восстановил китайскую бюрократическую систему и обложил свой народ – табгачей – налогами. Еще шаг в деэтнизации, вынужденный тяжелыми войнами с хуннами и жужанями, победа над которыми не давалась.

Тоба Дао (423–452) победил хуннов и отразил жужаней, но объявил государственной религией даосизм и начал религиозные преследования буддистов, конфуцианцев и язычников. К счастью, тирана убил офицер его собственной гвардии, интриган и мерзавец, которого прикончил другой офицер, его соперник. Табгачское ханство превратилось по духу и быту в полукитайскую империю Вэй.

Строй, который в ней господствовал, точнее всего назвать «загнивающим феодализмом», а сочетание табгачского меньшинства, покоренных кочевников других племен и китайской угнетенной массы – этнической химерой, как все химеры, нежизнеспособной. Некоторое время государство держалось по инерции, но в 490 г. на престол вступил Тоба Хун II, матерью которого была китайка по имени Фэн (птица Феникс). Она успела отравить своего мужа (в 476 г.) и правила как мать наследника, отдавая предпочтение китайцам перед табгачами. Ее сын завершил дело матери: в 495 г. был издан указ, запрещающий употребление сяньбийского языка, одежды, прически (косы), браки сяньбийцев с соплеменницами и даже похороны в родных степях. Табгачские имена было велено сменить на китайские. За попытку уехать в Степь и жить по-старому был казнен наследник престола и все его спутники. От табгачей осталось только имя.

После этой реформы в империи Вэй началось полное разложение: ханжество, лицемерие, фаворитизм и, наконец, восстание воевод и распадение империи на Восточную и Западную, немедленно начавших войну друг с другом. В 536–537 гг. Северный Китай поразил голод, погубивший 80 процентов населения страны. Только то, что в Южном Китае разложение было столь же сильным, помешало тамошним императорам вернуть себе Северный Китай. Но ведь и на юге вместо этноса возникла химера. Там роль хуннов и табгачей выполнили мяо, лоло, юе и другие племена группы «мань». Они были не добрее северных соседей Древнего Китая, который угас в VI в.

А как же развивалась культура в это страшное время? Строго закономерно, угасала при каждом потрясении. Эпоха была насыщена событиями, а событие – это разрыв одной из системных связей. Когда разрывов много, энтропийный процесс этногенеза становится заметным даже без микроскопа и бинокулярной лупы. Но это одновременно угасание культуры, уничтожение предметов искусства, забвение науки и остывание костра, ставшего пеплом.

И наоборот, творческие процессы, то есть усложнение путем умножения системных связей, долгое время незаметны, потому воспринимаются как естественные. Здесь события сводятся к освобождению от помех развитию. Поэтому так трудно бывает определить дату начала этногенеза и продолжительность инкубационного периода. Зато новая либо восстановленная культура пленяет историка, и кажется, что она возникла из ничего. Но это обман зрения. Процесс борьбы со временем так же реален, как и необратимость разрушения.

Не следует осуждать людей эпохи надлома за то, что они не оставили нам, потомкам, дворцов и картин, поэм и философских систем. И в это время были таланты, но их силы уходили на защиту себя и своих близких от таких же несчастных соседей, задвинутых вековой засухой в Китай, как в коммунальную квартиру, где все ненавидят друг друга, хотя каждый по-своему неплох. Ведь если бы тогдашний Китай не впал в старческий склероз, а сохранил эластичность минувших фаз этногенеза, ассимиляция кочевников обогатила бы его культуру, а терпимость, не будь она утрачена, сохранила бы жизнь многим хуннам, тангутам, табгачам и дала бы им возможность принять участие в создании если не общей культуры, то целого букета этнических культур.

Итак, не следует осуждать эпоху за то, что она была трагичной, и людей, которые сражались, не имея возможности помириться. Лучше посмотрим на то, как воскресла кочевая культура без дополнительных импульсов, за счет остатков нерастраченных сил.

Как ни странно, решающую роль в спасении народов от гибели сыграло искусство. Казалось бы, этногенез должен более взаимодействовать с техникой, изготавливающей предметы необходимости, но ведь, когда эти предметы ломаются, их просто выбрасывают, потому что их можно использовать, но не за что любить.

В отличие от других предметов техносферы памятники искусства, тоже сделанные руками человека, способны сильно влиять на психику созерцающих их людей. Но это влияние, а точнее, влечение бескорыстно, непредвзято и разнообразно, ибо одни и те же шедевры на разных людей влияют по-разному, а это уже выход в этнические процессы. Предметы искусства формируют вкусы, а следовательно, и симпатии членов этноса при постоянно возникающих контактах. Отсюда идут разнообразные заимствования, что либо усиливает межэтнические связи, либо, при отрицательной комплиментарности, ослабляет их. То же самое с памятниками собственной древности и старины. Их либо любят и берегут, либо, считая старомодными, выбрасывают и губят. А это значит, что этнос может сделать выбор и тем проявить свою волю к восстановлению системных связей, что задерживает энтропию или распад системы. Это сделали древние тюрки, о которых пойдет речь.

11. Инерционная фаза. «Тюркский Вечный эль»

Если этнос во время катаклизма не распался и сохранил здоровое ядро, оно продолжает жить и развиваться более удачно, чем во время пассионарного «перегрева». Тогда все мешали друг другу, а теперь выполняют свой долг перед родиной и властью. Трудолюбивые ремесленники, бережливые хозяева, исполнительные чиновники, храбрые «мушкетеры», имея твердую власть, составляют устойчивую систему, осуществляющую такие дела, какие в эпоху «расцвета» казались мечтами. В инерционной фазе не мечтают, а приводят в исполнение планы, продуманные и взвешенные. Поэтому эта фаза кажется прогрессивной и вечной.

Именно в этой фазе римляне назвали свою столицу «Вечный город», а тюрки свою державу – «Вечный эль», а французы, немцы, англичане были уверены, что вступили на путь бесконечного прогресса, ведущего в вечность. А куда же еще?

Но социальное развитие идет по спирали, а этническое – дискретно, то есть имеет начала и концы. Инерционная фаза Великой степи продолжалась 200 лет (546–747) и закончилась трагически – этнос-создатель исчез, оставив потомкам только статуи, надписи и имя. А может быть, это не так уж мало?

Вихрь времени ломал дубы – империи и клены – царства, но степную траву он только пригибал к земле, и она вставала не поврежденная. Жужань, разросшаяся банда степных разбойников, с 360 г. терроризировала всех соседей и после удачных внезапных набегов укрывалась на склонах Хэнтэя, или Монгольского Алтая. Захваченные в плен, они находили способ убежать. В 411 г. жужани покорили саянских динлинов, вернее остатки их, и Баргу; в 424 г. разгромили столицу империи Тоба-Вэй; в 460 г. взяли крепость Гаочан (в Турфанской впадине), а в 470 г. разграбили Хотан. Жужани были проклятием кочевой Азии и всех соседних государств. Но и этому осколку эпохи надлома должен был наступить конец.

Во время жестокой эпохи перелома, перемоловшей все племена в муку, воинские части часто комплектовались из представителей разных этносов: хуннов, сяньбийцев, тангутов и прочих. Во главе такого небольшого отряда (500 семейств) стоял некий сяньбиец Ашина, служивший хуннам Хэси в 439 г. После поражения и завоевания страны табгачами Ашина увел свой отряд, вместе с женами и детьми воинов, через пустыню Гоби на север, поселился на склонах Алтая и «стал добывать железо для жужаней». Это были предки этноса «тюрк». Этноним не следует путать с современным значением этого слова – лингвистическим. В XIX в. их называли по-китайски «тукю» – «тюркют» по-монгольски. Так и мы будем их называть [94].

В конце IV в., когда повышенное увлажнение снова покрыло землю травой, на северо-запад Великой степи перекочевали теле, ранее жившие на окраине державы Хунну. Теле изобрели телеги на высоких колесах, что весьма облегчило им кочевание по степи. Они были храбры, вольнолюбивы и не склонны к организованности. Социальной формой их существования была конфедерация двенадцати племен, из которых ныне известны якуты, теленгиты и уйгуры. Этноним их сохранился на Алтае в форме «телеут». Так мы и будем их называть.

В 488 г. телеуты уничтожили хуннское царство в Семиречье – Юебань, которое распалось на четыре племени. С ними нам придется еще встретиться. Телеуты воевали в Средней Азии против эфталитов, а в Восточной – против жужаней... и крайне неудачно. Наконец, в 545 г. телеутов покорил глава тюркютов Бумын-каган, и с тех пор «тюркюты геройствовали их силами в пустынях севера». К тюркютам примкнули и остатки хуннов, хазары, болгары – утургуры (на Северном Кавказе), кидани (в Маньчжурии) и согдийцы, а жужани, эфталиты, огоры были побеждены. Так создан Великий Тюркский каганат, простиравшийся от Желтого моря до Черного.

Чтобы держать в покорности такую огромную страну, надо было создать жесткую социальную систему. Тюркюты ее создали и назвали «эль».

В центре этой социально-политической системы была «орда» – ставка хана, с воинами, их женами, детьми и слугами. Вельможи имели каждый свою орду, с офицерами и солдатами. Все вместе они составляли этнос «кара-будун» или «тюрк-беглер-будун» – тюркские беги и народ; почти как в Риме – «сенат и народ римский».

Термин «орда» по смыслу и звучанию совпадает с латинским «ordo» – «орден», то есть упорядоченное войско с правым (восточным) и левым (западным) крылами. Восточные назывались «голос», а западные – «тардуш». Вместе они составляли ядро державы, заставлявшее «голова склониться и колени согнуться». А кормили этот народ-войско огузы – покоренные племена, служившие орде и хану из страха, а отнюдь не из искренней симпатии.

Восстания племен то и дело возникали в тюркском эле, но жестоко подавлялись, пока одно из них не оказалось удачным. Тогда тюркютов не стало.

И вот что интересно. Вместе с усложнением социальной структуры снижается эстетический уровень. Искусство тюркютов – надгробные статуи хотя и эффектны, но и по выдумке и по выполнению несравнимы с хуннскими предметами звериного стиля. Тюркютское искусство уступает даже куманскому, то есть половецкому, сохранившемуся в европейской части Великой степи. Но это не вызывает удивления: тюркюты все время воевали, а это не способствует совершенствованию культуры. Зато оружие, конская сбруя и юрты – все то, что практически необходимо в быту, – выполнялись на исключительно высоком уровне. Но ведь такое соотношение характерно для инерционной фазы любого этногенеза.

По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху принципата, когда были завоеваны Прирейнская Германия, Норик, Британия, Иллирия, Дакия, Каппадокия и Мавритания, или Англия и Франция в XVIII – XIX вв. Каганат был не только обширнее, но и экономически мощнее Хунну, так как он взял контроль над «дорогой шелка» – караванным путем, по которому китайский шелк тек в Европу в обмен на европейское золото, прилипавшее к цепким рукам согдийских купцов-посредников.

Шелк тюркюты получали из раздробленного Китая, где два царства, Бэй-Чжоу и Бэй-Ци, охотно платили за военную помощь и даже за нейтралитет. Тюркютский хан говорил: «Только бы на юге два мальчика (Чжоу и Ци) были покорны нам; тогда не нужно бояться бедности».

В VI в. шелк был валютой и ценился в Византии наряду с золотом и драгоценными камнями. За шелк Византия получала и союзников, пусть подкупленных, и наемников, и рабов, и любые товары. Она соглашалась оплатить любое количество шелка, но торговый путь шел через Иран, который тоже жил за счет таможенных пошлин с караванов и потому вынужден был их пропускать, строго ограничивая, ибо при получении лишнего шелка Византия наращивала военный потенциал, направленный против Ирана.

Эта экономическая коллизия повела к войнам каганата с Ираном, но тюркюты, в отличие от хуннов, использовали изобилие железа, чтобы создать латную конницу, не уступавшую персидской. Эти войны повели к истощению сил каганата, ибо от торговли шелком выигрывали и богатели согдийские купцы и ханы, а не народ. Но пока не сказал своего слова обновленный Китай, положение и расстановка сил были стабильны. Они изменились в начале VII в., когда снова в историю вмешалась природа и произошел раскол каганата на Восточный и Западный – два разных государства и этноса, у которых общей была только династия – Ашина.

Восточный каганат был расположен в Монголии, где летнее увлажнение стимулировало круглогодичное кочевание, при котором пастухи постоянно общаются друг с другом. Навыки общения и угроза Китая сплачивала народ вокруг орды и хана, и держава была монолитной.

Западный каганат находился в предгорьях Тарбагатая, Саура и Тянь-Шаня, Увлажнение там зимнее, и надо запастись сеном для скота. Поэтому летом скот и молодежь уходили на джейляу – горные пастбища, а пожилые работали около зимовий. Встречи были редки, и навыков общения не возникало. Поэтому вместо эля там сложилась племенная конфедерация. Десять племенных вождей получили как символ по стреле, почему этот этнос называли «десятистрельные тюрки». Ханы Ашина вскоре потеряли значение и престиж, ибо их собственная, тюркютская дружина была малочисленна, вся политика определялась вождями племен. Китай был далек, Иран слаб, караванный путь обогащал тюркютскую знать, которая могла воевать друг с другом, что и ослабило Западный каганат настолько, что войска династии Тан его легко завоевали в 757 г.

Но откуда взял силы Китай? От природы! Новый пассионарный толчок вызвал новый взрыв этногенеза от Аравии до Японии.

12. Обновленный Китай – империя Тан

Пассионарный толчок – такое же явление природы, как засуха или наводнение. На рубеже VI – VII вв. (± 50 лет) по широте от Мекки до Японии активность людей увеличилась настолько, что они сломали все старые социальные и этнические перегородки и преобразились в новые, молодые этносы.

Арабы приняли ислам, кто искренне, кто лицемерно, и за 100 лет завоевали страны Запада до Луары и Востока до Инда и Сырдарьи. Иран остался севернее линии толчка, но в Синде произошла «раджпутская революция», свергнувшая наследников династии Гупта и уничтожившая буддизм в Индии, за исключением Цейлона и Непала. В Южном Тибете возникла могучая военная держава, 300 лет оспаривавшая у Китая гегемонию в Восточной Азии, а в Японии наступила эпоха великих перемен, и созданный тогда порядок дожил до переворота Мэйдзи. Но самое главное и важное произошло в Северном Китае. Там возникли два этноса: северокитайский, активно боровшийся против пережитков табгачского господства, и этнос окитаенных сяньбийцев, смешавшихся с китайцами. Тюрки по привычке называли его табгачским, как византийцы именовали себя «ромеями».

Эти два этноса создали две империи: китайцы – Суй (581–618), а псевдотабгачи – Тан (618–907). Этим последним мы будем называть «имперцы», ибо фактический создатель империи Тан, Тай-цзун Ли Шиминь, подобно Александру Македонскому, попытался объединить два суперэтноса – степной и китайский. И из этого, конечно, ничего не получилось, так как законы природы не подвластны произволу царей. Зато получилось нечто непредусмотренное: вместо противостояния Великой степи и Срединной равнины возникла третья сила – империя Тан, равно близкая и равно чуждая кочевникам и земледельцам. Это был молодой этнос, и судьба его была замечательна.

Окинем взглядом ход событий. К 577 г. тюркютский каганат расширился на запад до Крыма. Это значит, что силы тюркютов были рассредоточены. А Северный Китай объединился: Ян Цзянь, суровый полководец царства Бэй-Чжоу, завоевал царство Бэй-Ци, а вслед за тем подчинил Южный Китай – Хоу-Лян и Чэнь; в 587 и 589 гг. Китай стал сразу сильнее каганата, пережившего первую междоусобную войну и к 604 г. расколовшегося на Восточный и Западный каганаты.

Этот раскол был тоже не случайным. В Великой степи правители вынуждены считаться с настроениями воинов, а так как все мужчины были воинами, то, значит, – с чаяниями народа. А коль скоро народы в Монголии и Казахстане в VI – VII вв. были разными и интересы, быт и культура их различались, то раскол каганата был неизбежен. В 604 г. погиб последний общетюркютский хан, убитый тибетцами, и два новообразовавшихся каганата оказались вассалами империи Суй.

В начале VII в. как бы воссоздалась коллизия Хань и Хунну, но перевернутая на 180 градусов. Разница была еще в том, что молодая империя Суй, находившаяся в фазе подъема, была сильнее, богаче и многочисленнее каганата, уже вступившего в инерционную фазу. Казалось, что Китай вот-вот станет господином мира, но преемник Ян Цзяня, Ян-ди, – это был человек, в котором сочетались тупость, чванство, легкомыслие и трусость. Роскошь при его дворе была безмерна: пиры-оргии с тысячами (да-да!) наложниц, постройки увеселительных павильонов с парками от Чаньяня до Лояна, смыкающимися между собой, подкупы тюркютских ханов и старейшин, поход в Турфан и войны с Кореей – абсолютно неудачные, так как там император принял командование, не зная военного дела, и т.д.

Налоги возросли и выколачивались столь жестоко, что китайцы, ставшие молодым этносом после пассионарного толчка VI в., восстали. Восстал и тюркютский хан, отказавшийся быть куклой в руках тирана, восстали пограничные командиры, буддисты – поклонники Майтреи – и южные китайцы, завоеванные отцом деспота. Ян-ди укрылся в горном замке и там пировал

со своими наложницами, пока его не придушил один из придворных.

Этот подробный рассказ приведен для того, чтобы показать, что личные качества правителя, хотя и не могут нарушить течение истории, могут создать в этом течении завихрения, от которых зависят жизни и судьбы их современников. Подавляющее большинство китайцев, сильно и слабо пассионарных, стремились к национальному подъему и поддерживали принципы Суй. Но коронованный дегенерат парализовал их усилия, и победу в гражданской войне 614–619 гг. одержал пограничный генерал Ли Юань, обучивший свою дивизию методам степной войны и отразивший тюркютов, пытавшихся вторгнуться в Китай.

Фамилия Ли принадлежала к китайской служилой знати, но с 400 г. связалась с хуннами, потом с табгачами и, наконец, добилась власти, основав династию Тан. Опорой этой династии были не китайцы и не тюркюты, а смешанное население северной границы Китая и южной окраины Великой степи. Эти люди уже говорили по-китайски, но сохраняли стереотип поведения табгачей. Ни китайцы, ни кочевники не считали их за своих. По сути дела, они были третьей вершиной треугольника, образовавшегося за счет энергии пассионарного толчка.

Сам Ли Юань был просто толковым полководцем, но его второй сын, Ли Шиминь, оказался мудрым политиком и правителем, подлинным основателем блестящей империи Тан. По его совету Ли Юань, взяв Чанъань, объявил амнистию, кормил голодных крестьян зерном из государственных амбаров, отменил жестокие суйские законы и назначил пенсии престарелым чиновникам. Новая династия обрела популярность.

Будучи талантливым полководцем, Ли Шиминь подавил всех соперников – пограничных воевод (с 618 по 628 г.), победил восточных тюркютов (в 630 г.), отразил тибетцев, разгромил Когуре (Корею; в 645–647 гг.) и оставил своему сыну в наследство богатую империю с лучшей в мире армией и налаженными культурными связями с Индией и Согдианой. Оставалось лишь подчинить Западный каганат... и это произошло в 658 г. С этого года империя Тан была 90 лет гегемоном Восточной Азии. Искусство и литература эпохи Тан остаются до сих пор непревзойденными [28 - Литература вопроса громадна. Библиографию см.: Всеобщая история искусства, т. 2, кн. 2. Обзорная статья, там же (с.319–384).].

Примечательно, что мыслители VII в. заметили смену «цвета времени». Ли Шиминю приписана формулировка: «В древности, при Ханьской династии, хунны были сильны, а Китай слаб. Ныне Китай силен, а северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их» (Вэнсян-тункао XIV, цз 344, с.17а, 17б. Пер. Н.В. Кюнера) [94, с.175].

Что Ли Шиминь подразумевал под «силой»? Явно не число подданных и не техническую оснащенность. Но имел в виду тот уровень энергетического напряжения этносистемы, который раньше назывался «боевым духом». Ныне его материальная природа вскрыта и описаны энтропийные процессы, ведущие систему к распаду. В III – I вв. до н.э. хунны были молодым этносом, то есть находились в фазе подъема, а Хань – в фазе угасающей инерции. В VII в. положение изменилось диаметрально: потомки хуннов и сяньбийцев находились в инерционной фазе, в этнической старости, еще не дряхлости, а Северный Китай – на подъеме, так же как его ровесник – Арабский халифат. Оба они прошли через тот уровень пассионарного напряжения, при котором расцветают культура и искусство, и оба были сожжены пламенем пассионарного «перегрева». В Китае это произошло так.

Китайские националисты, сторонники Суй, ненавидели поборников Тан, не считая их за китайцев. Тюркюты и уйгуры служили императорам династии Тан, называя их ханами, но «имперцев» – так мы будем называть этот смешанный и спаявшийся этнос – они своими не считали. Китайские грамотеи, служившие чиновниками, боролись против ненавистного им этноса путем ложных доносов и интриг, вследствие которых танские богатыри гибли на

плахе. Этим империя Тан ослаблялась. Тюркюты, видя, что китайские интриганы, добившиеся должностей казенных танских воевод, вернулись к традиционной политике высокомерия, восстали (в 682 г.), восстановили свой каганат, держались до 745 г. и были, подобно хуннам, перебиты соседними племенами – уйгурами, карлуками, басмалами – и танскими регулярными войсками. Расправа была столь безжалостной, что тюркюты как этнос исчезли с этнографической карты мира. Земля их – Монголия – досталась уйгурам.

Но империя Тан надорвалась. Через шесть лет, в 751 г., танские войска были разбиты на трех фронтах: в Средней Азии – арабами, в Маньчжурии – киданями, в Юннани – местными племенами – наньчао. Это усилило китайских шовинистов, которые довели собственную армию до восстания (в 755 г.). Это восстание было подавлено не самими китайцами, хотя они сражались не жалея себя, а врагами империи Тан, уйгурами и тибетцами, призванными правительством на помощь против собственных солдат. Население страдало от союзников больше, чем от врагов. По переписи 754 г., в империи было 52 880 488 душ, а в 764 г., после подавления восстания, – 16 900 000 душ.

Идея империи Тан была потеряна. Она превратилась в банальное китайское царство, хотя и сохранила свои «западнические» симпатии – буддизм и наемную армию, комплектуемую кочевниками, по старой привычке симпатизировавшими империи Тан. Ведь для Китая «западом» были Индия и Средняя Азия, в которой жили потомки хуннов – тюрки-шато. Они-то и спасли империю Тан в последний раз.

Китайские националисты, главным образом ученые, ненавидели все иноземное: буддизм, индийские пляски полунагих девиц, доблесть кочевых тюрков и киданей, торговлю с границей, куда по демпинговым ценам утекал шелк, а взамен приходили соблазнительные учения – несторианство и манихейство. Последнее особенно шокировало китайцев проповедью аскетизма и коллективного разврата. Манихейство было запрещено в Китае под страхом смерти. Однако поскольку буддизм не был запрещен, а даже поощрялся, китайские манихеи объявили себя буддистами и внесли в буддизм свою оригинальную струю – культ силы Света. Итак, наследники табгачей и хуннов составили в Северном Китае особый этнос, который соседи называли по-старому, табгачи, и не считали китайским. Только европейские ориенталисты не делали различия между обновленными китайцами и потомками табгачей, но это следствие аберрации отдаленности.

Культура часто переживает этнос. Большая часть героев, сражавшихся за империю Тан, к концу VIII в. погибла: одни – в боях с повстанцами, другие – оклеветанные хитрыми китайцами – на плахе. Но моды, вкусы и симпатии погибших сохранились как традиция, противоречившая национальной исключительности и доброжелательная к мировой культуре, представленной в Китае в то время индийцами, хотанцами и северными варварами – кочевниками. Это приманивало последних в Китай, ибо могучая кочевая держава – Уйгурия – стала манихейской (об этом ниже), а Тибет – буддийским. В Китае же при династии Тан существовала терпимость. Поэтому последние среднеазиатские хунны, тюрки-шато, в 808 г. восстали против тибетцев, отвергли покровительство уйгуров, и 30 тысяч кибиток потянулись в Китай. Тибетцы гнались за ними до китайской границы; каждый день шел бой. Спаслись только 2 тысячи человек, из которых китайцы создали пограничный корпус.

Тем временем в самом Китае росли националистические идеи; к 870 г. они овладели массами, и в 874 г. грянул гром. Началось восстание Хуан Чао – китайского Пугачева. Восстание было направлено против династии Тан и иноземцев, которых Тан впустила в Китай. Этим пощады не было. В 879 г. повстанцы взяли Кантон и вырезали там арабских и еврейских купцов; в 880 г. та же судьба постигла Чанъань. Только Ли Кэюн, тюрк-шато, прозванный Одноглазым Драконом, при поддержке тангутского вождя Тоба Сыгуна нанес поражение повстанцам. Но империя Тан все-таки пала. В 907 г. китаец Чжу Вэнь, этот

трижды предатель (ибо он перешел к Хуан Чао, потом вернулся к Тан и, наконец, низложил последнего императора династии Тан), взял власть в свои руки. Так начался надлом этого витка этногенеза, именуемого «эпохой пяти династий и десяти царств» и закончившегося в 960 г. повторным объединением Китая, вступившего в инерционную фазу этногенеза, которая в китайской хронографии [64] называется «эпохой династии Сун» (960–1279).

Надлом этногенеза в средневековом Китае проходил приблизительно так же, как и в древнем. Тюрки-шато любили династию Тан, китайцы ее ненавидели. Поэтому в 923 г. эти последние хунны низвергли узурпатора, основателя династии Хоу-Лян, и восстановили империю Тан (Хоу-Тан), но тут в игру вступили последние сяньбийцы – кидани, жившие в Западной Маньчжурии. Это был союз восьми родственных племен, вожди которых правили всем народом по три года, по очереди. Но в 907 г. удачливый Елюй Абаоцзи не переизбрался, а отрубил головы прочим семи вождям. Он объявил себя Небесным императором, а свою жену – Земной императрицей и, продолжая завоевания, подчинил всю Маньчжурию и восточную часть современной Монголии. После этого он вступил в войну с тюрками-шато. Опустим подробности и отметим только, что сходство коллизий IV – V вв. и X в. очевидно.

Кончилось тем, что шато, как в древности хунны, проиграли войну, кидани заняли северо-восточный угол Китая, а подлинные китайцы удержались на юге от Хуанхэ, извергнув из своей культуры все варварские традиции и западные учения: манихейство, несторианство и отчасти буддизм. Эта непримиримость стоила им Северо-Западного Китая, где тангуты в 982 г. основали империю Си Ся, или Западное Ся, отрицавшую все китайское.

Как взболтанное масло и вода расслаиваются по своему удельному весу, так расслоилась империя Тан, а Восточная Азия оказалась разделенной на китайскую, степную и лесную – дальневосточную части, резко противостоявшие друг другу.

Судьбы их были различны. Китай медленно гнил; Кидань пыталась впитать в себя китайскую культуру, превратилась в монголо-китайскую химеру и пала в 1125 г. под ударом чжурчжэней (маньчжуров) – лесного племени, не затронутого цивилизацией, а в Степи еще раз вспыхнул пожар, но погас, спалив остатки степной культуры, да так радикально, что историки долго не верили в возможность существования культуры в Степи. Вот что дает завершение этногенного процесса там, где применяются материалы нестойкие.

13. Фаза обскурации – Уйгурское ханство

Победив тюркютов, уйгуры вместо эля установили конфедерацию племен, из которых одно было ведущим, но не господствующим. Однако даже такая, мягкая форма объединения была достигнута путем жестокой межплеменной войны 747–758 гг., причем границы Уйгурии были уже границ Тюркютского каганата. Так кто с кем воевал?

В VII и VIII вв. Азия стала полем распространения прозелитских религий. На западе бурно развивался ислам, на востоке – буддизм, а на севере обрели приют несторианское христианство и манихейство [94, с.373–386, 425–434]. Местная тюркская религия – культ Голубого Неба – отца и Бурой Земли – матери – уходила в прошлое вместе с осколками разгромленных племен и идеологией войны и победы. В VIII в. уже никто из степняков не хотел воевать иначе, как ради защиты своих юрт и кочевий от соседей. И тем не менее не было мира между Байкалом и пустыней Гоби. Почему?

Внешние конфликты свелись к минимуму. Китай залечивал раны после солдатского мятежа 756–763 гг. В Арабском халифате воинственные Омейяды уступили место лукавым Аббасидам, прекратившим завоевания. Тибетские цари продолжали захваты земель, но к югу от Гоби. Казалось бы, все было прекрасно.

Но в уйгурском степном ханстве неуклонно шел внутренний процесс снижения энергетического потенциала системы. Там не было достаточного количества искренних и жертвенных людей, способных сплотиться вокруг хана, но их было, увы, достаточно для

оппозиции правительству и возбуждения племен к отпадению. А в племенах наряду с вольнолюбивыми богатырями увеличивалось число людей, склонных к праздности, а потребительская психология влечет за собой последствия не менее кровавые, чем психология фазы подъема, которой обычно сопутствуют кровавые столкновения. Поэтому уйгурские подданные и сами уйгуры стали искать психологическую доминанту, которая бы объединила остатки степных пассионариев, способных поддержать державу.

Сами они создать оригинальную доминанту, или, что то же самое, мировоззрение, близкое всему народу, не могли, потому что для этого нужен высокий пассионарный уровень, обеспечивающий лабильность системы. Отдельные, даже очень способные и творческие персоны не могут сломать и перестроить застывший стереотип. Так из горячего воска легко вылепить статуэтку, а из застывшего невозможно. Но тогда выручает возможность заимствования идей, а заодно и инкорпорация людей со стороны, как своего рода подпитка системы энергией. Важно лишь, чтобы эта подпитка легко усваивалась и шла на пользу. И тут у кочевников Великой степи в VIII в. был богатый выбор.

Китайские учения – даосизм, конфуцианство и даже созерцательный чань-буддизм – кочевниками не усваивались. Ислам был религией их врагов – арабов. Культ Митры – бон – в это время переживал жестокие гонения в Тибете и отнюдь не отвечал настроениям уйгур. Это была воинственная религия, мироощущение богатырей, а не пастухов, постепенно переходящих к оседлости [103, с.72–90]. Зато христианство и манихейство понравились миролюбивым степнякам, но сами они были в непримиримой вражде друг с другом. И эта вражда повлекла за собой трагедию.

Хотя христианство и манихейство, которое считается ответвлением гностицизма, появились как массовые мировоззрения в одно и то же время, II – III вв. [201], и в одном месте, на Ближнем Востоке, они развились в диаметрально противоположных направлениях. Бог, вера в которого обязательна для всех направлений христианства, в космогонии манихейства отсутствует. Его место занимают две стихии – Света и беснующегося Мрака. Мрак сам по себе нематериален, но однажды его скопления случайно подкрались к области Света и попытались в нее вторгнуться. Против них вышел Первочеловек, но они облекли его световое тело, растерзали на части и мучают их; это сочетание света, заключенного в мраке, и есть материальный мир. Задачу свою манихеи видят в освобождении плененных частиц света из оков материи. Достигается оно не через смерть, ибо манихеи признают переселение душ, а через отвращение к жизни и всему телесному, материальному, в том числе к искусству, ибо его произведения сделаны из материи.

Таким образом, у манихеев мир не творение, заслуживающее любви, а результат катастрофы и подлежит уничтожению. Это учение весьма последовательно, и именно поэтому оно вызвало отвращение всюду, где проповедовалось, – в Риме, Иране и Китае. Римлян шокировала нетерпимость манихеев и их заумная натурфилософия, претендовавшая на то, чтобы вносить поправки в естествознание, в то время достаточно совершенное; персов и арабов – безбожие и ложь, не только разрешенная, но прямо предписанная манихейским «верным» как средство борьбы с материей; китайцев – запрещение семьи и изнурение плоти путем аскезы и коллективного разврата, чтобы вызвать в себе отвращение к жизни; буддистов – жестокость по отношению к людям и животным, которых манихеи считали «злыми», то есть несогласными с их учением. Только уйгуры приняли манихейство как государственную религию. И тогда в Великой степи впервые начались гонения на религиозные взгляды.

Принятие уйгурами манихейства не было предопределено судьбой. В Уйгурии была и христианская община. Троица, которой поклоняются все христиане, по-уйгурски называлась «Уч Ыдук», буквально – «Три святыни». Но во время межплеменной войны 752 г. эта община оказалась союзницей басмалов и тюргешей, которые были разбиты. Манихейская же община

поддержала победившего хана и выиграла власть.

По сути дела, Уйгурия, одержав ряд блестящих побед, находилась в это время на пороге гибели. Социально-этническая система ее упростилась до, такой степени, что удержать ее от распада на независимые племена можно было только силой. Поэтому появление конфессиональной общины с культурной доминантой укрепляло власть хана. Вопрос в другом: удачен ли выбор? Пожалуй, не очень, но с Китаем отношения были натянутые, а в Китае христианство в VIII в. было дозволено, а манихейство запрещено. Следовательно, для Уйгурии манихеи были естественными союзниками, и в 766–767 гг. хан и вельможи приняли «религию Света», а «как люди высшие действуют, (тому) низшие подражают».

Первыми жертвами фанатичных манихеев оказались каменные изваяния тюркских богатырей. Ю.Н. Рерих рассказал автору этих строк, что в Монголии они все разбиты и обезображены, и был удивлен, что аналогичные изваяния сохранились на Алтае и в Семиречье. Вряд ли кто-либо из наших историков может одобрить сектантский вандализм.

Затем, в 795 г., в результате серии дворцовых переворотов ханская власть была ограничена советом чиновников (не племенных вождей) и руководителей манихейской церкви, которые потребовали, чтобы «во всей земле простолюдины и живые существа чистые и добрые были покровительствуемы, а злые истребляемы». Определяли же, кто добр, а кто зол, те же манихеи. По их мнению, «неверующие по незнанию называли черта Буддой», и есть сведения, что в манихейских кумирнях изображался демон, которому Будда моет ноги. Эти кумирни, конечно, не сохранились. Нетерпимость надолго стала знаменем эпохи.

Все соседи Уйгурии – буддисты, шаманисты, мусульмане, христиане и конфуцианцы – стали ее врагами. Но не только враги, а и сами уйгурские простолюдины тяготились новой религией. Возможно ли было растолковать пастуху, неграмотному храброму воину, что его родная благоухающая степь, любимая жена и веселые дети – страшное зло, от которого надо отречься? Мог ли он возненавидеть свои крепкие руки, натягивающие тугой лук до уха, и своего боевого коня, носившего его к победам над врагами? Мог ли он представить себе абстракцию борьбы Огненного Сияния с беснующимся Мраком? Ясно, что народ был манихейским только по названию. Так произошел разрыв между неопитами и массой.

Кончилось это в 840 г. Из Сибири пришли кыргызы, взяли столицу Уйгурии Каракорум и казнили всех вельмож, не успевших бежать. Уцелевшие продолжали борьбу до 847 г., но были вынуждены отойти на юг и юго-запад, оставив пустыню Гоби барьером между собой и победоносными, безжалостными кыргызами. Там уйгуры основали два небольших княжества, одно в Ганьсу, другое в Турфане. Первое было завоевано, а второе уцелело, но люди, его основавшие, были ассимилированы населением завоеванных ими оазисов и, подарив покоренным даже свое имя, исчезли как этнос. С IX по XV в. уйгурами назывались именно подчиненные им племена, а самих их не стало, как и их бывших соперников – тюркютов, тоже оставивших свое имя многим этносам, отнюдь не бывшим их потомками.

Эти новые носители имени «уйгуры» оставили после себя богатое, даже роскошное искусство, потому что они не были манихеями, а были буддистами и несторианами. Но эта культура не кочевая, а оседлая, базисная, и потому лежит за пределами нашей темы.

14. После конца – этнические осколки

Как известно, случайности в истории встречаются часто, но большого значения не имеют, потому что их последствия – зигзаги – компенсируются в могучих течениях исторических и природных закономерностей. Но совпадения, или встречи двух-трех потоков закономерностей, влекут за собой либо смещения исторических судеб даже очень крупных народов, либо их аннигиляцию. Так произошло в Центральной Азии в так называемый «темный век» – 860–960 гг. [107, с.55].

В это столетие совпали кризисы трех линий или, точнее, исторических закономерностей, и

совпадение их оказалось трагичным для культуры Центральной Азии, поскольку создался разрыв традиции и возникло забвение прошлого.

Первое. С разгромом Уйгурии закончилась инерция пассионарного толчка III в. до н.э. Все этносы, возникшие тогда в Великой степи, либо перестали существовать, либо превратились в реликты, либо стали примыкать к соседним могучим суперэтническим целостностям – к Китаю, мусульманскому халифату, к Византии – и даже вступали в контакты с лесными племенами Сибири. Дольше всех продержались тюрки-шато, потомки «малосильных» хуннов, вернувшиеся на древнюю родину – северную границу Китая, карлуки, потомки ветви тюркютов, и куманы, смесь среднеазиатских хуннов с алтайскими динлинами. Поскольку этот грандиозный этногенез с хуннов начался и хуннами закончился, правомерно назвать его, пусть условно, хуннским. Он просуществовал 1200 лет и в X в. был на излете. Собственные силы его стали малы и не обеспечивали возможностей роста.

Второе. Ни в Китае, ни в халифате кочевники не обрели покоя. Их не любили, а использовали. В этих обеих империях шла фаза этнического надлома. И там и тут вероломство и жестокость стали знаменем эпохи, хотя и с различной окраской. В Китае вздымалась волна шовинизма, безотчетной ненависти ко всему чужому [172, с.127, 140], и уж больше всего – к кочевникам. В халифате тюрок ненавидели шииты и карматы, хотя последние так же ненавидели мусульман. А в Византии в этот век в тюрках не нуждались и пренебрегали ими.

Кочевникам лучше бы не соваться на чужбину, а жить дома, но тут вмешалось третье: в степной зоне наступил очередной период вековой засухи. Волей-неволей приходилось уходить на окраины степи [81; 83, с.92].

С одной стороны, засуха X в. была полезна, ибо кыргызы покинули степь, превратившуюся в пустыню, и ушли домой, в Минусинскую котловину. Война их с уйгурами, не кончившись, загасла. Кровь перестала литься на пересохшую землю. Но с другой стороны, кочевники, покидавшие родину и терявшие связь с ландшафтом, невольно упрощали этносистемы и теряли традиции.

Именно поэтому они воспринимались в окрестных странах как «дикари», тем более что в X в. никто из соседей не знал истории хуннов, тюрок и уйгур. Обывательскому сознанию свойственно считать, что увиденное им теперь было таким всегда, а беду соседа рассматривать как его неполноценность. Так и создалось устойчивое мнение, будто кочевники Азии – это дикари, трупни человечества, неспособные к восприятию культуры. Нужно ли говорить, сколь это неверно и антинаучно?

В XI в. безмолвие пустыни снова было нарушено дождями. И снова на берегах Онона, Керулена и Селенги появились овцы и их пастухи. На этот раз они пришли из Восточной Сибири, хотя самое могучее из этих племен – татары – жило в Восточной Монголии еще до засухи. Прочие же племена – кераиты, ойраты, меркиты, тайджиуты и другие – попали в поле зрения географов XI – XII вв. именно в эти века [153, с.205 и след].

Эти переселенцы говорили не по-тюркски, а по-монгольски и представления не имели о тех, кто жил в Степи до них. Каменные курганы хуннского времени они называли «керексурами» – киргизскими могилами – и правильно считали, что не имеют к ним касательства. Между ними и хуннами лежал «темный век», и надо было все начинать сначала.

Новые кочевники, в отличие от хуннов и тюрок, охот но воспринимали культуру с юга, лишь бы она не была китайской. Кераиты приняли крещение в 1009 г. от несториан, изгнанных в 1000 г. из Китая, а их восточные соседи, предки монголов, усвоили «черную веру» Тибета, называвшуюся Бон [123, с.19]. Но в XI в. эти племена и их соседи, хотя и пользовались плодами благодатной земли, не проявляли никаких стремлений к объединению, а тем более к войнам. Эти качества проявились, а вернее, возникли лишь в конце XII в. Зато в

XIII в. монголы удивили мир более, чем какой-либо этнос до них или после них.

Излагать историю монголов нецелесообразно, ибо это уже сделано самими монголами [152]. Важнее другое: надо постараться дать такую постановку проблемы, которая содержала бы решение, пусть в неявном виде. Этим мы и ограничимся, тем самым дав читателю возможность применить этнологическую методику к интерпретации легкодоступного материала.

15. Как случилось, что монголы в XIII в. не погибли, а победили?

Ни об одном историческом явлении не существует столько превратных мнений, как о создании монгольского улуса в XIII столетии. Да и как быть ученым спокойными? Заканчивается третье столетие с тех пор, как возникла проблема научного изучения «монгольского вопроса», а решения нет! Проблема и сегодня стоит так, как ее поставил много лет назад академик Борис Яковлевич Владимиров.

Каким образом немногочисленные монголы, которых было чуть больше полумиллиона, разбитые на разные племена, неорганизованные, без военной подготовки, без снабжения – железа не хватало, – могли захватить полмира: Китай с Индокитаем, Тибет и Иран, Среднюю Азию, Казахстан, Украину, дойти до берегов Средиземного моря и пройти через Польшу и Венгрию на Адриатическое море? Это задача, которая до сих пор в историографии не решена. Так и считается, что это какое-то монгольское чудо: Авели (скотоводы) победили Каинов (земледельцев).

Как было сказано выше, европейские народы издавна сталкивались с евразийскими кочевниками, но мало о них знали и не интересовались ими. Греки торговали со скифами, римляне воевали с сарматским племенем роксаланов. В V в. гунны совершили два больших набега, на Галлию и Италию, но это был эпизод, не оставивший следов. Тюркютский каганат VI – VIII вв. не распространялся западнее Дона, а сменившие тюркютов уйгуры, печенеги, гузы, куманы и кыргызы были раздроблены, неорганизованы и слабы. Совершенно по-иному повели себя монголы в XIII в., хотя они только что вступили на арену всемирной истории. Они из жертв превратились в победителей.

Вдумаемся в следующие факты. В Северном Китае было 60 миллионов жителей и власть находилась в руках маньчжуров, воинственного и храброго народа. В Северо-Западном Китае располагались сильные, богатые и многолюдные государства Тангут и Уйгурия.

Южный Китай, к югу от небольшой реки Хуайшуй, текущей между Хуанхэ и Янцзы, возглавляла династия Сун, под господством которой находилось 30 миллионов жителей. Итого почти 100 миллионов жителей, враждебных монголам.

Над Средней Азией и над Восточным Ираном господствовал хорезмский султан. В его владениях жили 20 миллионов мусульман. Армия султана состояла из воинственных степняков и горцев, жестоко угнетавших земледельцев и горожан.

В этой стране находились два крупнейших города, стоявших на высоте современной им цивилизации. Самарканд и Бухара не уступали по богатству и роскоши Константинополю, Кордове и Ханчжоу в Южном Китае. Тогда это была первая пятерка городов, и лишь где-то в третьем десятке стояли Париж и Венеция.

В Восточной Европе, между Волгой и Карпатами, жили 8 миллионов человек. В Грузии – 5, и в Сирии – 5 миллионов. И вот, имея чуть более полумиллиона жителей, монголы одновременно воевали на три фронта, на три стороны света, и, как ни странно, не только воевали, но и побеждали.

Неужели все окружавшие Монголию народы были такими боязливыми, малосильными и безразличными ко всему, что дали себя разбить – и подчинить? Тут что-то не так. Очевидно, мы опустили какой-то фактор. Ведь в XIII в. тибетцы, половцы, русские, аланы и персы трусами не были. Так что причина скрыта в чем-то незаметном, в какой-то невидимой

пружине, природу которой и надлежит угадать. Вот почему история середины XIII в. напоминает своей загадочностью криминальный роман.

Уточним условия задачи. Попытка связать монгольские походы с усыханием степи была сделана в 1915 г. киевским профессором Тутковским. Но в то время историю климатических колебаний только предстояло написать. Однако уже тогда она была опровергнута [56, с.415 и след.], ибо монголы в завоеванные страны не переселялись.

Социальный строй монголов в конце XII в., перед началом походов, был родоплеменным, отнюдь не располагающим к агрессии. Правда, тогда из родов начали выделяться «люди длинной воли», аналог викингов и «рыцарей круглого стола», но они были изгоями, и притом малочисленными. Становление феодализма у монголов началось не до походов, а после них, и то не сразу.

Решающим фактором борьбы монголов за самостоятельность оказались не степняки, а дальневосточный лесной народ – чжурчжэни, разгромившие в 1125 г. киданей и уничтожившие китаезированную империю Ляо, а в 1141 г. победившие империю Сун.

Связные сведения китайских географических источников о чжурчжэнях датируются X в., а когда в XII в. эти народы столкнулись – возникла исключительно кровавая война, с перевесом на стороне чжурчжэней. Учитывая историческую перспективу, следует рассматривать наступление чжурчжэней на Китай как реплику на вторжение тайских войск на Дальний Восток. Здесь на борьбу против попытки создания мировой империи с центром в Чаньани выступили уже не степные, а лесные народы Восточной Сибири. Подобно степнякам, они легко усваивали материальную сторону китайской цивилизации, но оставляли без внимания чуждую им конфуцианскую идеологию. Захватив Северный Китай до реки Хуанхэ, чжурчжэни просто переместили передний край войны на юг, но не смешались с покоренными китайцами. Обилие китайских вещей в чжурчжэньских городищах Маньчжурии указывает не на проникновение китайской культуры, а только на обилие военной добычи. Несмотря на то что чжурчжэньские цари именовались в китайских хрониках династией Цзинь (буквальный перевод слова – «алтан», «золото»), китайцы XII в. эту династию рассматривали как иноземную и враждебную и не прекращали борьбы против «варваров». Узел был завязан столь туго, что разрубить его смог только Чингисхан.

Родиной монголов было Восточное Забайкалье, севернее реки Керулен. Чингис родился в урочище Дэлун-Болдох, в восьми верстах к северу от современной монгольской границы. Этнический подъем монголы испытали одновременно с чжурчжэнями, и понятно, что эти этносы стали соперниками и врагами.

С 1130 г. чжурчжэни вели с монголами войну на истребление. В решающей войне (третьей) 1211–1235 гг. китайцы империи Сун выступили против чжурчжэней как союзники монголов. Однако китайцы потерпели поражение, и тяжесть войны легла на плечи монголов. Но после победы китайцы потребовали у монголов передачи земель, отнятых у чжурчжэней. Попытка договориться кончилась тем, что китайцы убили монгольских послов. Это вызвало длительную войну, осложненную для монголов тем, что их конница не могла разворачиваться в джунглях Южного Китая и была бессильна против китайских крепостей. Перелом в войне наступил лишь в 1257 г. благодаря рейду Урянгхадая, который с небольшим отрядом вышел через Сычуань к Ханюю и поднял местные бирманские, тайские и аннамские племена на войну против Китая. Таким образом малочисленные монголы победили Великий Китай, объединив все те народы, которые не соглашались стать жертвой китаизации. В 1280 г. все было кончено.

Приобретение Китая не пошло на пользу монголам. Слишком различались между собой эти два народа. Хан Хубилай, основатель династии Юань, велел засеять один из дворов своего дворца степными травами, чтобы отдыхать в привычной обстановке. Китайцы до сих пор не

едят молочных продуктов, чтобы ничем не походить на ненавистных степняков. При таком этнопсихическом несоответствии компромиссы были недостижимы, а господство монголов в Китае было вынужденно жестоким насилием. Не произошло даже ассимиляции, ибо монголо-китайские метисы извергались из того и другого этноса, вследствие чего гибли. А ведь с мусульманами и русскими монголы охотно вступали в браки, дававшие талантливых потомков. Только евреев монголы чуждались больше, чем китайцев. Освободив от податей духовенство всех религий, они сделали исключение для раввинов: с них налог взимали.

Ожесточение китайцев против монголов вылилось в восстание, начавшееся тем, что по знаку тайной организации «Белый лотос» монгольские воины, находившиеся на постое, были зарезаны в постелях хозяевами домов. И гнусно не само убийство спящих, а то, что это ныне является национальным праздником китайцев.

По-иному сложилась судьба западных монголов, улусов Джучидского (Золотая Орда), Чагатайского и Иранского, а также джунгаров. Тесная связь царевича Хубилая с завоеванным Китаем, из которого он черпал средства и силы, уже в 1259 г. вызвала раскол монгольского улуса. Противники Хубилая выдвинули на пост хана его брата Аригбугу, а после его гибели – Хайду, который, опираясь на кочевые традиции, вел войну против китайских монголов до 1304 г. На стороне Хубилая выступали иранские монголы; Хайду поддерживали наследники Батыя, заключившие союз с русскими князьями. Александр Невский был инициатором этого союза, так как, с одной стороны, монгольская конница помогла остановить натиск ливонских рыцарей на Новгород и Псков, а с другой – ханы, сидевшие на Нижней Волге, пресекали всякое вторжение азиатских кочевников – сторонников китайских монголов или династии Юань. Так произошло разделение монголов на восточных и западных (ойратов).

Поволжские монголы в 1312 г. отказали в повиновении узурпатору хану Узбеку, принуждавшему их принять ислам. Часть их погибла во внутренней войне (1312–1315), а уцелевшие спаслись на Русь и стали ядром московских ратей, разгромивших Мамаю на Куликовом поле, а затем остановивших натиск Литвы.

Иранские монголы приняли ислам в 1295 г., так как из-за бушевавшей войны не могли вернуться домой. Их потомки – хазарейцы – ныне живут в степной части Афганистана.

И наконец, самая воинственная часть монголов поселилась в Джунгарии и создала там ойратский племенной союз. Именно ойраты приняли на себя функцию, которую ранее несли хунны, тюрки и уйгуры: они стали барьером против этнической агрессии Китая на север. И они выполняли эту роль до 1758 г., пока маньчжуро-китайские войска династии Цинь не истребили этот мужественный этнос. Но для понимания механизма хода событий надо вернуться в Китай, где в XIV в. власть перешла от монголов к национальной династии Мин.

Война за освобождение Китая от монголов тянулась двадцать лет (1351–1370) и продолжилась после ухода последних монгольских войск за Гоби. Новая национальная династия Мин восприняла стремление династий Хань и Тан и пыталась захватить Монголию. В 1449 г. китайцев остановили ойраты, нанешие им сокрушительное поражение при Туму, причем был взят в плен император. Эта битва спасла Монголию и жизнь монголов.

Гораздо удачнее для Китая была агрессия на юг, объектами которой стали Корея, Тибет, Непал, Вьетнам и Индонезия, где в 1405–1430 гг. свирепствовал китайский флот. Но попытки китайцев покорить Маньчжурию оказались безрезультатными. В XVII в. маньчжуры сами перешли в наступление и, воспользовавшись внутренней войной в Китае, захватили в 1644–1647 гг. всю страну. Антиманьчжурские восстания продолжались до 1683 г., после которого средневековый период истории Китая закончился.

Маньчжурам удалось за полвека сделать то, к чему безуспешно стремились китайцы две тысячи лет, – объединить Восточную Азию. Но агрессия маньчжуров была политической, а не этнической уже потому, что маньчжуров было мало и прирост населения был невелик. Завоевав Китай, маньчжуры были вынуждены держать там гарнизоны, и, следовательно,

почти все юноши служили на чужбине. Затем, став хозяевами Китая, богдыханы превратились в императоров династии Цин, которую постигла судьба всех ранее бывших инородческих династий Китая. Революция 1911 г. с точки зрения этногенеза была очередным национальным переворотом, подобным тем, которые привели к власти династии Хань и Тан. Но на этот раз жертвами этнической агрессии китайцев стали остатки маньчжуров, монголов Внутренней Монголии, тибетцев и потомков уйгуров в Синьцзяне. Такова логика истории и этногенеза, не зависящая от воли отдельных личностей, добрых или злых. Однако ясно, что три больших степных этноса, разделенных обрывами культурно-исторической традиции, тем не менее имели между собой много общего, явно не унаследованного путем передачи. Следовательно, отмеченная общность лежит на порядок ниже этнической, то есть в сфере этнографической, и является следствием сочетания природных условий. В самом деле, поддержание системы кочевого хозяйства в условиях резких колебаний климата и необходимость постоянного сопротивления агрессии: ханьской, танской и минской – в значительной мере определяли сходство характера отношений и развития центральноазиатской этнической целостности. И все же хунны, тюрки и монголы весьма различались между собой, но все они были барьером, удерживающим Китай на границе Великой степи. В этом их заслуга перед человечеством.

В этой жестокой борьбе – объяснение мнимой застойности народов Срединной Азии. Они не уступали европейцам ни в талантах, ни в мужестве, ни в уме, но силы, которые другие народы употребляли на развитие культуры, тюрки и уйгуры тратили на защиту независимости от многочисленного, хитрого и жестокого врага. За 300 лет они не имели ни минуты покоя, но вышли из войны победителями, отстояв родную землю для своих потомков.

Нет, никак не подходит к монголам надетая на них маска патологических агрессоров и разрушителей культуры.

В войнах, которые они вели, инициатива борьбы принадлежала отнюдь не им. Половцы в 1208 г. приняли к себе врагов монголов – меркитов... и пострадали вместе с ними. Хорезмшах Мухаммед казнил монгольских подданных и оскорбил послов; хорезмский султанат был разрушен. Вопрос о походе Батыя в Европу слишком сложен, чтобы разбирать его здесь. Мнения историков расходятся. Отметим лишь, что наивная монголофобия была лозунгом либерально-буржуазной (модной) историографии, тогда как добросовестные историки, как дореволюционные: Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов, так и современные: А.Н. Насонов, отмечают сложность проблемы и отсутствие «национальной» вражды монголов с русскими. Вражда началась лишь в XIV в., когда монголы растворились в массе поволжских мусульманских народов, то есть через 100 лет после смерти Батыя.

Что же касается разрушения культуры...

В 1237 г. монголы завоевали царство Тангут, но рукописи Хара-Хото на тангутском языке датируются XIII – XIV вв. Когда же в 1405 г. китайцы империи Мин заняли тангутскую землю, тангутов больше не стало.

Монголы XII – XIII вв. были молодым этносом и вели себя так же, как и все другие этносы в фазе подъема. Разве добрее их были викинги или норманны, захватившие Англию и поработившие ее народ в XI в.? А немецкие феодалы, опустошавшие Италию при четырех Отгонах и вырезавшие полабских славян, и, наконец, рыцари первого крестового похода – чем они лучше монголов?

Разница между теми и другими была лишь в том, что монголы к 1369 г. потеряли свои завоевания и перешли к обороне, а западноевропейские феодалы за такое же время от начала этногенеза развернули колониальную экспансию на Ближний Восток. Просто монголы как этнос были на 300 лет моложе романо-германского «Христианского мира», и сравнение культур должно проходить с учетом «возрастов» этносов. И если европейцы гордятся

расцветом искусства в XV в., называя его Возрождением, то монголы, ойраты и маньчжуры прошли аналогичную фазу в XVII – XVIII вв. И в том возрасте, в каком испанцы покорили Америку, маньчжуры, перехватившие у монголов инициативу, завоевали Китай.

Ныне монгольский этногенез вступил в инерционную фазу «золотой осени», и следует ожидать расцвета цивилизации на 300–400 лет, разумеется, в том случае, если какая-нибудь злая воля не прервет развитие Монголии внешним вмешательством, как это было с хуннами и тюркютами. Будем надеяться, что этого не произойдет.

Этнос – система столь эластичная и резистентная, что поколебать ее, деформировать, а тем более уничтожить удастся лишь в тех случаях, когда происходит смена фаз этногенеза. Но тем не менее этносы исчезают, оставляя после себя археологические культуры и этнологические пережитки. Люди при этом не вымирают, а входят в состав новых этносов. Так, среди нас бродят потомки скифов и хуннов, шумеров и кельтиберов, хотя этих этносов нет. И видимо, через 2 тысячи лет не останется англичан и датчан, хотя люди будущего будут их потомками, обновленными до неузнаваемости.

Кто же этот невидимый враг, пожиратель этносов и разрушитель культур? Что это за неотвратимое нечто, более мощное, нежели угроза войн и стихийные бедствия? На это ответил не историк, а поэт: «О, что нам делать с ужасом, который был бегом времени когда-то наречен?» Попробуем ответить и на этот последний вопрос, хотя исчерпывающим ответ быть не может.

16. Хронос и борьба с ним

В том мире, в котором мы живем, есть космос – пространство, заполненное материей, облеченной в разные формы, – и время, ломающее все устоявшиеся формы и выбрасывающее субатомные частицы в вакуум, в древности называвшийся бездной. Вакуум – это пространство без вещества и энергии. В вакууме частицы из реальных превращаются в виртуальные, то есть ежесекундно меняющие знак заряда и теряющие при этом часть своей массы – фотон, уносящийся в край без дна – пустое пространство, где нет понятий бытия и небытия, добра и зла, жизни и смерти. В понимании древних людей это ад, в эрудиции современных физиков – аннигиляция вещества и энергии.

Но зачем нам, историкам, эта фантазмагория? Пусть бы ей занимались физики-теоретики, а мы имеем дело с реальными людьми и прекрасными вещами – искусством, традиция которого уходит корнями в глубокую древность. Но если мы поставим вопрос иначе – а зачем и почему люди древние и новые, и даже будущие не жалеют творческих сил для создания картин, орнаментов, поэм и симфоний, – мы увидим в их поступках (скорее, деяниях) защиту прекрасного, разнообразного мира от разрушающего Времени, ныне именуемого процессом энтропии.

Да как его ни назови, суть дела остается той же. И недаром Гесиод нарисовал Хроноса в образе старика с косой, той самой, которой он оскопил своего отца, Урана, и которой он лишился, когда его сын, Зевс (энергия), заточил его в подземелье. Но время все-таки идет, и борьба с его уничтожающей силой – подвиг общечеловеческого значения.

Путей для защиты от враждебного Хроноса – два, только два, и больше нет. Один – жизнь, не страшаясь гибели, вечно обновляющаяся и теснящая мрачную стихию вакуума. Жизнь – преображающая кристаллы вирусов в микроорганизмы, а тех в свою очередь – в гигантские деревья, в могучих зверей и в неукротимые племена людей, покорившие всю поверхность планеты. Но жизнь и обновление ее неизбежно связаны со смертью, будь то отдельные люди, этносы (народности) или даже целые виды растений или животных. Жизнь – особая форма бытия, которая питается биохимической энергией живого вещества биосферы, ныне открытой и описанной академиком Вернадским [45] и введенной в этническую историю автором этих строк. Благодаря оболочке из живого вещества (биосфера) наша планета

принимает разные виды космической энергии (фотосинтез) и делает Землю разнообразной и прекрасной. Слава биосфере!

Но в вечных сменах рождений, расцветов, упадков и неизбежных концов сфера жизни теряет плоды творческих взлетов. Удержать эти дорогие для человечества следы порывов должна была бы память, но, увы, ее возможности ограничены. Всего не упомнишь, а вместе с ненужным хламом уходит ценное, дорогое для всех людей знание. И тут вступает в силу нечто новое, присущее только человеку, – искусство.

Искусство – это то, благодаря чему создаются памятники, переживающие свои эпохи. «Все прах, одно, ликуя, искусство не умрет. Статуя переживет народ», – писал Теофиль Готье. Изобразительное искусство – это фиксация переживания и формы в исключительно долговечном материале или, если материал нестоек (дерево, бумага, ткань и т.п.), повторение формы из поколения в поколение. Это последнее – народное искусство. Часто оно уходит корнями в такую древность, сведения о которой не сохранили самые старинные хроники. Или содержит такую информацию, какую летописцы не сумели ни передать потомкам, ни сохранить.

Иными словами, народное искусство – это кристаллизация той же самой энергии живого вещества биосферы, причем оно выводит свои шедевры из цикла рождения – старения – смерти и хранит ненарушенными формы, уже неподвластные всеразрушающему времени. Эта функция давно известна. У нас говорят об этом тускло и вяло: «Искусство как исторический источник», как будто это просто тема диссертации, а не подвиг борьбы с Хроносом. А мы скажем иначе: «Слава искусству!»

Итак, искусство устойчиво, а этногенезы – природные процессы, и потому они, «как иволги, поют на разные лады». М.М. Пришвин, отметив это в своей дивной поэме «Фацелия», вспомнил мысль Гёте о том, что природа создает безличное, а только человек личен. Нет, писал М.М. Пришвин, «только человек способен создавать... безликие механизмы, а в природе именно все лично, вплоть до самих законов природы: даже и эти законы меняются в живой природе. Не все верно говорил даже и Гёте» [215, с.281].

Действительно, ни древние каменные орудия – скребки, рубила, наконечники копий, – ни средневековые металлические топоры, ножи и гвозди, ни новейшие машины личного начала не имеют. Но Джоконда, Сикстинская мадонна, Афродита Милосская, Демон Врубеля и многие другие не только уникальны, но и находят отклик в душах людей, созерцающих картины. Этим искусство перекидывает мост между живой и неживой, даже искусственной природой. И благодаря этому его свойству возможно сопоставление того и другого, а тем самым и анализ культуры – явления, совмещающего вещи, вызывающие восхищение у людей, способных чувствовать красоту.

На уровне личности человека – это станковая или настенная живопись, на уровне этноса – это орнамент, на уровне суперэтноса – сакральные изображения: идолы, где личность изображаемого преобразуется либо в светлый лик, либо в дьявольскую личину. Но во всех случаях красота, заключенная в прекрасных созданиях человека, взаимодействует с человеком так же, как история этническая – с историей культуры.

Лев Гумилев – Дмитрий Балашов:

В какое время мы живем? [29 - «Согласие», 1990, № 1. с.3–19.]

Лев Гумилев – основатель новой науки – этнологии, получившей признание во всем мире. Она исследует влияние природных процессов на историю развития человеческих цивилизаций. Журналистка Людмила Антипова записала беседу ученого с писателем Дмитрием Балашовым, автором повестей и романов о Московской Руси. Нынешний

всеобщий интерес к Истории обусловлен нашим желанием понять день сегодняшний. Как мы шли к нему и что нас ждет в будущем? – об этом и говорят ученый и писатель.

Л. Антипова: Лев Николаевич, из предисловия к вашей книге «Этногенез и биосфера Земли», написанной 15 лет назад и изданной в 1989-м, я с удивлением узнала, что в нашей стране у вас нет последователей и учеников. Дмитрий Михайлович Балашов, однако, считает себя вашим учеником и именно в этом качестве намерен участвовать в настоящем разговоре...

Л. Гумилев: И таких людей еще пять или шесть, по крайней мере, мне известных. Что же касается моих последователей – я абсолютно убежден, – их у меня порядка нескольких десятков человек. Имеется у меня аспирант, имеются у меня доктора наук, которые, я уверен, меня понимают и разделяют основные положения моей теории. И имеется академия наук, представитель которой, академик Трухановский, объяснил мне, почему меня там ненавидят.

Л.А.: ?

Л.Г.: Три причины. Причина первая. Вы пишете, сказал он, оригинальные вещи, но это не страшно, все равно мимо нас вы не пройдете, нам же их и принесете. Хуже другое: вы доказываете ваши тезисы так убедительно, что с ними невозможно спорить, и это непереносимо. И наконец, третье: оказывается, что мы все пишем наукообразным языком, считая, что это и есть наука, а вы свои научные суждения излагаете простым человеческим языком, и вас много читают. Кто же это может вынести?!

Л.А.: Ваши читатели. Спросите библиотекарей – ваши книги давно уже пользуются популярностью и спрос на них стремительно растет. И сугубо научное и неудобоваримое название – не помеха для не обученного древнегреческому и латыни нынешнего читателя. «Этногенез и биосфера Земли» в Ленинке нарасхват – я сама видела на столах у консультантов листки с крупно написанными шифрами этой книги – настолько часто ее спрашивают читатели.

Л.Г.: Выходит, академик прав!

Л.А.: Тем более, что последняя книга Льва Гумилева и названа просто и ясно: «Древняя Русь и Великая степь». Правда, я не уверена, что она дойдет до заинтересованного читателя – сужу по смехотворно малым тиражам предыдущих ваших книг (мне уже приходилось писать об этом в «ЛГ»). Вот и ваша монография «Этногенез и биосфера Земли» – практически раритет с момента выхода – 11 тысяч книг... Сколько же экземпляров книги «Древняя Русь и Великая степь» сошло с типографских машин?

Л.Г.: К сожалению, пятьдесят тысяч. Книгу издавали в темпе, темп был спешный, и поэтому забыли поместить указатель. Я составил его и вовремя подал. Но, вместо того, чтобы поместить указатель, сняли фамилию моего редактора Андрея Геннадьевича Шемарина. Он два года работал со мной вот за этим столом, задавал мне самые интимные, самые ехидные вопросы, мы с ним подружились. И решили выпить водки, когда книга выйдет. Но она вышла без указателя... и водка осталась невыпитой.

Л.А.: Остается надеяться, что когда-то за этим же столом вы раскроете новое издание «Древней Руси и Великой степи» с компасом-путеводителем по этим исчезнувшим пространствам истории. Впрочем, уже не исчезнувшим, потому что существует эта книга, и ваш ученик Дмитрий Михайлович Балашов...

Л.Г.: ...более известный, чем я...

Л.А.: ...воссоздающий в своих книгах историю уже Московской Руси, художественный образ ее на прочной канве надежных научных данных.

На природу вашего творческого союза писателей и историков в одном лице поможет пролить свет небольшая цитата из последнего романа Дмитрия Балашова «Отречение»: «И потому – муравьиная ежечасная работа тех, кто творит и сохраняет память народа, кто не

дает угаснуть традициям веков, безмерно важна. Без нее умирают народы и в пыль обращаются мощные, некогда гордые громады государств».

Как было в жизни, Дмитрий Михайлович, – как свела вас судьба с Львом Николаевичем?

Д. Балашов: Все решил интерес к работам Льва Николаевича Гумилева. Сам я по специальности фольклорист. То есть, изучая, скажем, народную песню, я имею дело со множественностью – вариантами песни, записями ее. Эту множественность, чтобы изучить, надо «разложить спектрально», с учетом времени и места, где появился вариант песни или баллады. Таким образом, возникает необходимость в каком-то инструменте и, в свою очередь, невольно ставится вопрос об общих законах развития культуры. А этих законов нет.

Есть высказывание Маркса в предисловии к «К критике политической экономии», быть может, самое гениальное – у него – о том, что никакой связи между прогрессом экономики и развитием культуры нет и быть не может.

Л.А.: Лев Николаевич, вы придерживаетесь того же мнения?

Л.Г.: Я вполне уважаю Маркса – за это и аналогичные высказывания.

Д.Б.: Так вот, этой связи действительно нет (хотя мы все эти десятилетия упорно пытаемся ее найти, залезая в вульгарный социологизм). Но это и не значит, что историю культуры можно представить просто как цепь фактов. Существует процесс. Значит, должны быть и законы, отражающие его развитие, не так ли? С чем он связан? Если считать, скажем, искусство фольклора общим выражением народных духовных представлений, то связь напрямую должна быть с каким-то общественно-духовным развитием наций, по терминологии Льва Николаевича – этносов.

Л.А.: То есть, как ученый, вы были готовы к восприятию главных положений учения Льва Гумилева?

Д.Б.: Я сразу увидел в нем великолепную возможность для построения наконец истории народной культуры (да и культуры вообще) как процесса осмысленного, со своими законами, связанного с разными стадиями в развитии этноса. Фольклористу проще простого было принять постулат гумилевской теории – этнос не состояние, а процесс, интуитивно я понял это.

А чтобы понять суть явления, связать и обобщить уйму научного материала и сформулировать теорию этногенеза, что и сделал Лев Николаевич, нужна была гениальность.

Моего же таланта (допустим, я им обладаю) хватило, чтобы убедиться в правильности собственных смутных и полусмутных представлений, которые я бы за всю жизнь не свел воедино, в такую вот теорию, путем гениального обобщения... Точнее, эти представления получили основание.

Вот тогда я и решил встретиться с Львом Николаевичем.

Л.Д.: Неблизкий путь для встречи людей, живущих в одном городе, ведь вы оба – питерцы...

Д.Б.: У нас в России, между прочим, очень принята этакая маслено-хамская манера: идти знакомиться с гением, а потом в прихожей тихо спрашивать – скажите, а что он написал? Я поступил наоборот. Пошел в библиотеку, выписал все вышедшие из печати труды Льва Николаевича и внимательно их изучил. Потом отправился по Ленинграду искать автора. Прошел по всем учреждениям, где он работал, наслушался всяких околичных и чаще недружелюбных высказываний о нем и его трудах...

Л.А.: От кого же?

Д.Б.: От научных сотрудников, от коллег, так сказать... А потом сам пришел домой к Льву Николаевичу. Пожалуй, это единственный случай, когда я сам шел на встречу, меня просто привело, без всяких там гамлетовских вопросов.

Л.А.: И как вас встретил будущий Учитель?

Д.Б.: Достаточно недоверчиво. Было это... даже не помню, когда именно...

Л.Г.: Семьдесят второй, по-моему, год.

Д.Б.: Наверное, да... Я тогда уже написал «Марфу-Посадницу». И там я очень свирепо разобрался во всех социальных аспектах жизни древнего Новгорода. И поставил точку – понял, что не это главное, что это нужно просто учитывать и переходить к более общим категориям.

Страсти, классы и идеалы

Так, категория этноса, патриотизма есть категория более высокая, чем категория классовой принадлежности. Последнюю можно сменить, – этническую принадлежность сменить нельзя.

Л.А.: А как насчет тезиса о том, что история есть история постоянной борьбы классов?

Д.Б.: Это выдумка, хотя трения межклассовые существуют всегда и в некоторые эпохи обостряются – когда класс перестает исполнять свое назначение в обществе. Ну, а любой класс, даже самые роскошные рабочие – если им сказать, что они могут на завод не ходить, а зарплату получать будут, – сопьются и деградируют в ближайшие годы.

Л.А.: А не обратятся ли они к творчеству, не создадут ли шедевры искусства, литературы?..

Д.Б.: Голубые мечты интеллигентов XIX века! Не к литературе и искусству они обратятся, а к водке и игре в домино. Вот.

Л.А.: Вы заговорили о дворянах, а они-то обратились к другому...

Д.Б.: Дворяне обратились к тому же самому, и не столько к шампанскому, по расхожему представлению, сколько к той же водке, что интересно. Затем они травили зайцев на крестьянских полях, еще не убранных, ездили в Париж, бегали за крестьянскими девками...

Л.Г.: ...а девки визжали и были очень довольны. Поэтому со временем образовалось большое количество носителей пассионарности среди крестьян и детей крестьян, которые по социальному положению числились просто подлым сословием, но хотели выйти из него и занять ведущее место, потому что законы природы и социальные законы никак не соответствуют одни другим.

Л.А.: Корень слова «пассионарность» латинский и означает «страсть». Лев Николаевич, для читателей, не знакомых с вашей теорией, изложенной в книге «Этногенез и биосфера Земли», позвольте привести выдержку из нее – ведь сам термин введен в научный обиход именно вами.

«...Пассионарность – это биологический признак; а первоначальный толчок, нарушающий энергию покоя, – это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели».
(Л. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989, с.272).

Поясните на конкретных исторических примерах вашу мысль, Лев Николаевич.

Л.Г.: Возьмите, пожалуйста, такого человека, как граф Строганов. У него был сын, министр, довольно толковый, но ничем себя особо не проявивший, и другой сын, сводный брат министра, фамилия которого по женской линии Воронихин. Посмотрите на Казанский собор – весьма наглядно...

Д.Б.: Я бы добавил несколько минорную ноту. Дело в том, что упадок пассионарности, обозначившийся в XIX веке, коснулся верха так же, как и низа, и значительное число помещиков передавали известным биологическим путем уже не пассионарность, а собственное отсутствие оной тем же крестьянам. То есть они плодили субпассионариев – особей, пассионарный импульс которых меньше инстинкта самосохранения. В итоге же военное служилое сословие, которое прежде спасало Россию от многочисленных бед, в

считанные годы выродилось: с треском проиграло Крымскую войну, которую очень трудно было проиграть. Это не мое частное мнение. Стоит почитать статьи Энгельса о Крымской войне, где он предсказывал неотвратимую победу русского оружия. И по-моему, его нелюбовь к русским сильно подогрелась потом тем, что мы не оправдали тогда его ожиданий...

А потом, буквально через несколько лет, в 1861 году, дворянско-помещичье сословие, как не выполняющее своего назначения, было, так сказать, ликвидировано как класс. В ближайшее время они сумели прокутить и спустить те имущества, которые им были оставлены.

Л.А.: Но вот началась эпоха революций, и?..

Д.Б.: Много было разговоров в эту самую эпоху о барах и так далее, но, простите, от реального конца русского барства до семнадцатого года прошло уже, собственно, два поколения. Дворян сменили разночинцы, пришедшие к фактической власти, выходцы, кстати, из тех же крепостных крестьян. А из того дворянства, что осталось, так сказать «на плаву», – о, это были люди совершенно уже другого плана, это были труженики, свирепо умеющие работать. Очень поучительны мемуары математика и кораблестроителя Крылова, прожившего свыше 90 лет (он умер около 1943 года), для понимания психологии дворян-пассионариев, в частности подобных Столыпину. Ведь он сознательно шел на то, чтобы разрушить последние остатки, скажем, дворянской спеси: он знал, что как помещик он потеряет на реформе, за которую ратовал. Но, как дворянин, он считал нужным, чтобы рядом с ним жил культурный, богатый, развитой, так сказать, крестьянин. Реформы Столыпина должны были привести к уравниванию крестьянства в правах со всеми прочими сословиями. Ведь вот к чему шло развитие истории русской, развитие России, подорванное и несостоявшееся, к великому сожалению. То есть мы действительно переходили в какое-то новое состояние...

Л.А.: Лев Николаевич, вы полностью согласны со всеми суждениями Дмитрия Михайловича?

Л.Г.: Да, конечно, я полностью согласен со всем, что он говорит, хотя он говорит о частностях. Я могу сказать об общем. У всех народов, какие мы знаем, – от шумеров, Ассирии, Египта, Рима и включая современные народы, наблюдается один и тот же процесс: возникает некий толчок... Я говорю «некий» не потому, что я не знаю его природы. Но этот толчок чисто биологический, мутация, которая создает некоторое количество людей, способных отдавать свою жизнь ради общего дела, – пассионариев.

Это первая фаза, это фаза подъема, когда количество таких людей увеличивается. Тогда создается общественный императив, гласящий: будь тем, кем ты должен быть! Если ты оказался волею судеб крестьянином – паши землю. Если ты оказался рыцарем – отдавай свою жизнь на полях сражений. Если же ты оказался герцогом – умей водить войска. Если ты оказался королем – управляй страной!

Если же человек не соответствует своему назначению, то короля убивают, герцога лишают надела, рыцаря выгоняют с позором и с плетьюми, раз он оказался трусом, а не героем. Крестьянин... Ну, с этим умеют управляться. Его заставляют обрабатывать землю и выдавать необходимый продукт, чтобы прокормить тех, кто этих крестьян защищает, и тех, кто наводит среди них порядок, потому что без порядка жить нельзя.

Но потом уже количество этой внутренней энергии, энергии живого вещества биосферы (биохимической по своей природе), увеличивается. Возникает новый императив: будь самим собой – будь не только рыцарем, но будь Ромуальдом! Будь не только схоластом, но – Абеляром! Будь не только художником, но Джотто или Микеланджело...

И вот люди начинают уже ставить свои подписи под картинами, люди требуют, чтобы им составляли биографии, люди требуют, чтобы их благодарили за совершенные ими подвиги –

иначе отказываются совершать подвиги! Они делают только необходимое.

Феодал в средние века работал сорок дней в году, остальное время он был свободен. Так вот он и говорил королю – я тебе сорок дней отработал, и все, и больше от меня не требуй. А если ты хочешь, чтобы я еще и победы тебе одерживал, награждай меня. Не деньгами – куда ему деньги, у него все есть. А что же тогда нужно феодалу? Ему нужны почести!

...Вот один уровень пассионарности.

Но есть еще и другая, более высокая степень пассионарности – когда человек ничего не требует для себя, а работает только на свой идеал.

Л.А.: Нужно напомнить читателю, что толкование многих приевшихся слуху и глазу терминов у вас часто не совпадает с общепринятым...

Л.Г.: Да, под идеалом я понимаю далекий прогноз, и ничего более. Так вот, человек, наделенный высшей степенью пассионарности, устремлен и действует, осуществляя далекий прогноз, ничего не требуя для себя. Такие, как Жанна д'Арк – лотарингская пастушка, немочка, плохо говорящая по-французски, отдает свою жизнь за величие Франции. Ян Гус выступает за величие Церкви и гибнет на костре, зажженном ее служителями-холуями, так как все хотели брать взятки и пользоваться всякими благами, не неся никакой ответственности...

А высшая степень пассионарности, которой может обладать человек, – это быть самим собой, неповторимой личностью, полностью отдающей себя своему делу, как, например, Исаак Ньютон посвятил свою жизнь науке – все остальное ему было просто неинтересно.

Но потом пассионарность начинает снижаться, начинается диссипация, рассеяние энергии, присущей системе в момент создания, и тогда начинается постепенный возврат к предыдущим, пройденным фазам.

Л.А.: И что же тогда происходит с людьми, как меняются их жизненные цели?

Л.Г.: А с людьми происходит вот что. Они становятся всего лишь... простыми генералами, желающими карьеры, и более ничего. Потом – художниками, желающими только заработка. Еще ниже – чиновниками правительства, сначала добросовестными и грамотными, а потом заблатованными и безграмотными. Эта фаза развития человеческой общности называется надлом, брейкдаун по-английски.

Л.А.: И этот надлом с неизбежностью охватывает всех буквально?

Л.Г.: Нет, уцелевает какая-то толпка здоровой части населения, ранее занимающаяся просто земледелием, ремеслом, торговлей, военным делом даже, но в качестве наемников. Так вот, они вылезают из своих повседневных дел и говорят: нет, такого безобразия, в которое привели нашу страну, терпеть больше нельзя, мы устали от великих, от тех, которые претендуют на величие, а сами ничего не стоят и не могут. Давайте выберем себе идеал, – и выбирают. В Риме был выбран Цезарь, к примеру. Но в качестве идеала может быть выбрана не только личность. Так, в Англии был избран идеал джентльмена, идеал святого – в Византии, богатыря – в Монголии, мыслителя – в Китае.

Л.А.: А в России?

Л.Г.: Вас не устроил рассказ Дмитрия Михайловича или хочется, непременно хочется устроить столкновение мнений?

Л.А.: Нет, но все же...

Л.Г.: Да нет же, ваш вопрос и логичен, и неизбежен, но я рассматриваю историю человечества как непрерывный и взаимосвязанный процесс, и к России я тоже подойду, обещаю, Людмила Ивановна.

Так, через определенное время наступает момент в истории, когда идеал, к которому надо стремиться, становится или недостижимым, или даже нежелательным, а на смену ему приходит идеал массы, активной массы – это наступает фаза обскурации. Этот идеал массы очень простой: будь таким, как мы, не выпендривайся, не старайся быть выше других. А уж

если ты, на свою беду, оказался талантлив – скрывай свой талант. Вот в Риме, в среде легионеров, убивали своих командиров за то, что те заставляли подчиненных соблюдать дисциплину и смело сражаться. Сражаться-то они умели, эти легионеры. Но они не хотели, чтобы ими командовали и ими руководили. Они считали, что каждый может быть императором, или проконсулом, или центурионом – любой. Вот Луций, вот Публий – почему бы и не он? Хороший парень, вчера с нами так крепко выпил, – давай изберем его...

И в результате – депопуляция, сокращение населения, уменьшение резистентности системы. Внутри нее воцаряется полный беспорядок. Так как разумно вести хозяйство становится попросту невозможным, прибегают к конфискациям. Богатых людей начинают обвинять в том, что они являются врагами народа, их казнят, имущество конфискуют, пропивают и ночью берутся за следующих.

Л.А.: Ваш древнеримский пример вызывает в памяти уроки французской революции, которые не помешали возникновению новых уроков семнадцатого года. Неужели за долгий путь своего исторического развития человечество так и не научится «проскакивать» или предвидеть эту фазу? Неужели без нее не обойтись – ну хоть когда-нибудь?

Л.Г.: Эта фаза в развитии человеческого сообщества так же необходима, как фаза старости у человека. Представьте: спортсмен, который совершал туристические походы, прыгал, бегал, умел биться боксом и давать нокауты своим мощным противникам, становится дряхлым старичком, который еле ходит с палочкой и хочет только одного – чтобы его кто-то угостил, накормил, и он лег бы...

Но такая структура даже психологически неустойчива, она не может долго существовать и распадается на составные части, причем уцелевают только те, кто не принимал участия в историческом процессе! – те, кто жил в гомеостазе, в равновесии с природой. И если в это время происходит новый пассионарный толчок, то все начинается сначала: так после этрусков пошел Рим, после Рима и Эллады пошла Византия, после Византии – Османская Турция... и так далее, И таких толчков в ближайшем историческом времени известно 17.

Л.А.: Собственно, на них, этих пассионарных толчках, и основана вся ваша концепция этногенеза...

А было ли иго на Руси?

Л.Г.: А вот теперь, на фоне общей картины, я и отвечу на ваш вопрос – о русских и о России, исходя из положений моей теории.

Древние славяне возникли в то же самое время, от того же толчка, что и христианские общины в Малой Азии и Сирии, – то есть во II веке новой эры. Через тысячу лет они распались на разные этносы: чехи, поляки, сербы, болгары (которые больше воевали друг с другом, чем с любыми противниками). Кстати, это же касалось и Древней Руси, которая к XII – XIII веку развалилась на составные княжества, относившиеся друг к другу уже не на субэтническом, а на этническом уровне.

Л.А.: Поясните свой тезис, Лев Николаевич.

Л.Г.: Эти княжества помнили еще, что у них общие предки, но это не имело для них ни малейшего значения, и они воевали друг с другом.

Д.Б.: И еще как! Новгородцы – с суздальцами, скажем. ..

Л.Г.: И очень жестоко. Судите сами – на одной только битве при Липице тех же новгородцев с суздальцами, о которых упомянул Дмитрий Михайлович, было убито девять с лишним тысяч людей – столько не потеряли во время войн с монголами!

Такая же резня шла и между другими княжествами!

Л.А.: Выходит, нашествие монголов не единственная причина упадка Древней Руси?

Л.Г.: Я не устану повторять и в своих работах доказал: то, что приписывается монголам, – это миф. Монголы пришли в страну, которая уже не могла сопротивляться и которую они не

собирались завоевывать. Она им была не нужна совершенно! Они просто прошли через нее стратегическим маршем для того, чтобы расправиться с половцами.

Л.А.: Что же спасло Русь?

Л.Г.: То, что страна эта, находясь на краю гибели, вдруг испытала новый пассионарный толчок. Доказательство – примерно в одно время родились такие люди, как Александр Ярославич Невский, Миндовг, великий князь литовский, Осман, турецкий султан, которые подняли значение своих стран и народов, спасли себя от завоеваний иноземцами, сумели найти союзников и силы в своих народах, в отдельных группах, заметьте...

Так, на Руси такой отдельной группой были бояре. Боярин – аристократ незаконного происхождения. Но на него можно было положиться, тогда как положиться на народную массу было совершенно нельзя: они убегали, прятались и ждали, когда противники уйдут, разгромив основные столицы, как это было с Угличем, например.

Л.А.: И нападающим никто не оказал сопротивления?

Л.Г.: Углич не сопротивлялся татарам. Все население попряталось в лесу, за исключением купцов, которым жалко было бросать свое имущество и которые заключили соглашение с татарами о выплате небольшой контрибуции лошадьми и продуктами в обмен на пайдзу – охранную грамоту от татар. Так уцелел Углич, и не он один, уцелела Кострома, Тверь, Ярославль – все города по Волге уцелели именно потому, что они заключили мир с татарами и монголами. Какое там завоевание! Какое там иго – не было его!

Л.А.: Но союз Александра Невского с Батыем вряд ли был заключен от хорошей жизни...

Л.Г.: Александр Невский действительно заключил союз с Батыем, а затем с его братом Берке только тогда, когда немцы начали наступление на Прибалтику, а затем на Псков и Новгород. Союз этот был военно-политический – чтобы бороться против нажима с Запада (дранг нах остен) и остановить наступление тех немцев, которые стремились превратить остатки древних русичей в крепостное сословие. В итоге – там, где князья просили помощи у татар, там выросла великая держава Россия. Там, где они согласились на подчинение Западу – в Галиции, например, – там они превратились в крепостных мужиков и ни на что уже способны не были.

Л.А.: Но ведь не в «тлетворном влиянии Запада» причина, а в более глубинных, надидеологических законах возникновения, развития и упадка этносов. Итак, согласно вашей теории, к XIII веку Русь, спустя 10 веков, испытывает новый пассионарный толчок, что отражается на ее конкретном историческом развитии в это время. Возникает вопрос о природе толчков.

Дыхание космоса и перестройка XIV века

Л.Г.: Откуда берутся эти толчки? Вопрос вопросов, на который мне удалось ответить при помощи астрофизиков. Это было на втором космоантропоэкологическом конгрессе. Председательствовал академик Казначеев. На философской секции я свое выступление начинаю с ответа на вопрос, возникший у присутствующих: где в моих работах исторический материализм? Отвечаю: нету! А диалектическим материализмом заниматься можно или нет? Они тут сразу замолчали, одурев, а потом еле-еле так, нехотя говорят: можно... Тогда я сказал: то, о чем я буду говорить, относится к материализму диалектическому. И изложил им свою теорию.

Но откуда толчки? Вопрос точный. Пока я собирался с мыслями, слово взял академик Чечельницкий, астрофизик, и сказал следующее: «Вокруг Земли не вакуум, не пустота, а поток плазмы, заряженный, который обтекает Землю и постоянно на нее влияет». Так. А потом другой астрофизик, Бутусов, добавил: «Это известный нам поток плазмы – солнечный ветер. Он идет до орбиты Плутона и там встречается со звездным ветром. Эти два потока, идущие навстречу друг другу, обязательно создадут вихри – возникает турбулентность».

К сказанному признанными специалистами мне осталось только добавить несколько слов. Профессор Ермолаев, географ, в своих работах показал, что одиннадцать оболочек Земли надежно защищают ее поверхность от космических воздействий. В ночное же время ионосфера утоньшается, и поэтому проникновение частиц от столкновения солнечного и звездного ветров становится возможным вплоть до земной поверхности. То есть налицо влияние на биосферу – влияние космических частиц, образующихся при особо сильных столкновениях потоков, что вызывает мутации.

Л.А.: Как-то все сходится, Лев Николаевич...

Л.Г.: А я тогда на конгрессе так и сказал – вот видите, вся наука на моей стороне!

Итак, мутация – это смещение, толчок, а диссипация – это рассеяние энергии. Вот из этого и состоит весь процесс этногенеза – от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери энергии пассионарности.

Л.А.: Дмитрий Михайлович, а если наложить теорию Льва Гумилева на историю России?

Д.Б.: Видите ли, я действительно применяю теорию Льва Николаевича к истории России, но хотел бы избежать обвинений в том, что я в нее попросту верую. При исследовании баллады (старинной, русской народной) у меня возник среди прочих вопрос – определить время сложения этого жанра. Мой вывод – это XIII, XIV, XV века, точнее – XIV – XV. При этом я обратил внимание на такие вот «совпадения»: в работах Д.С. Лихачева наглядно показан значительный перелом, перестройка культуры в эти же исторические отрезки времени. В трудах С.Б. Веселовского, в частности в работе «Село и деревня» речь шла об особенностях строения хозяйства Московской Руси – и тут внимание привлекают те же самые XIV – XV века: решительный поворот в системе хозяйствования к последующему типу, знакомому нам по более позднему времени. А будучи в археологических экспедициях, я убедился, что все навыки изготовления изделий вручную слагались опять же в это самое время. Более того (для меня это чрезвычайно убедительный пример), именно к XIV – XV векам восходят все виды бревенчатых рубок (до 50!), которые были известны русским плотникам. На этот же промежуток времени приходится формирование всех видов обработки металла, известных нашим кузнецам, и так далее, и так далее...

Вот такая у меня создалась картина – какие-то особые это были века. Поэтому много позднее, когда я узнал о гумилевской теории и познакомился с нею, для меня пассионарный толчок стал недостающим звеном в цепи рассуждений, основным тезисом, что ли, набор доказательств которого мною был уже самостоятельно добыт – для той отрасли науки, которой я занимался.

Л.А.: Вы имеете в виду фольклористику...

Д.Б.: Да, но и потом, занявшись историей (сначала новгородской, затем Московской Руси), я тоже искал это вот самое начало активности исторической не по Гумилеву, а, так сказать, самостоятельно. Мне было интересно – когда же московское княжество стало складываться. Князь Даниил приезжает в Москву в семьдесят пятом году тринадцатого века, в малюсенькое княжество, и за четверть века он делает его очень сильным. Настолько, что его сыновья (сперва Юрий, затем Иван Калита) уже могут спорить за власть с ведущим княжеством Волго-Окского междуречья – с Тверью! И захватить эту власть... Вот откуда я начал, а затем моя работа стала не столько даже следованием теории Гумилева, сколько ее самостоятельной проверкой, что ли.

Л.А.: Проверкой на историческом материале, добытом . вами самостоятельно?

Д.Б.: В частности, я увидел, что психология людей XIV – XV веков разительно отличалась от нынешней своей действительностью. Если люди приходили к какой-то мысли, то они не сидели и не рассуждали по этому поводу, а тут же стремились эту мысль претворить в дело.

Л.А.: Изменение психологии запечатлелось исторически?

Д.Б.: Произошел переход от общества, которое могло только плакать, стонать и разбегаться

при подходе сильного врага, к обществу, которое вдруг охрабрело и вдруг объединилось. Попробуйте просто читать летописи как перечни поступков: ну, ссорятся князья друг с другом, кто-то на кого-то доносит, и вроде бы все это продолжается и кажется уже неизменным. Но если при чтении вникнуть в суть позиций сторон, убедитесь, что вечная борьба эта неожиданно приобрела совершенно иной характер.

Вдруг прямые потомки издавна враждующих родов стали вести борьбу не за лучший кусок, а за то, кто объединит Волго-Окское междуречье, чтобы возглавить сильное и активное государство с наступательной политикой. И бешеная борьба Твери с Москвой шла вовсе не из-за местных интересов. Это была именно борьба за Великий Стол (так я и назвал свою вторую книгу по истории Московской Руси).

Князь Михаил Тверской поставил перед собой задачу: создать сильное объединенное государство, удержать Новгород в своей орбите, сплотить княжества низовские и так далее. Он справился с этой задачей, но заплатил за это жизнью.

Прямой его противник, Иван Калита, продолжал ту же самую политику. И тоже нашел свой путь: исподтишка, с помощью купли ярлыков, сводил все в единый кулак, объединял.

Муравьиная по упорству и трудности шла работа по приращению все новых и новых областей к Московскому княжеству. А какая развернулась борьба с Литвой, которая была на величайшем подъеме и потом уж никогда не повторила достигнутых в это время успехов! (Потому что Литва, приняв католичество, оттолкнула от себя православное население – а оно составляло 4/5, если не 9/10 великого княжества Литовского.) Это было при Ольгерде, потом начался развал. Итак, я начал цикл своих романов с начала пассионарного подъема, создавшего Московскую Русь. Получалась картина объединения страны, все более крутого подъема, который в конце XIV века увенчался созданием единства.

Л.А.: Так что исходные данные для создания ваших хроник укладываются в график, описывающий и ход истечения пассионарной энергии этноса?

Д.Б.: Пожалуй. И этот процесс, или, как вы выразились, ход истечения энергии, завершился Куликовым полем. Не владея энергией этногенеза, понять истинное значение Куликова поля просто невозможно. Выигрыш политический, строго говоря, уже не был и нужен: к моменту сражения на Куликовом поле Москва уже выиграла битву за главенство среди княжеств. Но произошел качественный скачок, превративший победу на Куликовом поле из политической в победу духовную...

Л.Г.: На Куликово поле вышли жители разных княжеств, а вернулись оттуда жителями единого московского русского государства.

Д.Б.: Последующие события показали правильность такой оценки этого великого события в русской истории – ведь мало что в военном отношении изменила Куликовская битва. Уже через два года Тохтамыш разгромил страну, взял Москву... Но уже произошел тот самый идеологический сплав... фазовый переход... означавший формирование русского этноса.

И я железно убежден: в истории каждого этноса происходит обязательный трагический надлом с невероятной внутринациональной грызней, резней, убийствами, а повод все находят свой.

Во Франции гугеноты с католиками резались, в Германии это называлось крестьянской войной, хотя это была война буквально всех против всех: горожане, крестьяне, рыцари резали друг друга. И в результате – истребление половины населения тогдашней Германии.

В Византии весь этногенез был замешан на христианстве. Началось иконоборчество: власть вдруг обрушилась на иконопочитание, основу, собственно говоря, духовной жизни Византии, а народ был против. В итоге 180 лет продолжалась внутриэтническая резня, в ходе которой империя теряла все новые области, захватываемые арабами, но византийцам было не до того...

Л.А.: Ну а московский этногенез?

Д.Б.: Отсчитайте шесть веков.

Л.А.: Отсчитали...

Д.Б.: Да, и все события нашего века с их горестными последствиями, с сотней миллионов людей, которых мы истребили сами, лучших людей нашей нации, – это вовсе не выражение каких-то особенных каторжных свойств русского народа как такового – так ведь многие стараются представить, – а это естественное, неизбежное следствие того самого надлома, накопления внутри этноса огромного количества шлака – субпассионариев, которые во все века не мыслят ни о чем – им лишь бы урвать кусок...

Лентяи и их жертвы

Л.А.: Вы полагаете, причина надлома коренится в психологии субпассионариев?

Д.Б.: Весь ужас этой психологии заключается в том, что субпассионарий, оставаясь внешне человеком с человеческими потребностями, теряет главное, органическое, выше сознания человеческое свойство – желание работать, а с ним вместе он теряет и историзм мышления.

Потому что движение времени – это условная категория. Оно существует для нас в силу изменения окружающего мира, и в значительной мере – изменения сооруженного нами, так сказать, искусственного мира. Люди строят дом, сеют рожь, которую осенью надо убрать... Субпассионарий же абсолютно не знает летом, что наступит зима. Замечательно показано в романе «Как закалялась сталь» – такой человеческий индивидуум способен задуматься о том, что для города нужны дрова, только в декабре, поскольку наступают страшные морозы. И героически возводятся железная дорога, подвозятся дрова – что требовалось сделать еще весной этого самого года. И причем обязательно весной – революция не революция, а ведь осень наступит в строго определенные сроки, и зима тоже...

Л.А.: Отсутствие чувства реальности?

Д.Б.: Отсутствие чувства исторического движения. Кстати, субпассионарий может совершенно спокойно расстрелять какого-то купца, а потом наивно ожидать, что налоги с этого купца будут поступать. Субпассионарий отбирает корову у богатея и отдает бедняку, не задумываясь о том, что корову нужно кормить (значит, заблаговременно накопить сена), доить, поить, чистить навоз. У него какое-то дикарское представление, что корова сама собой доится и ставит сама на стол кринку молока.

Субпассионарий полагает, что можно захватить завод, развалить все хозяйство, прогнать администрацию и по-прежнему получать зарплату. Ему не дано понять, что завод – лишь груда металлолома, приносящая миллионные доходы только при грамотном руководстве.

Все это ему недоступно. Вот почему знаменитый лозунг «от каждого по способностям, каждому по потребностям» чрезвычайно понравился субпассионариям...

Л.Г.: А кто будет определять потребности? Начальство. И способности – тоже начальство!

Д.Б.: Вот так и возникла система, при которой чем больше и лучше человек работает, тем меньше он получает. Взять хотя бы нынешнюю систему прогрессивного налогообложения. В переводе на человеческий язык это означает: с людей, которые работают лучше, мы берем как бы штраф за то, что они хорошо трудятся, в пользу тех, кто работает мало и плохо. Обыватель, спокойный человек, все это видит и понимает, что нет ему никакого смысла вкалывать, – в результате трудовые усилия падают, но об этом не думают ни работники министерств, ни наши мафии (возможно, это одно и то же).

Вот сейчас ткнулись мы в экономические беды – а ничего удивительного нет, произошел вполне понятный и закономерный процесс – прямое следствие надлома и торжества психологии субпассионариев.

Л.А.: Но ведь в любом обществе они всегда были и будут?

Д.Б.: Как сказать... В начале этнического развития, в том же моем XIV веке, они никому

особенно не нужны. Во-первых, за такого мужика ленивого никакая баба замуж не пойдет, и никто ее не выдаст за него...

Л.А.: А сейчас они стали всем нужны и любая пойдет?

Д.Б.: Да, сейчас они стали героями общества! И этот вот совершенно бездельный никчемный человек стал нравиться женщинам! И они рожают от них, и множат число столь же бездельных людей!

Л.А.: Что же произошло, Дмитрий Михайлович?

Д.Б.: Субпассионарии, видимо, рождаются все время. Механизм второго явления я могу только предполагать – возможно, это какая-то генетическая реакция, отброс к предыдущим обезьянопредкам. Во всяком случае, в эпохи подъема в жизни этноса эти люди никого не устраивают – они могут быть, скорее всего, прислугой – подай-принеси... Но прислуга обычно не имеет семьи, точнее, у нее нет такой возможности плодиться. Потом, при благополучном государственном развитии, их начинают вдруг жалеть, любить, нежить и холить...

Сколько слез русская литература XIX века пролила над бедным мужиком и как она активно не любила мужика богатого...

Л.А.: Хрестоматийный пример – тургеневские герои Хорь и Калиныч – все же трудно мне так вот нетрадиционно взглянуть на отношение к ним И.С. Тургенева...

Д.Б.: Тургенев очень ведь хотел быть объективным. Но Калиныч у него, согласитесь, как-то симпатичнее.

Я думаю вот так: тот барин, который перестал работать и медленно либо скоро спускал свое имение, – ему были симпатичны мужики того же плана, что и он сам.

Л.Г.: Потомки европеизированных «Онегиных» окончили дни в чеховских «вишневых садах», уступив место в жизни другим субэтносам – то есть этнической системе, являющейся элементом структуры этноса.

Д.Б.: Так вот, мужик деятельный начал со скупки поместий, потом начал строить фабрики, заводы, а потом стал и меценатом. Это он создал и Третьяковскую галерею, и русскую оперу, и множество церквей. То есть накопленные капиталы эти люди двинули на развитие культуры, и очень быстро, заметьте, очень быстро...

Л.А.: Вы хотите сказать – слишком быстро? Потому их потом и уничтожили?

Д.Б.: Не потому.

Л.Г.: Нет, они включились в уже существующую систему – на равных. Мамонтовы, Морозовы, Рябушинские – это были аристократы такие же, какими в свое время были купцы Строгановы, которые стали графами. Они просто включились в систему и усилили ее.

Л.А.: Лев Николаевич, в рассуждениях Дмитрия Михайловича для меня возникла некая неясность в посылах. На годы революции в России пришелся момент «освобождения от шлага» – как вдруг надлом такой после столь обнадеживающих тенденций конца XIX века?

Л.Г.: Надлом шел весь XIX век, и все ниже и ниже, и 30-е годы XX века с этой мясорубкой – это низшая точка надлома. Когда нация теряет жизнеспособность, она себя уничтожает.

Л.А.: Как долго для живущего единожды на Земле длится период исторического лихолетья... Историки, писатели, мыслители, учителя наши – скажите, неужели нет никакой надежды для России?

«Золотая осень», если...

Д.Б.: Сейчас-то как раз и появилась не только надежда, но и реальная возможность для России после прохождения низших стадий надлома выйти на плавную взбирающуюся вверх линию «золотой осени» этноса – времени расцвета наук, культуры, ремесел, искусств, устройства быта – тот период, который многие страны прошли и который был и на Руси много веков назад. Срок пришел.

Л.А.: Хотелось бы услышать от вас и какой-то очень простой и понятный всем читателям аргумент в защиту тезиса, который хочется принять и без доказательств...

Д.Б.: Сейчас желания людей – создание довольства какого-то, спокойная, размеренная жизнь, дом с садом и огородом, занятие делом без конфликта с душой и совестью, не так ли?

Л.Г.: Может показаться экстравагантным аспект, в котором одной из движущих сил развития человечества являются страсти и побуждения, но начало этому типу исследований положили Ч. Дарвин и Ф. Энгельс.

Д.Б.: Конфликт между желаемым и существующим – обычная вещь. Но ужас нашего времени вот в чем состоит – закрученный субпассионариями маховик уничтожения продолжает работать. Как его остановить, да еще с учетом инерции – она-то работает и при этногенезе – вот в чем дело! Теоретически для остановки маховика нужна пассионарность, которой сейчас явно не хватает, хотя намечена явственная тенденция к ее росту. Я не знаю, сколько в стране осталось пассионариев, но знаю, что нужно сделать практически: дать землю, реальный хозрасчет и систему контрактации, а не твердых государственных планов, – без всяких там идеологических ужимок и кривляний. Найдутся ли в стране силы, способные так повернуть дело, как требуют этого не только закономерности этнического и исторического развития, но и простой здравый смысл, присущий любому труженику, – не мне судить, не знаю.

Знаю, как катастрофично состояние земли – ведь чтобы она нас кормила, о ней заботиться надо неустанно, азбучная истина! И нечего в вопрос о земле социальные категории пихать!

Это как с языком: в сталинские времена дискуссия была, что такое язык – базис или надстройка. И Сталин вдруг, открыв уста, сказал единственно верную вещь – не базис и не надстройка, это средство общения – язык, без всяких там социальных категорий. Так вот, обработка земли требует (без всякой идеологической шелухи) соблюдения всего лишь 4 условий, действующих уже на протяжении 8–10 тысяч лет истории земледелия на Земле: наличия труженика, квалификации этого труженика, орудий труда и собственности на землю, которая может оформляться по-разному. Но при любой форме – это должна быть наследственная неотторжимая система владения землей, при которой человек-труженик отсылает ее сыну, внуку, правнуку...

Это первое, ну а затем все остальное. Хватит ли той, угасающей по меркам столетий, пассионарности – войдем в состояние «золотой осени», если остановится маховик уничтожения, и в общем-то превратимся в то, чем была Франция, скажем, XIX века или какова она сейчас – такое спокойное, благополучное, не очень сильное государство, совершенно неагрессивное. Таким образом, нам будет подарено еще несколько веков существования, не говоря уж о том, что на 6-й части суши, и в скором времени вполне можно ожидать нового пассионарного толчка, который затронул Россию в последний раз в конце XIII века.

Л.А.: И как это отразится на судьбе страны?

Д.Б.: Будет новый виток цивилизации, который продолжит нашу культуру так же, как культура Московской Руси продолжила культуру Киевской. Хотя это совершенно другая культура, но родственная по языку, по этническому составу, и можно ее считать продолжением культуры Киевской Руси.

Л.А.: Говоря о культурных корнях и традициях, нельзя обойти молчанием роль христианства в формировании русского этноса и русской государственности.

Ваше слово, Лев Николаевич.

Под сенью русского креста

Л.Г.: Образование современной России – явление новое, и оно не является продолжением Киевской Руси, как прекрасно показал Дмитрий Михайлович. Для того чтобы создать новое –

нового ребенка, – как известно, нужны по крайней мере два человека – мужчина и женщина, то есть необходима какая-то смесь. Это относится не только к этногенезу, но и к вопросам духовной культуры.

На Руси XII – XIII века было три типа духовной культуры: папизм – как на Западе, – когда духовная власть считалась выше светской и светская получала от духовной просвещение и за это должна была духовную власть обслуживать и охранять.

Был и цезарепапизм, как в Византии, когда духовная и светская власть были на равных. Патриарх Константинопольский был подданным базилевса, то есть императора, а император был прихожанином Святой Софии – подданным патриарха через своего духовника. Это второй вариант духовной власти, который нам перенесли на Русь и который в общем-то довольно плохо прижился, потому что первые три века после крещения Руси на земле нашей царило двоеверие. Мы верили в леших, домовых и водяных так же, как верили в святых, Божью Мать и Иисуса Христа. Это была довольно смешанная система и очень поэтому неустойчивая.

Но была и третья часть духовной культуры. Некогда, в пятом веке, когда после известных великих соборов еретики принуждены были покинуть родную территорию Византийской империи и уходить на восток, в Персию и даже дальше, до Китая, несториане и отчасти монофиситы вынуждены были эмигрировать. А там они развернули невероятную деятельность и очень многих кочевников (предков монголов, предков современных тюрков) окрестили. Христианство в XIII веке – это равноправная религия Восточной Азии наряду с буддизмом, исламом, боном (тибетской религией).

Разница между этими тремя типами духовной жизни была очень большая. Если на Западе папа был сам государем, если на Востоке, в Константинополе, патриарх подчинялся государю и пользовался его помощью, то восточным христианам нечего было рассчитывать на чью-либо помощь.

Китайские императоры – Сыны Неба – не любили христианство и не покровительствовали ему. Патриарх Несторианский жил в Багдаде, у багдадского халифа, мусульманина, который его терпел, но и особого уважения не испытывал. Пришлось патриарху опираться на свою паству, на прихожан, которые в католической церкви вообще не допускались к изучению Священного писания, поскольку латынь они не знали, а в греческой церкви были тоже под строгим надзором духовенства.

Но именно они оказались поддержкой для духовной власти. В результате монголы, которые приходили на Русь, имели в своих рядах от половины до двух третей христиан. И лишь в 1313 году узурпатор, хан Узбек, принял ислам как государственную религию и заявил, что все, кто откажется принять ислам, будут казнены.

Тот, кто не пожелал менять свою совесть на жизнь, вынужден был бежать, чтобы сохранить и то, и другое. А куда бежать? Как монголов, их убили бы везде за пределами империи. Как христиан, их убили бы в самой Монголии или в самой Золотой Орде.

Они бежали на Русь. Тут их принимали. И с удовольствием. Единственное ограничение, которое им твердо ставилось: чтобы язычник был крещен или крестился тотчас же – иначе поп не венчал. И масса христиан и язычников, которые готовы были принять православие (только бы не ислам!), – они бежали на Русь.

И вот здесь-то и началось то смешение татарщины со славянством, которое мы называем словом «иго».

Л.А.: Но, Лев Николаевич, чтобы на триста лет (как минимум) задержаться в истории и географии чужой страны, нужна была победа пришельцев!

Л.Г.: Да, победа была одержана, но не монгольскими бунчуками, которые за полтора года прошли всю Россию и ушли, не оставив следов, и не тогда, когда Александр Невский договорился о союзе с Ордой для того, чтобы отвратить немецких рыцарей, и согласился

даже для этого платить «выход», который мы называем «дань». Выход – это был налог, который шел на военную помощь татар.

А кто же, вообще-то говоря, отатарил славян? Женихи и невесты. Невест брали в Орде, женихи сами приезжали в Ростов (больше всего именно в Ростов), и там крестились и те, и другие.

И не бунчук монгольский, а нательный крест сделал бывшую славянскую и уже вырождавшуюся в силу пассионарного спада страну новой страной, русско-татарской с православным исповеданием.

Но дело в том, что при спаде пассионарности различия между княжествами возрастали. Все больше и больше становились не похожи новгородцы на суздальцев, суздальцы – на смолян и рязанцев, москвичи тоже составили особую группу. Что же могло их объединить?

И оказалось, что объединяла их только православная церковь – явление духовное. Митрополит Петр, его преемник митрополит Феогност, грек, но очень применившийся к русским условиям, и, наконец, митрополит Алексей, сын боярина, при помощи Сергия Радонежского, простого монаха, но тоже сына боярина, – вот они создали на Руси теократию и именно в ней – идеократию.

Л.А.: И это сыграло, возможно, решающую роль в формировании русского этноса, сохранившегося и в нынешнее время?

Л.Г.: Да, всех русских скрепляло православие как духовная ценность вплоть до XV века, когда объединение наступило (на северо-востоке оно уже оформилось и политически), и до XVIII века, когда была присоединена юго-западная Русь, находившаяся 400 лет под властью Польши.

Именно эта духовная ценность сохранила цельность российского этноса, не давая ему распасться на части. И более того, вовлекла в состав этой новой цельности огромное количество инородцев.

Л.А.: Почему?

Л.Г.: Потому что любой мордвин, зырянин, мерянин, татарин, приняв крещение, становился русским. Возьмите список русских фамилий у Баскакова Николая Александровича. Какие фамилии ордынского происхождения там увидите? – Кутузов, Суворов, Тютчев, Шереметев и так далее.

То есть мы видим, что здесь, на базе этнического синтеза, при взаимной комплиментарности...

Л.А.: Чего-то вроде чувства симпатии, расположенности...

Л.Г.: ...Которое давала людям очень веротерпимая православная церковь, – удалось создать тот монолит, который мы называем великой Россией.

Шрамы и раны России

Д.Б.: Система эта, при которой церковь взяла в свои руки идеологическое руководство страной, продержалась сравнительно недолго. Но она позволила создать государство, утвердить принципы свободного единения, связала общество идеологически, скрепив его морально-этическими нормами христианства, оказалась очень устойчивой как против натиска мусульман с юга, так и против западной католической экспансии.

При этом, поскольку христианство не утверждало племенной исключительности русичей, система эта оказалась годной для создания на взаимотерпимых принципах многонационального государства – Великой России, или Великороссии. Но с ростом самодержавия и бюрократического аппарата эта идеальная, так сказать, форма русской государственности стала нарушаться, и произошло это задолго до Октября. Сила стала заменять убеждения – таковы «силовые» никоновские реформы, вызвавшие раскол и ослабление церкви. Грозный с его опричниной был гигантским непредусмотренным

эксцессом власти. Петр I совершил непоправимое – разорвал нацию надвое, противопоставив дворянство народу. Он же установил на Руси рабство, ввел порку и продажу людей, увеличил налоги в 6,5 раза, а численность нации при нем сократилась на одну пятую! Я уж не говорю о том, что именно с его августейшего правления началась экологическая катастрофа плодородного слоя российских земель – вырубка лесов вкупе с введением отвального плуга вызвала быстрое обезструктуривание почвенного слоя в Центральной России и размывы его оврагами, и так далее. Негативные итоги правления Екатерины Великой: не были решены вопросы крестьянского землепользования и грамотной экологии, культурное противостояние классов только углублялось. В результате наступил общий кризис, закономерно приведший к революциям.

Резко оздоровили было ситуацию столыпинские реформы, а осуществление Декрета о земле 1918 года подняло наше сельское хозяйство к ведущему мировому уровню. Но вторичное закрепощение крестьянства – так называемая коллективизация 30-х годов – погубило не только исконную систему земледелия, но и саму землю окончательно.

Л.А.: Так что же, выходит, Дмитрий Михайлович, прогноз «золотой осени» для России, предусмотренный не только гумилевским учением, но и всем ходом исторического развития, летит вдребезги от столкновения с не решенным до сих пор вопросом о земле или... все-таки есть «или».

Д.Б.: Реально вот что нужно сделать, чтобы вырваться к «золотой осени». (Я коснусь только проблем экологического выживания России.) Надо уберечь оставшиеся воды, болота, леса, но этого мало. Нужно окружить лесными кордонами наши поля, как это сделал Докучаев в Каменной степи, засадить лесом гигантские обезлесенные территории русского Севера. Ликвидировать мелиорацию в ее современном виде и (без Минводхоза!) спустить все равнинные моря и разгородить Волгу. Закрыть атомные станции и химические предприятия, устроив гласный суд над виновниками погубления природы из всех ведомств. Это экологический минимум.

Тогда, надеюсь, со временем произойдет восстановление национальной культуры и народной нравственности в ее традиционных формах. Только тут без помощи церкви нам никак не обойтись. Церковь надо скорее освобождать от тех египетских гонений, политических и экономических, коим она подвергалась ранее. И школы должны быть другими, и учебники... – чтобы уцелеть, чтобы прийти к спокойной, сытой и культурной цивилизации, которую заслужил наш великий народ, необходимы огромные усилия и сознательная, национальная работа всего общества. И нужна любовь. Любовь к своему народу, к своей земле, к истине и справедливости. И необходимо при этом, ежели мы хотим сохранить наше государство в целостности, иметь уважение к иным народам нашей многонациональной России и к их традиционному способу жизни.

Л.А.: Лев Николаевич, а нам, ныне живущим и еле успевающим не то что осмыслить, а хоть как-то фиксировать сознанием саму историю, которую, как фильм в рапиде, лихорадочно прокручивает вместе с нами небывалое время... Какой далекий прогноз вы предложите, надеяться на будущее – на новый пассионарный толчок, который вот-вот (вы как-то обмолвились) или уже происходит?

Л.Г.: У меня нет еще всех точных данных насчет нового толчка, пока некоторые предположения. А чтобы выжить всем, по крайней мере нужно дать жить и работать тем пассионариям, которые у нас еще сохранились.

Простите – вот я мог бы гораздо больше сделать, если бы меня не держали 14 лет в лагерях и 14 лет под запретом в печати. То есть 28 лет у меня вылетели на ветер! Кто это сделал? Это сделали не власти. Нет, власти к этому отношения не имели. Это сделали, что называется, научные коллеги. Так вот, этих, которые сидят в университетах, в институтах научных, в издательствах – вот их как-то надо подвести к тому, чтобы делали дело.

Мой умный отец основал «Цех поэтов». Цех – это ремесленная организация. Вот мы с Дмитрием Михайловичем, вы, Людмила Ивановна, – мы ремесленники. Мы делаем дело, каждый свое. И поэтому мы, упаси Боже, не интеллигенты, которые в свое время не доучились и «болеют за народ», как сформулировал Боборыкин это расхожее ныне слово в шестидесятых годах прошлого века, а ремесленники. А за народ болеть не стоит, да никто за него и не болеет.

Самое главное – никакому народу это не надо. Не будь ты моим благодетелем, не дури мне мозги! – это лагерный тезис. Кстати, в лагере каждый четко знал, к какому народу кто принадлежит, – без анкет, и никто не путался. Как человек ведет себя в быту – вот и все. Нет народов плохих или хороших – они разные. Но у каждого есть момент рождения, развития и умирания, как у любого живого организма.

Л.А.: Лев Николаевич, а почему первыми всегда погибают лучшие?

Л.Г.: Погибают все. Но потеря лучших заметна. А гибнут они потому, что сами же, обладая большим уровнем пассионарности, жертвуют собой ради того, что они называют идеалом, – то есть далекого прогноза. Они гибнут ради будущего. И только благодаря тому, что они отдают себя как жертву на гибель, и возможно будущее.

Этнические процессы: два подхода к изучению [30 - «Социологические исследования», 1992, № 1, с.50–57 (в соавторстве с К.П. Ивановым).]

Нет необходимости подчеркивать актуальность понимания происходящих у нас в стране этнических процессов. Казахстан, Армения, Азербайджан, Эстония... События в этих регионах заставили всех вновь задуматься над национальным вопросом, который, казалось, был «решен полностью».

Сейчас стало очевидным, что теория национальных отношений была в минувшие годы весьма далекой от действительности. Именно в этой области «особенно негативно сказался застой», отмечает в одной из своих последних книг глава советской этнографической науки академик Ю.В. Бромлей и далее совершенно справедливо добавляет: «новые подходы к ней поэтому настоятельно требуют избавления от талмудизма и начетничества, заздравных формул» [38, с.178–179].

Нетрудно, однако, убедиться, что застою этнографическая мысль обязана во многом самому академику. Сейчас не время выяснять отношения. Будем говорить предметно.

Любая теория или концепция держится на предпосылках, справедливость которых не вызывает возражений у научного сообщества. Есть такие предположения и в теоретических построениях, разделявшихся еще недавно большинством советских этнографов. Их, строго говоря, два. Первое состоит в том, что этнос – явление социальное, следовательно, подчиненное законам развития общества и поэтому не имеющее собственных закономерностей. Второе заключается в том, что этнос – «система». Под системностью подразумевается некая однородность, идентичность всех элементов этноса, которая может быть обнаружена реально только в самосознании, этом «неотъемлемом», по Бромлею, признаке этноса.

Нетрудно показать, что обе предпосылки глубоко ошибочны. Действительно, социальность этноса исследователями не доказывалась, а просто постулировалась: «социальное в широком значении этого слова включает в себя и этническое, следовательно, этносы сами представляют собой социальные институты» [36, с.31]. Единственным аргументом для этого автора, видимо достаточным, служит убеждение в том, что этнос «не существует вне собственных социальных институтов различных уровней от семьи до государства» [там же]. Согласиться с такими доводами, конечно, невозможно. Получается, что природа этноса

(этнокоса) зависит не от того, чем он является сам по себе, а от широты понимания термина «социальное». Однако «человеческое» вовсе не тождественно «социальному». Этнос не существует не только вне социальных институтов, но и вне атмосферы, гидросферы (вода пронизывает все организмы) и биосферы. Более того, как научная категория «социальное» не включает в себя «коллективное». Коллективы существуют и в мире животных: стаи, колонии, стада, косяки и др. сообщества. Поэтому коллективность – более общее свойство жизни, нежели социальность. Обязательными признаками последней являются, как известно, сознательные отношения между участниками и их способность к труду.

Еще П.А. Кропоткин [174] заметил, что в природе, независимо от положения на эволюционном древе, доминируют колониальные, коллективные виды животных, у которых развит инстинкт взаимопомощи. К таким коллективным видам относится и человек. Таким же коллективным видом были и его далекие предки, например *Homo erectus*, распространившийся на Земле более 400 тыс. лет назад. При этом различия между коллективами одного вида вызваны прежде всего различными формами адаптации к тем или иным участкам биосферы, т.е. к ландшафтам. Это позволило одному из нас определить в свое время этнос как форму адаптации вида *Homo sapiens* в биоценозе своего ландшафта, причем не столько в структуре, сколько в поведении [88]. Понятно, что с точки зрения эволюции вида как целого этносы были всегда. Вне коллектива человек не мог существовать, как не существовали без коллективов и его далекие предки.

Следуя же господствовавшей у нас обществоведческой традиции, приходится признать, что «возникновение этнических общностей относится лишь к периоду развитого первобытного (безклассового) общества» [37]. Разумеется, никаких исторических (археологических) подтверждений этому нигде не давалось и в принципе их неоткуда было взять. Трудно было допустить и обратное, что коллективность – неотъемлемое свойство человека как биологического вида. Ведь тогда пришлось бы признать, что этнос – не следствие, а предпосылка социальной эволюции человечества. Тем не менее еще у Маркса встречаем, что «одним из природных условий производства для живого индивида является его принадлежность к какому-либо естественно сложившемуся коллективу: племени и т.п.» [185а)]. При этом «общность по племени, природная общность выступает не как результат, а как предпосылка» [там же]. Нужно заметить, что философы обратили внимание на эти положения еще в 1981 г. [35].

Еще значительно удалаяются от понимания природы этноса те этнографы, которые вслед за Ю.В. Бромлеем, называя этнос системой, системной целостностью, подразумевают под этим «совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными чертами и особенностями культуры и психики» [5, с.58]. В поисках таких черт неизбежно приходится останавливаться на «представлении об определенной идентичности», «однородности психики членов этноса» [там же, с.176], т.е. констатировать определенное подобие, тождество. Однако такое понимание системности, отмечал Л.Н. Гумилев, подменено в этом случае «принципом сходства и похожести, по необходимости внешней, поскольку внутренние связи при этом подходе уловить невозможно» [114].

Основное при таком предметном взгляде на систему – обнаружение одинаковости людей, в то время как главным должно быть «установление динамических связей между различными людьми. Простейшая система – семья состоит из мужчины и женщины и держится на их несходстве. Усложненная система – этнос или суперэтнос также держится не на сходстве входящих в него людей, но на устойчивости характера и направления... связей» [там же]. Одним словом, основной единицей отсчета при системном подходе к этносу служит не человек, а «характеристика связи». Поэтому у системы нет и не может быть «системообразующего элемента», а есть системообразующие связи определенного типа. Этих связей никогда не заметить в этносе, если попытаться найти какие-то общие черты у его

членов.

Уже более 20 лет назад было показано, что универсального внешнего отличительного признака у этноса нет. «Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особью „мы такие-то, а все прочие другие“» [88, с.5]. Противопоставление «своих» и «чужих» («мы» – «они»), данное членам этноса в рефлексии, служит «индикатором для определения этнической принадлежности [97, с.194], а тем самым и особым типом системообразующей связи в этносе. Этнос возникает как целостность, противопоставляющая себя всем остальным целостностям того же типа, и исчезает как система с потерей ощущения „своих“ и „чужих“. При этом, хотя этническая принадлежность и обнаруживается в сознании людей, она „не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую“ [88, с.4]. Таким образом, „самосознание только опознавательный знак, а не сущность предмета“ [97, с.195].

Однако поиск подобия членов этноса между собой, вызванный банальным натуралистическим восприятием понятия «система», а также убежденность в социальности этноса вынуждают рассматривать именно самосознание в качестве «непременного компонента», «отличительной черты этнической общности» [37, с.176]. Но если этнос существует как объективная реальность, а не является спекулятивной категорией (а это не вызывает сомнений), то он прежде всего должен быть нам «дан в ощущении», на основе которого уже только может возникнуть этническое самосознание, причем не обязательно адекватное. В противном случае этническое сознание (самосознание) определяло бы этническое бытие (принадлежность), что сомнительно. Ведь тогда получалось бы, что можно образовать этнос по договору или добровольно сменить этническую принадлежность, а это противоречит всем известным фактам этнической истории.

Но Ю.В. Бромлей принципиально отказывается от эмпирического обобщения наблюдаемых фактов, предпочитая «путь восхождения от абстрактного к конкретному» [там же, с.22]. Изучению исторической эпохи он уделяет в основной своей монографии всего 20 страниц [там же, с.274–294], предпочитая теоретизировать о весьма гипотетической первобытности и малодостоверной, паллиативной современности. Неудивительно, что на такой зыбкой почве построить научную концепцию невозможно. Еще хуже другое: те немногие недвусмысленные выводы, на которые решалась официальная советская этнография, оказывались не только неверными, но и чреватými самыми непредсказуемыми и опасными последствиями для народов нашей страны.

Один из таких выводов состоит в том, что политическое объединение народов СССР представляет собой еще и целостность в этническом аспекте – советский народ, – которая обладает «не только единой территорией и экономикой, но также общей культурой и общим самосознанием» [там же, с.373]. Эту целостность, однако, согласно представлениям цитируемого автора, еще преждевременно считать единым этносом или нацией, а следует отнести к так называемым метаэтническим общностям [там же, с.375, 391]. Метаэтнос – термин С.И. Брука и Н.И. Чебоксарова [39] – это высший уровень этнической иерархии, который представляет собой совокупность этносов и имеет «общие черты культуры и единое самосознание». Префикс мета-, означающий «потусторонность», подчеркивает, по мнению этнографов, немаловажное обстоятельство: метаэтнoсы нестабильны, т.е. «находятся в состоянии перехода, изменения состояния» [37, с.82]. Из определения, правда, не совсем ясно, во что они превращаются, но пример советского народа позволяет думать – в «этнические подразделения основного уровня» [там же, с.391], т.е. в обычные этносы, народы.

В качестве основного признака метаэтносов опять же рассматривается самосознание [там же, с.82, 86], а «системообразующим фактором, основным объективным критерием» для их выделения называются «те или иные компоненты культуры»: язык, религия, тип хозяйства [там же, с.82–83]. Так на свет появляются метаэтнолингвистические и метаэтнохозяйственные общности.

Нетрудно убедиться, что, как и в случае определения этноса, указанные признаки являются случайными и для выделения этнических целостностей высшего ранга. Перед нами еще одна неудавшаяся классификация. В самом деле, согласно этой типологии, метаэтносом считаются, например, славяне [там же, с.84]. Однако в этом случае карелы или вепсы, хотя и входят в этнос русских как его субэтносы, к славянам уже, естественно, отнесены быть не могут. Лингвистический принцип оказывается поверхностным, не отражающим сути явления.

Легко поверить, что и другие компоненты культуры – религия, хозяйство, единая государственность – не способны определить однозначно макроэтнические образования, реальность существования которых не подлежит сомнению: Римский мир (*Pax Romana*), Левант, Византия, Западная (романо-германская) Европа или Христианский мир, Россия, Великая степь, Китай и т.п. Более того, они давно описаны и названы в литературе вопроса. «Почти все известные нам этносы сгруппированы в своеобразные конструкции – „культуры“ или „суперэтнические целостности“» [108]. «Названия „культур“ условны: романо-германская, мусульманская, византийская, средневековая и т.п., но каждая из них является своеобразной целостностью исторического бытия, а не случайным обобщением, принимаемым для удобства классификации. Смена культур означает смену участвующих в их образовании этносов» [97, с.195].

Единственным надежным критерием для отличия суперэтносов, так же как и этносов, служит не язык, не религия, а стереотип поведения. «В единой системе этносов, например в романо-германской Европе, называвшейся в XIV в. Христианским миром (хотя в него и не включались православные народы), стереотип поведения разнился мало и этой величиной можно было пренебречь. Но в системе, условно именовавшейся „мусульманскими народами“ он был настолько иным, что переход отмечался специально» [88, с.92–93].

Коренным отличием реально существующих суперэтносов от выдуманных упомянутыми этнографами метаэтносов является то, что первые возникали всегда, а не только при зрелом капитализме [36, с.68] и вовсе не представляют собой «перехода» или слияния нескольких формаций и более устойчивы, нежели этносы. Продолжительность существования даже давала повод современникам рассматривать их как «состояние», но на самом деле это были медленно текущие процессы, причем не межэтнической интеграции, а постепенного упрощения этнических систем всех уровней. Упрощения как серии необратимых потерь и утрат, включая исчезновение отдельных этносов и субэтносов, а в итоге и всей «культуры» в целом.

Согласно современной теории этногенеза [130, 134], можно определить суперэтнос как группу этносов, возникшую в результате пассионарного толчка в одном регионе и связанную общностью исторической судьбы. Учитывая, что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта, можно заметить, что суперэтносы обычно существуют в границах определенных этноландшафтных зон.

Так, северная граница Римского мира не пересекала зоны распространения виноградной лозы, а с юга была ограничена степными и полупустынными ландшафтами Аравии и Африки. Мусульманский Восток, или Левант, как суперэтнос не расширился далеко за границы адаптации финиковой пальмы, возделываемой в оазисах, и почти совпадал с зоной полупустынь, где сложился замечательный симбиоз человека и верблюда. Сухие степи Евразии, раскинувшиеся от Венгерской пушты на западе до склонов Хингана на востоке,

представляют собой экологическую нишу Степного суперэтноса, которую в наше время заполняют потомки тюрков и монголов – умелых пастухов и всадников. Великая Китайская стена отделяет степные ландшафты от субтропического Китая – Поднебесной, – где в бассейне меандрирующих Хуанхэ и Янцзы живут народы Китая, кропотливо выращивая рис.

Здесь речь идет именно об этноландшафтных зонах, т.к. они образуются в результате взаимодействия, симбиоза человека и ландшафта, когда они начинают дополнять друг друга. Не только туареги Сахары не могут обойтись без своих верблюдов, но и верблюды не могут пересекать пустыню без хозяев, достающих им воду из глубоких колодцев. Конечно, некоторые находят пропитание и за пределами кормящего этнос ландшафта, как делали это, например, англичане в Индии или как поступают жители современных мегаполисов и урбанистических конгломерации. Но с точки зрения истории этносферы это кратковременные флуктуации. Исключение, а не правило. На популяционном уровне, т.е. на уровне этноса в целом, существование вне этноса немыслимо. И поэтому современная промышленная цивилизация обречена. Она не исчезает лишь благодаря беспрецедентным темпам ограбления накопленных биосферой миллиардами лет природных ресурсов и осквернения неповторимых ландшафтов. Ее ждет судьба Мохеждо-Даро и Вавилона. Только экологическая катастрофа произойдет в более крупных масштабах.

Ландшафт действует на этнос принудительно, и потому при его смене этнос вынужден либо исчезнуть, либо выработать новые формы адаптации, что означает смену стереотипа поведения. А это уже свидетельствует о появлении нового субэтноса или даже нового этноса, если популяция мигрирует за пределы этноландшафтной зоны. Так, русские крестьяне и казаки, переселяясь в Сибирь, создали ряд оригинальных вариантов русской культурной традиции, не покидая при этом привычного поименно-лугового ландшафта таежной зоны. И потому в Сибири сложилось несколько субэтносов великороссов: чалдоны, индигирцы (русскоустыинцы), марковцы, якутяне, карымы и др. В том же случае, когда крестьяне селились за рубежом привычного ландшафта, популяция преобразалась до неузнаваемости и происходила этническая дивергенция. Например, в лесотундре Таймыра на базе смешения северных якутов, «объякученных» тунгусов (эвенков) и старожильского русского населения – затундренных крестьян – появился своеобразный новый этнос – долгане.

Утверждать, что на территории нашей страны складывается или уже сложился один суперэтнос (а тем более метаэтнос), – значит вводить в заблуждение и научное сообщество, и тех ответственных лиц, от которых зависит принятие решений в национальной политике. Существующие государственные границы СССР захватывают как минимум семь различных суперэтносов, каждый из которых занимает преимущественно свою особую экологическую нишу или этноландшафтную зону и имеет свою неповторимую историческую судьбу, т.е. оригинальный стереотип поведения и определенную традицию взаимоотношений с соседними суперэтнoсами. Их слияние было бы возможно лишь при полной нивелировке разнообразных ландшафтов страны, что следует признать принципиально неосуществимым даже в далекой перспективе. Невозможность слияния вовсе не означает неспособность к добрососедству и искренней дружбе. Наоборот, единственно верный девиз устойчивого сосуществования народов в полиэтническом государстве – «В мире, но порознь». Вражда и кровопролитие начинаются как раз тогда, когда людям внушают, что они одинаковы. Грозным предупреждением от соблазна «слияния» для всех этнополитиков должен послужить пример Кампучии, где тотальному геноциду предшествовала кампания создания единой кхмерской нации [173].

Выделяя такие метаэтнoсы Средневековья, как Православная Русь, Католическая Западная Европа, Византия [37, с.291–292], Ю.В. Бромлей, связанный собственным принципом классификации по внешним признакам, естественно, не замечает, что они существуют как явления этносферы и в настоящее время, хотя и под другими именами. Более того, они

полностью или частично располагаются на территории СССР. Католическая Западная Европа после Реформации стала называться Цивилизованным миром, который включает сегодня не только народы Западной Европы, но и потомков европейских колонистов и эмигрантов в США, Канаде, Австралии и Южной Африке. В эту суперэтническую целостность входят народы бывшей Австро-Венгрии (чехи и венгры), к ней же примыкают поляки и этносы Прибалтики, в том числе эстонцы, латыши и литовцы.

Суперэтнос не есть общность духовная или политическая, это – явление географическое. Западную Европу от России, Российского суперэтноса, являющегося генетическим продолжением Православной Руси, отделяет сейчас, как и в Средневековье, невидимая ландшафтная граница – нулевая изотерма января. Качественный скачок в климатических условиях детерминировал на востоке иные формы адаптации. Русские как этнос связаны с азональным пойменно-луговым ландшафтом рек таежной зоны, где образовали уникальный симбиоз с коровой, используемой прежде всего как источник органического удобрения, совершенно необходимого для малопродуктивных подзолистых лесных почв [146, 147]. Русские дали название и всему суперэтносу, в который помимо них вошли, начиная с XIII в., финно-угорские народы Восточной Европы: карелы, вепсы, зыряне (коми), мордва, удмурты, а также православные украинцы, чувашаи и множество сибирских народов, включая алеутов. Строго говоря, сибирские охотники и оленеводы – самоеды (ненцы), ханты, манси, нганасаны, селькупы, тунгусы (эвенки и эвены), юкагиры, коряки, чукчи – представляли собой еще недавно самостоятельный Циркумполярный суперэтнос. Его отделяла от России опять-таки невидимая граница распространения вечной мерзлоты. К северу от нее в зональные ландшафты тайги и тундры русская земледельческая культура не проникала. Зато на смену травяному покрову здесь приходят ягельники – экологическая ниша северного оленя, домашнего и дикого, с которым неразрывно связано самое существование перечисленных народов. В настоящее время Циркумполярный суперэтнос практически полностью вошел в Российский, однако это вызвано искусственной кампанией перевода кочевников на оседлость, которая грозит прекратить совсем их самобытное традиционное хозяйство, а с ним и суперэтническое своеобразие, и как следствие – само человеческое существование.

Суперэтносы – долго, но не вечно живущие этнические системы. Их границы подвижны не только в пространстве, что связано с крупными вековыми вариациями климата, но и во времени. Причиной тому служат как внутренние закономерности этногенеза, так и взаимодействие соседей. Принципиальное значение для контакта имеет знак комплиментарности взаимодействующих суперэтносов [130].

Положительная комплиментарность двух основных суперэтносов нашей страны – Российского и Степного – явилась залогом как создания Московского государства, а вслед за ним и территориального расширения Российской империи, так и нерушимости СССР в годы второй мировой войны. Комплиментарность есть неосознанная и неопределенная какими-либо видимыми причинами взаимная симпатия различных суперэтносов и даже отдельных персон.

Именно комплиментарность послужила поводом для дружбы Александра Невского и сына Батыя Сартака. Но, видимо, она же имела место и на уровне этносов: русские и татары, т.е. политическая зависимость Руси от Сарая не помешала открыть в столице Золотой Орды еще в 1260 г. епископскую кафедру с русским епископом, а затем после «Великой замятии» принять на Русь бежавших от погрома чингисидов и рядовых монголов, которые, крестившись, пополняли московское войско; их фамилиями наполнена Бархатная книга. Иван IV положил конец политической самостоятельности Орды, но это не помешало говорить в Кремле по-татарски и даже посадить на престол касимовского хана. После штурма Казани геноцида не было, как не было его и после похода Батыя. Наоборот, степняки стали

добровольно входить под власть Белого Царя – сначала калмыки и буряты, затем казахи и киргизы.

Каждому, кто хоть сколько-нибудь не поверхностно знаком с историей России, ясно, что присоединение Сибири было бы немыслимым без добровольного согласия и взаимного доверия. Подвергать сомнению этот факт – значит подтачивать основную этническую ось российской государственности.

Завоевывать пришлось Кавказ и Среднюю Азию. Но Грузия добровольно вошла в состав России, присоединение Армении было, по существу, освобождением единоверцев, а завоевание Азербайджана – установлением удобной для России границы с Ираном. Теми же политическими, пограничными соображениями были вызваны походы Черняева и Скобелева. Да, военные действия на Кавказе и в Средней Азии были, но здесь, как и в Прибалтике, русские столкнулись с иным суперэтносом, даже с двумя. Грузины и армяне представляли собой осколки Византии; туркмены, узбеки, таджики, турки вместе с крымскими татарами входили в Мусульманский суперэтнос. Византия была исторически дружественна Руси, и комплиментарность христиан Кавказа с россиянами предопределила их присоединение к России.

Мусульманский мир со времен Мамаев был принципиальным противником Москвы, и это породило детерминированную цепь событий, закончившуюся сложением православной империи, хотя исход войн с Крымом, а затем Турцией и Ираном не был предопределен и мог быть совершенно иным.

Отдельный суперэтнос представляют собой евреи – обитатели антропогенного городского ландшафта. То, что евреи – не этнос, а именно суперэтнос, т.е. совокупность различных этносов, различающихся между собой как французы, испанцы, итальянцы и ирландцы в Западной Европе, продемонстрировало создание государства Израиль. Здесь положение европейских евреев (ашкенази) и афроазиатских евреев (сефарды), не говоря уже о фаллашах, значительно отличается. Весьма непохожи друг на друга и сами сефарды (как и ашкенази): беннизраэль Индии, джайды Ирана, крымчаки, йеменские евреи и др.

Реальность различия суперэтносов СССР подтверждается существенными отличиями в их демографической эволюции [147], а также результатами смешанных браков, о которых пишут и этнографы. Но, не владея методом суперэтнической диагностики, их трудно осмыслить. Так, в Прибалтике в смешанных семьях эстонцев, латышей и литовцев с русскими лишь от одной трети до половины считают себя русскими. В Средней Азии и на Кавказе почти все дети не считают себя русскими (русская здесь, как правило, мать ребенка); зато в Чувашии почти 98% подростков из чувашско-русских семей именуют себя русскими [38, с.154]. Никакого объяснения такому расхождению результатов метисации, как нетрудно убедиться, академик не дает. Однако, учитывая реальность существования западноевропейского, мусульманского и российского суперэтносов, реакция прибалтийских и среднеазиатских подростков понятна. Что же касается чувашей, то они входят в российский суперэтнос и потому выбирают в качестве этнической суперэтническую принадлежность. Выбор подростков во всех трех случаях не может считаться случайным или субъективным, поскольку речь идет о достаточно больших выборках. Тем самым реальность существования суперэтносов подтверждается еще и статистически.

Отрицать объективные законы этногенеза, независимые от законов общественного развития и пожеланий отдельных чиновников, – значит заведомо исключать возможность постичь реальные причины и механизмы этнических конфликтов. Осудить заздравный подход к этническим проблемам еще недостаточно, ведь при этом можно впасть в еще более тяжелый для ученого грех – этнографическое ханжество, которое стыдливо умалчивает о принципиальной некомплементарности отдельных суперэтносов между собой или, напротив,

бросает тень на многовековые дружественные связи действительно комплиментарных суперэтносов, скажем, Российского и Степного.

В настоящей работе раскрыта только малая часть арсенала концепции, названной нами пассионарной теорией этногенеза. Более широкое применение ее потребовало бы нескольких монографий (см.: Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990). Мы хотели обратить внимание на то, что без широкого изучения всемирной этнической истории, знакомства со всей имеющейся литературой вопроса, без достоверной статистической информации и открытого обсуждения конкурирующих исследовательских программ этнография никогда не превратится в этнологию, которая может не только правильно описывать феномен этноса, но и постигать законы его изменения.

Горе от иллюзий [31 - «Вестник высшей школы (Alma Mater)», 1992, № 7–9 (в соавторстве с В.Ю. Ермолаевым).]

Ах, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять.
Премудрого у них —
Незнанья иноземцев.

А.С. Грибоедов

Когда говорят о причинах произошедшего на наших глазах распада страны, то наиболее часто употребляемым из всех объяснений становится социально-политическое. «Происходит-де закономерный распад последней из колониальных империй прошлого. Россия, если она захочет войти в сообщество цивилизованных наций, поневоле должна быть поделена на ряд независимых государств». Популярность такого объяснения равна его внутренней противоречивости.

Во-первых, и об этом уже писалось многократно, Россия никогда не была империей в западноевропейском смысле. Если колониями считать периферийные республики Прибалтики, Средней Азии, Казахстана, Кавказа и т.д., то место метрополии остается только собственно России. Но коль скоро так, то Россия должна была бы напоминать Англию XVIII – XIX вв. в сравнении с Индией: обладать повышенным благосостоянием населения, сформировавшимся третьим сословием, активно развивать социальную инфраструктуру за счет колониальных инвестиций. Но, помилуйте, ничего похожего нет в России. По благосостоянию жителей Кавказ гораздо больше напоминает метрополию, нежели Москва или Петербург. По формированию третьего сословия Средняя Азия ушла куда дальше. Что же касается колониальных инвестиций, то газ и нефть из Сибири продолжают поступать в отделившуюся от Союза Прибалтику по ценам ниже мировых, тогда как в историческом центре России, названном почему-то Нечерноземьем, и проехать-то можно далеко не во все деревни и поселки из-за отсутствия дорог.

Во-вторых, почему условием входа в семью цивилизованных наций считается распад огромной державы? Если «довлеет дневи злоба его» и перед глазами очарованных россиян стоит современная европейская практика управления в виде Европейского экономического сообщества, то сие тем более ошибочно. ЕЭС и Европейский парламент с их лозунгом «Европа – наш общий дом» действительно представляют собой закономерный итог развития отдельных цивилизованных стран с устоявшимися традициями рыночной экономики в XX в. Но если брать европейский опыт, стоит рассматривать его целиком, а не отдельными фрагментами. Для европейских государств дезинтеграция всегда была способом существования, но цивилизованной Западной Европа стала отнюдь не сегодня. По М. Веберу, процесс превращения Христианского мира в мир Цивилизованный проходил уже в XVI – XVIII столетиях. Таким образом, формирование «семьи цивилизованных наций» совпадает

вовсе не с распадом империй, а, напротив, с их созданием в результате европейской колониальной экспансии в Африку, Индию, Новый Свет.

А ведь можно не останавливаться на уровне всей Западной Европы и последовательно рассмотреть с этой точки зрения отдельные европейские страны. Современная Франция в ее политических границах, по мнению выдающегося французского историка О. Тьерри, есть результат военного покорения парижскими королями очень разных земель и народов. Кельтская Бретань была окончательно присоединена лишь при Наполеоне, Бургундия – в XV в., покорение Юга – Прованса и Лангедока – потребовало от центральной власти непрерывной войны, тянувшейся от первой Альбигойской в XIII в. до подавления восстания камизаров на рубеже XVIII столетия. То же и в Англии. Уэльс сопротивлялся англичанам до XIII в., Шотландия – практически до XVIII в., а Северная Ирландия и донныне не совсем примирилась с властью Лондона. Италия точно так же объединила в себе совершенно различные в этнологическом отношении Пьемонт и Неаполь. Стоит ли упоминать Корсику, Наварру или лужицких сорбов, до сих пор живущих в Германии? Но вряд ли сами западноевропейцы поддержат политика, который потребует политического отделения Бретани, Бургундии, Прованса, Корсики, Пьемонта или Наварры, с тем чтобы Франция, Англия, Испания и Италия стали еще более цивилизованными.

Противоречивость социальной точки зрения побуждает нас искать объяснения, лежащие в иной плоскости, и мы попробуем найти ответ в этнической истории и этногенезе народов нашей страны. Правда, здесь мы сразу встречаемся с очень существенной сложностью. Сегодня у нас не существует общепринятого, т.е. разделяемого большинством общества, взгляда на историю Отечества. Что такое, например, 70 с лишним лет советской власти для твердокаменных большевиков? «Новая эра в развитии человечества». А демократ совершенно верно охарактеризует вам эти же 70 с лишним лет как «время господства тоталитарного режима, подавившего свободу, демократию и права человека, провозглашенные Февральской революцией». Однако патриот-почвенник резонно возразит: «Именно Февральская революция, направляемая руками инородцев, уничтожила традиционную российскую государственность и положила начало Большому террору». Количество высказываний легко умножить, но, находясь в рамках социально-политической системы координат, практически невозможно элиминировать влияние «партийных пристрастий». И положение такое вполне естественно – в борьбе за власть каждая политическая группировка стремится завоевать симпатии общества, а потому трансформация истины проходит легко и как-то незаметно.

Попробуем поставить вопрос иначе. Возможна ли альтернатива не отдельно марксистам, демократам, почвенникам, анархистам (несть им числа), а социальной интерпретации истории как таковой? Ведь на деле политиков при всей мозаике политических взглядов роднит глубокая внутренняя убежденность: история делается людьми и этот процесс поддается сознательному регулированию. Недаром ключевой момент в деятельности любого политика – момент так называемого принятия решения. Однако не только политик, но и любой обыватель способен привести массу примеров того, как на первый взгляд правильные и взвешенные политические решения приводили к совсем иным последствиям, нежели те, на которые были рассчитаны. Например, желая поправить пошатнувшееся благосостояние с помощью военных успехов, какой-нибудь средневековый герцог, разумно оценив свои силы, «принимал решение» начать вербовать себе наемников. Вскоре мажордом герцога уже давал какому-нибудь прохвосту золотую монету и говорил: «Милейший, возьми это, иди и объясни всем своим друзьям, что наш герцог – добрый герцог». И вот искатели оплачиваемых приключений начинали прибывать во владение герцога нестройными толпами. В результате еще до начала войны благосостояние сеньора падало, ибо после ландскнехтов оставались потравленные поля, пустые бочонки да оборванные женские юбки. Конечно, наш

современник задним числом легко объяснит происшедшее недалевидностью герцога и низким уровнем образования в средние века. «Правитель должен был предвидеть последствия приглашения на службу жадных кондотьеров, и вообще гораздо правильнее было бы ему освободить крестьян от крепостной зависимости, просветить их, обучив азам политической экономии и военного дела, и, оперевшись на крестьянскую массу в союзе с ремесленниками, совершить буржуазную революцию». Пример намеренно утрирован, но заметим, что такую программу вряд ли бы одобрили вассалы герцога, а ссора с окружением и тогда уменьшала шансы вождя на счастливую старость.

Но самый парадоксальный вывод из приведенного примера заключается в том, что методология социальной политики сегодня остается такой, какой она была несколько сотен лет назад. Назовите герцога – президентом, наемников – партократами, крестьян – цивилизованными бизнесменами, а буржуазную революцию – демократической, и вы получите точную копию высказываний вчерашней газеты по поводу дискуссий в парламенте.

Как видим, выбор сознательных решений для политика всегда ограничен влиянием поведения окружающей среды и адекватностью представлений самого политика об этой среде. Следовательно, для верной оценки происходящего крайне важно представлять себе механизмы поведения человеческих коллективов. Но еще более важной является правильность представлений политика о природе объектов, с которыми ему *volens nolens* приходится иметь дело. Здесь-то, на наш взгляд, и скрыты корни межнациональных проблем.

Европейское образование и европейский менталитет среди множества прочих иллюзий породили и иллюзию социальной природы этносов (народов). Нам стоило бы более критически отнестись к этому устоявшемуся и широко распространенному заблуждению.

Можно, конечно, продолжать считать, будто история определяется социально-экономическими интересами и сознательными решениями. Но давайте задумаемся над вещами очевидными. В жизни человеческой нет ничего более нестабильного, чем социальное положение и социальные отношения. Одному из авторов самому довелось испытать превращение из бесправного государственного раба в ученого, пользующегося некоторым вниманием публики. Еще легче обратный переход: в эка может превратиться и глава политической полиции, и спикер новорожденного парламента – печальные примеры В.А. Крючкова и А.И. Лукьянова у нас перед глазами.

Но никакими усилиями и желаниями не может человек сменить свою этническую принадлежность – каждый принадлежит к какому-нибудь этносу, и только к одному. Не заставляет ли это предположить, что именно в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов? Еще совсем недавно для такого рода предположений оснований не было. В рамках социальной доктрины (будь то марксизм Сталина или структурализм Леви-Строса) отличия одного этноса от другого связывались с какой-либо совокупностью социальных признаков, и на том дело кончалось. В трудах Института этнографии АН СССР подобный взгляд бережно культивировался до самого последнего времени.

Возникновение альтернативного подхода оказалось связано с применением к историческому материалу методов естествознания. Альтернатива получила свое воплощение в виде пассионарной теории этногенеза, предложенной одним из авторов этих строк в семидесятые годы. В рамках названной теории отличия одного этноса от другого определяются не «способом производства», «культурой» или «уровнем образования». Этноты объективно отличаются друг от друга способом поведения их членов (стереотипами поведения). Эти стереотипы человек усваивает в первые годы жизни от родителей и сверстников, а затем использует их всю жизнь, чаще всего не осознавая стереотипности своего поведения. В этносе, в отличие от общества, работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы.

Грубо говоря, поведение каждого человека и каждого этноса – просто способ адаптации к своей географической и этнической среде. Но на тот чтобы по-новому приспособиться к своему окружению, т.е. создать этнос, нужны силы, нужна какая-то потенциальная энергия. В этом – сердцевина новизны пассионарной теории этногенеза. Она впервые связала существование этносов как коллективов людей со способностью людей как организмов «поглощать» биохимическую энергию живого вещества биосферы, открытую В.И. Вернадским. Поведенческая практика свидетельствует, что способности разных людей поглощать биохимическую энергию живого вещества различны. Проще всего классифицировать всех людей по этому признаку на три типа.

Наибольшее количество персон располагает этой энергией в количестве, достаточном, чтобы удовлетворить потребности, диктуемые инстинктом самосохранения. Эти люди (их принято называть гармоничными) работают, чтобы жить – никаких иных потребностей у них не возникает. Но заметно в истории и некоторое количество людей с «экстремальной энергетикой». Избыток энергии живого вещества был назван Л.Н. Гумилевым пассионарностью. Если пассионарности больше, чем требуется для спокойной жизни, человек-пассионарий живет, чтобы работать ради своей идеальной цели. Однако возможен и иной вариант. Когда пассионарность человека заметно меньше, нежели необходимо даже для обывательской жизни, индивид, называемый субпассионарием, живет, чтобы не работать, и ориентируется на потребление за счет других людей.

Соотношение людей разных типов в каждом этносе изменяется со временем, и этот процесс определяет пассионарность уже не на индивидуальном, а на популяционном уровне.

Допустим, популяция воспроизводит биохимическую энергию на уровне нормы (а биологической нормой организма считается приспособление ради воспроизведения потомства). Тогда мы видим этносы неагрессивные, вполне довольные жизнью. Таковы, например, современные исландцы, бедуины Саудовской Аравии или манси. Но если в такой популяции вдруг появляется известное количество пассионариев, то картина поведения этноса меняется. Поскольку есть избыток энергии – люди поневоле должны на что-то этот избыток тратить. Вот тут и начинается новый этногенез, появляются на свет Божий различные социальные идеалы, то бишь иллюзии, – комфорта, знаний, справедливости, победы и т.п.

Стремясь к своему идеалу, люди пассионарные часто жертвуют своей жизнью ради других людей, но самое главное – они попутно, ради достижения своих практических целей, перестраивают саму этническую систему, меняют ее стереотипы поведения и цели развития. А когда все инициативные фигуры и их энергичные потомки оказываются перебитыми в войнах и стычках, все возвращается на круги своя, и мы вновь видим народ трудолюбивый, спокойный, вполне довольный жизнью. Но вспомним: те же исландцы – потомки грозных «пленителей морей», викингов; предки бедуинов Саудовской Аравии когда-то создали могучий Арабский халифат. И даже безобидные современные манси происходят от свирепых воинов Аттилы, разрушивших Римскую империю.

При прочих равных условиях от момента пассионарного толчка (появления первых пассионариев в спокойной популяции) до возвращения в новое состояние равновесия – гомеостаз – проходит около 1200–1500 лет. В течение столь долгого времени пассионарное наполнение этноса не остается стабильным. Вначале пассионарность устойчиво растет – это фаза пассионарного подъема, когда структура этнической системы постоянно усложняется, из разрозненных субэтносов (сословий) возникает единый новый этнос. Затем пассионарность достигает максимальных значений, и наступает акматическая фаза этногенеза. Именно в этой фазе создается единый этнический мир – суперэтнос, состоящий из отдельных, близких друг к другу по поведению и культуре этносов. Вся последующая этническая история связана с обратным процессом – разрушением создавшегося суперэтноса

вследствие спада пассионарности. Резкий спад пассионарности (фаза надлома) наступает вслед за «перегревом» акматической фазы и не несет ничего хорошего.

Энергичных пассионарных людей с каждым поколением становится все меньше и меньше, но увы, социальная система, созданная людьми, не успевает за этими переменами. Она всегда гораздо более инерционна и менее пластична, нежели природная среда. И если предки когда-то создали государство и экономику в расчете на множество пассионариев акматической фазы, то теперь в надломе приходится все постоянно перестраивать, приспособлявая к ухудшающимся условиям. Коль скоро этот процесс закончится благополучно, этнос имеет шанс дожить до следующей фазы этногенеза – инерционной. В ней пассионарность убывает медленно и плавно, а люди живут «без заморочек», но зато наслаждаются благами материальными и культурными. Однако когда пассионарность падает еще ниже – приходит деструктивная фаза обскурации, обманчивое благополучие гибнет от рук собственных субпассионариев, этнос исчезает, а отдельные люди либо инкорпорируются в новые этносы, либо остаются в виде этнических реликтов – осколков когда-то бушевавших страстей.

Но самые тяжелые моменты в жизни этноса (а значит, и в жизни людей, его составляющих) – это смены фаз этногенеза, так называемые фазовые переходы. Фазовый переход всегда является глубоким кризисом, вызванным не только резкими изменениями уровня пассионарности, но и необходимостью психологической ломки стереотипов поведения ради приспособления к новой фазе.

Перечисленные фазы этногенеза и фазовые переходы проходит любой этнос, хотя и по-разному. Кроме того, любой процесс этногенеза может быть насильственно оборван извне – в результате массовой гибели людей при агрессии иноплеменников или эпидемии вроде чумы или СПИДа.

Изменения пассионарности в ходе этногенеза создают исторические события. Таким образом, история идет не вообще, а именно в конкретных этносах и суперэтносах, каждый из которых обладает своим запасом пассионарности, своим стереотипом поведения, собственной системой ценностей – этнической доминантой. И поэтому говорить об истории всего человечества не имеет смысла. Так называемая всеобщая история есть лишь механическая совокупность знаний об истории различных суперэтносов, так как с этнической точки зрения никакой феноменологической общности историческое человечество не представляет. Поэтому и все разговоры о «приоритете общечеловеческих ценностей» наивны, но небезобидны. Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всего человечества в один-единственный гиперэтнос. Однако до тех пор, пока сохраняются различия уровней пассионарного напряжения в уже имеющихся суперэтносах, пока существуют различные ландшафты Земли, требующие специфического приспособления в каждом отдельном случае, – такое слияние мало вероятно и торжество общечеловеческих ценностей, к счастью, будет лишь очередной утопией. Но даже если представить себе гипотетическое слияние человечества в один гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют отнюдь не «общечеловеческие ценности», а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса.

Причина здесь проста. Суперэтнические системы ценностей, как правило, взаимоисключающи и, уж во всяком случае, плохо совместимы между собой. Такая несовместимость вполне оправданна и отвечает функциональной роли суперэтнических доминант. Ведь именно они служат индикаторами принадлежности отдельного человека и этноса к «своему» суперэтносу. Доминанты как бы блокируют слияние суперэтносов между собой. Например, можно найти много общего в теологии христианства, ислама и даже буддизма. Этого общего и раньше находили достаточно. Однако историческая практика свидетельствует, что все ранее предпринимавшиеся попытки искусственно создать на основе

этого общего не то что общечеловеческую, а просто межсуперэтническую систему ценностей неизменно заканчивались крахом и приводили только к дополнительному кровопролитию. Иначе говоря, хоть и считают мусульмане Азербайджана Евангелие наряду с Кораном святой книгой (Инджиль), а Иисуса Христа – пророком Исой, но к примирению с армянами-христианами сие не приводит и привести не может принципиально.

Таким образом, соединение двух суперэтносов как таковых невозможно, но остается возможным отрыв отдельных этносов и присоединение их к другому суперэтносу. Вхождение России в «семью цивилизованных народов Европы» как раз и является одним из проигрываемых сегодня вариантов присоединения страны к новой суперэтнической системе. Но было бы величайшим заблуждением думать, что итогом строительства «общеευропейского дома» станет обоюдное торжество общечеловеческих ценностей.

Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты и замену ее на господствующую систему ценностей нового суперэтноса. Вряд ли в нашем случае произойдет иначе. Ценой входа в цивилизацию станет для нас господство западноевропейских норм поведения и психологии. И легче ли окажется оттого, что эта суперэтническая система ценностей неправомерно наречена «общечеловеческой»? С той же степенью обоснованности могла бы фигурировать в качестве общечеловеческой православно-христианская, исламская или конфуцианская система взглядов и оценок.

Но что же, спросит недовольный читатель, от нас-то, выходит, и вовсе ничего не зависит? Поспешим успокоить читателя. Речь вовсе не идет о факте влияния человека на историю. Было бы смешно отрицать, что людские замыслы и дела рук человеческих влияют на историю, и подчас очень сильно, создавая непредвиденные нарушения – зигзаги – в ходе исторических процессов. Но мера влияния человека на историю вовсе не так велика, как принято думать, ибо на популяционном уровне история регулируется не социальными импульсами сознания, а биосферными импульсами пассионарности.

Образно говоря, мы можем, подобно резвящимся глупым детям, переводить стрелки на часах истории, но возможности заводить эти часы мы лишены. У нас роль самонадеянных детей исполняют политики. Они по своему почину переводят стрелки с 3 часов дня на 12 часов ночи, а потом страшно удивляются: «Почему же ночь не наступила и отчего трудящиеся спать не ложатся?» За ответом на последний вопрос обращаются к тем самым академикам, которые научно обосновали необходимость перевода стрелок. Таким образом, те, кто принимает решения, совершенно не учитывают натуральный характер процессов, идущих в этнической сфере. И, зная пассионарную теорию этногенеза, удивляешься отнюдь не тому, что в стране «все плохо». Удивляешься тому, что мы все еще существуем.

Чтобы авторский пессимизм не выглядел голословным утверждением, достаточно произвести простой подсчет. Пассионарный толчок нашего суперэтноса, который раньше назывался Российской империей, затем Советским Союзом, а теперь, видимо, будет именоваться Союзом суверенных государств, произошел на рубеже XIII в. Следовательно, сейчас наш возраст – около 800 лет. Общая модель этногенеза свидетельствует, что на этот возраст падает один из наиболее тяжелых моментов в жизни суперэтноса – фазовый переход от надлома к инерции. Так что переживаемый нами кризис вполне закономерен и происходящие события в целом не противоречат такой интерпретации. Надлом в российском суперэтносе впервые обозначился после Отечественной войны 1812 г. Поскольку общая продолжительность фазы надлома около 200 лет, становится понятным, что так называемый советский период нашей истории является наиболее тяжелой, финальной частью фазы надлома, в которой былое единство суперэтноса исчезает и сменяется кровавыми эксцессами гражданской войны. Следовательно, горбачевская перестройка в действительности представляет собой попытку перехода к новой фазе развития – инерционной. Перестройку

часто называют последним шансом, но в этническом контексте ее правильнее было бы назвать единственным шансом на дальнейшую жизнь, ибо исторический опыт свидетельствует, что суперэтнос, не пережившие этот фазовый переход, просто прекращали свое существование как системы, элементы которых распадались и входили в состав других суперэтнических систем.

С учетом ретроспективы этнической истории ничего уникального в нашей ситуации нет. Конечно, если мы сравниваем себя с современными западноевропейцами или американцами, то сравнение не в нашу пользу; мы огорчаемся, и совершенно напрасно. Сравнение имеет смысл лишь для равных возрастов этноса. Европейцы старше нас на 500 лет, и то, что переживаем мы сегодня, Западная Европа переживала в конце XV – начале XVI в.

Мы почему-то легко забываем, что благосостояние, гражданский мир, уважение к правам ближнего, характерные для современной Европы, являются результатом очень длительного и не менее мучительного, чем наше, исторического развития. Тихая и спокойная Франция при Миттеране, для которой террористический акт – событие, в XV в., точно так же как Россия в XX, полыхала в огне гражданской войны, только сражались в ней не белые и красные, а сторонники герцога Орлеанского и герцога Бургундского. Повешенные на деревьях люди расценивались тогда французами как привычный элемент родного пейзажа.

И потому как бы мы ни стремились сегодня копировать Европу, мы не сможем достичь их благосостояния и их нравов, потому что наш уровень пассионарности, наши императивы предполагают совсем иное поведение. Но даже с учетом отмеченного возрастного различия суперэтносов было бы неверно утверждать, будто распад страны есть только и исключительно следствие фазы надлома. Да, падение пассионарности в фазе надлома и даже в инерционной фазе в принципе всегда увеличивает стремление провинций к самостоятельности, и это вполне естественно. Ведь признак пассионарности в ходе этногенеза как бы дрейфует по территории страны от центра к окраинам. В итоге к финальным фазам этногенеза пассионарность окраин этнического ареала всегда выше, чем пассионарность исторического центра. Схема процесса очень проста: люди энергичные, стремясь избавиться от пристального внимания начальства и обрести побольше простора для деятельности, покидают столицы и едут осваивать новые земли. А затем начинается обратный процесс – их дети и внуки, сделав карьеру «на местах», едут в Москву или Петербург хватать фортуны за волосы. Таким образом, в центре власть оказывается в руках тех же провинциалов. Много ли среди политических лидеров последних лет коренных москвичей или петербуржцев? Н.И. Рыжков и Б.Н. Ельцин – уральцы, А.А. Собчак и Е.К. Лигачев – сибиряки, М.С. Горбачев и Е.К. Полозков – выходцы с Северного Кавказа и т.д. Мы намеренно упоминаем политиков с диаметрально противоположными программами, ибо суть не в лозунгах.

Разумеется, если провинции чувствуют свою силу, они не склонны слушать центральную власть. Так, в античном Риме на рубеже I в. н.э. провинциалы тоже стали единственной реальной опорой трона. Провинция наполняла легионы, давая империи защиту, провинция платила налоги, обеспечивая процветание Рима, который преимущественно потреблял. Но император Август, в отличие от М.С. Горбачева, понимал, что коль скоро провинции стали опорой его могущества, то расширять права провинциалов необходимо, но нельзя делать это в ущерб целостности государства. Август последовательно защищал провинции от произвола своей собственной центральной бюрократии, на деле считался с мнением местных властей, всячески стремился компенсировать собираемые большие налоги установлением законности и поддержанием твердого экономического и правового порядка. Именно таким образом он обеспечил империи процветание, а себе – 44-летнее правление. Конечно, сепаратистские эксцессы случались и при Августе, но носили они локальный характер и, как правило, легко ли, тяжело ли – улаживались.

У нас же центр со времен Ленина и до самого последнего времени руководствовался не национальными интересами страны, а человеконенавистнической коммунистической идеологией. Красная Москва перекраивала в соответствии с директивами ЦК образ жизни всех без исключения народов, подгоняя его под вымышленную вождями социальную схему. Реализуя политические утопии, власть насильственно перемещала ингушей и прибалтов – в Сибирь, а корейцев и калмыков – в Казахстан. Реализуя утопии экономические, та же большевистская власть переместила русских и украинцев по оргнабору в Прибалтику.

Да, налоги с провинций собирали твердо – за этим следили и Минфин, и Госплан, а вот решать местные проблемы кремлевские старцы чаще всего предоставляли «краям, областям, автономным и союзным республикам». Стоит ли удивляться тому, что окраины, как только появилась возможность, захотели избавиться от такой опеки центра? А ведь еще в 1986–1989 гг. даже наиболее радикально настроенные литовцы ограничивали свои требования предоставлением большей хозяйственной и политической самостоятельности. Иначе говоря, они были не прочь остаться в перестроенном Союзе Горбачева, если им дадут устроить свою жизнь так, как им нравится. И если бы возможность быть самими собой, жить по-своему была предоставлена всем – литовцам и чеченам, русским и узбекам, азербайджанцам и армянам, гагаузам и молдаванам – именно тогда, то наверняка не было бы сегодня десятка суверенных государств, не было бы прямой гражданской войны на Кавказе, не было бы гражданского противостояния в Прибалтике и Молдавии. Но центральное правительство продолжило безответственную интернациональную «политику социалистического выбора» и в результате не только не смогло удержать окраины, но и Москву потеряло окончательно.

Таким образом, «парад суверенитетов» не был запрограммирован в ходе этногенеза. Его вполне можно было бы избежать, если бы не проводимая коммунистическим правительством «линия партии». Она вполне сознательно игнорировала сам факт существования в стране разных этносов со своими традициями и стереотипами поведения и тем самым провоцировала эти народы к отделению.

Сегодня процесс распада, по-видимому, стал необратимым, и сделанного не вернуть. К сожалению, на окраинах дезинтеграция стала усугубляться и еще одним обстоятельством. Местными национальными движениями политика коммунистов воспринимается как русская национальная политика. Такая аберрация рождает величайшее заблуждение, ибо русские с октября 1917 г. точно так же были лишены возможности проводить свою национальную политику, как и все другие народы. Но даже в теоретическом смысле отождествление русских с коммунистами неправомерно. Коммунисты изначально представляли собой специфический маргинальный субэтнос, комплектуемый выходцами из самых разных этносов. Роднило их всех не происхождение, а негативное, жизнеотрицающее мироощущение людей, сознательно порвавших всякие связи со своим народом. (Такие структуры известны в этнической истории со времен античности, их принято называть антисистемами.) Вспомним знаменитое определение Л.Д. Троцкого – «кочевники революции» и вполне искреннее высказывание идейного доносчика и человекоубийцы Л.З. Мехлиса: «Я не еврей, я коммунист». Вряд ли найдутся эмоциональные, а уж тем более научные основания считать русским В.И. Ленина, поляком – Ф.Э. Дзержинского, а тофаларом – К.У. Черненко. Нам кажется одинаково неправомерным возлагать на русских ответственность за ленинскую национальную политику, а на латышей – ответственность за террор «красных стрелков» в отношении семей русских офицеров.

К сожалению, происшедшая подмена «коммунисты – русские» опасна в первую очередь тем, что она сильно сужает и без того малые возможности союза России с суверенными государствами. Но в одном можно быть уверенным «на все сто»: если национальная политика России вновь будет партийной политикой, если эта политика вновь поставит своей целью построение очередной утопии – за развалом Союза последует развал России, а Б.Н.

Ельцин вполне сможет превратиться в президента Московской области. Будем надеяться, что российское правительство сможет увидеть очевидное и сумеет считаться с реальностью. А уж на все остальное – воля Божья.

Ритмы Евразии [32 - «Наш современник», 1992, № 10, с.3–7.]

Работа выдающегося русского мыслителя Льва Николаевича Гумилева представляет собой начало задуманного им труда об исторических ритмах Евразии. Льву Николаевичу не было суждено завершить «Ритмы Евразии», он успел продиктовать лишь первую, историко-географическую часть своего эссе. «Ритмы Евразии» стали последней работой Л.Н. Гумилева. И это глубоко символично. Посвятив всю свою жизнь созданию правдивой картины истории евразийских народов, Л.Н. Гумилев и перед смертью вернулся к этой научной теме. Он был полон желания нарисовать широкую панораму событий евразийской истории в одном очерке, основываясь при этом на созданной им теории этногенеза. Кроме деяний хуннов и тюрков, в этом эссе должна была найти свое отражение история монголов, татар и русских, то есть всех народов, с которыми были связаны эпохи интеграции Евразийского континента.

Выполняя волю Льва Николаевича, я передаю эту работу для публикации в том виде, в каком она была им одобрена. Думается, что и не будучи законченным, этот труд Л.Н. Гумилева представит огромный интерес для русских читателей. Лев Николаевич верил, что та эпоха распада, которую евразийская целостность переживает сейчас, сменится эпохой интеграции и созидания. Ведь исторические силы нашего народа далеко не исчерпаны.

В. Мичурин

I

Задача районирования ойкумены в исторический период связана с определенными трудностями. Традиционное деление на континенты (Европу, Азию и т.д.) представляется нам несколько огрубленным и не соответствующим достигнутому уровню осмысления исторических сведений. Действительно, деление на континенты проводилось по физико-географическим критериям, причем основным разделительным элементом являлись моря: так, Африку от Европы отделяет Средиземное море. Однако для греко-римского мира (суперэтноса) Средиземное море было не преградой для общения, а наоборот, способствовало включению Северной Африки в орбиту античной цивилизации. Из приведенного примера видно, что этнографы не могут удовлетворять только орографические подразделения территорий. Жизнь суперэтнических образований протекает в особых месторазвитиях, выделение которых требует знания исторической географии в аспекте связи «этнос – ландшафт».

Так, огромный массив суши, включающий в себя Азию, Европу и Африку, по сути, делится на ряд субконтинентов, то есть месторазвитий, в которых проживают отпущенный им срок те или иные суперэтносы. Естественно, эти суперэтносы с течением времени меняют свои формы, но основной принцип их связи с ландшафтом остается. Этногенез есть прежде всего процесс активной адаптации человеческих коллективов в среде – этнической и природной, причем ландшафтная среда заставляет людей вырабатывать комплексы адаптивных навыков – этнические стереотипы поведения. Следовательно, неповторимое сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, определяет его своеобразие – поведенческое и во многом даже культурное. Таким образом, если мы хотим составить представление об этом этносе, нам нужны этно-географические исследования – выделение и изучение его месторазвития.

Важно отметить, что внутренние моря как раз довольно редко отделяют месторазвития друг от друга. Чаще такую роль играют труднопроходимые области суши. Иногда граница проходит по воздуху: так, Западная Европа отделяется от евразийского пространства отрицательной изотермой января (к востоку от этой границы средняя температура января отрицательна). Юго-западная окраина Евразийского материка (в широком смысле), включающая в себя Сирию и Аравию, составляет единое месторазвитие с Северной Африкой, сходной в ландшафтном отношении. Индия – субконтинент, надежно изолированный от остальной Азии горами, пустынями и лесами. Особый восточный субконтинент Азии – это Китай, отделивший себя по климатической границе от Центральной Азии Великой стеной.

Однако следует различать районы долин великих рек – Хуанхэ и Янцзы – и приморские районы Дальнего Востока, лежащие северо-восточнее и включающие многочисленные острова. Это разные месторазвития. Своеобразный этнографический мир представляет собой Юго-Восточная Азия (южнее Китая), служащая примером не разделительной, а соединяющей роли внутренних морей. Что же касается Северной Евразии, точнее, ее циркумполярной зоны, то она отделена от центральной части континента непроходимыми массивами тайги, по которым как дороги идут реки. Зимой по льду этих рек можно передвигаться на значительные расстояния.

Географические условия каждого из перечисленных ландшафтных «миров» неповторимы и оказывают всестороннее влияние на обитателей региона. Подробнее мы остановимся на одном из месторазвитий Евразийского континента, а именно – на его внутреннем, центральном районе, или Евразии в узком смысле. Она также представляет собой этногеографическую целостность, населенную народами, адаптированными к ее ландшафту. Именно этот регион далее по тексту мы будем называть Евразией.

Евразия с юга ограничивается цепями гор (Кавказ, Копетдаг, Памир, Тянь-Шань), с севера – массивами тайги, с запада – уже упомянутой отрицательной изотермой января, на востоке граница Евразии наиболее определена, так как она была отмечена Великой стеной. Надо сказать, что из всей имеющейся на планете суши Евразия является самым «континентальным» регионом, гигантской территорией, в достаточной мере удаленной от всех океанов и морей (единственное море, примыкающее к Евразии, – Каспийское, если не считать ныне почти уничтоженное Аральское море).

В широтном направлении в середине Евразии лежит пустыня – на востоке Гоби, на западе Бетпак-Дала. Ширина этой пустыни зависит от ее увлажнения с востока муссонами, а с запада – циклонами. При обильном увлажнении это относительно неширокая полоса суши, но стоит циклонам или муссонам переместиться на север, в район тайги, и пустыня расширяется. Влажные степи превращаются в сухие, сухие степи вытесняют культурные земли. Особенно это заметно на юго-восточной границе, где Евразия соприкасается со Срединной равниной – Китаем. Максимум усыхания степи на границе с Китаем имел место в III в. н.э.

При аналогичном применяемому нами, но при более дробном подходе Евразию следует разделить на три региона:

1) Высокая Азия – Монголия, Джунгария, Тува и Забайкалье. В целом в Высокой Азии климат довольно сухой, но в горах увлажнение достаточное.

2) Южный район, охватывающий территорию нынешнего Казахстана и Средней Азии, простирается от Алтая до Копетдага. Этот район подвержен аридизации; жизнь там возможна при круглогодичном кочевании, в долинах рек и оазисах (если, конечно, не говорить о современных системах ирригации и искусственных ландшафтах городов).

3) Западный, наиболее влажный регион включает в себя Восточную Европу. Здесь имеется плодороднейшая полоса черноземов, а также весьма благоприятная для жизни лесостепная полоса.

Такова в самых общих чертах географическая среда, в которой протекала многотысячелетняя история взлетов и падений континентальных народов – история Евразии.

II

Долгое время бытовало мнение, что лес и степь находятся между собой в оппозиции: степняки и лесовики борются друг с другом. В этнокультурном аспекте это мнение глубоко ошибочно: как степняки нуждаются в продуктах леса, так и наоборот. В течение 2–3 тысячелетий степняки кочевали на телегах, которые можно сделать только из дерева, и смазывали их дегтем – тоже лесным продуктом. Из одного этого факта видно, что народы степи и леса были связаны между собой тесными экономическими взаимоотношениями. Военно-политические контакты между ними тоже не сводились к голому противоборству. В самом тревожном XII веке на Русь было 27 набегов половцев по соглашению с теми или иными русскими князьями, 5 – по собственной инициативе половцев и 5 нападений русских на половцев. Впоследствии количество набегов несколько сократилось, так как золотоордынские ханы следили за своими подчиненными, чтобы те не слишком грабили налогоплательщиков. Подробно вопрос о якобы врожденном антагонизме леса и степи разобран в моей книге «Древняя Русь и Великая степь». А для нашей темы важно, что мы можем говорить о западной части Евразии (или Восточной Европе), как степной, так и лесной, как о едином этногеографическом и экономическом целом.

III

Население любого региона, в том числе и Евразии, в существенно большей степени лабильно, чем географические условия. Народы (этносы) возникают и исчезают, ареалы их проживания расширяются и сужаются. При этом расовый состав населения более стабилен, нежели этнический. Восточная часть Евразии населена монголоидами (в древности – тюрками, начиная с XIII века – монголами). Южную ее часть занимают по большей части метисированные популяции: смесь монголов, тюрков и иранцев. Западная часть населена славянами и угро-финнами (последние живут в основном в верховьях Волги и прилегающих районах).

Надо сказать, что в Среднюю Азию тюрки начали проникать еще в VI веке н.э., а название Туркестан она получила в XV веке. Тогда же, начиная с V века, тюркский народ – хунны – форсировал Волгу и Дон и расселился в Южноевропейских степях, правда ненадолго. С IX века в связи с участвовавшими засухами в Центральной Евразии в эти же степи переправилась часть печенегов, половцев и черных клобуков (каракалпаков), тем самым заполнив экологическую нишу.

С VIII века в собственно евразийские регионы с запада распространились славяне, которые заняли Поднепровье и бассейн Волхова.

Все перечисленные народы следует считать аборигенами Евразии, так как их переселения носили характер простых передвижений в пределах своего или сходного этно-ландшафтного региона, к природным условиям которого они были естественным путем приспособлены. Иноземные же вторжения на территорию Евразии происходили редко и имели незначительный успех. Так, китайцы до XIX века не смогли расселиться к северу от Великой стены. Арабы, захватив Среднюю Азию в VIII веке, или вернулись домой, или смешались с аборигенами. Евреи, которые использовали караванные пути как экономические артерии, создали на территории Евразии только несколько колоний (крупнейшая и наиболее известная из них – Хазарский каганат). Они были элиминированы местным населением к X веку. Заметим, что мы не можем согласиться со взглядами А. Кёстлера, автора теории «тринадцатого колена Израилева», считавшего восточноевропейских евреев автохтонами. Этот взгляд не соответствует историческим фактам [135].

Вторжения представителей западного суперэтноса (немцев, шведов, поляков и т. д.) были эпизодическими и не увенчивались конечным успехом. В силу всего изложенного мы можем рассматривать Евразию не только в географическом аспекте, но и в этническом как единое целое, достаточно резистентное, чтобы отторгать внешние элементы. Но это не значит, что в самой Евразии не происходило внутренних перемен – то есть процессов этногенеза. Их легко отличить по пульсу этнической истории. При пассионарном подъеме и образовании нового этноса идут процессы интеграции и экспансии новой системы Евразии. И наоборот, при спаде уровня пассионарности (энергии живого вещества биосферы) некогда великие державы рассыпаются, и образуются мелкие орды и княжества, которые несут функцию государств.

IV

Евразийская древность освещена исторически слабо. Так, нам известно, что в Северном Китае с XV по XI век до н.э. существовало государство Шан или Инь – потомки «ста черноголовых семейств». Это было культурное рабовладельческое государство с очень жестким режимом и большим количеством нарастающих противоречий между аристократами и закабаляемой беднотой. В середине XI века до н.э. (предполагается 1066 г.) с этим государством вступило в резкое противоборство племенное объединение из Шэньси, отличавшееся от древних китайцев как стереотипом поведения – повышенной воинственностью, так и расовым типом: у них были каштановые волосы, за что китайцы называли их «рыжеволосыми демонами». Одержав победу над династией Шан, эти новые мутанты захватили весь Северный Китай, но в VIII в. до н.э. распались. В Китае пошел совершенно самостоятельный, независимый от Евразии процесс этногенеза.

Примерно в это же время (трудно сказать, насколько синхронно) в Семиречье образовался народ, который китайцы называли «се», персы – «сак», а греки – «скифы»; к VIII в. до н.э. он распространился до северных берегов Черного моря, подчинив себе значительное число степных и земледельческих племен Восточной Европы. Греки называют пять видов скифов: царские скифы, скифы-кочевники, скифы-земледельцы, скифы-пахари и болотные скифы, жившие в устьях Дона. Такое аморфное и даже фигуральное наименование скифов показывает, что они представляли собой довольно большое племенное объединение и имели разнообразные типы адаптации к природной среде. Скифская держава в VII – V вв. до н.э. была крупной и могущественной: скифам удалось разгромить персидскую агрессию царей Ксеркса и Дария, а также македонский набег полководца Зопириона. Однако к III в. до н.э. все изменилось; новый пассионарный толчок вызвал к жизни два новых народа: хуннов в Высокой Азии и сарматов в Западной Азии. Сарматы оказались злейшими врагами скифов. Они победили их в истребительной войне и удержали у себя земли Причерноморья и Прикаспия.

Обитавшие на востоке Великой степи хунны объединили племена восточных кочевников (цун-ху), Южную Сибирь (Туву) и Джунгарию – область усуней. Силы Хунну и Китая были несоизмеримы, но тем не менее хунны добились выгодного для себя договора «мира и родства», предусматривающего обменную торговлю с Китаем. С 209 г. до н.э., когда состоялось объединение хуннов, по 97 г. до н.э. держава Хунну неуклонно растет и одерживает победы.

Затем, однако, хунны ослабевают, а Китай, несмотря на понесенные им поражения, начинает доминировать над ними.

В I в. н.э. происходит раскол хуннов. Распавшаяся держава к тому же получила жестокий удар от восставших подданных – сяньбийцев, динлинов и усуней. В 93 г. н.э. хунны потерпели поражение и отступили через горные проходы на запад. Туда ушли только самые «неукротимые» (то есть пассионарные) хунны. Часть хуннов – «малосильные» – предпочли спрятаться в лесистых ущельях Тарбагатая. А «тихие» (лишенные пассионарности) хунны

подчинились сяньбийцам и императорскому Китаю. Таким образом, политическая мощь Хунну пала, и держава развалилась на части. Но эти части были неравноценны. Наиболее пассионарная часть хуннов («неукротимые») сумела оторваться от своих противников – сяньбийцев и приобрести новых союзников – манси (вогулов), которые в те времена были народом достаточно пассионарным. Кроме того, хунну, нуждаясь в женщинах, которых они не могли провести с собой походным порядком, добыли себе путем набегов достаточно число жен и разместились в низовьях Волги и Яика.

V

Вместе с тем на рубеже новой эры (около 8 г. до н.э.) западную окраину Евразии задел меридиональный пассионарный толчок, вызвавший ряд событий – распространение христианства, великое переселение германских народов и падение Западной Римской империи, заселенной в результате варварами. Этот пассионарный толчок вызвал экспансию готов с южных берегов Швеции, славян в верховьях Вислы, восстания даков в современной Румынии, а также евреев в Палестине. Восстания даков и евреев были подавлены римлянами с большим трудом, но с другими следствиями толчка они справиться уже не смогли.

Западную окраину Евразии захватили остготы, которые подчинили себе пассионарных ругов и славян (антов). Но тяжелее для них была война с гуннами (название «гунны» было принято для обозначения западной ветви народа хунну). В 370 г. н.э. гунны сломили сопротивление сарматов, «истомив их бесконечной войной» (как писал Аммиан Марцеллин), перешли через Дон и столкнулись непосредственно с готами. От готов отложились руги и анты (славяне), которые предпочли гуннскую власть своеволию готов. Испытав столь мощное давление, готы частично подчинились гуннам, а частично ушли в Западную Римскую империю (вестготы), где у них была своя, нас не интересующая судьба.

Поначалу гунны поддерживали римских рабовладельцев (во время подавления восстания багаудов). Однако такой союз явно не мог быть прочным. Настал момент, когда гунны поссорились с Римом и, подавив сопротивление федератов (римских союзников), в 451 году вторглись в Галлию. Гунны и римляне сразились на широкой равнине около Орлеана – на Каталаунском поле, причем некоторые германские племена сражались на стороне гуннов, а некоторые – на стороне римлян. Кровавая битва кончилась вничью, но гунны после нее отступили и перенесли удар на Северную Италию. Папе римскому Льву I удалось договориться с вождем гуннов Атиллой о том, чтобы он отвел войска. Война прекратилась, а на следующий год Атила умер в своем шатре, в объятиях молодой жены. Атила оставил 70 человек детей, которые вступили между собой в борьбу за престол.

Этим воспользовалось готское племя гепидов, которые нанесли гуннам поражение и заставили их очистить Паннонию. На реке Недао (Недава) произошла решительная битва, в которой погиб любимый сын Атилы Эллак и 30 тыс. гуннов и их союзников. Последний удар гуннам в спину нанесли в 463 году болгары сарагуры, после чего гунны откатились обратно на восток и остатки их осели на Алтае.

VI

Не менее интересна история хуннов в Китае. Династия младшая Хань, выродившаяся и передоверившая власть евнухам, изымала из хуннских кочевий аристократов и учила их китайскому этикету и культуре. Но так как при дворе императоров единства не было, а партии боролись между собой, то хуннский царевич Лю Юань-хай, сын предпоследнего шаньюя (вождя), сбежал от китайского двора в свои кочевья. В кочевьях он застал мощные антикитайские настроения, потому что немногочисленные хунны устали терпеть унижения и несправедливости со стороны китайцев. Как только они обрели вождя, они решили

восстановить «утраченные права». Восстание началось в 304 г. н.э., а к 317 году обе китайские столицы – Лоян (восточная) и Чанъань (западная) – попали в руки хуннов. Лю Юань-хай скончался, оставив своему сыну две боеспособные армии и налаженную систему управления Китаем.

Беда была в том, что китайский канцлер был патриотом Китая, ненавидящим хуннов, а наследник, царевич Лю Цань, был воспитан как хунн. Дело в том, что у китайцев многоженство существует, и все жены отца считаются матерями его детей, тогда как у хуннов при многоженстве младший брат наследует жен старшего, а старший сын – всех жен отца, кроме своей матери. Хунн обязан заботиться об овдовевшей женщине, а китаец не может поднять глаз на женщину, которую он обязан считать своей матерью. Вот потому, когда Лю Цань посещал молоденьких вдов своего отца, с точки зрения хунна он оказывал им законное внимание, а на взгляд китайца – производил неслыханный разврат. Эта психологическая разница поставила китайскому канцлеру Цзинь Чжуну задачу произвести переворот, покончить с царевичем и передать власть в руки китайцев.

Как только об этом узнали хуннские боевые генералы, они взяли столицу, покончили с бюрократами и основали два царства, немедленно схватившиеся между собой (Чжао и Младшая Чжао).

Тут надо отметить, что этнический состав самих хуннов был неоднороден. Еще во времена Ханьской империи к хуннам бежало много китайцев от ее гнета. Хунны принимали их, но не включали в свою родовую систему, а просто позволяли жить рядом, называя их «кулы». Кулы говорили по-хуннски и, естественно, мешались с хуннами, но сохранялись как своеобразная общность. Так вот, одна из противоборствующих армий состояла из кулов, а другая – из хуннских родовичей. После нескольких столкновений кулы победили, но эта победа не пошла им на пользу. Приемный сын хуннского царя, горячий китайский патриот, провел геноцид против хуннов, истребив их по всей территории империи Младшая Чжао. Уцелевшие хунны подняли восстание, объединились с сяньбийцами, муюнами, опиравшимися на Маньчжурию. Совместные хунно-сяньбийские войска разгромили в 352 г. китайского узурпатора-убийцу и захватили его в плен. Господами Северного Китая стали сяньбийцы и муюны.

IV век н.э. в Северном Китае был слишком мятежен и беспокоен для того, чтобы там жить. Поэтому многие люди эмигрировали в Великую степь, которая перестала усыхать и стала покрываться травой. Эти полиэтнические переселенцы создавали банды, облагая данью других, миролюбивых кочевников и совершая набеги на Северный Китай. Разномастное скопище людей, занимавшихся в Великой степи грабежом и отчасти скотоводством, получило название орды Жужань. Существовала она до середины VI века, когда была разгромлена своими вассалами тюрками. Создание жужаньской орды было типичным проявлением фазы надлома, наступившей в Степном суперэтнотипе после распада хуннской державы.

В конце IV века государства муюнов (Янь), хуннов (Ся) и тибетцев (Кянь) стала захватывать орда табгачей, очень воинственного и храброго племени. Но, к сожалению, табгачское ханство превратилось в северокитайскую империю Бэй-Вэй, в свою очередь развалившуюся на четыре части: Ци (в Ляодуне), Чжоу (в Шэньси), Лян (в Центральном Китае) и Чен (в Южном Китае).

Судьбы степного мира и Китая вновь разошлись. В VI в. Степной суперэтнотип стал наконец выходить из затяжной и тяжелой фазы надлома. В Степи вновь появилась интегрирующая сила в лице небольшого, но очень активного и дисциплинированного этноса древних тюрков.

VII

Тюрки в 552 г. объединили вокруг себя не только кузнецов, каковыми они являлись, но и

кочевые племена теле. В столкновении с тюрками жужани потеряли всю свою воинскую элиту (аристократией ее не назовем), а уцелевшие либо подчинились тюркам, либо сбежали в Северовосточный Китай. После этого тюрки провели операцию по объединению всей Великой степи: на юго-восток до Китайской стены, на юго-запад до Амударьи, на запад до нижнего Дона, где им подчинились утригуры, огоры (угры) и хазары. Создание Тюркского каганата и объединение им Великой степи знаменовало собой наступление новой фазы этногенеза – инерционной. При этом свое слово сказала природа: западные тюрки организовали свою державу на территориях, орошаемых атлантическими циклонами. Им нужно было каждое лето посылать молодых людей в прилегающие к Средней Азии горы на заготовку кормов, тогда как старое поколение оставалось в низинах. Восточный каганат пользовался муссонным увлажнением Тихого океана и вынужден был прибегать к круглогодичному кочеванию. Естественно, что постоянно кочующие тюрки были более организованны, чем отделявшие каждый год свою молодежь западные тюрки.

Западных тюрков называли «десятистрельными»: каждый вождь получал символ владычества – «стрелу» и руководил своим родом. Союзниками тюрков были хазары, тогда еще не соприкасавшиеся с иудаизмом. Они принимали у себя на Волге усталые караваны, снабжали караванщиков пищей и женщинами и давали им возможность отдохнуть перед тяжелым переходом через Кавказ и Византию.

Противниками тюркских караванщиков были персы, взимавшие с них большую пошлину. В 589 г. персидско-тюркские противоречия вызвали войну между этими народами, в которой персы победили.

Постоянное смешение тюрков и хазар, создававшее значительное перемещение пассионарного генофонда от первых к последним, дало возможность хазарам отразить арабский натиск в VII веке. Пассионарность арабов была к тому времени исключительно высока вследствие пассионарного толчка V в. н.э. (около 500 года), поднявшего их. В VIII веке арабам удалось вытеснить тюрков из оазисов Средней Азии. Армия завоевателей, мобилизованная в основном из персов, убивала всех мужчин, а женщины давали от агрессоров потомство, легшее в основу современного этноса таджиков.

VIII

В первую половину VII века Китай был объединен династией Тан. Предшествующая династия Суй (589–618 гг. н.э.) потеряла свою популярность вследствие исключительной свирепости правления. А так как пассионарный толчок конца V века в это время поднял население Китая, то большая часть народа восстала против неугодного правительства.

Сама династия Тан и ее сторонники происходили из северного Шэньси и Ганьсу. Это была совершенно новая общность, отделившая себя и от традиционного Китая, и от степного мира. Они завоевали сначала Китай, а затем в 630 г. и Восточнотюркский каганат, а в 656 г. даже Западнотюркский каганат. Но создать мировую державу основателю империи Тан Тай-цзуну Ли Шиминю не удалось, так же как и Александру Македонскому. Сходство этих двух деятелей в том, что оба они пытались соединить два чуждых друг другу суперэтноса: Александр – эллинов с персами, а Ли Шиминь – Китай со степными народами. Обе попытки соединить несоединимое потерпели конечную неудачу, несмотря на выдающиеся качества обоих полководцев.

Жизнь тюрков при династии Тан была легка, но бесперспективна. Тюркские беги лишились права и возможности совершать подвиги, что они считали смыслом своей жизни. Их кормили, одевали, им платили, но лишили главного – возможности чувствовать себя героями...

Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву

В архиве ученого сохранилось около 100 писем одного из видных евразийцев П.Н. Савицкого (1895–1968), писем, которые охватывают период от 1956 (заочное знакомство ученых) до 1968 г. – до смерти Петра Николаевича.

И научные интересы, и кое в чем судьбы двух ученых имели много схожего. Петр Николаевич был широко образованным человеком, глубоким знатоком географии и истории России, кочевниковедом (как он сам себя называл), одним из первых русских геополитиков. После революции и гражданской войны он переехал в Болгарию [33 - Примечания к стихотворениям П. Савицкого, приложенные к одному из писем, говорят о том, что нелегкая судьба эмигранта бросала его в те годы по всей Европе («Будапешт осмотрен мною по дороге в Прагу в 1921 г.», «Берлин, каким я его видел в 1920-х и в самом начале 1930-х годов», «В Париже я провел в общей сложности три или четыре года в промежутке 1919–1932» и т.д.)], а с 1921 г. – в Прагу, где работал приват-доцентом Русского юридического факультета, был директором Русской гимназии [34 - «Буквально своим телом прикрыл я в самые тяжелые годы тех 500 русских и русско-чешских детей, которые были собраны в тогдашней Русской гимназии в Праге, где я был директором. В то же время всех ее учеников я воспитывал тогда в духе того своего патриотизма, который Вы знаете из бесед и который, как мне кажется, Вы признаете в ряде случаев даже крайним», – пишет он в одном из писем Л. Гумилеву (22 апреля 1967 г.)].

В 1921 г. он был одним из создателей первого манифеста евразийцев «Исход к Востоку» вместе с Николаем Трубецким (1890–1938), Георгием Флоровским (1893–1979) и Петром Сувчинским (1892–1985).

В эмиграции родились и крупнейшие труды Петра Николаевича: «Россия – особый географический мир» (1927), «Место развитие русской промышленности» (1932), «Геополитические заметки о русской истории» (1927), «О задачах кочевниковедения» (1928).

После освобождения Праги (1945 г.) П.Н. Савицкий несмотря на то, что подвергался репрессиям немецких оккупантов [35 - «Немцы меня репрессировали, но как Вы знаете, я остался тогда жив. Меня спасло то, что я „фон Завицки“ с двумя печатными генеалогиями на триста лет в прежних библиотеках, и еще то, что повсюду были мои ученики по немецкому университету в Праге. А даже немцы не любят расстреливать или вешать своих учителей... Из немецкого университета меня удалили в 1941 г. за публично сказанные слова: „Россия непобедима“» (из письма 22 апреля 1967 г.)], был депортирован в СССР и находился в трудовом лагере в Мордовии до 1956 г. Но и после возвращения в Прагу за издание безобидной книжки стихов был помещен в тюрьму чехословацкими властями и освобожден лишь благодаря вмешательству советского посольства.

Как уже отмечалось в предисловии, заочное знакомство двух ученых состоялось через ленинградского профессора-историка М.А. Гуковского, сидевшего после «ленинградского дела» в мордовских лагерях. И сразу же началась переписка.

В письмах П. Савицкого поражает многое и потрясающая эрудиция прежде всего – казалось, он читал все, буквально все по самому широкому кругу вопросов – географии, геополитики, истории России, истории монголов, тюрков, кочевниковедению. Все, что выходило у нас, все, что выходило на Западе. А ведь параллельно он должен был зарабатывать на жизнь – жена не работала, дети учились.

Он внимательнейшим образом следил за трудами наших ученых и желал им успеха, переписывался со многими из них, посылал недоступную тогда научную литературу и радовался оттиску каждой статьи, полученной из СССР. Он следил за археологическими экспедициями, в частности за поисками Хазарии, стимулировал Л. Гумилева продолжать его исследования в Прикаспии.

Он от души радовался присланным сборникам стихов Анны Ахматовой и сам, немного смущаясь, посылал свои стихи разных лет Льву Николаевичу. И примечательно, что в стихах этих тоже доминирует любимая евразийская тема...

От первых писем 1956 года и до последних («на койке стационара») их отличает огромная теплота, проявляющаяся как в обращениях («Милый и дорогой друг мой Лев Николаевич», «Дорогой сердечный друг»), так и во всем тоне – благожелательном, уважительном, заботливым, так и в оценках трудов Л.Н., в сопереживании его вынужденным простоям, радости по поводу каждого из его успехов [36 - «Вашу радость воспринимаю и переживаю, как свою» – типичные слова одного из писем (28 апреля 1958 г.)].

И еще одна черта характерна для этой переписки – стремление донести идеи Л. Гумилева, долгое время замалчивавшиеся на родине, до западной науки – в Кембридж к коллегам, в Нью-Хейвен (США), где работал старый друг и единомышленник Савицкого – Г.В. Вернадский. Именно через П. Савицкого труды Л. Гумилева (вплоть до самых небольших статей) доходили до Г.В. Вернадского, находили его отклик, всегда заинтересованный и положительный.

Оба они – и Гумилев, и Савицкий, – несмотря на перенесенные от режима бедствия, оставались патриотами своей Родины. В одном из стихотворений П. Савицкий писал:

Профессора и беллетристы
С усмешкой слушали меня:
Для них Нью-Йорк и Лондон – пристань,
И лишь на Западе заря

(1949)

Примечательна здесь сама дата – в это время П. Савицкий был в мордовском лагере...

А в том же лагере сидел человек, бывший личным свидетелем смерти Нины Ониловой – отважной пулеметчицы Одесской и Севастопольской обороны 1941–1942 гг. В госпитале, перед смертью, ее посетил командарм – генерал И. Петров. И Савицкий под впечатлением рассказа этого «союзника», свидетеля смерти Нины – пишет стихотворение «Нина и командарм», которое впоследствии посылает Л. Гумилеву.

Он от души радовался нашим успехам – первому полету человека в космос, успехам нашей науки, хотя, казалось бы, во всем этом должен был быть и налет горечи, обиды на режим, который отторг его от Родины на долгие годы. Но этого не было, и здесь тоже – общее для двух крупнейших ученых.

Мы отобрали небольшую часть писем П. Савицкого, имеющую, как нам кажется, прямое отношение к теме евразийства – ключевой для автора этих писем в течение всей его жизни. Нам кажется, что они в известной мере отражают и ту величайшую заинтересованность в работах Л. Гумилева, высокую их оценку, которая характерна для всей переписки.

С.Б. Лавров

П.Н. Савицкий – Л.Н. Гумилеву

Из письма от 8 декабря 1956 г.

...Я вообще не согласен разделять мир на «цивилизованный» и «нецивилизованный» (см. также «Задачи кочевниковедения», с.6, прим. 2-е).

Неграмотный крестьянин, и в смысле философском, и в смысле нравственном, бывает «цивилизованней» человека, окончившего несколько высших учебных заведений.

В частности, кочевой мир, в ряде отраслей, обладает своей, и весьма высокой, «цивилизацией» – и по части экономических навыков (скотоводство, охота, металлургия), и по части организации (величайшие достижения военного дела, культ верности и взаимной

поддержки), и по части искусства (повторяю: художник, создавший Саяноалтайского всадника, – гениален!). А смотрите, как кочевой мир охранял природу, объявляя многие хребты и урочища «священными», заповедными. Нам бы брать с него в этом пример!..

Прага, 1 января 1957 г.

Милый и дорогой Лев Николаевич,

Ваше письмо от 19-го декабря произвело на меня большое впечатление.

Все желание мое, чтобы все три тома Вашей «Истории Срединной Азии» были как можно скорее доведены до готовности к печати, и я ничем, ничем не хочу отвлекать Вас от этого дела, но, наоборот, хочу всячески ему содействовать, вдохновлять Вас, если можно так выразиться.

Вы делаете попытку глубокого социального анализа истории кочевников.

Я читал немало литературы по этим вопросам, но такой попытки еще не встречал. Бог Вам в помощь!

Даже у покойного Б.Я. Владимирцова, человека очень знающего, больше повторений «магических формул» о «кочевом феодализме», чем действительного, расчлененного социального анализа (см. напр., его «Общественный строй монголов», АН СССР, 1934).

Замечательно Ваше замечание о различиях в социальной политике тюркских ханов: «ставка на лучшего» у одних, ставка на массу – у других.

Было бы страшно важно замечание это облечь в плоть и кровь исторических фактов.

Невольно сопоставляю Ваше наблюдение с тем чередованием «ставки на сильных» с уступками «меньшим», которое с такой яркостью сказывается, напр., в истории Великого Новгорода (см. мои «Ритмы монгольского века», с.112–114).

Здесь вопрос заключается в том, чтобы вскрыть особенности и своеобразие этой ритмики в условиях кочевого мира [37 - В терминах марксистской науки, все это – выражения классовой борьбы. Я бы добавил: в их преломлении закономерностью исторического ритма.].

Очень интересно и проводимое Вами различие родовых и т.п. союзов от орд.

Не отрицаю, что Тимур частично принадлежит «Леванту» (в Вашем смысле этого слова).

Но и по происхождению своему, и по идеологии он соприкасается с кочевым миром. Он не только пользовался воинским строем Чингиса (на что указываете и Вы), но и питался идеями из его наследства. Данные и соображения по этому поводу есть, между прочим, в книге В.В. Бартольда «Улугбек» (Петроград, 1918).

В этой связи Тимура не только с «левантийской», но также с кочевой традицией была его сила. Ее растеряли его преемники, все глубже загрузавшие в трясине Леванта.

Думается, однако, что и Бабур был не совсем чужд кочевой традиции (нужно было бы с этой точки зрения рассмотреть его «Бабурнамэ»).

Но в основном я совершенно согласен с Вами: тогдашние узбеки представляли евразийское, кочевое начало в более полном и последовательном виде, чем он.

Я думаю, что Вы сделали правильно, исключив «географическую» главу из состава «Истории Срединной Азии». В Ваших мыслях о «географическом факторе» слишком много самостоятельных моментов, и они, думается мне, переобременили бы книгу.

Я чувствую и вижу, что мыслей и наблюдений о «географическом факторе» у Вас достаточно для того, чтобы они составили особую Вашу о нем книгу!

Но за нее, конечно, можно приниматься лишь после того, как Вы закончите отделку всех томов «Истории Срединной Азии».

Меня порадовала широта Ваших горизонтов.

И меня некоторые считали человеком, не лишенным широты горизонтов.

Но я должен признать, что Вы далеко превзошли меня в этом отношении!

Новыми и поучительными для меня были Ваши соображения и сообщения о

«циркумпольных» культурах (по-видимому, отчасти общие Вам с А.П. Окладниковым, которого я почитаю, как и Вы).

Как было бы увлекательно собрать все эти данные и соображения в один общий и в то же время достаточно детальный обзор: тлинкиты, скерлинчи, народ омок и многое, многое другое!

Это тоже задача для Вас на будущее время.

Теперь – по существу дела.

Да, конечно, Вы правы: «сочетание разнодарений» (или, как говорите Вы, «двух и более ландшафтов») очень усиливает и ускоряет развитие.

В этой Вашей мысли нет никакого противоречия моим мыслям. Я думаю, нет в ней противоречия и мыслям Г.В. Вернадского.

Все 1920-е и 1930-е годы я бился над проблемой значения «сочетания разнодарений» для исторического развития.

Вам, быть может, небезызвестно, что я широко занимался и продолжаю заниматься экономической географией (одна из моих любимых научных отраслей!).

В ней роль «сочетания разнодарений» в том или ином месте земного шара (почв разных типов, районов с разной орографией, мощных вод, ископаемых богатств) сказывается с особой силой.

Именно таким «сочетанием» определяется во многих, если не во всех, случаях возникновение городов – в особенности, конечно, крупных – и в полной мере столиц. Возьмите, напр., Ленинград: стык моря с водными путями, ведущими в глубину страны, это основное: водные пути в глубину страны усилил уже Петр I; Невская дельта с богатой древесной растительностью; Пулковские и пр. высоты – на юг, высоты Карельского перешейка – на север, есть пункты с отметкой более 200 м над уровнем моря; отличные, с темной окраской, почвы на Силурийском плато – «поддубицы», «дубняжины»; также во всех остальных местах – хорошие леса, местами лиственные, с богатыми, очень богатыми луговинами; во многих местах – хорошие глины; строительные материалы: «пудожский» камень, «силурийская» плита, гранит и диабаз с Карельского перешейка, берегов Ладоги и Онеги; в зданиях Ленинграда – крупнейшие гранитные монолиты мира; новгородцы в десятках мест окрестностей нынешнего Ленинграда копали железную – болотную – руду и выжигали железо в сырдутных горнах; об этом свидетельствуют «писцовые книги» еще времен Ивана III; большие рыбные богатства в пределах самого города – здесь ежегодно вылавливалось около 100 000 пудов рыбы – и по соседству; море – Нева – Ладога; теперь прибавилось: гидроэнергетические ресурсы во всей округе: Волхов, Иматра, Свирь и т.д.; не лишены значения и торфяные массивы. – Такой анализ можно дать более или менее относительно каждого города; чем крупнее – тем содержательней анализ. – Уже на камнях Чехии ярко чувствуешь, как богата растительность Ленинграда – напр., на «островах», как велики его воды, как взыскан ими весь город!

Я бился над этими проблемами несколько десятилетий – но не свел своих наблюдений ни в одну печатную работу. Это тем более предосудительно, что тогда у меня в вопросах печатания была «своя рука владыка».

Вы с большой четкостью проследили значение «сочетания разнодарений» для этногенеза.

Сказанное Вами об этногенезе хуннов, уйгуров, тюркютов, монголов, киданей, кыргызов, татар казанских и крымских, хазар – замечательно интересно и прямо-таки основоположно!

Стимулирующее этногенез значение «сочетания разнодарений» не подлежит сомнению.

Вам принадлежит безусловный приоритет в этом важном историко-географическом открытии.

Места с сочетанием географических разнодарений – это, безусловно, наиболее

стимулирующие месторазвития (не только в смысле этногенеза, но и во многих других отношениях), – если хотите, это месторазвития в первом и прямом значении этого слова.

И все-таки качества «месторазвития» нельзя отрицать и за другими местами, хотя бы и не в такой степени отмеченными «сочетанием разноодарений».

Мне кажется, что в определенном смысле была и есть месторазвитием и тайга – «от Онежского озера до Охотского моря»...

...Хочу сказать еще два слова о значении «таежного моря», о котором Вы пишете, о его значении для развития русского народа.

Уже до Ермака русские были известны, как большой и храбрый народ. Не только Ермак и его продолжатели (в 50 лет дошедшие до Тихого океана) сделали русский народ народом, способным творчески переносить любой холод (а кстати, и жару), какой только бывает на нашей планете.

Это была огромная и судьбоносная перемена.

Ермак, «одним махом», пересек не менее десятка градусных январских изотерм: перешел из мест со средними январскими изотермами около – 15°С в места с январскими изотермами в – 25°С и ниже. А его продолжатели вскоре дошли и до областей с январскими изотермами в – 50°С (при июльских в +16°, 18°, 20°С).

Очень, очень большое значение в историческом развитии имели и имеют великие и малые реки, пересекающие тайгу.

В общем, можно сказать, что движение русского народа по тайге «от Онежского озера до Охотского моря» оказало (и оказывает) на него огромное закаляющее влияние (отнюдь не преуменьшаю в этом вопросе и значения тундры!).

Русский народ развивался (и развивается) здесь в новом направлении. Также и в этом смысле тайга есть подлинное месторазвитие – хотя, конечно, как и все прочие месторазвития, со своими особенностями.

До пересечения европейцами океана (Колумб и его продолжатели!) степь, простирающаяся от Маньчжурии до Венгрии, была крупнейшей географической стихией человеческой истории (единственный достойный соперник ее в эту эпоху – Средиземное море). Русские, пройдя насквозь тайгу от Онеги до Охоты, сделали и ее стихией, соразмерной степи.

Тем самым были положены основы русского «континента-океана».

Данный Вами анализ понятия «месторазвития» (применительно к этногенезу) очень, очень глубок. Но мне кажется, что и в вопросах этногенеза месторазвитий было больше, чем это можно было бы вычитать из Вашего письма.

Не сомневаюсь, что в некоторые моменты истории бывал этноместоразвитием (простите за столь варварское сокращение!) и нынешний Казахский «мелкосопочник» (с высотами до 1500 метров и выше: массив Кызылрай – 1559 м), с его лесами и водами. Это – районы вокруг теперешней Караганды. «Мелкосопочник» весь испещрен «чудскими» конями, что указывает на долгую и сложную этно-историю. Между тем, своими словами о половецкой степи «от Алтая до Карпат» Вы лишаете и его «гения места» [38 - А Улутау, одна из «сокровищниц» Казахстана! А Мугоджары! А горы (Богдо и др.) над Астраханскими озерами! Все это – заповедники степного мира, не только месторазвития вообще, но и этноместоразвития, места с «гением места»! А сейчас (начиная с 1931 г.) мы переживаем эпоху великого железнодорожного строительства в Казахстане – и всего, что с этим связано.].

Что касается общеисторических и экономических месторазвитий, то их еще больше, чем этноместоразвитий.

Но стимулирующее, ускоряющее, усиливающее ход развития значение «сочетания разноодарений» является общим для всех.

Это Вы подметили с большою зоркостью!

Когда будете писать Вашу книгу «Этногенез и географический фактор» (заглавие, конечно,

весьма приблизительно!), остерегайтесь формулировок, которые могли бы подать повод для обвинений Вас в «географическом материализме».

Я по последней совести думаю, что народы скорее выбирали и выбирают месторазвитие для своего образования и преобразования (как русские «выбрали» Великую тайгу «от Онеги до Охоты» для своего «преобразования» в величайший народ мира), чем создавались и создаются им.

В связи со всем сказанным я с величайшим интересом и нетерпением жду Ваших дальнейших соображений об условиях этногенеза. Изложение Ваше – весьма выразительное! Излагайте Ваши соображения и впредь «тезисами с аргументацией».

Только пусть это не помешает скорейшему завершению «Истории Срединной Азии»!

Впрочем, знаю: «сочетание разнозанятий» иногда столь же стимулирует творческую энергию, сколь «сочетание разнодарений» ускоряет развитие!..

1 мая 1957 г.

Милый и дорогой Лев Николаевич,

сердечно поздравляю Вас с Днем Первого мая! Пользуюсь праздничным днем и пишу Вам. К счастью, не пропало и Ваше письмо от 28 марта: с некоторым опозданием, но пришло!

Надеюсь и рассчитываю, что не за горами тот момент, когда я ознакомлюсь с Вашей статьей «Дальний Восток на грани древности и средневековья» в полном ее тексте.

Одно предварительное замечание: Вы очертили в общих чертах содержание этой статьи; позвольте мне высказать мысль: я назвал бы эту статью: «Дальний Восток в III – V вв. н.э.». Дело в том, что я глубоко уверен в коренной провинциальности понятия «средневековье». Действительно, для западной половины Римской империи (Британия, Галлия, Италия, Испания, Северная Африка) и, пожалуй, еще для прилегавших к ней частей Германии понятие перехода от «древности» к «средневековью» имеет реальное значение. Но и только. К истории Евразии, в нашем смысле этого слова, оно не имеет ни малейшего касательства. История Евразии течет широким потоком, совсем не определяясь этими гранями. Скифы, сарматы, аланы, гунны, тюрки – ту-гю, авары, хазары, печенеги, половцы, монголы – все это единый поток; здесь нет никаких признаков «перелома».

Поскольку Вы считаете, что в первые века н.э. степь была так сильно обескровлена, мне не совсем ясно, откуда же, по Вашему мнению, взялись гунны великого Батюшки-Аттилы. Ведь они с большим треском и блеском действовали уже в первой половине и в середине V в. Вы же пишете: «Новый подъем настал лишь в VI в.».

Конечно, и это мое замечание имеет всецело «предварительный» характер – впредь до ознакомления с Вашим трудом, в полном его тексте. Впрочем, буду очень Вам благодарен за ответ на поставленный мною вопрос.

Не считайте себя уставшим! Можно и должно отдыхать, но принципиально нужно считать себя неутомимым. И так «аж до самой смерти».

К тому же и список статей, подготовленных Вами к печати за истекший год (Ваше письмо от 28 марта), отнюдь не свидетельствует о Вашей «усталости». Темы законченных Вами статей – разнообразные и увлекательные!..

Приписка 2 мая 1957 г.

Непрерывно думаю на темы «задач кочевниковеденья». Не могу и выразить Вам, как высоко я ценю Ваши труды в этой области.

Пламенное сердце кочевниковеда! Вот что нужно для того, чтобы охватить в полноте историю Старого Света как единства! История кочевников – великое объединительное звено в судьбах Старого Света. И по глубокому убеждению моему – предвестие будущего!

Я стал думать так не теперь. Эти мысли мои сложились, в основном, в начале 1920-х годов!

От большого к малому (хотя тоже не очень малому).

Кочевники дали в свое время миру штаны и седло. Не может быть сомнения в том, что и одно и другое важнейшее «изобретение» зародилось именно в кочевом мире. «Изобретения» эти просты, как все гениальное.

Можно сказать так: в окончательном историческом итоге кочевники весь мир, всю обитаемую часть нашей планеты, одели в штаны и посадили, в свое время, на седло.

Пожалуйста, передайте мои самые дружеские, самые восторженные чувства Анне Андреевне.. Крепко; крепко Вас обнимаю. С нетерпением жду от Вас известий. Всей душой
Ваш

П. Савицкий

Прага, 9 мая 1957 г.

Милый и дорогой Лев Николаевич,

я относительно совсем недавно Вам писал, ровно неделю назад – и поджидаю от Вас ответа.

Но только что получил письмо от Георгия Владимировича – и мне захотелось поделиться с Вами – или, вернее, представить на Ваше усмотрение – одну его мысль...

Г. Вл-ч пишет: «Меня давно интересует „Пегая Орда“ (по-видимому, на Енисее), упоминаемая в некоторых русских источниках конца XVI – XVII в. У Аристова („Живая Старина“, 1896, выпуск III – IV, с.322–324) я нашел сведения, что Пегая Орда была и у кыргызов. Очевидно, та же самая Орда. – Аристов понимает название „Пегая Орда“ так, что это были пегие люди (смесь с белой расой). По-моему, это название – от масти лошадей (пегие кони). Очень часто кочевники себя называли по лошадям. Один из аланских вождей у „готов“ V в. – Сафраг. Это осетинское „саураг“ (отсюда русское саврасый). „Сарматское“ племя Сираки – осетинское сираг, иноходец. Я думаю, что и Половцы – Половая орда – потому что у ведущих родов были половые (серо-желтые) кони».

На этом заканчиваются замечания Г. В-ча. Я должен сказать, что эти его наблюдения кажутся мне очень интересными и убедительными.

Если это так, то в приведенных Г. В-чем названиях (я думаю, Вы назовете и другие такие случаи) сказывается, нужно признать, дух и лад кочевого мира. В этих фактах чувствую внутреннее сродство с пошибом и порывом «звериного стиля».

Однако же, все это представляю на Ваше благоусмотрение и очень интересуюсь Вашим мнением. В вопросах кочевниковедения именно Вас я считаю наиболее компетентным.

Г. Вл. просил меня обратить Ваше внимание на статью по ранней угорской истории: D. Sinor, *Autour d'une migration de peuples au V-e siecle*, *Journal Asiatique*, 1946–1947.

Г. Вл. считает ее небезынской.

...Прилагаю копию моего письма Г. Вл-чу по вопросу социально-экономических циклов раннего Московского царства (1538–1632). Я знаю, что Вы не занимаетесь русской историей собственно. Но как кочевниковед, Вы должны и ее держать в поле своего зрения. К тому же наблюдения эти представят, быть может, для Вас некоторый методологический интерес. И хронологически они не выходят за рамки, поставленные Вами для самого себя: держаться в пределах 16–17 веков...

Приложение к письму от 9 мая 1957 г.

//-- ПНС – Георгию Владимировичу (9 мая 1957 г.) --//

Вашу «Киевскую Русь» получил только что.

Теперь же хочу сердечно поблагодарить Вас за очень внимательную и наглядную, с самостоятельным подходом, передачу основных идей и выводов моего «Подъем и депрессия в древнерусской истории» (с. 123–130 «Киевской Руси»).

Мне хотелось бы, конечно, чтобы именно Вашей рукой был произведен такой же разбор и

«Ритмов монгольского века» (1240–1353). Но что делать!

В черновиках у меня проработаны, как Вы знаете, «подъемы» и «прогибы» и всей дальнейшей русской истории, до XIX-го и даже XX-го века включительно (буквально пуды черновиков и выписок).

В рамках того периода, которым Вы сейчас занимаетесь, ярче всего выступает это чередование в пределах лет (приблизительно) 1538–1632.

Тут подбор признаков гораздо богаче, чем для периода 980–1240 и чем для «Ритмов монгольского века». Каждый «подъем» и каждая «депрессия» характеризуются здесь десятками признаков.

Ритмика складывается здесь нижеследующим образом:

Невозможно перечислить тут все признаки, на которых я основываюсь. Пришлось бы писать не письмо, а большую статью. Я надеюсь, что при Вашем знании источников (я полагаю, беспримерном в современной науке русской истории) многое будет Вам ясно с первого взгляда.

Отмечу буквально несколько черт.

В основном начало Ранне-Ивановской депрессии – это смерть Елены Глинской. Типичны уже и обстоятельства, сопровождающие ее смерть. Политическое положение становится неустойчивым. Зодчий Петрок, учтя обстановку, сразу же бежит из Москвы на Запад (еще незадолго перед тем он сооружал монументальную стену Китай-города, частично – под Заиконоспасским монастырем и Печатным двором – и сейчас еще стоящую). С этим бегством сопоставьте, напр., 21-ый «депрессивный» признак периода 980–1240 (с.87 оттиска). Политическая неустойчивость остается в силе и дальше. Бывали моменты (около 1541 г.), когда новгородские «выведенцы» «творили вече» в Москве (ср. с.89 названного оттиска – о фактах с «демократической» тенденцией; ср. также с.112–114 и 131 «Ритмов монгольского века»; и т.д.). Налицо психологическая «шатость» (ср. с.141–142 «Ритмов»). Враги Руси весьма «действительно» на это реагируют. Возобновившиеся набеги казанских татар доходят до Костромы, до Устюга.

С 1543 г. постепенно начинается стабилизация («Макарьев предподъем» – по роли в эти годы митрополита Макария).

1547-ой год – блистательное начало «Царь-Иванова» подъема. Небывалые внешнеполитические победы (Казань, Астрахань). Широкий прозелитизм. Неисчислимы церковно-политические, военные, культурно-политические организационные мероприятия широчайшего масштаба, проведенные в 1550-х годах, – выражение «организационной идеи» Московского царства! В среднем и нижнем Поволжье делается огромное колонизационное дело (об этом признаке ср. с.72 «Подъема», с.112 «Ритмов» и т.д.). Завязываются новые торговые связи с Западом через Белое море (ср. с.69 «Подъема» и т.д.). Подобных признаков множество. Москва превращается в огромный, общерусского масштаба, организационный центр художественной деятельности. Художники-мастера вызываются в Москву чуть ли не из всех городов. Создается уникальный памятник русского зодчества – храм Покрова на рву (Василий Блаженный), Казанский Кремль, Свяжск и многое, многое другое. Поразительны иконописные памятники и лицевые рукописи этого десятилетия; и т.д. и т.п.

Около 1564 г. – резкая перемена обстановки. Введение опричнины указывает на появление «шатости», но и увеличивает ее. Развертывается трагедия митрополита Филиппа (Колычева) и огромного количества княжеских и боярских родов. Появляются несомненные признаки экономической разрухи (очень показательны показания Штадена). Но инерция «Царь-Иванова» подъема еще не исчерпана. Продолжаются внешнеполитические успехи. Продолжается и широкое строительство (напр., строительство в Вологде – тамошний Софийский собор и многое другое).

Разорение Новгорода в 1571 г. нужно считать переходом к ярко выраженному «прогибу». В

Новгороде, безусловно, была «шатость», и даже большая. Но «шатость» сама по себе есть важный «депрессивный» признак. Разорение же Новгорода в том виде, как оно было проведено Иваном, – равнозначно огромной экономической и культурной катастрофе. Кирпично-каменное строительство останавливается почти на всем пространстве Руси. Военные успехи постепенно переходят в неудачи (уже в 1571 г. Девлет-Гирей зажег Москву). Победы Батория 1578–1581 гг. – чуть ли не наибольшее за столетия одоление Запада над Русью.

В эти же годы Штаден проектирует немецкое завоевание Руси с севера, – проект, типичнейший для эпохи русских «прогибов». В Крыму в это десятилетие лелеются подобные же планы.

Перелом намечается в 1581 г. Баторий остановлен под Псковом. Открыт новый путь для внешней торговли через Колу. Обрисовываются черты «ставки на сильных» – в условиях «нового века» (первый заповедный год). К этому моменту подлинно «сильными», в социальном смысле, нужно считать на Руси уже не бояр-вотчинников (заинтересованных скорее в сохранении свободы крестьянского перехода), но именно дворян. В этот же момент началось завоевание Сибири (на востоке Русского государства «высокая конъюнктура» продержалась чуть ли не через весь «Поздне-Иванов» прогиб: это хорошо прослеживается, напр., по истории Строгановых). Во всех делах начинает чувствоваться твердая рука Годунова. Около 1584 г. разворот в делах наступает необычайный. Не перечислить новых городов, в те годы заложенных; не исчерпать колонизационных мероприятий, тогда предпринятых; не объять всех величественных храмов и стен, в те годы построенных (ср. Московский «Скородом», стены Соловецкого монастыря 1591 г. и многое, многое другое). И «царь-пушка», великолепный памятник русской техники и русского искусства, вылита мастером Чеховым в эти годы (1586). Многие отлично прослеживаются по истории Новгородского Софийского дома, писанной Б.Д. Грековым: и разорение 1570-х годов и подъем 1580–1590-х годов (даже на митрополичьей мельнице в Новгороде ручной труд был заменен в эти годы конным приводом). А какие только новые торговые пути не прокладывались в эти десятилетия в Сибирь и в Сибири!

Нельзя не упомянуть здесь и введения патриаршества (1589)!

Оценивая вопрос по существу, приходится признать, что Борису было гораздо удобнее править именем Федора, чем своим собственным.

С воцарением Бориса немедленно же намечается «надлом в подъеме». Его удар по «партии Романовых» (1596) очень напоминает некоторые мероприятия Грозного, осуществленные «около 1564 г.». И там и здесь – «удар по сильным». Появляются признаки «шатости». Их кульминация – Лжедмитрий. Кризис усугубляется голодными годами. Возникают факты с «демократической» тенденцией («незаповедные» годы – 1601 и 1602). Но государство еще сильно. Организационная деятельность сохраняет размах незаурядный (основание Цареборисова в устье Оскола, Мангазеи и т.д.). Строительство в крупнейших размерах (Иван Великий в Кремле, великолепный «Борисов городок» близ Можайска 1603 г., здания приказов и т.д.) продолжается до начала 1605 г. Это сочетание признаков указывает на типичнейший «переходный период».

Мне кажется излишним говорить пред лицом крупнейшего русского историка современности о «депрессивных» признаках Смутного времени. Их не один, а много десятков. Упомяну в качестве курьеза, что именно в это десятилетие (1605–1615) возрождаются, в новой форме, «завоевательные» планы Штадена – на этот раз в Англии: там «знатоки» русских дел планируют завоевание Руси для короля Якова – от Белого моря. Одним словом, депрессия со всеми онерами!

Нужно отметить, что на востоке Русского государства и на этот раз «подъемные» признаки не иссякали и в десятилетие 1605–1615: русские шли вперед, делали грандиозные открытия

(напр., река Енисей), торговля в Сургуте на Оби шла весьма оживленно и т.д. Одним словом, там была своя местная высокая конъюнктура. Или иными словами: в период от «Царь-Иванова» по «Филаретов» подъем и дальше Русский Восток переживал, видимо, взлет не «конъюнктурного», но векового порядка.

Столь же излишне говорить мне перед Вашим лицом и о всей той восстановительной и строительной (в самом широком смысле) работе, которая развернулась на Руси после 1615 г. Патриарх Филарет «вступил в строй» несколько позже этого года. Но я, руководствуясь и Вашей оценкой его деятельности, считаю обоснованным и правильным назвать этот период «Филаретовым подъемом». Невольно вспоминаю при этом и «Филаретову пристройку» к Ивану Великому. «Ставка на сильных» охватывает в этот период не только дворян, но также – снова и в полной мере – бояр-вотчинников.

«Подъем» этот заканчивается неудачной войной 1632–1634 гг. и провалом похода под Смоленск.

Во всем этом поразительно то, что в пределах охваченных 94 лет сохраняется довольно-таки строгая ритмичность: три «подъема», каждый продолжительностью в 17 лет; три «прогиба», продолжительностью каждый в 10 лет; и два «переходных периода», длительностью каждый в 7 лет: 1564–1571, 1598–1605. В этих случаях названные «переходные периоды» можно считать «преддепрессиями».

Отмечу здесь еще то, что для периода 1564–1571 гг. (как и для первых лет XVII века) тоже есть известия о «страшном голоде». В закономерностях той эпохи голод являлся как «по заказу» – в определенном месте цикла.

В самом конце 1930-х годов я огласил в докладе под названием «Социально-экономические циклы раннего Московского царства» эту «схему периодизации» (в еще не вполне доработанном виде) на заседании Кондаковского семинария. Произошла живая дискуссия. Но схема эта отнюдь не была опровергнута.

Есть тут и другая сторона: все сказанное является примечательным (как мне кажется) примером своеобразной ритмической повторяемости событий.

И еще одно рассуждение «вообще»: много ужасов и в «подъемах», и в «депрессиях» (в каждом периоде – свои ужасы), «Мир во зле лежит», сказано еще в древности. Но бывают и улучшения – и опять-таки и при «подъемах» и при «депрессиях». Пожалуй, при «подъемах» больше шансов на улучшения, чем при «депрессиях». Вспоминаю «тишину», наступившую на Руси в «подъем Калиты» (1330-е).

Из письма от 17 сентября 1957 г.

...Познакомьтесь, пожалуйста, с моим новейшим письмом Георгию Владимировичу. На конкретном материале русской истории 1452–1538 гг. письмо это ставит общий вопрос о наличии в историческом движении вековых подъемов. Я думаю, что и Вы найдете примеры таких подъемов из области специальной Вашей осведомленности.

Я очень хотел бы узнать Ваши соображения по этому поводу.

Георгий Вл. шлет Вам свой сердечный привет. Он очень рад, что Вам пригодились его соображения о «пегой» орде...

Приложение к письму от 17 сентября 1957 г.

//-- ПНС – Георгию Владимировичу --//

Текущая работа ради заработка не дает мне, к сожалению, возможности ответить на Ваш вопрос относительно моих взглядов о характере на Руси столетия 1452–1538 с той подробностью, как я хотел бы этого.

Я занимался этим столетием со всей подробностью и, как мне кажется, определил его основной характер.

Прежде всего, хочу подчеркнуть, что этому столетию предшествует на Руси довольно глубокая депрессия 1440-х годов. Для этого периода налицо десятки «депрессивных» признаков. Тут и большое междоусобие, и «нашествие иноплеменников», и признаки экономического разорения, и многое другое.

И из «Начертания» (1927) и из нынешней Вашей периодизации вижу, что годы 1452–1453 (основание Касимовского царства, смерть Дмитрия Шемяки, не без участия Стефана Бородатого) Вы считаете уже началом новой эпохи, и я с Вами в этом совершенно согласен.

И вот тут-то разворачивается явление, которое не часто встречается в истории: почти на столетие (1452–1533) в Московской Руси как бы «отменено» волнообразное движение истории. Наступает вековой подъем Московской Руси – почти без «прогибов» на протяжении восьми с лишним десятилетий. Таким порядком и были, собственно говоря, созданы предпосылки для возникновения Московского царства, как крупнейшего явления русской и мировой истории, а затем возникло и оно само.

На основе одиннадцатилетнего выстраданного опыта я полагаю, что если не будет больших войн (а я всей душой хочу мира!), то ранняя социалистическая эпоха на Руси будет (а отчасти уже есть) таким же вековым подъемом.

Более или менее все это столетие 1452–1538 есть столетие постепенного укрепления центральной государственной власти – как бы мы ни определяли в данном случае ее природу: собиравание в одно всех «великих княжений» (Тверь, Рязань, усмирение Новгорода, освоение Пскова), активная и удачная внешняя политика как в отношении Запада (верхнеокские княжества, Чернигово-Северская Русь, Смоленск), так и Востока и Юга, фактическая отмена боярского «отъезда» (Иван III), устранение боярского своеволья (Василий III) и т.д.

Правда, и Новгородские вечевые порядки, и боярское своеволие взяли потом кратковременный «реванш» в конце 1530-х – начале 1540-х годов, о чем мы с Вами уже переписывались. Но такова ритмика истории. Каждая «акция» вызывает в ней, в той или иной форме, «реакцию». Это мы видим и в современности – собственными глазами!

Как грандиозно зодческое и строительное наследие столетия 1452–1538! Ведь, по сути дела, все основанное, и ныне существующее, зодческое ядро Москвы восходит к этому столетию: основа Кремлевских стен, все основные Кремлевские соборы (вместе с церковью Ризоположения), основа Ивана Великого, Грановитая палата и т.д. А сколь многое в зодческом наследии этого столетия было, но утрачено: основная застройка Чудова и Вознесенского монастырей, важнейшие части стены Китай-города (эпоха Елены Глинской) и многое другое.

В это столетие создано пребывающее и ныне зодческое зерно Ростова-Великого: существующее оформление Успенского собора, приданное ему около 1473 г. Вассианом Рыло. Я считаю этот собор прообразом возникшего несколько позже «фиоравантиевского» Успенского собора в Московском Кремле. То же относится к Суздалью (оформление Рождественского собора 1529 г., Покровский м-рь и т.д.), к Старице и к ряду других древнерусских городов.

А какой размах получило в это столетие русское строительство укреплений – во всех случаях – не «феодалных» (как на Западе; феодальными замками и здесь в Чехословакии хоть пруд пруди!), а общегородских, общенародных! О Москве уже сказано. В 1508–1511 гг. был выстроен Нижегородский Кремль, в 1514–21 гг. – Тульский, в 1525–31 гг. – Коломенский, в том же, 1531-м, году было закончено строительство Зарайского Кремля и т.д. Еще Иван III произвел коренную реконструкцию укреплений русского Северо-Запада. Около 1490 г. было начато строительство монументального Ивангорода против Нарвы. Совершенно новый вид был придан укреплениям Новгородского Кремля, Старой Ладogi, Копорья. Путем трех– и четырехкратного увеличения толщины стен и других приемов они впервые были

сделаны неуязвимыми для артиллерии. Реконструкция Псковских укреплений была начата уже в 1511 г.; и т.д. и т.п. В конце 1470-х гг. в Москве была устроена «пушечная изба», очень важный факт в истории русской промышленности. Почти вся дальнейшая история Пушечного двора в течение названных десятилетий была историей непрерывных – иногда весьма значительных (литье медных пушек без швов с раструбом в дульной части) – технических успехов. Для 1460-х годов замечательную картину расширения тогдашней русской соляной промышленности дает материал грамот.

Перечислять ли те великие создания живописи (Дионисий, Феодосии), те величественные летописные своды, которые возникли в период 1452–1538 гг.? Расцветные признаки этого «векового подъема» бесчисленны. В нем создавалось наново великое русское государство и великая русская культура (конечно, на основе уже существовавших традиций).

Не случайно в пределах этого «векового подъема» появилось и замечательное учение инок Филофея о Москве как «третьем Риме».

Отмечу вскользь, что тогда же были заложены основы позднейшего освоения Сибири: поход 1483 г. на нижний Иртыш, пересечение Урала в 1499 г. ратью кн. Курбского. А освоение Сибири я считаю для современности чуть ли не первоосновой русской мощи, ставящей Русь вообще вне круга всех прочих держав мира.

О «прогибах» только одно замечание. Тот «кризис мужества», который охватил Ивана в 1480 г. (и который с такою силой обличили наши иерархи), был, по-видимому, не только кризисом мужества. Около 1480 г. замечается заминка в целом ряде политических, экономических и культурных вопросов. Но вскоре эта заминка прошла. Возможно, что такую же заминку удастся установить и для какого-либо момента правления Василия III. В моих записях были на это указания.

Но в общем формула «векового подъема» – этого редкого явления истории – безусловно применима к десятилетиям 1452–1538 гг. ...

Лев Николаевич отозвался в письме по поводу предложенной мною схемы «взлетов» и «прогибов» на Руси в годы 1538–1632 г. Он находит, что эмпирически найденные мною хронологические величины подъемов и прогибов «слишком неточны». Он пишет: «Тут вступает в силу как поправочный коэффициент неучтенная инерция творческого процесса, которой нет при прогибах, ибо там не энергия толчка, а недостаток ее. Напр., строительство, начатое в период подъема, заканчивается по инерции в начале прогиба, так что если брать этот признак без поправки, то границы подъема и прогиба сместятся, дав неверную картину соотношения. Следовательно, прогиб начинается раньше, чем появляются его признаки. Зато подъем начинается одновременно с появлением его признаков, ибо у пустоты нет инерции».

Мне кажется, что в этих мыслях Л. Н-ча много правильного.

Так вот я думаю, что подъем Елены Глинской (1533–1538) был подъемом «по инерции».

Перехожу к вопросу о «Филаретовом подъеме» 1615–1632 гг. Я согласен с Вами в том, что это не был подъем в точном смысле слова, т.е. подъем, значительно превышающий гребень предыдущего взлета; это было именно «восстановление разрушенного», как Вы о том пишете. Я предлагаю для этих случаев (а их в истории немало) особый термин: «восстановительный подъем». Мне кажется, что термин этот передает существо дела.

Я сам на собственных боках перечувствовал «восстановительный подъем» 1945-го и следующих лет – когда восстанавливалось разрушенное немецко-фашистскими захватчиками (как после Смутного времени восстанавливалось разрушенное польскими захватчиками).

Я считаю, что на этот раз безусловный и яркий новый подъем начался этак с 1953–54 гг. В этом отношении нужно уделить всяческое внимание распашке целинных земель. Она действительно вывела сельское хозяйство нашего Отечества (и в особенности таких его частей, как Казахстан) за пределы всего, что было достигнуто в прошлом. Потому-то и я лично посвятил ей две статьи.

Вы совершенно правы: настоящий новый подъем начался в XVII веке на Руси в после-Филаретовский период.

Таким образом я предлагаю различать «восстановительный» подъем и подъем «новый». Под подъемом нужно нормально подразумевать новый подъем. – В этом правота Ваших замечаний!

Замечательно метко Ваше наблюдение относительно «Филаретова подъема»: «Неудача войны 1632–34 гг. именно показывает, что это не был большого размаха подъем и что собиранье сил было еще недостаточно».

Замечу от себя: вся «историческая кривая» была, однако же, на восходящей!

6 ноября 1957 г.

Милый и дорогой Лев Николаевич,
весь позавчерашний день думал о Вас. От всей души и со всем душевным порывом желал Вам успеха.

И сейчас продолжаю волноваться.

Напишите же поскорей, как прошло обсуждение!

Шлю Вам копию моего письма по «философии факта». Писано оно моему другу – философу и историку музыки. Этим определяются некоторые его особенности.

Знаю, что большая часть письма не будет для Вас интересна. Она выходит за пределы «Вашей» эпохи.

Но в определенной степени, думается мне, «философия факта» применима и к истории кочевников.

Мне кажется, в ней также можно установить наличие и «фактов-предварений» и «фактов-отголосков».

В области кочевниковедения Вы сейчас подкованы, как никто другой во всем мире.

Меня очень интересует Ваше мнение по только что затронутому вопросу.

Крепко Вас обнимаю. Все мои Вас приветствуют. Шлю низкий поклон Анне Андреевне. Будьте здоровы и благополучны.

Горячо Ваш П. Савицкий

Приложение к письму от 6 ноября 1957 г.

Два слова о моей «философии факта».

Я назвал бы ее «философией всегда насыщенного смыслом факта». По моему мнению, среди исторических фактов нет фактов случайных. Есть факты, выражающие «генеральную линию» данного момента (какова бы она ни была); есть «факты-отголоски» (отражения прошлого); и есть «факты-пророчества». – Я сказал бы, что ЕА [39 - ЕА – евразийский – сокращение, принятое в переписке ученых. – Примеч. ред.] метод есть именно метод выделения «фактов-пророчеств». Как мне кажется, небезынтесной иллюстрацией к этой мысли являются некоторые части и статьи «Исхода к Востоку», 1921 г. – Возвращаясь к собственно исторической области, я хотел бы сказать, что именно на основе «философии всегда насыщенного смыслом» и в определенном отношении факта построены мои попытки определить «историческую кривую» конкретных периодов.

Из подготовленного мною к печати напечатаны, как Вы знаете, два очерка: 1) Подъем и депрессия в древнерусской истории, 2) Ритмы монгольского века. Это именно опыты по философии факта. По замыслу моему (не знаю, удалось ли мне выразить его с достаточной яркостью!), в них каждый факт должен звучать своим тоном. И все они вместе должны сливаться в симфонию с ее «подъемами» и «падениями».

Полагаю, что многое из этого применимо и к истории музыки.

Еще о «фактах-пророчествах».

Буквально в этот момент я прочел записку американской комиссии по вопросам науки и техники. Оценивая нынешнее положение по этой части в СССР и США, записка утверждает, что 20 лет тому назад (т.е. около 1937 г.) отсталость России по всем частям не подлежала сомнению. – А вот мы, исходя из ЕА метода, уже и тогда знали, что есть «факты-пророчества», свидетельствующие об обратном. – Приведу несколько беглых примеров: 1) Вся «Европа» была бессильна спасти злополучных «полярников» Нобиле. Подошел советский ледокол и спокойно снял их со льдины. И русский же летчик Чухновский обнаружил с воздуха отбившуюся их партию и спас ее. А водолазы ледокола заделали под водой пробоину потерпевшего кораблекрушение огромного немецкого туристического судна и сохранили его на плаву. Превосходство на воде, под водой и в воздухе! Я тогда же ярчайшим образом переживал эти «факты-пророчества», 2) в начале 1930-х годов три комсомольца на стратостате поднялись на высоту 23 км (тогдашний мировой рекорд!) – прыжок сразу на 5 км вверх – от советского же рекорда. Полет закончился трагедией (памятник героям до сих пор стоит в Мордовии), но «пророческий» элемент в нем был, 3) в 1937 г. не американцы из Нового Света в Старый, но русские (Чкалов, Громов) из Старого Света в Новый первыми пролетели над полюсом, побивая и тогдашний мировой рекорд дальности полета без остановки. – С точки зрения «философии насыщенного смыслом факта» это был показатель высокой значительности! (даже победы на поприще шахмат бывают таким показателем. Обстоятельство это прослеживаю на протяжении тысячелетия – начиная с арабов). – «Пророчества» стали отчасти осуществляться уже в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время происходит их дальнейшее и большое развертывание!

В 1931 году, в глухое время западного засилья, я писал очерк истории русской географии. На его последней странице я написал (и тогда же напечатал): «Океанические открытия (речь идет о географических открытиях при русских кругосветных плаваниях 1803–1835 гг.) в истории русской географии были преходящим эпизодом. Быть может, это предвестие будущего, которое мы еще не в силах предвидеть». И тут же добавил: «то же можно сказать об изолированном (хотя и весьма замечательном) эпизоде русских исследований в Антарктиде: об экспедиции Беллинсгаузена и об открытии Антарктического материка» (факты 1819–1821 гг.). – «факт-пророчество» не подвел. И еще мне собственными глазами довелось в этом убедиться (что бывает не очень часто). – После 1945 г. возобновились ежегодные русские экспедиции в Антарктику и русские открытия в ней. Дело это – на восходящей. В настоящее время (1957) значительный сектор Антарктического материка (несколько миллионов кв. км пространства) представляют собою как бы научную «вотчину» русских исследователей.

«Философ факта» должен признавать наличие, наряду с «фактами-пророчествами», также и «фактов-отголосков» (реминисценцией прошлого). Основой для классификации должно здесь являться их, фактов, положение на восходящей или, наоборот, нисходящей линии развития. Волнообразность ее должна учитываться во всех случаях.

Так вот современная Испания в ее отношении к Латинской Америке есть «факт-отголосок».

Выделение «фактов-пророчеств» кажется мне весьма существенным и важным научным и философским методом. В определенном смысле, как я уже сказал, это и есть ЕА метод!

В моей «Периодизации истории русских открытий» (1931) выдвинута еще категория «биографии-показателя». Приписываю и ей определенное философское значение. Биографии выдающихся деятелей данной отрасли – это тоже, конечно, «факты-показатели» и «факты-пророчества». Через их познание мы приходим к предвидению этапов процесса.

Думаю, что в известной мере и этот метод применим к истории музыки!

Приписка 1-ая. Говорю в 1957 г., как говорил в 1921-м: наступает русская эпоха всемирной истории!

Приписка 2-ая. В течение 12 лет США полагали, что они «блокируют» Россию. По существу же дела, они в типичнейшей форме занимались самоблокадой. Не говорю о будущем: человеку не дано совершенное знание. Но пока что США прошляпили создание сверхжаростойких сплавов, сверхэффективного горючего и отстали в области математических расчетов.

Из письма от 12 января 1958 г.

...В 1924–25 гг. состоялось – и с большим шумом – несколько ЕА выступлений на тему: Русь начинается с XIV в. Я был зачинщиком. С большой выразительностью обращались мы тогда и к памяти «великого и сурового отца нашего Чингисхана» (что в длинном ряде случаев обосновано и генеалогически). Теперь я придаю большее, чем придавал тогда, значение – и при этом именно в вопросах культуры – нашей киевско-новгородско-суздальской предыстории IX – XIII веков.

Нашу же молодость и наши интеллектуальные потенции дает нам, по моему мнению, наша русская мать-сыра земля. Она, в человеческих масштабах, настолько огромна и настолько необъятна, что постоянно обновляет и как бы «омоложает» нас. Нам нечего бояться – ни столетий, ни тысячелетий. И при этом мы остаемся на одном и том же корню. В этом – наше огромное преимущество и залог силы во всех областях – по сравнению с канадами, австралиями и т. д., оторванными от корня.

Понимая всю диалектику вопроса, я, однако же, написал однажды:

В чем тайна русских дел? Единством всенародным
Крепка, и велика, и дивна Русь моя.
Ведет сынов соборный дух народный,
Им помогает мать – сыра земля...

1959

День Второй русской космической ракеты
Милый и дорогой Лев Николаевич!

Непрерывно думаю по вопросам кочевниковеденья.

Древние кочевники – великий пример для нас, как нужно сражаться и побеждать (хотя бы и в бою – один против ста), как нужно стоять за свое, отстаивать свой быт, свой уклад, свою самобытность.

Задача нашей эпохи – во всех областях и по каждому признаку сломать под самый корень рог западной гордыни.

Этому делу может и должно служить и русское кочевниковеденье (при сохранении полной объективности в изучении кочевников).

Истории кочевников свойствен размах, которого нет в истории Запада, – и размах политико-географический: в 13–14 веках весь Старый Свет есть подлинно монголосфера, и размах духовный: великий дух Чингисовой терпимости.

И кому перенять это великое наследие кочевников – как не нам, русским, – с тем, чтобы кочевать уже не только по степям, но и по вселенной.

Пишу это Вам в день Второй нашей космической ракеты.

Не нужно хвастать заранее: есть успехи, бывают неудачи.

Но движение началось. Превышение второй космической скорости есть факт всемирно-исторического значения.

Русская эпоха всемирной истории на пороге.

Мы должны быть ее достойны.

Я знаю: Вы не занимаетесь эпохами позже 17 века. Но в каком-то смысле Вы можете обозревать и их.

Я считаю Вас самым близким мне во всем мире человеком. И я не могу не поделиться с Вами в этот День своими мыслями.

Думаю, что и Н.А. Козырев волнуется немало.

Личная судьба – малое дело. Только бы жила – и шла вверх – Россия!

Нечто подобное высказывал 250 лет тому назад и мой великий тезка.

Еще раз желаю Вам в Новом Году всего, всего лучшего – и главное здоровья, здоровья, здоровья!

Очень жду от Вас скорой весточки. Крепко Вас обнимаю.

Ваш П. Савицкий.

Приложение к письму от 7 августа 1960 г.

Моя «защита» Древней Руси перед другом-философом (август 1960).

Хочу возразить – со всей дружественностью – на одну Вашу фразу. Вы пишете (в письме от 6 июля): «Согласен в том, что наш народ обладает наибольшей волей к переделке космоса, обнаруженной после Октябрьской революции и в 18-м веке (при Петре). До этого он был в этом отношении довольно инертным».

Полагаю, что это последнее не совсем так.

Еще недостаточно оценен нашими историками «космический» подвиг новгородцев XI – XV вв. по освоению всего нынешнего нашего Севера от Ильменя и Ладоги по Урал и отчасти за Урал (походы новгородцев на нижнюю Обь «до моря» в XIV в. и т.д.). Это подвиг огромный. Нигде в остальном внерусском мире – за исключением северной Канады и части Аляски (да и та около века была русской) – нет столь суровых условий, как тут. В северной Канаде и северной Аляске, практически говоря, и сейчас почти нет людей. А новгородцы наш Север (столь же суровый) освоили основательно. Даже земледелие на больших тамошних территориях умудрились создать. А о промыслах (лесных, морских, солевых) и говорить нечего. Торгово-промышленная деятельность населения нашего Севера в древнерусские столетия поразительна! И по энергии своей вполне «предваряет» и Петра, и послеоктябрьский период!

И тут же созданы лучшие храмы Руси (я хорошо их знаю!) – наши деревянные шатровые, «кубоватые», «ярусные» храмы – предельного величия и предельной самобытности – с их иконописью, резьбой и т.д.

Еще больше подвиг русского народа по «переделке космоса», выразившийся в освоении в конце XVI – XVII вв. всей Сибири, от Урала до Камчатки и Чукотки. Испанцы (да и другие романо-германцы) осваивали в эти столетия гораздо более привлекательные, гораздо более мягкие страны. Но по существу дела, Сибирь, пожалуй, богаче их всех. А что касается выносливости, выдержки, умения преодолевать препятствия, которые были при этом нужны, то тут и сравнения быть не может. Для освоения Сибири и плаваний по «Студеному морю» на кочах их требовалось неизмеримо больше!

Одним словом, в вопросах «переделки космоса» уже и Древняя Русь есть пророчество о Петре и послеоктябрьском периоде.

Приписка к «защите» – специально для Вас.

Видали ли Вы, дорогой друг, когда-либо альбом, изданный при участии моей любимой, ныне уже покойной кузины – Софии Яковлевны Забелло: «Русское деревянное зодчество» (Издательство Академии архитектуры СССР, Москва, 1942, – «героическое» издание, осуществленное в сверхтрудных условиях, но с большим совершенством!). В нем

воспроизведено большое число русских деревянных сооружений сказочной красоты, дивных созданий русского плотничьего гения.

Не осознано еще и всемирно-историческое значение несравненных творений русского деревянного зодчества! Нигде в мире нет ничего подобного по богатству зодческих силуэтов, простоте – и в то же время совершенству – конструкций. Здесь перед нами необъятная область единственной в своем роде и неповторимой в своем великолепии красоты!

8.VIII.1960

П. Савицкий

Прага, 23 марта 1963 г.

Милый и дорогой друг мой Лев Николаевич, с сердечной благодарностью подтверждаю получение письмеца Вашего от 18.11. и двух № «Вестника». В них углубляюсь со всем увлечением. Эти же строки носят, так сказать, «предварительный» характер: пишу их среди спешки весьма и весьма срочной работы (ради хлеба насущного). – Скажу так: дискуссия вокруг Ваших книг и статей принимает «мировые» размеры. Радоваться этому надо, а не огорчаться по поводу глупых или несправедливых высказываний оппонентов. «Пусть ругают, только бы не молчали» – таков закон научного успеха. В споре этом я целиком на Вашей стороне, разделяю и все Ваши соображения, выраженные в письме (очень остроумно, в частности, о востоковедках, которые, по логике оппонентов, являются русскими историками не хуже Соловьева, ибо русским языком владеют и активно, и пассивно!). На Вашей стороне и автор письма из Кембриджа – Николай Ефремович. «Брюзжание» же оппонентов, иногда очень ожесточенное, – во многих случаях внушается завистью, хотя бы сами завидующие в этом себе и не сознавались, – завистью тех, кто не способен выдвинуть общую историческую концепцию, к тому, кто на такое дело способен, – в данном случае, к Вам... Это «брюзжание» и даже злостные против Вас выпады – это лавры, а не тернии в Вашем венке. Разумом это понимаю, и всем сочувственным к Вам сердцем моим это чувствую. И вся история науки Вам в том порукой!..

Прага, 31 марта 1966 г.

Милый и дорогой друг мой Лев Николаевич, сердечно благодарю за присылки. Все Ваши творения читаю с большим вниманием и радостью. Свои замечания вношу (вкратце) в особую тетрадку, в надежде подробно обсудить их с Вами при личном свидании. Постараюсь, впрочем, ряд замечаний сообщить Вам и ранее того – в письмах. Очень остроумны Ваши замечания о «Ландшафте и этносе Евразии» (тезисы). Мне кажется, что Ваши положения еще и далеки от географического детерминизма, что при кочевом быте, более чем при каком бы то ни было ином, налицо элементы «выбора» месторазвития отдельными племенами или народами (или хотя бы даже группами родов). У этих этнообразований исторически складывались определенные, если так можно выразиться, «политические вкусы». Группа с тяготением к «сильной центральной ханской власти» оставалась в «монгольском регионе», или пробивалась в него, или, находясь вне этого региона, стремилась установить с ним связь. Наоборот, группа с «конфедеративными» вкусами уходила в «алтае-тянь-шаньский» регион и там держалась; и т.д. Подвижность, свойственная кочевому быту, очень всему этому способствовала. Можно и должно признавать и возможную изменчивость племенных и народных «вкусов» этого рода. Здесь требуется внимательнейшее изучение всех текстов и материалов, относящихся к каждому племени или народу в тот или другой момент его существования... Дорогой друг! Мечтаю о тех днях, когда мы сможем общаться лично. Уже думал, что приду встречать Вас на аэродром или на вокзал с книжкой «Хунну» в руках (или с «Тюрками», если они выйдут в свет к тому времени – очень хотелось бы, чтобы вышли!) – и буду держать их перед собой, как древние

воины держали щит со своим родовым или племенным гербом (тамгой). Только не забудьте меня известить о точном сроке прибытия!.. Все предназначенное для Георгия Владимировича я сейчас же и без промедления ему посылаю – простой бандеролью, ибо на основе большого опыта я убедился, что при любом способе отправки – хотя бы и «авиа», с большой приплатой, – американская цензура менее недели-двух каждую из Ваших работ не изучает. От Георгия Вл-ча регулярно получаю подтверждения получки. После «изучения» цензурой – Ваши работы исправно ему вручаются. А в письме от 16 марта Георгий Вл-ч пишет: «О кончине Анны Андреевны мы (т.е. Г. Вл. с супругой Ниной Владимировной) сразу же узнали из газет. Скорбим о ней. Передайте, пожалуйста, наше соболезнование Льву Николаевичу. Мы оба с Ниной (Нина Вл. – прекрасная музыкантша и ценительница поэзии. Это мое примечание. – ПНС) высоко ценим и чтим поэтический дар Анны Ахматовой. И помним ее завет: «И мы сохраним тебя, русская речь, – Великое русское слово»...

Прага, 23 июня 1966 г.

Закончено 25-го. Частью писалось в трамвае. Отсюда – «дрожь».

Милый и дорогой, и неоценимый друг мой Лев Николаевич, буквально сию минуту почтальонша вручила мне драгоценное для моего сердца письмецо Ваше от 19–20 июня. Очень огорчила меня Ваша синтетическая «сводка» о состоянии Вашего здоровья. Но я твердо верю, что с помощью отдыха и хорошего врача, в условиях осторожности с Вашей стороны, Ваше здоровье восстановится быстро. Если позволите, о характере «режима» Вашей жизни и задачах сохранения здоровья мы также подробно поговорим в бытность Вашу здесь. От другого известия я возликовал: Вы будете читать по-русски! Конечно, это вполне естественная вещь. К тому же, на съезде русский язык, поскольку я знаю, будет широко представлен. Но дело в том, что за последнее время в отечественной науке, к глубочайшему моему огорчению, развилась уйма плюнь-кисляев, совершенно лишенных чувства национального достоинства и понимания сущности современной эпохи, – глубочайших провинциалов, прежде всего и в подлинном смысле этого слова... Прямо не понимаю, как это могло случиться. Вместо того, чтобы отстаивать и укреплять совершенно бесспорные (и всеми признаваемые!) международные права и позиции русского языка, они пускаются заискивать перед «высокопородными» западниками (а заискивающих всегда презирают!) – и, отказываясь от своего языка, пытаются доказать этим последним (т.е. «высокородным»), что и они (провинциалы) знают немецкий или французский не ниже, чем на «три», по оценке средней школы! Какой позор, какой стыд, какое полное отсутствие горизонтов! Сравнительно недавний «всемирный» конгресс историков в Вене (и место же выбрали!) был прямо-таки «парадом» отечественных плюнь-кисляев этого рода... Мне лично даже как-то неловко вспоминать, что при моей «особе» немецкие гувернантки состояли от моего возраста в три года до возраста в 18 лет; в течение десяти лет была при моей «высокой» особе и французская гувернантка. Еще и сейчас я мог бы читать публичные лекции и по-немецки и по-французски. Но тем неустрашимей и стихийней, тем повелительней и сильней я чувствую, что на любой международной арене в настоящее время доклад можно читать и дискутировать только по-русски! На таком же «всемирном» съезде в Варшаве, в начале 1930-х годов, Ваш покорный слуга, действуя, по существу дела, в одиночку (при довольно пассивной поддержке со стороны покойного Николая Севастьяновича Державина) добился от съездовского комитета признания всех прав русского языка: доклады читались по-русски и прения по ним велись тоже только по-русски. И это были наиболее посещаемые доклады съезда. А ведь я представлял только русскую культуру, и Государства за мной не было! А эти плюнь-кисляи, через 30 с лишком лет после «Варшавы», после всего, что на любом поприще произошло за эти 30 с лишним лет, представляя не только русскую культуру, но и величайшее Государство

нашей планеты, капитулировали при первом же наглом немецком окрике – не говорить по-русски! И кто осмелился на этот окрик! Я до сих пор не могу прийти в себя от нелепости всего происходившего в Вене... Я радуюсь, радуюсь от всей души, что свой доклад Вы будете читать по-русски. Конечно же, я приду на него, и мои (а тем самым и Ваши) друзья тоже, я надеюсь, придут. Тема Вашего доклада глубоко и широко меня интересует по существу. – Дорогой друг! И моя сестра, живущая в Москве, вот уже более 20 лет только «летает» по лицу всего Советского Союза. Так что эта сторона «советского образа жизни» мне хорошо известна. Прошу и умоляю: прилетайте в Прагу дня на 3–4 до начала съезда. Отдохнете перед ним, наберетесь сил, а мы, не утомляясь, успеем переговорить о многом. Пойдите навстречу моей просьбе! Эти дни не будут Вам ничего стоить: и скромное помещение, и питание я Вам обеспечу. Надеюсь, не пожалеете, что прилетели несколько раньше! Откликнетесь же поскорее. И главное – будьте здоровы!

Все мои шлют Вам привет. Крепко Вас обнимаю.

Душевно Ваш П. Савицкий

Немцы, в их массе, только в одной ситуации и понимают человеческий язык: когда они уже подняли вверх руки, а их собеседник – с карабином. В других ситуациях не понимают. Такова уж их природа.

Я стою на такой точке зрения: кто из числа ученых не понимает в современную эпоху, хотя бы пассивно, по-русски, тот просто не грамотен, «аналфабет», выражаясь по-здешнему, ибо наступает, грядет русская эпоха всемирной истории. Да будет!

Часть вторая

Историческая география Евразии

Сколько многое в твоих столетях,
Евразия, предварено,
Огнем тысячелетий
Согрето и освещено.

Вот центр внутриматериковый,
Центр рудоносный, мощный центр,
Исходный пункт путей торговых,
Стран дальних живоносный ветр.

Алтай, завод и мастерская,
Кузнец мечей, кузнец котлов,
Питатель древнего Китая
И черноморских берегов.

И ты – родник, источник злата,
Мой мелкосопочник степной,
Тобою скиф богат богатый,

И гунн могуществен тобой.

Массивны тяжкие пластины
Уборов гуннских золотых,
Звериный стиль в сплетеньях дивных
Навек запечатлен на них.

И чувствуем, что в сказках древних
Наш век и наша жизнь живет,
И в приисках и в центрах медных
Из пепла древность восстает.

Встает в кипеньи и величьи,
В труде годов, ночей и зим,
В своем от старого отличьи
И в кровном сопряженьи с ним.

П.Н. Савицкий Алтай

Место исторической географии в востоковедных исследованиях [40 - «Народы Азии и Африки», 1970, № 1, с.85–94.]

О значении географических условий, например рельефа для военной истории, говорилось давно. Еще в XVIII в. один из первых русских историков Иван Никитич Болтин сделал замечание: «У историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание» [33, с.20]. Однако ныне история ставит куда более глубокие задачи, и география отошла от простого описания диковинок нашей планеты и обрела возможности, которые нашим предкам были недоступны.

В наше время вопрос стоит иначе, чем в XVIII – XIX вв.: не только «Как влияет географическая среда на людей?», но и «В какой степени сами люди являются составной частью той оболочки Земли, которая сейчас именуется биосферой?» [44].

Диалектический материализм различает несколько взаимосвязанных форм движения материи, как то: физическую, химическую, биологическую и общественную [41 - Читателей могут удивить встречающиеся в некоторых статьях термины марксистской теории, которую Л. Гумилев отрицал. Следует помнить, что статьи написаны в советское время, и автор был вынужден делать подобные вставки, чтобы статьи были допущены к печати. – Примеч. науч. ред.]. История человечества, как чуткий прибор, фиксирует эти формы движения и позволяет разобраться в характере их взаимодействия.

Смена общественно-экономических формаций идет то более, то менее быстро, но последовательно. Однако она не охватывает тех воздействий на человечество, которые связаны с проявлениями физико-химических и биологических процессов. Человечество с момента своего становления было тесно связано с окружающей природой, черпая из нее средства существования. Приспосабливаясь к различным ландшафтам: тропическому лесу, сухой степи, тундре и т.д., люди вырабатывали систему навыков и обычаев, что повлекло разделение человечества как вида на разнообразные коллективы, которые называются этносами. Этническое размежевание человечества продолжается и поныне, очевидно являясь формой существования вида *Homo sapiens*. Оно называется этногенезом и является

феноменом, пограничным между общественной и прочими природными формами движения материи.

В самом деле люди (и каждый человек в отдельности) являются не только членами общества, но и твердыми телами, т.е. подвержены закону тяготения; организмами, со всеми биологическими функциями; млекопитающими хищниками, входящими в биоценоз населенного ими ландшафта; наконец, членами этноса (племени, нации, народности и т.п.). Как таковые они подвержены воздействиям то силы земного притяжения, то разных инфекций, то голода или изобилия из-за изменения вмещающего ландшафта и, наконец, процессов этногенеза, которые не всегда совпадают с общественными процессами, а идут своими ритмами.

В аспекте исторической географии этносами называются коллективы людей, противопоставляющих себя всем остальным, например: китайцы и варвары, арабы-мусульмане времен первых халифов и «неверные», и т. д. Зарождаясь в условиях какого-либо ландшафта, этносы распространяются иногда по всей земле, но это связано с их исторической судьбой, определяемой не только ритмами этногенеза, но и в не меньшей степени глобальным общественным развитием человечества. Таким образом, проблема этногенеза лежит на рубеже наук естественных и гуманитарных [подробно см.: 97, 108].

Непосредственно на человеческий организм и на любой человеческий коллектив влияет не просто Земля, а определенный ландшафт. С другой стороны, люди за историческую эпоху видоизменили почти всю поверхность суши, но египтяне, монголы, арауканы и шведы делали это настолько по-разному, что конструктивнее рассматривать влияние этносов на природу, нежели человечества в целом. Поэтому можно рассматривать природу как многообразие ландшафтов, человечество – как мозаику этносов, а их взаимодействие и его результаты – как этногеографию и палеогеографию исторического периода. Для нашей проблемы в очерченном круге вопросов важны две темы, которые мы разберем поочередно: 1) постоянное воздействие ландшафта на этнос и 2) варианты воздействия этноса на ландшафт.

На важность затронутой нами темы указал Н.И. Конрад в книге «Запад и Восток» (М., 1968), отметивший наличие исторических процессов, свойственных любым разновидностям человечества. Если прежде задачей востоковедения было выявление локальных форм внеевропейских культур, то теперь мы вправе ставить вопрос об интерпретации глобальных закономерностей и освоении способов (методики) их исследования. Достичь этой цели можно несколькими способами, в том числе путем применения исторической географии к востоковедным дисциплинам.

Отметим отличие нашего подхода от «географического детерминизма», истолковывающего все явления истории культуры, этнического характера и даже хода политических событий как воздействие географической среды на общество.

Л.С. Берг сформулировал соотношение вида и его географического окружения так: «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьироваться в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или – вымереть» [19, с.180–181]. Это положение равным образом относится к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность. Этнос приспособляется к определенному ландшафту в момент своего сложения, а приспособившись, при переселении и расселении, ищет себе область, соответствующую его привычкам. Так, угры расселились по лесам; тюрки и монголы – по степям; русские, осваивая Сибирь, заселяли лесостепную полосу и берега рек; англичане колонизировали земли с умеренным климатом, а арабы и испанцы – с жарким. Исключения из правила встречаются,

но только в пределах законного допуска. Характер культуры складывающейся народности определяется вмещающим ландшафтом через его экономические возможности.

Большинство племен и народностей древности и средневековья приспособивались к ландшафту, не пытаясь его изменить. Таковы все охотники, рыболовы, скотоводы и собиратели, а также часть земледельческих племен, не применяющих искусственного орошения. Исключение составляют народы, практиковавшие интенсивное земледелие: египтяне, шумеры, древние иранцы и китайцы. Они приспособивали ландшафт к своим потребностям и подчас нарушали даже течение ветров. Так, развитие земледелия в Китае привело к уничтожению лесов в долине р. Хуанхэ, и к IV в. до н.э. сухие центральноазиатские ветры занесли лёссом мелкие речки и гумусный слой в Шэньси. Леса на среднем течении Хуанхэ задерживали ветры, несшие песок из пустыни Хэси (западнее хребта Алашань). После уничтожения лесов человеком песок стал достигать областей Центрального Китая. Изобретение железной лопаты позволило в III в. до н.э. выкопать оросительные каналы из р. Цзинхэ, но река углубляла свое русло, и каналы высыхали. Борьба за воду кончилась победой ветра – работы по поддержанию оросительной системы прекратились в XVIII в. [200, с.52–55]. Зато кяризы в долине Тарима, построенные древними иранцами, дали жизнь многим оазисам. Созданный ландшафт влияет на этнос, так же как и естественный.

Исключение, впрочем весьма распространенное, составляют этносы, оторванные от своего ландшафта. Они начинают жить не за счет природы, а за счет этносов-аборигенов, образуя в их среде колонии. Возможности к тому дает насилие (впрочем, на относительно недолгое время). Но поскольку наличие подобных этносов связано с их исторической судьбой, то нет необходимости останавливаться на анализе этого явления, не имеющего прямого отношения к ландшафту. Достаточно при практическом изучении вносить соответствующую поправку. Для нашей темы важнее установить, какими гранями смыкаются антропосфера и природная ее среда и как последняя взаимодействует с первой.

За последние десятилетия наука отказалась от представления о неизменности географических условий даже в сравнительно короткий период, освещенный письменными источниками, т.е. около 3 тыс. лет. Действительно, Средиземноморский бассейн имел за это время стабильный климат, но это частный случай, а не общее правило. Зато климатические условия в центре Евразийского континента менялись очень сильно. Достаточно отметить, что уровень Каспийского моря в VI в. стоял на абсолютной отметке – минус 34 м; в начале XIV в. – минус 19 м, а сейчас – около минус 28 м. Мощная трансгрессия XIII в., когда Каспий поднялся на 15 м, весьма резко отозвалась на судьбах Хазарин, а следовательно, и пограничных с нею стран. Большая часть плодородной земли, кормившей хазарский народ, оказалась под водой. Также весьма отличны от современных исторические условия возникновения китайской цивилизации [175].

Установление В.Н. Абросовым [1] гетерохронности увлажнения лесной и степной зон Евразии позволило сопоставить климатические колебания с историческими судьбами кочевых народов и с колебаниями уровня Каспийского моря. Поскольку Каспий наполняется Волгой (81%), несущей воду из гумидной зоны, повышение его уровня совпадает с усыханием окружающих степей, и наоборот: наполнение Арала и Байкала реками аридной зоны означает усыхание среднерусской равнины. Однако для того, чтобы получить полную картину, необходимо учитывать не две, а три возможности прохождения циклонов, несущих влагу от азорского и исландского максимумов в Евразию: южный путь по аридной зоне, средний – по гумидной и северный – по арктической. Зависимость климатических условий от путей циклонов сведена нами в следующую таблицу.

Применение данных, приведенных в таблице, позволило сделать несколько важных заключений. Способы хозяйства народов, обитавших на северных берегах Каспийского моря, а следовательно и их исторические судьбы, были тесно связаны со степенью увлажненности

аридной зоны и тем самым с уровнем Каспия. А раз так, то очевидно, что исследование исторических судеб народов, населявших низовья Волги, позволяет судить о происходивших тут климатических и ландшафтных изменениях. В свою очередь применение шкалы политической истории в данном аспекте дает абсолютную хронологию для периодов повышенного увлажнения и длительных засух [подробно см.: 73, 74]. Равным образом возможно применение предложенной методики при исследовании других районов.

Исторические материалы, как источник для восстановления древних климатических условий, применялись и применяются очень широко. В этом плане развивалась знаменитая полемика между Л.С. Бергом [20] и Г.Е. Грумм-Гржимайло [57] по вопросу об усыхании Центральной Азии в исторический период. Связанную с этим вопросом проблему колебания уровня Каспийского моря в I тысячелетии н.э. также пытались решить путем подбора цитат из сочинений древних авторов [5, 6, 21, 261]. Аналогичные исследования проводились над русскими летописями для того, чтобы сделать заключение об изменении климата Восточной Европы [26, 41].

Но итоги трудоемких исследований не оправдали ожиданий. Иногда сведения источников подтверждались, а иногда проверка другим путем их опровергала [81, 84, 293]. Отсюда вытекает, что совпадение полученных данных с истиной было делом случая. Это говорит о несовершенстве методики. В самом деле, путь простых ссылок на свидетельство древнего или средневекового автора всегда приведет к ложному или, в лучшем случае, неточному выводу. Летописцы упоминали о явлениях природы либо между прочим, либо, исходя из представлений их времени, трактовали грозы, наводнения, засухи как предзнаменования или наказание за грехи. В обоих случаях явления природы описывались выборочно, когда они оказывались в поле зрения автора, а сколько их было опущено, мы даже догадаться не можем. Один автор обращал внимание на природу, а другой (в следующий век) – нет. Может оказаться, что в сухое время дожди упомянуты чаще, чем во влажное. Историческая критика тут помочь не в состоянии, ибо по отношению к пропускам событий, не связанных причинно-следственной зависимостью, она бессильна.

Л.С. Берг, на основании исторических сочинений, сделал вывод, что превращение культурных земель в пустыни является следствием войн [20]. Ныне эта концепция принимается без критики и в качестве примера чаще всего приводится находка П.К. Козлова – мертвый тангутский город Ицзинай, известный под названием Харахото [190, с.56]. Этот момент является настолько показательным, что мы сосредоточим наше внимание на одной проблеме – географическом местоположении этого города и условиях его гибели.

Тангутское царство располагалось в Ордосе и Алашане, в тех местах, где ныне песчаные пустыни. Казалось бы, это государство должно быть бедным и малолюдным, а на самом деле оно содержало армию в 150 тыс. всадников, имело университет, академию, школы, судопроизводство и даже дефицитную торговлю, ибо оно больше ввозило, чем вывозило. Дефицит покрывался отчасти золотым песком из тибетских владений, а главное, продажей живого скота, который составлял богатство Тангутского царства. Город, обнаруженный П.К. Козловым, расположен в низовьях р. Эцзин-гол, в местности, ныне безводной. Две старицы, окружающие его с востока и запада, показывают, что река сместила русло к западу и ныне впадает двумя рукавами в озера: соленое Гашун-нор и пресное Сого-нор. П.К. Козлов описывает долину Сого-нора как прелестный оазис среди окружающей его пустыни, но вместе с тем отмечает, что большое население прокормиться тут не в состоянии.

Разрушение города часто приписывается монголам. Действительно, в 1226 г. Чингисхан взял тангутскую столицу, и монголы жестоко расправились с населением. Но город продолжал жить еще в XIV в., о чем свидетельствуют даты многочисленных документов, найденных здесь. Его гибель связывают с изменением течения реки, которая, по народным преданиям торгоутов, была отведена осаждающими посредством плотины из мешков с

землей. Плотина эта сохранилась до сих пор в виде вала. Так оно, видимо, и было, но монголы тут ни при чем. В описаниях взятия города Урахая (монг.) или Хэшуйчэна (кит.) нет таких сведений. Да это было просто невозможно, так как у монгольской конницы не было на вооружении необходимого шанцевого инструмента. На самом деле тангутский город погиб в 1372 г. Он был взят китайскими войсками Минской династии и разорен как опорная точка монголов, угрожавших Китаю с запада [86, с.244].

Но почему же тогда он не воскрес? Изменение течения реки не причина, так как город мог бы перекочевать на другой проток Эцзин-гола. Со свойственной ему наблюдательностью П. К. Козлов отмечает, что количество воды в р. Эцзин-гол сокращается, озеро Сого-нор мелеет и зарастает камышом. Некоторую роль здесь играет перемещение русла реки на запад, но это одно не может объяснить, почему страна в XIII в. кормила огромное население, а к концу XIX в. превратилась в песчаную пустыню.

Самым важным моментом представляется не частный вопрос о смещении течения р. Эцзин-гол к западу, а постановка вопроса об использовании археологических находок для восстановления физико-географических условий прошлых эпох. Ибо это путь для выяснения тех закономерностей природы, которые иным образом не могут быть установлены.

Итак, вина за запустение культурных земель Азии лежит не на перемещении реки в другое русло и не на монголах, а на вековом изменении климата, явлении, описанном нами в специальной работе [84, 85]. Это не значит, конечно, что монголам была свойственна гуманность, но в XIII в. они не выделялись из общего уровня. Чжурчжэни, хорезмийцы, кыпчаки-половцы и крестоносцы по свирепости не уступали монголам. Но почему же именно монголам приписывалось опустошение Азии, в то время как другие события гораздо большего масштаба, например разгром уйгуров кыргызами в 841–846 гг. или поголовное истребление калмыков маньчжурским императором Цяньлуном в 1756–1758 гг., остались вне поля зрения историков?

Ответ на этот вопрос нужно искать не в истории народов, а в особенностях развития историографии. Талантливые книги по истории пишутся не часто, не по всякому поводу, и, кроме того, они не все дошли до нас. Эпоха XIV – XV вв. была на Ближнем Востоке расцветом литературы, а в России – летописания. Борьба с монгольским игмом и в Персии, и в России являлась самой актуальной проблемой. Поэтому ей посвящено множество сочинений, которые уцелели до нашего времени. Среди них были и талантливые, и яркие труды. Они вызывали подражания и повторения, что увеличивало общее количество работ по данному вопросу. Истребление же ойратов не нашло себе историка, или он погиб в резне. Таким образом, оказалось, что события освещены неравномерно и значение их искажено, поскольку они представлены как бы в разных масштабах. Следует отметить, что наибольшему усыханию подверглись не разрушенные войной страны, а Уйгурия, где войны вообще не было, и Джунгария, где уничтожать травянистые степи никто не собирался. Итак, не только история без географии «встречает» постоянные «претыкания», но и физическая география без истории выглядит крайне однобоко. Но значит ли это, что пользоваться историческими данными для того раздела палеогеографии, который именуется исторической географией, нельзя? Ни в коем случае!

Прежде всего за основу следует брать не публикации источников, а канву событий, отслоенных и очищенных от первичного изложения. Только тогда ясна соразмерность фактов, когда они сведены в причинно-следственный ряд в одном масштабе. При этом также исключается тенденциозность источника или его малая осведомленность. То, что для историка – завершение его работы, для географа – отправная точка. Затем нужно исключить те события, причины которых известны и относятся к сфере либо спонтанного развития общества (социально-экономические формации), либо к логике самих событий (личные поступки исторических личностей). Связывать эти явления с географией бесплодно.

Остается сфера этногенеза и миграций. Тут наиболее четко проявляется взаимодействие человеческого общества с природой. Особенно оно очевидно на ранних этапах развития, когда главную роль играет натуральное и простое товарное хозяйство. Род занятий подсказывается ландшафтом, его экономическими возможностями. Так постепенно определяется образ жизни этнической целостности. Когда данный этнос исчезает, вследствие трансформации, миграции или истребления соседями, то его следом остается археологическая культура, свидетельствующая о характере хозяйства древнего народа, а следовательно, и о природных условиях эпохи.

Во-первых, очевидно, что точные абсолютные датировки могут быть внесены в географию только путем привлечения исторических сведений и археологических находок. Никакими другими способами этого достичь невозможно.

Во-вторых, раскрытие исторических и физико-географических законов, производимое не раздельно, а в их взаимосвязи, позволяет установить степень влияния на эти события географической среды. Применяя метод сочетания исторических исследований с пространственным анализом природных условий в масштабах целого материка, мы в состоянии рассмотреть развитие народов Евразии без отрыва от их естественной природной обстановки. Тем самым мы оказываемся в состоянии расчленить исторические события политического характера и события, обусловленные преимущественно изменениями физико-географических условий.

Применение предложенного метода на еще более широком историческом материале показывает роль географической среды для человечества в целом, а не только для отдельных территорий. Вид *Homo sapiens*, распространившись по всей суше и значительной части морской поверхности планеты, внес в ее конфигурацию столь значительные изменения, что их можно приравнять, как заметил В.И. Вернадский, к геологическим переворотам малого масштаба. Но из этого вытекает, что нами выделяется особая категория закономерностей – историко-географическая, требующая для рассмотрения и изучения особой методики, совмещающей исторические и географические приемы исследования. Это само по себе не ново. Например, применение анализа по С -----

| bookZ.ru collection

|-----

|

для датировок археологических памятников, электроразведка (дело слишком трудоемкое для практического применения), приемы кибернетики при изучении «каменных баб» (которое подтвердило результаты, полученные при визуальном подсчете), и т.п.

Однако самое важное – возможность синтеза – упускалось из виду.

Естественники применяют «эмпирическое обобщение», согласно В.И. Вернадскому, имеющее достоверность, равную наблюдаемому факту [44, с.19]. Привлекая природу как источник, мы обязаны использовать и принятую в естествознании методику изучения [42 - Первым ученым, применившим географические познания к историческому материалу, был Г.Е. Грумм-Гржимайло. (Подробно см. его труд: Западная Монголия и Урянхайский край, т. П. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Л., 1926.) К сожалению, при жизни автора его труд не получил признания, так как методика сопоставления сведений из древних текстов с физико-географическими данными была непривычна для специалистов-востоковедов, занимавшихся переводом источников или их пересказом. Это, естественно, ограничивало возможности филологов уровнем знаний авторов того времени,

которое они изучали.], а это дает нам великолепные перспективы, которые позволяют приподнять покрывало Изида.

Наиболее целесообразным путем нам представляется дедукция, основанная на кодификации элементарных сведений и расположении их, согласно поставленной задаче, в условном масштабе, на пространственно-временной основе. Это нуждается в пояснении.

1. Элементарными сведениями можно назвать первичные единицы информации, прежде всего те, которые наполняют собой учебники истории и географии.

2. Расположение элементарных сведений (т.е. композиция работы). Нужно произвести отбор, а пустые места заполнить, как принято в географии, интерполяциями, под которыми понимаются не вставки в текст, а построение изолиний (так строятся изотермы и т.п.). Правда, в географии дело проще – соединяются линиями точки с одинаковыми показателями. В истории таких точек нет, зато есть каузальная связь событий, разрывы в которой можно восполнить таким способом, с известным допуском.

3. Условный масштаб или заданная степень приближения – трудность, в естественных науках преодоленная.

Наметим условно пять степеней приближения.

Первое приближение — антропосфера как целое, развивающееся спонтанно, по спирали, нижний конец которой теряется среди гоминид, освоивших огонь и технику каменных орудий, а верхний – уходит в будущее. На протяжении видимой части спирали просматриваются три явления: демографический взрыв, технический прогресс и смена социально-экономических формаций. Эти три линии закономерности связаны между собой сложной обратной связью, а не простым взаимодействием. К примеру, максимальный прирост населения происходит, как правило, в странах с низким уровнем жизни, т.е. является особенностью биологического приспособления к среде. Технический прогресс в саморазвитии становится фактором ландшафтообразования. При этом исчезают целые виды животных и растений, изменяется рельеф и даже состав атмосферы [43 - Города изменяют (и изменяли в древности) рельеф; обработка полей – систему стока вод; разведение домашних животных вело к исчезновению диких; выброс в атмосферу углекислоты при промышленном производстве превышает ее поглощение океанами и т.д.]. В этом приближении история смыкается с такими науками, как биология, биогеография, антропология, четвертичная геология. События политической истории и этногенеза слишком мелки и требуют для рассмотрения другого масштаба.

Второе приближение — этносфера. Мы рассматриваем один виток спирали длиной около 5 тыс. лет. На месте монотонной антропосферы – мозаика этносов, группирующихся кучно в суперэтнические скопления, которые принято называть «культуры». Линия развития оказывается прерывистой, как бы веревкой, сплетенной из разноцветных ниток. Концы пучков заходят друг за друга, а некоторые ниточки тянутся чуть ли не на всю длину отрезка. Это исторические культурно-этнические традиции, сменяющие друг друга, то и дело сосуществующая на поверхности планеты Земля. Заря Эллады совпадала с закатом Египта, ее расцвет – с мощным взрывом этногенеза на плоскогорьях Ирана, ее старость – с эллинизацией всего Средиземноморья, ее конец – с подъемом двух новых культур, условно именуемых нами византийская и среднеперсидская. При агонии золотой Византии возносились знамена французских рыцарей и реяли бунчуки монгольских нойонов. При распаде древнего Китая сложились сразу два могучих народа – табгачи (кит. тоба) и турки. Даже физически погибнув, они оставили свое имя многим народам, очарованным мужеством и неукротимостью своих побежденных врагов. Здесь история смыкается с палеоэтнографией и этногенезом, этнопсихологией и физической географией, т.е. с совсем иным комплексом наук, нежели в первом приближении. Но в этом дискретном развитии мы видим лишь смены культур, а ритмы развития народов неразличимы.

Третье приближение — история одного народа (этноса), для которого судьба его культуры — только фон. Тогда на переднем плане возникает картина социальной борьбы: в Элладе — аристократов с демократами; в Риме — нобилитета со всадничеством; в Монголии XIII в. — богатых родовичей с «людьми длинной воли» и т.д.

В этом приближении историку необходима уже не физическая, а экономическая география. Приведу один пример: во времена Цинцината Италия была разбита на парцеллы и тщательно обработана. Во времена Вергилия там были только пастбища да плантации пармских фиалок. Что случилось? А вот что: произошел микрокатаклизм в распределении ландшафтов. Возник город с полутора миллионным населением, т.е. антропогенный ландшафт со стойким биоценозом. Жителей, владык мира, надо было кормить. Хлеб, вино, оливки и т.п. можно было привезти из провинций, но мясо без холодильников протухало, и надо было иметь его под рукой. Римские женщины любили цветы, тоже продукт скоропортящийся. Что ж, стали разводить фиалки, которые находили сбыт.

И второй пример, из числа общеизвестных, связанный на этот раз с медицинской географией — разновидностью биогеографии. В XIV в. по всей Европе прокатилась «черная смерть» — чума. Там, где население жило скученно, естественно, смертность была больше; там, где население было немногочисленно, даже при равном проценте потери, ослабление страны было ощутимее. Так, поволжские города — Сарай, Хаджи-Тархан и другие — пострадали от чумы сильнее, чем кочевья степняков. В результате ослабела власть золотоордынских Чингисидов, а увеличился удельный вес ногайских орд и наступила «Великая замятия». За власть боролись западные кочевники под руководством Мамая с восточными, предводительствуемыми Тохтамышем, а поволжские татары не имели сил для того, чтобы выдвинуть своего претендента. Константинополь пострадал настолько сильно, что территория Византийской империи оспаривалась турками у сербов и итальянцев, а не у греков. Чума не была, конечно, причиной гибели империи, но способствовала ей. Короче говоря, явление природы — инфекция — более или менее значительно отразилось на перипетиях политической истории затронутых ею стран, но не на характере социальных отношений. Феодальные порядки в Восточной Европе исчезли только с торжеством капитализма.

Четвертое приближение — уже не вся история культуры как целое, но лишь только отдельная эпоха. Социальные противоречия станут расплывчаты, а отчетливы и выпуклы характеры и судьбы отдельных людей. Тогда историк Арабского халифата будет говорить о необузданности Абу Бекра, железной воле Омара, легкомыслии Иездегерда, предусмотрительности Моавии, влюбчивости Али и расчетливости Амра. История будет казаться поприщем для соперничества великих людей. Фоном станет эпоха, которую рассматривали в предыдущем приближении как основную и конечную цель изучения. Здесь применимо географическое народоведение, ибо каждый человек принадлежит к своему этносу и руководствуется свойственными ему обычаями, что особенно ощутимо в зонах этнических контактов. Но это еще не предел.

Пятое приближение — в поле зрения оказывается один человек. Если этот человек — Пушкин, возникает пушкиноведение. Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой. В качестве вспомогательных наук применимы психология и генетика, но не география. Шкала исчерпана. Однако использование предлагаемой методики связано с некоторыми трудностями, отсутствующими при обычном историко-филологическом подходе. Прямое цитирование источника, пусть аутентичного, следует признать не заслуживающим полного доверия. Критическая обработка текста тоже дает лишь полуфабрикат. Только сводка достаточно большого числа фактов позволяет начать поиски логики событий, т.е. их внутренней связи. И наконец, обнаружение связей дает возможность проникнуть в глубину закономерностей. Эта многоступенчатость познания,

несомненно, затрудняет ход исследования. Этим сложным путем мы можем ответить на вопросы: как и почему появляются и исчезают народы?

Чем, кроме внешних признаков вроде языка и традиций, они различаются между собой? Где в человеке проходит граница между общественной и биологической формами движения материи? И каковы истинные взаимосвязи человеческих коллективов с природой? Но ответы на эти вопросы выходят за рамки данной статьи, представляющей лишь описание методики подхода к проблемам науки этнологии [подробно см.: 88, 90].

Теперь можно подвести итог. История человечества проходит на фоне постоянно меняющейся географической среды. Спонтанное общественное развитие через историю и этногенез непрерывно взаимодействует с природным окружением. Географические науки предоставляют историку информацию о состоянии природной среды и направлении ее изменений. Эта информация, с одной стороны, дополняет наши знания об исторических процессах, а с другой – корректирует данные источников письменных в плане их достоверности и полноты. Как всякая другая группа источников, географическая информация освещает не всю проблему, но она действительна для всех эпох и территорий, населенных людьми. Для исторического синтеза необходимо сочетание всех имеющихся источников, как-то: письменных, нарративных, актовых, эпиграфических, а также археологических и этнографических. Степень их использования зависит от предложенной нами шкалы приближений. Последняя позволяет уподобить способ исследования судеб народов приемам, принятым в естественных науках о Земле, не имеющих пока возможности выразить наблюдаемые явления в числовых значениях (что, впрочем, не всегда нужно).

Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период [44 - Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга, VIII – XIV. Л., 1968, с.118–134.]

В научном наследии академика Л.С. Берга, помимо многочисленных, хорошо известных исследований, стяжавших ему заслуженную славу, есть отдельные мысли, которые не нашли воплощения в специальных трудах и в свое время не были оценены по достоинству. Уже в начале века Л.С. Берг ставил проблемы, для разрешения которых требуется огромный фактический материал. Одной из таких проблем и посвящена эта небольшая статья.

Еще в 1922 г. Л.С. Берг выдвинул следующее положение: «Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть» [19, с.180, 181]. Под ландшафтом понимается «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [157, с.455].

Л.С. Берг выдвинул этот тезис, имея в виду теорию эволюции всех форм органического мира. Но в таком широком применении любой тезис не только может, но и неизбежно должен встретить массу возражений. Прежде всего невозможно исключить все другие факторы, влияющие на эволюцию, например селекционизм или климатические колебания общепланетарного масштаба и т.п.

Возможны и недоразумения, к числу которых следует отнести сопоставление хрономического (от греческого «хорос» – место) принципа Л.С. Берга со спекулятивной концепцией географического детерминизма Бодена и Монтескье. Сходство здесь чисто внешнее, а разница глубокая и принципиальная, но это вскрывается лишь при детальном,

добросовестном разборе обоих тезисов, а такое можно проделать только на конкретном материале.

Отсюда явствует, что для проверки правильности тезиса нужно выбрать подходящий материал, т.е. вид, модификации которого были бы точно локализованы и датированы, и ландшафт, достаточно изученный как в пространстве, так и во времени.

Нашим требованиям отвечает, как ни странно, вид *Homo sapiens*, формой существования которого являются устойчивые коллективы, называемые этносами или народностями, под которыми мы понимаем «коллективы особей, противопоставляющие себя всем прочим коллективам» [78, с.13]. С одной стороны, этносы граничат со специфической формой движения – развитием человечества по спирали, а с другой, через добывание пищи, – с биоценозом того ландшафта, в котором данный этнос образовался, ибо «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться» [Энгельс], а все это они получают от географической среды, именуемой природой. Судьбы вида *Homo sapiens* известны на протяжении двух тысячелетий лучше, чем судьбы любого другого вида. Поэтому для решения поставленной Л.С. Бергом проблемы мы привлекаем новый материал – историю.

Не безразличен и выбор территории. История народов доколумбовой Америки, Австралии, Африки южнее Сахары и даже Океании известна столь отрывочно, что надежным пособием для проверки любой закономерности быть не может. Более полно изучена история народов Западной Европы и Юго-Восточной Азии. Многообразие факторов, влияющих на исторический процесс, затрудняет подыскание однозначных решений для частных задач и вспомогательных исследований исторического процесса в целом с учетом географического фактора. Ландшафт прибрежных территорий лишен резких переходов, и, следовательно, все природные закономерности, наличие которых бесспорно, сглажены, поэтому здесь их гораздо труднее выявить. Наиболее подходящей областью исследования является внутренняя часть Евразийского континента, четырехугольник степей, тянущийся от уссурийских джунглей до Динарских гор, очерченный с севера зоной тайги или влажных лесов, а с юга пустыней, в которую вкраплены цепочка оазисов. История обитающих здесь народов известна с V в. до н.э.; соотношение их хозяйства, быта и организации с колебаниями степени увлажнения аридной зоны изучено специально.

Очень важно, что большую часть известного нам периода евразийские степняки жили натуральным хозяйством, т.е. были крайне тесно связаны с биоценозами населяемых ими регионов. Поэтому природные закономерности в их исторических судьбах проявлялись здесь более резко и могут быть учтены.

Утверждая это, мы ни в коей мере не забываем о роли производительных сил и связанных с ними производственных отношений. Но в ранние эпохи, когда господствовало натуральное, или простое товарное, хозяйство, производительные силы общества были связаны с эксплуатацией природных богатств при довольно стабильной технике на протяжении многих веков. В этих условиях воздействие человека на природу было весьма ограниченным, главным было приспособление к ней, и, надо сказать, древние народы достигли максимальной степени адаптации к вмещающим их ландшафтам. Прирост населения в рассматриваемый период регулировался в значительной степени межплеменными войнами и детской смертностью.

Разумеется, изолированное существование таких человеческих коллективов не означало их отключения от всемирно-исторического процесса социального развития, но механизм этого явления сложен, и мы вернемся к нему специально в конце статьи.

Наша задача – проанализировать соотношение социальных и природных факторов, неотделимых друг от друга. В принятом нами аспекте целесообразно рассмотреть это население с точки зрения естественной науки – исторической географии [78] – как антропофауну, что отнюдь не противоречит наличию других аспектов, при которых

исследователь ставит перед собой иные задачи. Предлагаемая работа является всего лишь осуществлением задач, намеченных IV съездом Географического общества СССР в мае 1964 г. в Москве [171].

Для решения поставленной нами проблемы крайне важен выбор методики, так как гуманитары и естественники подходят к решению одной и той же задачи совершенно различно. Для историка-источниковеда важно прежде всего установить аутентичность источника, а затем проверить его данные путем внутренней и компаративной критики. Такая методика для географа непригодна, так как авторы древних и средневековых источников никогда не интересовались проблемой, занимающей нас, и ничего по этому поводу не писали. Из их сочинений мы можем извлечь только некоторое количество фактов в хронологической последовательности и при тщательном анализе обнаружить некоторые причинные связи между событиями. Это все!

Однако ученые-естественники никогда не получают больше, а тем не менее умеют создавать «эмпирические обобщения», по степени достоверности не отличающиеся «от научно установленного факта» [44, с.18, 19]. Только этим путем развиваются, и надо сказать блестяще, естественные науки в XX в.

Поэтому нам нет причины отказываться от применения этой методики к большому, уже собранному материалу, остро нуждающемуся в научном синтезе. В самом деле, полная хронологическая таблица и серия подробных исторических карт дают исследователю материал, принципиально не отличающийся от геологической или зоологической коллекции или от тщательного географического описания местности. И там и тут собранные экспонаты молчат, но, будучи сведенными в систему, позволяют установить последовательность либо отложения слоев земной коры, либо соотношения ландшафтных зон, а также (и мы на этом настаиваем) характер взаимодействия между человеком и природой. Однако при таком подходе мы в отношении исторического материала являемся естественниками и, чтобы не вносить терминологической путаницы, будем называть новую научную дисциплину не историей, а либо «этнологией», если при помощи знания явлений природы мы изучаем историю народов, либо «исторической географией», если при помощи истории мы изучаем явления природы. При такой постановке вопроса только эта научная дисциплина может нам помочь.

Теперь перейдем к разбору фактического материала, т.е. к классификации общественных систем насельников Евразии как формы существования бытовавших там этносов. Отметим, что общественные системы народов были тесно связаны с уровнем развития их производительных сил и способом производства, т.е. с системой хозяйства населяемых этими народами стран. Но при этом возникает первое затруднение – с IX в. до н.э. до XVIII в. н.э. в евразийских степях бытовал один способ производства: кочевое скотоводство. Если применить к ним одну общую мерку, то мы должны полагать, что все кочевые общества были устроены единообразно и были чужды всякому прогрессу настолько, что их можно характеризовать суммарно, а детали отнести за счет племенных различий. Такое мнение действительно считалось в XIX и начале XX в. аксиомой, однако фактический материал, имеющийся в нашем распоряжении, позволяет его отвергнуть [94]. Несмотря на устойчивое соотношение между площадью пастбищ, поголовьем скота и численностью населения, в евразийских степях не было и тени единообразия общественно-политических систем, а за 3000 лет своего существования кочевая культура прошла творческую эволюцию, не менее яркую и красочную, чем страны Средиземноморья или Дальнего Востока. Однако местные условия придали истории кочевников несколько иную окраску, и наша задача состоит в том, чтобы уловить не столько элементы сходства между кочевыми и земледельческими общественными системами, сколько различия, и указать на их возможные причины.

Территориальное распределение древних народов было отнюдь не беспорядочным, однако

естественные границы их местообитаний определялись не рельефом (например, горными хребтами) и многоводными реками (см. рисунок).

Ландшафт и этнос Евразии за исторический период. Схема этно-культурных ареалов.

Миграции народов: 1 – из Джунгарского ареала; 2 – из Арало-Каспийского ареала; 3 – из лесостепного ареала; 4 – оазисы.

//-- Синхронистическая таблица этно-ландшафтных соответствий --//

Так хунны жили в современной Монголии, как Внутренней, так и Внешней [66], но до 93 г. н.э. не занимали западной Джунгарии, несмотря на то что последняя увлажняется гораздо обильнее (до нее доходят атлантические циклоны [159]) и более благоприятна для обитания (таблица). В хуннское время в западной Джунгарии жили малочисленные племена, политически зависящие от хуннского шаньюя, однако хунны на их земли почему-то не посягали [30, т. I, с.205–207].

Та же ситуация сложилась в III – VI вв., когда воинственные жужани господствовали на бывшей хуннской территории, а склоны Алтая, Тарбагатая, Саура и Семиречья заселяли потомки оттесненных на запад хуннов – чуйские племена (чуюе, чуми, чумугунь, чубань) и разрозненные племена теле – предки уйгуров [30, т. I, с.216, 217; т. II, с.259]. Жужани, как раньше хунны, претендовали только на политическую гегемонию, но не на пастбища джунгарских степняков.

Может показаться, что положение радикально изменилось во второй половине VI в., когда тюркюты, обитавшие до тех пор на склонах Хангая, захватили и восточную, и западную половины Великой степи, объединив их в одну державу. Однако уже второе поколение – дети завоевателей – раскололо Великий каганат на Восточный и Западный, причем граница между ними проходила по той же незримой грани – сыпучим пескам восточной Джунгарии [94, с.103–120]. И, что самое интересное, когда в 747 г. созданся уйгурский каганат, граница прошла там же [56, с.331]. Видимо, не случайно в XII в. здесь же проходила граница между найманами и кeraisитами, в XIII в. – между монгольскими повстанцами: ханами Аригбугой и Хайду, опиравшимися на местные племена, и великим ханом Хубилаем, использовавшим ресурсы покоренного Китая, а в XV – XVIII вв. – между Калмыкии и монголами.

Что же общего было между державами, существовавшими на территории восточных степей, и какая преемственность с этой точки зрения имела место в государствах, располагавшихся на степных территориях, примыкавших к Алтаю и Тарбагатаю? При этом будем рассматривать непосредственно общественно-политический строй как чуткий индикатор состояния этноса.

Для всех народов восточной половины степи было характерно наличие сильной централизованной власти. Только этим схожи между собой родовая империя Хунну [66, с.71–81], орда Жужань [228], Вечный эль орхонских тюрков [94, с.101, 102] и уйгурская теократия с манихейской церковью, стоявшей выше хана [292]. На западе мы наблюдаем цепь конфедераций – племенных союзов, последним из которых был дурбен-ойратский союз – классический пример децентрализации.

Теперь попробуем найти объяснение этому явлению, и не на земной поверхности, а несколько выше – в атмосфере. Над территорией Северной Монголии в зимнее время находится центр антициклона и зимние осадки почти отсутствуют. Летом пустыни Центральной Азии раскаляются за счет инсоляции, фронт полярного воздуха отступает на север Монголии. В размытую таким образом барическую депрессию вторгается влажный воздух, и в эти месяцы здесь выпадает до 90% осадков в виде летних дождей [194]. В регионе

Алтая и Тарбагатая наоборот: атлантические циклоны несут много влаги, выпадающей зимой в виде снега, зато лето обычно сухое настолько, что трава в степи выгорает.

Граница между обоими регионами проходит именно в восточной Джунгарии, через которую в меридиональном направлении тянется экстрааридная полоса, по климатическим условиям сходная с пустыней Такла-Макан (осадков меньше 100 мм в год [179]). Эта полоса не является стратегическим барьером. Она неширока, и сыпучие пески можно легко обойти с юга и севера – по склонам Тянь-Шаня и Монгольского Алтая, где с гор стекает ключевая вода. Однако способ пастбы скота по сторонам от этой полосы был неодинаков. На востоке скот все время пасся в степях, и пастухи постоянно встречались друг с другом, что создало привычку общения и возможности координации в масштабах всей страны. В предгорьях Тянь-Шаня и Тарбагатая кочевники летом выгоняли скот на джейляу – горные пастбища. Подъем в горы проходил по узким долинам, каждая из них принадлежала отдельному роду, равно как и альпийские луга, на которых скот пасся летом. Так создавались навыки изолированного ведения хозяйства, что и отразилось на характере политических образований: вместо ханств здесь возникали племенные союзы [78].

Однако, несмотря на различия монгольского и алтае-тяньшаньского регионов, у них есть нечто общее, крайне важное для хозяйственной жизни и политического бытия, – сочетание горного и степного ландшафтов. Горные хребты, покрытые лесом, крайне важны для кочевого хозяйства [30, т. I, с.94; 66, с.95]. Древесина необходима для изготовления повозок, юрт, стрел; в горных лесах водятся орлы, маховые перья которых шли на оперение стрел. В периоды большого снегопада, когда кизяк бывает припорошен снегом, валежник дает необходимое топливо, во время вьюг лес становится прекрасным укрытием. Не менее важны были и горные хребты как стратегические пункты, так как без проводников враг не мог пробраться в ущелья, где обычно прятались женщины и дети [94, с.231]. Короче говоря, без горного леса кочевники не имели средств для создания сильных держав с каким бы то ни было политическим строем.

И с этой точки зрения мы должны выделить в особый регион Арало-Каспийскую низменность, где рельеф ровный, а увлажнение пониженное (меньше 100 мм в год). Население кочует здесь не по сезонам, как в двух первых вариантах, а круглый год, по определенному кругу – от колодца к колодцу [226]. Снеговой покров здесь настолько тонок, что позволяет держать скот исключительно на подножном корму, а весной, когда вся пустыня одевается нежно-зеленой травой (вследствие таяния снега, скопившегося за зиму), эти пастбища являются особенно ценными для каракулевых овец. Аналогичные условия наблюдаются и в Восточной Монголии, но близость описанного центральномонгольского комплекса исключила возможность создания здесь особого культурного региона.

Но несмотря на это положительное качество природных условий, прирост скота и населения в Арало-Каспийской низменности был ограничен, а плотность населения ничтожна. Это обстоятельство обусловило возникновение особых общественно-политических структур в этом регионе.

В VI в. до н.э. в Арало-Каспийской области жили массагеты, по-видимому, одна из ветвей саков (мае + сака + та = большая сакская орда (ставка)) [294]. По поводу их образа жизни и ныне уместно повторить слова Страбона: «В результате своих исследований историки не сообщили об этом племени ничего точного и правдоподобного» [242, книга XI, глава VI, с.480]. Поэтому мы и обратимся к народам, обитавшим на этой территории в более позднее время и лучше известным ученым. Во II в. до н.э. на берегах Каспийского моря жили сарматы, а во II в. н.э. это была восточная окраина союза племен, возглавленных аланами, которых около 158 г. хунны оттеснили на запад, за Волгу [66]. Хунны не остались в приаральской равнине, они предпочли Волго-Уральское междуречье и, объединившись там с уграми, образовали новый народ, который, по удачному предложению К.А. Инostrанцева,

принято называть гуннами [150].

Дальнейшая история гуннов освещена относительно неплохо, но о восточной окраине их владений нет никаких сведений. Известно лишь, что в IV в. здесь или немного южнее, в низовьях Сырдарьи, обитали хиониты [63], которые в 356–357 гг. воевали с Ираном, а в 359 г. в составе иранской армии штурмовали Амиду [3, с.233, 248]. Об их внутреннем устройстве и образе жизни нет никаких сведений.

В середине VI в. тюркюты вторглись в Поволжье и, следовательно, оккупировали приаральские степи [94]. В истории Великого каганата о судьбе этих территорий нет ни слова, и только из сообщения, относящегося к X в., известно, что здесь обитали два народа: гузы и печенеги [11, с.350]. Не странно ли, что о приаральских степях нам ничего не известно, в то время как история Монголии; Джунгарии и Семиречья описана весьма подробно?! Это не может быть случайностью.

Виной тому особенности древней историографии. Внимание летописцев привлекали преимущественно грандиозные, из ряда вон выходящие события. Обыденное их не интересовало. Поэтому те местности, где не возникали агрессивные державы, где не организовывались походы и где не сооружались огромные дворцы или храмы, выпадали из их поля зрения. То, что кочевники ежегодно повторяли свои маршруты от колодца к колодцу и отгоняли волков от стад и табунов, историки древнего мира считали настолько очевидным, что не находили нужным это фиксировать. Только Гардизи [13, с.120] и Константин Багрянородный [170, с.17] оставили описание быта гузов и печенегов, в точности отвечающее нашей реконструкции [11, с.352, 416–418]. Поэтому не будет ошибкой экстраполировать данные историков X в. в древность, тем более что ландшафт приаральских степей за историческое время менялся только за счет соотношения пустынь и полупустынь. Соответственно этому в засушливые эпохи уменьшалась численность населения, характер же хозяйственной деятельности оставался неизменным.

В этом регионе основой общественной жизни был материнский род – огуз [169; 94, с.61–63], управлявшийся старейшинами. Группа родов управлялась советом старейшин, причем председательство переходило от одного родового старейшины к другому по очереди. Только в далеких походах власть принадлежала военному вождю, при избрании которого учитывались не только старшинство, но и способности. Все особенности общественного устройства этого района, как мы видим, были обусловлены повседневной хозяйственной деятельностью, единственно возможной в этих природных условиях.

Из этих степей ведут свое начало многие народы-завоеватели. Основание парфянской династии Аршакидов приписывается сакам; сельджуки, захватившие в XI в. всю Переднюю Азию, были туркменами – выходцами из Приаралья; в XVI в. Шейбани-хан привел сюда же кочевых узбеков и захватил Самарканд и Бухару. Это как будто бы противоречит нашей точке зрения.

Однако на самом деле противоречия нет. Саки и сельджуки некоторое время (около полустолетия) жили на склонах Копет-Дага и в северном Хорасане, где они привыкли к совершенно иным природным условиям, после чего превращались в завоевателей. Узбеки, прежде чем одержать окончательную победу над последним Тимуридом (Бабуром), всю вторую половину XV в. локализовались между Отраром и Ташкентом и опирались на некоторые слои оседлого населения оазисов, недовольные Тимуридами. Приведенные возражения только подтверждают хрономический принцип Л.С. Берга – способность вида к адаптации и конвергентность формообразования этнических сообществ.

Хуже всего освещена в литературе история угро-самодийских племен, живших в лесостепной полосе Восточной Европы и Западной Сибири [295] и занимавшихся наряду со скотоводством лесной охотой. Это были храбрые, воинственные люди, имевшие свои весьма устойчивые этнографические особенности, сохранившиеся в виде отдельных обычаев до

нашего времени [176]. К сожалению, сведения о них очень скудны. Ясно только одно: угры и самодийцы в III – IX вв. были грозной силой [11, с.339]. Они проникли даже в Арктику, частью подчинив, частью истребив местные племена [256, с.186]. Каждый из так называемых угро-финских народов имеет финскую и угорскую ветви: эсты и ливы, горные и луговые мари́йцы, мордва эрзя и мордва мокша. Наиболее северная ветвь угров проникла в Скандинавию до широты Стокгольма, и предки шведов и норвежцев с трудом оттеснили пришельцев на крайний север полуострова. Венгры, жившие в Приуралье, были организованы в боевые единицы под командованием талантливых полководцев [11, с.343, 348]. Все это косвенно указывает на то, что угры отнюдь не были примитивным народом, хотя описать их общественный строй невозможно без привлечения этнографических параллелей, чего мы предпочитаем не делать, так как этот скользкий путь часто ведет к фантастическим заключениям.

Однако географическая дедукция позволяет восполнить пробел исторической науки. В лесостепном ландшафте возможно ведение комбинированного натурального хозяйства, в котором сочетаются примитивное земледелие, отгонное скотоводство, охота, рыболовство и бортничество. Многосторонность хозяйства давала уграм большую независимость от климатических воздействий, чем специализированное хозяйство тюрков. Возможно, было и большее накопление продуктов, благодаря чему часть мужчин могла всецело посвятить себя подготовке к войне; в результате было одержано много побед, зафиксированных не в истории, а в этнографии.

Но для нас важно то, что угры направляли свои дружины не в степи и сплошную тайгу, а на грань леса и тундры, а также в Закарпатье и Прибалтику, где преобладали привычные для них ландшафты, тем самым подтверждая хорономический принцип Л.С. Берга, т.е. способность организмов к адаптации, определяющую возникновение конвергентных форм.

Теперь перейдем к рассмотрению оседлых народов, населявших оазисы экстрааридной зоны к югу от Восточного Тянь-Шаня и речные долины Дона, Терека и дельты Волги. Нет нужды менять методику исследования, потому что земледельцы организуют флору той территории, которая их кормит, а кочевники – фауну, но это скорее сходство, чем разница. Человеческий коллектив всегда во многом зависит от вмещающего ландшафта [74].

Пустыня Такла-Макан для жизни человека непригодна, но речки, стекающие со склонов Тянь-Шаня, Куэнь-Луня и Наньшаня, орошают небольшие ее участки; так, в оазисах Хотана, Яркента, Кашгара, Аксу, Кучи, Карашара, а также в Люкчунской впадине – Турфанском оазисе – образовались группы народностей, сменявшие друг друга. В первые века нашей эры здесь жили европеоидные тохары и арсии. Во II в. н.э. в Хотан проникли саки, а в VI в. – эфталиты. В VIII в. в оазисах и горных долинах Тянь-Шаня стали селиться разные тюркские племена, и около 861 г. северо-восточная часть описанного региона получила название Уйгурии (не следует смешивать ее с ханством кочевых уйгуров на берегах Орхона, 747–847 гг.), а юго-западная досталась карлукам.

В XV – XVI вв. эту местность постепенно захватывали выходцы из Ферганы, и только в середине XVIII в. ее оккупировали маньчжуры, не оставившие заметных следов в культуре страны.

Несмотря на то что менялись расы первого порядка, языки, религиозные системы, письменность и т.д., признак, отмеченный нами как индикатор, был устойчив. В оазисах складывались отдельные небольшие коллективы, независимые друг от друга, потому что их разделяли пустыни. Так как через оазисы долгое время проходил караванный путь, то господство в них принадлежало купеческой аристократии. Когда же караванный путь потерял свое значение, ослабела и экономическая мощь оазисных народностей, и сила сопротивления внешним завоевателям, и самостоятельность отдельных культур. Можно усомниться, вправе ли мы рассматривать караванный путь в качестве географического

фактора. Однако следует заметить, что ведь и географические факторы не вечны, а 2000 лет для наших масштабов период вполне весомый. Кроме того, наряду с явлениями природы следует учитывать и ситуацию. В данном случае большую роль играло положение района между Дальним Востоком и средиземноморским Западом.

Еще больший интерес представляет последний регион: дельта и пойма Волги и долина Терека, потому что здесь нам удалось поставить эксперимент. Ландшафт окружающих Волгу пустынь и полупустынь резко отличен от ивовых рощ и тростниковых зарослей поймы и дельты. Согласно нашему тезису, здесь должны были обитать люди, совершенно непохожие на степных кочевников, оседлые, со своеобразным хозяйственным укладом и специфической культурой. В 1959 г. автору этих строк было поручено отыскать на Нижней Волге археологические остатки культуры хазар, которых в то время большинство ученых считало кочевниками [45 - Историю вопроса см.: Артамонов М.И. История хазар. Изд. Гос.Эрмитажа. Л., 1962; Рыбаков Б.А. К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси. – «Советская археология», 1953, № 10, с.141.]. Всех удивляло только то, что за 100 лет в приволжских степях не было найдено ни одного памятника, который можно было бы приписать хазарам [11, с.412].

Исходя из наших географических представлений, мы, вопреки всем установкам, направились сначала в пойму, а потом в дельту Волги и там обнаружили на бэровских буграх хазарские кладбища и следы поселений [70]. В долине Терека мы нашли не только хазарскую керамику, которая отмечала места хазарских поселков, но и цитадель хазарской крепости Семендера, причем локализация хазарских деревень и казачьих станиц почти совпала [74]. Это указывало на то, что быт хазар и терских казаков был одинаков; он был подсказан особенностями ландшафта азонального или провинциального региона. Таким образом, было сделано археологическое открытие, интересное тем, что оно подтверждает хрономический принцип Л.С. Берга.

В этой связи важно отметить еще то обстоятельство, что общественно-политический строй степняков – половцев, ногайцев и калмыков, – относящихся, по нашей классификации, к третьему (арало-каспийскому) типу, и обитателей дельты Волги и долины Терека – хазар, астраханских татар и казаков – резко различен. Последние (до подчинения Российской империи) сохраняли устойчивые формы военной демократии при относительно слабой центральной власти. Ханская или атаманская власть была нужна им только для военных походов, а попытка усилить ее и превратить Хазарию в централизованное государство, предпринятая иудейской общиной в IX – X вв., привела ее к гибели вследствие отсутствия поддержки народных масс.

Наибольшего расцвета военно-демократическая система достигла на Дону, долину которого следует причислять к Волго-Терскому региону, несмотря на значительные отличия природных условий. Хотя четыре надпойменных террасы Дона плавно переходят в водораздельные степи, но уже на второй террасе проявляется азональность – колки, леса, заросли ивняка и т.п. Со II в. н.э. здесь вели оседлый образ жизни сначала аланы (потом носители салтовской культуры), хазары и, наконец, казаки [82], создавшие знаменитый «казачий круг» – военно-демократический орган самоуправления. Автору этих строк в 1965 г. удалось найти на среднем Дону следы небольшого поселения, где была обнаружена керамика всех эпох – с X по XVII в., что еще раз подтверждает культурную преемственность населения долины Дона независимо от внедрения в нее инородных этнических элементов [83, с.179].

Разумеется, все описанные закономерности имеют верхнюю хронологическую границу – развитие цивилизации и техники в XIX – XX вв., но это особая тема, выходящая за рамки проведенного нами исследования.

В заключение мы не можем не остановиться на вопросе, который был затронут вначале: является ли хрономический принцип Л.С. Берга вариацией географического детерминизма

Бодэна и Дюбо [266, с.137–142], Монтеские (Montesquieu, 1858), Гердера (Herder, 1784–1791) и их современного продолжателя Хентингтона (Huntington, 1915)? Действительно, элементы внешнего сходства в обеих системах имеются, но есть и огромное различие, которое позволяет ответить на этот вопрос отрицательно.

Все основатели географического детерминизма, «устанавливая зависимость народного характера от географической среды, стремятся этим путем раскрыть закономерность, присущую человеческому обществу... Основным исходным моментом во всем построении является античная идея о влиянии природы на психику человека, тем самым на национальный характер и через это на судьбы народов» [266, С.293].

Предлагаемый подход диаметрально противоположен: устанавливается лишь обусловленность хозяйственной деятельности человека природными условиями географического региона, т.е. способность к адаптации, определяющая возникновение конвергентных форм, с чем ни один материалист не будет спорить. Затем, мы отмечаем, что характер институтов управления связан с особенностями хозяйственной деятельности и способом производства, но отнюдь не распространяем эту закономерность на все проявления деятельности человека и тем более человечества [157, с.406–409]. Например, влиянием усиленного увлажнения или наличием пересеченного рельефа невозможно объяснить ни детали политической борьбы партий, ни смену общественных формаций, так как они являются проявлением спонтанного развития человечества в целом. Ведь в любом устойчивом ландшафте при одном и том же хозяйстве происходят смены формаций, когда меняется окружение изучаемой страны.

Для примера рассмотрим историю Греции. За исключением нескольких крупных городов, где кипела торговля и использовался рабский труд (Афины, Коринф, Мегары), занятием населения было примитивное скотоводство и земледелие. Козы паслись и оливки вызревали 3000 лет тому назад так же, как в наше время. Но в XII в. до н.э. базилевсы водили дружины разрушать Трою; в VI в. до н.э. демократы свергли власть олигархов; в IV в. до н.э. ослабевшая Эллада упала к ногам македонского царя Александра; во II в. до н.э. она сделалась провинцией Римской республики; в V в. н.э. через Грецию прошли свирепые готы и были изгнаны на запад; в VII в. обезлюдившую страну заселили славяне, смешавшиеся с остатками древнего населения; в XIII в. новые греки освободились от власти захватчиков-крестоносцев; в XV в. Греция подпала под власть турецкого султана; в XIX в. она освободилась и стала самостоятельным государством.

Несомненно, что различие эпох и смена формаций определяются не провинциальным бытом пастухов Аркадии или горцев Этолии, а включением Эллады в мировую систему хозяйства, подчиненную закону спонтанного развития.

То же самое произошло с евразийскими кочевниками. Их хозяйство было весьма специализировано, они постоянно нуждались в обмене товарами с оседлыми соседями, а это вовлекало их в мировую историю и заставляло испытывать все перипетии общеисторического процесса. Как только натуральное хозяйство сменилось товарным, как только через степи потянулись караваны, везшие шелковую пряжу, кораллы, золото и прочие предметы роскоши, как только в Китае, Согдиане, Иране и Византии потребовались рабы, рабыни и наемные солдаты, степь вошла в круговорот всемирного исторического процесса. Но эта проблема относится к разряду гуманитарных и общественных наук, которых мы сейчас не касаемся.

Мы рассматриваем способы приспособления отдельных коллективов вида *Homo sapiens* к определенным условиям географических ландшафтов, т.е. подходим к проблеме не как гуманитары, а как естествоиспытатели. Отмеченная нами зависимость относится не к общественным, а к этническим коллективам, и к ним следует применять иную шкалу и иную систему измерения, которую мы попытались отыскать. В этой географо-биологической

системе сопоставлений и синтеза тезис Л.С. Берга подтверждается всем имеющимся в распоряжении науки материалом.

Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос). IV [46 - «Вестник ЛГУ», 1966, № 6, с.62–71.]

Результаты работ по установлению характера колебаний климата аридной и полуаридной зон Евразии в историческое время (I в. до н.э. – XVIII в. н.э.) [71, 74, 78, 294] позволили выразить согласие с концепцией чередования влажных и сухих периодов, сформулированной А.В. Шнитниковым [260], с поправкой В.Н. Абросова на гетерохронность повышенного увлажнения аридной, гумидной и полярной зон [1, 73]. Но предложенная нами методика анализа характера миграций кочевых народов не может быть применена для более древних эпох, которые мы знаем недостаточно подробно. Казалось бы, что делать заключения об изменениях климата для древних эпох на основе исторической географии невозможно, однако есть путь, позволяющий и здесь получить некоторые результаты, правда с гораздо большим допуском, чем для средневековья. Для этого нужно прежде всего расширить диапазон наблюдаемых явлений, т.е. учитывать наряду с археологическими данными явления природы, что уже сделано А.В. Шнитниковым [260]. Затем следует применить сформулированную нами концепцию гетерохронности и на основании ее проводить интерполяции там, где это возможно, и, наконец, привлечь палеоэтнографию аридной зоны, разработанную С.И. Руденко (см. ниже), и сопоставить все наблюдения исходя из хронологического принципа. Допустимая погрешность будет превышать столетие, небольшие колебания внутри периодов не будут учтены, но общая закономерность может быть прослежена, а это и является целью работы. При таком широком охвате темы особо острой становится проблема использования литературы по этому вопросу. Библиография необозрима, и поэтому целесообразно базироваться на всей совокупности результатов работ, уже обобщенных в нескольких фундаментальных сочинениях. В противном случае история вопроса подменяет собой решение проблемы. Хронологические рамки тоже будут ограничены. Даты палеолитических стоянок, даже при радиоуглеродном анализе, столь приблизительны, что базироваться на этом материале недопустимо. Поэтому мы сосредоточим наше внимание на эпохе бронзы и раннего железа, т.е. трех тысячелетиях до н.э., но даже здесь возможно дать только суммарные характеристики периодов, чего, впрочем, для поставленных нами задач достаточно.

Рассмотрим смену климатических периодов в аспекте зональности и гетерохронности повышенного увлажнения (см. таблицу).

Сводная таблица изменений степени увлажненности Евразийского континента (на материале палеоэтнографии): 1 – увлажнение; 2 – усыхание; 3 – повышение увлажненности; 4 – понижение увлажненности.

Конец теплого атлантического периода (около 2300 г. до н.э.) характеризуется северным направлением циклонов. Шпицбергенские льды растаяли, а в Швеции температура августа была в среднем на 5–7 выше современной. Неолитические стоянки на побережье Онежского озера располагались на столь низком уровне, что ныне оказались под водой. В южных широтах климат становился более континентальным – идет усыхание торфяников Западной Сибири и даже Англии; в Альпах отступают ледники, появляются поселения в горах и возникает движение через открывшиеся после таяния ледников горные проходы [260, С.261].

К этой же эпохе относится выселение народов трипольской культуры из Юго-Восточной Европы в более влажные области Центральной и Западной Европы. Это выселение нельзя поставить в связь с исчезновением на нижнем течении Днепра, Буга и Днестра дубовых,

буковых и грабовых лесов и наступлением степи на север. Но Карпаты преградили путь движению степного ландшафта, и в Трансильвании трипольская культура развивалась беспрепятственно.

К концу этого периода следует отнести так называемые «всемирные потопа», т.е. грандиозные наводнения в Месопотамии и Восточном Китае. «Потоп» в Двуречье имеет две даты: вавилонскую, по книге «Энума Элиш» – 2379 г. до н.э., и еврейскую, по библейской «Книге бытия» – 2355 г. до н.э. [260, с.220–221, 262]. Китайский «всемирный потоп» датируется 2297 г., что надо считать датой очень приблизительной, так как древнекитайская хронология за последнее время подвергается уточнениям. В это время воды рек Хуанхэ и Янцзы перемешались между собою, и работы по борьбе с наводнениями продолжались долгие годы [260].

Совпадение дат грандиозных наводнений на западной и восточной окраинах Азии сопоставимо с усилением североиранской ветви циклонов и южным направлением муссонов. Приносимая ими океанская влага выпадала на горах Армении и Тибета, что и вызывало повышение уровня рек. Но если так, то эти явления должны быть синхронны таянию льдов Арктики и усыханию евразийских степей. Действительно, в III тыс. до н.э. население аридной зоны было редким и активные связи между Западом и Востоком не осуществлялись.

Переход к новым условиям совершился относительно быстро. В конце III тыс. произошло увлажнение гумидной зоны, отмеченное ростом ледников в Альпах и затоплением свайных поселков на альпийских озерах [260, с.262]. Возможно, что к этой эпохе относится наступление леса на степь на Украине и быстрое нарастание торфяников в Англии и Ирландии. Однако к началу II тыс. до н.э. наступила «ксеротермическая фаза суббореального периода», характеризующаяся усыханием гумидной зоны. Снова открылись горные проходы в Альпах, на альпийских озерах выросли свайные постройки, а поселения вокруг оз. Ильмень и других озер спустились в поймы рек и на низкие места и побережья озер. Очевидно, общее усыхание гумидной зоны распространилось и на Волго-Окское междуречье, где болота превратились в лесные поляны, непролазные чащи – в леса паркового типа; зимы стали сухими и ясными, а летние периоды жаркими. Для этой области умеренное усыхание было благотворным, и она привлекла к себе волну переселенцев с берегов Вислы и Днепра – предков славян и летто-литовцев, носителей так называемой «фатьяновской» культуры [205, с.110–114]. Эта культура была основана на примитивном мотыжном земледелии и оседлом скотоводстве. В более поздних могильниках, датируемых эпохой бронзового века (серединой II тыс. до н.э.), встречаются кости лошади – животного, связанного с сухими районами, а не с болотами.

Народы «фатьяновской» культуры закрепились в бассейне Днепра и Десны, а на Волге и Клязьме они продержались лишь до того времени, когда в начале I тысячелетия путь циклонов снова передвинулся в гумидную зону. Тогда природные условия перестали благоприятствовать пришельцам и, наоборот, помогли местным финским племенам восстановить свое господство на берегах Волги и Оки и удержаться там до нового славянского расселения, происшедшего уже в исторический период. Столь же благоприятно для человека повлияла «ксеротермическая фаза» на аридную зону, подвергшуюся усиленному увлажнению. В степях появились островки леса (колки), пустыни заросли травой, размножились стада копытных животных и от днепровских берегов до склонов Алтая расцвели культуры, основанные на мотыжном земледелии и пастушеском скотоводстве. Оседлость степняков бронзового века устанавливается путем остеологического анализа: главное место в стаде занимал крупный рогатый скот, второе место делили овцы и лошади или, в других стоянках, – овцы и свиньи; кости диких животных встречаются редко [181, с.67–68].

Первой степной культурой южнорусских степей была так называемая «катакомбная»,

названная так по форме могил; расцвет ее падает на первую половину II тыс. до н.э. Во второй половине II тыс. до н.э. «катакомбную» культуру вытеснила «срубная». На востоке она смыкалась с «андроновской» культурой, распространявшейся до Тарбагатая и Минусинской котловины, которую принято датировать XVII – XII вв. до н.э., хотя возможно, что она существовала несколько дольше наряду с «карасукской» культурой Минусинской котловины [205, с.149–179; 161, с.67–105]. Скорее всего, народы – носители этих культур подолгу жили одновременно, сталкиваясь друг с другом в борьбе за земли, вытесняли один другого и вообще вели себя так, как обычно ведут себя разноплеменные соседи. Поэтому археологические датировки их условны, но для нашей темы важно другое: во II тыс. до н.э. степная зона была пригодна и для оседлого быта, и для примитивного земледелия, что говорит о повышенной увлажненности этой территории.

II тыс. до н.э. справедливо считается расцветом бронзового века. Орудия из бронзы позволяли обитателям степей легко вскапывать все участки плодородных земель, главным образом на речных террасах и вблизи водоемов. Хорошо орошаемые в эту эпоху степные почвы щедро вознаграждали относительно небольшие затраты труда первобытных земледельцев. Наличие избыточного хлеба стимулировало рост скотоводства, потому что в зимнее время, даже при снегопадах или гололедице, скот можно было подкармливать зерном и соломой. Когда же хищническая обработка и скотосбой истощали почву на одном месте, легко можно было его сменить, ибо бескрайние просторы степей давали возможность находить новые участки плодородной, еще не истощенной почвы; старые участки тем временем зарастали.

Этнографические параллели показывают, что примитивные земледельцы – наиболее подвижный народ. Вспомним, как быстро пересекли скваттеры североамериканскую прерию, а буры перебравшись из Капской земли в Трансвааль. А по отношению к природным богатствам и те, и другие весьма походили на степняков бронзового века, которые тоже передвигались на волах и телегах.

Именно вследствие неизбежной подвижности примитивных земледельцев обречены на неудачу попытки установить хотя бы примерно численность населения того времени. Несомненно, что большая часть стоянок в степях не сохранилась до нашего времени, и только более долговременные поселения в благодатных речных долинах достались археологам, но они наверняка не исчерпывают всего объема степных культур бронзового века и не позволяют составить достаточное представление о размахе деятельности людей того времени. Однако этот пробел можно восполнить путем привлечения некоторых реликтов исторической терминологии.

Внимание исследователя Срединной Азии привлекает одно труднообъяснимое явление. Несмотря на то что культурные области Средиземноморья и Индии, с одной стороны, Дальнего Востока, с другой, разделены бесплодными пустынями, непроходимыми без коней или верблюдов, в терминологии народов индоевропейских и дальневосточных встречаются странные совпадения. Некоторые слова-термины, несомненно очень древние, на разных языках звучат одинаково и означают одно и то же. Например, китайское слово «фэй» означает наложницу императора, т.е. очень красивую, могущественную женщину. Это почти то же, что древнегерманская «фея», за исключением смыслового нюанса. Удивительная волшебная птица по-китайски называется «фэн», или «фэн-хуа» (хуа – птица); уж не феникс ли? Общеизвестное тюрко-монгольское слово «орда» (букв. ставка или военный лагерь) по второму значению совпадает с латинским «ordo» – порядок. Слово «багадур» (богатырь) имеет корнем древнеарийское «бага» – бог. Тюркский эпитет «ышбара» восходит к древнеарийскому «аспарак» – всадник, а титул «каган» в древности означал «вождь-первосвященник», что совпадает со значением этой фонемы у древних семитов, и т.д. Не ставя вопроса о том, кто у кого что заимствовал, мы констатируем только, что обстановка

для культурного обмена между западным и восточным краями ойкумены была, и датировать ее следует глубокой древностью, потому что в первые века до н.э. Рим и Китай узнали друг о друге впервые и характер их культурного обмена был тогда совсем иным.

На карте, составленной С.В. Киселевым [161], поселения с керамикой андроновского типа отмечены в южной Туркмении и в Семиречье, что показывает весьма широкое распространение этого строя жизни. К сожалению, на археологической карте II тыс. до н.э. зияет огромное «белое пятно». Восточная граница «андроновской» культуры прослежена от Тарбагатай до Саянского хребта, а что было в это время в Джунгарии, Монголии и Бэйшане, можно только предполагать. Однако наиболее вероятным представляется, что и там развивались культуры если не вполне идентичные андроновской, то весьма похожие на нее. Ландшафт и геоботанический состав западных и восточных склонов Алтая единообразны [179], а орошающие Восточную Монголию муссоны подчиняются той же гетерохронией закономерности, что и атлантические циклоны. Следовательно, условия для развития мотыжного земледелия и оседлого скотоводства были сходными для всей полосы степей вплоть до Хингана. Это не значит, конечно, что население указанной территории было монолитно, но, учитывая большую подвижность народов, практикующих мотыжное земледелие, следует считать, что общение между степными племенами II тыс. до н.э. не могло не быть интенсивным. Ведь отсутствовало главное препятствие, отмеченное нами: непроходимые пустыни, которые в эпоху повышенного увлажнения должны были стать значительно уже и не могли представлять барьера при общении между племенами так же, как и лесные массивы гумидного ландшафта, переживавшего в это время очередное усыхание [138, с.70–76].

Было бы весьма интересно установить, не было ли на протяжении II тыс. климатических колебаний, связанных с переносом направления циклонов из аридной зоны на север, но, к сожалению, уровень наших знаний не позволяет делать в этом направлении не только выводов, но и предположений. Можно думать лишь, что, поскольку Месопотамия не страдала от наводнений, североиранская ветвь циклонов была ослаблена и, значит, в Арктике царил мороз. А раз так, то амплитуда колебаний увлажнения была относительно невелика, и II тыс. до н.э. может считаться климатическим оптимумом. Следующую эпоху А.В. Шнитников определяет как переход от суббореального к субатлантическому периоду и датирует ее серединой I тыс. до н.э. [260, с.263]. Тут можно внести небольшие хронологические уточнения. Отмеченное А.В. Шнитниковым увлажнение гумидной зоны началось около IX в. до н.э., кончилось к V в. до н.э. и соответствовало резкому усыханию аридной зоны; увлажнение аридной зоны, происходившее в IV – I вв. до н.э., согласно нашему тезису, совпадало с усыханием зоны гумидной.

Если расклассифицировать исторические данные, приведенные А.В. Шнитниковым для доказательства повышенного увлажнения в I тыс. до н.э., по зонам, то наша концепция подтвердится. Ранние сведения об увлажнении относятся к северному побережью Европы, а поздние касаются исключительно Средиземноморского и Каспийского бассейнов, причем уровень Каспийского моря в III в. до н.э. был ниже абсолютной отметки – 32 м [73, с.85]. Исходя из этой небольшой поправки в хронологию мы поведем дальнейшее рассмотрение климатического состояния евразийских степей.

На рубеже II и I тыс. до н.э. к VIII – VII вв. до н.э. климат Европы резко изменился – наступила холодная и влажная эпоха. Затопленные торфяники превратились в озера, широколиственные леса Англии и Франции погибли, наводнения в низовьях Рейна вызвали изменение конфигурации побережья Северного моря, повторилось наступление леса на Украине и развитие торфяников в Западной Сибири [260, с.263–264]. Вот тут-то и наступила эпоха кочевого быта! В самом деле, если констатировано интенсивное увлажнение гумидной зоны, то ему должно соответствовать усыхание зоны аридной, к которому прибавился

антропогенный фактор. Примитивные земледельцы нарушали почвенный слой на своих полях, их стада разбивали пески около водоемов. Пока климат был влажным, быстрое зарастание препятствовало дефляции песков, но когда наступила засуха, безжалостный ветер понес тучи пыли и поля превратились в пустыни [47 - Наши соображения получили подтверждение во время полевых работ в 1965 г. Проф. МГУ А.Г. Гаель обнаружил на берегу р Медведицы в погребенном гумусном слое керамику «срубной» культуры бронзового века, датирующую слой XV в. до н.э.]. Количество пищи, даваемой природой человеку, сократилось, поселки захирели, и многие из них были покинуты. Населению пришлось или отступить в горные долины (например, на Алтае и в Тянь-Шане), или изыскивать иную систему хозяйства, пригодную для новых условий. Таковой стал кочевой быт.

Обстоятельство возникновения кочевого хозяйства в евразийских степях до сих пор интерпретировалось без учета периодичности и гетерохронности увлажнения, и потому объяснения этого явления отличались от предлагаемого нами. Однако большая часть установленных фактов и дат остается в силе, и только понимание событий меняется коренным образом за счет того нового материала, который дает физическая география. Он механически снимает прежние точки зрения, критика которых поэтому не нужна.

Дата появления кочевого хозяйства в евразийских странах и характеристика этапов его развития установлены С.И. Руденко. Аргументация его безукоризненна настолько, что разбор иной концепции [58] уже не заслуживает внимания [225, с.195 и сл.]. С.И. Руденко различает в степном скотоводстве три варианта.

1. Племя живет оседло, но часть семей вместе со скотом перемещается для его прокорма.
2. Все племя с весны до осени кочует со стадами.
3. Племя кочует круглый год.

В первых двух вариантах скотоводство обязательно сочетается с земледелием, хотя бы как заготовкой корма для стад, третий вариант сравнительно редок, он наблюдается в полупустынях около Аральского моря и в Восточной Монголии [225].

Переход от оседлого образа жизни к полукочевому, по мнению С.И. Руденко, не мог совершаться целыми племенами. Малоскотные семьи должны были оставаться на своих зимовках, и только богатые скотом могли освоить кочевой образ жизни. Однако встает дилемма: а не стали ли эти семьи богатыми именно потому, что они усвоили новый, более выгодный способ хозяйства, позволявший им максимально использовать выгоравшие степи? Не встречаемся ли мы тут с внутрплеменной дифференциацией, начавшейся с разделения труда и закончившейся тем, что в условиях растущей аридизации уцелели и размножились те, кто сумел приспособиться к новым условиям, а консервативная часть племен оказалась обреченной на бедность и вымирание? Для решения этого вопроса взглянем на этническую и археологическую карту евразийской степи в середине I тыс. до н.э.

На той самой территории, где 1000 лет назад располагалась монолитная цивилизация, появляется большое количество племен и народов, различавшихся между собою языками, обычаями и внутренним устройством. Различались они и по материальной культуре. Прежде всего разделились восточный (монгольский) и западный (алтайский) культурные регионы. На востоке мы находим следы двух культур: «карасукской» в Минусинской котловине и культуры плиточных могил на берегах Селенги, Керулэна и в предгорьях Иньшаня [161, с.146–147]. Обе культуры были созданы кочевниками-монголоидами, с той лишь разницей, что в Минусинской котловине «карасукцы» растворились в динлинах, а в степях Монголии образовалась палеосибирская раса второго порядка, к которой принадлежали хунны [139, с.121].

На западе носителями кочевого быта стали главным образом североиранские народы: скифы, саки и юечжи, а также другие, менее известные племена [225, с.173 и сл.], происхождение которых определить трудно и не всегда возможно. Это была эпоха

предельной дифференциации степных племен. Так, Геродот сообщает, что для того, чтобы вести деловые сношения с аргиппеями (монголоидный народ на Среднем Иртыше), скифы пользуются семью переводчиками и семью языками. Такой взаимоизоляции в аридной зоне Евразии с тех пор не возникало. Можно ли думать, что это явление было наследием предыдущей, андроновской, эпохи? Нет, потому что во II тыс. до н.э. вся территория между скифским Доном и аргиппейским Иртышом была заселена народом, принадлежавшим к одному антропологическому типу и к единой культуре. Очевидно, изменения произошли в начале I тыс. до н.э., при замене способа хозяйства, отчасти путем внедрения в степь новых народов, отчасти путем перехода отдельных групп местного населения к кочевому быту.

Было бы неверно думать, что те формы кочевого хозяйства, которые сложились к VII в. до н.э., т.е. перемещения со стадами на определенном участке в зависимости от времени года, способствовали общению между племенами. Наоборот, хотя участки обитания расширились, кочевники, привязанные к своим овцам, не имели повода к тому, чтобы их покидать. Вспомним, что и в других местах общение между народами и рост географических знаний были связаны с деятельностью народов оседлых, а не кочевых. Финикияне и греки сделали для познания мира больше, чем скотоводы Аравийской и Сирийской пустынь, а когда арабы вступили на мировую арену, то инициатива в географических открытиях исходила от оседлых жителей оазисов, а не от бедуинов.

Вместе с тем кочевнику необходимо гораздо больше земли, чем земледельцу, и потому межплеменные столкновения в эпоху усиливающейся аридизации не могли не вызвать истребительных войн за пастбища. Конечно, войны – тоже способ общения. Во-первых, приходится заимствовать у противника лучшие формы вооружения, во-вторых, изделия побежденных попадают в руки победителей как добыча и, наконец, женщин и детей берут в плен и таким образом знакомятся с особенностями быта своих соседей. Эти обстоятельства объясняют известное сходство материальной культуры скифо-сарматов I тыс. до н.э., но уже Страбон отмечал трудность изучения географии Скифии, так как «кочевники, не вступающие в общение с другими народностями и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобопроходимые места страны» [242, с.468]. По-видимому, быт евразийских кочевников I тыс. до н.э. напоминал образ жизни североамериканских индейцев, обитателей прерии, где, при сходстве материальной культуры, каждое племя держалось обособленно от соседей и находилось с ними в состоянии перманентной войны.

Способствовал разобщению и рост пустынь, становившихся труднопроходимыми. Так, граница между восточными и алтайскими народами пролегла не по горным хребтам и водоразделам, а по сыпучим пескам восточной Джунгарии, где осадков выпадает меньше 100 мм в год. Эта полоса тянется в меридиональном направлении от Хамийской пустыни до Саянских гор, и ширина ее зависит от степени аридизации евразийской степи. Во влажные периоды переход через нее легок, но в засушливое время пустыня была труднопроходимым барьером, и культуры по обеим ее сторонам развивались независимо друг от друга. Так было в интересующую нас эпоху, когда на Алтае сложилась полукочевая культура юечжей (восточные сарматы), останки которых покоились в пазырыкских курганах, а в Монголии возник хуннский племенной союз, известный всему миру.

Предлагаемому выводу противоречит на первый взгляд то, что в степи между Ордосом и Дуньхуаном в IV в. до н.э. обитали многочисленные юечжи, и большинство исследователей считают эту территорию родиной этого народа [48 - Литература о юечжах огромна. Последняя сводная работа: R. Grousset. L'Empire des steppes. Paris, 1960 (см. с.64 этой работы, где приведена литература).]. Но не могли же юечжи жить в безводной пустыне, тем более что предгорья Наньшаня, орошенные многочисленными ручьями, ниже теряющимися в песках, населяли усунь [252, с.51]. Еще в 1960 г., на основании исключительно исторических соображений, мы предложили гипотезу, согласно которой юечжи овладели Алашанской

степью не раньше конца V в. до н.э. [66, с.39–40, 69–71]. Теперь эта точка зрения находит подтверждение в данных палеогеографии, с тем лишь уточнением, что юечжи форсировали полосу пустынь, лежащую между Джунгарией, их истинной родиной, и предгорьями Наньшаня. Но самым мощным аргументом в пользу предлагаемой концепции является анализ юечжийских слов, сделанный Б. Лауфером в небольшой работе, опубликованной всего в 500 экземплярах и не получившей распространения [308]. Б. Лауфер доказал, что юечжи говорили на североиранском языке, принадлежавшем к той же группе, что и скифский, согдийский, осетинский и ягнобский, и никакого отношения не имевшем к тохарскому, связанному с европейскими языками [308, с.13–14]. Следовательно, культурная, а значит, и этнографическая близость юечжей с обитателями Семиречья имела активные формы, базировавшиеся на сходной хозяйственной деятельности. И наоборот, обитатели оазисов долины Тарима составляли особый этнокультурный комплекс, причем границей между теми и другими был Тянь-Шань.

М.П. Петров отмечает, что восточный Тянь-Шань – физико-географический рубеж между экстрааридной Центральной Азией и более влажными регионами Казахстана и Джунгарии [20, с.137], которые по флористическому составу тесно связаны между собой. Но тогда скотоводческое хозяйство западных и восточных склонов Тарбагатай должно быть отличным от южного, тохарского, хозяйственного быта, что и требовалось доказать. Переход же юечжей через пустыню к склонам Наньшаня произошел именно тогда, когда юечжи впервые были упомянуты в Исторических источниках, т.е. в IV в. до н.э. Видимо, мы наблюдаем следующий этап общения Средней Азии с Дальним Востоком, более поздний, нежели отмеченный нами. А если так, то перерыв в междуплеменных отношениях совпадает с уже установленным периодом аридизации степной зоны Евразии, и не замечать связи между обоими явлениями невозможно. Юечжи двигались на запад, хунны на юг, и оба народа пересекли сузившиеся пустыни. Последовавшая в IV в. эпоха повышенного увлажнения степей стимулировала дальнейшее развитие кочевого хозяйства. Увеличилась площадь пастбищ, на которых расплодилось стада домашних и диких животных, а по окраинам степи снова начали появляться оседлые поселения и поля, засеянные просом [66, с.192].

Но 500 лет разобщенности не прошли даром. Хотя искусство хуннов [228] и юечжей [224] восходит к одним и тем же образцам, оно отнюдь не идентично [227]. Это свидетельствует о продолжительном самостоятельном развитии. Живая струя единой «андроновской» культуры через призму перемен хозяйства, быта и метисации этнических типов разделилась на ряд ручьев и уже не соединялась вновь. Когда в III в. до н.э. хунны и юечжи территориально сомкнулись, они стали оружием решать, кто из них будет властвовать над степью, сделавшейся вновь обширной и многолюдной. Победа хуннов в 165 г. до н.э. определила дальнейшее направление интеграции степных народов и в пользу тюркоязычия и того кочевого образа жизни, который окончательно сложился в средние века. Остатки народов, сохранивших оседлость, долго еще доживали свой век в «болотных городищах» Сырдарьинской дельты (хиониты) и в оазисах южной Джунгарии (уге, чеши и др.). Они тоже растеряли большую часть своей древней культуры, и только некоторые особенности стиля, совпадающие на Востоке и Западе, да термины, отмеченные нами, показывают, что мощи и величии евразийских кочевников предшествовал блеск и обаяние культуры оседлых народов бронзового века.

В заключение вернемся к исходному пункту исследования – характеру колебания уровней внутренних водоемов. Нам известно только, что в III в. до н.э. уровень Каспийского моря был очень низок, ниже абс.отм. минус 32 м (7,24), что совпадает с эпохой южного прохождения ложбины низкого давления, начавшейся в начале IV в. или в конце V в. до н.э.

Следовательно, в это время повысился уровень Аральского моря и особенно Балхаша, питаемого реками, ниспадающими с Саура и Тарбагатай.

В предшествовавшую эпоху X – V вв. до н.э., когда была интенсивно увлажнена гумидная зона, уровень Каспия стоял высоко (между абс.отм. минус 18 и минус 12 – минус 16), так как керамика эпохи бронзы встречается ниже изобаты 0, но не смешивается с хазарской и гузской керамикой, часто попадающей около изобаты минус 18 м. Этой эпохой мы можем датировать одно из усыханий Балхаша и регрессию Аральского моря.

II тысячелетие до н.э. было связано опять-таки с регрессией Каспия и трансгрессией Арала и Балхаша, а также с появлением озер (ныне сухих), котловинами которых заканчиваются реки Чу и Сарысу. А III и IV тысячелетия были временем очень низкого стояния Каспия, Балхаша, вероятно, полного усыхания озер аридной зоны и небольшой трансгрессии Аральского моря за счет североиранской ветви циклонов.

Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (Ландшафт и этнос). V [49 - «Вестник ЛГУ», 1966, № 18, с.81–90.]

Методика исследования изменений климата и ландшафта, примененная нами для исторического периода, основана на достаточно полном и точном знании событий, происходивших за период в 2000 лет, – с I в. до н.э.

Мы будем исходить из положения о постоянном влиянии природы на формы человеческой деятельности [156] и избегать крайностей, свойственных «географическому детерминизму» [266], так как даже для самых примитивных человеческих сообществ свойственны спонтанные формы развития [157].

Поэтому мы пойдем путем изучения этногенеза и миграций на широкой площади, так как при таком подходе неизбежные частные ошибки будут взаимно компенсироваться [78], а общие допуски мы постараемся уменьшить путем сопоставления с палеогеографией голоцена.

Проблема изменения климата Евразийского континента в постлесье, долго служившая объектом научной полемики, была решена А.В. Шнитниковым, согласно которому увлажненность Евразийского континента варьировала с большой амплитудой [260]. Заслугой А.В. Шнитникова являются намеченные им хронологические рамки периодов увлажнения и усыхания, причем допуск при определении границ периодов превышает столетие. Данную концепцию следует дополнить путем учета гетерохронности увлажнения аридной, гумидной и полярной зон [1], сводящейся к следующему.

В случае увлажнения аридной зоны усыхает зона гумидная, а при увлажнении зоны полярной идет одновременное усыхание гумидной и аридной зон, но возникает активное увлажнение зоны субтропической [1], в частности речных долин Тигра и Евфрата на Ближнем Востоке и Хуанхэ и Янцзы на Дальнем. Исходя из этой концепции, мы можем пересмотреть панораму смены народов на пространстве степной зоны Евразийского континента, для которой соотношение площади травянистых степей, лесов и пустынь было основным условием ведения хозяйства [57].

В отличие от относительно стабильного климата Средиземноморья территория евразийской степи чутко реагирует на климатические изменения. Усыхание, связанное с увеличением площади пустынь, и увлажнение, ведущее к наступлению лесов, одинаково вредно отзываются на населении степи и его хозяйственных возможностях. Следовательно, смена форм хозяйства соответствует смене климатических условий и тем самым колебанию уровней внутренних морей [21, 73]. А климат менялся быстро [41].

В 1959–1963 гг. нами были произведены в бассейне Каспийского моря работы, которые дали возможность получить недостающие данные о сменах периодов увлажнения и усыхания гумидной и аридной зон [70, 71]. Это позволило перенести проблему усыхания Средней Азии в иную плоскость, наметить опорные точки колебаний уровня Каспия, заполнить интервалы

между этими точками и получить довольно стройную картину изменений климата на исследуемой территории.

Несостоятельность доводов некоторых ученых, в частности С.А. Ковалевского и А.В. Комарова [6, с.211–213], утверждавших (опираясь на сведения античных авторов), что уровень Каспийского моря в I тыс. до н.э. достигал будто бы абсолютной отметки 1,33 м, была доказана Л.С. Бергом [21, с.208–212]. Низкий уровень Каспия за последние 15 тыс. лет устанавливается и нашими полевыми исследованиями. На поверхности территории Калмыкии, которая, при положительной абсолютной отметке моря, была бы покрыта водой, найдены фрагменты керамики эпохи бронзы и даже палеолитические отщепы.

В IV – II вв. до н.э. уровень Каспийского моря был весьма низок, несмотря на то что воды Амударьи через Узбой протекали в Каспийское море. О последнем говорят: сподвижник Александра Македонского историк Аристокл [14, с.11], мореплавателю Патрокл (III в. до н.э.), Плутарх, Эратосфен и Страбон [14, с.13]. О водопадах, имевшихся при впадении Амударьи в Каспий, сообщают Евдокс и Полибий [14, с.15]. Иордан утверждает, что есть «другой Танаис, который, возникая в Хринских горах, впадает в Каспийское море» [151, с.74]. Поскольку «Хринские горы» – это место обитания «фринов», северо-западной ветви тибетцев, живших на восточных склонах Памира [62], очевидно, что «Хринские горы» являются Памиром, а река «другой Танаис» не может быть ничем иным, как Амударьей с Узбоем и Актамом. На основании этих сообщений А.В. Шнитников высказал предположение о высоком уровне Каспия в середине I тыс. до н.э. [260, с.264–266]. При этом не было учтено одно немаловажное обстоятельство: попасть в Узбой воды Амударьи могли только через Сарыкамышскую впадину, площадь которой вместе с впадиной Асаке-Аудава настолько велика, что испарение там должно было быть громадным. Этим объясняются габариты русла Узбоя, не способного пропустить более 100 м воды в секунду, что явно недостаточно для поднятия уровня Каспия.

На составленной во II в. до н.э. карте Эратосфена, где четко показаны контуры Каспия, северный берег моря расположен южнее параллели $45^{\circ}30'$, что соответствует ныне находящейся под водой береговой террасе на абсолютной отметке минус 36 м (имеется в виду отметка тылового шва террасы, выше которого поднимается уступ более высокой террасы). Действительно, Узбой в это время впадал в Каспийское море, так как его продолжение – русло Актама – ныне прослеживается по дну моря на абсолютной отметке минус 32 м. При большей древности русло было бы занесено эоловыми и морскими отложениями, а в более позднее время уровень моря находился выше, и условий для эрозии и меандрирования не было.

Сводная таблица изменений степени увлажненности Евразийского континента (на материале палеоэтнографии): 1 – увлажнение; 2 – усыхание.

Итак, несмотря на относительное многоводье Амударьи, уровень Каспийского моря в IV – II вв. до н.э. соответствовал отметке не выше минус 36 м. Это значит, что по принятой нами климатической схеме в данную эпоху шло интенсивное увлажнение аридной зоны. Действительно, во II в. до н.э. хунны заводят в Джунгарии земледелие [66, с.192]. В это же время китайские военные репортажи о численности отбитого у хуннов скота говорят об огромных стадах, которые хунны пасли в пределах Монгольского Алтая, а усунь – в Семиречье. При неудачных набегах на хуннов, когда те успевали отойти, добыча исчислялась тысячами голов скота, а при удачных – сотнями тысяч [30, т. II, с.81]. И это в местности, представляющей сейчас пустыню! Цифрам следует верить, так как полководцы сдавали добычу чиновникам по счету и могли утаить часть добычи, но не завязать ее количество. Богатым скотоводческим государством, способным выставить до 200 000 всадников, было царство Кангюй, простиравшееся от Тарбагатай до среднего течения Сырдарьи. Иссык-Куль в

наши дни не сообщается с теряющейся в песках р. Чу, но на картах того времени Чу показана вытекающей из Иссык-Куля и впадающей в широкое озеро [30, т. II]. Все это говорит о повышенной увлажненности и относительно густой населенности этих районов в то время.

Наши соображения подтверждаются геологическими исследованиями. Линзы торфа около русла Актам, перекрытые морскими отложениями, датируются I тыс. до н.э. и по характеру растительных остатков указывают на значительное похолодание климата сравнительно с современным [221]. Пресноводные отложения обнаружены на дне Красноводского залива, на отметке минус 35 м [220]. Самый факт накопления торфа указывает, что климат Средней Азии был более влажным, чем современный.

В IV – III вв. до н.э. хунны обитали на склонах Иньшаня и очень ценили этот район, так как «сии горы привольны лесом и травой, изобилуют птицей и зверем. Хунны, потеряв Иньшань, плакали, проходя мимо него» [30, т. II, с.94]. Так описывает эту местность географ I века, а 2000 лет спустя: «Местность эта в общем равнинная, пустынная, встречаются холмы и ущелья; на севере большую площадь занимают развеваемые пески. Северная часть плато представляет собой каменистую пустыню, среди которой встречаются невысокие горные хребты, лишённые травянистого покрова» [202, с.159–160]. Такое же различие в описаниях Хэси – степи между Алашанем и Наньшанем.

Очевидно, 2000 лет назад площадь пастбищных угодий, а следовательно, и ландшафт были иными, чем сейчас. Но мало этого: усыхание степи имело место и в древности. История хуннов отреагировала на это чрезвычайно чутко – хуннская держава погибла.

Конечно, для крушения кочевой империи имелось сколько угодно внешнеполитических причин, но их было не больше, чем всегда [66], а до 90 г. хунны удерживали гегемонию в степи, говоря: «Мы не оскудели в отважных воинах» и «сражаться на коне есть наше господство» [30, с.88]. Но когда стали сохнуть степи, дохнуть овцы, тощать кони, господство хуннов кончилось.

Начиная с I в. до н.э. в хрониках постоянно отмечаются очень холодные зимы и засухи, выходящие за пределы обычных. Заведенное хуннами земледелие погибло. Очевидно, процесс перехода к ариднему климату в этот период зашел уже настолько далеко, что стал решающим фактором в примитивном хозяйстве как оседлом, так и кочевом. Таким образом, мы можем объяснить обезлюдение северных степей в III в. н.э. сокращением пастбищных угодий и считать III в. н.э. кульминацией процесса усыхания.

Вынуждены были ютиться около горных склонов и непересыхающих озер и победители хуннов – сяньбийцы. Овладев Халхой, они не заселили ее, а расселились по южной окраине Гоби, вплоть до восточного Тянь-Шаня [22]. Прежние методы ведения хозяйства аридизация климата сделала невозможными.

Отмечая, что Балхаш имеет значительно меньшую соленость, чем должно иметь бессточное среднеазиатское озеро, Л.С. Берг предположил, что «Балхаш некогда высыхал, а в дальнейшем опять наполнился водой. С тех пор он еще не успел осолониться» [22, с.68–69]. Высыхание большей части Балхаша датируется III в. н.э., так как карта эпохи Троецарствия (220–280 гг.) [30] показывает на месте Балхаша небольшое озеро, по контурам соответствующее наиболее глубокому месту Балхаша в наше время [72]. Понижен был и уровень Иссык-Куля [18, с.403]. В это же время, по сведениям, сообщаемым Аммианом Марцеллином, Аральское море превратилось в «болото Оксийское», т.е. весьма обмелело [260, с.269].

Источники фиксируют значительное сокращение населения степной зоны в эту эпоху. Усуни уходят в горный Тянь-Шань; сменившие их потомки хуннов – юебань – заселяют склоны Тарбагатай; богатый некогда Кангюй сходит на нет. Отсутствие внешнеполитических причин, способных вызвать ослабление этих народов, дает основание предположить, что главную роль здесь играли причины внутренние, связанные с хозяйством усуней и

кангюйцев. Но ведь оба эти народа жили натуральным хозяйством и экономика их зависела только от поголовья коров, овец и лошадей, а количество животных определялось площадью пастбищных угодий. Следовательно, констатируя ослабление Кангюя, иными словами – уменьшение прироста населения, мы можем, обратным ходом мысли, сделать вывод, что площадь пастбищных угодий сократилась, а коль скоро так, то это говорит о временной аридизации климата.

Усыханию аридной зоны, согласно принятой нами концепции [1], должно было сопутствовать пропорциональное увлажнение зоны гумидной.

Тут на помощь приходит изучение донных отложений залива Кара-Богаз-Гол, характер которых определяется уровнем Каспия относительно высотной отметки бара, отделяющего залив от моря. По мнению В.Г. Рихтера [220], очередная трансгрессия падает на конец II в. и сменяется незначительной регрессией около IV в.

Уже с середины IV в. на север переселяются теле, находят себе место для жизни жужани, немного позже туда же отступают ашина, и им всем отнюдь не тесно. Идет борьба за власть, а не за землю, т.е. самый характер борьбы, определившийся к концу V в., указывает на рост населения, хозяйства, богатства и т.д.

Самый процесс первоначального переселения беглецов (жужани) и разобщенных племен (теле) стал возможен лишь тогда, когда появились свободные пастбища. В противном случае аборигены оказали бы пришельцам такое сопротивление, которое не могло быть не замечено в Китае и, следовательно, должно быть отмечено в хрониках. Но там сообщается о переселении и ни слова о военных столкновениях – значит, жужани и теле заняли пустые земли. А при тенденции кочевников к полному использованию пастбищ необходимо допустить, что появились новые луга, т.е. произошло очередное увлажнение.

График колебаний уровня Каспийского моря по данным Хазарской экспедиции Эрмитажа 1959–1963 гг.

Великий тюркютский каганат VI – VII вв., соперничавший с Китаем, Ираном и Византией и базировавший свое экономическое положение главным образом на местных ресурсах, не мог бы черпать силы из бесплодной пустыни. Статистика набегов на Китай показывает, что переброска конницы через Гоби в то время была относительно легка, и, значит, граница травянистых степей современной Монголии пролегла южнее, чем в XX в. [50 - Тюркюты совершали походы без обозов и, следовательно, не брали с собой фуража.] В VIII в. тюрки возобновили занятия земледелием в Монголии, но, что особенно важно, заняв целиком зону степей, они не пытались овладеть ни лесными районами Сибири, ни проникнуть в Китай. Травянистая степь, перерезанная лесистыми хребтами, была их вмещающим ландшафтом. К другим условиям жизни они не были приспособлены и не хотели приспособляться.

Любопытно, что период расцвета кочевой культуры совпадает с периодом низкого стояния Каспия на отметке минус 32 м. Когда же в X в. произошло очередное (около 3 м) поднятие уровня Каспийского моря, связанное, согласно нашей концепции, с кратковременным перемещением увлажнения в гумидную зону, то мы снова видим выселение кочевых племен из современной территории Казахстана на юг и на запад. Карлуки в середине X в. из Прибалхашья переселяются в Фергану, Кашгар и современный южный Таджикистан [160]. Печенеги покидают берега Аральского моря еще в конце IX в. и уходят в южное Поднепровье; за ними следуют торки или гузы, распространяющиеся между Волгой и Уралом [11, с.336–353]. Это выселение не очень большого масштаба, но оно показательное своим совпадением с изменением уровня Каспия, что подтверждает правильность принятой нами гипотезы. Нет оснований связывать эти передвижения с крупными политическими событиями, потому что в то же самое время на территории Восточной Монголии, лежащей за пределами действия атлантических циклонов, история уйгуров имела совсем иной оборот.

В середине IX в. в жестокой войне Уйгурское ханство было разгромлено енисейскими кыргызами. Центральная Монголия обезлюдела. Но стоило кыргызам под напором киданей в 915–926 гг. отступить обратно за Саяны, как началось быстрое заселение Монголии татарами, кeraitами, найманами и другими племенами. Цветущая степь вновь притянула к себе людей и, несмотря на кровопролитнейшую войну, не превратилась в пустыню.

В начале XIII в. в Монголии было немало лесных массивов. Юный Темучин (будущий Чингисхан) успешно прятался от врагов в чащах столь густых, что пробраться внутрь их могли только местные жители по известным им тропам. Ныне в Монголии такой буйной растительности нет.

На карте IX в. Балхаш показан большим озером [30] с контурами [51 - О точности упоминаемых карт см.: [66, с.114–115].], напоминающими впадину бассейна Балхаш-Алакуль [177а), с.129]. И еще в XIII в. Плано Карпини по пути в Монголию, в ставку великого хана, ехал вдоль берега Балхаша в течение 7 дней. Не будем утверждать, что Балхаш и Алакуль в то время сливались, но факт трансгрессии Балхаша несомненен. В IX же веке ныне теряющиеся в песках реки Сарысу и Чу образовывали обширные озера [30].

Подъем Каспия в X в. до отметки минус 29 м был не последним. Губительным для береговых культур был подъем к началу XIV в. По словам итальянского географа Марино Сануто (1320 г.), «море каждый год прибывает на одну ладонь, и уже многие хорошие города уничтожены» [21, с.220]. Уже около 1304 г., по сообщению Неджати, порт Абаскун был затоплен и поглощен морем [141, с.8]. Подъем уровня Каспийского моря отмечает и Казвини в 1339 г., объясняя это изменением течения Амударьи, которая стала впадать в Каспий, в связи с чем «по необходимости вода затопила часть материка для уравнивания прихода и расхода» [13а), с.6]. Таким образом, очевидно, что в конце XIII и в XIV в. уровень Каспийского моря поднимался. Л.С. Берг сомневается, чтобы он превысил аналогичные, по его мнению, поднятия уровня в XVIII в., т.е. до отметки минус 23,0 м [21, с.221, 267], однако, по словам арабского географа Бакуи, в 1400 г. часть Баку была затоплена и вода стояла у мечети, т.е. на отметке минус 20,72 м. Б.А. Аполлов считает данные Бакуи маловероятными [6, с.225–226], но наши полевые исследования позволяют считать, что в этот период Каспийское море достигало отметки минус 19 м.

Часто находимая в котловинах выдувания тюркская керамика VII – XII вв. не была обнаружена ниже абсолютной отметки минус 18 м. Это и понятно: ниже указанной отметки керамика перекрыта донными морскими отложениями. Отмечая, что осадки с моллюсками *Cardium edule* доходят до отметки минус 20,7 м, Л.С. Берг датирует этот уровень более ранним временем, чем трансгрессия XIII в. [21, с.26]. Данные, полученные нами, дают возможность приурочить уровень на отметке минус 19 м именно к XIII в. Если раковины *Cardium edule* показывают подъем воды, то керамика тюркского времени отмечает береговую линию конца XIII в.

Вернемся к монголам. Нехватка пастбищных угодий, вызванная гипотетическим прогрессивным усыханием Центральной Азии, неоднократно выдвигалась в качестве причины монгольских походов XIII в. [184а)]. Против этой концепции справедливо выступил Л.С. Берг [62]. Начало XIII в. характеризуется не усыханием, а кульминацией увлажнения Центральной Азии. Стихийное выселение населения из засушливых районов, описанное нами выше для эпохи III и X вв., не имело ничего общего с походами немногочисленных, но великолепно обученных войсковых соединений Чингисхана и его преемников, на что обратил внимание еще Г. Е. Грумм-Гржимайло [56, с.519–523]. Монгольские ханы XIII в. решали внешнеполитические задачи военным путем, и средства для войн давало им именно изобилие скота и людей. Доказательством нашей точки зрения является и то, что большинство монгольских воинов вернулось на свою родину, а количество выселившихся в завоеванные земли было ничтожно, В двухсоттысячной армии Батыя около 1250 г. было только 4000

монголов. Для занятия ключевой позиции между Балхом и Гератом в восточном Иране было поселено 1000 воинов, потомки которых до сих пор носят название «хэзарейцы» – от персидского слова «хэзар», что значит тысяча. Военные поселения в Южном Китае были также численно ничтожны [241а)].

Эти факты подтверждают, что войны XIII в. не были вызваны усыханием степей, не имевшим места в этот период.

В конце XIII в. зона максимального увлажнения перемещается с Тянь-Шаня на верхнюю Волгу, что, в частности, вызывает колоссальный подъем уровня Каспийского моря, до абсолютной отметки минус 19 м [266, с.85]. В аридной зоне оптимальные климатические условия сменяются пессимальными. Это приводит к кризису кочевого хозяйства в начале XIV в. и к сокращению военных возможностей династии Юань. В результате уже к 70-м годам XIV в. у монгольских ханов нет сил и средств для противодействия китайцам, которые сбрасывают монгольское иго.

Наши соображения подтверждаются исследованиями И.Е. Бучинского, отмечающего на территории Руси участвовавшие с XVI в. грозы, ливни, наводнения и другие явления, зависящие от усиления циклонической деятельности [41, с.82–83].

Продолжающееся смещение пути циклонов на север было сопряжено со значительным накоплением осадков и в Альпах и в Гренландии, что привело к наступлению ледников [260, с.272, 280]. Выпадение максимума осадков севернее водосбора Волги обусловило понижение уровня Каспия. Уже на картах 1500 г. помещен остров Чечень, высшая отметка которого – минус 23,83 м. [6, с.227]. Падение уровня моря продолжалось свыше 60 лет.

Абсолютную отметку нам удалось установить по положению башни шаха Аббаса, пристроенной к дербентской стене в 1587 г., когда уровень моря понизился. Б.А. Аполлов по этому поводу пишет: «В то время шедший с севера караван остановился у стены на ночлег, чтобы утром, когда откроют ворота, идти дальше через город. Однако утром привратники убедились, что каравана нет, верблюды обошли стену в воде. После этого Аббас I приказал соорудить в море, там, где глубины достаточны, чтобы их не могли пройти верблюды, большую башню и соединить ее с берегом стеной» [5, с.138].

Остатки этой башни обнаружены нами в виде стены, перпендикулярной основной дербентской стене на абсолютной отметке минус 31,2 м [5], но при обследовании этого места в аквалангах по характеру кладки мы убедились, что это не башня XVI в., а развал стены VI в. Таким образом, мы устанавливаем абсолютную отметку уровня Каспийского моря для 1587 г. около 28,0 м.

Потом начался подъем. Так, в 1623 г. московский купец Федор Афанасьевич Котов писал: «Сказывают, того города (Дербента. – Л.Г.) море взяло башен с тридцать, а теперь башня в воде велика и крепка» [5]. Эти данные указывают на эпизодичность понижения Каспия в XVI в. и, следовательно, обратное смещение пути циклонов к югу, в бассейн Волги.

Подтверждение этому мы видим в том, что на рубеже XV – XVI вв. часть Амударьи стекала по Узбою. Сарыкамышская впадина в это время представляла собой пресное озеро, на берегах которого процветали многочисленные туркменские поселения с орошаемыми угодьями. Многоводье Амударьи объясняется возникновением при северном направлении циклонов сравнительно небольшого ответвления потоков влажных масс воздуха, так называемой североиранской ветви циклонов, питающей истоки Амударьи, но не влияющей на общее климатическое состояние аридной зоны, усыхание которой в XVI в. продолжалось.

И снова кочевники покидают свои родные степи... Монголы переселяются в Тибет, узбеки – в Мавераннахр, калмыки – на нижнюю Волгу. Нет больше организованных военных походов, направляющихся железной рукой хана; теперь племена со своими вождями движутся в поисках пастбищ и водопоев для скота. Это усыхание знаменовало начало конца срединноазиатской кочевой культуры, так как в XVIII – XIX вв. циклоны приносили влагу в

гумидную зону, а в XX в. переместились в арктическую. Началось новое понижение уровня Каспия, и вновь поднялся уровень Аральского моря за счет североиранской ветви циклонов, но превращение центрально-азиатских степей в пустыню продолжалось.

Никак нельзя заключить, что увлажнение аридной зоны непосредственно меняло характер народностей, ее населявших, или влияло на успех той или иной операции. Улучшая жизненные условия, оно давало лишнюю надежду на победу, и иногда находились племенные вожди, которые это использовали. Но отсутствие таких возможностей, при прочих равных условиях, делало положение безысходным. Так случилось, когда высохшая степь утратила способность к сопротивлению, за одним исключением: ойраты, обитавшие в Джунгарии, опираясь на лесистые склоны Алтая, Тянь-Шаня и Тарбагатая, удержали натиск маньчжуров. Горные леса задерживали скопления снега, который питал многочисленные реки, стекающие с гор, а альпийские луга служили пастбищем во время летней жары, когда высыхали равнины. Зато в Монголии ширилась пустыня Гоби, распространяясь на север и юг. Географы XVII в. писали: «Вся Монголия пришла в движение, а монгольские роды и племена рассеялись в поисках за водой и хорошими пастбищами, так что их войска уже не составляют единого целого» [57, с.437]. Последняя кочевая держава Срединной Азии – Ойратский союз – гибнет под ударами маньчжуров в 1756–1758 гг., несмотря на мужество степных воинов и таланты последних вождей (Годдана и Амурсаны). Повторяется ситуация гибели хуннской державы в I в. при тех же изменениях климата и соотношениях ландшафтов.

Следовательно, путем объединения данных истории, археологии и географии можно при определении дат изменения климата перейти с относительной хронологии на абсолютную, а также установить степень влияния географической среды на течение событий истории.

Изменения климата и миграции кочевников [52 - «Природа». 1972. № 4. с.44–52.]
Природа и история

Зависимость человечества от окружающей его природы, т.е. от географической среды, неоспорима. Хотя степень этой зависимости и расценивается различно, но в любом случае хозяйственная деятельность народов, когда-либо населявших Землю, тесно связана с ландшафтами и климатом обитаемых территорий.

Народы Земли живут в определенных ландшафтах, но коль скоро ландшафты разнообразны, то столь же разнообразны и народы. Ведь, как бы сильно они ни видоизменяли ландшафт (путем ли создания антропогенного рельефа или путем реконструкции флоры и фауны), людям приходится кормиться тем, что может дать природа на той территории, которую этнос (народность) либо населяет, либо контролирует на предмет получения тех же даров природы (подробно о проблеме этногенеза см.: 90, 108, 112).

Однако ландшафты, подобно этносам, имеют свою динамику развития, свою историю. И когда ландшафт меняется до неузнаваемости (причем безразлично – от воздействия ли человека, от изменения ли климата, от неотектонических процессов или от появления губительных микробов, несущих эпидемии, которые ведут к изменению численности тех или иных видов животных и растений), люди должны либо приспособиться к новым условиям, либо вымереть, либо обрести новую родину. Простое выселение в другую страну, где уже есть достаточно плотное население, может быть выходом для единиц и малых групп. Но когда дело идет о судьбе целого народа, такие переходы всегда были связаны с крупными историческими событиями. А поскольку они часто повторялись за пять тысяч лет обозримой истории, то их уже можно классифицировать и анализировать. Так мы вплотную подошли к проблеме миграций.

Изменение ландшафтов – не единственная причина миграций. Они возникают также при

демографических взрывах, но тогда они будут столь отличны по характеру, что спутать их очень трудно. Однако в любом случае переселенцы ищут условия, подобные тем, к которым они привыкли у себя на родине. Англичане охотно переселялись в страны с умеренным и даже жарким климатом, лишь бы там были степи, где можно было разводить овец. Поэтому они заселили всю Северную Америку, за исключением сплошных лесов бассейна р. Маккензи, которые были заселены франко-индейскими метисами Канады; они без труда превратили в овцеводческие районы Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, но влажные тропические районы их не манили. В Индии, Родезии, Нигерии, Гвиане и на Борнео они выступали преимущественно в роли колониальных чиновников, военных и купцов, т.е. людей, живущих не за счет природы, а за счет местного населения. В Индии для английских чиновников и солдат были предусмотрены длительные отпуска, которые они проводили в горах, где климат умеренный; иначе чиновники теряли работоспособность, а солдаты – боеспособность.

Предки якутов в XI в. проникли в долину Лены из прибайкальских степей. Используя широкую пойму этой реки и ее притоков, они развели там степную породу лошадей, имитируя свою прежнюю жизнь в степях. Но они не посягали на водораздельные массивы тайги, предоставив их оленеводам-эвенкам. Русские землепроходцы в XVII в. подчинили всю Сибирь, но заселили только лесостепную полосу и берега рек, т.е. ландшафты, сходные с теми, где сформировались их предки.

Но если между некоторыми миграциями и изменениями ландшафтов есть функциональная зависимость, то, зная одно, мы можем судить о другом. Миграции народов фиксировались историей, а смены ландшафтов не имеют абсолютных дат. Следовательно, для того, чтобы датировать изменения, происходящие в природе, мы можем отправляться от истории, и, значит, нам необходима канва исторических событий.

Наши исследования, посвященные установлению связи явлений физической географии и палеонтологии на материале истории Центральной Азии и археологии низовий Волги, позволили сделать три вывода [73, с.95; 74, с.78]:

1. Историческая судьба этноса, являющаяся результатом его хозяйственной деятельности, непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта.
2. Археологическая культура данного этноса, представляющая собой кристаллизованный след его исторической судьбы, отражает палеогеографическое состояние ландшафта в эпоху, поддающуюся абсолютной датировке.
3. Сочетание исторических и археологических материалов позволяет судить о характере данного вмещающего ландшафта в ту или иную эпоху и, следовательно, о характере его изменений. И наоборот, наличие установленных данных о колебаниях климата, а тем самым и о соотношениях ландшафтов между собой помогает искать памятники давно исчезнувших народов.

Способ применения изложенных здесь тезисов подробно описан нами в книге «Открытие Хазарин» (М., 1966). Теперь мы можем перейти к широкому обзору и характеристике соотношения колебаний увлажнения Центральной Азии с миграциями кочевых народов, ее населявших.

Надземные границы

Наша планета имеет важную особенность – зональность. Для выяснения рассматриваемой проблемы из всех зон важна азиатская степь.

Она как нельзя лучше приспособлена для жизни человека. Зеленый ковер калорийных трав поедается скотом, превращаясь в жирное мясо и мягкую шерсть. Кочевой быт позволял степнякам использовать все богатства природы и экономить силы, которые шли на создание оригинальной культуры, фольклора, мифологии и разнообразных социальных систем, как то:

орд, племенных союзов, а позднее и теократии, способных противостоять агрессивным тенденциям цивилизованных земледельческих государств, в первую очередь Китая. Полоса пустынь отделяет степь от Китая и в древности служила барьером против китайских войск, врывавшихся в степи. Несмотря на грандиозные усилия династий Хань, Суй и Тан, истощивших свою богатую и многолюдную страну, хунны, тюрки и уйгуры смогли отстоять свою независимость, а монголы в XIII в. перенесли войну в Китай и одержали полную победу.

Однако победы кочевников сменялись поражениями, подъемы культуры и экономики – упадками, и вообще история кочевых народов была не менее богата коллизиями, чем история их оседлых соседей. На первый взгляд это странно: тип хозяйства – кочевое скотоводство – на протяжении трех тысячелетий был неизменен, что дало некоторым европейским историкам (например, А. Тойнби) основание говорить о «застойности» кочевого мира. По его мнению, жизнь людей в степи столь трудна, что, поглощая все их силы, не дает им возможности развивать собственную оригинальную цивилизацию [335, pp. 166–169].

На это следует возразить, что Ононский бор [254], прародина монголов, Утукенская чернь (лиственный лес) в Хангае, родина тюркютов, и Южный Алтай с Тарбагатаем – курортные места, куда более здоровые, чем туманный и дождливый Альбион.

И, помимо этого, ландшафтные регионы Великой степи и характеры их увлажнения настолько различны, что и обитатели их живут очень по-разному. Эти различия фиксирует такой чуткий индикатор, как политический строй: в Центральной Монголии это, независимо от смены народов, – орда с крепкой ханской властью, в Семиречье, Тарбагатае и Джунгарии – племенные союзы (конфедерации), управляемые старейшинами и знатью [см. в данном сборнике статью «Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период»].

Попробуем найти объяснение этому явлению. Над территорией Монголии зимой находится центр антициклона, и снега выпадает мало. Летом равнины Центральной Азии раскаляются за счет инсоляции, и в размытую барическую депрессию вторгается влажный воздух, благодаря чему именно в это время года выпадают дожди. В регионах западнее Алтая все наоборот: атлантические циклоны несут много влаги, выпадающей зимой в виде снега; зато лето сухое и обычно трава в степи выгорает.

Наряду с вышеописанными в особый разряд надо выделить экстрааридные районы, т.е. пустыни с увлажнением меньше 100 мм в год. Некоторые из них не имеют населения, например песчаная пустыня Такла-Макан, покрытые обломками растрескавшихся скал склоны Бэйшаня и сыпучие пески восточной Джунгарии. Эти пески разделяют западный и восточный регионы, отнюдь не будучи стратегическим барьером. Их легко обойти с севера и с юга, но атмосферная граница между тихоокеанскими муссонами и атлантическими циклонами куда более важна, нежели быстрые реки и горные хребты. У людей по обеим сторонам этого невидимого рубежа различны способы пастбы скота, связанные с ними привычки, а следовательно, и обычаи, и социально-политические институты.

На востоке скот круглый год пасся в степи и пастухи постоянно встречались друг с другом, что приучило их к общению и дало возможность координации в масштабах всей страны. Среднеазиатские кочевники летом выгоняли скот на горные пастбища Тянь-Шаня и Тарбагатая, а на зиму они заготавливали сено. Подъем в горы проходил по узким долинам, каждая из которых принадлежала отдельному роду, равно как и горные пастбища. Так создавались навыки изолированного ведения хозяйства, что отразилось на характере политического строя: вместо ханств здесь возникали племенные союзы.

Третий способ кочевания отмечается в тех сухих степях и полупустынях, где не было гор. Таковы районы, примыкающие к Аральскому и Каспийскому морям. Обитавшие здесь казахи рода Адая практиковали круглогодичное кочевание от колодца к колодцу. До них эти степи занимали саки (VI в. до н.э.), которых во II в. до н.э. сменили сарматы. Последних во II в. н.э.

вытеснили хунны, а в X в. мы находим там два народа: гузов и печенегов [11, с.413–425]. Все эти народы имели сходные формы быта. Население было столь редким, что институты управления были в зачатке. Группа родов управлялась советом старейшин, которые председательствовали по очереди. На время войны избирался вождь – не по старшинству, а по способностям. Но после войны он слагал полномочия.

Этот примитивный способ жизни существовал примерно 3 тыс. лет, потому что отвечал повседневной хозяйственной деятельности, единственно возможной в этих природных условиях.

Однако наряду с региональными различиями наблюдаются не менее существенные – эпохальные. Но за счет чего происходили эти изменения? Согласно предложенному нами принципу, этнос, сложившийся в определенных географических условиях, имеет форму хозяйства, приспособленную к данному ландшафту. Если форма хозяйства не меняется (как, например, в нашем случае), а историческая судьба этноса претерпевает значительные изменения, значит, изменились географические условия на той территории, где он обитает. И вот тут-то легко проследить изменения зональности, используя историю кочевников как чуткий барометр.

Чтобы избежать ошибок, мы будем исследовать не детали исторических событий, старинные тексты и отдельные памятники, а всю сумму исторических явлений, сам процесс появления, развития, упадка и исчезновения кочевых народов, учитывая при этом окружающую их географическую среду, обусловив для начала характер ее воздействия теоретически.

Особенности кочевого быта

Кочевой быт – явление сравнительно новое, относящееся к так называемому историческому периоду развития человечества.

В эпоху верхнего палеолита, в климатических условиях, сложившихся в послеледниковый период, человечество, населявшее Евразийский континент, развивалось по двум направлениям: сложились группы охотников за крупными травоядными и группы собирателей, из которых в неолите образовались примитивные земледельцы.

Сокращение численности крупных копытных лишало первоначально преобладавшие охотничьи племена преимуществ, а развитие примитивного земледелия создало достаток пищи, позволивший бывшим собирателям начать приручение травоядных. К III тыс. до н.э. племена примитивных земледельцев распространили свой хозяйственный уклад от Сирии до Хингана и Минусинской котловины по окраинам центральноазиатских пустынь и Сахары.

Низкий уровень техники земледелия имел своим прямым последствием уничтожение дернового покрова вокруг поселений. Этому способствовало вытаптывание пастбищ у водопоев стадами домашнего скота и уничтожение населением кустарников и деревьев для топлива. Встречный процесс временного иссушения степной и пустынной зон, происходивший во II тыс. до н.э., усугубил выветривание легких степных почв и способствовал распространению пустынь. Сократились площади, пригодные для земледелия и выпаса. Это разрушение почв и увеличение площадей развеваемых песков неизбежно должно было отразиться на ухудшении условий жизни и вызвать культурный спад, связанный с изоляцией отдельных племен, разобщенных большими пространствами вновь образовавшихся пустынь.

Из создавшегося тяжелого положения население аридной зоны Евразийского континента нашло два выхода: 1 – путем интенсификации полеводства благодаря внедрению ирригации (Средняя Азия, бассейн Тарима и Минусинская котловина); 2 – путем экстенсификации животноводства (перегон скота со стравленных и развеянных участков на нестравленные и неразвеянные участки степи). Это и повело к развитию кочевого скотоводства. Увлажнение

климата степи, происходившее в I тыс. до н.э., привело к расширению пастбищных угодий и обусловило подъем хозяйства первого кочевого народа Центральной Азии – хуннов [53 - На западной окраине Великой степи аналогом хуннов и сяньбийцев (древних монголов) были скифы и сарматы.]. Развитие кочевой культуры было продолжено затем древними тюрками в VI – VIII вв., уйгурами – в VIII – IX вв. и монгольскими племенами – в X – XIII вв.

Первые два тысячелетия кочевая культура испытывала подъем. Технический прогресс наблюдался во всем. Первоначальная телега на обрубках древесных стволов, изображенная на скалах Минусинской котловины, которую могла сдвинуть только запряжка волов, в IV в. заменилась телегой на высоких колесах, а в VII в. вошел в употребление вьючный транспорт, что сделало кочевание более легким, быстрым и способным форсировать горные хребты. Было усовершенствовано жилище – юрта. Китайский поэт IX в. Бо Цзю-и посвятил восхвалению юрты два прекрасных стихотворения, в которых он доказывает преимущества легкоотапливаемой юрты перед деревянными дворцами китайских вельмож и тростниковыми хижинами крестьян. В VII – IX вв. тюркская одежда перенималась и китайцами и даже византийцами, заимствовавшими ее у хазар, так как эта одежда была наиболее удобна, тепла и даже красива. Даже гуннские прически были в Константинополе «криком моды».

Своей кульминации кочевая культура Евразии достигла в XIII в. Тогда разноплеменные кочевники, объединенные кучкой монгольских богатырей и усиленные за счет примыкавших к их войску удалцов из всех стран, осуществили завоевание двух китайских империй – Кинь (северной) и Сун (южной), Передней Азии и Восточной Европы. Однако в XIV в. жестокий кризис привел монгольский улус к упадку, развалу, а затем (в 1688 г.) даже к потере самостоятельности: монголы добровольно подчинились Маньчжурскому Богдо-хану.

Одним из внутренних противоречий, вызвавших упадок кочевой культуры, был тот же момент, который вначале обеспечил ей прогрессивное развитие: включение кочевников в геобиоценозы аридной зоны. Численность населения у кочевников определялась количеством пищи, т.е. скота, что в свою очередь лимитировалось площадью пастбищных угодий. В рассматриваемый нами период население степных пространств колебалось очень незначительно: от 300–400 тыс. в хуннское время [296, pp.243–318] до 1300 тыс. человек [193, с.367–368] в эпоху расцвета монгольского улуса; впоследствии эта цифра снизилась, но точных демографических данных для XVI – XVII вв. нет [54 - В начале XX в. население Внешней Монголии равнялось 900 тыс., но более 3 млн. обитало во Внутренней Монголии, на территории бывшего Тангутского царства и чжурчжэньской империи Кинь – Примеч. авт.].

Миграции кочевников

Вопреки распространенному мнению кочевники куда менее склонны к переселениям, чем земледельцы. В самом деле, земледелец при хорошем урожае получает запас провианта на несколько лет и в весьма портативной форме.

Для кочевников все обстоит гораздо сложнее. Они имеют провиант в живом виде. Овцы и коровы движутся медленно и должны иметь постоянное и привычное питание. Даже простая смена подножного корма может вызвать падеж. А без скота кочевник немедленно начинает голодать. За счет грабежа побежденной страны можно прокормить бойцов победоносной армии, но не их семьи. Поэтому в далекие походы хунны, тюрки и монголы жен и детей не брали. Кроме того, люди привыкают к окружающей их природе и не стремятся сменить родину на чужбину без достаточных оснований. Да и при необходимости переселяться они выбирают, как уже говорилось, ландшафт, похожий на тот, который они покинули. Поэтому-то и отказались хунны в 202 г. до н.э. от территориальных приобретений в Китае, над армией которого они одержали победу. Мотив был сформулирован так: «...приобретя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить» [30, с.53–54]. И не только в Китае,

но даже в Семиречье, где хотя и степь, но система сезонного увлажнения иная, хунны не переселялись до II в. н.э. А во II – III вв. они покинули родину и заняли берега Хуанхэ, Или, Эмбы, Яика и Нижней Волги. Почему?

Многочисленные и не связанные между собой данные самых разнообразных источников дают основание заключить, что III в. н.э. был весьма засушлив для всей степной зоны Евразии. В Северном Китае переход от субтропических джунглей хребта Циньлин до пустынь Ордоса и Гоби идет плавно. Заросли сменяются лугами, луга – степями, степи – полупустынями, и, наконец, воцаряются барханы и утесы Бэйшаня. При увлажнении повышенном эта система сдвигается к северу, при пониженном – к югу, а вместе с ней передвигаются травоядные животные и их пастухи. В Южной Сибири это же перемещение имеет обратный знак.

При достаточно подробном изучении событий на северной границе Китая, т.е. в районе Великой стены, мы можем наметить сначала тенденцию к отходу хуннов на север (II в. до н.э. – I в. н.э.), а потом продвижение их к югу, особенно усилившееся в IV в. н.э. Тогда хунны и сяньбийцы заселили северные окраины Шэньси и Шаньси даже южнее Великой Китайской стены. Однако во влажные районы Хунани они не проникли.

Весьма важно отметить, что первоначальное проникновение кочевников на юг в III в. не было связано с грандиозными войнами. В Китай пришли не завоеватели, а бедняки, просившие разрешения поселиться на берегах рек, чтобы иметь возможность поить скот. Впоследствии завоевание северного Китая произошло, но главным образом за счет того, что китайские землепашцы, также постепенно и незаметно, покидали свои поля на севере и отходили на юг, где выпадало достаточно дождей. Таким образом, кочевники занимали заброшенные поля и превращали их в пастбища, а их вожди превратили древние столицы Китая Лоян и Чанъань в станы своих воинов.

Но уже в середине IV в. наблюдается обратный процесс. Большая племенная группа Теле (телеуты), в которую входили в числе других племен уйгуры, из оазисов Ганьсу перекочевала в Джунгарию и Халху; туда же (тем же путем) в V в. пришли древние тюрки и создали в VI в. Великий каганат, ограниченный пределами степной зоны.

Что это означает? Только то, что Великая степь стала пригодной для кочевого скотоводства. Иными словами, там на месте пустынь восстановились травянистые степи. Но если так, то и в Северном Китае должен был восстановиться влажный климат, удобный для китайцев и губительный для кочевников. Значит, перевес в войне должен был оказаться на стороне южан. Так оно и было: к началу VI в. кочевая империя Тоба, занимавшая весь бассейн Хуанхэ, превратилась в китайскую империю Вэй.

Аналогичные по характеру миграции происходили в то же время на западной окраине степи. Северные хунны, потерпев сокрушительное поражение от сяньбийцев в 155 г., отошли на запад. Часть их закрепилась в горной области Тарбагатай и впоследствии (при начавшемся увлажнении степи) овладела Семиречьем. Другая группа прикочевала на берега Нижней Волги, где столкнулась с могущественными аланами. Хунны «завоевали аланов, утомив их непрерывной борьбой» (Иордан), и в 370 г. перешли Дон. В это время они были грозной силой, но уже в середине V в. были разбиты на западе гепидами, а на востоке болгарами. Следующая волна переселений кочевников отмечена в X в. Тогда в причерноморских степях появились печенег, выселившиеся с берегов Аральского моря, торки из современного Казахстана и кыпчаки – половцы – из Барабинской степи. И снова это было не завоевание, а постепенное проникновение небольшими группами, причем стычки и набеги заменяли сражения и походы.

Миграции народов Евразии во II – V вв. н.э.

1 – миграция кочевых народов; 2 – миграция оседлых народов; 3 – границы государств
/-- Миграции народов Евразии во II – V вв. н.э. (см. карту) --//

Гунны – чтение, принятое для названия народа, сложившегося из хуннов, отступивших на запад до II в. н.э., и угров, постепенно примкнувших к ним в III – IV вв. Ди – большая группа европеоидных племен, жившая в Западном Китае с древнейших времен до V в. н.э.; позже смешались с китайцами. Дили – искаженное название телесских племен – телеутов, тюркоязычных кочевников, предков уйгуров. Динлины – европеоидный народ, обитавший в Южной Сибири в I тыс. до н.э. и I тыс. н.э., вошел в состав кыргызов. Кангюй – кочевая держава II в. до н.э. – III в. н.э. в степях между Аральским морем и Тарбагатаем; потомки кангюйцев, переселившиеся в Причерноморье, стали называться печенегами. Кыпчаки – динлинская народность в Западном Алтае и в прилегающих степях; потомки их половцы или куманы. Кяны — китайское название тибетских кочевых племен, живших от верховьев Хуанхэ до Памира вдоль Куньлуна до IV в. н.э. Мань – китайское название разнообразных племен, обитавших в лесах южнее Янцзы. Моха – древнее название маньчжуров. Омоки (легенд.) – древний народ, по преданиям, – весьма многочисленный; гипотетически считаются предками юкагиров. Саки – восточная группа североиранских кочевых племен, до II в. до н.э. кочевавших в современном Казахстане. Сяньби – монголоязычные племена, населявшие во II в. до н.э. – IV в. н.э. Западную Маньчжурию и Восточную Монголию. Табгачи – древне монгольская народность в Забайкалье, подвергшаяся сильному влиянию соседних тунгуса-маньчжуров. Усуни – светловолосый и голубоглазый кочевой народ во II в. до н.э. откочевавший из Севера западного Китая в Семиречье и живший там до III в. н.э. Фууй – государство в Восточной Маньчжурии с I по III в. н.э.; уничтожено сяньбийцами в 285 г.; остатки фууйцев слились с корейцами. Чаосянь – древнее государство в Северной Корее, завоевано империей Хань в 108 г. до н.э. Шаншун – государство в севера западном Тибете, населенное народом, близким к сакам; завоевано Тибетом в VII в. Эфталы (эфталиты) – европеоидный народ, обитавший в Припамирье с VI в. н.э. Юе – царство на юго востоке Китая; народность принято считать малайской.

Ничего подобного мы не видим в XIII в., когда монгольские кони донесли своих всадников до джунглей Аннама и Бирмы, долины Иордана и лазурной Адриатики. Никакие переселения не были связаны с этими походами и победами. Монголы вели войны небольшими, мобильными, плохо вооруженными, но прекрасно организованными отрядами.

Нет никаких оснований связывать походы детей и внуков Чингиса с климатическими колебаниями. Скорее можно думать, что в степи в это время были оптимальные условия для кочевого скотоводства. Коней для армии хватало, поголовье скота после жестокой племенной войны 1200–1208 гг. легко восстановилось, население выросло. И наоборот, в относительно мирное время XVI в. Монгольская держава ослабела, а в XVII в. потеряла независимость.

Причину этого ослабления самой сильной державы тогдашнего мира сообщает китайский географ XVII в.: «Вся Монголия пришла в движение, а монгольские роды и племена рассеялись в поисках за водой и хорошими пастбищами, так что их войска уже не составляют единого целого» [57, с.437]. Вот это действительно миграция, но как незаметно для всемирно-исторических масштабов прошло выселение монгольских кочевников из иссыхающей родины в суровые нагорья Тибета, на берега многоводной Волги и в оазисы Туркестана. Последний осколок кочевой культуры – Ойратский союз – продержался до 1758 г., потому что его хозяйство базировалось на горные пастбища Алтая и Тарбагатая. Но и он стал жертвой маньчжуров и китайцев.

Миграции народов Евразии в IX – XI вв. н.э. (см. карту на с.322–323)

//-- Миграции народов Евразии в IX – XI вв. н.э. (см. карту) --//

Аланы – степной народ северо-иранской группы, родственные осетинам. Венеды — общее название для группы племен полабских славян: бодричей, лютичей, поморян и лужицких сербов; покоренные в XII в. немцами, эти племена были онемечены. Викинги – это те норманны, которые бросали свои семьи, составляли дружины и занимались морским разбоем (IX – XI вв.); уход юноши к викингам рассматривался родными как позорное падение, откуда нет возврата к жизни. Курыканы – тюркоязычное племя на берегах Байкала с очень высокой культурой обработки железа; разбитые предками бурят в XI в., курыканы бежали на Лену; предки якутов. Кыпчаки — западнодинлинское тюркоязычное племя, получившее от русских название «половцы» за соломенно-желтый цвет волос (полова – рубленая солома). Кыргызы – динлинское тюркоязычное племя, обитавшее в Минусинской котловине, занимавшееся оседлым скотоводством и земледелием и имевшее письменность. Ливы – финно-угорское племя, жившее на берегах Рижского залива и Чудского озера; частью истреблено ливонскими рыцарями в XIII в., частью слилось с латышами. Раджпуты – народность в Индии; образовались из смешения пришлых саков и эфталитов с аборигенами долины Инда. Тангут – государство на северной границе Китая (в Ордосе, западном Ганьсу и Нинся), оседлое, тибетское по языку. Торки – тюркская народность, в X в. прикочевавшая на Русь и поселенная по р. Роси для охраны границы от половцев. Тубот – тибетское царство в северо-восточном Тибете, возникшее в начале XI в. и уничтоженное чжурчжэнями в 1131 г. Хазары – оседлый народ, обитавший в дельте Волги и низовьях Терека; создали в VII – X вв. могучее государство, разбитое Святославом Игоревичем в 965 г. Чжурчжэни – маньчжуры, народ тунгусской группы, создавший империю Кинь (1115–1235). Шато – племя среднеазиатской группы хуннов, жившее в Джунгарии.

Итак, за двухтысячелетний период (с III в., до н.э. по XVIII в. н.э.) мы отметили три периода усыхания степей, каждый раз сопровождавшиеся выселением кочевников к окраинам Великой степи и даже за ее пределы. Эти переселения не носили характера завоеваний. Кочевники передвигались небольшими группами и не ставили себе иных целей, кроме удовлетворения жажды своих животных и собственного голода.

Напротив, при увлажнении степной зоны кочевники возвращались в страну отцов; увеличивалось их четвероногое богатство; в результате изобилия политика становилась более воинственной, причем цель ее менялась: главным стремлением было теперь уже не уцелеть, а преобладать.

А теперь постараемся обосновать мысль о том, что намеченные нами эпохи действительно соответствуют флуктуациям степени увлажнения степей. Это оказалось возможным потому, что в середине Евразии расположены внутренние водоемы: Каспий и Арал, уровни которых в историческое время заметно менялись.

Гетерохронность

Несмотря на то что Арал и Каспий лежат на одной широте, уровни их колеблются по правилу оппозиции: если повышается уровень Каспия, то уровень Арала снижается, и наоборот. Объясняется это просто: Аральское море питают Сырдарья и Амударья, берущие начало в горах аридной зоны, а в Каспийское море влагу несет Волга, водосбор которой лежит в гумидной зоне. Наличие оппозиции показывает, что повышенное увлажнение обеих зон также подчиняется правилу оппозиции, но, кроме того, иногда возникает и одновременное падение уровней Каспия и Арала. Следовательно, возможны не два, а три варианта повышенного увлажнения, причем последний ведет к тому, что влага не изливается во внутренние водоемы.

Связано ли это с глобальными климатическими флуктуациями? Видимо, нет, потому что за современную геологическую эпоху тепловой баланс Земли оставался относительно стабильным. Ведь если температура Земли поднимется всего на 2°, то растают все льды Арктики и Антарктиды, а этого отнюдь не наблюдается. Значит, надо искать не глобальные, а зональные закономерности.

Схема перемещения циклонического центра действия атмосферы в Европе: 1 – северное местоположение, 2 – среднее местоположение, 3 – южное местоположение. Пунктиром обозначены границы бассейна Волги.

Общее количество влаги, изливаемой на Евразийский континент, изменяется столь мало, что этими изменениями должно пренебречь. Зато распределение осадков изменяется весьма значительно, и влияние изменений сказывается на всей поверхности великого континента, от Ледовитого океана до Гималаев. Причина этого явления – изменение направления циклонов [1]. Над северным полюсом стоит башня холодного воздуха – полярный максимум. Этот воздух иногда, стекая с башни, попадает на территорию России и несет с собой сухую холодную погоду, впрочем значительно менее неприятную, нежели влажный и холодный арктический воздух, попадающий к нам из северной части Атлантического океана и приносящий промозглые морозящие дожди.

Другая воздушная башня – затропический максимум – высится над Сахарой и Аравией. Возникла она чисто механическим способом, за счет вращения Земли, и основание ее размывается снизу, у поверхности раскаленных камней и песков великой африканской пустыни. В отличие от полярной, эта воздушная громадина подвижна. Она постоянно сдвигается то к северу, то обратно на свое место, причем меняется путь ложбины низкого давления, своего рода воздушного ущелья, по которому течет влажный воздух Атлантического океана от Азорских островов, достигающий середины Азии. Так, в Красноярске выпадает столько же осадков в год, сколько в Тарту, несмотря на то что эти города лежат один далеко, а другой близко от моря.

Итак, возможны, как уже говорилось, три варианта увлажнения Евразийского континента, зависящие от степени активности затропического максимума, которая увеличивается одновременно с повышением солнечной активности и уменьшается в годы спокойного Солнца. На полярную башню воздуха изменения на Солнце не влияют, потому что солнечные лучи только скользят по поверхности полярных льдов, но зато со всей силой «ударяют» в тропические зоны Земли. Поэтому решающим моментом в тех изменениях не только климата, но даже простой погоды, от которой зависит наш воскресный отдых или расширение эпидемии гриппа, является космос, влияние которого на нашу повседневную жизнь долгое время недооценивалось.

Посмотрим же, как ведут себя воздух и влага при той или иной солнечной активности.

При относительно малой солнечной активности циклоны проносятся над Средиземным и Черным морями, над Северным Кавказом и Казахстаном и задерживаются горными вершинами Алтая и Тянь-Шаня, где влага выпадает дождями. В этом случае наполняются водой Балхаш и Аральское море, питаемые степными реками, и сохнет Каспийское море, питаемое на 81 % Волгой. В лесной полосе реки спокойно текут в своих руслах, зато болота зарастают травой и превращаются в поляны; стоят крепкие, малоснежные зимы, а летом царит зной. На севере перестают освобождаться ото льда Белое и Баренцево моря; растет вечная мерзлота, поднимая уровень тундровых озер, и солнечные лучи, проникая сквозь холодный воздух, сильно нагревают поверхность Земли (раз нет облаков – инсоляция огромна). Это, пожалуй, оптимальное положение для человека и развития производительных сил во всех трех зонах.

Но вот солнечная деятельность усилилась, ложбина циклонов сдвинулась к северу и проходит уже над Францией, Центральной Европой, Средней Россией и Сибирью. Тогда сохнут степи, мелеют Балхаш и Арал, Волга превращается в мутный, бурный поток, набухает Каспийское море. В Волго-Окском междуречье заболачиваются леса, зимой выпадают обильные снега и часты оттепели; летом постоянно сеет мелкий дождик, несущий неурожаи и болезни.

Солнечная активность еще возросла, и вот циклоны несутся уже через Шотландию, Скандинавию к Белому и Карскому морям. Степь превращается в пустыню, и только остатки полусасыпанных песком городов наводят на мысль, что здесь некогда цвела культура. Суховеи из засохшей степи врываются в лесную зону и заносят пылью леса. Снова мелеет Волга, Каспийское море входит в свои берега, оставляя на обсыхающем дне слой черной, липкой грязи. На севере тают Белое, Баренцево и даже Карское моря; с них поднимаются испарения, заслоняющие Солнце от Земли, на которой становится холодно, сыро и неуютно. Отступает в глубь земли вечная мерзлота, являющаяся водоупорным горизонтом. Значит, изменяются фитоцинозы, кормящие оленей, а вслед за этим впитываются в оттаявшую землю воды из неглубоких озер тундры. Рыба в них гибнет, и в тундре воцаряется голод.

При этом, третьем варианте прохождения циклонов образуется его североиранская ветвь, когда часть атлантической влаги проносится над Италией, Грецией и задерживается частично над горами Армении, а остальная влага выпадает на склоны Памира. Эта вода стекает в Амударью и отчасти компенсирует испарение Арала, но другие озера евразийской системы – Балхаш, Зайсан, Убсу-Нур – мелеют, и это дает дополнительную поправку на очерченную нами модель увлажнения евразийского континента.

И вот тут, при учете сложившейся природной ситуации, можно использовать и историю и археологию. Известно, что в конце VI в. персидский шах Хосрой Ануширван соорудил знаменитую, до сих пор сохранившуюся стену у города Дербента, перекрывающую проход между Кавказским хребтом и Каспийским морем. Восточный конец стены уходил в море. Ныне в тихую погоду с лодки сквозь воду видны огромные плиты сасанидского времени, уже сдвинутые со своих мест и лежащие на скальном основании дна. Работы по исследованию подводной части стены были проведены автором в 1961 г. и показали, что стена выкладывалась непосредственно на скале, без подсыпки мола. Тем самым установлен уровень Каспия в VI в. Он стоял на абсолютной отметке минус 32 м, т.е. на 4 м ниже, чем в наше время [73, 74,].

В следующие века наступила трансгрессия Каспия, поднявшегося на 13 м, до абсолютной отметки минус 19 м. Эта отметка установлена путем широкой археологической разведки по северному побережью, где фрагменты керамики X в. обнаружены во многих местах, но не ниже указанной абсолютной отметки. Максимум этой новокаспийской трансгрессии датируется концом XIII – началом XIV в. и подтверждается данными персидских географов. Они, наблюдая наступление моря, писали, что оно покрыло волнами порт Абаскун, объясняя это изменением течения Амударьи, которая стала впадать в Каспий, в связи с чем «вода затопила часть материка для уравнивания прихода и расхода». Факт отмечен правильно, но объяснение сделано на уровне науки XIV в. Сейчас мы можем найти более исчерпывающее, поскольку уровень Каспия регулирует не Амударья, а Волга.

С XIV в. море начало отступать и к XVI в. достигло абсолютной отметки минус 29 м. Затем, в конце XVIII в., оно поднялось до абсолютной отметки минус 22 м и снова опустилось до минус 28 м. Итак, мы имеем естественный барометр, позволяющий определять повышение и понижение увлажнения и датировать его с допуском плюс-минус 50 лет.

Больше всего пострадала от новокаспийской трансгрессии Хазария. Хазары жили в низовьях Волги, в дельте и пойме ее. Они занимались не столько скотоводством, сколько виноградарством и рыбной ловлей. Спокойные протоки среди зеленых лугов и зарослей

тростника кормили многочисленное население и столицу государства – Итиль, расположенную на острове, образуемом Волгой и ее восточным протоком – Ахтубой. Имея прочную экономическую базу, хазары господствовали над редким населением сухих степей, окружавших низовья Волги. Но поднявшееся море затопило их землю и заставило последних хазар выселиться на высокие места. Только на Бэровских буграх сохранились хазарские кладбища и земляные полы их жилищ. Они-то и позволили восстановить картину процветания и гибели «русской Атлантиды». Когда же море спало снова и дельта Волги стала пригодна для жизни, вернувшиеся в нее потомки хазар стали называть себя астраханскими татарами.

Отмеченные переносы циклонного увлажнения отразились равным образом и на кочевом скотоводстве, а значит, и на могуществе Золотой Орды и ногайских орд. Сокращение стад и табунов в засушливые периоды ослабляло их, поскольку эти этносы адаптировались к условиям роскошной влажной степи.

//-- * * * --//

Итак, взаимодействие истории природы и истории людей – интерференция двух форм развития материи, осуществляющаяся в системах этносов и их исторических судеб.

Явления природы оказывают влияние на хозяйственную жизнь народов; изобилие или оскудение определяют мощь той или иной страны, а иногда стимулируют переселения в области с благодатным климатом; в результате миграций происходят этническая метисация и, как ее результат, – этногенез. Этот процесс, лежащий в сфере природы, в истории коррелируется со спонтанным развитием человечества как целого, создающего и совершенствующего техносферу, на базе которой идет прогрессивное социальное развитие.

Люди и природа великой степи

(Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) [55 - «Вопросы истории», 1987, № 11, с.64–77.]

Восточная Азия на широте Великой Китайской стены, сооруженной впервые в IV – III вв. до н.э., разделена четко ощущаемой ландшафтно-климатической границей. К югу от нее лежит зона мягкого влажного климата. В древности там росли субтропические леса, сведенные затем земледельцами, использовавшими плодородную землю под пашню. Отсюда возникло древнее название Китая – Срединная равнина. К северу расстилаются сухие степи, постепенно переходящие в пустыню Гоби, по другую сторону которой идет столь же плавный переход от сухих степей через обильно увлажненные луга к горной тайге, иногда (на склонах хребтов Хэнтея и Хантая) проникающей далеко на юг. Здесь издавна обитали охотники и рыболовы: предки тюрок, монголов и европейского народа динлинов.

Во II тыс. до н.э. местные степные этносы жили еще оседло, и некоторые из них широко практиковали земледелие и оседлое скотоводство [10, 161]. Но жестокая засуха середины I тыс. до н.э. вызвала дефляцию около водоемов нарушенного почвенного слоя, прикрывавшего песок [82]. Ветры разносили песок по степи и сделали многие ее участки непригодными для земледелия. Пришлось перейти на скотоводство, а так как травы в засушливые эпохи было мало, то надо было перегонять скот туда, где она есть. Так в этих степях появилось кочевое скотоводство – способ приспособления хозяйственной системы к условиям, возникшим за счет сочетания климатических колебаний и ведения хозяйства древними земледельцами.

На рубеже IX – VIII вв. до н.э. в степях Центральной Азии сложился комплекс кочевых этносов, в котором ведущую роль играли хунны. Туда входили также динлины, дунху (предки сяньбийцев и монголов), сунь, кочевые тибетцы Амдо и предгорий Куньлуны. Эта многоэтническая целостность находилась в оппозиции к древнему Китаю и ираноязычному

Турану (юечжи) [111, с.10–12]. Вплоть до 209 г. до н.э. история кочевников письменными источниками практически почти не освещена, конец же этой фазы известен достаточно подробно. Большую часть сил хунны тратили на отражение ханьской (китайской) агрессии, благодаря чему смогли сохранять независимость и целостность своей степной державы до конца I в. н.э. [66, с.218–220]. Разгромленные сяньбийцами в 93 г., они раскололись на четыре части, из которых одна перемешалась с сяньбийцами, вторая осела в Семиречье, третья ушла в Европу, а четвертая вошла в Китай и там погибла [там же, с.241. См. также: 121].

Второй подъем кочевых этносов имел место в середине VI в. Результатом его явилось создание Тюркского каганата, объединившего обитателей степей от Ляохэ до Дона. По масштабам каганат превосходил хуннскую державу. За все его 200-летнее существование в нем не произошло заметных сдвигов. Консерватизм этот объясним отчасти тем, что тюрки в почти неизменных условиях вели непрерывные войны с империями Суй и Тан, Ираном и Арабским халифатом, а также с завоеванными, но до конца не покорившимися степными племенами, особенно с уйгурами. В то же время многие народы – кыпчаки (половцы), кангары (печенеги), карлуки, кыргызы (потомки динлинов), туркмены (потомки парфян) и монголоязычные кидани – восприняли культуру своих завоевателей и сохранили ее даже после гибели каганата в 745 г. [94, с.428].

Уйгуры, жадно впитывая иранскую (манихейство) и византийскую (несторианство) идеологию, оказались не в состоянии упрочить собственное раннефеодальное государство на р. Орхон и были разбиты енисейскими кыргызами в 840–847 гг. Уцелевшие спаслись в оазисах бассейна Тарима, где растворились среди местных жителей, оседлых буддистов [107, с.55–56]. Затем до XII в. в степях не наблюдалось чьего-либо стойкого преобладания, когда новый поворот истории выдвинул одновременно чжурчжэней и монголов – создателей не только степной, но и общеконтинентальной империи [203, с.221–225].

Примечательно общее для всех народов Центральной Азии неприятие китайской культуры. Так, тюрки имели собственную идеологическую систему, которую они отчетливо противопоставляли китайской. После падения Уйгурского каганата уйгуры приняли манихейство, карлуки – ислам, басмалы и онгуты – несторианство, тибетцы – буддизм в его индийской форме, китайская же идеология так и не перешагнула через Великую стену. Решающим фактором борьбы с империей Тан за самостоятельность оказались, однако, не степняки, а дальневосточный лесной народ чжурчжэни, разгромивший киданей, уничтоживший в 1125 г. китаизированную империю Ляо и победивший затем империю Сун [204, с.344–349].

Связные сведения китайских источников о чжурчжэнях датируются еще X в., а когда в XII в. эти народы столкнулись, вспыхнула кровавая война с перевесом на стороне чжурчжэней. Учитывая историческую перспективу, следует рассматривать их наступление на Китай как ответ на более раннее вторжение тайских войск в лесные области Дальнего Востока. Тут в борьбу против попытки создания сунского государства с центром в Кайфыне вступили уже не степные, а лесные народы. Подобно степнякам, они легко усваивали материальную сторону китайской цивилизации, но оставляли в стороне чуждую им конфуцианскую идеологию. Захватив Северный Китай до р. Хуай, чжурчжэни переместили передний край войны южнее, но не смешались с покоренными китайцами. Многочисленные находки китайских вещей в чжурчжэньских городищах Маньчжурии указывают не на проникновение китайской культуры, а на обилие военной добычи. Несмотря на то что чжурчжэньские повелители именуется в китайских хрониках династией Цзинь (буквальный перевод тюрко-монгольского слова «алтан» – золото), китайцы XII в. эту династию рассматривали как иноземную, враждебную и не прекращали борьбы против «варваров». Узел противоречий завязан был столь туго, что разрубить его смог только Чингис в XIII в.

Пожалуй, о немногих исторических явлениях существует столько превратных мнений,

сколько о создании в XIII в. Монгольской империи. Монголам, противопоставляемым иным народам, приписываются исключительная свирепость, кровожадность и стремление завоевать чуть ли не весь мир. Первичным основанием для такого мнения послужили многие антимонгольские сочинения XIV в., порожденные ненавистью к завоевателям. Не станем вдаваться в детали исторической критики, что уже было проделано [107], и приведем лишь некоторые цифры. В Монголии к началу XIII в. обитало около 700 тыс. человек в составе различных племен [193], в Северном и Южном Китае – 80 млн.; в Хорезмийском государстве – около 20 млн.; в Восточной Европе – приблизительно 8 млн. чел. Если при таком соотношении людских сил монголы одерживали победы, то ясно, что сопротивление им было в целом довольно слабым. Действительно, XIII в. – это эпоха кризиса феодализма у соседей монголов.

Что касается борьбы на уничтожение сопротивляющихся, то напомним о некоторых фактах. Чжурчжэни вели с монголами с 1135 г. войну на физическое истребление последних. Через 100 лет монголы победили, но сами не истребили чжурчжэней. В 1227 г. монголы завоевали Тангутское царство, однако рукописи Хара-Хото на языке тангутов, свидетельствующие о развитии их культуры, датируются и XIII, и XIV веками. А вот когда в 1372 г. китайцы империи Мин, воевавшие против монголов, заняли тангутскую землю, то тангутов с тех пор не стало. Половцы в 1208 г. приняли к себе монгольских врагов – меркитов, почему и пострадали вместе с последними [118, с.96]. Хорезмшах Мухаммед, нарушив обычаи всех времен и казнив монгольских подданных, оскорбил послов Чингиса; вспыхнула война, и Хорезмское государство было разрушено, но тюркское и иранское население в Средней Азии все-таки сохранилось.

Конечно, тогдашние монголы были воинственными кочевниками. В XIII в. миролюбие нигде, включая Европу, не считалось достоинством, и кочевые монголы по степени «свирепости» находились вполне на уровне своего времени. Гунны, авары, чжурчжэни, хорезмийцы, половцы, крестоносцы и многие другие были ничуть не «добрее». Войны, в которые монголы оказались втянуты, явились следствием не дурных личных качеств Чингиса, а логическим развитием социально-экономических коллизий, возникавших при соперничестве феодальных государств, при столкновениях активных этносов. Столь грандиозные события не могут зависеть только от капризов правителя, как это исчерпывающе доказано теорией исторического материализма. Нам здесь важно отметить другое: почему монголы, сознававшие ограниченность своих сил, шли на риск войны и одерживали победы? Из ряда факторов укажем на следующие: их противники переоценивали свои силы и недооценивали силы врага. Точно так же произошло с арабами в VII в., когда Византия, недооценившая рост Халифата, потеряла половину своих владений, а Иран – независимость. Мы не забываем при этом ни о качествах войска, ни о социальных процессах. Так, феодальные государства XIII в. раздробились ранее именно в силу действия этих последних.

Что же крепкого было у монголов, что способствовало их победам? Родиной монголов являлось Восточное Забайкалье севернее р. Керулен. Чингис родился в урочище Делюн-Болдох, в 8 км к северу от современной советско-монгольской границы. Эта местность сочетала степные просторы и лесные дебри, была удобна и для кочевого скотоводства, и для лесной охоты. Сейчас там существуют курортные условия [254]. Рядом расстилалась степь, постепенно оправлявшаяся от засухи X в. По мере восстановления пастбищных угодий народы Сибири заселяли долины Онона, Керулена, Орхона и Селенги. Монголы поселились там, где некогда процветали древние тюрки, и унаследовали от них их историческую функцию защиты степи от китайской агрессии с юга.

Основным элементом монгольского общества был род (обох), находившийся на стадии разложения. Во главе родов стояла аристократия. Представители ее носили почетные звания:

бахадур (богатырь), нойон (господин), сецен (мудрый) и тайши (царевич, член царского рода). Бахадур и нойоны обычно возглавляли походы для приобретения рабов (для ухода за скотом и юртами) и пастбищ. Прочими слоями рода были: нухуры (дружинники) и харачу (члены рода низшего происхождения, черная кость). Богол (рабы) находились вне рода. Целые роды, покоренные некогда более сильными соседями или примкнувшие к ним добровольно (упаган богол), не лишались личной свободы и, по существу, мало отличались в правовом отношении от победителей.

Низкий уровень развития производительных сил и торговли, порою меновой, специфика кочевого скотоводческого хозяйства [48, с.33 и след.] не давали возможности широко применять подневольный труд. Рабы использовались чаще как домашняя прислуга, и рабство не влияло существенно на характер производственных отношений. Но еще сохранялись такие основы родового строя, как совместное владение угодьями (нутук), жертвоприношения предкам, кровная месть и связанные с нею усобицы, причем все это входило в компетенцию не отдельного лица, а рода в целом. У монголов были прочны представления о родовом коллективе как основе социальной жизни, о коллективной ответственности за судьбу рода, об обязательной взаимовыручке. Член рода всегда чувствовал поддержку своего коллектива и сам постоянно был готов выполнить обязанности, налагаемые на него коллективом.

Эти роды охватывали население Монголии уже только в принципе. В связи с разложением общины имелось множество людей, которых тяготила ее дисциплина, при которой фактическая власть принадлежала старейшинам, а прочие, несмотря на любые заслуги, должны были довольствоваться второстепенным положением. Те бахадур, которые не мирились с необходимостью быть на последних ролях, отделялись от общин, покидали свои курени и становились «людьми длинной воли», или «свободного состояния» (в китайской передаче – байшень – «белотелые», т.е. «белая кость»). Судьба этих людей часто была трагична: лишённые общественной поддержки, они принуждены были добывать себе пропитание трудоемкой лесной охотой, которая в отличие от облавной, степной, менее прибыльна. К тому же монголы обычно не ели перелетных птиц и лишь в крайнем случае употребляли в пищу рыбу.

Чтобы добыть конину или баранину, изгнанникам приходилось систематически заниматься разбоем. С течением времени они стали составлять отдельные отряды для сопротивления организованным соплеменникам и искать вождей для борьбы с родовыми объединениями. Численность таких групп неуклонно росла. Наконец, в их среде оказался сын погибшего племенного вождя, потерявший состояние и общественное положение, член знатного рода Борджигинов Тэмучин, впоследствии ставший ханом с титулом Чингис [153, с.207]. Эти события привели затем к объединению ряда монгольских и тюркских племен в единую военную державу. Инертные, или пассивные, члены рода подчинились «людям длинной воли».

Первыми врагами монголов оказались чжурчжэни. Первая их война (1135–1147) окончилась победой монголов. Чжурчжэни, связанные войною с Китаем, обязались платить дань. В 1161 г. они возобновили набеги на степь «для уменьшения рабов и истребления людей» [41а, с.227], закончившиеся в 1189 г. без реального результата. В решающей, третьей войне (1211–1235) китайцы империи Сун выступили против чжурчжэней как союзники монголов, однако потерпели ряд поражений, и вся тяжесть войны легла на плечи монголов. Но после того, как монголы победили чжурчжэней, китайцы потребовали от монголов передачи им земель, отнятых у чжурчжэней. Попытка договориться кончилась тем, что китайцы убили монгольских послов. Это вызвало длительную войну, осложненную для монголов тем, что их конница не могла развернуться в джунглях Южного Китая и была бессильна против китайских крепостей. Перелом наступил лишь в 1257 г. вследствие рейда

Урянгдадая, который с небольшим отрядом вышел через Сычуань к Индокитаю и поднял местные бирманские, тайские и вьетнамские племена против сунцев. Так малочисленные монголы победили огромный Китай, объединив те дальневосточные народы, которые не соглашались стать объектом китаизации. К 1279 г. все было кончено [290а), с.447]. Но кончились и успехи монголов. За 80 лет постоянной войны погибли многие «люди длинной воли» и их потомки. Монголия опять превратилась в нищую страну с огромным довеском в виде Китая. Приобретение такого «дovesка» не пошло на пользу монголам. Слишком различались между собой эти две страны [193а)]. Хан Хубилай, основатель династии Юань, велел засеять один из дворов своей резиденции степными травами, чтобы отдыхать в привычной обстановке.

Китайцы долгое время не ели молочных продуктов, чтобы не походить на ненавистных им степняков. Не произошло даже частичной ассимиляции, ибо монголо-китайские метисы чаще всего извергались из того и другого этноса, вследствие чего гибли. А ведь с мусульманами и с русскими монголы охотно вступали в браки. Только лиц иудейского вероисповедания монголы чуждались больше, чем китайцев: освободив от податей духовенство всех религий, они сделали исключение для раввинов, с которых налог взимали [239, с.159]. Ожесточение китайцев против монголов вылилось в ряд восстаний. Одно из них, движение «красных повязок», началось в 1351 г. с того, что по знаку тайной организации «Белый лотос» монгольские воины, находившиеся на постое, были зарезаны в постелях хозяевами домов [34а), с.425–426]. Годовщина этого события доныне отмечается китайцами как национальный праздник.

По-иному сложилась судьба западных монголов из улусов Джучи (Золотая Орда), Чагатая и Хулагу (Иран), а также джунгарских. Тесная связь Хубилая с завоеванным Китаем, из которого он черпал средства и силы, уже в 1259 г. вызвала раскол среди монголов. Противники Хубилая выдвинули на пост хана его брата Аригбугу, а после его гибели в 1264 г. – еще одного чингисида, Хайду, владевшего уделом в Джунгарии. На стороне Хубилая выступали иранские монголы. Хайду, опираясь на кочевые традиции, вел войну против восточных монголов до 1304 г. Его поддержали также наследники Батыея, заключившие союз с русскими князьями. Александр Невский был активным членом этого союза. Поэтому даже после его кончины, с одной стороны, монгольская конница участвовала в отпоре ливонским рыцарям в 1269 г. [197, с.20–21], с другой – ханы, сидевшие на Нижней Волге, пресекали дальнейшее вторжение в Восточную Европу азиатских кочевников, сторонников династии Юань. Произошло разделение монголов на восточных и западных (ойратов) [57а)].

Поволжские монголы-неcтоpиане в 1312 г. отказали в повиновении узурпатору хану Узбеку, принуждавшему их принять ислам. Часть их погибла во внутренней войне (1312–1315), а уцелевшие спаслись к единоверцам на Русь и вошли в состав московских ратей, громивших Мамай на Куликовом поле и остановивших затем натиск Литвы [131]. Иранские монголы приняли ислам в 1295 г. Их потомки – хезарейцы поныне живут в Хазараджате – равнинной части Афганистана. Самая воинственная часть монголов поселилась в Джунгарии, где создала ойратский племенной союз. Именно ойраты приняли на себя функцию, которую ранее отчасти несли хунны, тюрки и уйгуры, став барьером против агрессии Китая на север, и осуществляли эту роль до 1758 г., пока маньчжуро-китайские войска династии Цинь не истребили этот мужественный этнос.

Вернемся, однако, в Китай, где в XIV в. власть от монголов перешла к собственно китайской династии Мин. Война за освобождение Китая от монголов тянулась с 1351 по 1368 г. Она продолжалась и после ухода последних монгольских войск за Гоби. Новая династия Мин восприняла стародавние устремления династий Хань и Тан и в свою очередь попыталась захватить Монголию. В 1449 г. китайцев остановили именно ойраты, нанешие им сокрушительное поражение при Туму, причем был взят в плен император. Эта битва спасла и

Монголию, и фактически жизнь монголов. Удачнее для минцев оказалась агрессия на восток и юг. Ее объектами стали Корея, Тибет, Вьетнам, Индонезия и Южные моря Малайского архипелага, где в 1405–1430 гг. свирепствовал китайский флот. Но попытки китайцев покорить Маньчжурию оказались безрезультатными.

В XVII в. маньчжуры сами перешли в наступление. Воспользовавшись междоусобицей в Китае, они захватили в 1644–1647 гг. всю страну. Антиманьчжурские восстания длились до 1683 г. Маньчжурам удалось за полвека сделать то, к чему безуспешно стремились китайцы две тысячи лет, – объединить Восточную Азию. Но агрессия маньчжур была политической, а не этнической. Маньчжур было мало, прирост населения у них был невелик. Завоевав Китай, маньчжуры были вынуждены держать там гарнизоны. Почти все их юноши служили на чужбине и не имели своих семей. Став хозяевами Китая, богдыханы превратились в императоров династии Цин, которую позднее постигла такая же судьба, как и другие более ранние иноплеменные династии Китая.

Возвращаясь к более ранней эпохе и подводя некоторые итоги вышесказанному, отметим, что, хотя хунны, тюрки и монголы весьма различались между собой, все они оказались в свое время барьером, удерживавшим натиск Китая на границе степей. Следовательно, общность их действий лежит на порядок выше просто этнической и является результатом сочетания природных условий и социально-политических обстоятельств. В самом деле, поддержание системы кочевого хозяйства при резких колебаниях климата и необходимость постоянного сопротивления агрессии – ханьской, танской и минской – в значительной мере определили схожесть характера социальных отношений и развития центральноазиатских этнических целостностей. В этой жестокой борьбе лежит одна из причин своеобразной застойности народов Срединной Азии. Они не уступали европейцам ни в талантах, ни в уме. Но силы, которые другие народы употребили на развитие культуры, тюрки и уйгуры были вынуждены тратить, помимо прочего, еще и на защиту своей независимости. За сотни лет они не имели ни года покоя и все же вышли из столкновений победителями, отстояв родную землю.

В этой связи целесообразно поставить вопрос: чем же были вызваны неоднократный подъем и упадок кочевых народов, обладавших неизменно в течение двух тысяч лет одним типом хозяйства – кочевым скотоводством, которое мало нуждается в технических усовершенствованиях? Потому оно и остается примерно на том же уровне производительных сил и может рассматриваться как параметр, т.е. исходная точка отсчета. Для Западной Европы это неприемлемо потому, что влажный, морской климат дает меньшие перепады, нежели интенсивное развитие социосферы: производительных сил и производственных отношений.

Внутри континента наоборот: природные условия, особенно степени увлажнения степной зоны, меняются очень сильно и часто. За 2000 лет отмечены три засушливых столетия: III, X и XVI в. [132], причем на западе Великой степи идет зимнее циклональное увлажнение: снегопады и оттепели, а на востоке – в Монголии – летнее: мало снега зимой и весенние дожди, приносимые тихоокеанскими муссонами, что дает возможность скотоводам кочевать круглый год, без заготовок сена [98]. На западе же экстрааридные районы находятся лишь в Приаралье.

В зависимости от активности Солнца циклоны и муссоны порой смещаются к северу – в лесную и арктическую зоны [1]. Тогда в Монголии и Казахстане расширяются пустыни: Гоби и Бетпак-Дала, – тайга отступает в Сибирь, уступая место степи, а в Китае отходят на юг субтропические леса; на их месте появляются песчаные барханы с тамариском, немного закрепляющим песок [208а), с.75 и сл.]. Как только циклоны и муссоны возвращаются назад, пустыня сужается, и окраины зарастают степными травами, а леса наступают с юга и севера [81, 89]. Этот географический феномен легко увязывается с экономикой кочевников, достаток которых зависит от площади пастбищных угодий. Поскольку климатические колебания в

Центральной Азии относительно продолжительны – от 150 до 300 лет, возникает возможность сопоставить эти явления с колебаниями мощи кочевых держав в извечной войне против Китая.

В свое время мыслители XVI – XVIII вв. Ж. Воден, Ж.Л. Монтескье и И.Г. Гердер, в соответствии с научным уровнем их эпохи, предполагали, что все проявления человеческой деятельности, в том числе культура, психологический склад, форма правления и т.д., определяются природой стран, населенных разными народами. Эту точку зрения в наше время всерьез не разделяет никто. Но и обратная концепция, вообще отрицающая значение географической среды для истории и удачно названная акад. С.В. Калесником «географическим нигилизмом» [158, с.212], не лучше. Тот факт, что географическая среда не влияет на смену социально-экономических формаций, бесспорен, признание подобного влияния было бы географическим детерминизмом. Но могут ли вековые засухи или трансгрессии внутренних водоемов, скажем – Каспия или озера Чад, не воздействовать на хозяйство затронутых ими регионов? [83, с.52 и сл.]. Например, подъем уровня Каспийского моря в VI – XIV вв. на 18 м не очень повлиял на его южные, гористые берега, однако на севере огромная и населенная площадь Хазарии оказалась затопленной. Это бедствие так подорвало ее хозяйство, что, с одной стороны, заставило хазар, покинув родину, расселиться по Дону и Средней Волге, а с другой – повело к разгрому Хазарского каганата в 965 г. дружинами киевского князя Святослава. Аналогичных случаев в истории немало.

Вот почему следует определить компетенцию физической географии в этнической истории. Суть дела состоит в корректной постановке общих для истории и географии проблем и в разработке методики такого исследования. Для соответствующего анализа системный подход важен здесь как способ организации огромного и разнообразного исторического материала. Используя его применительно к XII – XIII вв., мы находим определенный смысл в таких, допустим, понятиях, как «христианский мир», который включал в себя кельто-романо-германскую католическую Западную Европу; «мусульманский мир», тоже являющийся некоей системой, а отнюдь не только районом исповедания одинаковой веры, ибо, к примеру, в Египте господствовали близкие к карматам Фатимиды, которых сунниты не признавали за мусульман; Индия – не только полуостров, но и историко-культурная целостность, связанная, в частности, кастовой системой; Китай, не считавший в то время «своими» ни чжурчжэней, ни тангутов, ни монголов. А эти последние вместе с кыпчаками составляли тоже особую систему, несмотря на постоянные межплеменные войны, которые, между прочим, являлись в то время одним из средств общения. Ведь французские феодалы или русские удельные князья тоже постоянно воевали друг с другом, но это не нарушало этно-культурное единство Франции или Великого княжества Киевского, несмотря на их политическую раздробленность в XII – XIII вв.

Учет историко-культурных целостностей – только полдела, ибо они всегда находятся в географической среде, с которой постоянно взаимодействуют. Развитие культуры тесно связано также с техносферой (хотя и находящейся на поверхности Земли, но качественно отличающейся от биосферы, к которой сопричастны физические тела людей) и с обществом. Общество – социосфера – развивается спонтанно, согласно закономерностям, имманентно ему присущим и открытым марксистской наукой. Таковы основные параметры этнической истории, а воздействие географической среды, т.е. тех или иных ландшафтов, – лишь один из параметров. Пренебрежение же им, как и любым иным, делает исследование неполным, тем самым и неполноценным.

Вот правильная дефиниция: «Историческая география изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых эпох» [266, с.3]. Так, исторические материалы широко применяются как источник для восстановления древних климатических условий жизни. В этом плане развивалась известная полемика между акад.

Л.С. Бергом [см. его концепцию: 20] и вице-президентом Географического общества СССР Г.Е. Грумм-Гржимайло [57] по вопросу об усыхании Центральной Азии. Связанную с этим вопросом проблему колебаний уровня Каспийского моря в I тыс. н.э. пытались решить также путем подбора цитат из сочинений древних авторов [5, 21, 261] и русских летописей [41, 26]. В обоих случаях итоги трудоемких исследований не оправдали ожиданий. Иногда сведения источников подтверждались, иногда же проверка другим путем опровергала их.

Отсюда вытекает, что совпадение полученных данных с истиной, добытой путем многих уточнений, бывает делом случая, что свидетельствует о несовершенстве методики исследования. В самом деле, путь простых ссылок на сочинение древнего или средневекового автора легко может привести к ложному или неточному выводу. Ведь летописцы упоминали о явлениях природы либо между прочим, либо исходя из представлений своего времени, когда грозы, наводнения и засухи трактовались как предзнаменования или божье наказание за грехи. И тут, и там явления природы описывались выборочно, причем если они оказывались в поле зрения автора. А сколько их было упущено, мы не можем даже догадаться. Один автор обращал внимание на природу, другой, в следующем веке, не обращал. Поэтому может оказаться, что в сухое время дожди как явление редкое и важное упомянуты чаще, чем во влажное, когда они привычны. Историческая критика тут помочь не в состоянии, потому что по отношению к пропускам событий, не связанных причинно-следственной зависимостью, она бессильна.

Древние авторы обычно писали свои сочинения ради определенных целей и нередко применяли в качестве литературного приема экзaggerацию – преувеличение значения интересовавших их событий. Степень же такого преувеличения или преуменьшения определить трудно. Так, Л.С. Берг на основании сведений из исторических сочинений сделал вывод, что превращение культурных земель в пустыни является следствием войн [20, с.69]. Такая точка зрения принимается подчас некритично, а в качестве примера чаще всего приводится открытие П.К. Козловым в 1909 г. мертвого тангутского города Эцзинай (монгольское название Урахай, китайское – Хэйшучен), шире известного как Хара-Хото [164].

Каково же местоположение данного города и что привело к его гибели? Тангутское царство Си-Ся тибето-бирманских племен миняг располагалось в Ордосе и Алашани, в тех местах, где ныне простерлись песчаные пустыни. Казалось бы, это государство должно было быть бедным и малолюдным. На деле же оно содержало армию в 150 тыс. всадников, имело университет, школы, судопроизводство и даже дефицитную торговлю, ибо больше ввозило, чем вывозило. Дефицит покрывался отчасти золотым песком из тибетских владений, а главное – экспортом скота, который составлял основное богатство тангутов (так называли минягов монголы) [57, с.446]. Город, обнаруженный русским путешественником, расположен в низовьях р. Эдзин-Гол, в безводной ныне местности. Две старицы, окружающие его с востока и запада, свидетельствуют, что вода там имела. Но река сместила русло к западу и сейчас впадает двумя рукавами в соленое озеро Гашун-Нур и пресное Сого-Нур.

П.К. Козлов описывает долину Сого-Нур как оазис среди окружающей его пустыни и вместе с тем отмечает, что большое население прокормиться тут не в состоянии. А ведь только цитадель города Эцзинай представляет собой прямоугольник, площадь которого равна 440 x 360 метров. Внутри стен с бастионами, башнями и субурганями (культовые сооружения) имелись лавки, мастерские, постоянные дворы, склады, жилые помещения. Вокруг прослеживаются следы менее капитальных строений и фрагменты керамики, указывающие на наличие слобод. Далее располагались усадьбы и пашни с системой каналов.

Разрушение города часто приписывают монголам. Действительно, в 1226 г. Чингис взял тангутскую столицу, и монголы жестоко расправились с минягами [28, 182]. Но город продолжал жить еще и в XIV в., о чем свидетельствует датировка многочисленных

документов, найденных в 1909 г. Кроме того, гибель города связана с изменением течения реки, которая, согласно преданиям торгоутов (ойратское племя), была отведена осаждавшими посредством плотины из мешков с землей. Плотина сохранилась до сих пор в виде вала. Однако в описаниях взятия города нет таких сведений, да и у монгольской конницы не было необходимых приспособлений и шанцевого инструмента. В действительности город погиб в 1372 г., когда был взят китайскими войсками династии Мин, ведшей в то время войну с последними Чингисидами, и razoren как опорная точка монголов, угрожавших Китаю с Запада. Постепенно миняги ассимилировались тибетцами, монголами и китайцами, а письмо Си-Ся позабыли только к XVII в. [199].

Почему же город не воскрес? Изменения течения реки – не причина, т.к. город мог бы передвинуться на другой приток Эдзин-Гола. И на этот вопрос имеется ответ в книге П.К. Козлова. С присущей ему наблюдательностью он отмечал, что количество воды в Эдзин-Голе сокращается, озеро Сого-Нур мелеет и зарастает камышом, некоторую роль играет и перемещение русла реки на запад, но это не служит единственной причиной того, почему страна, в XIII в. кормившая немалое население, к началу XX в. превратилась в песчаную пустыню. Главную роль сыграли изменения климата, описанные в специальных работах [84, 85].

Конечно, не случайно именно Чингису и Чингисидам приписывалось опустошение Азии, в то время как некоторые другие события не меньшего масштаба (например, разгром уйгуров кыргызами в 841–845 гг., поголовное истребление ойратов маньчжурским императором Цяньлуном в 1756–1759 гг.) [56 - Цяньлун – император (1736–1795) династии Цин (маньчжурской) произвел массовое истребление ойратов, причем маньчжуры охотились за женщинами, детьми и старцами, не давая пощады никому. Было уничтожено более 1 млн. ойратов. Но сведения об этом потонули среди малозначительных известий.] остались вне общего поля зрения. Причина лежит не в самой истории народов, а в историографии. Составляющие в литературе эпоху сочинения по истории пишутся не очень часто и не по всякому поводу. Кроме того, не все они дошли до нас. XIV – XV вв. были на Ближнем Востоке временем расцвета литературы, а борьба с монгольским игом являлась тогда самой актуальной проблемой и в Иране, и на Руси. Вот почему ей посвящено множество сочинений, которые к тому же уцелели. Среди них был ряд талантливых и ярких трудов, известных нам. Они вызывали и подражания, и повторения, что увеличивало общее количество работ по данному вопросу. Истребление же ойратов не нашло своего историка.

Так и оказалось, что эти события освещены неравномерно, а значение их несколько искажено, поскольку они представлены в разных масштабах. Отсюда и возникла постепенно гипотеза, приписывающая воинам Чингиса полное изменение ландшафта завоеванных стран. Между тем наибольшему усыханию подверглись не разрушенные страны, а Уйгурия, где войны тогда совсем не было, и Джунгария, где уничтожать травянистые степи вообще никто не собирался.

Другую крайность представляет идея считать походы монголов XIII в. обычными миграциями, которые сопровождались сопутствующими переселениям войнами. Этой идее поддались даже некоторые видные ученые [255, с.44]. Однако монгольские походы вовсе не были миграциями. Победы одерживали не рыхлые скопища кочевников, а хорошо организованные мобильные отряды, после боевых кампаний возвращавшиеся в родные степи. Число выселившихся было для XIII в. ничтожным. Так, ханы ветви Джучидов Батый и Орда-Ичэн получили по завещанию Чингиса лишь 4 тыс. всадников (с семьями – около 20 тыс. человек), которые расселились на огромной территории от Карпат до Алтая. И наоборот, подлинная миграция калмыков в XVII в. осталась не замеченной большинством историков вследствие того, что не нашла должного резонанса в трудах по всемирной истории.

Следовательно, для решения поставленных проблем требуется гораздо более солидное

знание истории, нежели то, которое можно почерпнуть, допустим, из сводных работ, и более детальное знание географии, чем то, которым порою ограничиваются историки или экономисты. Самое главное здесь – отслоить достоверную информацию от субъективного восприятия событий авторами письменных источников. Достоверной информацией мы называем сведения источников, прошедшие через горнило исторической критики и получившие интерпретацию, не вызывающую сомнений. Таких сведений – громадное количество, причем подавляющая их часть относится к политической истории. Мы хорошо знаем даты и подробности сражений, мирных договоров, дворцовых переворотов, великих открытий. Но как употребить эти сведения для объяснения природных явлений?

Методика сопоставления такого рода фактов с изменениями в природе начала разрабатываться только в XX в. Наивное стремление свести подъемы или упадки хозяйства в разных странах, допустим, к периодам повышенного или пониженного увлажнения, похолодания и потепления основано на игнорировании роли экономики и социальных факторов, примат которых в большинстве случаев не подлежит сомнению. Так, увеличение ввоза прибалтийского и русского зерна в Средиземноморье и уменьшение поголовья овец в Испании XVI – XVII вв. легче сопоставить с разрушениями, нанесенными европейским странам Реформацией и Контрреформацией, нежели с незначительными изменениями годовых температур [180, с.14–15]. Действительно, и Германия, на территории которой происходила опустошительная Тридцатилетняя война (1618–1648), равно как и не подвергшаяся опустошению Испания имели тогда отрицательный прирост населения, составлявшего в Испании в 1600 г. 8 млн. человек, а в 1700 г. – 7,3 миллиона [251]. Последнее объясняется тем, что значительная часть молодежи отправилась из Испании в Америку либо в Нидерланды, вследствие чего не хватало людей для поддержания хозяйства и устройства семьи.

Это означает, что, отыскивая прямую зависимость тех или иных событий от климатических изменений, мы должны быть уверены, что объяснение интересующего нас явления за счет экономических, социальных, этнографических и т.п. факторов, их комбинаций или даже просто случайностей – исключено. В старой географии не было точной методики определения абсолютных дат. Ошибка в тысячу лет считалась вполне допустимой. Легко установить, например, что в таком-то районе наносы ила перекрыли слои суглинка, и отметить обводнение; но невозможно точно сказать, когда оно произошло – 500 или 5000 лет тому назад. Анализ пыльцы указывает на наличие в древности сухолюбивых растений на том месте, где ныне растут влаголюбивые. Однако нет гарантии, что заболачивание долины не произошло от смещения русла ближней реки, а не от перемены климата. В степях Монголии и Казахстана обнаружены остатки рощ, про которые нельзя сказать, погибли ли они от усыхания или были вырублены людьми. И даже если будет доказано последнее, то останется неизвестным точное время этой расправы человека над ландшафтом [52].

Определенная зависимость человека от окружающей его географической среды никогда не оспаривалась. Различно расценивалась лишь степень этой зависимости. В любом случае хозяйственная жизнь народов тесно связана с ландшафтом и климатом обитаемых территорий. Подъем и упадок экономики древних эпох проследить бывает довольно трудно из-за неполноценности информации, получаемой из первоисточников. Но имеется такой индикатор, как военное могущество. Ясно, что нищающая страна с голодающим населением не могла бы дать средства, необходимые для длительной и успешной войны. Для крупного похода надо было не только иметь сытых, сильных и неутомленных людей, способных натягивать тугой лук «до уха» (это позволяло метать стрелы на 700 м, тогда как при натягивании «до глаза» дальность полета стрелы составляла 400 м) и долго фехтовать тяжелым мечом или кривой саблей, но и иметь коней, примерно по 4–5 на человека с учетом

обоза или вьюков. Требовался запас стрел, а изготовление их – дело трудоемкое. Нужны были запасы провианта, например, для кочевников – отара овец, следовательно – и пастухи при ней. Нужна резервная стража для охраны женщин и детей... Короче говоря, война стоила очень дорого. Вести ее за счет врага можно было только после значительной победы в богатой стране. Но чтобы ее одержать, требуются крепкий тыл, цветущее хозяйство и, значит, оптимальные природные условия.

О значении таких географических условий, как рельеф, для военной истории говорилось давно. Достаточно напомнить, что битву при Тразименском озере в 217 г. до н.э. Ганнибал выиграл, использовав несколько глубоких долин, расположенных под углом в 90° к берегу озера и дороге, по которой шли римские войска. Благодаря такой диспозиции он атаковал римлян сразу в трех местах и победил. При Киноскефалах в 197 г. до н.э. тяжелая фаланга македонского царя Филиппа V на пересеченной местности рассыпалась, и римские манипулы консула Фламинина перебили врагов, потерявших строй. Подобные примеры всегда были в поле зрения историков и дали повод еще И.Н. Болтину сделать знаменитое замечание: «У историка, не имеющего в руках географии, встречается претыкание» [33, с.20].

Сейчас вопрос ставится иначе: не только о том, как влияет географическая среда на людей, но и в какой степени сами люди являются составной частью земной оболочки, именуемой биосферой [44], а также на какие именно закономерности жизни человечества влияет географическая среда и на какие – не влияет? Говоря об истории, мы обычно имеем в виду общественную форму движения материи – прогрессивное развитие человечества. На его внутренние закономерности ни географические, ни биологические воздействия существенно влиять не могут. Однако каждый человек в отдельности является не только членом общества, но и физическим телом, которое подвержено тяготению и другим природным законам; организмом со всеми его биологическими функциями; млекопитающим, входящим в биоценоз населяемого ландшафта; членом определенного этноса (племени, народности и т.п.). Поэтому человек подвержен воздействиям и гравитации, и инфекции, и голода вследствие изменений ландшафта, и процессов этногенеза, которые иногда совпадают с общественными процессами, а иногда не совпадают. Таким образом, на современном уровне науки в историческое понятие «географический источник» следует ввести, помимо ландшафтного окружения, географические особенности развития этносов.

Значит, не только история без географии встречает «претыкание», но и физическая география без истории будет выглядеть крайне однобоко. Отсюда вытекает, что обязательно нужно пользоваться историческими данными для изучения палеогеографии того или иного периода, причем с учетом конкретных обстоятельств. При этом следует ориентироваться не на буквальные публикации источников, а на канву событий, отслоенных и очищенных от первичного изложения. Только тогда будет ясна соразмерность фактов, когда они сведены в одномасштабный причинно-следственный ряд. В результате исключается также тенденциозность источника или малая осведомленность его автора. То, что для историка станет завершением работы, для географа окажется отправной точкой. Будут исключены те события, причины которых известны и относятся к иной сфере, например спонтанному развитию социально-экономических формаций либо к личным поступкам политических деятелей. Останется сфера этногенеза и миграций. Тут-то и вступит в силу взаимодействие общества с природой.

Особенно это прослеживается, когда главную роль играет еще натуральное или простое товарное хозяйство. Ведь способ производства определяется первоначально теми экономическими возможностями, которые возникают в природных условиях конкретной территории, кормящей племя или народность. Род занятий подсказывается ландшафтом и постепенно направляет развитие материальной, а отчасти и духовной культуры возникшей этнической целостности. Когда же данный этнос исчезнет, то памятником его эпохи

останется археологическая культура, свидетельствующая о характере хозяйства этого народа, а следовательно, и о природных условиях эпохи, в которой оно бытовало. Тем самым мы оказываемся в состоянии отчленить исторические события политического характера от событий, обусловленных преимущественно изменениями физико-географических условий.

Все народы Земли живут в ландшафтах, за счет природы. Но ландшафты разнообразны, разнообразны и народы; ибо, как бы сильно ни видоизменяли они свой ландшафт, путем ли создания антропогенного (порожденного деятельностью человека) рельефа или путем реконструкции флоры и фауны, людям поневоле приходится кормиться тем, что они сами могут извлечь из природы на той территории, которую этнос либо заселяет, либо прямо или опосредованно контролирует. Однако ландшафты тоже меняются. Они имеют свою динамику развития, свою историю. А когда ландшафт изменится до неузнаваемости, люди должны будут либо приспособиться к новым условиям, либо умереть, либо переселиться на другое место.

Так возникает проблема миграций. Модификация ландшафтов – не единственная их причина. Они назревают также при демографических взрывах или при общественных толчках. Любопытно, что в любом случае переселенцы станут искать условия, подобные тем, к которым они привыкли у себя на родине. Англичане охотно переселялись в страны с умеренным климатом, особенно в степи Северной Америки, Южной Африки и Австралии, где можно разводить овец. Тропические районы их особенно не манили, и там они выступали преимущественно в роли колониальных чиновников или купцов, т.е. людей, живущих за счет местного населения. Это, конечно, тоже миграция, но иного характера. Испанцы колонизовали местности с сухим и жарким климатом, оставляя без внимания тропические леса. Они хорошо прижились в аргентинской пампе, где истребили тэульчей, майя же в тропических джунглях Юкатана сохранились. Якуты проникли в долину р. Лены и развели там лошадей, имитируя прежнюю жизнь на берегах Байкала, но не посягали на водораздельные таежные массивы, оставив их эвенкам. Русские землепроходцы в XVII в. прошли сквозь всю Сибирь, а заселили только лесостепную окраину тайги и берега рек – ландшафты, сходные с теми, где сложились в этнос их предки. Равным образом просторы «Дикого поля» освоили в XVIII – XIX вв. украинцы.

Приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод о влиянии ландшафта на этнические сообщества. Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все биологические особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, острова накладывают свой отпечаток на организм. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться или вымереть. В освещаемом нами аспекте проблемы данный фактор дополняет историческое исследование, позволяя полнее анализировать этногенез вообще, у кочевников – в частности.

Поскольку миграции степных этносов нами обстоятельно рассмотрены в специальной работе [115], можно обратиться к формулировке вывода. Если рассматривать этносы как часть биосферы, с особыми, только им присущими чертами: техникой и социальным развитием, что разработано в эмпирическом обобщении теории – этногенеза, то характер взаимоотношений общества и природы проявится в этнической истории не только кочевых, но и оседлых народов. Однако вскрыть эту взаимообусловленность удалось путем детального изучения именно кочевников, так как здесь она выражена более четко, чем у народов оседлых. Сохранение кочевыми народами своих форм быта и хозяйства позволяет осветить донныне не разработанный проблему.

Народы великого континента

В чужих словах скрывается пространство;
Чужих грехов и подвигов череда,
Измены и глухое постоянство
Упрямых предков, нами никогда
Не виданное. Маятник столетий,
Как сердце, бьется в сердце у меня.
Чужие жизни и чужие смерти
Живут в чужих словах чужого дня.
Они живут, не возвратясь обратно,
Туда, где смерть нашла их и взяла,
Хоть в книгах полустерты и невнятны
Их гневные, их страшные дела.
Они живут, туманя древней кровью,
Пролившей и истлевшей давно,
Доверчивых потомков изголовья.
Нас всех прядет судьбы веретено
В один узор; но разговор столетий
Звучит, как сердце, в сердце у меня.
Так, я, двусердый, я не встречу смерти,
Живя в чужих словах чужого дня.

Л.Н. Гумилев История 1936 г.

Три исчезнувших народа [57 - «Страны и народы Востока». Вып. II. М., 1961, с.103–113.]

Происхождение народа тюркют

Тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны в самой глубокой древности начиная с III в. до н.э., но термина «тюрк» тогда еще не существовало.

На заре истории (III в. до н.э.) они назывались «хунну», позднее, в IV – V вв., – «гаогюй», или «теле», но эти названия, по-видимому, охватывают не все тюркоязычные племена, так что единого народа, говорившего по-тюркски, историей не зафиксировано.

Народ, именовавший себя «тюрк» (китайское название «ту-кю»), сложился в начале VI в. в Монгольском Алтае, причем этот этноним относился не ко всем тюркоязычным племенам, а лишь к небольшому народу, впоследствии захватившему гегемонию в Срединной Азии. До сих пор возникновение и эволюция этого народа не были исследованы достаточно убедительно.

В XIX в. вопрос об этнической принадлежности народа «ту-кю» решался двояко: французская школа ориенталистов считала их тюрками; русский синолог Н.Я. Бичурин (Иакинф) с той же категоричностью называл их монголами. Открытые Н.М. Ядринцевым орхонские надписи как будто полностью установили идентичность «ту-кю» с тюрками. И тем не менее мы не можем безоговорочно принять эту идентичность.

Прежде всего необходимо заметить, что орхонские надписи составлялись в VIII в., тогда как народ «ту-кю» существовал в начале VI и даже в V в. Ханы «ту-кю» принадлежали к фамилии Ашина, что должно было означать «волк». В «Вэй-шу» и «Суй-шу» имеются легенды о происхождении этого народа.

При этом в двух несколько разнящихся легендах из этих летописей главное место занимает

происхождение предка тюрков от волчицы [30, т. I, с.220; 302, pp.327–328] [58 - Сведения мусульманских авторов мы не анализируем, так как под «тюрками» мусульмане подразумевали всю группу тюркоязычных племен, а не тот народ, который назывался «тюрк» в VI в.].

Очевидно, когда-то волк был «тотемом» тюрков, так как на их знаменах красовалась золотая волчья голова [30, т. I, с.229], а в плане кампании, составленном при дворе Гао-цзуна в Чанани, против западнотюркского хана Хэлу содержится знаменитая фраза: «Такую следует употреблять меру: гнать кочевых и нападать на волков» [30, т. I, с.290; 272, с.61]. Под волками подразумеваются князья рода Ашина и их личные дружины.

Само слово «ашина» не тюркское. По-тюркски волк – «бури», «касқыр», «курт». В истории народов «ту-кю» фигурирует и «бури», однако оно используется для обозначения копыеносцев – гвардейцев, «фули» [30, т. I, с.229], а не членов ханского рода.

«Ашина» – это трансформированное в китайском монгольское по происхождению слово (по-бурятски волк – «шоно», по-калмыцки – «чоно»). В китайском отсутствует иероглиф, читающийся «но». Начальный «А» – китайский префикс уважения. Таким образом, «ашина» обозначает «благородный, уважаемый волк», что соответствует известному смыслу термина [59 - Н.В. Кюнер объяснял префикс «А» требованиями благозвучия (устное сообщение)].

П. Пелио [317] отмечает, что китайское название тюрков «ту-кю» передает не «тюрк», а «тюркют» («тюрк + ут»), что является формой монгольского множественного числа. По-тюркски было бы «тюрклер».

П. Пелио находит в орхонских надписях несвойственные тюркским языкам слова (преимущественно титулы и звания), оформляющиеся монгольским множественным числом. Например: «тархан», мн.ч. – «тархат», «тегин», мн.ч. – «тегит». К этому можно прибавить и термин «багадур» – титул Истеми, брата основателя династии Тумына. Истеми умер в 576 г., но термин «багадур» встречается и в VII в. Несомненно, что эти термины привнесены в тюркскую языковую среду извне. Пелио высказывает гипотезу о том, что тюркская титулатура заимствована у жужаней, но наличия развитой титулатуры у последних не отмечено. Больше того, политическая структура Жужаньского каганата как будто исключает необходимость ее существования. В сноске к той же статье Пелио оговаривает возможность заимствования этой титулатуры у потомков тоба. Это предположение находит подтверждение в историческом анализе. Следует также отметить, что само слово «тюрк», согласно П. Пелио и А.Н. Кононову, значит «сильный, крепкий» [317а); 169], что опять-таки подчеркивает происхождение этнонима из политического термина VI в. А.Н. Кононов пришел к этому выводу в результате глубокого филологического исследования. Термин «турк» он разъясняет как собирательное имя, значение которого было понятно на большой территории и которое «объединяло многие племена различного расового и этнического происхождения» [169]. Вывод А.Н. Кононова подтверждает соображения П. Пелио о наличии при политическом термине монгольского множественного числа, так как монгольские племена входили в состав первого объединения, называемого «ту-кюй», зафиксированного в III в. в Ганьсу [56; 271].

Нет никаких оснований сомневаться в общепринятом положении, что население Алтая в V и VI вв. было тюркоязычным. Но были ли тюркоязычны ханы Ашина? В «Суингу» приводится легенда об основании их державы, не заключающая в себе ничего легендарного. «Другие сказывают, что дулгасский (тюркютский. – Л.Г.) Дом образовался из смешения разных родов, кочевавших в Пхинлян (западная часть Шэньси. – Л.Г.), он прозывался Ашина. Когда Тхай-Ву, император из Дома Вэй, уничтожил цзюйкюя (439 г.), то Ашина с пятьюстами семействами [60 - «Пятьсот семейств» нельзя понимать в буквальном смысле. В эпоху Чжоу это был термин, служивший для обозначения административной единицы второго разряда: «пять групп дан образуют округ Чжоу, включавший 2500 семей» (Чжоули,

глава Дигуань, пер. Хвана). Следовательно, это место надо читать: «Ашина и его небольшая орда» или «Ашина с немногочисленными сторонниками.»] бежал к жужаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев» [30, т. I, с.221].

Анализируя этот текст, Г.Е. Грумм-Гржимайло полагает, что часть тюрков во главе с князьями Ашина была переселена хуннами на юг, где и оставалась до изгнания хуннских князей из Хэси [56, т. II, с.211]. Но в такой гипотезе нет необходимости. В эпоху, предшествовавшую тобаскому завоеванию, кочевники внутри Китая уже не группировались по племенному принципу. Они собирались вокруг вождей, создавая небольшие орды, и так как большинство их были дезертирами из крупных сяньбийских держав – Муюн и Тоба, то межплеменным языком был сяньбийский, т.е. древнемонгольский [327] [61 - Это мнение разделяет и Г.Е. Грумм-Гржимайло, который, указывая на то, что сяньбийцы были смешанным народом, признает их монголоязычие [56, т. II, гл. III].].

Поэтому какого бы происхождения ни были те «500 семейств», которые объединились под именем Ашина, между собою они объяснялись по-монгольски, до тех пор пока перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай. Однако столетнее пребывание в тюркоязычной среде, разумеется, должно было способствовать быстрой перемене разговорной речи, тем более что «500 семейств» монголов были каплей в тюркском море. Надо полагать, что к середине VI в. и члены рода Ашина, и их спутники были совершенно оторочены и сохранили следы монголоязычия лишь в своей титулатуре.

Исходя из всего сказанного выше, мы имеем право констатировать, что Иакинф Бичурин не был полностью прав. Тюрки VI в. (правильнее – тюркюты) – это сложносоставной народ, сложившийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из Ордосских степей воинственные традиции своих сяньбийских предков, и тюркоязычного населения Большого Алтая, которое благодаря развитому кузнечному ремеслу снабдило своих будущих соплеменников оружием.

В середине VI в. оба эти элемента слились в единое целое и оправдали свое название «волок». Они создали огромную державу от Желтого до Черного моря, успешно воевали с Китаем, Ираном, Византией и терроризировали окружающие их кочевые племена, пока не погибли сами [62 - О причинах гибели восточной ветви тюрков см.: 60, 61.].

Эпоха первого Тюркского каганата (546–659 гг.) имела огромное значение не только для истории Азии, но и для термина «тюрк». Кочевники, подчиненные ханам династии Ашина, понимали название «тюрк» как политический термин, означавший сопричастность к каганату. В этом смысле они и называли себя тюрками, когда с ними столкнулись арабы. Но мусульмане восприняли термин «тюрк» как общее название кочевых племен Внутренней Азии, и Махмуд Кашгарский дал новую дефиницию: «Всевышний бог сказал: „У меня есть войско, ему я дал имя Турк; его я на Востоке поселил. Когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, тюркам во владение тот народ отдаю“» [196, с.40]. Это уже совсем иное значение термина, чем в VI – VII вв., когда еще отмечалось различие между собственно тюрками, т.е. ордой ханов Ашина, и телесцами, дулу, нушиби, чуйскими племенами, хотя и те и другие говорили на одном языке. При этом необходимо отметить, что в VIII в. слово «тюрк» еще не принимало суффикса «лер», хотя уже утратило суффикс «ут» [169, с.41]. Исходя из этого, было бы правильно разграничить смысл терминов и для VI – VII вв. восстановить название «тюркют», а для позднего времени сохранить термин «тюрк», но уже как наименование лингвистической группы [63 - Данное расчленение и уточнение термина было впервые предложено нами в 1949 г. на заседании отдела Сибири Института антропологии и этнографии, а в 1959 г. опубликовано в журнале «Советская археология», № 1, с.105. Целесообразность этого уточнения видна из того, что его, независимо от нас, приняли японские ученые (см.: «Der Islam», Bd. 35, 1960, «Japanische Arbeiten über Zentralasien», S.

127–129).].

Вернемся к рассмотрению тех племен, которые, принадлежа к тюркской группе, не были тюркютами.

История пограничных областей каганата и населявших их племен уже освещена в исследовательской литературе [64 - Сводку и критический обзор литературы по данному вопросу см.: 59.], но внутренние районы изучены значительно слабее. Прежде всего это касается Джунгарии и Семиречья. Несмотря на то что именно здесь был центр двух мощных каганатов: западнотюркского и тюргешского, соотношение племен и их происхождение остается невыясненным. Семиречье населяли «чуйские» племена – чуюе, чуми, чумугунь, чуюбань, потомки юебаней, среднеазиатской ветви хуннов [23, с.156]. В Джунгарии обитали «телеские» племена киби и яньмань, но они не представляют научного интереса, так как их этническая принадлежность и историческая роль уже раскрыты Э. Шаванном [272, р. 123]. Загадку представляют племена аба и мохэ, они же абары и мукрины.

Мукри и истинные абары

Феофилакт Симокатта, излагая письмо кагана тюрков к императору Маврикию, сообщает, что в 50-х годах VI в. истинные абары (не смешивать с псевдоаварами, проникшими в Европу в то же время) были разбиты тюрками [332].

Племя, называемое «абар» или «апар», упоминается в нескольких источниках. Приск Панийский сообщает, что в 461–465 гг. абары разгромили сабилов, в свою очередь потеснивших угорские племена Юго-Восточной Европы при отходе от наседавших на них абаров [237, с.87]. Затем Феофилакт Симокатта предостерегает от смешения истинных абаров (???????) с псевдоаварами – вархонитами, пришедшими в Европу в VI в. под давлением тюрков [253, с.160–161]. Абары упоминаются и в большой орхонской надписи в числе племен, пришедших на похороны Бумын-кагана в 552 г. [183, с.36]. В «Суй-шу» аба названы в числе племен, обитавших в Южной Джунгарии в конце VI в. [302, р.50]. Абары попали сюда с берегов Балхаша, где в V в. только они и могли граничить с сабирами. Дату разгрома абаров тюрками можно рассчитать: к 558 г., когда тюрки вышли на Волгу, абары уже были разбиты. Их поражению предшествовала победа тюрков над эфталитами, но не окончательная, в 569 г., а первая, имевшая место в 555 г. [27]. Следовательно, разгром абаров произошел в 556–557 гг.

О их дальнейшей судьбе Феофилакт Симокатта повествует: «Когда абары были побеждены, то одни из них убежали к держащим Таугаст. Таугаст – знаменитый город, в 500 милях от тех, кого я называю тюрки. Он на границе Индии. Поселившиеся вокруг Таугаста варвары – сильное и многолюдное племя, не сравнимое ни с каким другим племенем в мире. Другие абары, униженные своим поражением, отправились к так называемым мукри. Это племя, самое близкое к Таугастам. Они очень сильны на войне вследствие ежедневных телесных упражнений и презрения к опасностям» [253, с.160].

Литература об «истинных аварах» критически разобрана автором данной статьи в специальной работе [59]. Таугасты – это сяньбийцы-тоба, в указанное и предшествующее время обладавшие Северным Китаем [65 - «Таугаст», в тюркском произношении «табгач» [см.: 183. История вопроса: 272, 304, 312, 317, 320]. Только Хауссиг считает, что Табгач – это город в Западном Туркестане, недалеко от Хубдана, основанный Александром Македонским [333]. Оспаривать подобное утверждение излишне.]. Этническая принадлежность народа «мукри» и территория, им занятая, до сих пор не установлены. Решению этой задачи и посвящена настоящая статья.

В исторической литературе по поводу «мукри» высказано два мнения. Маркварт отождествил их с меркитами [312, 5, 54]. Однако с этим мнением нельзя согласиться, во-первых, потому, что перестановка согласных здесь ничем не оправдана, а во-вторых,

потому, что меркитов нельзя назвать народом, близким к сяньбийцам-тоба, ни этнически, ни территориально. Э. Шаванн полагает, что «мукри» – это приамурский народ тунгусского племени, впоследствии называемый китайцами «мохэ» [272, p.230]. Но в этом случае остается непонятным, каким же образом «истинные авары», разбитые тюркютами около Балхаша и бежавшие от них, смогли попасть на Амур; ведь для этого им пришлось бы пройти через коренные тюркские земли, и притом степи без малейшего укрытия. Да и то, что столь значительная по протяженности перекочевка не была замечена в Китае и не внесена в династийную историю, делает эту гипотезу неубедительной.

Вполне естественно, что там, где нет крепостей, от кочевников наиболее целесообразно спастись в горах. Но так как Алтаем владели сами тюрки, то теоретически единственным местом укрытия для истинных абаров была система Тянь-Шаня, около которой мы и застаем их в тюркское время [66 - В Южной Джунгарии, где они разбили хана Далобяня, отступившего затем в Бухару.]. Следовательно, народ «мукри» нужно искать именно там.

Обратимся к исторической географии начала I тысячелетия н.э. Оказывается: с конца II по конец IV в. эти земли занимала «Западная сяньбийская орда». Сведения о ней содержатся в китайской географической энциклопедии «Дайцин Итунчжи» и публикуются впервые в переводе Н.Я. Бичурина [31, с.542, 549, 553]. Основной территорией этой орды была Южная Джунгария. На западе сяньби граничили с Усунью в районе Тарбагатай, на востоке им принадлежали степи вокруг оз. Баркуль, на юге они владели оазисом Хами. На этом и исчерпываются сведения о западных сяньби, полученные нами из «Дайцин Итунчжи». В следующую, Северо-Вэйскую эпоху (V – VI вв.) названные земли уже принадлежат орде Жужань.

Но каково было этническое самосознание западных сяньби? В VI – VII вв. на западной окраине очерченной территории мы застаем тюркешское племя «мохэ», имя которых однозвучно с именем приамурских «мохэ» [272, p.346], хотя и передается разными иероглифами. Это далеко не случайно. Во II в. сяньбийский вождь Таншихай покорил западную половину Маньчжурии и затем совершил несколько походов на запад. Подобно всем кочевникам, сяньбийцы включали покоренных в свои войска, поэтому мы допускаем мысль, что западные и восточные «мохэ» одного происхождения. «Западная сяньбийская орда» возникла после распада державы Таншихая и состояла из дружин, оставшихся на завоеванной территории. Вполне понятно, что члены этой орды сохранили свой этноним, т.е. «мукри», приведенный фактический материал достаточно убедительно объясняет отмеченную Феофилактом «близость» «мукри» и таугастов-тоба, а также соседство племен «аба», т.е. «истинных абаров», и «мохэ», т.е. «мукри», в VI – VII вв. Длительное пребывание западных «мукри» в новой среде не могло не отразиться на их облике, и потому китайские географы подобрали для обоих разделов «мохэ» разные иероглифы с одинаковым звучанием, характеризующие их быт и культуру. Для приамурских ключом является звериная шкура, для джунгарских – трава.

Итак, теперь мы имеем право сделать вывод, что «мукри» – это не что иное, как смешанное тунгусско-монгольское племя, перешедшее от охоты к кочевому скотоводству. Будучи немногочисленны, они не могли успешно соперничать с жужанями и уступили им свои восточные земли около оз. Баркуль и оазиса Хами, а центром района их собственного обитания стал г. Мохэ, находившийся между Гучэном и Урумчи [272, p.27].

Предлагаемое здесь восстановление хода процесса этногенеза находит подтверждение в источнике более позднего времени, относящемся непосредственно к народу «мукри».

Рашид эд-Дин сообщает о них следующее: «Племя бакрин, их также называют мукрин

Жилище их находится в стране Уйгуристан, в крепких горах. Они не монголы и не

уйгуры» [217, с.129]. Согласно Рашид эд-Дину, произношения

зависят от разницы диалектов. По той же причине тот же народ называют также «кабрин» [там же, с.70]. Рашид эд-Дин считает, что относятся они к степным племенам, похожим на монголов, происходящим от племен дядей мифического Угуз-хана. В этот раздел входят кераиты, найманы, онгуты, тангуты, бакрины и киргизы [там же, с.8], т.е. разнообразные племена, этническая принадлежность которых различна и весьма неясна. В тех же выражениях сообщает о мукринах Абуль-Гази [233, с.40], восходя, очевидно, к Рашид эд-Дину. Наконец, о мукринах упоминают Плано Карпини [210, с.35] и Мин-ши [212, с.135].

В монгольскую эпоху область мукринов составляла удел Хайду, внука Угэдэя, и затем, по-видимому, вошла в Чагатайский улус. Когда власть чагатайских ханов пала и в степи организовывался узбекский племенной союз, то в числе вошедших в него племен были и мукрины [56, т. II, с.533]. Ныне мукринов нет, хотя в 1896 г. Г.Е. Грумм-Гржимайло встретил в Карлыктаге остатки какого-то племени, говорившего на смеси монгольского, китайского и тюркского языков [54, с.484–485], но были ли это последние мукрины или кто другой, решить невозможно.

В прослеженном ходе событий остается неясным один вопрос: объединение двух воинственных племен – мукри и абаров – не могло не создать грозной силы, и эта сила не могла не обнаружить себя после падения Великого тюркского каганата, т.е. во второй половине VII в. Эту силу мы находим – Тюргешский каганат возник именно в указанное время и на той самой территории, где объединились абары и мукри, – в Западной Джунгарии и Семиречье.

Анализ истории Тюргешского каганата подтверждает все выводы, сделанные нами раньше.

Тюргеши

Подобно абарам и мукринам, тюргеши (правильнее тюркешы, кит. – тукиши) не принадлежали ни к телеской, ни к чуйской, ни к собственно тюркской (тюркютской) группе. Первые сведения о тюргешах относятся ко второй четверти VII в., когда они были перечислены в составе пяти племен дулу [30, с.289]. Затем, когда Западно-тюркский каганат был завоеван китайцами в 659 г., тюргеши населяли два военных округа: Булоу в верхней части долины р. Или, где жили роды согдэ и мохэ, и Го-шань, к западу от р. Или, где обитали алишэ [56, с.269]. «История династии Тан» говорит о происхождении и этнической принадлежности тюргешей только то, что они составляли «особливое поколение» в Западном каганате [30, с.296].

Н.А. Аристов [7, с.27] и Г.Е. Грумм-Гржимайло [56, т. II, с.269] считают, что тюргеши пришли с Алтая. Основанием для этого служит показание В. Радлова о том, что среди черневых алтайцев есть отдел тиргеш [319, S.213]. Однако звуки «тиргеш» и «тюркеш» имеют сходство лишь для русского уха, но не для тюркского, и сопоставление, основанное на случайном фонетическом сходстве, совершенно неубедительно. Для Н.А. Аристова оно вызвано его стремлением вывести все тюркские племена с Алтая. Вполне понятно, что для нас такая тенденция неприемлема, ибо искать предков тюргешей среди черневых татар нет никаких оснований.

Но политическая история дает нам ключ к разъяснению этого внезапно возникшего этнонима.

В 635 г. в системе Западного каганата пять племен союза дулу получили равные с тюркютами права. Одним из этих племен были тюргеши.

Само слово «тюркеш» можно прочесть как «тюрк + еш» [67 - Е. Прицак считает аналогичными слова «тюркют» и «тюргетя» – tʔr + gi + s, – усматривая в k-g суффикс собирательности [318, S.76].], где «еш» – уменьшительный суффикс (теленгитский язык), т.е. в переводе оно будет означать «младший тюрк», «тюрчонок» (словообразование,

аналогичное «Малороссия» и «малоросс»). Это наименование было дано населению Илийской долины в знак его приобщения к господствующему племени, т.е. тюркютам, и постепенно новое административное название вытеснило старое, племенное.

Подобные приемы в Азии нередки. Например, торгоуты – это калмыцкое племя, которое происходит от ближайших родичей Ван-хана кераитского, и само их название «торгоут» значит телохранители [56, т. II, с.570]. Хезарейцы в Афганистане – монголы, входившие в расквартированную там тысячу

Наконец, мамлюки в Египте, пополнявшиеся сначала только покупкой невольников, захватив власть, превратились в подобие племенной группы.

И все-таки предположение, что тюргеши являются потомками абаров, было бы гипотезой, если бы не два факта, подтверждающих его.

Среди тюргешей отмечен род мохэ. Э. Шаванн доказал, что это китайская передача названия «мукри», того самого, к которому бежали абары от тюркютов в 557 г. [272, р.230]. Во второй половине VII в. мукри фиксируются на том же месте, что и в середине VI в., и в тесном симбиозе с родами согэ и алишэ.

Второй факт тесно связан с первым. История знает немало случаев, что когда куда-либо прибывало много беглецов, то, как бы хорошо они ни были приняты, между ними и старожилами часто наблюдался некоторый антагонизм. Правда, со временем он иногда стирался, а иногда оставался. Если наше предположение о том, что тюргеши были народом, возникшим от смешения мукри и абаров, правильно, то разница между ними должна наблюдаться даже и тогда, когда они уже слились в один народ. И действительно, междоусобная война «желтых» и «черных» родов раздирала тюргешей больше, чем какой-либо другой современный им народ.

Н.А. Аристов, отмечая социальную подоплеку этой войны, указывает, что желтый цвет в Азии – это царский, аристократический цвет, а черный – вообще низкий, худший. В применении к племенам и родам он означает младшую часть племени, например кара-кидани [7, с.28], Н.А. Аристов также полагает, что черные роды – это дулаты и киргизы, подчиненные тюргешам, но в указанный период дулаты и нушиби продолжают существовать наряду с тюргешами [30, с.296]. Поэтому «желтые» и «черные» роды нужно искать в составе собственно тюргешей. Здесь они и обнаруживаются.

Основатель Тюргешского каганата Учжилэ был «мохэ дагань» (тархан) [там же], т.е. происходил из мукрийцев. Он и его сын Согэ были представителями «желтых» родов [там же, с.299].

Согэ был взят в плен восточнотюркским ханом Мочжо и казнен в 711 г. Власть захватил Чеби Шэчжо Сулу, происходивший из «отдельного Тюргешского рода» [там же, с.297]. Чеби пал жертвой заговора «желтых» (738 г.), во главе которых стояли князь Думочжи и опять-таки мохэ дагань [там же, с.300], т.е. мукрийский тархан [68 - «Мохэ» (Э. Шаванн читает «Бага») ни в коем случае не может быть именем собственным, так как еще Учжилэ имел титул «мохэ дагань» (см.: 30, т. I, с.296; 234, т. VI, с.43 и 79). А.Н. Бернштам опубликовал тюргешскую монету с надписью уйгурским шрифтом: т.е. «turgas qa?an baj ba?a» («Труды отдела Востока Гос.Эрмитажа», т. II, 1940, с.105). Как видно из транскрипции, буква одинаково означает q и ?. В таком случае можно прочесть вместо ba?a-baqa-qa?an, т.е. первый слог этнонима bakrin равнозначного с мукрин. Китайцы так и делают. Название племени и титул тархана они пишут одними и теми же иероглифами. Это показывает, что термин «мохэ-бага» означает принадлежность к племени, в данном случае мукрин-бакрин. При этом необходимо учитывать, что мохэ-дагань – мукрийский тархан – титул родовой, так как в чиновной иерархии Тюргешского каганата интересующий нас персонаж носил титул «куль-чур» и управлял племенем чумугунь [272, р.285].], личное имя которого не сохранилось. Разделавшись с каганом Сулу, Думочжи попытался продолжить защиту дела

«черных». Он поставил сына убитого хана, Тухосяня, ханом и атаковал мохэ даганя. Последний, опершись на союз с Китаем, разбил своих противников, захватил власть и восстановил господство «желтых» родов.

Однако в 742 г. власть вновь захватили «черные» роды, поставив ханом Эльэтмиш Бильге Кутлуга, которого сменил Тенгри Улуг Мунмиш. В 756 г. желтые роды собрались с силами, и снова вспыхнула междоусобная война, в результате которой тюргеши ослабли настолько, что в 766 г. принуждены были подчиниться частью карлукам, частью уйгурам [30, т. I, с.300].

Из разбора этих событий следует, что «желтыми» родами были старожилы-мукрийцы, а «черными» – пришельцы-абары и что все известные факты подкрепляют предположение, высказанное в виде гипотезы.

Тюргеши были многочисленным народом. В момент кульминации хан Согэ имел 300 тыс. воинов [там же, с.297]. Эта, вероятно, завышенная цифра, кроме собственно тюргешей, включает в себя вспомогательные войска соседних племен, подчинившихся тюргешам после развала Западнотюркского каганата и пресечения династии Ашина.

Это видно из того, что отец его, Учжилэ, основатель династии, имел только 140 тыс. воинов [там же, с.296], и то благодаря тому, что «умел успокаивать подчиненных, чем приобрел уважение и доверенность их, и кочевые повиновались ему» [там же].

«Черные» роды не отличались многочисленностью. Н.Я. Бичурин отмечает, что всего у хана Сулу насчитывалось 200 тыс. душ, а не воинов [там же, с.297], т.е. они составляли примерно 1/3 тюргешского народа.

Применяя обычный коэффициент расчета отношения войска к народу для варварских держав, где каждый взрослый мужчина – воин [69 - Отношение рассчитано на основании изучения европейских варваров-германцев. Количество мужчин-воинов составляет 20%.], можно с известной точностью определить численность тюргешей. Она колеблется от 500 тыс. до 700 тыс. По тем временам это очень много, особенно если учесть, что в 745 г. население Китая достигало всего лишь 58 млн. и что на этот период приходится максимальный расцвет Танской династии [56, т. I, с.338]. Но если образование мощного тюргешского народа удовлетворительно объясняется объединением мукрийцев и абаров, то чем же можно объяснить его быстрое падение и полное исчезновение?

Вновь обратимся к рассмотрению политической обстановки VIII в.

Это было бурное время. Четыре могущественных государства боролись друг с другом за господство над степью и оазисами Западного и Восточного Туркестана.

С востока на Тянь-Шань замахнулась империя Тан, и тюргеши не могли не считаться с ней. Еще большую опасность представляли орхонские тюрки, разгромившие «желтых» тюргешей в 711 г. [30, т. I, с.297]. Хан «черных» родов Сулу нашел союзника в лице Тибетской империи и с ее помощью ограбил китайские владения в Восточном Туркестане [там же, с.298]. Но на западе возник новый мощный враг – арабы.

Захватив власть, желтые роды снова ориентировались на Китай, но уже при условии признания их господства и суверенитета в ущерб последним представителям тюркютской династии Ашина. Китайское правительство пошло на эти требования. Однако ввиду того, что в 742 г. власть снова захватили черные тюргеши, этот союз не оказался прочным [там же, т. II, с.300]. Для последующей расстановки сил это имело решающее значение, так как в битве при Таласе в 751 г., когда китайцы столкнулись лицом к лицу с арабами, на стороне последних выступали карлуки, и Гао Сянь-чжи был наголову разбит Зияд ибн Салихом.

После этого сражения многое изменилось. Китайцы отказались от претензий на Среднюю Азию, а восстание Ань Лушаня окончательно подорвало силы Таиской империи. На севере усилилось Уйгурское ханство, парализовавшее тибетское влияние к северу от Тянь-Шаня, а запад достался мусульманам и их союзникам – карлукам. Немудрено, что в таких условиях Тюргешское ханство, раздираемое междоусобной войной, не могло уцелеть. Тщетные

попытки снестись с Китаем продолжались до 758 г., но помощи ниоткуда не пришло. В 766 г. карлуки, уже подчинившие себе десять родов (дулу и нушиби), покорили часть тюргешей, а прочие тюргеша поддались уйгурам. И больше имени «тюргеш» в истории Средней Азии мы не встречаем.

Тюргеша унаследовали традицию западных ханов Ашина, и все их культурные связи тянулись к Китаю. Восточнотюркские ханы, враги Китая, были одновременно и врагами тюргешей; согдийские дехканы, древние союзники Китая, пользовались полной поддержкой тюргешей в борьбе против арабов. Не случайно тюркских (в том числе и тюргешских) всадников персы именуют «китайские тюрки» [70 - выражение, часто встречающееся в «Шах-намэ» и обозначающее тюрков первого каганата (тюркютов).], подчеркивая этим принадлежность последних к дальневосточной культуре.

Но решающий удар по тюргешам нанесло изменение экономики, тесно связанное с описанными нами событиями.

Караванная торговля пришла в упадок, так как на западе арабы разгромили согдийских купцов, а на востоке восстание Ань Лушаня привело к полному обнищанию Китая. В результате этого посредническая роль Тюргешского каганата свелась к нулю. Лишенный экономической базы и культурных связей, раздираемый междоусобной войной, он не мог уцелеть и не уцелел. Вместе с ним исчез и его народ. И хотя это явления специфично для этногенеза Центральной Азии, оно вовсе не составляет общего правила. В иных условиях народ переживает, и часто надолго, свою политическую независимость (например, греки под римским владычеством, кавказские народы под властью сасанидских шахиншахов и египтяне под игом арабов).

В те же эпохи процессы созидания и разрушения в Центральной Азии идут гораздо интенсивнее, и народ, теряя независимость, теряет стимул к существованию.

Тюргеша, подчинившиеся карлукам, стали карлуками, подчинившиеся уйгурам, – уйгурами. Этнографическая карта изменилась почти одновременно с политической, и мы вправе прекратить дальнейшие поиски, так как искать больше нечего.

Нами прослежены процессы возникновения, развития и исчезновения тюргешского народа.

Эфталиты и их соседи в IV в. [71 - «Вестник древней истории», 1959, № 1, с.129–140.]

О народе, называемом эфталиты, мир узнал впервые в 384 г. н.э. когда при осаде Эдессы в персидском войске появились эфталиты, восточные соседи персов [288, с.82]. Однако после этого они еще свыше полувека были в тени и не играли значительной роли на арене истории. Зато они это наверстали к середине V в.

Несмотря на то что по поводу происхождения и этнической принадлежности эфталитов имеется огромная, уже почти необозримая литература, оба эти вопроса не могут считаться решенными. Начнем с имени эфталитов, которых называли белые хунны. Почему хунны и почему белые? Во-вторых, происходит ли этноним «эфталит» от имени царя (как думал Гиршман) или от места обитания или же это политический термин? В-третьих, кем были эфталиты в расовом отношении? В-четвертых, где была их исконная земля? Ибо ее помещают и к северу и к востоку от Согда. И наконец, какое место занимали эфталиты в семье центральноазиатских народов, с которыми они соприкасались гораздо чаще, чем с Ираном и Индией.

Вот вопросы, которые встают перед исследователем и без выяснения которых почти вся история внутренней Азии в I тыс. н.э. остается неясной. Относительно происхождения эфталитов существует несколько гипотез, которые я излагаю кратко. Одни выводят эфталитов от юечжей. Эта гипотеза находит свое подтверждение в свидетельстве Прокопия: «Хотя эфталиты народ Уннского племени, но они не смешаны и не сносятся с известными

нам Уинами, ибо ни смежной области у них нет, ни вблизи от них не живут» [216, с.20–21]. Это мнение разделяет наиболее серьезный исследователь эфталитов Вивьен де Сен-Мартен [324], опираясь на Дегиня [276, с.325–326]. Действительно, очень удобно объяснить название «белые унны» сопоставлением загадочных эфталитов с народом юечжи, кочевыми арийцами, но это встречает непреодолимое препятствие в свидетельстве Бэйши, где наряду с Иеда-эфталитами упомянуты сами Даюечжи – индоскифы [30, т. II, с.266, 268]. К тому же, местное население называлось тохары, и источник отнюдь не отождествляет их с эфталитами – йеда, идань [там же, с.286]. При этом китайский автор Суй-шу выводит лишь царствующую династию эфталитов от юечжей, а отнюдь не весь народ. Вследствие этого гипотеза Вивьен де Сен-Мартена оказывается недоказанной.

По вопросу, откуда пришли эфталиты, также существует несколько точек зрения. Шпехт выводил их из Северного Китая [329, с.349] и относил их появление ко второй половине V в. Однако известно, что персы воевали с эфталитами уже в первой половине V в. Мнение Шпехта справедливо игнорируется Друэном [278, с.143, 153] и Шаванном [272]. По мнению Паркера, эфталиты – это юебань [316, с.168], тем самым он причисляет их к тюркам. Сходное мнение высказывают Блоше [298а), с.211] и С.П. Толстов [246], но это мнение разбивается о прямое указание Бэйши, что язык эфталитов не тюркский [311, с.688: «Эфталиты, коих нет никакого основания считать тюркским племенем...»]. Грумм-Гржимайло предлагает гипотезу, согласно которой ветвь юечжей попала на Алтай, объединилась с тамошними динлинами и в V в., разрушив Юебань, через Среднюю Азию пробралась в Тохаристан [56, т. II, с.197–198]. Однако раскопки Пазырыка показали, что алтайские европеоиды не светловолосые динлины, а темноволосые арийцы [224, с.66]. Н. Веселовский [46, с.100] относит эфталитов к арийцам, но не поясняет, откуда они взялись.

Из ныне существующих концепций можно привести мнение С.П. Толстова, который выводит эфталитов с берегов Сырдарьи, в связи с «общим подъемом варварских племен в IV в.» [247].

Эфталитской проблемы касался Маркварт [307]. Взгляды этого талантливого исследователя с течением времени менялись, но тем не менее сыграли свою роль при разработке целого ряда проблем истории Востока, в том числе и эфталитской.

Уделяли внимание эфталитам Шаванн [234, с.229–233] и Нёльдеке [310, с.99]. Однако разбор всех этих сочинений увел бы нас от самой проблемы в сторону истории проблемы. Поэтому я останавливаюсь на новейших работах.

Статья Везендонка [330, с.336–346], построенная исключительно на немецких работах, скорее запутывает, чем разрешает вопрос и является шагом назад по сравнению с работами Шаванна и Пелио. Эта статья Везендонка потеряла свое значение также и потому, что эта тема получила остроумное освещение в работе Н.В. Пигулевской [209, с.47–51]. Давая сводку сведений христианских авторов V в., Н.В. Пигулевская обращает внимание на термин «белые гунны», на их антропологическое отличие от монголоидных гуннов Причерноморья, хорошо известных Приску Панийскому и Аммиану Марцеллину. К «белым гуннам» она причисляет хионитов, кидаритов и эфталитов, отнюдь не смешивая их между собою.

Эфталитской проблемы коснулся также Мак-Говерн [309, с.399–420]. Он выводит эфталитов из Турфана во II в. н.э. и предполагает наличие у них связей с Тибетом. Ниже мы увидим, почему его взгляд не может быть принят.

В «Истории Узбекистана» (1952) нашли отражение взгляды С.П. Толстова. А.М. Мандельштам полностью принял отождествление хионитов с эфталитами, считая, что «это были группы кочевых племен, появившихся в среднеазиатском междуречье приблизительно в середине IV в. и подчинивших себе к началу VI в. огромную территорию от Северной Индии до Семиречья и от Хотана до границ Ирана» [«Советская археология» (XX), 1954, с.59–62]. К сожалению, А.М. Мандельштам не заинтересовался вопросом, где в IV в. н.э. мог

располагаться столь многочисленный народ, оставаясь к тому же не замеченным ни с востока китайцами, ни с запада греками. При этом А.М. Мандельштам признает, что эфталиты были ирано-язычны, а нам известно, что уже в III в. лесостепная граница Западной Сибири и Казахской степи была заселена уграми и, таким образом, предполагаемая прародина эфталитов должна была помещаться в Голодной степи, а это место малопригодное для прокормления большого народа.

Что же касается гипотезы Гиршмана о тождестве эфталитов и хионитов, то и по наше время остается в силе вывод Шаванна, что хион, вернее кирмахион, – это название для племен между Уралом и Каспием, по соседству с древними угорскими племенами. Китайцы называли их хуни, и нет оснований смешивать их с хунну. О былой культурной близости угров с Ираном недвусмысленно говорит бляха из остяцкого могильника, воспроизводящая древний образец. На ней изображен крылатый кентавр с луком и в персидской тиаре [223, с.52]. Для нас сейчас безразлично, попал ли этот сюжет к уграм через Кавказ или через Среднюю Азию, но важно, что связь угров с Ираном в первые века н.э. имела место. Следовательно, персы должны были иметь специальное свое название для этого народа, а греки – знать персидское название. Поэтому, когда в 563 г. в Константинополь пришло посольство от хионитов, живущих среди авар, то его не спутали с эфталитами. Гиршман на основании нумизматического материала говорит о царях с именем Nephthal. Но имена у эфталитских царей были совсем другие: Торамана, Михиракула, которые читаются с тюркского: герой, раб Митры, или Готфар, Фагониш, Катульф (Шах-намэ), происхождение которых неясно. Именно по этой причине нумизматика не может быть опорой для определения эфталитского языка. Монеты, приписываемые эфталитам, имеют легенды на брахми и пехлеви [302, с.641–661], титулы же, имена собственные и географические указывают на тесные культурные связи с Ираном и Индией (напр., Sri Bahmana Vasudeva – там же, с.645; или Sri Shahi – там же, с.654). Что же касается титулов, совпадающих с тюркскими (тегин, ябгу) [302, с.655], то они скорее заимствованы тюрками у эфталитов, чем наоборот, так как с тюркского языка они не читаются. Возможно, что эфталиты в свою очередь заимствовали титулатуру у кушан. Короче говоря, это не путь к решению вопроса.

Пелио правильно отметил, что нет никаких оснований считать эфталитов тюрками, и в дальнейшем, когда они столкнулись друг с другом, тюрки никак не считали эфталитов сколько-нибудь похожими на себя. Помимо этого, у нас есть прямое указание Бэй-ши, что язык эфталитов отличен от жужаньского, гаогуйского и согдийского. Итак, мы не можем точно сказать, на каком языке говорил народ, но знать и городское население говорили по-персидски (см. Ибн-аль Мукаффа и Мукадасси) [312, с.88–89; 288, с.67]. Именно поэтому возникло прозвище эфталитского царя – Хушнаваз [72 - Полемику о чтении этого имени см.: Прокопай Кесарийский, История войн римлян с персами, в переводе с.Дестуниса. т. I, с.31, прим. 3.], которое было причиной крайне превратных мнений об эфталитском народе. Хотя полемика по этому вопросу не входит в план моей работы, однако я хотел бы несколько остановиться на нем.

По легенде, прозвище Хушнаваз было дано эфталитскому царю за то, что он, будучи влюблен в одну из придворных дам, так хорошо играл для нее на струнном инструменте навазе, что соловей прилетел и сел на струны [73 - Записано мною со слов Алифбека Хийшалова, шугнанец, 44 лет.]. Неважно, насколько справедлива и точна легенда: Хушнаваз – слово персидское и общеупотребительное, означающее: искусный музыкант. Однако А.Н. Бернштам [24, с.184] пишет: «Кушнаваз или в древней форме Кушнавар...». Эта «древняя форма» результат описки переписчика, не поставившего точку над з

из-за чего получилось р –

Кроме этого, он неправильно транскрибирует первую букву

= к. тогда как нужно х. А.Н. Бернштам пытается сопоставить имя эфталитского царя с названием «кушан», но «кушан» пишется иначе

– звуки разные. Для того чтобы увязать и конец слова с началом, он толкует его как этноним «авар», так что получается «соединение племенных названий кушан + авар» (там же, с.190). При этом он отождествляет аваров с жужанями, а несколько выше предполагает, что потомки гуннов откатились из Европы в Среднюю Азию, не объясняя, однако, почему они назывались авары. Тут все неверно. Подлинное название ????? звучит не авар, а абар – обры. Греческая ? передавала одинаково звуки в и б. Абары не жужани, о чем знал еще Феофилакт Симокатта в VI в. Отступление гуннов в Среднюю Азию, если бы оно было, случилось бы, по словам самого Бернштама, во второй половине V в., а эфталиты появляются в первой. Если выправить эти ошибки, от концепции А.Н. Бернштама не останется ничего.

Теперь вместо унылой проверки более или менее устаревших гипотез мы обратимся непосредственно к тому, что нам известно о Средней Азии 384 г. Большая часть гипотез отпадает сама собой, как только мы уточним историческую географию и хронологию Средней Азии на этот год.

Кидариты. Известно, что на восточной границе Ирана до 468 г. находилось царство кидаритов. В 468 г. столица их была взята шахом Перозом [139, с.98] и остатки кидаритов откатились в Индию, где «завоевали пять государств» [30, т. II, С.264].

Вопрос о том, кто были кидариты, какое отношение они имели к эфталитам и персам и когда возникло их государство, излагается разными авторами по-разному.

С.П. Толстов пишет: «Под именами кидаритов и хионитов, как известно, впервые выступают на историческую арену эфталиты» [247, с.213]. Гиршман, наоборот, считает, что Кидара был наместник Балха, взбунтовавшийся против Шапура II в 367–368 гг. Его наследники Пиро и Варахран были побеждены персами при помощи хионитов, и государство погибло около 399 г. [288, с.79–80]. Опираясь на текст Фауста Византийца, Гиршман считает также, что Кидара был Аршакид, объединивший вокруг себя кушанов, недовольных персидским господством, и что он нанес персам поражение в 367–368 гг.

Однако в тексте источника Кидара не назван, и приписывание ему победы над Шапуром II есть домысел автора, не только не находящий никакого подтверждения в источниках, но и опровергающий их показаниями (см. ниже). По мнению Мак-Говерна, кидаритов разбили и заставили бежать эфталиты, вторгшиеся с востока [314, с.408].

Но все эти предположения, разбиваются о показания источника.

В Бэй-ши указывается, что вождь группы юечжей Цидоло (Кидоло, ср. с именем юечжейского вождя, воевавшего с хуннами около 165 г. до н.э. – Кидолу), желая уйти от соседства с жужанями, перешел на юг и занял город Боло [30, т. II, с.264]. Этот город ныне открыт в Каршинском оазисе С.К. Кабановым, который убедительно доказал, что столица кидаритов помещалась именно там, а не в Балхе [154, с.201–207]. Этим окончательно снимается гипотеза Гиршмана, так как восставший против Шапура наместник сидел в Балхе.

Затем, указание на жужаньскую экспансию на запад дает возможность очень точно определить дату перехода Кидары с его народом на юг, на границу Ирана. Жужани лишь однажды вели наступление на запад от Тарбагатай. Это было в 417–418 гг., когда зафиксирована китайской историей война Жужани и Юебани [74 - Дата этой войны рассчитана так: Датань, воевавший с Юебанью, вступил на престол в 414 г., в 415 г. он совершил набег на Китай, следовательно, был занят на востоке. Следующий поход на Китай имел место в 424 г. Значит, война с Юебанью падает на этот промежуток. Уточнение достигается привлечением нумизматики. В 417 г. была выпущена монета с именем Кидары, но С.К. Кабанов считает датой основания кидаритского царства 420 г. [см.: 30, т. I, с.189, и т. II, с.259; ВДИ, 1956, № 2, с.172].]. Только тогда и могли прийти на юг кидариты, а эфталиты известны уже в IV в., следовательно, сами они не кидариты и к гибели их касательства не

имеют. Таким образом, установив даты существования царства Кидары: 418[^]68 гг., мы видим, что этот вопрос выходит за хронологические рамки интересующего нас периода и что гипотезы, связывавшие эфталитов и кидаритов, основаны на том, что хронология Внутренней Азии не была до сих пор достаточно выяснена.

Хиониты. Первые сведения о хионитах содержатся у Аммиана Марцеллина. В 356–357 гг. «Сапор... с трудом отражает в крайних пределах своего царства враждебные народы», которые ниже названы «хиониты и евсены» [3, с.129].

Второй этноним удачно расшифрован Марквартом, который исправил текст и прочел вместо «Eusenas» – «Cusenī», т.е. кушаны [312, с.36], термин «хиониты» так просто не раскрывается. Обратимся к фактам. Война персов с хионитами закончилась в 358 г. миром и союзом. В 359 г. царь хионитов Грумбат сопутствовал шахиншаху Ирана в походе на Амиду [3, с.233], где погиб его красавец сын [там же, с.248] на глазах у нашего автора, бывшего участником событий. Этот текст особенно важен, так как именно Аммиан Марцеллин описал монголоидную наружность хуннов, так поразившую его; значит, хиониты этим не отличались.

Определить территорию хионитов и области, где они соприкасались с персами, помогает китайский текст V в., в котором сообщается, что приехали купцы из страны «Судэ», где правит Хуни [30, т. II, с.260]. Как выяснено японскими исследователями, Судэ – это Согд [283, с.231–238], а в «Хуни» нельзя не узнать этнонима «хион». Здесь Согд понимается в самом узком смысле, как область, прилегающая к Самарканду, и, очевидно, бои персов с хионитами происходили на территории между Мервом и Самаркандом. Но если так, то где была исконная территория хионитов, из которой они в 356 г. вступили в Согд?

Тут на помощь нам приходит текст Феофана Византийца, сообщающий, что в 6055 г. (563 г.) в Константинополь пришло посольство от кермихионов, обитающих среди авар, около Океана [272, с.231]. Этот текст был бы непонятен, если бы мы не знали: 1) о существовании племени «Вар», обитавшего рядом с племенем «Хуни» [332, с.246–247], и 2) что византийцы считали Каспийское море заливом Океана, окружающего землю, и не имели представления о северо-восточных очертаниях Каспия, что позволяло им смешивать его с Аралом.

Итак, следуя тексту, мы должны поместить исконную землю хионитов на северных берегах Аральского и Каспийского морей, именно в тех местах, где С.П. Толстов обнаружил целый ряд «болотных городищ», которые, по его мнению, были «созданы сармато-аланскими и масса-гетскими племенами» [247, с.218]. Видимо, здесь помещались хиониты и их соседи вар, гранича на северо-западе с уграми, на севере с сабирами, а на востоке с подлинными аварами, точнее абарами [237, с.87].

Описание дальнейшего хода событий мы находим у армянского автора Фавста Бузанда [248, с.133–135]. Он пишет, что во время правления Папа Аршакида, армянского царя 368–374 гг., персы прекратили военные действия против армян, ибо царь кушанов Аршакуни, сидевший в Балхе, поднял войну против Шапура II и нанес ему сильное поражение. В 374–377 гг. война продолжалась, и персы были снова разбиты. Этот текст становится совершенно ясным, если учесть два обстоятельства. Во-первых, в IV в. титул «кушаншах» давался персидскому наместнику восточной границы [303, с.222], и, во-вторых, восточные Аршакиды, своевременно изменив парфянскому делу и примкнув к Арташиру, сохранили свои владения и привилегии [206, с.9]. Поэтому совершенно понятно, почему Аршакид, с титулом «кушаншах», сидел в персидской цитадели в Балхе. Также неудивительно, что он восстал. Дополняя сведения Фавста Бузанда сообщениями Моисея Хоренского и Моисея Каганкатуйского [там же, с.28 и 29], мы можем внести некоторые уточнения: высшая точка восстания приходится на 375–378 гг., причем Шапур даже снял войска с западной границы и прекратил войну с Римом. Хоны, т.е. хиониты, выступили на поддержку восстания, разорвав союз с Ираном; восстание утихло при неизвестных обстоятельствах, но сразу же за

подавлением Аршакида в персидских войсках в 384 г. появляются эфталиты как союзники шахиншаха. Это не может быть случайным совпадением. В самом деле, Балх лежит на границе иранского плоскогорья и горной области около Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горцами, и, можно думать, до восстания ему удавалось препятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с персидским царем. Степные хиониты, поддерживавшие повстанцев, видимо, были разбиты, так как их нажим на Иран с этого времени прекратился. Таким путем эфталиты вышли на арену мировой истории. Однако для того, чтобы предлагаемая гипотеза получила подтверждение, необходимо признать, что эфталиты были не среднеазиатскими степными кочевниками, а горцами Памира и Гиндукуша. Для этого рассмотрим сведения источников, касающиеся непосредственно эфталитов.

Эфталиты. Несмотря на то что полемика по эфталитской проблеме продолжается уже 150 лет, мы по-прежнему не знаем ни происхождения эфталитов, ни языка, на котором они говорили.

Для решения этих связанных друг с другом вопросов обратимся сперва к Бэй-ши. «Вначале сей Дом показался за северною границею от Алтайских гор на юг, от Хотана на Запад» [30, т. I, с.268]. Меридиан Алтая сходится с параллелью Хотана на оз. Лобнор. Но это нельзя понимать буквально. Западнее Хотана находилась населенная область западного Тибета – Дардистан, а еще западнее – Памир, Вахан и Ишкашим. Дарды, восточные арийцы, пра-индусское племя, отставшее на пути в Индию.

Затем, оказывается, что основная территория эфталитов зафиксирована документально. При разгроме их держав тюрками и персами в 567 г. эфталиты, низложив своего последнего царя, подчинились персам [284, с.312–315]. Табари дает перечисление областей, изъявивших покорность шаху Ирана: Синд, Бост, Ар-Роходж (Арахозия), Забулистан, Тохаристай, Дардистан, Кабулистан [315, с.156; 288, с.94]. Если мы отбросим индийские земли и Арахозию, некогда отторгнутую от Ирана, то останутся горные долины по обе стороны Памира как основные земли эфталитов.

Затем, известно, что племенное наименование эфталитов было хуа. Напрашивается мысль, что это слово сохранилось в названии Хутгалайн. Сопоставив это соображение с предыдущим, мы можем предположить, что в Согдиану эфталиты попали не с севера, как предполагалось нашими предшественниками, а с юга. Затем, отметим те этнографические черты, которые сохранила для нас история. В отношении образа жизни эфталитов китайцы и европейцы резко расходятся. В Бэй-ши сказано: «Городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках. Летом избирают прохладные места, а зимою теплые» [30, т. II, с.268]. В противовес этому Прокопий определенно утверждает: «Они не кочевники, подобно другим уннским племенам, но издревле населяют плодоносную страну» [216, т. I, с.22]. Прокопий об эфталитах знал со слов их непосредственных соседей – персов, и в согласии с ним Менандр, со слов тюркских послов, пишет, что эфталиты – народ оседлый, живут в домах [75 - Сборник «Византийские историки». СПб., 1860, с.374. Сообщение Менандра, безусловно, должно быть предпочтено сообщению Захарии Ритора [209, с.165], который, перечисляя 13 народов, живущих в палатках, называет среди них эфталитов. Менандр получил эти сведения из первых рук, а Захария Ритор черпает материал из «писания о народах вселенной» Птолемея Филометра, составленного «за 150 лет до рождения нашего спасителя» (там же), которое он пополняет. Однако сведения Захарии недостоверны. Напр., он пишет, что Гуразн (Грузия) – «земля в Армении с языком, подобным греческому», и передает легенду об амазонках и людях-псах. Очевидно, его сведения восходят к раннему источнику, а последний не мог ничего сообщить об эфталитах, но мог содержать сведения о юечжи, которые и были, видимо, отождествлены Захарией с известными ему эфталитами.

Юечжи действительно не оставляли кочевого быта [см.: 30, т. II, с.257;209, с.11].]. Видимо, греки правы, а китайские авторы в данном случае ошиблись. Причина ошибки указана тут же. «В 516 г. Мин-ди отправил посольство в Западный край для приобретения буддийских священных книг. При сем посольстве находились два буддийских монаха: Фали и Хойшен. Посольство возвратилось в... 523 г. Хойшен не принес никаких сведений о состоянии пройденных им государств, ни о расстоянии дорог, а кратко сообщил общие понятия» с досадой пишет составитель Бэй-ши, и я разделяю его чувство. Зато Хойшен не забыл отметить, что в столице эфталитского царя «множество храмов иobelisks буддийских, и все украшены золотом». Обряд погребения – захоронение в земле вместе с личными вещами [30, т. II, с.269], а по Прокопию – даже с сотрапезниками, вернее, нахлебниками, которых заводили богатые эфталиты [216, т. I, с.24].

Общественный строй эфталитов характеризуется тем же Прокопием. «Образом жизни они не похожи на других уннов и не живут, как те, по-скотски, но состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собою и с соседями справедливость не хуже римлян или кого другого» [216, с.24–25]. Бэй-ши добавляет: «Престол не передается наследственно, а получает его способнейший из родственников. Наказания чрезмерно строги. За кражу без определения количества положено отсечение головы, за украденное взыскивают в десять крат». «Столица – есть лишь дворец царя» «около 10 ли в окружности (т.е. 5 км), это роскошный замок».

Особую важность имеет упоминание о форме брака. Эфталиты практиковали полиандрию, причем «братья имели одну жену». Такая форма брака зафиксирована в Тибете, и только в среде оседлых тибетцев, а не у кянов III в. до н.э., кочевавших в Амдо и истребленных сяньбийцами в IV в. [314, с.406–407]. Так как тибетцы, продвигаясь по долине Брахмапутры, достигли припамирских долин довольно поздно, никак не раньше ?в., то естественно полагать, что они заимствовали полиандрию у аборигенов, а не наоборот. Видимо, не прошло даром тысячелетнее совместное пребывание их в тесном общении и смешении с туземцами. В связи с вопросом о полиандрии эфталитов и ее распространении необходимо привлечь этнографический материал – одежду [149].

Китайские историки единодушно сообщают, что женщина носит меховую шапку с рогом, имеющим столько отростков, сколько у нее мужей. Крайне важно, что аналогичный головной убор обнаружен у женщин Кафиристана и в Северо-Западной Индии, т.е. в тех самых местах, где, по нашим предположениям, обитала основная масса эфталитов. В индийской древности этот убор неизвестен, но встречается на монетах кушанских царей, например Хувишки [149, с.138], т.е. опять-таки восходит к горной стране Памира и Гиндукуша, что подтверждает автохтонность сложения эфталитского народа.

Существует также местная традиция, согласно которой эфталиты – местный народ, так же как и тохары, в отличие от народа, образовавшего империю Кушан, название которого в народной памяти не сохранилось. Мой рассказчик, Алифбек Хийшалов, 44 лет, шугнанец, получивший образование у исмаилитского пира, ссылаясь на рукописи, прочтенные им в юности. Одну из них мне посчастливилось обнаружить изданной – это Та'rikh Nama-i-Narat [330, с.30–31]. Там приведена легенда об основании Герата, сообщающая, что некогда некто Тахмураси, сын Хушанга, притеснял свой народ, живший около Кандагара. Тогда 5000 человек из его народа ушли в сторону Кабула и стали там жить, но из-за непригодности климата перешли в страну гуров, а оттуда в местность Аубэ; там они рассорились до открытой войны, и часть их ушла в место, называемое Кушан Олвийан, т.е. Высокие Кушаны. Имя предводителя оставшихся было Хаятлэ (там же, с.30). Я опускаю описание конфликта между уходившими и оставшимися. Для нас важно другое: в имени Хаятлэ нельзя не узнать этнонима «Хайталь» и «heptal». Топоним «Кушан» датирует нам событие первыми веками н.э., хотя автор пытается отнести основание своего города в глубокую древность,

сообщая: «Это было в эпоху Мусы» (там же, с.32) – и упоминая как современника событий Минучихра, сына Ирэджа, внука Феридуна.

Благодаря вышеприведенному известию мы можем уточнить не только время сложения группы людей, связанных общей судьбой, в народ хайталь, но и место, где это сложение произошло. Мы можем даже определить, почему и откуда возникло у этого народа второе название – эфталиты. Обратимся к географии. В Бэй-ши сказано: «Вначале сей Дом показался за северную границу от Алтайских гор на юг, от Хотана на запад» [30, т. II, с.268]. На запад от Хотана лежит Памир, по одну сторону коего находилась населенная область западного Тибета – Дардистан, а по другую афганский Ишкашим. Дардистан входил в состав государства эфталитов, что видно из перечисления областей, доставшихся в 567 г. Хосрою Ануширвану, а в Бадахшане в районе Файзабада находится долина Ефталь [40, с.108; 288, с.99]. Это богатая долина, с прекрасным климатом, но ныне приходящая в запустение, так как река, протекающая через нее, углубила свое дно, так что она теперь течет в глубоком ущелье. Стало затруднительно брать из нее воду для орошения, и сады пропали, остались только богарные поля, от чего, естественно, сократилось население, ибо сады не могут прокормить большое число людей [76 - Эта подробность записана мною со слов Алифбека Хийшалова. Река Ефталь впадает в реку Кокна справа [40., с.108].]. Ныне в долине Ефталь живет всего около 12 000 человек. От окрестных жителей они отличаются белым цветом лица и говорят на персидском языке, но «предками своими считают афганцев и являются наиболее храбрыми среди афганских племен» [40, с.108]. Район долины Ефталь носит название Хафталь, и А.А. Семенов высказал предположение, к сожалению оставшееся незамеченным, что это название дано еще эфталитами.

В этой долине лежат развалины города, который назывался Зардив, потому что в нем помещались статуи Будды. Видимо, именно этот город описан буддийским монахом Хойшеном, путешествовавшим по поручению императора Мин-ди с 516 по 523 г. Он пишет, что в столице эфталитского царя «множество храмов и обелисков буддийских и все украшены золотом» [30, т. II, с.268].

Итак, территория эфталитов точно локализуется в горной стране вокруг Памира, и нет никакой надобности выводить их из стран отдаленных. Я не решаю здесь вопрос: дало ли племя свое имя долине или, наоборот, само получило название от места обитания. Для нашей темы это несущественно. Важно другое: эфталиты сложились как народ в горной области Памира.

Надо думать, что в эпоху их расширения и политического господства название «эфталиты» распространялось на всех подданных эфталитского царя, как это постоянно бывает в Азии, но с падением державы оно осталось за жителями долины в окрестностях Файзабада.

Уточнив, насколько возможно, черты быта и строя эфталитов, обратимся к основному вопросу – их этнической принадлежности. Тут мы сразу вступаем в область гипотез. Составитель Бэй-ши сразу предлагает две: «Владетельный дом Йеда происходит от одного рода с Большим Юечжи. Другие сказывают, что Йеда есть отрасль гаогюйского племени». Вторая гипотеза явно покоится на ошибочном предположении, что эфталиты – кочевники, и опровергается тут же приведенным сообщением: «Язык жителей совершенно отличен от языков жужаньского, и гаогюйского, и тюркского», т.е. древнемонгольского, древнетюркского и согдийского (Иакинф упорно считает население Средней Азии в любое время тюркским). Правда, некоторые известные эфталитские слова встречаются у древних тюрков, но это заимствованные тюрками титулы: например, тегин – царевич, наследный принц и ябгу – вице-король.

Обратимся к антропологии горной страны Памира и Гиндукуша, где, по историческим данным, базировались эфталиты. Подавляющее большинство населения там принадлежит к памиро-ферганской расе, но одно из четырех патанских племен – африди – рыжеволосы и

голубоглазы. Этот тип часто встречается среди афганцев, памирцев и редко среди горных таджиков [310, с.152]. Попытки объяснить это альбиносизмом [77 - В средние века в Бадахшане голубые глаза считались признаком красоты. Поэт Саади Бадахшанский пишет: «Не черни голубые глаза, они и так хороши». Известно, что черноглазые народы считают голубые глаза уродством. Значит, на Памире было так много голубоглазых, что это было нормой, а не исключением.], которые делались 30 лет назад, явно не состоятельны. Тут скрещение двух расовых типов, точнее, двух рас II порядка, но, прежде чем делать вывод, заглянем в историю.

Именно теперь нам необходимы синонимы их названия: 1) белые хунны (византийское) и хуна (индийское) и 2) бади – местное название горных племен Ишкашима. Бади ныне этимологизируется от слова «бад» – ветер [78 - Записано мною со слов Алифбека Хийшалова. – Л. Г.], но это явное осмысление непонятного чужого слова. Этноним «Бади» и «Байди» мы находим в Западном Китае, причем смысл последнего будет: белые ди, а ди – народность, вошедшая как компонент в состав народа хунну; не отсюда ли «белые хунны»?

Народ ди был не китайским. Себя китайцы в древности называли «черноволосыми», а динлины были белокуры и голубоглазы. Одно из их племен называлось чиди, т.е. красные ди. Тип их, восстановленный на основании сводки сведений, «характеризуется следующими признаками: рост средний, часто высокий, плотное и крепкое телосложение, продолговатое лицо, цвет кожи белый с румянцем на щеках, белокурые волосы, нос, выдающийся вперед, прямой, часто орлиный, светлые глаза» [56, с.31–35]. Китайцы называли их «рыжеволосые дьяволы».

Выводы Г.Е. Грумм-Гржимайло выдержали испытание временем и 30 лет спустя с некоторыми поправками и оговорками вошли в золотой фонд науки [79 - Эти взгляды разобраны автором в статье «Динлинская проблема» («Известия ВГО», 1959. № 1)]. На основании их восстановлена большая часть истории ранних кочевников и их взаимоотношений с Китаем. Общеизвестными потомками красных ди, т.е. чиди, являются древние уйгуры, которых нельзя смешивать с современными носителями этого имени. На китайском рисунке уйгур изображен «человеком с толстым носом, большими глазами и сильно развитою растительностью на лице и на всем теле, и, между прочим, с бородой, начинавшейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями» [56, с.18]. Ныне потомки их уцелели только в Наньшане – провинции Гань-су, на своей прародине. «У них нет косоглазия и желтизны в лице» [С.Е. Молов. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам. – «Изд. Русск. Комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Сер. II, № 1]. Тип племен ди характерен также для древних хуннов, лишь позднее вобравших в себя монголоидную примесь. Он характеризуется сочетанием широких скул и выступающего носа. Последний считался даже отличительным признаком хуннов, и когда Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хунна в государстве... «погибло много китайцев с возвышенными носами» [56, с.15]. Тип этот зафиксирован в барельефе эпохи Хань, изображающем битву хуннов с китайцами [Сычуань Ханьдай хуасен цюань-цзи. Составитель Вэнь Ю. Шанхай, 1955 (на китайском языке)]. А вот описание типа африди: «Высокие, сильные, но худощавые, с выступающими скулами, с резким профилем и с ресницами, загнутыми вверх. Они отличаются от прочих афганцев» [310, с.179]. Совпадение этнонима и физического типа вряд ли может быть случайным.

Но мало этого: совпадают даты изгнания белых ди из Китая и их наличия в Гиндукуше. В числе данников персидской монархии названы апариты [51, т. I, с.268], которых считают предками африди [310]. Тем самым отменяются все возможности позднего появления африди в Гиндукуше, и это уже третье совпадение. Первоначальное название пришельцев из Китая – бади, можно думать, сохранилось в топониме Бадахшан. Впервые Бадахшан назван в VII в. в

описании путешествия Сюань Цзана [281, т. I, с.563–564], но В.В. Бартольд указывает, что оно фигурировало и в V в., так как один из эфталитских царей дал области Джирм, Бадахшан и окрестности Болюра в удел своему сыну [80 - Текст восходит к древнему, так как рядом упомянут Болюр, княжество, уничтоженное в VIII в. [см.: 30, т. II, стр. 319–320].]. Значит, происхождение этого топонима лежит еще древнее.

До 636 г. до н.э. чиди и байди жили рядом в Хэси, но в указанный год были изгнаны китайским князем Вынь-гуном [30, т. I, с.43]. Дальнейшая история красных ди, т.е. телеских племен, в частности уйгуров, ясна, но куда девались белые? Так как ни на севере, в степи, ни на юге, в Тибете, ни на востоке, в Китае, их определенно не было, то остается искать их на западе, и действительно припамирские бади и африди на склонах Гиндукуша вполне соответствуют типу древних аборигенов Китая, несмотря на примесь черноволосых арийцев средиземноморской и памиро-ферганской рас II порядка.

Опираюсь на прямое указание Прокопия Кесарийского: «Из всех уннов они одни белы телом и не безобразны лицом» [216, т. I, с.22]. Прокопий хорошо знал кочевых гуннов Причерноморья с их ярко выраженной монголоидностью, которая ему, как и Аммиану Марцеллину и Иордану, представлялась верхом безобразия [3, т. III, с.237]. Поэтому его замечание особенно ценно, так как он подчеркивает этнические особенности, которые не могут не броситься в глаза. К VI в. вся степная полоса Азии уже была занята монголоидным элементом. Блондины – кыргызы и кипчаки – держались только в Саяно-Алтае и проникнуть оттуда незамеченными на Памир не могли никак, а зафиксированного передвижения не было. Значит, происхождение памирских блондинов надо искать в другое время и в другом месте – таковым окажется Северо-Западный Китай, где в горных пещерах обитали воинственные племена ди, голубоглазые блондины [309, с.100 и 432].

Однако всего сказанного недостаточно для того, чтобы установить, что эфталиты в узком значении были потомками пришлых байди, а не местным племенем. Этот необходимый корректив вносит синоним – белые хунны (визант.) и хуна (инд.). Это дает основание отождествить эфталитское племя с голубоглазыми блондинами африди и искать их предков среди «рыжих дьяволов» древнего Китая.

Теперь мы уже вправе сделать вывод.

Итак, горная область Памира и Гиндукуша была населена арийскими племенами индо-иранской группы. В конце VII в. до н.э. к ним пришло светловолосое племя байди с границ Китая. За 800 лет оно акклиматизировалось и отчасти смешалось с туземцами. В Кушанское время, I – II вв., одна из ветвей этого племени, хуа, поселившаяся в долине Ефталы, получила новое имя: йеда (китайское), ефталиты (греческое), хайталь (арабское) от названия долины или от имени первого вождя. В конце IV в. это уже организованное племя, а в начале V в. государство с претензией на гегемонию во Внутренней Азии и Индии. Такое расширение происходит за счет объединения всех горных племен Памира и Гиндукуша, что связано с расширением понятия «эфталит».

Дальнейшее возвышение их в V в. и гибель в VI в. выходят за хронологические рамки данной темы и составят предмет другого исследования. Фундаментом для него будет установление того факта, что эфталиты – это горцы, а отнюдь не степняки, что Согдиану они захватывали, следовательно, с юга и что пришлый компонент сросся с местным задолго до того, как возникла этнополитическая целостность, называемая ныне эфталиты [81 - Считаю своим долгом отметить, что к сходному выводу пришел японский ученый К. Еноки. Его работа стала мне известна после завершения данной статьи и доклада, прочитанного в ОЗВ Гос. Эрмитажа.].

Наконец, последний вопрос: куда девались эфталиты, имевшие такое широкое распространение в V – VI вв.? Среднеазиатские эфталиты подверглись тюркскому влиянию [«Сов. археология», т. XX, 1954, с.62], индийские – вошли в состав раджпутов [12, с.94–95], а

оставшиеся в горах сейчас считают себя афганцами. Как народ они перестали существовать после тюркского погрома 567 г.

Эфталиты – горцы или степняки? [82 - «Вестник древней истории», 1967, № 3, с.91–98.]

По поводу появления эфталитов как народа существуют две диаметрально противоположные точки зрения: одна, и к ней принадлежит большинство историков, считает эфталитов центральноазиатскими кочевниками, проникшими в Припамирье с северо-востока; другая – полагает возможным видеть в эфталитах аборигенов долин Гиндукуша. Последнее мнение было высказано в 1959 г. независимо друг от друга автором данной статьи [см. статью «Эфталиты и их соседи в IV в.» в данном сборнике. – Примеч. ред.] и К. Еноки [282]. В.М. Массой назван его наиболее гипотетичным из всех возможных [187, с.200], хотя он не привел никаких оснований для обоснования своего категорического суждения. Фр. Альтхейм [83 - В. Массон ссылается на работу Р. Гиршмана [288], где тождество степных хионитов с эфталитами доказывается посредством чтения легенд на монетах. Однако сам В. Массон [187, с.199] не считает чтения Р. Гиршмана обоснованными, чем ставит под сомнение и свою гипотезу.] также высказался за степное происхождение эфталитов, и это заставляет вернуться к рассмотрению проблемы [267].

Следуя Вивьен де Сен-Мартену, Фр. Альтхейм полагает, что Бахрам Чубин в 589 г. воевал с эфталитами, а не с тюрками [67, 68, 79, 80], и это недоразумение вынуждает его – вполне последовательно – счесть эфталитами Низак-тархана [267, т. II, с.64], а также противников Кутейбы ибн-Муслима в 671–672 гг. [там же, с.68] и врагов Мухаллаба, мешавших ему взять Кеш в 701 г. [с. 71]. Иными словами, он, следуя Р. Гиршману, отождествляет эфталитов с хионитами и кидаритами, предполагая лишь, что слово «эфталит» обозначало членов царского рода, а «хионо» – народное название [267, т. I, с.34]. Этому, однако, противоречат сведения из китайских источников и Масуди об этнической близости эфталитов к юечжам и согдийцам, также приведенные Фр. Альтхеймом [там же, с.46].

Сложность проблемы заключается в недостаточности материала для любой попытки осмысления путем индуктивного метода. Ономастика не дает возможности отличить эфталитские имена от персидских, нумизматика всегда связана с культурными влияниями, археологический материал не может быть приурочен к тому или иному определенному народу, нарративные источники недостоверны и противоречат друг другу. Единственное, что можно предложить, – это перейти к дедукции и рассмотреть историю эфталитского государства на фоне мировой истории V в. с надеждой, что белые пятна исчезнут и разрывы между линиями удастся интерполировать. Привлечем также данные географии, потому что важную роль здесь играют колебания климата. Фр. Альтхейм приводит ряд сведений об исключительных засухах в Сирии, Палестине и Малой Азии в 449–517 гг. [267, т. I, с.114 и сл.]. На этом основании он предполагает, что степная зона Евразии тоже усыхала, а это и вызвало передвижение кочевников из засушливых районов на окраины степи. Однако следует учесть гетерохронность повышенного увлажнения Евразийского континента [293], т.е. надо учитывать, что при усыхании субтропической зоны имело место повышенное увлажнение степей. Действительно, V и VI вв. – эпоха огромного расцвета кочевого хозяйства, и о значительных выселениях скотоводческого населения из степи не может быть и речи. Например, авары передвинулись в Венгрию только под давлением тюрков и в небольшом числе; хазары – оседлый народ, обитавший в дельте и пойме Волги, а не в степях, ее окружающих и непригодных для земледелия [73, 83, 268]. Хазария – зеленый остров среди степей, такую ее и описывает еврейско-хазарский документ X в.: «Страна наша не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек... Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и

парки находятся внутри острова» [167, с.87; ср. с.103]. Слово «остров» в средневековой арабской литературе применялось также и к рощам среди степей, и для всякого ограниченного пространства. Видимо, здесь оно употребляется в том же смысле.

Древнейшие хазары жили не на Волге, а в равнинном Дагестане. Локализация их представляла ряд трудностей, отмеченных М.И. Артамоновым [11, с.130–132]. Но если мы учтем, что уровень Каспийского моря V в. был на 4 м ниже, чем теперь [70], то окажется, что местом обитания хазар была обширная площадь, ныне покрытая водой. Природные условия дельты Терека и Волги сходны, и мы можем допустить, что распространение хазар шло с Кавказа, но не через сухие «черные земли», где их следов не обнаружено, а вдоль тогдашней береговой линии Каспия, в единообразной ландшафтной зоне [74].

Наши археологические работы 1961–1962 гг. подтвердили это предположение. Все открытые нами хазарские памятники группируются в центральной части дельты, где нами проведены раскопки на Бэровских буграх (Степана Разина, Казенном, Корне и Бараньем), в районах Зеленгинском и Тузуклеевском [76, с.49]. К эфталитам хазары никакого отношения не имели. Точно так же ничего общего с эфталитами не имели сарматские и угро-самодийские племена, населявшие в III – VI вв. южносибирские и североказахстанские степи [75]. От оазисов Средней Азии их отделяла полоса пустынь, которые в III в. н.э. были еще более безводными и непроходимыми, чем даже в XX в. [81]. Исходя из этих географических предпосылок мы имеем все основания для того, чтобы поставить под сомнение гипотезу, согласно которой эфталиты являются выходцами из приаральских степей. Но для того, чтобы получить однозначное решение, обратимся непосредственно к истории эфталитов в той части, где она доподлинно известна, и попробуем найти там решение проблемы, волнующей многих ученых уже более полутора столетия.

//-- * * * --//

Внешнеполитическое положение Ирана в середине IV в. было весьма напряженным. Борьба с Римской империей была делом нелегким. После первых удач, закончившихся пленением императора Валериана в 206 г., персам пришлось перейти к обороне. Римляне проводили контрнаступление планомерно и последовательно: в 283 г. Они отняли у персов контроль над Арменией, а в 298 г. навязали Ирану невыгодный Нисибинский мир.

Талантливый шах Шапур II (309–379) был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хионитов [84 - Хиониты или хуни, потомки сакского племени хуаона [267, т. I, с.53], обитали на северном берегу Аральского моря [63, с.134], там, где С.П. Толстов обнаружил «болотные городища» [247, с.218]. Рядом с хионитами жило племя вар, участвовавшее в войнах сына Аттилы, Денгизиха [267, т. I, с.85], граница на северо-западе с уграми, на севере – с сабирами, народом угро-самодийской группы, населявшей в те времена лесостепную полосу от Урала до Алтая [P. Baydu. Die ?ltesten Ber?hrungen zwischen den Samojuden und die jennisseischen Volkern – «Acta Orientalia». III, 1953, с.88 и сл., 99], а на востоке с подлинными аварами, точнее абарами [69, с.107; 11, с.64–65]. Абары, кочевое племя, обитало на северных берегах Балхаша и в Южной Джунгарии. На севере они соседнили с сабирами, а на юге с тюркоязычными племенами, которые в IV – V вв. тюрками еще не назывались.], но к 356 г. хиониты стали союзниками Ирана [85 - Ф. Альтгейм [267, т. I, с.35] предполагает, что Шапур II уступил хионитам Согдиану за помощь в войне с Римом, и отождествляет, хотя без уверенности, хионитов с хуннами, полагая, что господствующий класс у них назывался эфталиты [там же, с.36 ел., 53].], и под их натиском пала Амида, форпост римлян в Месопотамии [3, с.233 и сл.].

Успокоение на восточной границе дало персам возможность отразить наступление Юлиана в 361 г., в результате чего персы снова смогли вмешаться в армянские дела. В Армении шла упорная борьба короны со знатью. Царь Аршак, державшийся римской ориентации, истреблением одного из знатных родов [86 - Он перебил, взяв крепость Артагерс, всех членов

рода Камсараканов.] вызвал восстание всех нахраров; к восстанию присоединились даже бывшие сторонники Рима. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, персы вторглись в Армению, но армяне сплотились перед лицом врага – и вспыхнула война. К 368 г. персам удалось взять оплот армян – Артагерс, но в 369 г. наследник Аршака, Пап, явился в Армению с римскими войсками и изгнал персидские войска. В 371 г. Шапур попытался снова ворваться в Армению, но был отбит, после чего нажим персов на запад ослабел.

Армению спасло от персов восстание наместника Балха [248, с.133–135], сумевшего привлечь себе на помощь хионитов. Однако персидский шах заключил союз с эфталитами, которые подавили восстание [63, с.135]. В 384 г. эфталитские вспомогательные войска вместе с персами участвовали в осаде Эдессы. Но к началу V в. эфталитское царство усилилось настолько, что смогло проводить собственную линию внешней политики, жертвами которой оказались персы, индусы и согдийцы, т.е. все соседи эфталитов.

Наступление эфталитской пехоты [87 - На вооружении эфталитов состояли палицы и секиры – оружие пехоты, а не степной конницы [ср. 267, т. II, с.18, 269].] облегчилось тем, что они неожиданно для себя получили конных союзников. В 418–419 гг. жужани выиграли войну против среднеазиатских хуннов и остатков юечжей, державшихся до той поры в Тарбагатае. Жужани навели на последних такой страх, что вождь группы юечжей Цидоло (т.е. Кидара), желая уйти от опасного соседа, перешел со своим народом на юг и занял город Боло [30, т. II, с.264] в оазисе Карши [154] [88 - Предположение Р.М. Гиршмана, что столица кидаритов помещалась в Балхе [288, с.79–80], не подтвердилось.] (соратники Кидары известны в истории не под своим этническим названием, а по имени своего вождя – кидариты). Здесь они столкнулись с персами и эфталитами [63, с.133].

Кидариты укрепились в Средней Азии около 420 г. [155, с.172]. Титул Кидары – *Kusana sahi* [267, т. I, с.35] – показывает на то, что он сам считал себя родственником кушанов, т.е. юечжей. Нет оснований отождествлять кидаритов с хионитами или эфталитами. Табари называет кидаритов «турками», очевидно отмечая, что они прибыли в Среднюю Азию из той страны, которая в его время считалась родиной тюрок. Но именно потому и смогли там обосноваться тюрки Ашина в 439 г., что на южных склонах Алтая образовался этнический вакуум из-за ухода значительной части аборигенов на юг. Как показывает ход событий, кидариты были самостоятельным народом, отличным от хионитов (хуни) и эфталитов [315, с.98; 341, с.119; 267, т. I, с.32–34].

Появление нового воинственного народа на границе Ирана не могло пройти бесследно. В самом деле: отступившие с родных кочевий кидариты, вероятно, нуждались в самых разнообразных товарах и единственным способом приобретения их была война, ибо торговать беглецам нечем. Действительно, в 426–427 гг. Персия подверглась нападению восточных кочевников. В источнике они названы «турками», и их считали иногда хионитами [273, с.274; 312, с.52; 187, с.201], а иногда эфталитами [315, с.99; 267, т. V, с.137–138; 279, с.153; 314, с.140]. Я полагаю, что это были кидариты, так как в это время хиониты уже утратили свое значение, а эфталиты еще не приобрели его. Затем кидариты заняли степи вокруг современного Карши и тем самым отрезали от Ирана и хионитов и эфталитов; наконец, эфталиты упомянуты несколько ниже в указанной связи и названы совершенно иначе, а кидаритов Приск Панийский называет «гуннами», что для V в. стало именем нарицательным, видовым и в X в. переведено как «тюрки».

Вторжение застало персов врасплох; сам шах вынужден был бежать в Армянские горы, но успех усыпил бдительность кочевников. Персидские разведчики следили за ними не переставая и сообщали шаху Бахраму все подробности расположения противника. Однажды, улучив время, Бахрам с войском пересек границу Армении и во внезапном ночном бою наголову разбил кидаритов. Кочевники обратились в паническое бегство и при этом, естественно, рассеялись; персы убивали их всюду, где находили. Жена кидаритского царя

попала в плен к персам и стала служанкой в храме огня.

Развивая успех, персы перешли через Джейхун (Амударью) и вынудили кидаритов просить мира [89 - Аналогично описание Динавери. [См. 259а), с.475].]. Поражение несколько охладило пыл кидаритов и заставило их искать союза с эфталитами, которые вторглись в это время в Индию, но тоже неудачно, вследствие того, что персы пришли на помощь индийцам [341, с.124; 12, с.89]. Тогда побежденные объединились и заключили союз с Византией, в это время поддерживавшей антиперсидские настроения в Армении [297, с.438]. Создалось две коалиции: персидско-индийская и греко-эфталитско-кидаритская, которые вступили в долгую и жестокую войну.

Сначала персы и индийцы имели успехи. Преемник Бахрама Гура, Иездегерд II, совершал поход за походом «против гуннов, живших в стране кушанов» [206, с.37], т.е. кидаритов, и в 451–452 гг. принудил кидаритского царя бежать в пустыню. Но уже в 454 или 456 г. при очередном наступлении персы были разбиты кидаритами. Балями четко различает кидаритского царя, которого он называет «каган тюрков», от эфталитского, именуемого «царь Китая». Это дает основание заключить, что в описанных событиях принимали участие два народа, а не один, как предполагалось прежде. Хиониты не могли быть в их числе, так как они в это время владели Самаркандом и активно сносились с Китаем, где внешнеполитические события, даже самые мелкие, тщательно фиксировались и большая война отразилась бы в хронике. Можно думать, что хиониты, связавшиеся с торговым Согдом, держались персидской ориентации, так как впоследствии пали жертвой эфталитского нашествия на север, утратив все плоды своих прежних побед [206, с.38 и сл.].

По смерти Иездегерда в 457 г. возникла распря между его сыновьями. Ормизд захватил престол, а Пероз бежал к эфталитам и при их поддержке низверг брата [341, с.127]. В 459 г. он заключил мир и союз с эфталитским царем Хушнавазом, что позволило последнему совершить поход против семиреченских абаров, которые принуждены были искать спасения в бегстве. Разбитые абары в свою очередь потеснили сабиров, которые, покинув свою страну, вторглись в земли северокавказских угров: сарагуров, урогов и оногуров, – и вынудили тех искать союза с Византией. Союз, заключенный в 463 г., был, очевидно, выгоден для сарагуров, потому что они оправались настолько, что подчинили себе племя акациров. Войдя в русло византийской дипломатии, сарагуры и акациры в 466 г. произвели набег на Иран [297, с.439], надеясь, вероятно, на то, что главные силы персов заняты на востоке войной против кидаритов, но набег был отбит, и кидаритов эта диверсия не спасла.

С 465 г. персы повели энергичное наступление на кидаритов, требуя от них дани, которую кидариты обещали платить Бахраму Гуру после разгрома 427 г. [139, с.90]. В 468 г. преемник Кидары князь Кунха был осажден в своей столице [там же, с.98], но, хотя она была взята персами, остатки Кидаритов, пробившись, отступили в Индию и завоевали там пять государств [30, т. II, с.264] [90 - Фр. Альтгейм [267, т. I, с.34] сопоставляет Кунху с хионитским царем в Согде и эфталитским царем Ахшунваром Хушнавазом, но ход событий при таком отождествлении необъясним.]. Эфталиты остались один на один с персами, но, несмотря на это, в скором времени распространились до Гургана.

Самое любопытное в дальнейших событиях – то, что дошедшие до нас персидские и армянские источники (армяне были в то время подданными Ирана) ничего не сообщают о ходе войны на восточной границе. Учитывая неизбежную тенденциозность средневековых хронистов, следует предположить, что война была для персов неудачной и патриотически настроенные авторы предпочитали о ней умалчивать. Лишь у Лазаря Парбского мы читаем фразу: «В мирное даже время никто не мог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слушать о нем, не то что идти на него войной открыто» [206, с.42]. Очевидно, упомянутое выше изменение границ связано с контр наступлением эфталитов, которые в 70-х гг. V в. выбили хионитов из Согда [283, с.234] и, надо думать, овладели территорией

современной Туркмении, так как иным путем они не могли бы соприкоснуться с персами в районе Гургана, потому что Хорасан продолжал оставаться персидским. Таким образом, эфталиты обошли персидские укрепленные форпосты с фланга и заняли Дахистан [186, с.14], позицию, позволявшую им в любой момент ворваться во внутренние области Ирана.

Горго (Джурджан) стал восточным оплотом Сасанидской державы, и границы ее чрезмерно сузились. Именно эта причина повела к возобновлению войны [216, с.19]. В 482 г. шахиншах Пероз с многочисленным войском попал, вернее, был заманен в глубокое ущелье, замкнутое тупиком. Узкий вход в ущелье эфталиты преградили отборным отрядом, и все персидское войско оказалось в ловушке [там же, с.26–28] без пищи и воды [91 - Балями передает подробности этого похода несколько иначе. По его версии, персов заманил в бесплодную пустыню лазутчик, намеренно искалеченный для внушения доверия персидскому шаху. Этот рассказ полон литературных реминисценций (ср., например, с легендой о взятии Дарием Вавилона при помощи Зопира) и невероятен по подробностям, тогда как Прокопий сух и деловит. См.: 341, т. II, с.131–137.]. Среди персов воцарилось уныние, но эфталитский царь Хушнаваз оказался весьма гуманным и умеренным. Он предложил Перозу мир на таких условиях, которые тот с восторгом принял, скрепив клятвой. Однако клятву Пероз нарушил, возобновив войну в 483 или 484 г.

На этот раз персы двинулись через степь. Эфталиты выкопали длинный, широкий и глубокий ров с узкими перемычками и замаскировали его, создав род волчьей ямы. Затем их легкие отряды заманили персов к этому месту, причем вся остальная эфталитская армия стояла за рвом.

Преследуя бегущий эфталитский авангард, персы развернутым строем ударили на эфталитов, и первые ряды попали в ров, не будучи в состоянии сдержать разгоряченных лошадей. В числе погибших оказался шахиншах со всеми сыновьями. Оставшиеся в живых потеряли бодрость и сдались в плен [216, с.35–38] [92 - Этот рассказ тоже повторен у Балями с некоторыми несущественными деталями, вероятно, вымышленными в целях назидания [341, т. II, с.139–142]. Ниже он прилагает рассказ о третьем походе, которым якобы с помощью лишь военной демонстрации была достигнута полная дипломатическая победа. Этот рассказ не подтверждается другими источниками и, видимо, является патриотическим вымыслом [там же, с.142–144].]. Наследник Пероза, Кавад, вынужден был согласиться на уплату дани. Она выплачивалась два года [216, с.46].

Таков рассказ Прокопия, и необходимо признать, что он не невероятен, хотя и требует некоторых пояснений. В первом случае дело происходило, вероятно, в горах Копет-Дага. Как бы ни велико было ущелье, в которое втянулась персидская армия, приходится допустить, что либо армия была ничтожна, либо, скорее, вошла в ущелье не вся. Может быть, в ловушку попал один отряд вместе с шахом, и потому условия, предложенные Хушнавазом, были столь скромны – не было смысла губить Пероза, раз его войска могли, сменив вождя, продолжать войну. Во втором случае приходит на память историческая аналогия. При Ватерлоо атака французских кирасир захлебнулась из-за того, что на ее пути оказался узкий овраг, который французы заполнили трупами своих солдат. Подсчет количества вынутой земли показывает, что рытье такого рва не представляло для эфталитов непосильной работы. Но если даже отбросить подробности, остается фактом разгром персов эфталитами в 483 или 484 г. [206, с.42], причем тактика эфталитов ничем не походила на тактику конных кочевников V – VI вв.

В 494 г. эфталиты вторглись в Иран, восстановив на престоле ранее свергнутого законного шаха Кавада. За это им было заплачено золотом [216, с.73]. В дальнейшем между персами и эфталитами царило полное согласие, и эфталитские стрелки сражались с византийцами в рядах персидского войска [там же, с.81].

Все более активной была эфталитская политика в Индии, однако там их наступление

встретило мощное сопротивление. С начала IV в. Северная Индия была объединена в империи Гупта. Один из царей этой династии, Чандрагупта II Викрамадитья, завоевал владения саков в Западной Индии в конце IV в. и начале V в. [12, с.87] и довел границы своего государства до Аравийского залива и Среднего Инда. Однако на юге пограничной рекой оставалась Нарбада. Воинственное племя пушьямитры, жившее в долине Нарбады, в начале V в. напало на царство Гупта, и отражение их потребовало от последнего великого царя – Скандагупты Викрамадитья – напряжения всех сил [там же, с.89]. Этим воспользовались эфталиты и в середине V в. (до 458 г.) [12, с.94] вторглись в Индию. Скандагупта нашел силы для отражения врага, но после его смерти в 467 г. война возобновилась, и инициатива перешла в руки эфталитского вождя Тораманы. Очевидно, скромность эфталитских претензий к побежденному Ирану может быть объяснена тем, что война в Индии поглощала львиную долю их сил и средств.

К началу VI в. Торамана занял большую территорию в Северо-Западной Индии и добрался до Центральной Мальвы. Лишь в 510 г. он был побежден правителем империи Гупта Бханагуптой.

Перед началом своего расцвета государство эфталитов охватывало горную страну по обе стороны Памира, а именно области: Синд, Бост, Ар-Рохадж (Арахозия), Забулистан, Тохаристан, Дардистан, Кабулистан [315, с.156; ср. 288, с.94]. Индийские земли и Арахозия были добыты эфталитами в результате удачных войн, а горные долины Тянь-Шаня и Хотан – одним походом 495–497 гг., после чего эфталиты стали гегемонами Средней Азии.

Теперь мы можем предложить ответ на вопрос, поставленный в начале статьи: где был Hinterland эфталитов – в равнинах Центральной Азии или в горах Припамирья? Историческая география бассейна Тарима в I тыс. н.э. известна достаточно. Там не было ни одного крупного государства, ни одного большого народа, подобного эфталитскому. Само завоевание Хотана, Кучи и Карашара эфталитами произошло в 495–497 гг., причем эфталиты двигались с запада, а не с востока. Горная область Тянь-Шаня и прилегающее к ней Семиречье были заселены в древности саками, потом усунями (II в. до н.э. – II в. н.э.), потом хуннами, отставшими на пути в Европу и получившими название «юебань» (II – V вв.), и, наконец, телескими племенами (конец V – начало VI в.), Приаральская равнина, доходящая на востоке до Балхаша, обширна, но не пригодна для жизни человека. Западная часть этой равнины сложена суглинками, т.е. водонепроницаемыми почвами, и потому растительность этой страны столь бедна, что не в состоянии прокормить большое население: на востоке же лежит пустыня Бетпак-Дала, где воды нет [267, т. V, с.243]. Равно исключаются и прикаспийские степи, потому что эфталиты туда вторгались, а не выходили оттуда. Остается только одна возможность – признать горный узел Западного Припамирья родиной эфталитского народа, источником его мощи и цитаделью его культуры. Откуда бы ни пришли предки эфталитов в долину Ефталъ, эфталитами они стали именно в ней.

Историческая судьба эфталитской державы удивительно напоминает судьбу средневековой Швейцарии. И там, и тут воинственные горцы добились возможности объединения, используя временный упадок и затруднения соседних монархий; и там, и тут были одержаны блестящие победы, там над австрийцами и бургундцами, тут над персами и индийцами, но в обоих случаях удержать захваченные территории и закрепить успех не удалось. И как впоследствии швейцарские наемники украшали собою гвардию французских королей, так и эфталитские воины умножили ряды раджпутов, облегчив им победу над остатками развалившейся империи Гупта.

Дальнейшая судьба эфталитской державы выходит за хронологические рамки нашего повествования. Но в заключение нужно резюмировать изложенные факты.

Эфталиты были народом воинственным, но немногочисленным. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Это же разложение Согдианы обусловило

слабость эфталитской державы, так как многочисленных подданных бесполезно было мобилизовать. Сами эфталиты, видимо, не переоценивали своих сил и в авантюры не пускались. Режим, установленный эфталитами в Средней Азии, кажется, был непопулярен, так как при нападении тюркютов в 560–570 гг. согдийцы и тохары никакой помощи эфталитам не оказали.

На основании всего изложенного приходится признать, что гипотеза, выводящая эфталитов из Центральной Азии и считающая их тюркским народом, встречает ряд непреодолимых противоречий с фактами исторической и физической географии. Эта гипотеза возникла в XIX в., когда география Центральной и Средней Азии была еще малоизвестна, а об изучении климатических колебаний не было и речи. В наше время это реликт ранней стадии развития науки, тогда как предположение о том, что эфталиты – припамирские горцы, подтверждается всеми достоверно известными фактами и противоречит только устарелым гипотезам [93 - Недавно открытая замечательная фреска на Афрасиабе (Самарканд), согласно определению В.А. Лившица (личное сообщение), изображает эфталитское посольство, прибывшее в Самарканд из Термеза, т.е. с юга.].

Величие и падение древнего Тибета [94 - «Страны и народы Востока». Вып. VIII: География, этнография, история. – М., 1969, с.153–182.]

Развитие древних государственных образований в Азии, с одной стороны, подчинено общей закономерности становления классового общества, с другой, – имеет свои специфические особенности. Чтобы понять соотношение между этими сторонами, чтобы отделить общее от частного, целесообразнее всего применить метод исторического исследования, т.е. в хронологической последовательности проследить ход событий от возникновения культурной традиции до ее конца под тем или иным углом зрения. Поставленная нами проблема формулируется так: почему бедное в природном отношении Тибетское нагорье оказалось в состоянии вскормить народ, выступивший, несмотря на свою немногочисленность, претендентом на роль гегемона Средней Азии, и почему эта попытка стать гегемоном не удалась? Для ответа необходимо обратиться к светской политической истории Тибета, а поскольку таковая в историографии отсутствует, написать ее и тем самым получить решение, подсказанное самими фактами.

В отличие от наших предшественников мы положили в основу угла зрения не судьбу буддийской общины, проникшей в дикую страну, а закономерность развивающегося племени, подвергнувшегося культурному влиянию со стороны просвещенных соседей. Изменив, таким образом, аспект освещения событий, мы получили целостную картину: цепь событий в их связи и последовательности. Именно установление причинно-следственной связи подсказывает ответ на поставленную проблему с четкостью, которая исключает необходимость в дополнительных формулировках и сентенциях на общеисторические темы. Организованный материал говорит сам за себя.

Обитатели Тибета

Обширное Тибетское нагорье, отделенное от окружающих низменностей высокими горами – Куньлуном с севера и Гималаями с юга, – посередине разделено Трансгималайским хребтом, представляющим естественный рубеж между сухими степями северного плато и живописными речными долинами реки Цанпо (Брахмапутры) и ее притоков. Высокогорная равнина, примыкающая с юга к Куньлуню, – пустыня, не населенная и по наше время. Южнее, по склонам горных хребтов, идут травянистые степи, где возможно овцеводство, а еще южнее, по берегам рек, издавна бытовало земледелие [165, с.8–10; 218, с.8–9]. Северная пустыня и Гималаи преграждают доступ в Тибет с севера и с юга. Поэтому Тибет заселялся с

запада и востока.

На западе, в верховьях Инда, с незапамятных времен создавали свои поселения земледельческие племена – моны и дарды [286]. По расе, языку и культуре эти племена были близки к народам Северо-Западной Индии и Памира. В V – VI вв. Дардистан входил в состав державы эфталитов, а после ее разгрома получил самостоятельность [63, с.135].

Политического объединения у дардов и монов не возникло. Они делились на множество мелких княжеств, независимых друг от друга. Вследствие примитивности их организации они не могли оспаривать первенство у продвигавшихся с востока предков тибетцев.

На западной границе Китая, в современных провинциях Шэньси и Ганьсу, жили бок о бок два разных народа: монголоидные пастухи кяны, народ тибетской группы, и земледельцы-жуны [55, с.3]. Хотя древние китайские авторы, очевидно метафорически, называли тибетцев «западными жунами», это были два разных народа [331, с.28–29], в древности говоривших на разных языках [там же, с.335]. Однако смешанные браки и общая судьба, определявшаяся совместной борьбой против Китая, повели к тому, что тибетский язык вошел в обиход не истребленных китайцами жунов. Смешавшись, эти народы распались на несколько гибридных племен, из которых наибольшее значение для истории имели танчаны, дансяны, дибома (в Сычуани) и байлан. Впоследствии эти племена жундистского происхождения, слившись, образовали народность, называемую средневековыми тангутами [55, с.41 и 43].

Несмотря на продолжительное общение с китайцами, они сохранили еще в III в. своих князей и свой быт. Хотя большинство их знало китайский язык, но у себя они пользовались языком ди. Наряды и обряды их были похожи и на китайские и на тибетские, что указывает на тесную связь тангутов с обоими упомянутыми народами, однако этническая самостоятельность их в III в. утеряна не была. Численность отдельных племен иногда превышала 10 тыс. человек [271]. Не только по происхождению, но и по быту отличались друг от друга тибетцы-кяны и тангуты.

«Народы си-жун (в данном случае тибетцы. – Л.Г.) вместо одежд употребляют шкуры зверей; не имеют постоянных жилищ и ведут кочевой образ жизни, снискивая себе пропитание скотоводством. Определенных названий родам и поколениям не имеют, имя отца или матери служит названием и роду их. Они разделяются на множество родов, не имеющих государя и не признающих единовластия, а живущих общинами. Народ чрезвычайно храбрый, умереть в сражении почитается у них счастьем, умереть от болезни – несчастьем. Подобно животным, они крайне терпеливо переносят стужу: даже женщины при родах не уклоняются от суровости климата» [252, с.51]. «Танчанские цяны (в данном случае тангуты. – Л.Г.) составляют особый род. Они имеют постоянные жилища и живут домами. Избы их обтянуты полостями из буйволовой и овечьей шерсти (черной). В их владении нет ни законов, ни службы, ни налогов. Только в военное время они собираются в одно место, а в прочее каждый занимается своим ремеслом и друг с другом сношений не имеют. Одежду шьют из мехов и шерстяных тканей, пропитание получают от косматых буйволов, овец и свиней. По смерти отца, дядей и братьев берут за себя мачех, теток и невесток. Письма не имеют, а течение годов замечают по осенним и весенним переменам. По истечении каждых трех лет бывает собрание, на котором бьют быков и баранов для жертвоприношения Небу. Из дома князя Лянцзин происходят наследственно старейшины, а снискавшие приверженность знаменитых объявляют себя королями» [29, с.110–111].

Тексты не нуждаются в комментариях. Почти ни один из обычаев не является общим, различны и стадии общественного развития: у кянов – родовой строй в расцвете, у жунов – на исходе. Дальнейшая судьба их была также различна: жуны, вобрав в себя тибетское племя дансянов и остатки южных хуннов, впоследствии образовали государство Си-Ся, а потомки кянов сохранили свой быт и дикую волю до XIX в.

Потомками кянов можно считать скорее нголоков в верховьях Желтой реки, чем тибетцев-ботов, отколовшихся от кянов в неопределенное время до новой эры [29, с.124]. Боты, распространившись вверх по среднему течению Брахмапутры, вступили на путь создания классового государства, а кяны, потерпев ряд кровавых поражений, отступили в горы, откуда еще в 1899 г. своими набегами устрашали соседей и ревниво оберегали свою независимость.

По словам А.К. Козлова, они заносчиво заявляют: «Нас, нголоков, нельзя сравнивать с прочими людьми. Вы, кого бы это из тибетцев ни касалось, – подчиняетесь чужим законам: законам далай-ламы; Китая и каждого своего маленького начальника... вы боитесь всего. Не только вы, но ваши деды и прадеды были таковы. Мы же, нголоки, с незапамятных времен подчиняемся только собственным законам и побуждениям. Каждый иглоков родится уже с сознанием своей свободы и с молоком матери познает свои законы, которые никогда не должны быть изменены. Каждый из нас чуть не рождается с оружием в руках; ... наше племя одно из самых высоких, достойных в Тибете, и мы вправе с презрением смотреть не только на тибетцев, но даже и на китайцев» [166, с.215]. В этих словах жива этнопсихологическая структура древних кянов, толкавшая их на кровавые войны, в которых большая часть их погибла [66, с.205–207, 225–231]. Несмотря на все высокомерие, нголоки – реликт эпохи расцвета родового строя.

Не кочевые племена, а оседлые земледельцы, осевшие на среднем течении великой реки Цанпо (Брахмапутра), создали тибетскую культуру и государственность. Во время правления Пудэжунгье, которое датировать не удалось, в Тибете возникли земледелие и ирригация [32, с.24]. На плодородной почве речных долин произрастали пшеница, ячмень, гречиха и горох. Воду на поля отводили из горных речек каналами, около которых воздвигались каменные укрепленные поселения. К тому же неопределенному времени тибетские хроники относят начало металлургии. Выплавлялись три металла: серебро, медь и железо. Через реки перебрасывались мосты, и даже появилось ткачество на станке. Значительный подъем хозяйства датируется концом IV – началом V в., когда была упорядочена ирригация, широко практиковалась заготовка кормов для скота, используемого при пахоте, и были выведены новые породы мула и хайныка (помесь яка и коровы) [29, с.127].

Технический прогресс создал такое изобилие продуктов, что население Тибета быстро росло. К VII в. оно достигло 2860 тыс. человек [95 - В.А. Богословский полагает, что это только мужское население, воины [29, с.128]. Но тогда общее число было бы около 15 млн., что невозможно, учитывая природные условия Тибета.], т.е. предела, выше которого не поднималось вплоть до XX в. Больше, при указанном уровне техники, страна прокормить не могла. Естественно, прирост населения шел за счет земледельческих районов, и племена, поселившиеся в речных долинах, по бытовому укладу, обычаям и культуре все больше отдалялись от своих кочевых братьев. Наконец они преобразились в народ, которому предстояло совершить великие дела.

Начало истории

Долгое время тибетские племена жили родовым строем, не общаясь с внешним миром. Наконец, внешний мир обратил на них внимание: с запада, из Гильгита, в Тибет вторглась черная вера бон и овладела умами и душами, а с востока пришла сяньбийская дружина и покорила тела и сердца. Тогда Тибет изменил свой облик, и произошло это так.

Некогда, до появления буддизма, в стране Шаншун (Гильгит) учитель Шенрабмибо проповедовал новую религию. Главное божество мужского пола было им названо «Всеблагодать», а жена его выступала то как гневная «Славная царица трех миров», то как нежная «Великая мать милосердия и любви». Она была связана со стихией земли и в Западном Тибете называлась «Земля-мать». Это двуединое божество принимало кровавые

жертвы, включая человеческие.

Мир, по представлениям этой религии, состоит из трех сфер: небесной области – богов, земной области – людей и нижней – водяных духов. Сквозь три эти вселенные прорастает мистическое мировое дерево, и оно является путем, по которому вселенные сносятся друг с другом. Общение осуществляется путем мистерий, совершаемых жрецами, принявшими посвящение. Жрецы, кроме того, гадают, колдуют и заклинают, вызывая болезни и непогоду. Все это требует высокой квалификации, и поэтому «бонская религия тяжела для изучения».

Священная книга бона была написана Шенрабмибо на языке «тагзиг» и переведена на другие языки. Это весьма отделило бон от примитивных генотеистических культов, чуждых прозелитизму. Бон проповедовался и распространился, кроме Тибета, по склонам Гималаев и в Юго-Западном Китае. Можно думать, что не без его влияния сложились некоторые культы в Сибири, но это предмет специального исследования. В Тибете же эта религия стала господствующей и воинствующей, создав церковную организацию с соответствующей иерархией, клиром, организованным культом и тенденцией вмешиваться в государственные дела.

Это краткое описание [96 - Литература вопроса весьма обширна. Привожу лишь некоторые наиболее важные сочинения: A. Francke, A History of Western Tibet; Ch. Bell, The religion of Tibet, Oxford, 1931; B. Laufer, Über ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo, – «T'oung Pao», ser. II, vol. II, 1901; H. Hoffmann, Quellen zur Geschichte der Tibetischen Bon-Religion, Wiesbaden, 1950; G. Tucci, The Tombs of Tibetan Kings, Rome, 1950; M. Labou, Les religions du Tibet, Paris, 1957.], отнюдь не претендующее на полноту, все-таки достаточно, чтобы сделать вывод о невозможности отождествления бона и тунгусского шаманизма. Хотя в шаманизме есть учение о трех мирах, но отсутствует понятие о верховном божестве, о посвящении и силе жертвоприношений. Там нет и принципиально не может быть клира и церковной организации, потому что шамана, по представлениям тунгусов, избирают духи, а не обучают люди. Наконец, в шаманизме обращаются, и к помощи шамана при болезни может прибегнуть человек любой веры, как к врачу, тогда как бон совмещает проповедь и исключительность, как всякая высокоразвитая религия и как любая воинствующая церковь.

Время появления бона в Тибете уходит в глубокую древность. Восторжествовал он не без борьбы и крови. Один из легендарных правителей Тибета, Трикум, «в первой половине своей жизни был привержен к бону, а во второй половине своей жизни приказал подавить бон „йунг-трунг“ (одно из изречений бона) и разорвал головную нить „му“ (по которой возвращались на небо). Подданные и советник Лонгам убили его кинжалом» [32, с.29]. На место старых бонских жрецов, подавленных правителем, пришли новые – боны-могильщики.

Итак, бонская церковь урвала себе долю власти у племенных вождей, постоянно предававшихся распрям. Хотя они прятались друг от друга в каменных замках, число княжеств неуклонно сокращалось, так как князья энергично истребляли друг друга. В середине первого тысячелетия было 20 небольших княжеств, а немного спустя, в VI в., – уже только 17 [там же, с.31].

И вот в богатую, растушую, но разобщенную страну в 439 г. вступила новая сила. В это время воинственные тобасцы создавали и расширяли свою империю Вэй, жестоко расправляясь с другими племенами, ранее их осевшими в Северном Китае. В 439 г. они захватили Хэси и заставили бежать орду Ашина на север. Подобно Ашину, другой сяньбийский князек, Фаньни, со своими соплеменниками отступил на юго-запад во внутренний Тибет. Опираясь на дисциплинированный и боеспособный отряд, приведенный из тех мест, где война не прекращалась ни на минуту, сяньбийский вождь «привлек к себе цянов» [29, с.127; 56, т. II, с.184–185], т.е. занял господствующее положение среди враждующих племен. Как водяные пары конденсируются вокруг летящей в воздухе пылинки и образуют дождевую каплю, так тибетские племенные вожди объединились вокруг

сяньбийского атамана и его потомков, которые за 200 лет полностью отибетились и слились со своими подданными. С этого времени началось объединение Тибета, закончившееся около 607 г., после чего правитель Намри (570–620 гг.) смог приступить к внешним войнам. Но прежде чем обратиться к политике VII в., рассмотрим положение, создавшееся в Тибете после его объединения.

Правители Тибета

Порядок, установившийся в Тибете к началу VII в., условно можно назвать ограниченной монархией. Но ведь так же говорят и про Англию; название иногда вводит в заблуждение, если оно не раскрыто и не пояснено, а потому приступим к описанию.

Теоретически вся полнота власти в Тибете принадлежала правителю, потомку сяньбийских князей, носившему титул цэнпо. Формально ему помогал совет, укомплектованный чиновниками, назначаемыми и смещаемыми правителем. На самом деле совет держал в своих руках всю исполнительную власть [29, с.125–126 и 234], а фактически он выполнял волю племенных вождей, опиравшихся на своих вооруженных соплеменников, являвшихся единственной реальной силой в стране. Племенные вожди даже носили титулы: или «родственник по женской линии», шанг, или «малые владыки», вассалы. Советники лонпо назначались только из знати. Естественно, они проводили ту политику, которая определялась их воспитанием и связями, т.е. защищали интересы аристократии [32, с.140–143].

В этой ситуации положение цэнпо было очень сложным. С одной стороны, он получал свое место по наследству; в его казну поступали доходы с обширных земель, принадлежащих «короне», – налоги, дань покоренных народов, выморочное имущество и имущество казненных преступников, но его в любой момент могли отрешить от должности, и практически он не имел ни реальной опоры, ни действительной власти. Даже войско подчинялось не цэнпо, а специальному «военному советнику» [29, с.127–128]. Бедному цэнпо оставался, по сути дела, только почет, и этим он напоминает эллинских басилевсов в те времена, когда разбогатевшая аристократия лишила их былой власти.

Официально все тибетцы были подданными банг [32, с.140–143] своего бессильного правителя, но они резко делились на три слоя: аристократы, свободные и лично зависимые – трэн [там же, с.97 и 172].

Свободные мужчины все были обязаны служить в войске. Оно было организовано в «четыре крыла» (ру) и более мелкие подразделения [там же, с.128–130]. Хотя это деление и не совпадало с племенным, но командные должности в них занимали племенные вожди и «родственники по женской линии» [там же, с.131]. Это весьма усиливало позиции аристократии и давало возможность расправляться с низшими слоями населения по своему усмотрению. Даже средневековые китайцы отмечают чрезмерную жестокость наказаний и бесконтрольность судей. В результате их «деятельности» в Тибете появились несвободные, т.е. холопы. Холопы были лишены свободы правящей властью в наказание «за вредные мысли, гордость, необузданность» [там же, с.172]. Их использовали на разных работах, иногда казенных, иногда отдавая в услужение аристократам. Положение их было весьма незавидным.

Аристократы за свою службу в качестве советников, чиновников (нген), придворных (кхаб-со) или военачальников получали земельные участки в условное владение. Эти участки (кхол-юл, букв. «земля за службу») можно было передавать по наследству, но нельзя было ни продать, ни обменять. Земля отбиралась в казну при нарушении лояльности по отношению к правителю или прекращении несения службы [32, с.79–80]. Этот институт весьма напоминает бенефиций или поместье [97 - Эта практика удержалась в Тибете до XX века. Ее наблюдали Рокхилл и Гренар в Северо-Восточном Тибете и уподобляли феодальной [32, с.84].]. Для содержания армии и чиновников требовались большие средства, которые собирались в виде

подушного налога с населения, штрафов и дани с завоеванных земель. От уплаты налога освобождалось духовенство [32, с.101–104].

Итак, Тибет в VII в. был уже настоящим государством, в котором патриархальные отношения начали перерождаться в феодальные. Но феодализм был еще в зачатке. Гораздо большую роль играли именитые вотчинники, стремившиеся заменить монархию олигархией. Так, в Риме в результате усиления аристократии царская власть сводилась к нулю, а затем просто упразднялась [263, с.129]. То же происходило и в Финикии и в эллинских полисах.

Тибет стоял на том же пути. Вельможи и бонские жрецы крепко держали власть в своих руках, покоряя и ограбляя окрестные племена, так как только война кормила армию и только армия обеспечивала их власть и благополучие. При цэнпо Намри тибетские войска вторглись в Восточную и Центральную Индию и нанесли поражение тюркютам [32, с.35; 79, с.76], видимо добив несчастного Кара-Джурина, после того как он, брошенный своими восточными сородичами, пытался найти прибежище в Тогоне в 604 г.

Но всякий успех имеет свою оборотную сторону. В армию и в страну влились новые солдаты и подданные. Они были согласны принять на себя долю военных тягот и государственных забот, но только за соответственную долю благ. И тут они успеха не имели, ибо знать не склонна была делиться с побежденными. Антагонизм между аристократией и народом должен был возникнуть неминуемо, а тогда естественным вождем народа мог стать цэнпо, также утесненный знатью [98 - Вспомним «Одиссею»: народ защищает царя, оскорбленного знатью.]. Очевидно, не случайно был умерщвлен победоносный Намри [32, с.36], а при его сыне Сронцангамбо [99 - Согласно тибетской версии царского генеалогического древа, Сронцангамбо был тридцатый цэнпо, наследовавший свою должность. Следовательно, за период с 420 по 580 г., т.е за 160 лет, сменилось 29 правителей и на каждого в среднем приходится 5,5 года. Это могло быть лишь в том случае, когда престол находился в руках фрондировавшей знати, менявшей своих ставленников по своему произволу. Китайская версия [29, с.130] считает его шестым цэнпо, вероятно вследствие меньшей осведомленности. Хронология в обоих случаях отсутствует до VII в. Даже дата рождения и вступления на престол Сронцангамбо не может быть установлена. См.: Б.И. Кузнецов, Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных». Л., 1961, с.73–74.] «подданные его отца возмутились, подданные матери восстали, родственные шанг-шунги Чжо-сум-па, Ньяк-ньи-таг-па, Конг-по, Ньян-по – все восстали» [32, с.36]. Это очень похоже на гражданскую войну, в которой принимали участие разные группировки и племена.

Восстание все-таки потухло, и порядок был восстановлен, но умный и энергичный Сронцангамбо [100 - Правописание тибетских имен до сих пор тибетологами не установлено. У разных переводчиков одно и то же имя пишется по-разному. Иногда основой является транслитерация, иногда транскрипция, иногда фонетическая запись с того или иного диалекта, а иногда даже китайская транслитерация. Так, упомянутое нами имя пишется у Е. Шлагинтвейта [325] Srong-btsan sgam-po; у А. Франке [286] – Shrong tsan sgampo; у Демевия [277] – Sron-bcan-sgam-po; у Б.И. Кузнецова [177] – Сронцангамбо; у В.А. Богословского [32] – Сонг-цэн-гам-по и, наконец, у Бичурина, переведившего с китайского языка [29], – Цицзун Лунцзянь. Здесь приведены отнюдь не все варианты произношения и написания, и сложность цитирования многочисленных авторов возрастает при отсутствии единого принципа орфографии из-за необходимости приводить цитату точно. Поэтому в нашем повествовании не будет выдержана та или другая система воспроизведения имен. В наиболее ответственных случаях в подстрочных примечаниях будут даны разночтения, имеющие значение для понимания текста и сверки его с источником-переводом.] сделал выводы, весьма важные не только для него самого, но и для его подданных. Он обратил внимание на общину нищих бритоголовых монахов, проповедовавших странное учение о

пустоте и неделании. И он не ошибся: буддизм оказался силой, которая, утвердившись в Тибете, превратила его потомков из цэнпо в царей.

Сила и слабость буддийской общины

Буддийские проповедники начали проникать в Среднюю Азию уже в первые века новой эры, но в VII в. их энергия и настойчивость выдвинули их на первое место среди соперничавших в то время религиозных систем. Прежде чем говорить о роли и значении буддистов в ту эпоху, бросим беглый взгляд на характер самой буддийской общины и на те цели, которые она преследовала.

Вообще в VI и особенно в VII в. буддизм проявлял исключительную активность в Китае, Тибете и Средней Азии, прокладывая себе путь не столько как религиозная идея, сколько как социальная и политическая группировка. Буддийская философская доктрина была слишком сложна для того, чтобы увлекать за собой массы, но буддийскую общину представляла группа людей решительных и энергичных, которая умела заставить считаться с собой. За время своего существования она трансформировалась до неузнаваемости.

Первоначальный буддизм был одной из индийских философских школ с ярко выраженной атеистической окраской [262, с.58 и сл.] и никакого политического значения не имел.

В I в. этот первоначальный буддизм был преобразован Нагарджуной, объявившим, что излагает более полное и совершенное учение Будды, добытое им у змей, которым Будда также проповедовал, и даже более пространно, чем людям. Философский смысл новой секты, махаяны, заключался в учении о нирване, но важно другое: в новой секте центральное место вместо Архата и Будды занял бодисатва, спаситель мира. В системе буддизма бодисатва есть существо, достигшее степени совершенства Будды, но еще не ставшее Буддой, потому что призвание бодисатвы – наставить страдающее человечество и помочь ему избавиться от мук. Будучи выше Архата, остающегося просто человеком, и ниже Будды, находящегося вне пределов досягаемости, бодисатва, обладающий одновременно сверхчеловеческими качествами и доступностью, в глазах масс становится главным объектом почитания и поклонения, занимая место туземных богов, изгоняемых буддизмом.

В системе буддизма мир делится на две неравные части: монахи буддийской общины и все остальные. Солью земли признаются только монахи, так как они стали на «путь», выводящий их из мира суетного (сансары) к вечной пустоте (нирване). Монахи не должны работать и вообще действовать, так как действие есть порождение страсти и ведет к греху. Кормить, одевать и защищать монахов обязаны миряне, эта «заслуга» поможет им в следующем перевоплощении стать монахами и вступить на «путь». Естественно, чрезмерное увеличение общины монахов противоречило ее интересам, так как если бы все стали монахами, то кормить их было бы некому. Но эта опасность не грозила индийскому буддизму. Ни брамины, гордые своими знаниями и привилегиями, ни раджи, увлеченные роскошью, войнами и почестями, ни крестьяне, кормящие свои семьи и возделывающие поля, не стремились бросить свои любимые занятия во имя «пустоты», к которой должен стремиться буддийский монах. В буддийскую общину шли люди неудовлетворенных страстей, не нашедшие себе места в жизни и применения своей деятельной природе. Став буддистами, они отвергали жизнь, обидевшую их, и страсти, обманувшие их; во имя провозглашенной пассивности они развивали бешеную активность, и, наконец, в этой роли они нашли себе применение.

Чандрагупта, враг греков, основатель династии Маурья, несмотря на принадлежность к низшей касте (шудра), выдвинулся в 313/14 гг. благодаря военным талантам [34, с.15]. Основанная им военная деспотия утвердилась в Северной Индии, но жестокий режим разочаровал массы народа, выдвинувшие Маурья [101 - «После победы он (Чандрагупта) лозунг свободы превратил в рабство, ибо, захватив власть, он сам стал притеснять народ,

который он освободил от иностранного господства (Юстин XV, 4, 13–44)» [34, с.19]. Внук Чандрагупты, Ашока, понимал, что на копьях трон держаться долго не может. Военной деспотии противостояли сепаратистские тенденции местных радж из кшатриев и браминов в Бенгалии и племенных вождей Северо-Западной Индии. Для борьбы с ними ему нужно было мощное идеологическое оружие, и таковым оказалось буддийское учение, отрицающее касты, роды и народы. Буддийская община охотно пошла на сближение с деспотом, обеспечившим ей покровительство. После гибели династии Маурья на буддизм были гонения, продолжавшиеся до тех пор, пока царь индоскифов Канишка, бывший в Индии чужеземцем и, подобно Ашоке, державшийся на копьях своих соплеменников, не усмотрел в буддийских монахах своих возможных союзников в борьбе с покоренными индусами. Снова буддийские монахи были осыпаны милостями – до тех пор, пока держава кушанов не пала.

Третий расцвет буддизм переживал при Харше Вардане, завоевавшем почти всю Северную Индию и в VII в. н.э. создавшем эфемерную военную державу.

Резкие перемены в положении буддизма в Индии способствовали его распространению за пределами этой страны. Во времена процветания буддизм распространился в областях, зависевших от индийских или индоскифских царей; в периоды гонений монахи разносили «желтую веру» в те места, где они могли быть в безопасности. В первые века нашей эры буддисты проникают в Китай, в 350 г. буддизм утверждается в Непале [287, с.163], несколько раньше он преодолевает горные проходы Гиндукуша и завоевывает себе место в верованиях жителей Восточного Туркестана.

Описания двух путешествий китайских буддистов – Фаяна [309] и Сюанцзана [299, 300], представляют Восточный Туркестан чисто буддийской страной, что, конечно, грешит некоторым преувеличением, так как оба эти паломника интересовались только буддизмом и не описывали иных верований как не стоящих внимания. Проникновение это было постепенным и происходило в несколько приемов, что видно из того, что древняя хинаяна господствовала в Кашгаре, Гумо, Куче, Харашаре, Гаочане и Шаньшани, тогда как махаяна укрепилась в Хотане и Гебаньдо (Гашкурган), т.е. в областях, непосредственно граничивших с Тибетом [53, с.153], и в Китае.

Необходимо отметить, что в V – VI вв. буддизм в Китае был инородным телом. Нищие бритоголовые буддийские монахи (бикшу), со своей проповедью отрешенности от мира, безбрачия и устремления в потусторонность, были глубоко противны трезвому и рационалистическому практицизму конфуцианских грамотеев. Буддийская проповедь казалась им бессмысленным бредом, способным потрясти основы государства, основанного на принципах власти, собственности и семьи. Поэтому буддийские монахи искали других объектов для пропаганды и нашли их среди варварских вождей, поселившихся в Северном Китае в IV в., и народа, склонного к суевериям и нуждающегося в утешении.

Но главными приверженцами буддизма оказались женщины, без различия сословий. Положение женщин в средневековом Китае было настолько тяжелым, что буддисты нашли в них благодарную паству. Даже воплощение бодисатвы милосердия, Авалокитешвара, в Китае выступает в женской ипостаси, Гуань Инь, ибо, по легенде, бодисатва принял облик женщины, чтобы на себе испытать всю тяжесть женского бесправия. При содействии женщин, на их деньги, воздвигались великолепные храмы с тысячами монахов и библиотеками буддийско-китайской литературы.

В эпоху династии Тан переводами и переизданиями буддийских книг занимались больше, чем когда-либо в Китае. После же вступления на престол Гаоцзуна его министр, конфуцианец Фу-и, убедил императора созвать совет для обсуждения мер, которые следует принять в отношении буддизма. Предложение Фу-и заключалось в том, чтобы принудить монахов и монахинь к бракосочетанию и деторождению. «Те основания, – говорит он, – которые их склоняют к аскетической жизни, объясняются лишь их желанием избежать вклада в

государственные доходы. То, что они говорят о судьбе человека, зависящей от воли Будды, глубоко ложно. Жизнь и смерть людей лежат во власти судьбы, которой не управляет никто. Воздаяние же за добродетель и порок лежит во власти государя, а богатство и бедность являются следствием наших собственных деяний. Буддизм привел общественную жизнь к вырождению, а его учение о перевоплощениях не имеет ничего общего с действительностью. Монахи являются ленивыми и бесполезными членами общества».

На это ответил Сяу-ю, приверженец буддизма: «Будда был мудрецом, а отзываясь дурно о мудреце, Фу-и оказался виновным в тяжком преступлении». Его противник возразил, что верность присяге и сыновняя почтительность являются величайшими добродетелями, а монахи, отказываясь от почитания своего государя и своих родителей, оказывают им пренебрежение и равнодушие и Сяу-ю, защищая их учение, сам оказался виновным наравне с ними. На это Сяу-ю сказал только, что «ад создан для таких людей, как его хулигель».

Сопротивлялись этой «идейной заразе» конфуцианские «философы» – военные и гражданские чиновники. Приход их к власти всегда сопровождался гонениями против буддизма; следовательно, можно установить и обратную закономерность: гонения на буддизм в средневековом Китае означали приход к власти военно-чиновной касты, покровительство буддизму связано с господством придворной клики, состоящей из евнухов, женщин и монахов. Именно такую антитезу мы встречали в империях Бэй-Чжоу и Бэй-Ци.

Сама по себе буддийская община всегда была весьма деятельна, но цели ее не совпадали с целями светского государства, часто шли прямо вразрез с ними, и потому буддисты могли процветать лишь при бездарном и недалекновидном государе. Отсюда вытекает, что процветание буддизма связано со слабостью светской власти, а со временем еще более ослабляет ее.

При первых императорах династии Тан буддизм завоевал в Китае такое же господствующее положение, какое он имел во всей остальной Азии. Буддизм торжествовал от Самарканда и Пешавара на западе до Суматры и Явы на востоке, проник даже в дикий Тибет, но особенно укрепился в Китае, хотя и претерпел значительные изменения. К этому времени относится китайская поговорка: «Буддист как династия Тан» [270, с.XV].

Государи династии Тан видели в буддизме средство подчинения себе сверхъестественных сил и (главным образом) стремились найти эликсир бессмертия. Покровительствуя буддизму, они не забывали своей старой религии и весьма благосклонно относились к несторианам, время от времени проникавшим в Китай.

Не меньший успех буддисты имели среди народных масс Китая, чему немало способствовало внешнее сходство их религии с даосизмом. Китайцы, удивленные этим сходством, были склонны считать Лао-цзы истинным предком буддизма [там же, с.XVII]. Буддийская община разрасталась и поглощала все большую долю государственных доходов, не давая взамен ничего. Несомненно, что это обстоятельство сыграло свою роль в падении великой империи Тан наряду с прочими, еще более существенными причинами. И если при Танской династии буддизм в Китае одержал полную победу, то в это же время в Тибете он встретил такое сопротивление, перед которым трижды отступал и лишь на четвертый раз, уже в XI в., достиг уверенных, твердых успехов. В Тибете противником буддизма – «желтой веры» – были аристократия и «черная вера», или религия бон, а союзником и покровителем – монархическая власть.

Устрашающие формы мистерий «черной веры» довлели над сознанием горцев, веривших, что мир населен сонмом злых духов, спасти от которых может только вмешательство колдунов. До сих пор население восточных Гималаев, Юго-Восточного Тибета и инородцы Юннани и Сычуани почитают грозного духа Лепчу [268, с.10], которого даже буддисты считают более сильным, чем сам Будда [там же, с.19].

Социальная значимость религии бон в тибетском обществе ясна: колдуны вместе со знатью

так ограничивали власть царя, что она превращалась в фикцию. Это была борьба знати против трона. Для царя не оказывалось подходящего занятия, народные массы стали послушным войском в руках совета вельмож. Вельможи и жрецы прочно держали власть в своих руках, подчиняя все новые и новые племена цянов и драдов, так как только война кормила армию и только армия держала их на поверхности. К середине VII в. империя охватывала весь Тибет, Непал, Бутан, Ассам и соприкоснулась с Китайской империей.

Учреждение монархии

В отличие от своих предков, Сронцангамбо нашел способ избавиться от досадной опеки своих несговорчивых вельмож. Восемь из них он убил собственной рукой, когда они начали ему противоречить [29, с.132]. Но справиться с колдунами ему было не под силу; для этого нужна была посторонняя помощь, и он обрел ее в лице буддийских монахов, явившихся в свите цариц из Индии и Китая [102 - Союзы Тибета с Непалом и Китаем были скреплены браками с непальской царевной в 639 г. и китайской княжной в 641 г.]. В лице буддийских монахов Сронцангамбо получил то, что ему было нужно. Эти люди не боялись духов, значит, они были сильнее их; они принесли исписанные свитки с заклинаниями, более действенными, чем ночные вещания бонских колдунов. Эти монахи были в чести у китайского императора, всемогущего Тай-цзуна, и у индийского победоносного царя Харши Варданы, самодержавных государей, не зависящих от своих подданных. Сронцангамбо решил, что он заполучил средство уподобиться этим царям и весьма дешево, так как монахи-аскеты не требовали особых расходов на содержание. Как люди бывалые и образованные, они могли быть использованы для нужд вновь возникшей военной деспотии, а с крамольными вельможами они не были связаны и вполне зависели от царской милости.

По сути дела, обращение цэнпо в буддизм было монархическим переворотом. Возможности для столь решительных действий были предоставлены Сронцангамбо самой аристократией, где, как во всякой олигархии, влиятельные роды боролись за власть. При вступлении Сронцангамбо на престол «великим советником», т.е. главой правительства (премьер-министром), был вельможа Пунгсэ, из рода Кхьунгпо. Силу его влияния на цэнпо достаточно подтверждает тот факт, что завоеванная им область Цангбед была пожалована ему в дар, т.е. он завоевал страну с населением в 20 тыс. семей для себя, а не для государства. Однако ему приходилось все время бороться с интригами своих соперников. В конце концов по доносу вельможи из рода Гар он был обвинен в заговоре и обезглавлен, а власть захватил род Гар [32, с.416].

На фоне такого ожесточения и беспринципности Сронцангамбо удалось захватить инициативу. В 639 г. он перенес столицу на новое место и основал прекрасный город Лхасу [275, с.416], которая стала цитаделью нового порядка. Всякое сопротивление подавлялось беспощадно: «Вырванные глаза, отрезанные головы, конечности и другие части тела людей беспрерывно появлялись у подножия железного холма» в Лхасе [32, с.41].

И вот в эту суровую страну, переживающую жестокое время, в свите китайской и индийской принцесс появились новые советники царя [103 - Так его можно назвать после проведенных им реформ, хотя процесс становления монархии в Тибете затянулся и не завершился.]. Это были люди умные, образованные, искушенные в политике, дипломаты и психологи. Сронцангамбо получил опору, без которой новый строй удержаться не мог.

Обращение цэнпо означало мир и союз с Китаем и Непалом [104 - Это была вторая попытка буддийской проповеди в Тибете. Первая, при Латотори, не имела успеха, и индийские миссионеры вернулись домой. См.: G.M. Roerich. The Blue Annals. Calcutta, 1949, с.38.]. Во внутренней политике оно ознаменовалось глубокими реформами. Были посланы два посольства в Индию за священными книгами, из которых одно пропало без вести, а второе, руководимое Тонгми Самбодой, вернулось в 632 г. с рукописями и выработанным

алфавитом, после чего начался интенсивный перевод буддийских книг на тибетский язык [214, с.143]. В Лхасе были построены великолепные храмы, но не возникло ни одного монастыря [32, с.40], потому что буддистами были только иностранцы, а тибетцы, занятые повседневной жизнью, стремились не к нирване, а к благополучию на этом свете.

Желая приохотить своих подданных к мирной жизни, Сронцангамбо испросил в Китае шелковичных червей для развода и мастеров для выделывания вина и строительства мельниц [29, с.34].

Однако бонская оппозиция не дремала. «Подданные начали поносить царя. Царь слышал, но тем не менее предписал религиозный закон для соблюдения десяти добрых дел» [268, с.34]. Недовольство вельмож вполне понятно, но недовольство народа следует объяснить.

Действительно, буддийские монахи сами по себе стоили недорого, но для соблюдения культа нужно было воздвигать кумирни, отливать изображения бодисатв, покупать и привозить издалека рукописи и иконы.

Все это ложилось на плечи податного населения. Вместо походов, приносящих добычу и славу, предлагалось сидеть в пещерах на постной пище и спасать душу, губя тело. Не могло нравиться тибетцам и то, что царь окружил себя ламами, прибывшими не только из Индии, с которой войны в ту пору не было, но и из Хотана и Китая. Поэтому не удивительно, что тибетцы отнеслись к новой вере без малейшего энтузиазма [323, с.40].

Вероятно, сопротивление слишком крутому и набожному царю вызвало осложнения, которые привели к отрешению Сронцангамбо от престола. Пять лет на престоле сидел сын реформатора, Гунригунцан, пока не умер (по невыясненным причинам). Сронцангамбо опять вернулся к власти и правил, впрочем весьма беспокойно, до 650 г., когда он не то умер, не то был снова отрешен. Но так или иначе, на престоле оказался его внук Манроманцан, 13-летний мальчик, которого китайские хронисты, вообще довольно осведомленные, называют «безымянный». Можно представить, как мало значил этот ребенок на престоле.

Даже эти смутные и отрывочные сведения показывают, сколь напряженной была борьба за власть. Победа осталась за знатью и жречеством. Хозяином положения сделался «великий советник» Донцан [105 - Он же – Тонг-пэн (по В.А. Богословскому), кит. Лудун-цзань (по И. Бичурину).] из рода Гар, «не знавший грамоты» [29, с.136], т.е. не читавший религиозной литературы. Зато он «охранял все уделы Тибета» [177, с.50], внешняя политика которого потекла по старому руслу.

Война за Тогон

Самой острой проблемой, стоявшей перед Тибетом, были отношения с империей Тан. Интересы обеих великих держав были прямо противоположны. Необходимо учесть, что Тибет в VII в. был заперт со всех сторон. На западе стояли непокоренные дарды; Индию защищали не столько Гималаи, сколько климат, убийственный для жителей суровых нагорий; на севере лежала непроходимая пустыня, а на востоке – самая мощная мировая военная держава – Танский Китай. Единственный выход был на северо-восток, через Амдо в Ганьсу, и на просторы степей Хэси и «Западного края» (Синцзян). Но этот выход преграждало Тогонское царство, хотя и ослабевшее, но усиленное покровительством Китая.

Если для Тибета было необходимо овладеть Тогоном, то для Китая было не менее необходимо не допустить этого. Победа над тюркютами, доставшаяся недешево, могла быть сведена на нет при появлении в степи какого-либо антикитайского центра притяжения, так как кочевники бредили восстанием и независимостью. Вырвавшись в степь, тибетцы могли перерезать китайские коммуникации и, опираясь на мятежные элементы среди тюркских племен, загнать китайцев обратно за Великую стену. Поэтому китайцы оказывали всемерную помощь Тогону, несмотря на то что это повлекло за собой войну.

А в самом Тогоне союз с Китаем был крайне непопулярен. Многолетние войны с

Чжоуским, Суйским и, наконец, Танским Китаем не могли пройти бесследно.

На тогонские набеги китайцы отвечали губительными вторжениями, наводняя Амдо тюркютами, уйгурами и другими союзными войсками. Конечная победа осталась за Китаем, но ставленник Тай-цзуна, окитаенный царевич Муюн Шунь, несмотря на китайскую поддержку, был убит своими подданными [29, с.93]. Тай-цзун водворил на ханский престол сына убитого Муюн Шуня, малолетнего Нохэ-бо, вполне преданного Китаю. Нохэбо ввел в Тогоне китайский календарь, женился на китайской царевне и посылал молодых тогонцев в Чанъань служить при дворе. Естественно, что возникшая оппозиция ориентировалась на Тибет, но заговор 641 г. был раскрыт и ликвидирован [106 - Некий вельможа хотел захватить хана и его жену, китайскую царевну, и отвезти их в Тибет [29, с.94].].

Твердая политика Тай-цзуна и крутой поворот тибетской ориентации при Сронцангамбо на некоторое время обезопасили Тогон, но когда Донцан возобновил наступление на восток, а недалёковидный Гао-цзун отказал Нохэбо в немедленной помощи, участь Тогона была решена.

Тогонский вельможа Содохуй бежал в Тибет и сообщил Донцану о решении Гао-цзуна; Донцан немедленно начал войну и в 663 г. наголову разбил тогонцев в верховьях Желтой реки [29, с.95, 135]. Нохэбо с царевной и несколькими тысячами кибиток бежал в Лянчжоу – под защиту Китая. Гао-цзун спохватился и отправил в Тогон войско, поставив во главе его Су Динфана [там же, с.95, 136], героя западного похода против последних непокоренных тюркютов, но было поздно. Трудно было представить менее удачное стечение обстоятельств для империи Тан.

Осторожный Донцан пытался договориться с Гао-цзуном, но его предложения о разделе Тогона были отвергнуты. Донцан умер, оставив четырех сыновей, по способностям не уступавшим отцу; старший, Циньлин [107 - Тибетское чтение не установлено. Возможны варианты: «Три-дринг», «кон-Линг», «Тхим-линг» [см.: 32, с.49].], стал «великим советником», младшие возглавили войска, и война началась. Имперское правительство оказалось в крайне затруднительном положении, так как лучшие войска были заняты в Корее, завоевание которой было закончено только в 668 г. [30, т. II, с.120 и след.]. За это время тибетцы «разбили 12 китайских областей, населенных кянами» [29, с.136–137], и усилили свое войско за счет присоединенных дансянов (тангуты) и хоров (тогонцы). Около 670 г. тибетская армия ворвалась в бассейн Тарима и, опираясь на сочувствие тюркютов и союз с Хотаном, разрушила стены Кучи, вследствие чего весь «Западный край», кроме Си-Чжоу (Турфана), оказался во власти тибетцев [29, с.138; 272, с.281].

Стремясь вернуть утраченное, китайцы двинули на Тибет большое войско, но при Бухайн-Голе [108 - Бухайн-Гол – небольшая река, впадающая в озеро Хуху-Нор с запада, она пересекает широкую долину и окружена редким прибрежным лесом [см.: 164, с.312–313; 178, с.30].] были наголову разбиты. Китайский генерал Се Жиньгуй заключил мир с тибетцами и только на этом условии получил возможность отступить в 670 г. Другое войско, посланное против тибетцев, вернулось с дороги из-за смерти генерала, и на этом закончился первый этап войны.

Тибетцы дважды предлагали империи Тан мир – в 672 и в 675 гг., но Гао-цзун отверг эти предложения, и в 676 г. война возобновилась.

Тибето-китайская война за западный край

Активизация антикитайских настроений среди западных и восточных тюрков в 679 г. была связана с перипетиями тибетско-китайской войны. Китайское правительство великолепно понимало, что в степи не будет порядка до тех пор, пока тибетцы не будут снова загнаны в горы. Для этой цели была направлена огромная армия (180 тыс. человек) [29, с.142] и во главе

ее поставлен «государственный секретарь» Ли Цзинь-сюань, образованный и хитрый китаец, но не обладавший никакими военными талантами.

Китайский хронист даже приписывает главную роль в этом назначении злой воле соперника Ли Цзинь-сюаня Се Жунь-гуя, желавшего обречь конкурента на поражение и царскую опалу.

Вначале китайцы имели успех, но около озера Хуху-Нор были окружены тибетцами. Китайский авангард, оторвавшийся от основной массы войск, был истреблен, а сама армия прижата к горам и блокирована. От гибели китайцев спасла только смелая ночная атака Хэчи Чан-чжи, корейца по происхождению; это был атлет высокого роста и неудержимой храбрости [56, с.292], один из тех «илохэ» (удальцов), которых привлекал и лелеял Тай-цзун. Во главе 500 отборных бойцов он вклинился в тибетский лагерь, поднял среди врагов панику и пробил в блокаде брешь, через которую бежали остатки недавно грозной армии.

Гао-цзун в отчаянии созвал совет, чтобы решить, что делать с тибетцами, но мнения придворных разделились, и совет никаких решений не принял – тибетская угроза нависла уже над самим Китаем. В том же 679 г. умер Манроманцан («безымянный»), и на престол был возведен его восьмилетний сын, Дудрон [109 - По Н.Я. Бичурину [29, с.143], Дю-сонг – по В.А. Богословскому [32, с.50], Гун-срон-ду-рже – по Шлагинтвейту [32, с.50]; кит. – Цину-Синун [29, с.143]], при котором Циньлин с братьями сохранили всю полноту власти.

В 680 г. тибетцы вторглись в Китай и нанесли «совершенное поражение» Ли Цзинь-сюаню, но Хэчи Чан-чжи с тремя тысячами отборной «врубашей конницы» (тху-ки) ночью напал на тибетский лагерь и принудил тибетцев к отступлению. Назначенный после этой победы начальником пограничной линии Хэчи Чан-чжи построил на границе 70 сигнальных пунктов и завел казенные поля для снабжения пограничных войск хлебом, но, несмотря на это, тибетцы с помощью пограничных кянов [110 - Дансянов, т.е. тангутов, населявших правый берег Желтой реки к югу от озера Хуху-Нор [см.: 29, с.237].], прорвав линию обороны, вошли в Юннань и подчинили лесные полудикие племена, известные под названием маней [111 - Мань – общее название южных лесных племен [см.: 55. с.27].].

В следующем году (681) тибетский полководец Цзанбу, брат Циньлина, попытался прорваться во внутренний Китай. Хотя он был отражен Хэчи Чан-чжи, но это был успех в обороне, который не вывел китайцев из положения, становившегося катастрофическим. Оно еще более ухудшилось в 689 г., когда китайские войска, находившиеся в «Западном крае», были разбиты тибетцами. Китайское правительство впало в панику и готово было отказаться от «Западного края» [112 - Армия, посланная против тибетцев в 690 г., была возвращена с дороги [см.: 29, с.146].], но историограф Цуй-юн представил доклад, в котором доказывал необходимость во что бы то ни стало удержать западные владения, так как в старое время «сим отсекали правую руку у хуннов... Если не содержать гарнизонов в четырех инспекциях, то Туфаньские (тибетские) войска не преминут посетить Западный край, а когда будет потрясен Западный край, то трепет прострется и на южных цянов. Когда же они приступят к союзу с нами, то Хэси придет в неизбежную опасность... Если север будет смежен с туфаньцами, то десять колен (западные тюрки) и Восточный Туркестан погибнут для нас» [29, с.147–149].

Представление подействовало: была снаряжена новая армия, пополненная западными тюрками, и в 692 г. она одержала полную победу и освободила «Западный край» от тибетцев. В то же время кяны и мани, очевидно разочаровавшись в тибетцах, вернулись в подданство Китая. Некоторых тибетцы успели захватить, но спасшиеся, получив земли внутри Китая, усилили оборону западной границы.

Попытка тибетцев восстановить свое господство на западе при помощи тюркского царевича Ашина Суйцзы также не имела успеха, а набег, произведенный братьями Циньлина, кончился поражением в 695 г.

Но Циньлин был упорен. В 696 г. он обрушился на Лянчжоу [113 - Лянчжоу-фу в Алашане.] и, одержав полную победу, прислал посла с мирными предложениями. Циньлин предложил имперскому правительству вывести гарнизоны из «четырех инспекций» и уступить Тибету область нушиби (Тянь-Шань), с тем чтобы за империей оставалась область дулу (Семиречье). Китайцы требовали еще возвращения бывшей Тогонской территории и, учитывая внутреннее положение Тибета, сознательно затянули переговоры [29, с.153]. Расчет оказался точным: интриги и государственный переворот в Тибете еще раз спасли империю Тан.

Переворот в Тибете

Затянувшаяся война с переменным успехом истомила равно Тибет и Китай, но проявлялось это «утомление» в обоих государствах по-разному.

Китайское общественное мнение было вообще против войны за заграничные владения, которые нужны были не народу, а имперскому правительству, в то время терявшему популярность. Китайцы хотели спокойно заниматься земледелием, ремеслами и изучением классической литературы, а не ходить в далекие походы по сухим степям и заснеженным горам.

Имперское правительство было озабочено обилием врагов: арабы угрожали среднеазиатским владениям, тюрки захватили весь север, мукри и кидани на востоке волновались. Войска были нужны всюду, а пополнения приходилось посылать против Тибета только для того, чтобы удержать свои позиции. Поэтому имперское правительство тоже хотело мира.

Внутри Тибета также не было единства. Хотя ежегодно с границ в страну привозилась добыча [325, с.50–51], но львиная доля ее доставалась семье Гар, т.е. родственникам Циньлина [114 - Об этом ясно говорит цитата из Дуньхуаньской хроники: «В маленькой долине Чапу подданный стремится стать правителем, сын Гара стремится стать правителем» [см.: 32, с.52].]. Как это обычно бывает, симпатии противников правящего рода обратились к лишенному власти цэнпо, занимавшему в то время престол. Дудсрону исполнилось 25 лет. Согласно Дуньхуаньской хронике, он имел ясный ум и жестоко карал изменников [там же]. Его поддерживали кроме собственно тибетцев храбрые непальские горцы и воинственные западные тюркюты, спасшиеся в Тибете от репрессий империи Тан [там же, с.50].

Циньлин сделал ошибку, допустив имперские посольства в Тибет. Опытные китайские дипломаты, ведя с правителем и цэнпо переговоры о мире, посулами и подарками стимулировали заговор, во главе которого встал сам цэнпо.

Борьба началась в 695 г., когда Дудсрон казнил одного из членов семьи Гар. Сразу вслед за казнью цэнмо (жена цэнпо) «созвала множество людей» [32, с.51], очевидно своих родственников, чтобы обезопасить престол от действий армии, подчинявшейся семье Гар.

В 699 г. заговорщики под предлогом облавной охоты собрали воинов и, захватив более четырех тысяч сторонников правительства, перебили их. Затем Дудсрон вызвал правителя из армии в столицу, но тот, зная, что ему грозит верная смерть, поднял восстание, надеясь на верность своих войск. Но воины рассеялись, покинув своего полководца ради своего царя (цэнпо). Видя безнадежность положения, Циньлин покончил с собой и вместе с ним расстались с жизнью около 100 верных ему сподвижников. Те же, которые предпочли остаться живыми, вместе с сыном Циньлина перешли на сторону империи Тан. Их приняли с почетом и зачислили в пограничные войска, так как их возвращение в Тибет было исключено [29, с.154].

Положение изменилось диаметрально. Тибет лишился опытных полководцев и лучших войск. Китай приобрел восемь тысяч закаленных воинов. Естественно, что имперское правительство прервало мирные переговоры с Тибетом, и война возобновилась на всех

фронтах.

Теперь перевес был определенно на стороне империи. Китайцы сами приписывали свои успехи неопытности новых тибетских полководцев. Набеги 700 и 702 гг. были отражены с большими потерями для тибетцев. Просьба Дудсрона о мире и браке с китайской царевной была подкреплена данью золотом и лошадьми, но результатов не дала. Китайские дипломаты, проникавшие в Тибет, несмотря на пограничную войну [115 - В 703 г. китайский посол Кам Кэнг даже оказал почести цэнпо [см.: 32, с.52–53].], информировали свое правительство о новых затруднениях на пути цэнпо Дудсрона: «Зависимые государства на южной границе – Непал, Индия и другие – все восстали». Дудсрон погиб в походе против индусов в 703 г. [116 - Эту дату следует предпочесть [см.: 177, с.75; 12, с.100; 32, с.53].]

Победа осталась за империей, но она запоздала. Тибето-китайской войной воспользовались покоренные в 630 г. тюрки, среди которых 50 лет зрело недовольство, повлекшее взрыв страстей и кровопролитие [117 - Более подробно об этом см.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки, гл. XXI (М., 1967).].

После гибели цэнпо опять вспыхнули восстания племен и распри вельмож, а брат Дудсрона потерял престол Непала [32, с.54]. Но уже к 705 г. знатные семьи Ба и Дро восстановили порядок, и тибетский посол, прибывший в Китай, сообщил о вступлении на престол нового цэнпо – Мэагцома [118 - При вступлении на престол ему было 7 лет. Это значит, что власть опять оказалась в руках знатных семей, посадивших на трон ребенка, чтобы править страной от его имени. Его полное имя Тридэпуктэн Мэагцом.]. При нем буддисты сохранили свои позиции; продолжалось строительство храмов, переводы священных книг и приглашения индийских ученых [177, с.25]. Буддизм и бон пытались привыкнуть к сосуществованию.

Тибето-китайская война

Восставшие в 689 г. тюрки связали большую часть сил китайской армии, и это дало возможность тибетцам вернуться к активной внешней политике. Для начала они завоевали дардские княжества Западного Тибета и в 715 г. ворвались в Фергану, где их никто не ждал. Закрепиться там им не удалось, но, владея горными районами, они представляли постоянную угрозу для китайских гарнизонов «Западного края».

На восточной границе Тибет вел с переменным успехом время от времени затихавшую, но не прекращавшуюся войну с основными силами Китая. На равнине имела перевес регулярная конница империи Тан, в горах – тибетские войска. Это положение продолжалось до 755 г., когда мятеж полководца Ань Лушаня заставил китайское правительство не только снять войска с тибетской границы, но и принять помощь Тибета для подавления восстания. Тибетцы воспользовались этим и захватили западные области Китая, а в 763 г. разграбили китайскую столицу Чанъань. После этого Тибет превратился в мировую империю, способную оспаривать гегемонию в Средней Азии у Китая и Арабского халифата.

Нетрудно заметить, что не буддисты, а сторонники культа бона сражались в рядах тибетской армии – при заключении перемирий и договоров в жертву приносились лошади и быки или собаки, свиньи и овцы [29, с.189]. Аурель Стейн обнаружил неподалеку от оз. Лобнор, на левом берегу Хотан-Дарьи, в Миране, тибетские документы, относящиеся к VIII или началу IX в. Они отнюдь не буддийского направления, о чем свидетельствуют следующие факты: а) тибетские имена по написанию в большинстве своем не буддийские и не употребляются ныне; б) некоторые титулы восходят к добуддийским сагам; в) свастика имеет бонскую форму; г) не встречаются термин лама и молитва «Ом мани падме хум»; кроме того, язык и стилистические особенности документов весьма отличны от языка и стиля буддийской литературы [286, с.44]. Черная вера вернула позиции, временно утраченные при Сронцангамбо [119 - Подробное описание войн Тибета в Средней Азии см.: [94].].

Итак, создалось в высшей степени двусмысленное положение: победоносная армия,

опиравшаяся на широкие слои народа и древнюю религию – бон, оказалась в оппозиции к престолу, потому что монарх и окружавшая его кучка иноземных интеллектуалов-буддистов стремились к миру, ибо только мир с соседями мог спасти их от собственного войска. Но аристократы и бонские жрецы, имея в руках реальную военную силу, не могли ее использовать, так как их собственный авторитет основывался на соблюдении и сохранении традиций, а именно на традиции держалась и власть цэнпо, который благодаря этому был, при всем своем бессилии, неуязвим.

Обе стороны искали средств к закреплению своего положения. Мзагцом попытался женить своего наследника на китайской принцессе, чтобы династическим браком укрепить престол. Царевич, поехавший встречать невесту, при невыясненных обстоятельствах погиб [177, с.25]. Тогда Мзагцом сам женился на китаянке, которая родила ему сына. Сын был тут же украден и объявлен сыном тибетки, наложницы цэнпо. Царевича хотели воспитать в бонской вере и окончательно избавиться от буддизма. Но не дремали и буддисты, сумевшие объяснить ребенку, кто его мать, и внушить ему почтение к ее убеждениям. Такие формы приобретало сосуществование буддизма и бона, монархической и аристократической власти. Единственно только, что накал ненависти не дошел еще до такой степени, чтобы кровь потекла на тибетскую землю.

Черное и желтое

Тибетский монарх был более могуществен и грозен за границами своей державы, нежели в собственной стране. Покровительствуемая им буддийская желтая вера никак не могла снискать расположения его подданных. Мзагцом гостеприимно встречал среднеазиатских буддистов, бежавших от арабских сабель, китайских и хотанских монахов, несших в Тибет грамотность и проповедь человеколюбия, но «хотя цэнпо превозносил Учение, тибетцы не принимали посвящения в монахи» [32, с.58]. Буддизм исповедовался лишь в западных областях страны, не населенных тибетцами, в Центральном же Тибете не существовало ни одного монастыря и как народ, так и царь были равно невежественны в законе Будды [277, с.18].

Решающую роль в назревающем конфликте сыграло стихийное бедствие – эпидемия оспы. Жрецы не преминули приписать заразу чарам иноземцев и добились их изгнания из страны. В 775 г. умер цэнпо Мзагцом [177, с.82] [120 - Ю.Н. Рерих предложил дату – 745 г. [323, с.XIX].], оставив престол малолетнему Тисрондецану, и власть, до тех пор разделенная, целиком перешла в руки аристократии, иными словами, поборников веры бон. Правительство возглавили вельможи Мажан и Такралукон, непримиримые враги буддизма. «Царь, хотя сам был верующим, ничего не мог поделать, так как его министр был слишком могуществен», – говорит тибетская хроника буддийского направления [268, с.35; 323, с.40–41]. Мажан выслал на родину китайских и непальских монахов, препятствовал распространению буддийской литературы и разрушил два храма, сооруженных в предыдущее царствование [32, с.59]. Великая кумирня Лавран была превращена в бойню.

Видимо, в это время совершилась реформа бона, который был преобразован по образу и подобию буддизма. Выходцы из припамирских стран, призванные на место китайцев, хотанцев и индусов, составили канон из двух разделов: в одном было 140, а в другом 160 томов [322, с.357]. Проведенной реформой бон настолько укрепил свое положение, что сам Тисрондецан в одном из указов признал полное поражение буддизма [336, с.98].

Даже политические противники Мажана, тибетские сановники, соперничавшие с ним в борьбе за власть и поэтому поддерживавшие царя и буддизм, оказались бессильными перед союзом аристократии и «черной церкви». Монарх оказал помощь своим сторонникам лишь тем, что выслал их на окраину Тибета, где Мажан не мог убить их [32, с.60].

Расправа

Мажан допустил только одну ошибку: он счел дело буддизма безнадежным, тогда как безнадежных положений в истории не бывает. Его враги, лишенные власти и реальной силы, обратились к тактике придворного заговора. Это были люди смелые, и убить человека им ничего не стоило, но... буддийское учение категорически запрещает убийство. Нарушив религиозный запрет, заговорщики скомпрометировали бы свою доктрину и тем самым обрекли бы свое дело на провал. Но они нашли выход: заманив Мажана в подземную гробницу-пещеру, они закрыли выход из нее. При этом, полагали они, Мажана никто не убивал, он сам умер.

Надо думать, что такой софизм не мог убедить никого, кроме самих убийц. Поэтому для народа была придумана версия, что министр услышал божественный голос, приказывающий ему войти в гробницу, чтобы оберегать царя от несчастий, а дверь замкнулась сама [323, с.42]. Затем была сочинена легенда, объясняющая все происшедшее как цепь закономерностей, которая возникла еще в предыдущих существованиях и перевоплощениях [66а)]. Очевидно, что в народе антибуддийская политика была популярна, и скрыть преступление было необходимо. Тем не менее переворот удался: друзья Мажана были отправлены в ссылку, в пустыни Северного Тибета, а буддийские проповедники возвращены в столицу [32, с.61].

Царь взял власть в свои руки, и снова начался расцвет буддизма в Тибете. Снова открылись кумирни, на площади Лхасы был устроен диспут между сторонниками культа бон и буддизма, причем последние, конечно, победили, но обошлись с побежденными милостиво – сожжена была лишь часть священных книг религии, а другая часть принята буддистами [214, с.154].

Однако соглашение с народом, достигнутое новым тибетским царем, было неполным. Сторонники погребенного заживо министра в 754 г. предпочли перейти со всеми своими родичами на сторону Китая, где они были обласканы и даже получили императорскую фамилию Ли, что было высшей честью [29, с.175], Перешедших было немало, и это могло бы очень повлиять на ход событий, если бы в самом Китае все продолжало оставаться по-прежнему. Но кризис в Китае разразился раньше, чем в Тибете. Это было восстание Ань Лушаня.

Ламаизм и его основатель

Внутренняя политика Тисрондецана была направлена на укрепление страны. Ему наконец удалось притушить открытую религиозную борьбу между своими подданными. Начав с предательского убийства своего министра, Тисрондецан понял, что укрепить буддизм только насильственными мерами невозможно. Поэтому он позаботился о приглашении новых учителей из Индии. Призванный из Индии Шантаракшита оказался человеком скромным и совестливым. Он отказался соперничать с колдунами в заклинании демонов, так как считал задачей отшельника и учителя направлять свой дух на спасительные размышления [121 - И. Попов называет его Канбо-бодисатва [214, с.155].]. Зато другой учитель, Падмасамбава, прибывший из буддийского университета Наланды, превзошел в искусстве магии самых сильных колдунов.

Новое направление буддизма, основанное на применении магических формул и волшебства, получило название тантраяны [290]. Ученики Падмасамбавы, одетые в красные плащи, отбросили строгие правила махаянического буддизма: аскетизм и мораль, но их заклинания производили на тибетцев гораздо большее впечатление, нежели самоуглубление и экстаз махаянистов. Поэтому на этот раз буддизм имел значительно больший успех. Тибетцы с увлечением смотрели на «чудеса», показываемые приезжим индусом, им сами бонские колдуны были непрочь перенять у него неизвестные им приемы волшебства, тем

более что для учеников Падмасамбавы не был обязателен целибат [там же, с.361].

Падмасамбава принес в Тибет новую веру не только по форме, но и по существу. Буддийской она была скорее по терминологии, чем по догматике и этике. Концепция тантраяны сложилась в Удаяне, нынешнем Кафиристане, горной стране к западу от Кашмира. Удаяна издавна славилась своими чародеями, что отметил еще Сюань Цзан [339, с.26]. Буддизм в ней слился с шиваизмом [214, с.157] и культом «дакини», женских божеств, от которых Падмасамбава, согласно его фантастической биографии, и получил свою колдовскую силу [292, с.52]. Компромисс со служителями культа бон позволил объединить обе системы, и новая концепция получила название ламаизма; впрочем, это слово употребляется только в европейской научной терминологии и не известно в самом Тибете [339, с.28]. Сами тибетцы считают свою веру настоящим буддизмом – лишний пример того, как привычное слово обретает новое содержание.

С реформы Тисрондецана ламаизм стал официальной идеологией Тибета. Для укрепления этого вероучения около 770 г. невдалеке от Лхасы был построен монастырь Самье, ставший школой магии [292, с.56–57], а Тисрондецан был объявлен воплощением бодисатвы мудрости – Манчжушри. Монархия становилась теократией, а царь превратился в божество – хранителя закона (дармапала).

Новая система встретила сопротивление с двух сторон. Во-первых, далеко не все сторонники бона пошли на компромисс, во-вторых, настоящие буддисты отказались признать учение Падмасамбавы буддизмом. Споры и раздоры стимулировали изучение доктрины и переводы индийских сочинений на тибетский язык, причем в последнем занятии одинаково усердствовали обе стороны.

Сторонники «черного», т.е. непримиримого, бона также включились в эту борьбу. Подстрекаемая ими одна из жен Тисрондецана, по происхождению тибетка, добилась ссылки юного, но ученого ламы-переводчика Вайрочаны, поступив так же, как супруга Пентефрия [339, с.29]. Но после того, как ее постигла тяжелая болезнь, она смягчилась, и юный лама был возвращен из изгнания. Тем не менее эта женщина в истории Тибета была объявлена воплощением «красной дьяволицы» (божество религии бон).

Эта, по существу трехсторонняя, война была результатом столкновения восточных и западных культурных влияний. Включение в Тибетское царство Дардистана открыло в него доступ таким индусам, которых не знал Китай, хранивший отвергаемые в самой Индии принципы махаяны. Сам Тисрондецан был сыном китайки, но ему предстояло сделать выбор между Востоком и Западом, что также означало мир или войну с Китаем.

Собор в Лхасе

Ожесточение, которое возникло во время долгой и трудной войны между тибетцами и китайцами, вынудило повелителя Тибета пересмотреть свое отношение к буддизму. Отказаться от покровительства этому учению он не мог и не хотел, но еще меньше его устраивало проникновение в Тибет китайцев, хотя бы в рубищах буддийских монахов. Однако отделаться от этих «святых людей» было непросто, и сами они старались не подать повода для изгнания.

Тисрондецан нашел выход, устроив публичный диспут между буддийскими школами: китайцы защищали махаяну и принцип «неделания»; индийский учитель Камалашила отстаивал теорию сарвастивадинов (хинаянистов) и доказывал возможность спасения «добрыми делами», т.е. молитвами, сооружением кумирен, милостыней монахам, проповедью и т.п. На это вождь китайских буддистов Хэшан возражал: «Добрые и грешные деяния поистине подобны белым и черным облакам, которые одинаково закрывают небо. Освобождение от всяких мыслей, желаний и размышлений влечет за собою неощущение

реальности индивидуального бытия... Только так можно достичь (нирваны)» [122 - В.А. Богословский [32, с.65–66] предполагает, что индийская точка зрения победила потому, что была понятнее для народа и подходила господствующему классу. Думается, что обе концепции были одинаково экзотичны и чужды тибетцам, но решающую роль сыграла кровь, пролитая в боях с китайцами, и надежда получить материальную помощь из индийских владений, для чего компромисс с индийскими учеными был необходим.].

Решающим обстоятельством в этом диспуте явились не аргументы сторон и не сочувствие слушателей, а мнение монарха, которое было предвзятым. Еще до начала диспута Тисрондецан высказался так: «Я пригласил ученых из Индии, чтобы они переводили Трипитаку и объясняли бы ее, установили бы общину монахов и объединили веру в единую систему. Из Китая приехал Хэшан, учение которого не соответствует вере. Мы пригласили мудреца Камалашилу. Чтобы не было двух учителей, для объединения учения Будды мы устроим диспут. Я не буду вмешиваться» [177, с.43–44]. Этой репликой, независимо от того, насколько точно она передана, царь предрешил исход спора, а также раскрыл цель диспута – введение единомыслия в Тибете. И тем не менее диспут прошел далеко не в академических формах. Несколько сторонников Хэшана были так избиты камнями, что вскоре умерли; зато другие четыре китайца, посланные Хэшаном, убили учителя Камалашилу [32, с.66].

Даже обещания «не вмешиваться» тибетский монарх не сдержал, так как после диспута специальным указом была запрещена проповедь всех школ буддизма, кроме восторжествовавшей школы сарвастивадинов. Больше всех пострадали китайские монахи, которых не допустили до покаяния и пересмотра своих взглядов, а просто изгнали из Тибета. Можно думать, что все дело было только для этого и затеяно.

Это событие чрезвычайно важно по своим последствиям. Теперь Тибет стал врагом не просто китайского правительства, а всей китайской культуры в любом ее проявлении. Отсюда становятся понятными невероятная жестокость и упорство обеих сторон, ибо исчезла платформа для возможной договоренности: Тисрондецан считается продолжателем дела Сронцангамбо, но на самом деле он разрушитель его. Брак основателя тибетского буддизма с китайкой повел к союзу с Китаем и походу на Индию. Полукитаец Тисрондецан оперся на памирцев и индусов и ополчился против Китая. Несомненно, религиозные мероприятия в Тибете были тесно связаны с поворотами его внешней политики. Сочетание того и другого было причиной жестокой семидесятилетней войны, которую мы можем причислить к категории войн религиозных.

Выслушаем и другую сторону

Согласно буддийской историографии, царствование Тисрондецаана было золотым веком. Урожаи были хорошие, население увеличивалось, враги были побеждены, законы, как светские, так и духовные, укреплены, и учение Будды распространялось, неся с собой высокую культуру. Была сделана даже попытка собрать хроники и, сверив их, создать достоверную историю [325, с.55]. Главная роль в этих реформах приписывается индийским мудрецам Шантаракшите, Падмасамбаве и Каламашиле, а их покровитель, царь, объявлен воплощением Манчжушри, бодисатвы мудрости и просвещения.

Но совершенно иначе трактует эту эпоху традиция отвергнутой религии бон. Вторичное введение буддизма приписывается группе вельмож, уговоривших царя уподобиться царям Индии, которые, исповедуя буддизм, «свободны от болезней, долговечны и обладают огромными богатствами». Тут мы видим истинную причину союза трона и буддийской общины: царь Тисрондецан, подобно Карлу I Стюарту, захотел избавиться от опеки своих подданных.

Однако буддизм укрепился только в среднем Тибете: верхний Тибет оставался верен древнему вероучению, а в нижнем исповедовали обе религии. После упомянутого выше

диспута Тисрондекан в законодательном порядке запретил религию бон. Мотив этого закона совершенно ясен: «Царь собрал шенпо (колдунов) и сказал: „Вы, бонпо, слишком могущественны, и я опасуюсь, что вы сделаете моих подданных мне неверными. Или обратитесь в буддизм и станьте монахами, или покиньте Тибетское государство, или станьте служилыми людьми и платите налоги“» [307, с.22–44, 38–39].

Жрецы приняли первое предложение, и многие из них стали монахами, скрыв в горных пещерах свои святыни и рукописи. Последнее обстоятельство показывает, насколько неискренно было их вынужденное обращение. Святыни и рукописи были спрятаны для того, чтобы бон мог воскреснуть, когда «царь, министры и буддийская община будут разорены, потому что запрещают религию бон, когда царская семья пойдет собирать милостыню по деревням и выпрашивать у народа лохмотья, а учение бон распространится во все концы света» [там же, с.40].

Можно себе представить, какая мешанина взглядов стала царить в буддийской общине и насколько снизилась действенность организации после того, как она вобрала в себя своих заклятых врагов. При этом надо учесть, что буддистами стали люди беспринципные, ничего не стесняющиеся, в то время как лучшая часть сторонников черной веры отказалась от компромисса и разбежалась по горам. Тисрондекан оказался в плохом окружении.

Бон сопротивлялся отчаянно. Стихийные бедствия, например наводнение, поражение молнией царевича, болезнь царя и т.п., толковались в народе как наказание за вероотступничество. Царь был вынужден пойти на соглашение и выделить области, где исповедание религии бон было разрешено. Вместе с этим армия по-прежнему придерживалась черной веры [29, с.189–191], и это вынудило Тисрондекана к еще большим уступкам. «Властитель сказал: „Чтобы мне самому удержаться, бонская религия нужна так же, как буддизм; чтобы защищать жизнь подданных, обе необходимы; чтобы обрести блаженство, обе необходимы. Ужасен бон, почтенен буддизм; поэтому я сохраню обе религии“» [307, с.42–44].

Итак, призыванием бона стала защита жизни народа (разумеется, от внешних врагов), а задачей буддизма – достижение блаженства (т.е. просвещение). Но к такому размежеванию функций пришли не сразу. При жизни Тисрондекана были три периода гонений на бон.

Все эти краткие, сухие сведения дают лишь слабое представление о накале страстей, разрывавших в то время Тибет. Зато как этот накал ощутим при описании дворцовой интриги, предшествовавшей смерти Тисрондекана! Его супруга, тибетка, исповедовавшая бон, была матерью троих сыновей, но царь оставил ее ради наложниц, связанных с буддийской общиной. Покинутая царица пригласила трех изгнанных колдунов и попросила их околдовать царя. Те потребовали его грязную нательную одежду, которую можно было достать, лишь сняв ее с тела. Царица поручила это дело своему семнадцатилетнему сыну. Царь в это время был во дворце и играл со своими приближенными. Привратник отказался впустить царевича, но тот, сломав дверь и заколов привратника, предстал перед отцом и, ничего не скрывая, потребовал нательную рубаху, которую царь ему немедленно отдал.

Можно представить себе, какой у принца был вид, если царь предпочел стать жертвой колдовства, чем разговаривать с собственным сыном и наследником, перешагнувшим через труп верного слуги. За защитой Тисрондекан обратился к Падмасамбаве, и тот взялся за чары, но через 14 дней бонское колдовство одолело, в результате чего изгнанные жрецы были возвращены, а царь умер, вернувшись к бону [307].

По другим данным, Тисрондекан не умер от колдовства, а отказался от престола в пользу своего сына [325, с.56]. Возможно, в его отречении главную роль сыграла неизлечимая болезнь. Эта гипотеза примиряет обе версии. Но так или иначе, проводимая им политика религиозного компромисса потерпела полное поражение.

Ревнивая царица попросту отравила своего мужа, но ее сын раскаялся в отцеубийстве и

справедливо обвинил в нем свою мать. Дело в том, что он, несмотря на любовь к матери и соучастие в преступлении, был буддистом [336, с.73]. Став царем и приняв имя Муни Дзенбо в 797 г., он «наслал на мать безумие», а это, по-видимому, означает, что своим обращением довел ее до сумасшествия. Тогда царица отравила и сына, а власть передала его младшему брату – Джуцзе Дзенбо.

Короткое царствование Муни Дзенбо было ознаменовано двумя мероприятиями, которые весьма повлияли на дальнейший ход событий. Во-первых, он приглашал к себе буддистов-мирян из Индии и Китая и приказал почитать сутру Виная и Абидарму Трипитаку [325, с.158]. Это были классические буддийские трактаты, и у последователей тантраяны появилось изрядное число соперников из числа хинаянистов и махаянистов, что не могло не внести раскол в лагерь буддизма. Государственное исповедание разбилось на ряд философских школ, которые ожесточенно полемизировали друг с другом. Во-вторых, он за полтора года трижды заставлял богатых делиться с голодающим населением [там же]. Это показывает, что процветание Тибета было весьма относительным, войны и реформы изнурили народ. Но еще важнее, что Муни Дзенбо объявил себя врагом богатых. Можно думать, что он готовил социальную реформу [123 - У населения изымались золото, серебро, жемчуг, бирюза и одежда. Обложению не подлежали монастыри. Население не верило в передел имущества, считая, что оно останется в казне и не попадет в руки бедняков. Даже сами буддийские священнослужители были против уравнивания имущества, объясняя царю, что бедность происходит от грехов в прошлой жизни и поэтому не может быть устранена [см.: 177, с.45–46].], которая не осуществилась вследствие царубийства и дворцового переворота; в последнем были заинтересованы очень многие: богачи, вельможи, сторонники религии бон, тантристы и вдовствующая царица, которая его отравила.

Может быть, именно необходимость скрыть от народа намерения этого царя вызвала некоторую путаницу в хронологии и разноречие в источниках. У Э. Шлагинтвейта Муни Дзенбо слился с его младшим братом Джуцзе Дзенбо в одно лицо, носящее имя Мукри Дзенбо. Согласно «Синей тетради», царь Тисрондецан умер в 780 г., но в «Ганской истории» указан 797 г. Запись Латхасы упоминает царя Муни Дзенбо, имя которого отсутствует в «Ганской истории», но постоянно упоминается в тибетских хрониках. «Синяя тетрадь» сообщает, что царь Муни Дзенбо правил с 780 по 797 г. Это кажется ошибкой, так как большинство тибетских хроник устанавливает, что этот царь был отравлен своей матерью после недолгого правления (один год и семь месяцев или три года). Согласно хроникам, престол перешел в руки наследника Мутуг Дзенбо, младшего брата Муни Дзенбо. По Бустону же, Муни Дзенбо наследовал его младший брат Кридэ Дзенбо, также называемый Садналег. Доктор Петоч полагает, что Джуцзы Дзенбо «Синей тетради» транскрибируется как Цзучжи-цзянь «Ганской истории», и отождествляет его с Муни Дзенбо, годы правления которого, таким образом, падают на 797–804 [323, с.ХХ]. Ю.Н. Рерих считает вопрос открытым.

Попробуем подойти к проблеме по-иному: в 797 г. китайцы не могли знать подробностей внутренней истории Тибета, так как война была в разгаре. Поэтому краткое царствование Муни Дзенбо не только могло, но и должно было ускользнуть от их внимания. Затем, сопоставление дат «Синей тетради» и китайской летописи показывает, что тибетцы потеряли из летосчисления полтора или два года, т.е. то самое время, которое приходится на царствование Муни Дзенбо. Таким образом, можно найти место для его правления – 797–798 гг. [124 - К аналогичному выводу, хотя другим путем, пришел Б.И. Кузнецов [177, с.78].], что соответствует большинству хроник, и, сдвинув на эти два года хронологию «Синей тетради», привести ее в согласие с китайской хронологией, в данном случае верной.

При Джуцзе (он же Мутигцанбо), царствовавшем до 804 г., внутренние противоречия в Тибете не ослабели. Борьба придворных клик и интриги, ранее сдерживаемые железной рукой Тисрондецана, начали оказывать отрицательное воздействие на армию. Один из тибетских военачальников, правнук китайского эмигранта, горько жаловался захваченному в плен китайскому офицеру, что он и хотел бы, да не может вернуться на родину своих предков. Другой военачальник, «опасаясь, чтобы не обвинили его за неуспешные действия, покорился Китаю» [29, с.208–209].

Но это были только симптомы распада, а не сам распад. Следующий царь, Садналег (804–816 гг.), благополучно закончил войну, доведя дело до перемирия. У него от первой жены были три сына: Джангма, который пошел в монахи, Лангдарма, «друг грехов и враг религии», и очень набожный Ральпачан. Так как Лангдарма вполне определенно тяготел к бону, то его отстранили от престола, на который в 817 г. вступил Ральпачан [125 - По Б.И. Кузнецову [177] – Тидэсронцан, по G. Tucci [336] – Денти.].

Настала эпоха наступления буддизма на бон и даже на тантризм, так как царя окружили индийские монахи-хинаянисты. «Это была эпоха накопления заслуг» [325, с.58]. Дело в том, что хинаянисты рекомендовали «медленный путь спасения» через свершение «добрых дел», в то время как махаянисты предпочитали «быстрый путь», т.е. аскезу и «неделание». Для народа была выгоднее махаяна, так как отшельника, сидящего в пещере, прокормить легко, оплата же добрых дел, т.е. строительства и украшения кумирен, переводов и переписки молитв и т.п., падала на плечи тяглогового сословия. При Ральпачане было построено множество монастырей, и буддизм превратился в дорогостоящую религию. Ламство приобрело характер организации, разделенной на три степени: послушников, созерцателей и «совершенных», причем последние были причислены к высшему сословию. Каждый «совершенный» получил по семь крепостных для содержания и услуг. Ламаистская организация была освобождена от повинностей, и ей был дарован свой собственный суд. Благодарные ламы объявили Ральпачана воплощением Ваджрапани – хозяина молний, инкорпорированного буддизмом древнего бога Индры [292, с.181].

Совсем иначе относился к политике царя народ, строивший монастыри и кормивший множество иноземных лам. Хозяйство страны пришло в упадок, началось всеобщее обнищание, и поднялся ропот. «Кто извлекает пользу из нашего обеднения и угнетения? – спрашивали в народе. И, презрительно указывая на лам, говорили: – Вот они». Царь издал указ: «Строго воспрещается презрительно смотреть на мое духовенство и указывать на него пальцами, кто на будущее время позволит это себе, у того будут выколоты глаза и отсечен указательный палец» [326, с.345].

Но мало этого: буддисты-хинаянисты вполне последовательно со своей точки зрения решили делать «добрые дела» и в политической жизни Тибета. Уже при Тисрондецане буддийские монахи Ионтэн из рода Трэнка и Тиндзин из рода Ньянг назначаются советниками, «уполномоченными для составления великого указа», что по рангу было ниже «малых владык», но выше «великих советников» [32, с.71].

При Ральпачане буддисты сформировали свое правительство; во главе его встал Ионтэн, получивший титул «Уполномоченный для составления великого указа, глава над внешними и внутренними делами, управляющий государством, великий монах, сиятельнейший Ионтэн» [там же]. Это правительство вершило «добрые дела» невероятно круто: «Воры, разбойники, обманщики, интриганы истреблялись, и те подданные, которые были враждебны Учению или недовольны им, жестоко наказывались, их имущество конфисковывалось, и они оказывались в глубокой нищете» [326].

От этих «добрых дел» страдали уже не только народные массы, но и аристократы, оттесненные от власти и ставшие жертвой любого доносчика, который мог почти искренне обвинить тибетского вельможу в том, что он больше любит свою жену, чем Будду. Но донос

– явление обоюдоострое: «великий монах» Ионтэн испытал это на себе. Он был оклеветан и казнен, а вслед за тем заговорщики задушили самого Ральпачана и возвели на престол в 839 г. сторонника черной веры принца Лангдарму. Буддийское наступление на Тибет захлебнулось.

Тем более важно, что бон, добившись у Тисрондецана эдикта терпимости, сохранил свои позиции и при Ральпачане. При церемонии заключения мирного договора в 822 г. обряд черной веры даже предшествовал буддийскому [29, с.220–221]. Новый царь имел на своей стороне организованную партию, волю которой он охотно исполнял.

Лангдарма

Первым актом нового царя была конфискация имущества монастырей, вследствие чего множество индусских ученых-буддистов немедленно покинуло Тибет, но тибетским буддистам было некуда деться, и на них обрушились преследования, не уступающие по свирепости драконадам Людовика XIV. По указу царя, в надругательство над буддийским вероучением, воспрещающим убивать, половина монахов обязана была стать мясниками, а другая половина – охотниками; отказавшиеся были обезглавлены. Буддийские книги и предметы искусства уничтожались. Запрещалось молиться, смыслом жизни были объявлены мирские блага. Но даже буддийский источник отмечает, что «люди не жалели, что были попораны законы» [325, с.60].

Буддисты развили бешеную антиправительственную пропаганду: Лангдарму обличали за пьянство [323, с.53] и даже за оригинальную прическу (царь не заплетал косу, как было в то время принято, а собирал волосы на темени, и был пущен слух, что он скрывает рога, которые растут у него на голове и доказывают его демоническую природу) [286, с.59–60; 29, т. 1, с.232], называли его перерождением бешеного слона, укрощенного Буддой. Эти разговоры не беспокоили царя, который полагал, что люди, отвращающиеся от убийства, для него безопасны. Однако один лама решился на то, чтобы пожертвовать своей душой ради общего спасения. Он оделся в плащ, черный снаружи и белый внутри, и, спрятав под плащом лук и стрелу, явился на прием к царю. Черная одежда позволила ему пройти мимо стражи, которая приняла его за жреца. При первом поклоне он положил стрелу на лук, при втором – натянул тетиву, при третьем – выстрелил в царя [177, с.56]. Возникшее замешательство позволило ему отбежать за ближайшее укрытие, где он вывернул одежду наизнанку и благодаря этому скрылся от преследования и бежал в Кам, там буддисты находили приют и защиту [там же, с.57]. Это было в 842 г. [126 - По китайской хронологии.]

Крушение тибетской монархии

Короткое царствование Лангдармы было отмечено последним успехом тибетской внешней политики: в 839 г., т.е. в год вступления на престол ставленника бона, кыргызы, воевавшие с уйгурами, перешли в наступление и нанесли Уйгурии смертельный удар. Трудно предположить, что эти события не имели внутренней связи. В кыргызской надписи с Алтын-Келя сообщается, что «герой Эрен Улуг... ради доблести (т.е. по военным делам) ходил к тибетскому хану послом и вернулся» [184, с.56–58] [127 - Если даже считать, что это посольство было раньше, то надпись показывает характер тибетско-кыргызских отношений.]. Уйгурский народ был на краю гибели, и если бы смерть тибетского царя запоздала, то уйгуры исчезли бы с лица земли, как столетием раньше тюрки. Но тибетцы не смогли воспользоваться долгожданным успехом, так как внутренняя вражда превратилась в открытую войну.

Это наиболее «темный период» истории Тибета, и тибетские источники, касаясь его, резко расходятся с китайскими. По тибетской хронологии, Одсрун, сын Лангдармы, вернулся к буддизму, так же как и его наследник Дедал-хронцан, при котором началось восстание и полное распадение державы [325, с.61–62]. По китайской истории, на престол был возведен

трехлетний племянник Лангдармы и регентшей стала царица-мать, что и вызвало немедленную гражданскую войну [29, т. I, с.226 и сл.].

Однако при анализе событий видно, что тибетская версия дополняет и поясняет китайскую: после убийства Лангдармы правительство капитулировало перед буддийской общиной. Это вытекает из того, что противниками царицы-матери оказались правитель дел Гэдуно и полководец Шан Кунжо, ближайшие сотрудники Лангдармы, а их противник Шан Биби, известный своей книжной ученостью, был назначен военным губернатором самим Ральпачаном [29, с.228]. Мало этого, Гэдуно, возражая против нового царя, заявил: «После покойного гамбо (цэнпо) осталось много отраслей, а на престол возвели сына Линьских (т.е. из рода царицы). Кто из вельмож будет повиноваться ему? Кто из духов будет обонять жертвы его? Царство неизбежно погибнет» [там же, с.227]. Ссылка на вельмож показывает социальную подоплеку протеста, а апелляция к духам – его идеологическую направленность. Восстание подняли сторонники аристократии и черной веры.

Гэдуно был казнен, но Шан Кунжо поднял оружие, объявив себя мстителем за Лангдарму. В 843 г. «первые чины в государстве взбунтовались по причине несправедливого возведения гамбо» (цэнпо) [там же]. «Первые чины» были ставленниками Лангдармы. Противник восставших, Шан Биби, усыпив бдительность Шан Кунжо переговорами, нанес ему неожиданное чувствительное поражение, и гражданская война запылала. Вторая попытка наступления армии (состоявшей, как уже говорилось, из сторонников веры бон) на хорошо организованное войско Шан Биби, предпринятая в 845 г., тоже кончилась неудачей. Только к 849 г. Шан Биби был вытеснен из пределов собственно Тибета, на северную сторону Наньшаня.

Шан Кунжо, преследуя противника, опустошил всю страну от китайской границы до Карашара. Он пытался договориться с Китаем и получить от него согласие признать себя тибетским царем, но император отказал ему, после чего Шан Кунжо попытался собрать войска для войны с Китаем. Снабжение армии было организовано настолько плохо, что заставило тибетских воинов разбежаться из опустошенной страны, и армия Шан Кунжо растаяла. Китайцы воспользовались этим для того, чтобы оккупировать часть территории, отнятой у них тибетцами в предыдущих войнах, а в 851 г. передался Китаю тибетский наместник области Хэси (к северу от Наньшаня). В Дуньхуане с 847 г. утвердились уйгуры, с которыми заключили союз сторонники Шан Биби [128 - Судьба самого Шан Биби неизвестна; после 849 г. войском командовал его помощник Тоба-хуай-гуан.].

Шан Кунжо пытался восстановить власть Тибета в отпавших областях, но в 861 г. был разбит сначала повстанцами, а потом уйгурским князем Бугу Цзюнем и в последней битве потерял голову, которая была послана в Чанъань [29, с.233]. Тибетское царство перестало существовать. Наследник последнего тибетского царя бежал от узурпатора, имея всего 100 всадников. Весь Тибет был объят восстанием «людей, одетых в хлопчатобумажные одежды» [325, с.62], т.е. бедняков. Терпя голод и лишения, царевич пробился в область Нгари, где приблизительно в 850–853 гг. нашел приют и безопасность для себя и своих буддийских сторонников [129 - В области Нгари были построены две кумирни – в год лошади и в год овцы [29, с.63], что соответствует 850 и 851 гг. либо 862 и 863 гг. В 50-х годах во главе Тибета стоял узурпатор Кунжо, поэтому предпочесть следует раннюю датировку.]. В остальном Тибете дело буддизма было проиграно.

Но не выиграл и бон. Изгнание буддистов, т.е. самой культурной силы внутри Тибета, столь отрицательно повлияло на состояние администрации, что трон пал. А без поддержки власти организация бона не могла существовать; она превратилась в секту, т.е. не связывала, а разъединяла страну.

Тибет распался на свои составные части. Каждый замок, каждый монастырь, бонский или буддийский, огорожены стенами, каждое племя выставило на своих пастбищах дозоры,

чтобы убивать чужаков. В потоках крови, проливаемой ежечасно, потонули остатки тибетской культуры, на возрождение которой понадобилось более 200 лет.

Страна Шамбала в легенде и в истории [130 - «Азия и Африка сегодня», 1968, № 5, с.48–50.]

Французские авторы Л. Повель и Ж. Бержье в исключительно интересной статье «Какому богу поклонялся Гитлер?» [131 - Журнал «Наука и религия», 1966, № 10–11.] отметили, что учителя Гитлера – Дитрих Эккардт, Хаусхофер и Альфред Розенберг – почерпнули свою уверенность в том, что «их несут силы мрака» из тибетской легенды, переосмысленной ими для себя. По-видимому, они убедили и себя, и Гитлера, что эта легенда действительно тибетская и древняя. Фашистские идеологи исходили из того, что в глубокой древности на Востоке возникла некая страна Шамбала – центр могущества и насилия, управляющий стихиями и народами. Маги – водители народов якобы могут заключать с Шамбалой мистические союзы, принося человеческие жертвы. По мнению вожаков нацизма, массовые человеческие жертвоприношения, побеждая равнодушные «Могущества» – сил мрака, побуждали их к помощи жертводателям. Потому-то и были убиты шесть миллионов евреев и 750 тысяч цыган, что в этом руководители нацизма якобы видели глубокий магический смысл. Они обосновывали свои злодеяния верой в «силы мрака», но легенда, на которой они будто бы базировались, была плодом и последствием глубокого невежества европейского обывателя XX века.

Легенда о стране Шамбала в Тибете действительно существует и даже получила там особое распространение в тяжелый для Тибета XV в. Но рисуется Шамбала не как страна насилия, а как обитель блаженства и помещается где-то на северо-западе, подобно Утопии Томаса Мора или Атлантиде Платона. Правда, в одном из вариантов легенды имеется пророчество о грядущей войне Шамбалы с еретиками, нечто вроде описания апокалиптического конца мира и наступления вечного блаженства, но опять-таки не торжества мрака и насилия.

Как всякая легенда, концепция Шамбалы имеет свою реальную основу, однако до тех пор, пока хроники древне-тибетской религии бон были неизвестны европейским ученым, мысли о Шамбале питали только бредовую фантазию фашистских «теоретиков». Но в 60-е годы тибетские эмигранты опубликовали среди прочих сочинений «Тибетско-шашунский словарь», в котором была помещена карта страны Шамбала в специфической, непривычной для нас проекции. На первый взгляд, эта карта представляется совершенно фантастической, не имеющей никакого отношения к действительности, но научное исследование требует внимания, прилежания и уважения к самым непривычным формам изложения непонятных и неожиданных мыслей. Мы не можем требовать от древнего картографа, чтобы он изображал реальную действительность так, как привыкли видеть ее мы две тысячи лет спустя. Кто знает, может быть, через две тысячи лет и наши географические карты покажутся несовершенными и даже смешными. И поэтому, когда удалось прочесть сначала несколько названий, а потом уже и другие, то оказалось, что неизвестный древний географ изобразил страну, которую мы хорошо знаем по истории древнего мира.

Путь исследования

Первое, что бросилось в глаза, – было хорошо известное нам название «сак». Кочевой народ саки, родственники скифов, воевали с парфянами в 127–114 гг. до н.э. Сначала им удалось прорваться из Средней Азии в Иран, но потом они были оттеснены на его восточную окраину, в сухие степи, получившие название Сеистан (Сакастан). Это вполне реальное

событие заставило нас продолжить поиски, увенчавшиеся успехом. Выяснилось, что центральный город страны Шамбала носил название Барпасаргад, то есть был одной из столиц Ахеменидской монархии. Наличие двух зафиксированных пунктов позволило ориентировать карту по странам света и определить еще несколько важных пунктов. К западу от Пасаргад расположена страна Хос, в которой легко угадать эламский город Сузы; тут филология и география совпадают. Как известно, к западу от Сузианы была расположена Вавилония, где в VI в. до н.э. господствовало семитское племя халдеев. На нашей карте халдеи названы словом, которое мы реконструируем как «гьялд», что соответствует их самоназванию «кадду», тогда как греческий, привычный нам вариант отстоит дальше от оригинала. Но самое интересное, что столица этой страны – Вавилон наименован как «Страна, где собраны жрецы», в этом названии отражено характерное для Вавилона обилие языческих культов. Обнадеженные успехом, мы двинулись дальше на запад и обнаружили, что карта заканчивается «Окружным вытянутым морем», на берегу которого расположены Пун (Финикия) и город Несендры, то есть Александрия. Таким образом, наш географ знал о существовании Египта, хотя отзывается о нем крайне нелестно. По его мнению, Египет – это «Страна демонов, крадущих людей» (по-видимому, работоторговля и в те времена не вызывала восторга у наиболее интеллигентной части человечества).

Теперь попробуем двинуться от Пасаргад на восток. И там мы встречаем знакомые названия. На своем месте расположена страна Абадара – хорошо известная Бактрия, охватывающая современный Северный Афганистан и современный Южный Таджикистан. Южнее Бактрии лежит «Черная долина страданий», в которой нельзя не узнать страшную пустыню Белуджистана, где чуть было не погибло войско Александра Македонского. И, наконец, к северу от Пасаргад лежит страна Гергайон, знаменитая Гиркания, страна воинственных горцев, которых древние авторы сравнивали с волками (по-персидски «волк» – «гург»).

Прочие названия требуют дальнейшей работы, и, вероятно, не все из них удастся расшифровать и сопоставить с уже известными. Собственно, так и должно быть, потому что древний восточный географ имел много сведений, которых не имели греки, и, следовательно, тибетский вариант географии Переднего Востока должен дополнить те отрывочные сведения, которые донесли до нас Геродот, Страбон и другие западные авторы. Но ведь это только повышает ценность источника, и будущее покажет, насколько он обогатит историческую географию. Нам же сейчас надлежит перейти к следующей проблеме: датировке эпохи создания карты. Отметим для начала, что автор знает город Александрию, стало быть, он жил после Александра Македонского. С другой стороны, на карте нет ни одного римского названия, а это значит, что карта составлялась до завоевания Востока Помпеем. Таким образом, не входя в противоречие ни с одним из названий источника, можно с уверенностью сказать, что автор был современником Селевкидов и отразил на карте эпоху господства Сирии, руководимой македонскими завоевателями. Сирия по-персидски называется Шам, а слово «боло» означает «верх», «поверхность». Следовательно, Шамбала переводится как «господство Сирии», что и соответствовало действительности.

Этот, на первый взгляд неожиданный, вывод подтверждается канвой исторических событий III – II вв. до н.э. Первые сирийские цари: Селевк Никатор и Антиох, объединив большую часть развалившейся Сирийской монархии, создали исключительно благоприятные условия для развития ремесел и торговли. Антиохия, построенная на реке Оронте, в течение многих веков представлялась прообразом веселой, разгульной и беззаботной жизни, а один из кварталов ее – Дафнэ был местом, где танцовщицы впервые открыли «стриптиз». Поэтому неудивительно, что тибетские горцы, встречавшиеся с сирийскими купцами в Хотане, Кашгарии и Балхе, наслушались рассказов о веселой жизни, и это дало достаточный повод для создания утопии, которая пережила и Селевкидскую монархию, и порожденные ею

веселые беспутства. Таким образом, мы можем констатировать, что никаких специально «злых», а тем более «потусторонних сил мрака» с легендой о Шамбале связывать не стоит: там поклонялись Афродите, Адонису, Таммузу, практически также Дионису, но не «могуществам, которые способствовали насилию и требовали человеческих жертв».

Проверка вывода

Ученый не имеет права рассчитывать на доверие своих читателей и, больше того, сам не должен верить себе, пока не убедится в том, что выводы его безукоризненно правильны. Поэтому привлечем другие сочинения, в первую очередь «Биографию Шенраба».

Шенраб, основатель древней тибетской религии бон, которую часто именуют «черная вера», происходил из страны Олмо. На нашей карте она названа Хос (Сузиана). Олмо – это просто более древнее название Элама, что видно из тибетской аннотации к карте, которая названа как карта «Шушуна (Сузиана), Олмо (Элам) и Ирана».

Наличие древних названий не противоречит нашей датировке, а показывает просто эрудированность тибетского географа, знавшего, что Селевкидской монархии предшествовала Ахеменидская, первые цари которой происходили из Элама, из города Аншана. В биографии Шенраба (древность ее неоспорима) встречается ряд упоминаний о событиях, связанных с местами, отмеченными на нашей карте, которая тем самым является ключом к древнему тексту, чей смысл до сих пор не был раскрыт. Эламец Шенраб, проповедовавший религию света и правды, встретил сопротивление со стороны зороастрийцев, причинивших ему при помощи царя Ксеркса большие неприятности. Эти тибетские сведения корректируются недавно открытой надписью, в которой Ксеркс, называемый тибетцами Шрихарша (древнеперсидское Хшайарша), запретил почитание всех богов, кроме Ормузда. В числе прочих пострадал и бог Шенраба – древний Митра, последователи которого рассеялись по окраинам Персидской державы, на западе вплоть до Рима, на востоке вплоть до Тибета.

Римский митраизм, побежденный христианством, принадлежит истории, но тибетский, под названием бон, существует до нашего времени. Его не мог сломить даже натиск буддизма, так как воинственные горцы предпочитали оптимистическую религию обожествленной природы, предписывающую верность слову, самопожертвование и любовь к миру, непонятной для них философии мудрецов Индии и Китая. В ответ на уверение в бренности всего сущего и в ничтожности всего земного, а также в бессилии нашего знания они отвечали: «Не слушай болтовню буддистов, твое сердце подскажет тебе, где черное, а где белое», а о том, что они считали «белым», то есть хорошим, гласит бонский гимн:

Да будет небо – сапфир!
Пусть желтое солнце мир
Наполнит светом своим
Оранжево-золотым!
Да будут ночи полны
Жемчужным блеском луны!
Пусть от звезд и планет
Спускается тихий свет,
И радуги окаем
Сияет синим огнем!
Пусть в небе мчатся ветра,
Пусть поит дождь океан,
Пусть будет вечной земля,
Родительница добра;

Здесь так зелены поля,
Так много прекрасных стран!

Как видно из содержания и интонации текста, эта концепция переключается с наиболее мужественными и жизнеутверждающими настроениями, свойственными человечеству во все века, в том числе и в наше время. Последователи бона прошли через эпохи жестоких гонений, за две тысячи лет повторявшихся неоднократно, и пронесли для нас традицию древней науки, благодаря которой освещены многие темные моменты истории и разоблачены очень вредные предрассудки.

Итак, как ни странно, некоторые события, пережитые нами в XX в., находят себе объяснение в далекой истории, где заблуждения причудливо переплетаются с истиной, но истина их превозмогает.

Мы попытались очень кратко рассказать о древней тибетской карте и о некоторых событиях древнего мира. Теперь нам хотелось бы обратить внимание читателей на два весьма важных обстоятельства. Первое – это ценность традиционных сведений, передававшихся из поколения в поколение на протяжении тысячелетий. Даже нам, специалистам, кажется иногда просто невероятным, что в древних тибетских книгах содержатся вполне надежные сведения о древних странах и народах. Но, пожалуй, самое удивительное – это то, что в них есть описание и таких событий весьма далекого прошлого, о которых мы могли до недавнего времени только догадываться и строить разные, подчас противоречивые, предположения. И последнее: с каждым годом мы узнаем все больше фактов о культурном влиянии Востока на Запад и Запада на Восток, которое постоянно имело место на протяжении многих тысячелетий. Несомненно, что будущее развитие науки принесет еще немало интересного и неожиданного из истории развития нашей всемирной цивилизации.

Две традиции древнетибетской картографии (Ландшафт и этнос. VIII) [132 - «Вестник Ленинградского университета», 169, № 24, с.88–101.]

Публикуемая работа представляет собой опыт контакта двух, казалось бы, несовместимых наук, восточной филологии и исторической географии. Б.И. Кузнецову принадлежит обнаружение карты, перевод, транскрипция тибетских названий и часть топонимических реконструкций, Л.Н. Гумилеву – интерпретация, датировка и другая часть топонимики, а также установление местоположения пунктов на современной основе. Идея «моста между науками» (по выражению Карла Бэра) дала возможность, с одной стороны, уяснить смысл древнего источника, с другой – расширила горизонты исторической географии и этнологии.

I. Историческая география по самой своей природе вынуждена пользоваться не столько наблюдениями, сколько материалами, содержащимися в сочинениях древних авторов. Разумеется, строго критический подход к этому виду информации обязателен, но часто затруднен тем, что манера выражения древних географов представляется нам столь экзотичной, что не всегда удается отделить ошибочные представления, свойственные прошлым эпохам, от полноценной информации. Это касается не только описаний, но в еще большей степени картографического материала в необычной для нас проекции.

Научные представления у разных народов совпадают настолько, насколько они истинны, но система их подачи всегда разнообразна. Эта постоянная несхожесть является результатом одновременного и разнохарактерного этнического развития. Своеобразные культурные традиции имеют собственные нюансы терминологии и системы ассоциаций. Следовательно, буквальные переводы древних научных трактатов вводят в заблуждение современных ученых, не берущих поправки на способ выражения, принятый в иную эпоху.

Существующее в современной исторической географии представление о полном отсутствии связей эллинской науки с наукой стран Дальнего Востока в первые века до н.э. может быть пересмотрено. Эллины действительно плохо представляли себе расположение стран, находящихся к востоку от Памира, но, как оказывается, тибетские географы неплохо знали географию Ближнего Востока. В этом убеждает нас карта страны Шамбала. Эту страну до сих пор считали мифической. В Тибетско-шаншунском словаре приведена карта, на первый взгляд не имеющая отношения к географии [334, с.64]. Однако некоторую часть названий удалось расшифровать и даже датировать комбинацию топонимов II веком до н.э. [95, с.49] (рис. 1, 2).

Рис. 1. Факсимиле древнетибетской карты Ближнего Востока

На этой карте нам непривычно буквально все: расположение стран света, отсутствие масштаба, обобщенность контуров и топонимика. Однако именно благодаря последней удалось расшифровать и перевести географические названия и перенести их на привычную нам географическую карту Ближнего Востока, установив эпоху, на тибетской карте отраженную.

В центре карты находится город или, может быть, дворец, замок, словом, населенный пункт под названием Бар-по-со-ргйад. Это одна из столиц Персидской монархии -Пасаргады (греч), или Парсогард (перс). Этот город в 550 г. до н.э. стал резиденцией двух первых царей Персии – Кира Великого и Камбиза. Дарий перенес свой престол в Персеполь, основанный в 522 г. до н.э. На нашей карте Пасаргады – исходная точка для локализации. К западу от него помечена страна Хос, совпадающая по фонетике и географическому местоположению с эламским городом Сузы (Шушун). Это название дожило до нашего времени в топониме Хузистан. К западу от Сузианы был расположен Вавилон, и он действительно помечен на нашей карте, равно как и «Страна Гья-лаг-од-ма», что расшифровывается как страна халдеев (Гья-лаг-од // кал-ду // халдеи). В VII в. до н.э. халдеи, овладев Вавилоном, соперничали сначала с Ассирией и Мидией, а затем с Персией. Западнее помещались страна Пун, т.е. Финикия, и город Ланлин, который мы интерпретируем как Иерусалим. Из традиционной тибетской литературы известно, что это был главный город Палестины (Му-ле-стонг // Пелестем) [280, с.21].

Перечисленные отождествления еще не позволяют уточнить хронологию составления карты, так как они были известны в течение всего первого тысячелетия до нашей эры. Однако следующий пункт, город Несендры в «Стране демонов, крадущих людей», где имеются гробницы-храмы, «серые, сияющие», – это Египет и его столица Александрия, построенная в 331 г. до н.э. Следовательно, наша карта была составлена в эллинистическую эпоху, хотя наверняка не эллинами. Установив это, мы легко интерпретируем несколько названий на восточной части карты. На восток от Пасаргад лежит страна Абадара, хорошо известная нам как Бактрия, расположенная в современном Северном Афганистане. На юго-восток от Бактрии показана «Черная долина страданий», т.е. пустыня Белуджистана. Дальше к югу помечено море, т.е. в данном случае это будет Аравийский и Персидский заливы, по которым проплыл флот Александра.

Рис. 2. Частичная расшифровка карты на тибетской основе

Итак, знания составителя карты в основной части совпадают с кругом географических сведений, ставших доступными эллинской науке после похода Александра Македонского. В этой связи наше внимание привлекает страна с удивительным названием – «Ходящие по небу крадут людей». Расположенная между Белуджистаном и Бактрией, она может быть интерпретирована как Греко-Бактрийское царство, где колонисты-греки, базируясь на горные крепости, широко практиковали грабительские набеги на Индию и Иран и работорговлю. Это

подтверждается еще и тем, что так же названа страна на крайнем северо-западе на берегу моря, т.е. Иония. Именно это название и закрепилось за греками в персидском и индийском языках (юнан, явана // ионяне).

Северная часть карты тоже в какой-то мере поддается расшифровке. Несомненно, что страна, названная «Свирепый род Мед», – это Мидия, по-персидски Мад. Несколько больше, чем полагалось бы, сдвинута на запад страна Ге-рга-йон-тан, очевидно, Гиркания. Но зато вполне на своем месте к северу от Бактрии обозначена «Страна Сак». Это дает уже возможность установить верхнюю дату. Между 154 и 114 гг. до н.э. саки прорвались через парфянские заградительные линии и захватили область в Восточном Иране, до сих пор сохранившую их название – Сакастана (Сеистан). На нашей карте они помечены еще на своей прародине в южном Семиречье.

Итак, карта отражает период III – II в. до н.э. и, что особенно примечательно, не содержит никаких следов римского проникновения на восток. Этого не могло бы быть, если бы материалы, полученные тибетским географом, датировались хотя бы I в. до н.э., так как в 63 г. до н.э. легионы Помпея оккупировали Сирию и Палестину, а затем армия Красса в 54–53 гг. до н.э. вторглась в Месопотамию. Вместе с тем знакомство с римлянами подразумевало бы осведомленность восточных географов о существовании стран на западной окраине Средиземного моря. Поскольку ничего этого нет, датировка III – II вв. до н.э. является единственно возможной.

Но откуда могли получить тибетские географы столь специфическую информацию? Несомненно, не от греков, у которых были совершенно иные и менее точные сведения о географии Среднего Востока, хотя они гораздо лучше знали Передний Восток. По-видимому, информаторами тибетцев были персидские ученые раннепарфянской эпохи, сочинения которых в подлинниках не дошли до нашего времени. Об этом говорит ареал, представленный на нашей карте; помещение центра ойкумены в Пасаргадах, городе, тогда уже сильно разрушенном, но продолжавшем оставаться священным местом для ревнителей древних традиций Ирана, и вместе с тем отсутствие сведений об Элладе и Индии – странах, не входивших в Ахеменидскую монархию. Кроме того, в пользу нашей датировки имеется и прямое указание тибетского источника на то, что в древности географические познания вместе с религиозными были заимствованы из Ирана, откуда они попали в северо-западные районы Тибета, в так называемую страну Шаншун [280, с.1127–1138, 1167]. Поэтому мы имеем право назвать данную картографическую традицию ирано-тибетской.

Для историка Азии этот вывод является парадоксом, потому что заселение долины Брахмапутры предками современных тибетцев произошло в первые века нашей эры, т.е. после составления исследуемой карты. Очевидно, как это утверждает и тибетская традиция, посредником между эпохами и народами была страна Шаншун (в северозападном Тибете). Об этом народе мы знаем очень мало, но только его этно-культурные связи объясняют нам особенности дальневосточной картографической традиции, сохраненной в тибетских источниках.

II. Перейдем к общему анализу карты, сделав несколько необходимых замечаний. К данной статье приложена фотокопия с оригинала тибетской карты, а также для удобства читателей ее копия, в которой каждое тибетское название нами заменено на определенный порядковый номер, под которым оно будет дано ниже (рис. 1, 3). На первом месте мы даем тибетские названия в транслитерации, в которой каждой тибетской букве соответствует латинская. При этом сочетания zh (Ш) и sh (Ш) соответствуют разным тибетским буквам, а n — соответствует русскому нь. Запятая перед тибетским словом имеет вспомогательное значение и на чтение не влияет. В древнем тибетском слова писались почти так, как они произносились. Поэтому наша транслитерация почти совпадает с транскрипцией, т.е. до некоторой степени передает и древнее произношение. Тибетская система передачи

иностранных названий и имен весьма сложна, и о всех тонкостях этого дела мы говорить не будем. Особо тяжелый случай, когда тибетцы переводят на тибетский язык неперебиваемое иностранное название. Кроме того, в тибетском языке строго ограниченное количество определенных слогов, поэтому передача иностранных названий с непривычными для тибетцев сочетаниями звуков, с нашей точки зрения, будет весьма приблизительной.

Рис. 3. Прорисовка карты, с заменой надписей на цифровые обозначения

Затем надо обязательно помнить, что для тибетцев, как и для средневековых арабов, география была не только наукой практической, но и теоретической. Древние устаревшие сведения о мире спокойно уживались с новейшими. В тибетских географиях даже XIX в. можно найти не только Соединенные Штаты, Францию и другие современные страны, но также и страну Шамбала, народы Гог и Магог, причем последние, конечно, мыслятся как реально существующие. Поэтому исторических карт в нашем смысле, т.е. иллюстрирующих положение в строго определенную эпоху, в Тибете нет, а есть только закодированная информация. Это и является для нас датирующим признаком для *terminus post quem* (верхней даты), потому что сведения, полученные тибетской наукой после составления карты, на нее не попадают. Прокомментируем отмеченные на карте названия.

Рис. 4. Интерпретация карты на современной основе

1. *Var-po-so-brgyad* – Пасаргады. Достоверное описание этого города было сделано спутниками Александра Македонского, вступившего в древнюю персидскую столицу без боя. Историк Аристокл сообщает, что там располагалась гробница Кира Великого, представлявшая небольшую башню, скрытую в густой чаще деревьев; внизу башня была массивной, а наверху под крышей находился склеп с очень узким входом [242, с.677]. Страбон приводит еще два различающихся описания этой гробницы, к его времени разрушенной. Историк Онексерит, сопровождавший Александра в походе, утверждает, что башня была десятиэтажной, а Арист Саламинский, писатель более поздний, указывает, что она была большой и только двухэтажной [242, с.678]. Эти противоречия устраняются с помощью нашей карты. В центре ее изображена именно эта гробница, и видно, что в ней было десять этажей, которые отчетливо показаны чертежником. Кроме того, тибетская надпись выше заглавия является легендой именно к этой детали карты. Там перечислены следующие достопримечательности гробницы: 1) гора свастики, девятиэтажная [133 - Иранская свастика изображала солнце и в отличие от индийской была повернута против часовой стрелки, а «Девятиэтажная гора» – это гробница Кира, за исключением верхнего этажа, выделенного особо.]; 2) хрустальные столбы с надписями [134 - Надпись «Я, царь Кир Ахеменид» была сделана на трех языках [15, с.102].]; 3) сад свастики; 4) сад колеса, или круглый; 5) лотосовый сад [135 - В персидском языке для сада цветочного и сада плодового существует два отдельных слова.], видимо, с прудом и водяными цветами; 6) драгоценный сад. Совпадение тибетского чертежа с эллинскими описаниями снимает возможное сомнение в древности и достоверности карты, а также в правильности нашего отождествления исходной точки исследования.

2. *Vde-ba-rang-grub* – место, расположенное немного восточнее Пасаргад. По-видимому, это смысловой перевод: «блаженство (покой) само создается», хотя первый слог совпадает с персидским словом «даб» – «пышность, великолепие». Очевидно, показаны дачные места персидских царей, память о которых еще хранилась во время македонского и парфянского господства.

3. *Sham-po-lha-rtse* – слово «шампо» значит «сириец», поэтому возможный перевод этого названия «сирийская небесная (божественная) вершина». Очевидно, это святилище

сирийских божеств для сирийцев, обслуживавших царский двор, а может быть, поселившихся в Иране при первых Селевкидах.

4. Vde-ba-rang-grub (см. 2).

5. Kho-ma-ne-chung – Карамания, которая, согласно Страбону, «...обширная область и во внутренней части страны простирается между Гедросией и Персидой, отклоняясь, впрочем, дальше Гедросии на север» [242, с.674]. Это последнее обстоятельство отмечено на тибетской карте, что делает ее более точной, нежели современные исторические атласы, в которых Карамания помещена прямо на восток от Персиды. Впрочем, на карте походов Александра, приложенной к прекрасному переводу Арриана «Походы Александра», выполненного М.Е. Сергеевко [8], показан город Кармана с той же локализацией, что и на нашей карте.

6. Rnam-dag-dkar-po – ?

7. 'Khri-smon-rgyal-bshad. Судя по локализации и слову «царский», это развалины Персеполя, разрушенного Александром из мести за сожжение Афин Ксерксом. Персидское название города не сохранилось, а описание его развалин см. у В. Бартольда [15, с.103], локализовавшего Персеполь в окрестностях современного Истахра, вблизи от гробниц персидских царей, ныне называемых Накш-и-Рустем.

8. Thags(?) -me-ja-'nyung – ?

9. Chad-med-byang-chub. Можно перевести как «Непрерывная чистота».

10. 'Dul-khriims-gling в переводе «Страна законов, которые управляют», т.е. Персида, откуда велось управление империей Ахеменидов, а законы персидской монархии были переняты парфянами.

11. Dga-ldan-gling – «Страна, обладающая радостью», или «Райская страна».

12. Gyung-drung-bkod-gling («Страна, в которой упорядочивают свастику (символ солнца)»). По-видимому, одно из главных святилищ Митры, древнего иранского божества Солнца, культ которого проник в Тибет под названием «религия бон».

13. Rin-chen-spungs-pa – страна «Драгоценный Пун».

14. Rin-chen-'gram-gling – «Страна Драгоценный берег».

15. Gnod-sbyin-nor-gling – «Богатая скотом страна демонов-вредителей». Вероятнее всего, что это не название, а характеристика страны Парфии, расположенной севернее Карамании. «Вредными демонами» иранцы называли народы Турана (скотоводческие племена), в том числе и парфян.

16. Chad-med-byams-gling – западная окраина Мидии (см. 27).

Здесь необходимо отметить, что тибетский географ некоторые крупные страны отмечает на карте по несколько раз. Смысл этого в том, что один раз отмечается столица, другой территория, занятая народом, третий – покоренные и присоединенные области. Этим объясняются некоторые как бы смещения топонимов, но это же позволяет уяснить характер сведений, попавших в Тибет, и время составления карты, Мидия, как культурнейшая из областей Ирана, сохраняла свое значение и после потери самостоятельности в 550 г. до н.э., находясь в составе Ахеменидской, Селевкидской и Парфянской монархий. Поэтому она попала на тибетскую карту.

17. Dge-rgyas-yon-tan – Гиркания, одна из провинций древнего Ирана.

18. Mi-gYo-bsam-gtan. Возможно, греческий вариант названия Двуречья, т.е. Месопотамии, поскольку далее, к западу, расположены «Страна халдеев» (см. 45) и «Страна, в которой собраны жрецы», т.е. Вавилон (см. 30).

19. Sbyin-pa-mthar-rgyas – ?

20. Bdud-'dus-gling – «Страна, в которой собрались демоны». Видимо, бедуины, которых, как кочевников, зороастрийцы считали исчадием Аримана.

21. Rjes-rigs-bkod-pa'i-zhing – «Земля, упорядоченная княжеским родом», т.е. арабские земли Бахрейна – оазисы, подвластные Парфянскому царству [192, с.320].

22. Drang-srong-'gro-'dul – Дрангиана покоренная. Дранги – иранский народ, живший по нижнему течению Гильменда. Название это встречается только после походов Александра, первоначальная форма их имени была «заранги». Александр отдал их область в управление Арсаму, сатрапу Арии, но после восстания в Согдиане сменил его [8, с.370]. Вот еще один датирующий момент.

23. Zang-gling – «Медная страна». Соблазнительно сопоставить название с древними рудниками, но это опасно, так как возможны филологические реминисценции и метафорические обороты, свойственные ассоциативной системе древнего тибетца.

24. Rgyal-rigs-rgyal-sa'dzin – «Царский род поддерживает (или „укрепляет“) трон». В парфянскую эпоху на восточной окраине царства находился наследственный удел рода Суренов, второго по значению в Парфии. Глава этого рода при церемонии коронации возлагал тиару на голову Аршакида, вступавшего на престол. Локализация удела Суренов на тибетской карте совпадает с известной нам.

25. Gser-gling – «Золотая страна» (см. 23).

26. Gtsug-rje-rgyal-gling – ?!

27. Med-rigs-gdol-pa'i-gling – «Страна свирепого племени (племен) мед», т.е. Мидия. В середине VI в. до н.э. была разгромлена персами и включена в состав Персидской державы на правах провинции.

28. Stobs-chen-gyad-dling – «Страна могучих богатырей». Судя по названию и своему местоположению, это может быть только Ассирия. Хотя это государство погибло в конце VII в., но название продолжало существовать еще несколько столетий спустя, как «Осроена», царство на границе Сирии и Месопотамии [188, с.9], а народ дожил до нашего времени. Однако любопытно, что тибетский географ отметил не наличие небольшого в его время племени, а историческую традицию – славу ассирийских царей. Это можно трактовать как элемент особого отношения к времени – неискраемости существовавшего (см. вводную часть этого раздела).

29. 'Bri-mig-dgu-skor – ?

30. Bram-ze-'dus-pa'i-gling – «Страна, в которой собраны жрецы». Одно из тибетских названий г. Вавилона, для которого было характерно обилие религиозных культов. На карте рядом (№ 45) дается название самой страны, а именно «Страна халдеев». Халдеи – кочевое арабское племя, покорившее Месопотамию в VII в. до н.э.

31. Nos-mo – страна Хос или Сузы. Первоначально – столица древнего государства Элам, а впоследствии один из главных городов Ахеменидского Ирана.

32. Mya ngan-med-pa'i-gling – «Страна, в которой нет страданий», т.е. «Счастливая Аравия» – древнее название Йемена.

33. Rgyal-bran-khri-'od – судя по местоположению – Эфиопия.

34. Khi-thang-byams – ?

35. Smra-mi-grong-bdun – возможный вариант перевода: «Семь поселений Мрами»?!

36. Mkha-'gro-mi-rkun-gling – «Страна, в которой (люди, сильные как) боги, крадут людей». Греко-Бактрийское государство, о котором выше уже говорилось.

37. 'Gro-'dul-gling – «Страна, покоряющая ходящих (т.е. людей)», то же Греко-Бактрийское царство, весьма агрессивное.

38. A-ba-dva-ra'i-gling – Бактрия, одна из провинций Древнего Ирана.

39. Seng-ge-rgyab-bsnol – Согдиана, одна из провинций Древнего Ирана.

40. Shag-yul – «Страна сак» (саков).

41. (Название на тибетской карте пропущено.)

42. 'O(d)-ma-'byams-skya'i-yul – По локализации и звучанию может быть понято как «Maha-saka-ta» – «Великие саки», название одного из сакских объединений, которое греки называли «массагеты» [242, с.483, 485]. Из многочисленных гипотез по поводу слова

«массагеты» наиболее убедительно мнение К.В. Тревер, принятое нами [249, с.46]. Подлинное звучание слова в иранском произношении не установлено. Здесь география корректирует филологию.

43. Snang-ldan-'bum-gling – судя по местоположению, Албания кавказская, современный Азербайджан и южный Дагестан.

44. Ka-ha-ta-shel-shug – первая половина этого названия указывает на Малую Азию, ее восточную окраину, так как «ка-ха-та» соотносимо с хатти (восходит к названию хетты). Вторая половина названия представляет собой транскрипцию неизвестного для нас слова.

45. Rgya-lag-o'(d)-ma'i-gling – «Страна халдеев», т.е. Вавилония; подразумевается территория царства халдейских царей.

46. Rin-chen-sprungs-pa – «Драгоценный Пун». Как по своему происхождению, так и по названию, несомненно, Финикия.

47. Lhun-grab-gdal-gling – ?

48. Sha-za-gling-grong – «Поселения страны, едящих (человеческое) мясо». Этот странный обычай, необъяснимый из древних источников, поясняется за счет поздних, но восходящих к глубокой древности. Францисканский монах Одорико Порденоне, совершивший в 1318–1330 гг. путешествие на Восток, привез массу рассказов, большая часть которых оказалась вымыслом его осведомителей. В числе прочего он рассказывает о людоедстве на Никобарских и Адаманских островах [235, с.186–188]. По мнению комментатора Я.М. Света, Одорико на Никобарских островах не бывал [249, с.194], но тогда, значит, что он получил сведения о людоедах в Индии, оттуда же, откуда и составитель нашей карты на полторы тысячи лет раньше. По представлениям индусов, рассказы которых воспроизводит Одорико, Никобарские и Адаманские архипелаги были одним большим островом, что и отражено на нашей карте.

49. Ma-thang-bsgral-gling – транскрипция местного названия. Судя по местоположению в южной части Мирового океана, южнее Никобарских островов, и по фонеме – это Мадагаскар. Название «Мадагаскар», непонятное самим его обитателям, впервые воспроизведено у Марко Поло [162, с.202], а первое описание этого острова в европейской географии находится в «Перипле Эритрейского моря» [289, с.9], т.е. позже, нежели время нашей карты, и без названия. Следовательно, это древнемальгашское слово попало в Тибет через Индию. Мальгаши заселили Мадагаскар около III в. до н.э. из Индонезии [274] и при этом попали в поле зрения индусов, уже освоивших навигацию в Индийском океане. Итак, у тибетского картографа, наряду с иранским, был индийский источник и, значит, изучаемая карта не плагиат, а творческая работа, отражающая уровень знания географии в Тибете II в. до н.э.

50. Mya-ngan-thang-nag – «Черная долина страданий». По своему местоположению соответствует Белуджистану, древней Гедоросии, где чуть было не погибла армия Александра Македонского.

51. Ne-khri-'bum-thang – плоскогорье (плато) «Некхри-бум».

52. Gcan-zan-'khro-gling – «Страна свирепых, диких зверей».

53. Sos-med-khrag – название озера.

Все три названия расположены рядом и характеризуют Памир и Западный Тянь-Шань. Удобнее интерпретировать все три топонима вместе, так как они составляют одну систему. Плато Некхрибум – плоскогорье Восточного Памира; севернее лежит озеро, (mtsho) – несомненно, Иссык-Куль. Вся область названа страной свирепых зверей; но на Памире самый опасный зверь – медведь, которого, как доказал Э.М. Мурзаев, центральноазиатские народы называли «снежным человеком» [195, с.95–99] и, подобно народам Сибири, приписывали ему сознание даже выше, чем у человека. Впрочем, его человеком не считали, как видно из топонима № 52, и во II в. до н.э. путаницы из-за буквального перевода метафоры не возникло.

54. Dreg-so-pa-mas-shang, ср. перс. "per // риг – песок, щебень, и «ригстан» – песчаная

пустыня; Каракумы! Не так ли?

55. 'Dar-ba-ru-steng-grong-khyer – «Поселения верхних тапуров». Племя тапуров занимало район в северной части Ирана, вдоль южного побережья Каспийского моря. Примерно с VII в. н.э. этот район стал называться Табаристаном.

56. Tshershod-rab-'jigs – «Бури очень страшные». Поскольку упомянутые выше тапуры жили именно на побережье этого моря, то это, несомненно, Каспийское море.

57. Mkha'-'gro-mi-rkun-gling – «Страна богов, ворующих людей» – Иония. Об Элладе тибетцы не знали ничего, кругозор их был строго ограничен рубежами Ахеменидской монархии.

58. Grong-khyer-lang-ling – Иерусалим.

59. Sme-khrod-skyi-'jigs – Южная Палестина, или Синай.

60. Mu-khyud-bdal-pa'i-mtsho – «Окружное вытянутое море», т.е. Мировой океан, окружающий землю. В данном месте Средиземноморье.

61. Ne-seng-dra-ba'i-grong-khyer – «Город Несендры», т.е. Александрополис, или Александрия.

62. Srin-po-mi-rkun-gling – «Страна демонов, крадущих людей». Как уже выше говорилось, Египет.

63. Gsas-khang-dkar-nag-bkra-gsal – «Храмы-гробницы серые, сияющие», т.е. египетские пирамиды.

64. Dbal-so-ra-ba – по своему положению о. Кипр, на что указывают первые два слога, сопоставимые с Алиша (древнее самоназвание Кипра, согласно Амарнскому архиву Аменхотепа III или Аменхотепа IV) [143, с.21].

Проанализированная нами карта не является единственной. Недавно в Англии опубликован другой вариант карты [328, рис. XXII], но, судя по топонимам, составившийся несколько позднее и независимо от первого варианта. На второй тибетской карте не обозначены следующие страны, которые есть на первой: «Страна демонов, крадущих людей», т.е. Египет, и Пун, т.е. Финикия. Вместо них в Передней Азии к «Стране халдеев» (Вавилония) непосредственно примыкает Гьялмо-Кхром, т.е. «Царица-Рим» (в латинском языке Рим женского рода). На северо-востоке знакомая нам «Страна сак» на этой карте названа «Страной сильных сак». Мы не ошибемся, предположив, что это отражает консолидацию сак и юечжи и образование Кушанского царства при Кадфизе I в I в. н.э. Таким образом, мы видим, что две тысячи лет тому назад в Средней и Центральной Азии существовала неплохо развитая географическая наука и составлялись карты, по точности и охвату значительно превосходившие греко-римские. Но отмеченные нами «четырёхугольные карты» не исчерпывают древнетибетского картографического материала. Параллельно ирано-тибетской традиции существовала индо-тибетская, ставившая себе иные цели и располагавшая другим кругом знаний.

III. В отличие от ирано-тибетской индо-тибетская географическая традиция ставит задачи не страноведческие, а космологические. На публикуемой карте (рис. 5) мы видим весьма четкую систему представлений о строении Земли. На индо-тибетской карте земная суша изображена в виде четырехугольника хребтов, окружающих гору Меру (Сумеру), центр мира и путь на небо. Несмотря на условность интерпретации, здесь легко угадать орфографическую систему Южного Тибета, т.е. долину р. Цанпо (Брахмапутры), окруженную с юга Гималаями, с севера Трансгималаями, с запада Каракорумом и с востока хребтами страны Кам, где в одном из ущелий прорывается Брахмапутра. Здесь мы видим наивное стремление, свойственное многим народам, поместить свою страну в центре мира. На карте гора Меру окружена водой глубины неизмеримой и поднимается в область богов. Естественно, что считать эту гору реальной нельзя. Это космический образ объединения нашего мира с потусторонним. Поэтому мы можем оставить без внимания эту мистическую

деталь, тем более что она не препятствует интерпретации реальной части карты, изображающей поверхность Земли.

Рис. 5. Индо-тибетская карта мира

На данной карте эта поверхность имеет вид четырех континентов, расположенных в Мировом океане по странам света. С юга мы видим три треугольника, которые по своим очертаниям, естественно весьма обобщенным, напоминают Индию, Аравию и Индокитай. Центральный и самый большой из этих трех называется континент Джамбудвипа, а остальные два – континентами-спутниками. Первоначально под Джамбудвипой индийцы имели в виду только Индию, а потом Индию с прилегающими к ней странами [334, с.80]. Потом, в связи с утратой доверия к древним традиционным сведениям, индийцы стали считать только континент Джамбудвипа реально существующим. Под ним стал пониматься весь мир, тогда как все остальные три континента с континентами-спутниками стали считаться мифическими. Так было проще и избавляло от необходимости заниматься исторической критикой.

Восточный континент Видеха со своими континентами-спутниками изображен в виде трех полуокружностей, прямой стороной обращенных к западу. Если допустить, что древние индийцы форсировали Тихий океан и делали это трижды, то именно такой и должна была представляться им Америка, обращенная к Тихому океану. Она неминуемо представлялась бы в виде прямой линии, с высокими горами, за которыми расположены населенные страны. Жители этого континента охарактеризованы в тибетских источниках как высокорослые, с головами, сильно сплюснутыми сзади, и резко выступающими вперед лицами, со спокойным и мягким характером и прекрасным поведением, т.е. гостеприимными [339, с.80]. Не странно ли, что аналогичным образом охарактеризовали американских индейцев спутники Колумба.

Северный континент Уттара-Куру представлялся древним индо-тибетским географам в виде квадрата. Жители характеризовались как свирепые и беспокойные, с квадратными лицами, т.е. с сильно выраженной монголоидностью. По легенде, они жили на деревьях, от которых они получали все необходимое, а после смерти перерождались в деревья [17, с.80–81]. Здесь нельзя не увидеть несколько преувеличенное представление о таежной зоне, ограничивающей с севера центральноазиатские степи и в начале нашей эры захватывавшей более южные широты, нежели сейчас [84]. Любопытно, что как Геродот, так и безымянный восточный географ утверждают, что люди на севере питались плодами деревьев [51, т. IV; 305, с.16]. Это показывает, что в первом тысячелетии до нашей эры в Южной Сибири, Монголии и Казахстане плодовые деревья росли в диком состоянии, что совпадает с реконструкцией палео-климата, о чем мы указывали в наших прежних работах [84]. Выше упоминалось, что северный континент имел форму квадрата. Аналогичные сведения мы находим также у Геродота, который говорил, что Скифия представляет собой квадрат, две стороны которого доходят до моря, а каждая из сторон равна четырем тысячам стадий [51, т. IV]. Под Скифией Геродот имел в виду всю северо-восточную часть Евразии.

Западный континент Годханья с континентами-спутниками изображен в виде трех кругов, в чем можно усмотреть очертание Северной Африки (средний круг), Европы (верхний круг) и Южной Африки (нижний круг). Отмечается обилие быков на этом континенте, а жители характеризуются как сильные и свирепые демоны-людоеды, очень беспокойные, с бычьими и обезьянными головами. Под бычьими головами, очевидно, понимались эллинские шлемы (не случайно на Востоке Александра Македонского называли «Двурогий»). Обезьянными лицами тибетцам представлялись европейские лица, так же как и древним китайцам, которые писали: «Тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки...» [21, с.190] усуней – европеоидного народа, населявшего на рубеже нашей эры Тянь-Шань, потомками которых китайцы XVII в. сочли русских землепроходцев.

Итак, космографические представления индо-тибетской школы поражают своей широтой. По существу, этим географам была известна почти вся поверхность Земли, за исключением Австралии и Антарктиды. Примечательно, что страны света на этой карте расположены в том же порядке, что и у нас. Каким образом и откуда могла появиться на Востоке такая широкая информация – мы решить не в состоянии. По-видимому, некоторые привычные нам представления о науке древности нуждаются в пересмотре.

Хунны в Азии и Европе [136 - «Вопросы истории», 1989, № 6–7.]

Преамбула

Посредствующим звеном между гуманитарным источниковедением и исторической географией является учение об этногенезе: возникновении и исчезновении этносов, процессах, протекающих в тех или иных пространственных регионах в определенные отрезки исторического времени, т.е. времени, исчисляемого событиями, находящимися в причинно-следственной связи.

Историко-географический подход позволяет дать объяснение тем событиям, которые ранее не поддавались интерпретации и часто оставались без того внимания, которого они заслуживали. Такова судьба этноса «хун», существовавшего с III в. до н.э. по X в. и оставившего после себя разнообразные реликты в составе тюрко-монгольских этносов.

Выбор сюжета не случаен. Закономерность взаимодействия этноса и ландшафта особенно наглядна в экстремальных условиях, так же как и столкновения этносов с разнообразными типами культуры и хозяйства. Центр тяжести нашего исследования лежит в выявлении связи между развитием хуннской кочевой державы и резкими климатическими колебаниями, и прежде всего великой засухой III в., превратившей на время цветущую степь в полупустыню [137 - Статья покоится на фундаменте из моих монографий «Хунну» (М., 1960). «Хунны в Китае» (М., 1974), «Древние тюрки» (М., 1967) и 14 статей под общим подзаголовком «Ландшафт и этнос» (Вестник Ленинградского университета, серия географии и геологии, 1964–1973). Экстрактом этой серии является статья «История колебаний уровней Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XIV в. н.э.). – В кн.: «Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене» (М., 1980).]. Цель работы и вывод ее таков: предки тюркских этносов – хунны – были носителями полноценной оригинальной культуры, союзниками древних славян – антов, стремление принизить их неправомерно.

Великая степь

Посредине Евразийского континента, от Усури до Дуная, тянется Великая степь, окаймленная с севера сибирской тайгой, а с юга – горными хребтами. Эта географическая зона делится на две части, не похожие друг на друга. Восточная называется Внутренней Азией; в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири ее отделяют хребты Саянский, Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета – Куньлунь и Наньшань, от Китая – Великая стена, проведенная между сухой степью и субтропиками Северного Китая, а от западной части – горный Алтай, Тарбагатай, Саур и западный Тянь-Шань. Западная часть Великой степи включает в себя не только нынешний Казахстан, но степи Причерноморья и даже – в отдельные периоды истории – венгерскую пушту.

С точки зрения географии XIX в. эта степь – продолжение восточной степи, но на самом деле это не так, ибо при этом не учитывается характер движения воздушных масс [89], атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи. Циклоны с Атлантики доносят влагу до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. Над Монголией висит огромный антициклон, не пропускающий влажных западных ветров. Он прозрачен, и через него легко проходят солнечные лучи, раскаляющие поверхность земли. Поэтому зимой здесь

выпадает мало снега, и травоядные животные могут разгребать его и добывать корм – сухую калорийную траву. Весной раскаленная почва размывает нижние слои воздуха, благодаря чему в зазор вторгается влажный воздух из Сибири, а на юге – тихоокеанские муссоны. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных кормом на весь год. А там, где сыт скот, процветают и люди. Именно в восточной степи создавались могучие державы хуннов, тюрок, уйгуров и монголов.

А на западе степи снежный покров превышает 30 см и, хуже того, во время оттепелей образует очень прочный наст. В результате скот гибнет от бескормицы. Поэтому скотоводы вынуждены на лето, обычно сухое, гонять скот на горные пастбища – джейляу, что делает молодежь, а старики заготавливают на зиму сено. Даже половцы имели свои постоянные зимовки, т.е. оседлые поселения, и потому находились в зависимости от русских князей, ибо, лишенные свободы передвижения по степям, они не могли уклоняться от ударов регулярных войск. Вот почему в западной части Великой степи сложился иной быт и иное общественное устройство, нежели в восточной [98].

Циклоны и муссоны иногда смещают свое направление и текут не по степи, а по лесной зоне континента, а иногда даже по полярной, т.е. по тундре. Тогда узкая полоса каменистой пустыни Гоби и пустыня Бетпак-Дала расширяются и оттесняют флору, а следовательно, и фауну на север, к Сибири, и на юг, к Китаю. Вслед за животными уходят и люди «в поисках воды и травы» [57], и этнические контакты из плодотворных становятся трагичными. За последние две тысячи лет вековая засуха постигала Великую степь трижды: во II – III вв., в X в. и XVI в., и каждый раз степь пустела, а люди либо рассеивались, либо погибали. Но как только циклоны и муссоны возвращались на привычные пути, трава одевала раскаленную почву, животные кормились ею, а люди обретали снова привычный быт и изобилие.

Грандиозные стихийные бедствия не влияли ни на социальное развитие, ни на культуру, ни на этногенез. Они воздействовали только на хозяйство, а через него – на уровень мощи кочевых держав, ибо те слабели в экономическом и военном отношении, но восстанавливались, как только условия жизни приближались к оптимальным. Но это не означает, что в Великой степи не было никаких государственных перемен. Народы там развивались не менее бурно, чем в земледельческих районах Запада и Востока. Социальные сдвиги были хоть и непохожие на европейские, но не менее значительные, а этногенез шел по той же схеме, как и во всем мире. Кочевники Великой степи играли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем европейцы и китайцы, египтяне и персы, ацтеки и инки. Только роль их была особой, оригинальной, как, впрочем, у каждого этноса.

Монголия до хуннов

Нет ни одной страны, где бы со времен палеолита не сменилось несколько раз население. И Монголия – не исключение. Во время ледникового периода она была страной озер, окаймленных густыми зарослями и окруженных цветущей степью. Горные ледники Хамар-Дабана и восточных Саян давали столь много воды, что на склонах Хэнтэя и монгольского Алтая росли густые леса. Кое-где они сохранились и поныне, пережив несколько периодов жестоких усыханий степной зоны Евразийского континента, погубивших озера и придавших монгольской природе ее современный облик.

Тогда среди озер и лесов, в степи паслись стада мамонтов и копытных, дававших пищу хищникам, среди которых первое место занимали люди верхнего палеолита. Они оставили потомкам схематические изображения животных на стенах пещер и утесов. Великая степь, простиравшаяся от реки Хуанхэ почти до берегов Ледовитого океана, была населена самыми различными племенами. Здесь охотились на мамонтов высокорослые европеоидные кроманьонцы, широколицые, узкоглазые монголоиды Дальнего Востока и даже

американоиды, видимо пересекавшие Берингов пролив и доходившие до Минусинской котловины [138 - А. Каримуллин доказал, что очень много дакотских и тюркских слов совпадает по звучанию и смыслу. Если в Америке нет следов древнего пребывания азиатских монголоидов, то американоидные черты встречаются в скелетах Сибири III – II тыс. до н.э. Следовательно, не тюрки проникали в Америку, а индейцы – в Сибирь (см.: Вопросы географии США. Доклады Географического общества СССР. Л., 1976, с.123–126).].

Так было в течение тех десяти тысячелетий, пока ледник перегораживал дорогу Гольфстриму и теплым циклонам с Атлантики. Пока он наращивал свой западный край, передвигался от Таймыра (18 тыс. лет до н.э.) в Фенноскандию (12 тыс. лет до н.э.), откуда сполз в Северное море и растаял, его восточный край таял под лучами солнца, пропускаемыми антициклоном. С тающего ледника стекали ручьи, которые орошали степи, примыкавшие к леднику, наполняли впадины, превращая их в озера, и создавали тот благодатный климат, в котором расцветала культура верхнего палеолита.

Но как только ледник растаял и циклоны прорвались на восток по ложбине низкого давления, пошли дожди и снегопады, а от избытка влаги выросли леса, отделившие северную степь – тундру, от южной – пустыни. Мамонты и быки не могли добывать корм из-под трехметрового слоя снега, и на месте степи появилась тайга. А на юге высохли озера, погибли травы, и каменистая пустыня Гоби разделила Монголию на внешнюю и внутреннюю. Но в I тыс. до н.э. эта пустыня была еще не широка и проходима даже при тех несовершенных способах передвижения: на телегах, запряженных волами, где колеса заменяли катки из стволов лиственницы, просверленные для установки осей.

Накануне исторического периода – во II тыс. до н.э. – племена, жившие севернее Гоби, уже перешли от неолита к бронзовому веку. Они создали несколько очагов разнообразных культур, существовавших одновременно и, очевидно, взаимодействовавших друг с другом. Оказалось, что в Минусинской котловине археологические культуры не следуют одна за другой, эволюционно сменяя друг друга, а сосуществуют [229].

Согласно тем же датировкам, переселение предков хуннов с южной окраины Гоби на северную совершилось не в XII в., а в X в. до н.э. и тем самым связывается с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай и впоследствии знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события в свою очередь сопоставимы с началом скифского этногенеза, последующие фазы которого описаны Геродотом [51, с.11]. Итак, рубеж доисторических периодов и исторических эпох падает на X в. до н.э.

Ныне в распоряжении ученых, кроме радиоуглеродных дат, появились имена народов, ранее называвшихся условно, по местам археологических находок или по искаженным чтениям древнекитайских иероглифов, которые в I в. до н.э. произносились не так, как сейчас. И оказалось, что вместо «пазырыкцы» следует говорить «юечжи», а затем было доказано, что эти знаки произносились «согдой», то есть согды. Тагарцы обрели свое историческое имя – динлины, сюнну – хунны, тоба – табгачи, сянби – сибирь, ту-кю – тюркюты. Только слово «кидань» пришлось сохранить, ибо его правильное звучание «китай» перешло на «жителей Срединной равнины», которых по ошибке стали называть китайцами.

Но, несмотря на все успехи науки, связанная история народов Великой степи может быть изложена начиная с III в. до н.э., когда племена Монголии были объединены хуннами, а полупоэтические скифы Причерноморья сменены сарматами. Тогда же возникла могучая держава Средней Азии – Парфия и был объединен Китай. С этого времени можно осмыслить этническую историю Евразийской степи.

Но для того, чтобы последующий исторический анализ и этнологический синтез были успешны, напомним еще раз, что необходимо вести повествование на заданном уровне. Это означает, что там, где требуется широта взгляда, например для уяснения судьбы этноса или суперэтноса (системы из нескольких этносов), мелкие отличия не имеют значения. Выбор

определяется поставленной задачей. Нам нужно охватить промежуток в 1500 лет, Великую степь и сопредельные страны – последние для самоконтроля и пополнения информации.

Хунну и фаза подъема кочевого мира

Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать. Этнические субстраты – компоненты возникающего этноса – в момент флуктуации энергии живого вещества биосферы сливаются и образуют единую систему – новый оригинальный этнос, обретающий в этом слиянии целостность, создающую свою, опять-таки оригинальную культуру. Момент рождения этноса хунну связан с переходом племен хяньбюнь и хунюй с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру. Имя этноса, создавшего культуру «плиточных могил» [240], украшенных изображениями оленей, солнечного диска и оружия, не сохранилось, но нет сомнения в том, что этот этнос наряду с переселенцами с юга был компонентом этноса хунну, или хуннов, относящегося к палеосибирскому типу монголоидной расы [138, с.121].

В IV в. до н.э. хунны образовали мощную державу – племенной союз 24 родов, возглавляемый пожизненным президентом (шаньюем) и иерархией племенных князей «правых» (западных) и «левых» (восточных). Новый этнос всегда богаче и мощнее, нежели старые, составившие его: хуннам предстояло великое будущее.

Не только хунны, но и их соседи оказались в ареале толчка IV – III вв. до н.э., на этот раз вытянутого по широте от Маньчжурии до Согдианы. Восточные кочевники, предки сяньбийцев (древних монголов), подчинили себе хуннов, а согдийцы (юечжи), продвинувшись с запада, из Средней Азии, до Ордоса, обложили хуннов данью. На юге «Срединная равнина» была объединена Цин Ши-хуаном, который вытеснил хуннов из Ордоса в 214 г. до н.э., лишив их пастбищных и охотничьих угодий на склонах хребта Инь-шань и на берегах Хуанхэ. А хуннский шаньюй Тумань готов был на все уступки соседям, лишь бы они не мешали ему избавиться от старшего сына Модэ и передать престол младшему сыну.

Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степными обывателями. Но среди молодых хуннов уже появилось пассионарное поколение, энергичное, предприимчивое и патриотичное. Одним из таких новых людей и был Модэ. Отец отдал его в заложники согдийцам и произвел на них набег, чтобы они убили его сына. Но Модэ похитил у врагов коня и бежал к своим. Под давлением общественного мнения Тумань был вынужден дать ему отряд в 10 тыс. семей. Модэ установил в своей армии крепкую дисциплину и произвел переворот, в ходе которого погибли Тумань, его жена и младший сын (209 г. до н.э.). Модэ, получив престол, разгромил восточных соседей, которых китайцы называли «дунху», отвоевал у китайцев Ордос, оттеснил согдийцев на запад и покорил саянских динлинов и кыпчаков. Так создалась могучая держава Хунну, население которой достигло 300 тыс. человек [139 - Расчет прост: 60 тыс. всадников – 20% всего населения [см.: 296].].

Тем временем в Китае продолжалась гражданская война, которая унесла 2/3 населения, пока крестьянский вождь Лю Бан не покончил со всеми соперниками и не провозгласил начало империи Хань в 202 г. до н.э.

Население и военные силы Китая, даже после потерь в гражданской войне, превосходили силы хуннов. Однако в 200 г. до н.э. Модэ победил Лю Бана и заставил его заключить «договор мира и родства»: китайский двор выдавал за варварского князя царевну и ежегодно посылал ему подарки, т.е. замаскированную дань.

Но не только венценосцы, а и все хуннские воины стремились иметь шелковые халаты для своих жен, просо для печенья, рис и другие китайские лакомства. Система постоянных набегов не оправдывала себя, гораздо легче было наладить пограничную меновую торговлю,

от которой выигрывали и хунны, и китайское население. Но при этом проигрывало ханьское правительство, так как доходы от внешней торговли не попадали в казну. Поэтому империя Хань запретила прямой обмен на границе. В ответ на это хуннские шаньюи, преемники Модэ, ответили набегами и потребовали продажи им китайских товаров по демпинговым ценам. Ведь всех богатств Великой степи не хватило бы для эквивалентного обмена на ханьских таможенных, так как необходимость получать доход на оплату гражданских и военных чиновников требовала повышения цен.

В аналогичном положении оказались кочевые тибетцы области Амдо [55]. До гражданской войны западную границу империи Хань охраняли недавние победители – горцы западного Шэньси. Но поражения от повстанцев унесли большую часть некогда непобедимого войска. Мало помогла обороне и Великая Китайская стена. Для того чтобы расставить по всем ее башням достаточные гарнизоны и снабжать их провиантом, не хватило бы ни людей, ни продуктов всего Китая. Поэтому ханьское правительство перешло к маневренной войне в степи, совершая набеги на хуннские кочевья, еще более губительные, чем те, которые переносили китайские крестьяне от хуннов и тибетцев.

Почему так? Ведь во II – I вв. до н.э. в Китае бурно шли процессы восстановления хозяйства, культуры, народонаселения. К рубежу н.э. численность китайцев достигла почти 59,6 млн. человек [145] [140 - Цифры нельзя воспринимать буквально, но соотношения их выдержаны, по-видимому, правильно.] А хуннов по-прежнему было около 300 тыс., и казалось, силы хунну и империи Хань несоизмеримы. Так думали правители Китая и их советники. Однако сравнительная сила держав древности измеряется не только числом жителей, но и фазой этногенеза, или возрастом этноса. Китай переживал инерционную фазу (преобладание трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя), ибо процесс этногенеза в Китае начался еще в IX в. до н.э. Поэтому армию там вынуждены были комплектовать из преступников («молодых негодяев») и пограничных племен, для коих Китай был угнетателем. И хотя у Китая были прекрасные полководцы, боеспособность армии была невелика.

Хунны же находились в фазе этнического становления и пассионарного подъема. Понятия «войско» и «народ» у них совпадали. Поэтому с 202 до 57 г. до н.э., несмотря на малочисленность, хунны сдерживали ханьскую агрессию. И только ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против хунну окрестные племена и вызвать в среде самих хунну междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Рост пассионарного напряжения в этнической системе благотворен для нее лишь до определенной степени. После фазы подъема наступает «перегрев», когда избыточная энергия разрывает этническую систему. Наглядно это выражается в междоусобных войнах и расколе на два-три самостоятельных этноса. Раскол – процесс затяжной. У хуннов он начался в середине I в. до н.э. и закончился к середине II века. Вместе с единством этноса была утрачена значительная часть его культуры и даже исконная территория – монгольская степь, захваченная во II в. сяньбийцами (древними монголами), а потом табгачами и жужанями.

И тогда хунны разделились на четыре ветви. Одна подчинилась сяньбийцам, вторая поддалась Китаю, третья, «неукротимые», отступила с боями на берега Яика и Волги, четвертая, «малосильные», укрепились в горах Тарбагатай и Саура, а потом захватила Семиречье и Джунгарию. Эти последние оказались наиболее долговечными. Они частью смешались на Алтае с кыпчаками и образовали этнос куманов (половцев), а частью вернулись в Китай и основали там несколько царств, доживших до X в. (вернувшиеся назывались «тюрки-шато», а их потомки – онгуты – слились с монголами в XIII веке).

Акматическая фаза этногенеза, или пассионарный перегрев этно-социальной системы, иногда служит спасению этноса в критической ситуации, а иногда ведет к его крушению,

потому что консолидация всех сил для решения внешних задач не всегда легко осуществима.

Пассионарное напряжение разорвало хуннский этнос на две части. На юг, к Великой Китайской стене, ушли поборники родового строя, наиболее консервативная часть хуннского общества. Ханьское правительство охотно предоставило им возможность селиться в Ордосе и на склонах Иньшаня, так как использовало их в качестве союзных войск против северных хуннов. Поскольку китайцы не вмешивались в быт хуннов, те хранили родовой строй и старые обычаи. Но это не устраивало энергичных молодых людей, особенно дальних родственников, которые не могут выдвинуться, так как все высшие должности даются по родовому старшинству. Пассионарным удалцам нечего было делать в Южном Хунну, и они едут на север в поисках степных просторов и военной добычи.

Северные хунны после поражения закрепились на рубеже Тарбагатая, Саура и джунгарского Алатау и продолжали войну с переменным успехом до 155 года. Окончательный удар был нанесен им сяньбийским вождем Таншихаем, после чего хунны разделились снова: 200 тыс. «малосильных» [30, т. II, с.258–259] попрятались в горных лесах и ущельях Тарбагатая и бассейна Черного Иртыша, где пересидели опасность и впоследствии завоевали Семиречье. В конце III в. они образовали там новую хуннскую державу – Юебань. А «неукротимые» хунны отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и нижнего Дона. О прибытии их сообщил античный географ Дионисий Периегет, а потом о них забыли на 200 лет.

Выше было указано, что хуннов в I в. до н.э. было 300 тыс. человек. Прирост их численности за I – II вв. был очень небольшой, так как они все время воевали. Правда, добавились эмигранты – кулы, особенно при Ван Мане и экзекуциях, последовавших за его низвержением. В III в. в Китае насчитывалось 30 тыс. семей, т.е. около 150 тыс. хуннов, а «малосильных» в Средней Азии было около 200 тысяч. Так сколько же могло уйти на запад? В лучшем случае 20–30 тыс. воинов, без жен, детей и стариков, неспособных вынести отступление по чужой стране, без передышек, ибо сяньбийцы преследовали хуннов и убивали отставших.

Этот поход затянулся на два с лишним года, пока хунны не оторвались от преследователей и не нашли покоя в Волго-Уральском междуречье. За это время было пройдено по прямой 2600 км, а если учесть неизбежные зигзаги, то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок на столь огромное расстояние не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести арьергардные бои, где и погибли семьи уцелевших воинов. И уж конечно, мертвых не хоронили, так как на пути следования хуннов «остатков палеосибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая» [138, с.123]. На запад в 155–158 гг. ушли только наиболее крепкие и пассионарные вояки. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях, по психологическому складу, с учетом свободы выбора своей судьбы. Он-то и повел к расколу хуннского этноса на четыре ветви.

Во II в. миграций в Восточную Европу было две: готы – около 155 г. из «острова Скандзы» переехали в устье Вислы [151, с.195], после чего дошли до Черного моря [141 - Дата появления готов на Черном море (весьма приблизительно) – «время Каракаллы» (211–217 гг.) [43, т. IV, с.449].], и хунны – из Центральной Азии в 155–158 гг. [65] достигли берегов Волги, где вошли в соприкосновение с аланами. Ситуация в степях Прикаспия и Причерноморья изменилась радикально и надолго. Но если история готов, граничивших с Римской империей, является относительно известной, то история хуннов с 158 по 350 гг. совершенно неведома. Можно лишь констатировать, что за 200 лет они изменились настолько, что стали новым этносом, который принято называть «гунны» [150, с.118–119] [142 - К.А. Иностранцев предложил применить название «гунны» для европейской ветви хуннов, дабы избежать путаницы.].

Согласно принятому нами постулату – дискретности этнической истории – мы должны, даже при размытости начальной даты, считать середину II в. за исходный момент этнической истории региона. Общий исход событий легко восстановить методом интерполяции, что уже в значительной части сделано. И хотя гунны находятся в центре нашего внимания, начнем анализ с их окружения: готов, римлян и ранних христиан, в IV в. создавших Византию.

Римская империя во II в. еще была страной вполне благоустроенной, в III в. уже превратилась в поприще убийств и предательств, в IV в. сменила даже официальную религию и освященную веками культуру. Иначе говоря, в 192–193 гг. здесь произошла смена фаз этногенеза: инерция древнего толчка иссякла и заменилась фазой обскурации. Христианские общины росли, крепились, множились и ветвились. Так бывает лишь тогда, когда пассионарный толчок зачинает новый процесс этногенеза. Хотя попытка христиан гальванизировать Западную Римскую империю не дала положительных результатов, этносы в зоне толчка, в том числе готы, обрели новую энергию и находились в фазе пассионарного подъема. А гунны?..

Загадка и задача

Кто такие гунны и каково их соотношение с азиатскими хунну? Действительно, оба эти народа были по культуре далеки друг от друга, однако К.А. Иностранцев, отождествивший их [там же] был прав, за исключением даты перекочевки (не IV, а II в.). Американский историк О. Мэнчен-Хелфен [311] сомневался в тождестве хуннов и гуннов напрасно, ибо его возражения (неизвестность языка хуннов и гуннов, невозможность доказать факт перехода с Селенги на Волгу, несходство искусства тех и других) легко опровергаются при подробном и беспристрастном разборе обстановки II – V веков.

Современная наука ставит перед нами уже не эту загадку, а задачу: каким образом могло получиться, что немногочисленный бродячий этнос создал огромную державу, развалившуюся через 90 лет, да так основательно, что от самого этноса осталось только имя? Этнология как самостоятельная наука [137] в сочетании с традиционной фактографией помогает в поисках решения этой задачи.

Больные вопросы

И тут возникает первое недоумение: в синхроническом разрезе хунны были не более дики, чем европейские варвары, т.е. германцы, кельты, кантабры, лузитаны, иллирийцы, даки, да и значительная часть эллинов, живших в Этолии, Аркадии, Фессалии, Эпире, короче говоря, все, кроме афинян, коринфян и римлян. Почему же имя «гунны» (хунны, переселившиеся в Европу) стало синонимом понятия «злые дикари»? Объяснять это просто тенденциозностью нельзя, так как первый автор, описавший гуннов, Аммиан Марцеллин, «солдат и грек» [3, т. III, с.236–243], был историком добросовестным и осведомленным. Да и незачем ему было выделять гуннов из числа прочих варваров, ведь о хионитах он ничего такого не писал, хотя и воевал с ними в Месопотамии, куда их привели персы как союзников. С другой стороны, китайские историки Сыма Цянь, Бань Гу [30, т. II, гл. «Хунну»] и др. писали о хуннах с полным уважением и отмечали у них наличие традиций, способности к восприятию чужой культуры, наличие людей с высоким интеллектом. Китайцы ставили хуннов выше сяньбийцев, которых считали примитивными, одновременно признавая за ними большую боеспособность и любовь к независимости от Китая и от хуннов [там же, гл. «Сяньби»].

Кто же прав, римляне или китайцы? Не может же быть, что те и другие ошибаются. А может быть, правы те и другие, только вопрос надо поставить по-иному? А была ли у хуннов самостоятельная высокая культура или хотя бы заимствованная?

Первая фаза этногенеза, как правило, не создает оригинального искусства. Перед молодым этносом стоит так много неотложных задач, что силы его находят применение в войне,

организации социального строя и развитию хозяйства. Искусство же обычно заимствуется у соседей или у предков, носителей былой культуры распавшегося этноса. И вот что тут важно. Искренняя симпатия к чужому (ибо своего еще нет) искусству лежит в глубинах народной души, в этнопсихологическом складе, определяющем комплиментарность, положительную или отрицательную.

Хунны в эпоху своего величия имели возможности выбора. На востоке находился ханьский Китай, на западе – остатки разбитых скифов (саков) и победоносные сарматы. Кого же надо было полюбить искренне и бескорыстно? Раскопки царского погребения в Ноин-уле, где лежал прах шаньюя Учжуню, скончавшегося в 18 г., показали, что для тела хунны брали китайские и бактрийские ткани, ханьские зеркала, просо и белый рис, а для души – предметы скифского «звериного стиля», несмотря на то что скифы на западе были истреблены сарматами, а на востоке побеждены и прогнаны на юг: в Иран и Индию.

Итак, погибший этнос скифов, или саков, оставил искусство, которое пережило своих создателей и активно повлияло на своих губителей – юечжей и соседей – хуннов. Шедевры «звериного стиля» уже хорошо описаны [228]. Нам важнее то, на что раньше не было обращено должного внимания: соотношение мертвого искусства с этнической историей Срединной Азии. Хотя искусство хуннов и юечжей (согдов) восходит к одним и тем же образцам, оно отнюдь не идентично. Это свидетельствует о продолжительном самостоятельном развитии. Живая струя единой «андроновской» культуры II тыс. до н.э. разделилась на несколько ручьев и не соединилась никогда. Больше того, когда степь после засухи VIII – V вв. до н.э. стала вновь обильной и многолюдной, хунны и согды вступили в борьбу за пастбища и власть. В 165 г. до н.э. хунны победили, а после того, как они были разбиты сяньбийцами и вынуждены были бежать в низовья Волги, в 155 г. н.э. победили там сарматское племя аланов, «истомив их бесконечной войной» [151, с.91]. Тем самым хунны, не подозревая о своей роли в истории, оказались мстителями за скифов, перебитых сарматами в III в. до н.э.

Судьбы древних народов переплетаются столь причудливо, что только предметы искусства (подвиги древних богатырей, кристаллизовавшиеся в камне или металле) дают возможность разобраться в закономерностях этнической истории, но эта последняя позволяет уловить смены традиций, смысл древних сюжетов и эстетические каноны исчезнувших племен. Этнология и история культуры взаимно оплодотворяют друг друга. Итак, хотя хунны не восприняли ни китайской, ни иранской, ни эллино-римской цивилизации, это не значит, что они были к этому неспособны. Просто им больше нравилось искусство скифов. И надо признать, что кочевая культура до III в. с точки зрения сравнительной этнографии ничуть не уступала культурам соседних этносов по степени сложности системы.

Встречи

Перейдя на новое место, хунны не могли не встретиться с аборигенами. Обычно именно встречи и столкновения на этническом уровне привлекали внимание древних историков и фиксировались в их сочинениях. И о приходе хуннов в Прикаспий есть упоминания географа Дионисия Периегета около 160 г. и Птолемея в 175–182 гг. Но этого так мало, что даже возникло сомнение, не вкралась ли в тексты этих авторов ошибка переписчика [311, pp.244–252]. Однако такое сомнение неосновательно, ибо автор VI в. Иордан, ссылаясь на «древние предания», передает версию, проливающую свет на проблему [151, с.90].

Король готы Филимер, при котором готы ко второй половине II в. появились на Висле, привел свой народ в страну Ойум, изобилующую водой. Предполагается, что эта страна располагалась на правом берегу Днепра [там же, с.115]. Там Филимер разгневался на каких-то женщин, колдуний, называемых по-готски «галиурунами», и изгнал их в пустыню.

Там с ними встретились «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов. Видимо, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сяньбийцев, остались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла вынести тысячу дней в седле без отдыха. Описанная в легенде метисация – единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения. Но эта метисация вместе с новым ландшафтом, климатом, этническим окружением так изменили облик хуннов, что для ясности следует называть их новым именем «гунны», как предложил К.А. Иностранцев.

Такая радикальная перемена в образе жизни и культуре – явление естественное [65, с.120–125]. Хунну и гунны – пример этнической дивергенции. Последняя – следствие миграции, а на новом месте пришельцы не могут не вступить в контакт с соседями. Но контакты бывают разными.

Аланы, жившие между Нижней Волгой и Доном, встретили хуннов недружелюбно. Однако во II – III вв. хунны, постепенно становящиеся гуннами, были слишком слабы для войн с аланами, потрясавшими даже восточные границы Римской империи. На берегах Дуная их называли «рокс-аланы», т.е. «блестящие» или «сияющие аланы». В низовьях р. Сейхун (Сырдарья) жил оседлый народ хиониты, которых китайцы называли «хуни» и никогда не смешивали с хуннами. С хионитами хунны не встречались. Лежавшая между ними суглинистая равнина, с экстрааридным, т.е. сверхзасушливым, климатом, была природным барьером, затруднявшим этнические контакты, нежелательные для обеих сторон.

Северными соседями хуннов были финно-угорские и угро-самодийские племена, обитавшие на ландшафтной границе тайги и степи. Их потомки манси и ханты (вогулы и остяки) – реликты некогда могучего этноса Сыбир (или Сибир [11, с.103–113]), в среднегреческом произношении – савир. Прямых сведений о хунно-сибирских контактах нет, что само по себе говорит об отсутствии больших войн между ними. Косвенные соображения, наоборот, подсказывают, что отношения савиров и хуннов, а позднее – гуннов, были дружелюбными.

Свободное место

Внутренние области обширного Евразийского континента принципиально отличаются от прибрежных характером увлажнения. Западная Европа, по существу, большой полуостров, и омывающие ее моря делают ее климат более стабильным. Конечно, и здесь наблюдаются вариации с повышением или понижением уровня увлажнения, но они не велики, и значение их для хозяйства народов Западной Европы исчерпывается отдельными эпизодическими засухами или наводнениями. Те и другие быстро компенсируются со временем, но даже в этом случае последствия их отмечаются в хрониках (летописях). Так, в дождливые периоды в них фиксируются ясные дни или месяцы, и наоборот. Особенно важно учитывать смены повышенных увлажнений и атмосферных фронтов. Как установлено, пути циклонов смещаются с юга на север и обратно. Эти смещения происходят от колебаний солнечной активности и соотношений между полярным, стабильным, и затропическим, подвижным, антициклонами, причем ложбины низкого давления, по которым циклоны и муссоны несут океаническую влагу на континент, создают метеорологические режимы, оптимальные для леса, или для степи, или для пустыни. И если даже в прибрежных регионах эти смещения заметны, то внутри континента они ведут к изменениям границ между климатическими поясами и зонами растительности. Последние же определяют распространение животных и народов, хозяйство коих всегда связано тесно с окружающей средой.

Смены зон повышенного увлажнения наглядно выявляются при изучении уровня Каспия, получающего 81 % влаги через Волгу, из лесной зоны, и Арала, который питают реки степной зоны. Уровни эти смещаются гетерохронно, т.е. при трансгрессии Каспия идет регрессия Арала, и наоборот. Возможен и третий вариант: когда циклоны проходят по

арктическим широтам, севернее водосбора Волги, снижаются уровни обоих внутренних морей. Тогда расширяется пустыня, отступает на север тайга и тает Ледовитый океан. Именно этот вариант имел место в конце II в. и особенно в III в. Кончился он только к середине IV в.

Хунны уходили на запад по степи, ибо только там они могли кормить своих коней. С юга их поджимала пустыня, с севера манила окраина лесостепи. Там были дрова – высшее благо в континентальном климате. Там в перелесках паслись зубры, олени и косули, значит, было мясо. Но углубиться на север хунны не могли, так как влажные лесные травы были непривычны для хуннских коней, привыкших к сухой траве, пропитанной солнцем, а не водой. Местное же население, предки вогулов (манси) [143 - Именно предки вогулов (манси) в первых веках н.э. имели наибольшую территорию, и этнонимы манси, мадьяр и мишар – всего лишь звуковые варианты одного имени [см.: 256, с.190].], отступало на север, под тень берез и осин, кедров, елей и пихт, где водились привычные для них звери, а реки изобиловали рыбой. Им не из-за чего было ссориться с хуннами. Наоборот, они, видимо, понравились друг другу. Во всяком случае, в конце V в. и в VI в., когда гуннская трагедия закончилась и гуннов как этноса не стало, угорские этносы выступают в греческих источниках с двойным названием: «гунны-савиры», «гунны-утигуры», «гунны-кутригуры», «хунугуры» [238, с.222–223].

Если даже приуральские угры не смешивались с хуннами, то очевидно, что они установили контакт на основе симбиоза, а отнюдь не химеры. Такой контакт позволил им объединить силы, когда они понадобились. Симбиоз – близкое сосуществование двух или более этносов, каждый из которых имеет свою экологическую нишу. Химера – сосуществование в одной экологической нише. Отношения между этносами могут быть и дружескими и враждебными, метисация возможна, но не обязательна, культурный обмен иногда бывает интенсивным, иногда – слабым, заменяясь терпимостью, переходящей в безразличие. Все зависит от величины разности уровней пассионарного напряжения контактирующих этносистем.

Иногда имеет значение характер социального строя, но в нашем случае этого не было. Южносибирские и приуральские финно-угры в III в. имели свою организацию, которую китайские географы называли Уи-Бейго – Угорское северное государство [30, т. III]. Оно было расположено на окраине лесной зоны, примерно около современного Омска. У хуннов тоже была своя военная организация и вожди отрядов, без которых любая армия небоеспособна. Но и те и другие находились еще в родовом строе, что исключало классовые конфликты между этносами. Двести лет прожили они в соседстве, и, когда наступила пора дальних походов, туда двинулись не хунны и угры, а потомки и тех и других – гунны, превратившиеся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры – скорлупой, а вместе – особой системой, возникшей между Востоком и Западом вследствие уникальной судьбы носителей хуннской пассионарности.

Великая пустыня и Север

И все-таки хунны не смогли бы уцелеть, если бы в ход событий не вмешалась природа. Степь, которая была для их хозяйства вмещающим ландшафтом, в начале н.э. была не пустой равниной, покрытой только ковылем и типчаком. В ней были разбросаны островки (колки) березового и осинового леса, встречались сосновые боры. Там паслись стада сайгаков; лисицы-корсаки охотились на сурков и сусликов. Дрофы и журавли подвергались нападению степных орлов и удавов. Степь могла кормить даже такого хищника, как: человек. Почему же финно-угры так легко отказались от принадлежавших им степных угодий?

Во II в. атлантические циклоны сместили путь своего прохождения. В I в. они несли влагу через южные степи и выливали ее на горные хребты Тарбагатай, Саура и Тянь-Шаня, откуда

они текли в Балхаш и Арал. Степи при этом зимой увлажнялись оптимально. Снега выпадало достаточно (свыше 250 мм в год), чтобы пропитать землю и обеспечить растительности возможность накормить травоядных, а их телами – хищников, в том числе людей. В середине II в. путь циклонов сдвинулся на лесную зону, что вызвало обмеление Арала и подъем уровня Каспия на 3 метра [220]. Но в III в. вековая засуха развернулась с невиданной мощью. Северная аридная степь сдвинулась еще к северу, заменившись экстрааридной пустыней. Количество осадков снизилось до 100–200 мм в год. Полынь вытеснила ковыль, куланы заменили сайгаков, ящерицы, гюрза, вараны – удавов.

Тогда угры покинули изменившую им природу и двинулись на север по Оби, а самодийцы – по Енисею [296, S.88–89]. Самодийцам повезло больше. Они достигли северного аналога Великой степи – тундры, научились приручать северного оленя и сделали его местопребывание ареалом своего развития. От берегов Хатанги и Дудыпты до Кольского полуострова распространились кочевники-оленоводы, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем, как и о судьбе прочих бесписьменных народов. Угры, продвигавшиеся по Оби, встретили племя, а может быть, целый народ, имени которого история не сохранила. Открыли его археологи и свою находку назвали усть-полуйской культурой [256]. Название же, которое они ему попытались дать, исходя из мансийских преданий, – «сииртя», означает – неуспокоенный дух убитого, приходящий по ночам для отмщения своим погубителям [144 - Сииртя – слово самоедское; применяется также к Заволоцкой Чуди, по легенде, закопавшихся в землю, увидев березу. Береза растет на переотложенных почвах и является символом русских [см.: 142, с.49].]. Манси считали, что последние «сииртя» прячутся в пещерах Северного Урала и Новой Земли и, являясь невидимками, очень опасны. Что ж, может быть, так оно и было.

Правильнее всего предположить, что миграция угров на север произошла вследствие великой засухи III в. или сразу после нее, а пассионарность, необходимую для столь грандиозных свершений, угры получили от метисации с хуннами, у которых пассионарность была в избытке, а все остальное потеряно. Но метисация всегда бывает взаимной, и, как уже было сказано, хунны превратились в гуннов.

Встает, однако, вопрос: как скотоводческий и конный этнос мог преодолеть таежный барьер, отделяющий южную степь от северной, т.е. тундры? Зимой в тайге глубокий снег, через который лошадей не провести, а летом – болота с тучами гнуса. По Лене предки якутов в XI в. спускались на плотках, но по Енисею и через перекаты и мели Оби этот способ передвижения слишком рискован. А кроме того, угры и сами гунны распространялись на север по Волге, а в этой реке течение сильное. Тем не менее большинство северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финский – древний и угорский – пришлый. Мордва: эрзя – финны, мокша – угры. Мари: горные черемисы – финны, луговые – угры. «Чудь белоглазая» – финны, Чудь Заволоцкая – угры (Чудь Заволоцкая, или Великая пермь, – Биармия скандинавских саг).

Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финнский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию, было им тогда не сложно. И наконец, чувашки состоят из двух компонентов: местного и тюркского, далее не угорского. Поскольку чувашский принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно [236, с.41].

Все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, могла быть дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль в Зауралье играли Обь и Енисей. Угро-самодийцы обрели новую родину, заменив собой древние циркумполярные этносы [296, pp.309–319], от которых сохранился только один реликт – кеты.

В предлагаемой реконструкции гипотетична только дата переселения – III – IV века. Она предлагается на базе изучения всей климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов, ни возможностей для столь большой миграции.

И последнее, финны и угры с гуннами не ассимилировали друг друга, а жили на основе симбиоза. Это снижало необходимость межплеменных войн. Только несчастные «усть-полуйцы» превратились в страшных духов – «сииртя», а в прочих местах миграция прошла достаточно благополучно.

Великая пустыня и Юго-Запад

Скифы и сменившие их сарматы жили полуоседлым бытом, совмещая земледелие с отгонным скотоводством. Скот их нуждался в сене, потому что в их степях снеговой покров превышал 30 см, что исключает тебеневку (добычу скотом корма из-под снега). Сухие степи их не привлекали, а пустыня отпугивала. Зато луга и лесостепь сарматы умели осваивать, чуждаясь только дубрав и березово-осинных лесов; там им нечего было делать. Поэтому, сопоставив карту распространения сарматских племен I в. и разнотравно-дерновинно-злаковых степей, нетрудно определить размеры Сарматии: от среднего Дуная на западе до Яика и даже Эмбы на востоке.

Однако зауральская Сарматия была периферией их ареала, ибо Причерноморье получает дополнительное увлажнение от меридиональных токов черноморского воздуха, Каспий же в то время стоял на абсолютной отметке минус 36 м, и его северный берег был расположен южнее параллели 45°30', хотя Узбой в то время впадал в Каспий. При столь малом зеркале испарение было слабым и не влияло заметно на климат северного берега Каспия.

Когда же наступила Великая засуха, сарматы стали покидать восточные берега и степи Каспийского моря. Они передвинулись за Волгу, а сокращение пастбищных угодий компенсировали расширением запашки зерновых, ибо Римская империя охотно покупала у них хлеб. Таким образом, восточнее Волги образовались свободные от населения пространства, и они стали пристанищем для хуннов, привыкших на своей родине к еще более засушливым степям, нежели полынные опустыненные степи северного Прикаспия.

Но подлинная пустыня надвигалась на степь с юга. Полынь уступала место саксаулу и солянкам. Тот ландшафт, который ныне бытует в Кызылкумах и Каракумах, окружил с севера Аральское море, которое высохло настолько, что превратилось в «болото Оксийское» [260, с.269]. И эта местность в III в. была даже хуже, так как бурые суглинки, в отличие от песков, не впитывают дождевую воду, а дают ей испариться, оставляя равнину гладкой, как стол.

Засуха не пощадила и Балхаш, который высох так, что дно его было занесено золовыми отложениями, перекрывшими соленые почвы. После засухи, закончившейся в IV в., Балхаш не успел осолониться [22, с.68–69]. Обитавшие вокруг него усунь отошли в горы Тянь-Шаня, а их земли заняли потомки «малосильных» хуннов, сменивших свое имя на «чуйские племена».

Великая пустыня и Юг

Все населявшие степи племена в III в. были слабы. Политическое значение они обрели лишь во второй половине IV в., когда атмосферная влага вновь излилась на континентальные пустыни.

Все силы народов Приаралья и Припамирья были скованы тогда войнами с Ираном [267, S. 507–525]. Его внешнеполитическое положение в середине III в. было весьма напряженным. Борьба с Римской империей была делом нелегким. После первых удач, закончившихся пленением императора Валериана в 260 г., персам пришлось перейти к обороне. Римляне вели контрнаступление планомерно и последовательно: в 283 г. они отняли у персов

контроль над Арменией, а в 298 г. навязали Ирану невыгодный Нисибинский мир. Шах Шапур II был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хйонитов, но к 356 г. они стали союзниками Ирана, и под их натиском пала Амида, форпост римлян в Месопотамии.

Успокоение на восточной границе дало персам возможность отразить наступление императора Юлиана в 361 г., в результате чего персы снова смогли вмешаться в армянские дела. В Армении шла упорная борьба короны со знатью. Царь Аршак, державшийся римской ориентации, истреблением одного из знатных родов вызвал восстание нахраров; к восстанию присоединились даже бывшие сторонники Рима. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, персы вторглись в Армению, но армяне сплотились перед лицом врага. К 368 г. персам удалось взять оплот армян – Артагерс, но в 369 г. наследник Аршака, Пап, явился в Армению с римскими войсками и изгнал персов. В 371 г. Шапур попытался снова ворваться в Армению, но был отбит, после чего нажим персов на запад ослабел. Почему?

Оказывается, в 368–374 гг. восстал наместник восточной границы Ирана, Аршакид, сидевший в Балхе. В 375–378 гг. персы потерпели поражение настолько сильное, что Шапур даже снял войска с западной границы и прекратил войну с Римом; хонны, т.е. хиониты, поддержали восстание, разорвав союз с Ираном; восстание погасло при совершенно не описанных в источниках обстоятельствах, но сразу же вслед за подавлением Аршакида в персидских войсках появляются эфталиты как союзники шаха в 384 гг. Это не может быть случайным совпадением. В самом деле: Балх лежит на границе Иранского плоскогорья и горной области около Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горцами, и, можно думать, до восстания ему удавалось препятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с шахом.

С середины IV в. эфталитское царство стало преградой между оседлым Ираном и кочевыми племенами евразийской степи, в том числе среднеазиатскими хуннами. Этим объясняется, почему Иран больше беспокоился об укреплении кавказских проходов, нежели о восточной границе, лишенной естественных преград. Эфталиты – народ воинственный, но немногочисленный. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Эфталиты совершали губительные набеги, главным образом на Индию, а для стран восточнее Памира и Тянь-Шаня их вмешательство было только эпизодом.

В III в. китайцы утратили влияние к северу от Великой Китайской стены. Крайним пунктом распространения Китая на запад стал Дуньхуан. Династия Цзинь вернула часть застенных владений, а именно низовья реки Эдзин-Гол и Турфанскую котловину, которая в 345 г. была переименована в «область Гаочан Гюнь» [30, т. II, с.249; т. III, с.19]. Управление этой отдаленной областью было для китайского правительства затруднительно, и она, естественно, вошла в сферу влияния правителей Хэси. Прочие владения в III в. имели тенденцию к укрупнению: на юго-западе создалось государство Су-лэ (Кашгар), на юге оно включило Яркенд [31, с.365], а на северо-западе – Тянь-Шань. Хотан усилился и остался единственным владением, продолжавшим тяготеть к Китаю. Но это была не политическая зависимость, а культурная близость, выражавшаяся в регулярных посольствах из Хотана в Китай.

На северо-западе распространилось по северным склонам Тянь-Шаня княжество Чэши, от оз. Баркуль на востоке до верховьев р. Или на западе; на юге Шаньшань объединила все владения от стен Дуньхуана до берегов Лобнора. В центре страны захватил гегемонию Карашар (Яньки), около 280 г. подчинивший себе Кучу и ее вассалов Аксу и Уш [там же, с.557–562]. Однако можно думать, что Карашар стал столицей не монолитной державы, а конфедерации, так как на карте «Западного края» эпохи Цзинь помечена граница между Кучей и Карашаром и в дальнейшем оба эти государства имеют различных правителей, хотя

и выступают в тесном союзе. Местный народ охарактеризован как «тихий и мирный», избегающий общения с чужеземцами [3, с.188–191]. Обитателей «Западного края» обогащала только посредническая торговля, так как культура шелка была введена в Хотане лишь во второй половине IV в., откуда перешла в Согдиану в V в. [298, р.450]. Все сведения о «Западном крае», или «Серике», получены античными авторами не из первых рук, потому что парфяне не допускали прямых сношений между Римом и Китаем [там же, р.429].

Итак, грандиозная засуха III в. так ослабила степные этносы Турана, что они проиграли войну с Ираном и стали жертвой своих восточных соседей: сначала гуннов, а потом тюркютов.

Цивилизация II – IV веков

Древние историки охотно и подробно описывали события им известные, причем их осведомленность была довольно велика. Но если событий не было, то они и не писали. О появлении хуннов в Прикаспийских степях упомянули два древних географа, а потом целых 200 лет о них в письменных источниках нет ни слова, а в конце IV в. целый фонтан сведений и сомнительных подробностей, ибо гунны начали воевать. Но коль скоро так, то значит с 160 по 360 г. они жили мирно, хотя это и не вяжется с привычным представлением о гуннах как о грабителях.

Растущая пустыня III в. избавила гуннов от южных соседей: аланов, хионитов, абаров и готов, а самое главное – от римлян, пребывавших в фазе обскурации. Солдатские императоры зависели от своих легионеров и приближенных, а те предпочитали свои интересы, корыстные или карьерные, государственному. Вот поэтому-то война в империи не затихала. Она шла иногда на границах с иноплеменниками, иногда с собственным населением – восставшим и подавляемым, но чаще всего легионы бились друг с другом. Страшная это штука – субпассионарность!

Но не все обитатели Римской империи были субпассионариями. Пассионариев, и весьма активных, в III в. стало появляться очень много, но они меняли стереотип поведения и тем самым выпадали из римского суперэтноса. Эти люди, происходившие от разных предков, разрывали и семейные традиции, и культурные связи с современниками и даже некоторые взаимоотношения с законностью, в том виде, как она понималась в античном обществе. Например, Римская республика могла возбудить дело о преступлении, только получив донос от римского гражданина. А вот люди нового типа, те, которые становились членами христианских, митраистских и манихейских общин, объявили предательство худшим из возможных грехов. Взаимовыручка стала поведенческим императивом христиан.

Это было особенно существенно для военной службы, потому что исключало предательство боевого товарища или полководца, что языческие легионеры превратили в привычку или доходный промысел, ибо, по обычаю, новый император давал воинам денежный подарок. Из-за этого менять власть стало выгодно. Но митраисты, создавшие тайные группы именно в армии, категорически возбраняли своим членам «обман доверившегося». Митраисты были в милости у начальства. Культ «Непобедимого Солнца» исповедовали все солдатские императоры, включая Константина Великого.

Учение манихеев о том, что в основе лежит не вера, а знание, было одновременно и мистическим и атеистическим. Оно разрешало ложь, что крайне облегчало им жизнь, потому что первое время на них смотрели как на безобидных болтунов. Правда, Диоклетиан воздвиг на них гонение, но вскоре оно загасло. А вот на христиан обрушилось девять жестоких гонений. И тем не менее число их росло, и в легионах они составили самую боеспособную часть воинов, дисциплинированных и верных. Но христианские легионеры категорически отказывались сражаться против единоверцев. В 286 г. Максимиан послал в Галлию Х фиванский легион на подавление восстания багаудов, но он отказался от проведения

эзекуций над христианами. Две децимации оказались безрезультатными, и тогда убили всех остальных солдат этого легиона [222, с.133].

Зато Константину христианские легионеры доставили престол и спасли жизнь. За это он дал эдиктом 313 г. веротерпимость христианам, а в 315 г. отменил распятие как позорную казнь и приказал сжигать тех евреев, которые возбуждают мятежи язычников против христиан [там же, с.170]. Так, в Римской империи возникло из одного суперэтнуса два, а это уже химера. Химера – образование хищное, но не устойчивое. Существует она до тех пор, пока не растратит всех богатств, накопленных минувшими этносами, жившими либо порознь, либо в симбиозе. Италики, эллины, галлы, иберы и пунийцы оставили такое наследство, что его хватило на 100 лет, но оно тоже кончилось. Ведь страну надо было защищать от соседей, более пассионарных, чем римляне. Эти последние вообще не хотели воевать; им больше нравилось интриговать и предаваться излишествам. Поэтому к V в. армия Римской империи состояла из наемных германцев, арабов и берберов, а римлянами были в ней лишь редкие офицеры, поставленные по связям в сенате, или фавориты императора.

Так же как от внешних, они не могли защищаться от внутренних врагов: манихеев, митраистов и христиан, но те, пренебрегая антипатией язычников, боролись между собой крайне активно. Особенно христиане! В истории церкви фаза этнического подъема просматривается очень четко. В Африке знаменем этнического подъема стал донатизм, в Испании в 384 г. был сожжен гностик-епископ Присциллиан, в Египте заспорили Арий с Афанасием. Ариане победили и крестили многих германцев, для коих арианство после торжества православия в 381 г. стало символом противопоставления римлянам.

Но во всех случаях на востоке империи шел быстрый процесс создания из конфессиональных общин сначала субэтнуса, потом этнуса, а потом суперэтнуса – Византии, так как там появился избыток пассионарности. А на западе, где его не было, при тех же экономических, социальных и политических условиях, химера разваливалась на части, которые быстро теряли силу сопротивления. Безразличие и равнодушие оказались более патогенными факторами, чем фанатизм, авантюризм и драчливость. Поэтому Византия пережила многие беды, а Западная Римская империя погибла.

Варвары II – IV веков

В те годы, когда цивилизация разлагалась, к северо-востоку от римской рейнско-дунайской границы тоже шло брожение, но с другой доминантой. В середине II в. готы пересекли Балтийское море и погнали перед собой ругов и вандалов до самой дельты Дуная. Это был типичный пассионарный толчок, ось которого тянулась от Южной Швеции, через Карпаты, Малую Азию, Сирию, до горной страны Аксума. Начиная с I в. народы, охваченные пассионарностью, вспыхивали и сгорали в войнах с еще не разложившимся Римом. Две войны вынесли даки, три – евреи, одну маркоманы и одну – квады.

Но готы, опоздавшие на старте, вышли победителями. Механизм этого процесса прост: римская суперэтническая система разлагалась неуклонно, но медленно. Траян и Адриан еще могли побеждать, ибо у них были послушные и умелые воины; Марк Аврелий мог только удержать границу; Деций и Валериан терпели поражения от готов (251 г.) и от персов (260 г.). И дело было не в силах врагов, а в слабости римлян. Ведь Оденат, араб из Пальмиры, выгнал персов из Сирии, страны, через которую прошел пассионарный толчок. А до этого Сирия была наиболее развращенной и слабой из провинций империи. Откуда же взялась здесь такая сила? У Одената были толковые помощники и народ, обретший храбрость. Пассионарность – признак, переносимый генетически и потому распространяющийся на широкие ареалы [133, с.211].

К середине III в. германские племена между Эльбой и Рейном, до того бессильные и

спивавшиеся, стали образовывать военные союзы. Так, на базе древних племен, уже превратившихся в реликты и неспособных отразить наступление римской армии Германика, даже после удачного истребления трех легионов Вара в Тевтобургском лесу, возникли новые этнические образования с условными названиями: франки – свободные, саксы – ножовщики, алеманны – сброд, свевы – бродяги. Это были организации, созданные исключительно для войны, то есть военная демократия, уживавшаяся в Европе с родовым строем, так как некоторые племена сохранили родовой строй.

Тем же толчком была задета территория, населенная предками славян: лугиями и венетами [9, с.5]. Они не уступали германцам в энергии, а иногда превосходили их. За короткое время они распространились до Балтийского моря, а в последующие века овладели Балканским полуостровом и добрались до Днепра, где встретились с племенем росомонов [230, с.23–104; 238, с.279]. Позднее восточные славяне и росомоны слились в единый древнерусский этнос [145 - «Поляне, яже ныне рекома Русь» (Повесть временных лет).]. Но в III – IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы, победившие римлян и отторгшие у них в 271 г. целую провинцию – Дакию. Кровь лилась в фазе этнического подъема не менее обильно, чем в фазе обскурации.

Так где же в эту эпоху – 160–360 гг. – царил мир? Какой этнос избегал столкновений, потрясавших Европу, Ближний Восток и Среднюю Азию? Кто умел избежать кровопролитий? Только те, о ком не вспоминают историки тех лет: это гунны. Можно подумать, что античные географы просто не уделяли внимания кочевым народам. Но это не так. Об аланах сообщают Иосиф Флавий, Лукиан и Птолемей, а о гуннах подробно рассказывает только Аммиан Марцеллин, да и то с чужих слов, которые стали актуальными лишь в конце IV века.

Аланы были одним из сарматских племен. Аммиан Марцеллин писал о них: «Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя» [238, с.274–279]. Об этом сообщают китайские географы эпохи младшей Хань, называя вновь образовавшееся государство – «Аланья» [30, т. II, с.229]. Территория аланов включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье. Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их была продолжением скифской, хотя царских скифов и скифов-кочевников сарматы истребили так, что тех вообще не осталось, кроме как в степном Крыму. Последних прикончили готы.

Западные сарматы, роксоланы и язиги, постоянно воевали с римлянами на берегах Дуная [146 - Из краткого упоминания о деяниях императора Тацита (275–276 гг.) видно, что аланы были в союзе с готами (Вебер Г. Ук. соч. т. IV, с.515).], восточные, проходя через «Аланские ворота» – Дарьяльское ущелье, вторгались в Армению и Медию [147 - Медиа Атропатена – ныне Азербайджан.]. Короче говоря, аланы 200 лет постоянно воевали, а вот о гуннах, их соседях, даже успели позабыть. Это не может быть случайностью. Скорее это историческая загадка.

Смена цвета и времени

Изменения начались с природы Великой степи. В середине IV в. муссоны понесли тихоокеанскую влагу в пустыню Гоби, а циклоны – атлантическую влагу в Заволжье и к горам Тянь-Шаня и Тарбагатай. Река Или наполнила водой впадину Балхаша; Сырдарья подняла уровень «болота оксийского», снова превратив его в Аральское море. Лесостепь поползла на юг, за ней туда же двинулась тайга. Сухие степи, бывшие доселе ареалом почти 200-летнего обитания гуннов, стали сокращаться, и их скоту стало тесновато. Однако давние мирные отношения между немногочисленными пришельцами (гуннами) и редким коренным населением Западной Сибири, видимо, повели не к конфликтам, а скорее наоборот – к

углублению контактов и установлению политических союзов. Это видно из того, что много лет спустя племена болгар и сабир носят приставку – «гунно». Причислять себя к гуннам в VI в. было гордо.

Зато по-иному восприняли эти изменения аланы. Во II в. они покинули прикаспийские равнины, усыхавшие у них на глазах. Но это были их земли. И когда разнотравные злаковые степи поползли на восток, аланам должно было показаться, что выходцы с берегов Орхона и Селенги не должны жить на берегах Волги и Яика. Конфликт аланов с гуннами был подсказан самой природой, меняющейся вечно и даже быстрее, чем жизнь этноса или существование социальной системы.

Известно, что гунно-аланская война началась по устарелым данным в 350 г., а по уточненным – в 360 г. [238, с.270] и закончилась победой гуннов в 370 году. И это несмотря на то, что аланы были гораздо сильнее гуннов. Подобно юечжам (согдам) и парфянам, они применяли сарматскую тактику ближнего боя. Всадники в чешуйчатой броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к шее коня, так что в их удар вкладывалась вся сила движения коня и всадника, бросались в атаку и сокрушали даже римские легионы – лучшую пехоту III в.

За спиной у алан было громадное Готское царство, созданное Германарихом из рода Аманов. Оно простиралось от Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона [43, с.593]. Остроготы стояли во главе державы; визиготы, гепиды, язиги [148 - Визиготы и гепиды – западные ветви готов; язиги – сарматское племя в Паннонии.], часть вандалов, оставшаяся в Дакии [149 - Другая часть вандалов, сдавшаяся римлянам, была поселена в Британии в 277 г. [см.: 43, с.517].], тайфалы, карпы, герулы [150 - Тайфалы – германское племя, жившее в IV в. на Серете, союзники готов, но другого происхождения; карпы – племя на нижнем Дунае, Пруте и Серете, по-видимому дакийское, воевавшее в III в. с римлянами, будучи в союзе с остроготами; герулы – «скифское» (т.е. германское) племя, жившее у Азовского моря, покоренное Германарихом [238, с.251–254, 279].], их южные соседи, скиры, и северные: росомоны, венеды [151 - Северные, т.е. прибалтийские славяне; южные назывались склавинами.], морденс (мордва), мерене (меря), тьюдо (чудь), вас (весь) и другие, были их подданными. Готам принадлежал и степной Крым, Черноморское побережье Северного Кавказа. При этом они были надежными союзниками алан. Так что последние считали, что их тыл обеспечен. Наконец, у алан имелись крепости. Гунны же брать крепостей не умели. Так почему же гунны победили и алан, и готов, чего не смогли сделать ни римляне, ни персы?

Источники, то есть соображения людей IV в., ничего путного не сообщают. Они только констатируют некоторые факты, отнюдь не достаточные для решения задачи.

В поисках ответа на вопрос вернемся к географии. Циклоны, проходившие в III в. по полярной зоне, в середине IV в. вернулись в аридную. Следовательно, в начале IV в. они обильно оросили гумидную, то есть лесную, зону. Там постоянные летние дожди и зимние заносы снега, весной таявшего быстро и заболачивающего лесные поляны, были крайне неблагоприятны для хозяйства лесных этносов. Потому готам, успевшим продвинуться в степи, к берегам Черного моря, удалось установить гегемонию на большей части юга Восточной Европы [152 - Эти сведения Иордана вызывают сомнения у Скржинской (с.268). Однако если считать, что венеды и айстии, т.е. славяне и балты (литовцы), находились на границе владений Германариха и подчинение их было формальным, как это часто бывало в средние века, то очертания его державы в представлениях древних и новых авторов расходятся только в деталях, т.е. в пределах допуска.]. Балтийские (литовские) этносы оставили следы своего пребывания по всей лесостепной и лесной зоне, вплоть до Пензы. Венеды заняли область между Вислой и Лабой (Эльбой). Но возможно, что, сохраняя автономию, оба эти этноса находились в сфере готской гегемонии, ибо в неблагоприятных климатических условиях им было трудно собрать силы для борьбы за независимость.

Итак, Германарих создал лоскутную империю, прочность которой обеспечивалась только высоким уровнем пассионарности самих готов и низким ее уровнем у части покоренных ими племен. Ну, а у другой части – ругов, росомонов, антов?.. Этот вопрос надо рассмотреть особо.

Как добыть достоверную информацию? Это не просто. Если бы сохранившиеся источники, ныне изданные, переведенные и комментированные, давали толковый ответ на вопрос о первом столкновении Дальнего Востока с Крайним Западом, то нам было бы незачем писать эту статью. Но источники невразумительны. Поэтому на минуту отвлечемся от темы ради методики.

Хочется сказать слово в защиту Аммиана Марцеллина и его современников. Они писали чушь, но не из-за глупости или бездарности, а из-за невозможности проверить тенденциозную информацию. Ведь не мог же римский центурион ради научных интересов выправить себе командировку в Западную Сибирь?! Да если бы он даже смог туда поехать, то во время Великого переселения народов у него было слишком мало шансов уцелеть и вернуться, чтобы написать очередной том «Истории». Итак, критическое отношение к древним авторам – не осуждение их, а способ разобраться в сути дела. Но вот кого следует осудить, так это источниковедов XX в., убежденных, что буквальное следование древнему тексту есть правильное решение задачи, и вся трудность – только в переводе, который следует каждому историку выполнять самостоятельно.

Буквальный перевод, сделанный филологом, обязательно будет неточным, потому что без знания страны (географии), обычаев народа (этнографии) и его традиций (истории) передать смысл источника невозможно. Если же за дело берется историк, то он будет неизбежно подгонять значения слов и фраз под собственную, уже имеющуюся у него концепцию, а последняя всегда предвзята. Так, А.Н. Бернштам «сочинил» [184, с.88] перевод текста надписи из Суджи и «родил» тем самым великого завоевателя Яглакара, возникшего из неправильного перевода [там же, с.85–90].

А какой же выход предлагает С.Е. Малов? Цитирую: «Я придерживаюсь того, что сначала тюрколог-языковед, используя точно текст памятника, дает его перевод, согласный с тюркским синтаксисом и грамматикой, после чего историк может пользоваться этим памятником для своих исторических построений» (с.88). Автор этих строк вполне согласен с великим тюркологом. Историк и географ имеют право уточнять значения титулов и географических названий, которые в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) вообще не переведены. Например: «Болчу – название реки» (с. 112). Где эта река? Как называется теперь? В каком атласе ее можно найти? [153 - Болчу – ныне р. Урунгу в Джунгарии.] Филологу это неважно! Поэтому филологически правильный перевод – это сырье, требующее обработки.

Ну а если добавить к переводу хороший комментарий, как сделали Д.С. Лихачев и Е.Ч. Скржинская? Этим способом можно достичь адекватного восприятия текста источника или, что то же, понять взгляды, воззрения и интересы древнего автора: Нестора или Иордана. Но ведь у читателя XX в. совсем другие запросы, требования к предмету, интересуют его иные сюжеты: не как думал Нестор или Иордан о передвижениях готов и гуннов, а почему эти передвижения совершались? И какое место они занимают либо в обществоведении, либо в науке о биосфере, то есть этнологии? Вот чтобы ответить на последний вопрос, написана эта статья. Потому в ней двухступенчатая система сносок предпочтена прямой: сноскам на источники, ибо тогда пришлось бы давать собственный комментарий, дублирующий уже сделанный. А это было бы неуважением не только к Дмитрию Сергеевичу и Елене Чеславовне, но и к многим другим историкам, труды которых были нами внимательно прочитаны и изучены.

Иными словами, соотношение переводчика, комментатора и интерпретатора таково же, как

заготовителя сырья, изготовителя деталей и монтажника. Один из них не достигнет успеха без помощи двух других. А опыты совмещения трех профессий в одном лице не давали положительных результатов даже в древности. Но в одном я позволю себе не согласиться с С.Е. Маловым. Он пишет: «Я буду очень рад, если историки будут заниматься переводом памятников, но только с соблюдением всех правил грамматики» [184, с.88]. Наверно, академик пошутил! Ведь это то же, что рекомендовать строителю высотного дома самому выплавлять сталь из железной руды, самому изготавливать двутавровые балки, самому поднимать их краном и уж потом водворять на место. Знание древнего языка для историка – роскошь. Ведь если он переведет текст иначе, чем филолог, ему надлежит отказаться от своего толкования. Филолог-то знает грамматику лучше.

А для обобщения язык источника вообще безразличен, ибо важен только смысл: война, мир, договор, поход – попросту говоря, событие. Оно-то и является тем «кирпичом», из которого сооружают дворцы, замки и халупы. Тут другой первичный материал и другая методика, которую, в отличие от «филологической», можно назвать «криминалистической». Подобно тому как хороший сыщик использует не только рассказы свидетелей, но и состояние погоды в момент преступления, мотивы и черты характера преступника и жертвы и, главное, вспоминает примеры аналогичных поступков, стремясь уловить отклонения от закономерности, так и этнолог вправе учитывать географию, этническую и личную психологию, фазы этногенеза и моменты смещений закономерности при контактах. Расширяя горизонты темы и отсложив факты от источника, этнолог может уловить связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, интересных и ему самому и читателю.

Поиски удовлетворительной версии, объясняющей преимущества гуннов в IV – V веках Аммиан Марцеллин и Иордан объясняют победу гуннов над аланами их специфической тактикой ведения войны. «Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они... подчинили себе, обессилив частыми стычками» [151, с.91]. Почему же аланы не переняли тактику гуннов? У них было время – целых 200 лет. Гунны, как известно, разбивали и готскую пехоту, вооруженную длинными копьями, на которые легко поднять и коня и всадника, и, наконец, у алан были крепости, которые гунны брать не умели. Так что версия обоих древних авторов недостаточна для выяснения сути дела.

Сравним теперь фазы этногенеза. Хунны и сарматы – ровесники. Оба этноса вышли на арену истории в III в. до н.э. Значит, 700 лет спустя они были в самом конце фазы надлома, причем хунны испытывали феномен смещения – внешний разгром и раскол этнического поля. В этой фазе появляется много субпассионариев, разлагающих этносоциальную систему или являющихся балластом. У алан так и было, а хунны сбросили свой балласт сяньбийцам, и те быстро разложили сяньбийскую державу, вместо которой появились десять химерных этносов.

Но «неукротимые хунны», то есть пассионарии, оказавшиеся на западе Великой степи, нашли выход из крайне тяжелого положения. Вместо того чтобы встречать и побеждать врагов, они стали искать друзей, где только было можно. И когда в 360 г. началась война с гото-аланским союзом, поддержанным Византией, у гуннов было много друзей, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды. Вот что дал симбиоз!

Но он достижим лишь при наличии терпимости и взаимности. У субпассионариев первое бывает часто, но как следствие равнодушия, а второго не бывает вовсе, ибо они эгоистичны. Поэтому субпассионарии презирают и часто ненавидят своих соседей, и говорят о них так, как информатор Аммиана Марцеллина о гуннах. Чтобы установить симбиоз, надо иметь воображение и добрую волю, а эти качества на популяционном уровне соответствуют

акматической фазе этногенеза, то есть молодости этноса. Гунны – это возвращенная молодость хуннов, хотя хватило ее только на 100 лет.

Готы тоже были молодым этносом, находившимся в фазе подъема. Но их держава была построена на принципе силы, без уважения к обычаям соседей и без симпатии ко всем, за исключением римлян. Последние готы восхищались и даже переняли религию потомков императора Константина Великого – арианство.

Но поскольку большинство византийцев, то есть ромеев-христиан, держалось православия, готы оказались в изоляции и тут. Да и митраисты – анты, венецы и склавины, видимо, не испытывали восторга от того, что ими управляли пришельцы, чуждые по крови и религии.

В списке племен, якобы покоренных Германарихом, привлекают внимание руги и росомоны. Первые – это племя, вышедшее с «острова Скандзы» задолго до готов. Готы застали ругов на южном берегу Балтийского моря и на его островах, может быть на острове, ныне именуемом Рюген. Готы погнали ругов и их соседей вандалов на юг, до берегов Дуная, и неизвестно, удалось ли готам упрочить свою власть над ругами или те сохранили самостоятельность, передвигаясь вверх по Дунаю до Норика.

Руги интересны потому, что немецкие хронисты X в. называют киевскую княгиню Ольгу царицей ругов. Следовательно, в их глазах народ «Русь» был ветвью ругов. Иордан обитателей среднего Приднепровья называет росомонами [там же, с.91]. Это, очевидно, предки древних русов [230], но каково их отношение к историческим ругам, рассеянным в V в. по Италии? Крайне соблазнительно признать росомонов за группу ругов, убежавшую от готов не на Дунай, вместе с прочими, а на Днепр, но доказать это невозможно, ибо росомоны упомянуты только у Иордана и один лишь раз. Зато ясно другое: росомоны, как и руги, Вандалы и анты, были не в ладах с готами, Иордан называет их «вероломным народом» и считает их виновниками бед, постигших готов. Думается, что он прав.

Легенда об олене, или непредвиденная победа

К 370 г. стало ясно, что аланы войну с гуннами проиграли, но до полного разгрома и покорения ими аланов было очень далеко. Мобильные конные отряды гуннов контролировали степи Северного Кавказа от Каспийского моря до Азовского [3]. Но предгорные крепости аланов взяты не были, не была захвачена и пойма Дона, что вообще было не под силу кочевникам, базирующимся на водораздельные степи [154 - Средний Дон окаймляют три террасы. На нижней – прибрежный лес (тугай), на средней – степь с колками (рощами), прекрасным укрытием для местных жителей и их отрядов. Донские казаки защищались здесь от ногайцев с XIII по XVIII вв. Чтобы разбить казаков, ногайцам нужен был большой численный перевес. «Бесчисленные полчища гуннов» – плод фантазии европейских историков. Гунны в войне с аланами кормились охотой, и следовательно, могли передвигаться только малыми отрядами, совмещая охоту с войной. Да и было их до 370 г. очень мало. Положение изменилось потом.]. Низовья Дона обороняли эрулы, этнос, по-видимому, не скандинавский, а местный [155 - Источник Иордана, Аблавий, относит эрулов к «скифам». Историю вопроса см.: 238, с.89, 266–267; отождествление этнонимов «эрул» – «герул» – наша гипотеза.], но покоренный Германарихом и впоследствии огерманившийся. В Италии, которую они покорили под предводительством Одоакра в 467 г., этот этнос известен как герулы. Эрулы отличались чрезвычайной подвижностью и высокомерием. Они поставляли соседям легкую пехоту. О столкновении их с гуннами сведений нет. Это указывает на то, что гунны не пытались форсировать низовья Дона. Они нашли иной путь.

Согласно сообщению Иордана, в 371 г. гуннские всадники увидели на Таманском полуострове пасущуюся там самку оленя и погнались за нею. Притиснутая к берегу моря, олениха вошла в воду и, «то ступая вперед, то приостанавливаясь» [151, с.90–91], перешла в

Крым. Охотники последовали за ней и установили место подводной отмели, по которой шел брод. Они вызвали сюда своих соратников, перешли пролив и, «подобные урагану племен... захватили врасплох племена, сидевшие на побережье этой самой Скифии», то есть Северного Крыма [156 - Б.Ч. Скржинская комментируя «легенду об олене» солидаризируется скорее со скептиками, нежели с Иорданом и Зосимом, автором второй половины V в. Иордан приписывает трагический для готов переход гуннов через моря злым духам – предкам гуннов, а Зосим пишет: «Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил им (гуннам) перейти пешком из Азии в Европу» {Скржинская Е.Ч. Ук. соч., с.271). Видимо, так и было. Изменение пути циклонов из Заполярья в степь в IV в. должно было вызвать бурную гумидизацию лесной зоны, где берут начало Волга, Дон и Днепр. При половодьях эти реки снесли в устья размытую почву и создали на Волге дельту, в низовьях Дона – бар, который впоследствии был размыт волнением Азовского моря и послужил материалом для отмелей в Керченском проливе.]. Дальнейшее легко себе представить. Гунны прошли через степи до Перекопа и вышли в тыл готов, которые, будучи союзниками алан, сосредоточили свои войска на Дону, обороняя его высокий правый берег от возможного вторжения гуннов. Гуннам никто не мог помешать развернуться на равнине Приазовья.

Автор ? в. Евнапий писал: «Побежденные скифы (готы) были истреблены гуннами, и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство» [148, с.726]. Конечно, тут не обошлось без преувеличений. Многие остроготы остались с гуннами и сражались на их стороне на Каталаунском поле, а потом против них на р. Недао. Но важнее другое: держава Германариха представляла собой не союз племен, а «лоскутную империю». Разбив остроготов, гунны дали возможность завоеванным готами племенам освободиться и, надо думать, рассчитаться с захватчиками.

М.И. Артамонов полагает, что «черняховская культура полей погребений» по своему характеру должна быть приписана готам. Она бытовала всего два века – III и IV. Даже если эта культура не была этнически монолитна, то есть включала готов, сарматов и, возможно, славян (антов), то остается фактом ее исчезновение в IV в., что совпадает с гуннским нашествием [11, с.46–51]. Доводы М.И. Артамонова убедительны, но остается только одно сомнение: черняховская культура размещена в лесостепи; гунны – степняки. Не помогли ли им местные славянские, литовские и угро-финские племена? От нашествия гуннов пострадали также эллинские города бывшего Боспорского царства, в том числе Пантикапей (Керчь). Эта область сохранила тень самостоятельности под римским верховным владычеством, но в IV в. была покинута римлянами на произвол судьбы. В эпоху Августа и Тиберия южнобережные города имели ценность как торговые центры. Степняки доставляли туда рабов и шкуры, а греки привозили вино и предметы роскоши [192, с.272]. Но в III в. готы заставили боспорцев предоставить им корабли для пиратских набегов на Малую Азию и Грецию [там же, с.211]. После этого предательства римляне потеряли симпатию к Боспору. И когда пришли с Северного Кавказа гунны, они уничтожили все города бывшего Боспорского царства [157 - Еще в 336 г. Боспор принадлежал римлянам, но вскоре Рим перестал заботиться о судьбе греков, живших в Крыму (см.: там же, с.268).]. Почему же сдались эллинские крепости, если гунны осаждают и брать города не умели? Почему боспорцы даже пошли на почетную капитуляцию? Ведь гунны были достаточно покорны своему вождю Баламберу и, следовательно, дисциплинированны. Да и корабли у греков были, и море под боком... Немного энергии, и можно было отбиться или спастись!

Вот что такое фаза обскурации в процессе этногенеза. В этой фазе легче погибнуть, чем сопротивляться. А если бы и нашелся энергичный грек, предложивший способ спасения, то

его бы постигла судьба Стилихона и Аэция [158 - Оба были предательски убиты по приказу императоров.], ибо таково действие статистических закономерностей этногенеза. Вследствие погрома, учиненного гуннами эллинским городам бывшего Боспорского царства, Восточно-Римская империя, становящаяся Византией, оказалась в числе врагов гуннов.

Пройдя Перекоп, гунны столкнулись не с обскурантами, а с этносами, находившимися в фазе подъема. Энергии у них было даже слишком много, но доминанты, которая направила бы эту энергию в заданное русло, не было. Германариху было уже 110 лет, и он в силу своей дряхлости не мог быстро находить выходы и применяться к изменившейся ситуации. Визиготы тяготились его властью, ибо их королей сделали просто «судьями» [43, с.593], лишив титулов и власти. Всеми силами старались добиться независимости и гепиды, но хуже всех было венедам (славянам). Росомонку Сунильду Германарих за измену супругу приказал разорвать на части дикими конями. Тогда ее братья, Сар и Амми, нанесли ему удар [151, с.91–92]. Хотя Германарих не умер, но и не выздоровел и стал управлять делами как больной старик, т.е. очень плохо.

Еще до этого Германарих подчинил «достойных презрения» венетов [159 - «Хотя теперь (в VI в. – Л. Г.) они свирепствуют повсеместно», – отмечает Иордан, имея в виду венетов (там же, с.90). Вот граница пассионарного толчка. Венеты, а потом саксы и франки получили пассионарность от генетического дрейфа и, отстав на старте, выиграли на финише.], которые были многочисленны и пробовали сначала сопротивляться. Он подчинил также эстиев (литовское племя аистов) [238, с.221], приобретя таким образом еще одних подданных, которые ненавидели остроготов. Поскольку гунны, в отличие от готов, искали не врагов, а друзей, то все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт. В 375 г. Германарих, видя неизбежность гибели, вонзил в себя меч, а остроготы частью подчинились гуннам, а частью ушли к визиготам, твердо решившим не сдаваться. Они управлялись родом Балтов (храбрых), издавна соперничавших с королевским родом Амалов (благородных), и отчасти поэтому приняли решение, которое, как впоследствии оказалось, повело к этнической дивергенции: разделению одного этноса на два взаимно враждебных.

Гунны между тем продолжали идти на запад. Визиготы ждали их на Днестре. Отряд гуннов переправился через Днестр там, где не было охраны, напал на визиготов с тыла и вызвал у них панику. Большая часть готов бросилась бежать к Дунаю и там просила убежища у императора Валента. В 376 г. они, с разрешения властей империи, переправились через Дунай и крестились по арианскому обряду [160 - Валент был ревностным арианином.]. Меньшая, языческая часть визиготов во главе с Атанарихом укрепились засеками в густом лесу (Гилее) между Прутом и Дунаем. Но, поняв безнадежность дальнейшего сопротивления гуннам, Атанарих договорился с императором Феодосием и в 378–380 гг. перевел свое войско на службу империи на правах федератов – союзников с автономным командованием.

Иначе сложилась судьба остроготов. Готы после гибели Германариха попытались вернуть себе независимость. Преемник Германариха Винитарий «с горечью переносил подчинение гуннам» [151, с.115]. В конце IV в. он попробовал «применить силу, двинул войска в пределы антов. В первом сражении он был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял их короля Божа с сыновьями его с семидесятью старейшинами» [238, с.320]. Как понять такое странное самодовольство? Видимо, рассказ Евнапия о свирепости гуннов является преувеличением. Иначе откуда бы взяться у остроготов большому войску, после того как в 376 г. ушли визиготы и увели часть остроготов, а гепиды, хоть и готское племя, но отделились от остроготов при первом же их ослаблении [там же, с.206–208].

Анты были «многочисленны и сильны» [161 - Пожалуй, только это и бесспорно в антской проблеме. Все другие суждения историков об антах решительно расходятся. Я согласен с теми, кто считает антов славянами и предками полян.]. Война с ними была трудной и в конечном счете губительной. Это был как бы вызов гуннам путем ликвидации их союзника. В

ответ на это через год после казни Божа гуннский царь Баламбер, призвав на помощь тех остроготов, которые остались ему верны, напал на Винитария и после нескольких неудач разбил и убил его в бою на р. Эрак (Нижний Днепр). После этого в Степи наступил долгий мир.

Гунны в начале V в. продвинулись на запад, но без военных столкновений. На первый взгляд это удивительно, но посмотрим на ход событий и на историческую географию этносов Паннонии. В Дакии укрепилось готское племя гепидов, вождь коих Ардарих был личным другом Аттилы. Остроготы, ушедшие с визиготами в римские пределы, не ужились с ними. В 378 г. полководцы Алатей и Сафраг увели своих остроготов в Паннонию и поселили на берегах Дуная [151, с.92]. В 400 г. на этой реке появились гунны. Мятежный готский федерат Гайна, проиграв столкновение с населением Константинополя, бежал за Дунай, был схвачен гуннами и обезглавлен [там же, с.301]. Около того же времени сын римского полководца Гауденция, Аэций, будучи заложником у гуннов, тоже подружился со своим сверстником Аттилой, и его дядей Ругилой, который затем стал царем гуннов. Итак, гунны заняли Паннонию без войны, при поддержке многих племен, среди которых, вероятно, были анты и руги. Так выглядело «губительное вторжение гуннских орд»?!

Но были у гуннов и враги. Точнее, это были враги союзных с гуннами племен. Это были свевы – враги гепидов, вандалы – враги ругов, бургунды и злейшие враги самих гуннов – аланы. Эти этносы покинули свою родину, страшась гуннов. В 405 г. они ворвались в Италию. Вождь их, Радагайс, дал обет принести в жертву богам всех захваченных сенаторов, но сам был окружен войсками Стилихона, предан и казнен. Только этот поход и можно считать последствием гуннского нажима на этносы Европы. А ведь Великое переселение народов, по общепринятому мнению, началось в 169–170 гг. с маркоманской войны [43, с.310], перехода готов «из Скандзы», но никак не с появления в заволжских степях гуннов.

Главная ставка гуннских вождей в начале V в. находилась в степях Причерноморья. Туда направлялись византийские посольства до 412 г. Тем не менее переселение гуннов на берега Дуная шло неуклонно; венгерская пушта (степь) напоминала им заволжскую родину, которую к V в. гунны покинули, поскольку климатический сдвиг от вековой засухи к повышенному увлажнению степной зоны вызвал расширение сибирского леса и лесостепи к югу. Полоса сухих степей сузилась, а значит, сузился и гуннский ареал.

Экстенсивное кочевое скотоводство требует больших пространств с редким населением. Лошади и овцы, привыкшие к степным травам, не могут жить на лесных, влажных кормах, а тем более добывать корм из-под глубокого снега. Следовательно, необходимы сенокосы, а этого ремесла гунны не знали. Поэтому они сдвинулись на территории завоеванные, где можно было использовать труд покоренных аборигенов. Но тех надо было либо держать в страхе, для чего у малочисленных гуннов не было сил, либо компенсировать их военной добычей. Европейские пассионарные варвары знали, что компенсацию они могут получить только в Римской империи. Но, без должной организации, их вторжения были сначала неудачны, потом полуудачны: римляне впустили бургундов в долину Роны, вандалов, свевов и аланов – в Испанию, визиготов – в Аквитанию, франков – в Галлию, но остальные варвары тоже хотели урвать свою долю римского пирога, а умный правитель, как известно, считается с пожеланиями масс. Ругила был правителем умным и осторожным. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже давал империи свои войска для подавления багаудов в Галлии. Но он умер в 434 г., и власть перешла к Аттиле и Бледе – детям его брата Мундзука.

Аттила, Аэций и фазы этногенеза

История европейских гуннов уже написана, и куда подробнее, чем это можно сделать в одной статье. Но никто из историков не ставил при этом задачи показать уникальное

соотношение возрастов этноса, то есть поставить проблему как соотношение старца, юноши, мужа в расцвете сил и пожилого многоопытного человека. А в это жуткое 20-летие, когда решалась судьба этносов Европы и даже путей развития культур, ситуация была именно такова.

В V в. римский суперэтнос находился в фазе обскурации: он почти переставал существовать. Но Восточная Римская империя была сильна, ибо многие обитатели Малой Азии, Сирии и Армении находились в акматической фазе этногенеза. Там прошла ось пассионарного толчка, и христианские, гностические и манихейские общины всосали в себя тех пассионариев, которым была противна самовлюбленная античная пошлость. Они спорили друг с другом, проповедовали свои учения всем, желавшим слушать, интриговали и защищали стены своих городов, что давно разучились делать те, кто оставался язычниками. И в отличие от германцев у них была этническая доминанта, философия, переданная им неоплатониками. Эта философия не существовала в глубокой древности, ни в эллинской, ни в иудейской, ни в египетской. Первым неоплатоником был Христос. Однако этим энергичным пассионариям мешали субпассионарии, расплодившиеся за три века имперского благополучия и изобилия. Они отнюдь не были «низамы» общества. Многие из них пролезали на высокие и средние должности. Но где бы они ни находились, они разъедали тело римской цивилизации, не желая думать о завтрашнем дне, а тем более – о неизбежном конце.

Выслушаем беспристрастного современника событий. В 448 г. Приск Панийский в ставке Атилилы, где он был в составе посольства, встретил грека, одетого в «скифские» одежды, и записал его слова: «Бедствия, претерпеваемые римлянами во время смутное, тягостнее тех, которые они терпят от войны... ибо закон не для всех имеет равную силу. Если нарушающий закон очень богат, то несправедливые поступки его могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дела, тот должен понести налагаемое законом наказание». Приск возразил, что законы римлян гуманнее и «рабы имеют много способов получить свободу». Грек ответил: «Законы хороши, и общество прекрасно устроено, но властители портят его, поступая не так, как поступали древние» [139, с.55–58].

Итак, грек отметил переменчивость стереотипа поведения как главный фактор, дающий людям жить. Культура – стабильна, а римский суперэтнос уже вступил в последнюю фазу: мечтатели оплакивали уходящую культуру, а подонки ее проедали. И пока готы не разделили античного населения в Македонии, Фракии и Элладе настолько, что подготовили пустые места для славян, то есть до VI в., Византия была заключена в городских стенах, а Гесперия [162 - Западная Римская империя; это ее название забылось к VI в.], где эти стены пали, вообще исчезла с карты мира.

Германцы, ровесники византийцев, не имели такой культурной традиции, способной объединить их в суперэтническую целостность. Наоборот, пассионарный толчок, не будучи направлен, разорвал даже те связи, которые у них были в первые века н.э. Чтобы объединиться, им было нужно начальство; и они нашли его в гуннах. Гунны, как и их соперники – аланы и хунны в Северном Китае, переживали фазу надлома, или неуклонного снижения пассионарного напряжения этнической системы. На этом фоне достоинства отдельных личностей меркли. Лишенные своей экологической ниши, они были вынуждены получать необходимые им продукты как дань или военную добычу. На чужой земле они превратились в хищников, которые вынуждены охотиться на соседей, чтобы не погибнуть, и пользоваться услугами этносов, на них непохожих и им неприятных, но крайне нужных.

Пассионарность их была разжижена из-за включения в их среду многочисленных угро-финнов, за счет коих они пополняли потери в боях. Угро-финны были очень храбры, выносливы и энергичны, вполне лояльны гуннским вождям, но сердце их билось в другом ритме, их собственном, вследствие чего они образовали гунно-угорскую химеру. До V в. их сочетание не носило такого характера, ибо они жили в разных экологических нишах: в степи

и в лесу. А когда историческая судьба задвинула их в окруженную горами долину Дуная да еще добавила к ним кельтов-бастарнов, дакийцев-карпов, сарматов-язигов и кое-какие роды славян, то все изменилось, и отнюдь не к лучшему. На этом фоне и развернулись события, связанные с деятельностью Атилы и Аэция.

Атила был невысок, широкоплеч, с темными волосами и плоским носом. Борода у него была редкая. Узкие глаза его смотрели так пронзительно, что все подходящие к нему дрожали, видя осознанную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его таланты и отвагу, поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна. Под его знаменем сражались, кроме гуннов, остроготы, гепиды, тюринги, герулы, турклинги, руги, болгары и акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников.

Сначала Атила делил власть со своим братом Бледой, но в 445 г. убил его и сосредоточил власть в своих руках. При совместном их правлении гунны, а точнее – присоединившиеся к ним племена, совершили набег на Балканский полуостров и дошли до стен Константинополя. Они сожгли 70 городов, от Сирмия до Наиса. Но добыча их была меньше ожидаемой, так как на полуострове уже дважды похозяйничали визиготы. В 447 г. Феодосий II заключил с Атилой унизительный для империи мир, обязался платить ежегодную дань и уступил южный берег Дуная от Сингидуна до Наиса, но сменивший Феодосия Маркиан расторг договор 450 г., заявив, что его подарки – для друзей, а для врагов у него есть оружие.

Но Атила был дипломатом, он рассчитал, что на западе он достигнет больших успехов, и решил двинуть свои войска в Галлию. Для похода был повод – просьба принцессы Гонории обручиться с нею – и, что важнее, союзники: один из франкских королей, изгнанный из своего отечества, и король вандалов Гензерих, взявший столицу провинции Африки – Карфаген. Отупевших и опошлившихся римлян можно было не бояться, но хорошо продуманный поход дал неожиданный результат. У Атилы оказался противник, достойный его и по личным качествам, и по уровню пассионарности, – Аэций.

Аэций, сын германца и римлянки, был представителем нового поколения, новой породы пассионариев, которая подняла раннюю Византию. Красивый, сильный мужчина, он не имел равного в верховой езде, стрельбе из лука, метании дротика. Честолюбие и властолюбие было лейтмотивом его бурной биографии. На его глазах мятежные легионеры убили его отца, он дважды был у гуннов, то как заложник, то как изгнанник. Он свободно говорил на германских и гуннском языках, что располагало к нему легионеров, среди которых уже не было уроженцев Италии. Карьеру он сделал быстро, но ревность к славе и власти породила в нем вражду к наместнику провинции Африки – Бонифацию, честному, доброму и способному «последнему римлянину», как потом называл его историк Прокопий [163 - Так же он назвал и Аэция, но тут с ним нельзя согласиться. По характеру, страстности, отсутствию патриотизма и авантюризму Аэций больше ранний византиец, чем поздний римлянин. И родился он на берегах Нижнего Дуная, а не Тибра или По. Ни он не любил италиков, ни они его.].

Аэций оклеветал Бонифация и спровоцировал его на мятеж. Бонифаций в 429 г. пригласил на помощь вандалов из Испании, но те, как водится, захватили провинцию Африку для себя. Бонифаций вернулся в Рим и оправдался, ибо, действительно, потеря Африки была вызвана интригами Аэция. Тогда Аэций, командовавший войсками в Галлии, двинулся на Рим. Бонифаций, командуя правительственными войсками, разбил Аэция, но, раненный в бою, скоро умер (432 г.). Аэций же бежал к гуннам, где его принял Ругила, но после его смерти вернулся и в 437 г. вторично стал консулом. В третий раз он получил эту должность в 446 г. До тех пор многократно консулами бывали только императоры [238, с.302]. Но ведь только Аэций умел заставить варваров сражаться за ненавистный им Рим.

Аэций и Атила стояли во главе военно-политических коалиций (отнюдь не «племенных союзов»), население которых было чуждо своим правителям и по крови и по религии, да и по этническому облику. Во главе восточной коалиции германо-славяно-угорских племен стоял гунн, потомок древних тюрков; во главе западной – германо-кельтско-аланской – римлянин, потомок захватчиков и рабовладельцев. Варвары, вторгшиеся в начале V в. в Галлию: визиготы, бургунды, аланы, армориканцы (кельты из Валлиса, переселившиеся на материк в V в., после чего занятый ими полуостров был назван «Бретань»), франки и отчасти алеманны, были усмирены Аэцием, который мобилизовал их друг против друга. Движение багаудов Аэций подавил с помощью гуннских отрядов, присланных ему Атилой. И Атиле пришлось подавлять сопротивление своих подданных акациров – «старшего войска» [11, с.56], подстрекаемого византийскими лучниками [там же, с.55].

Атила и Аэций в детстве были приятелями. Ссориться им было незачем. Но правители зависят от масс не меньше, чем те от них. А в фазе пассионарного подъема массы не могут и не хотят жить в состоянии покоя. В Византии рост пассионарности породил борьбу церковных направлений, а в среде варваров – войну, в которую были втянуты гунны и Рим, хотя воевали в основном германцы.

Война 450–472 гг. и этногенез. Каждое явление истории может быть рассмотрено в различных ракурсах, не подменяющих, а дополняющих друг друга: в социальном, культурном, государственном и т. д. Нам, для нашей темы, нужен этнический аспект. Посмотрим, какие же этносы сражались под руководством Атилы? «В его войске были, кроме гуннов, бастарны, скиры, остроготы, гепиды, герулы, руги, алеманны, часть франков, бургундов и тюрингов» [43, с.670]. Здесь перечислены только германские и кельтские этносы, а прочие объединены, видимо, под названием «гуннов», в том числе – биттогуры, или «черная угра» [Европеус Д. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда славян. СПб., 1874, с.3], анты, которые, как союзники гуннов, не могли не участвовать в походе. Список этносов, самоуправляющихся, независимых друг от друга и связанных только политическими договорами, никак нельзя именовать «племенным союзом», как это часто делается.

Равным образом не было «племенным союзом» войско, собранное Аэцием: визиготы, аланы, армориканцы, саксы, часть франков и какие-то литианцы, рипарии, олибрионы [238, с.307]. Но возникает вопрос: если этих людей не гнали в бой их короли, то зачем они пошли на войну? Без этнологии объяснить нельзя. Знак этнической доминанты фазы подъема в фазе спада меняется на обратный. Нам понятна ситуация, когда люди хотят сидеть дома, а начальники гонят их в бой. При подъеме пассионарности, напротив, – люди гонят в бой королей. Впрочем, субпассионарии делают то же самое, только без цели и без смысла.

На пути в Галлию гунны (точнее, разноплеменное войско Атилы) разбили бургундов и уничтожили их королевство, затем, разрушая все города на своем пути, дошли до Орлеана и отступили от него. В 451 г. на Каталаунской равнине гунны приняли бой с подошедшими войсками Аэция. Битва была кровавой, но победа не досталась никому. Атила отступил, Аэций его не преследовал. В 452 г. Атила возобновил войну. На этот раз он вторгся в Италию и взял самую сильную крепость – Аквилею. Поскольку сами гунны крепостей брать не умели, тут, очевидно, постарались остроготы и гепиды. Разграблена была вся долина По. Медиолан и Павия сдались, чтобы, отдав имущество, сохранить жизнь людей. Аэций имел слишком мало войск для отпора гуннам.

Римляне просили мира и предложили Атиле громадный выкуп за уход из Италии. Атила принял предложение, ибо в его войске возникла эпидемия, и гунны покинули Италию. В 453 г. Атила женился на бургундской красавице Ильдико, но умер в брачную ночь. А в следующем, 454 г. гуннская держава развалилась. И в том же году император Валентиниан собственноручно заколол Аэция во время аудиенции. Римляне говорили, что император

левой рукой отрубил себе правую. В 455 г. вандальский король Гензерих взял Рим и отдал город на разграбление своим воинам. Дальнейшая история Италии – это агония же даже не этноса, а его осколков.

Именованье Аттилы «бичом Божиим» совсем не оправдано. Конечно, он был человек волевой, умный и талантливый, но так зажатый этнической ситуацией, что ради спасения себя и своего народа вынужден был плыть по течению. Гунны в Паннонии были окружены со всех сторон враждебными подданными; поэтому они оказались на поводу у большинства, которое их не любило. На Каталаунском поле напор Аэция удержали не союзники гуннов, а их богатыри, которые полегли на поле боя. В Италии много гуннов умерло от эпидемии в непривычном климате. Восполнить потери было нечем, ибо акациры Северного Причерноморья были ненадежны.

Наследство, оставленное Аттилой, было губительно для его сыновей и близких. Его заслуга перед своим народом только в том, что он отдалил гибель гуннов на 20 лет, а среди европейцев оставил о себе память едва ли не мифическую. Но Великое переселение народов, начавшееся до вторжения гуннов, продолжалось и после их исчезновения.

Итак, Аэций и Аттила на персональном уровне – талантливые герои, на этническом – индикаторы контактных ситуаций, на суперэтническом – детали грандиозных процессов, бессильные их исправить или изменить. Однако суперэтнические процессы не только можно, но нужно изучать, как метеорологию или сейсмографию. Так, своевременно зная о цунами, можно уйти в горы и спастись. А это далеко не бесполезно.

Три поражения

Смерть Аттилы оказалась переломным моментом в истории Восточной Европы. Когда, после похорон, сыновья правителя стали спорить за права наследования, король гепидов Ардарих объявил, что считает себя обиженным недостаточным уважением к нему, и поднял восстание. В возникшей войне приняли участие все племена и народы, только что подчинившиеся Аттиле. Произошла решительная битва на р. Недао (Недава, приток Савы), о которой повествует Иордан: «В ней можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна – стрелой, и алана... с тяжелым, а герула – с легким оружием» [151, с.118].

Кто был за кого? Из текста Иордана это неясно. Известно, что остроготы были на стороне гепидов, а поэтому можно думать, что там же были аланы, то есть язиги. А вот руги и свевы? Видимо, они бьются против готов на р. Болии [238, с.341]. А поскольку Одоакр покорил часть рогов, то надо полагать, что герулы, на которых он опирался, были врагами рогов и, следовательно, друзьями гепидов. Иордану все эти отношения были, конечно, ясны. В этой битве погиб любимый сын Аттилы – Эллак и 30 тыс. гуннов и их союзников. Уцелевших гуннов братья Эллака Денгизих и Ирник увели на восток, на старые земли готов, в низовья Днепра. Остроготы заняли опустевшую Паннонию, а руги ушли в Норик (кроме тех, которые нашли приют в Византии).

Гунны продолжали войну против готов, но тут их настигла вторая беда, на этот раз с востока. «В 463 г. к ромеям (византийцам) пришло посольство от сарагур, урогов и оногур и рассказало, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а те в свою очередь были прогнаны аварами, бежавшими от некоего народа, обитавшего на берегах океана. Послы также сообщили, что сарагуры покорили акацир... и желают вместо них быть союзниками империи» [139, с.87]. Ныне названия у перечисленных здесь народов расшифрованы [69, с.106–109]. Сарагуры, оногуры и уроги – угры, предки древних болгар; савиры – этнос самодийской группы [11, с.69–78], населявшей окраину сибирской тайги;

абары – джунгарское племя [31, с.542, 549, 553]. Разгромив акациров, болгары уничтожили гуннский тыл, а савиры продвинулись по лесостепной зоне до Десны и остановили движение антов на восток. Анты же были союзниками гуннов.

Чем объяснить такую странную и внезапную подвижку племен, явно вынужденную событиями на юго-востоке? И почему эта война стала возможной? Ведь 200 лет сибирские народы не испытывали никаких неприятностей от южных соседей, так как между ними лежала пустыня. Вспомним, что в середине IV в. изменили путь своего прохождения атлантические циклоны [81, 1966, № 4]. Они начали смещаться к югу и увлажнять уже не северную тайгу, а ее южную окраину. Сухая степь зазеленела и стала легко проходимой. Тогда-то события, происходившие в Средней Азии, и отозвались эхом, достигшим Восточной Европы.

Казалось бы, повышенное увлажнение Великой степи – благо, но для савиров оно обернулось бедой. Значительная часть их покинула родину. Они побеждали, но не могли пользоваться плодами побед. Те, которые по западному берегу Каспийского моря прошли в Иран, были вынуждены отдавать свои жизни на службе у персидских шахов или византийских императоров [11, с.60–78]. Северные савиры ослабли по языку, но долгое время боролись с россами и антами [258, с.39–58].

Итак, оптимизация природных условий Великой степи привела к беде три этноса: савиров, болгар и акациров. Циклоны, проходя через лесную зону, наполнили влагой истоки Волги и ее притоков, из-за чего уровень Каспия поднялся на 3 м и образовалась волжская дельта, которую заселили выходцы с низовий Терека – хазары [83, с.63–64]. Природа вечно меняет ландшафты и их наполнение – этносы. Подобно всем природным неуправляемым системам, этносы возникают как определенные целостности и исчезают, теряя системные связи. А люди? Они входят в состав иных этносов и продолжают жить, забывая утраченное прошлое. Конечно, такие перемены не безболезненны. Процессы этногенеза, как жизни организмов, дискретны: они имеют начала и концы.

Катастрофа

После болгарского удара в спину – разгрома акациров – положение гуннов стало безнадежным. Но гунны сохранили тюркскую доблесть и угорское упорство. Так как оба предка обучили потомков не бояться смерти в бою, то Денгизих продолжал войну с готами. Его поддержали три гуннских племени (ултзинзуры, биттогуры, бардоры) и одно германское, враждебное готам, ангискиры [238, с.340]. На его стороне были и садаги, гуннское племя, оставшееся в Паннонии после битвы при Недао [там же, с.333]. Готы напали на садагов в 60-х годах V в., но Денгизих совершил поход на город Басиану в южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить садагов в покое и бросить свои войска на гуннов. Те же, выполнив боевую задачу, отошли в степи Поднепровья.

После удачной диверсии, связавшей руки готам – врагам не только гуннов, но и Византии, Денгизих попытался в 468 г. наладить союз и торговлю с константинопольским двором, но получил отказ. Вместо контакта возник конфликт. Но почему? Потому что готы были одновременно проклятием и опорой поздней Римской империи. Они 90 лет (378–468 гг.) грабили население Италии и Балканского полуострова, так что древние этносы (македонцы, фракийцы, многие эллины, часть иллирийцев) просто исчезли с этнографической карты. Но вместе с тем готские наемники были наиболее боеспособной частью императорской гвардии. Будучи арианами [164 - Арианство, принятое готами случайно – при их договоре с императором Валентом в 376 г., затем стало символом этнического самоутверждения восточных германских племен, знаменем, противопоставленным православию, которому покровительствовал враг готы – император Феодосий I. Конечно, догматические разногласия были непонятны безграмотным готам. Но люди, в критических фазах этногенеза, думают не

об этом, а о том, где свои, а где враги? При этнических контактах исповедание только индикатор связи; положительной или отрицательной.], они охотно подавляли народные движения в городах, где после Халкидонского собора 451 г. православные и монофизитские монахи придавали народным волнениям неслыханный размах. И за все расплачивалось сельское население, отдаваемое правительством империи в жертву воинственным варварам.

На Западе свев Рицимир, на Востоке алан Аспар, командуя германскими гвардейцами, готовили Рим и Константинополь для сдачи варварам. Рицимир умер от заразы, оставив Италию беззащитной, ибо ее население начисто потеряло древнюю доблесть (пассионарность). Но Восток устоял, хотя готские гвардейцы держали в руках столицу и заставили Льва I выплачивать ежегодную стипендию не только себе, но и своим паннонским сородичам. В 469 г. арианин Аспар разбил естественного союзника Византии Денгизиха и отправил его голову в Константинополь.

Официальная версия событий гласила, что гунны совершили набег на Византию. Но гунны были тогда окружены: с запада им грозили готы, с востока – болгары, с севера – савиры. Могли ли они начать новую войну? А вот Аспару гибель гуннов была выгодна, за это можно было получить благодарность от готов. Поэтому и было объявлено, что гунны «прорвались» через Дунай. Но когда в 471 г. Аспар был убит и гвардейцы его перебиты исаврийскими войсками, находившимися под командой будущего императора Зинона, выяснилось, что гунны переходят Дунай вовсе не для войны, а чтобы вступить в подданство империи. Им были выделены земли в Малой Скифии (Добрудже) [151, с.120; 238, с.336]. И на этом их история кончилась. Их сменили племена ранних болгар – кутургуров и утургуров, а также и огоров (угров). В VI в. степи до Дона и берега Черного моря подчинили тюркюты, которым помогли хазары.

Связь времен и традиций

Китайская историко-географическая традиция сохранила смутное сведение об «отрасли дома Хунну от Западного края (так назывался в древности бассейн Тарима. – Л.Г.) на Запад». Это, безусловно, слух о державе Аттилы, то есть гуннах, по легенде начисто истребленных соседями; уцелел лишь один 9-летний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица ушла на Алтай, спряталась в пещеру и родила там десять сыновей. По прошествии нескольких поколений некто Асяньше (Аслан-шад) вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана. Дальше идет история каганата, включающая наряду с изложенной легендой еще две версии происхождения тюркютов (древних тюрков), хотя и менее романтических, но более вероятных и, по-видимому, более верных.

Разумеется, понимать легенду буквально – неправомерно. Но важны отдельные детали, сохраненные ею. Мальчик брошен в болото – похоже на озеро Балатон, около которого гунны потерпели сокрушительное поражение. Венгерское его название произошло из славянского «болото», так что гуннский перевод верен. Волчица, родившая от искалеченного ребенка десять сыновей, – образ такой же, как «галльский петух» или «английский леопард» Плантагенетов. Пещера, в которой скрылись потомки волчицы, – центральная часть Горного Алтая, место, весьма пригодное для укрытия. И наконец, тюркские ханы сами себя считали по психической структуре волками, и слово «ашина» обозначало у них «благородный волк», хотя корень слова – монгольский.

Этот сюжет был введен в китайскую хронику как одна из версий тюркского этногенеза, но на самом деле это поэма, а не история. Подумать только: перед нами четвертной перевод. Гуннский вариант переведен на древнетюркский язык, тот – на китайский, а последний – на европейские языки. Известно, что каждый перевод поэтического текста снижает его эстетическое достоинство на порядок. Так поэма превратилась в изложение сюжета, как если

бы кто-либо составил сухой пересказ «Песни о Нибелунгах», убрав из нее все поэтические удачи. «Песнь о Нибелунгах» здесь приведена не случайно. Она такой же отзвук гуннской трагедии, как и перевод легенды о волчице и ее потомках, только сохранилась западная версия полнее, потому что пергамент лучше сопротивляется губительному Хроносу, чем береста.

Но что дает этот скудный пересказ науке; стоит ли эта недостоверная информация того, чтобы уделять ей внимание? Пожалуй, стоит. Она показывает, что при полной политической раздробленности идейное единство хуннов и гуннов сохранялось, что этническая традиция, она же – сигнальная наследственность, была не нарушена и, наконец, что западный поход Истеми-хана в 555 г. был идейно связан с хуннскими миграциями II в., т.е. что 400 лет между этими двумя походами были не провалом в этнической памяти, а поводом для преодоления исторической несправедливости, ибо гуннам и тюркютам предательство гепидов и сарагуров представлялось именно таковым. Эстетическое восприятие прошлого – это сила, способная вдохновить народ на великие дела. Тюркюты их совершали потому, что незабытые деяния хуннов и гуннов вдохновляли их.

Так сомкнулись две нити повествования: историко-географическая и этнологическая, причем первая подтвердила правильность второй.

Кочевой быт: от расцвета к исчезновению [165 - «Азия и Африка сегодня», 1968, № 2, с.14–15.]

В эпоху верхнего палеолита, в климатических условиях, сложившихся в послеледниковый период, человечество, населявшее Евразийский континент, составляли, во-первых, сообщества охотников за крупными травоядными животными и, во-вторых, сообщества собирателей плодов, корней, съедобных трав. В неолите собиратели положили начало примитивному земледелию.

Сокращение численности крупных копытных лишало первоначально преобладавшие охотничьи племена преимуществ, а развитие примитивного земледелия создало недостаток пищи, позволивший бывшим собирателям начать приручение травоядных в довольно больших масштабах. К III тысячелетию до н.э. племена земледельцев распространили свой хозяйственный уклад до Хингана и Минусинской котловины, по окраинам центральноазиатских пустынь и в Сахару.

Низкий уровень техники земледелия имел своим прямым последствием уничтожение дернового покрова вокруг поселений. Этому способствовало и вытаптывание пастбищ у водопоев стадами домашнего скота, и уничтожение кустарников и деревьев для топлива. В результате аридизации (установления более сухого климата) во II тысячелетии до н.э. усилилось выветривание легких степных почв и расширилось пространство, занятое песчаными и каменистыми пустынями. Сократились площади, пригодные для земледелия и выпаса. Этот разрушительный процесс неизбежно должен был привести к ухудшению условий жизни и вызвать культурный спад, связанный с изоляцией отдельных племен, разобщенных большими пространствами пустынь.

Из создавшегося тяжелого положения в засушливой зоне было найдено два выхода: а) интенсификация полеводства путем введения ирригации – в Средней Азии, бассейне Тарима и Минусинской котловине, Египте и Месопотамии; б) экстенсификация животноводства – перегон скота со стравленных и подвергшихся эрозии участков на нестравленные, что привело к развитию кочевого скотоводства. Увлажнение климата степи, имевшее место в I тысячелетии до н.э., повело к расширению пастбищных угодий и обусловило подъем хозяйства первого кочевого народа Центральной Азии – хунну. Новая аридизация климата степей в III в. н.э. прервала на короткое время развитие кочевой культуры, но затем оно было

продолжено древними тюрками (VI – VIII вв.), уйгурами (VIII – IX вв.) и монгольскими племенами (X – XIII вв.).

Первые два тысячелетия (I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.) кочевая культура испытывала подъем. Повозка на массивных обрубках древесных стволов, которую могла сдвинуть с места только воловья упряжка (такая повозка изображена на скалах Минусинской котловины), в IV в. сменилась телегой на высоких колесах, а в VII в. вошел в употребление вьючный транспорт, что сделало кочевание более легким, быстрым и способным форсировать горные хребты. Было усовершенствовано жилище – возникла юрта. Китайский поэт VIII – IX вв. Во Цзюйи посвятил восхвалению юрты два прекрасных стихотворения, в которых он доказывает преимущества легко отапливаемой юрты перед деревянными дворцами китайских вельмож и тростниковыми хижинами крестьян. В VII – IX вв. тюркская одежда перенималась и китайцами и византийцами, заимствовавшими ее у хазар, так как эта одежда была наиболее удобна, тепла и своеобразно красива. Даже гуннские прически были в Константинополе криком моды.

Аналогичный процесс наблюдался в I тысячелетии н.э. в общественных институтах и военной технике. Гунны создали родовую империю с иерархией чинов и должностей; тюрки изобрели форму сосуществования военной демократии с родоплеменными объединениями и удельно-лествичную систему престолонаследия, имевшую цель предотвратить распад каганата. (Аналогичную систему ввел на Руси в XI в. Ярослав Мудрый.) Военная техника шагнула вперед после того, как была улучшена порода лошадей и освоена плавка алтайского железа, что позволило, наряду с конными стрелками, организовать ударные отряды панцирных копьеносцев. К слову сказать, большая часть войн, которые хунну и тюрки вели с Китаем, были оборонительные. Кочевники вторгались в Китай не более чем на 200–250 километров, а легкая конница Ханьской и Таиской империй проникала в степи на тысячу километров – до Алтая, хотя никогда не могла закрепиться прочно.

Расцвет кочевничества закончился к XIV в. Внутренним противоречием, вызвавшим упадок кочевой культуры, был тот же момент, который вначале обеспечил ей прогрессивное развитие, – включение кочевников в географические и биологические условия аридной (засушливой) зоны. Численность населения у кочевников определялась количеством пищи, то есть скота, что в свою очередь лимитировалось площадью пастбищных угодий и периодическим изменением увлажненности степного климата. В рассматриваемый нами период население степных пространств колебалось очень незначительно: от 800–900 до 1200 тысяч человек. Эта ограниченность в росте населения вызывалась печальной необходимостью, и проводилась она весьма жестокими мерами: внутренними войнами и стимулированием детской смертности. И то и другое весьма тормозило развитие производительных сил кочевых народов. Кроме того, узкая специализация на пастбищное скотоводство ставила кочевников в значительную зависимость от оседлых соседей: кочевники нуждались в продуктах земледелия, а попытки завести в степи пашни, предпринимаемые еще хунну в VIII в. и уйгурами в IX в., не дали существенных результатов.

Наступившая в конце XIV в. аридизация климата степей сказалась уже к XVI в. настолько, что монгольские народы рассеялись по окраинам степи в погоне за травой, пастбищами, так что «их войска не составляли больше единого целого». В это же время пала экономическая, а стало быть, и военная мощь Золотой Орды, и только калмыки, опиравшиеся на лесистые склоны Тарбагатая, отстаивали до 1758 г. свою независимость от маньчжуров. Русские поселения постепенно захватывали степь с северо-запада, а маньчжурские крепости – с юго-востока, и пространство для перекочевок все более и более сужалось. Кочевники этой эпохи сочли за благо добровольно подчиниться оседлым народам: монголы признали верховную власть маньчжурского богдыхана, а казахи – российской императрицы Анны Иоанновны. Отказ от самоустройства был признаком непреодоленного кризиса кочевой

культуры и кочевого быта.

Итак, кочевничество – это явление мирового масштаба, существовавшее около трех тысячелетий. Возникло оно как способ приспособления человека к изменившейся природной обстановке и точно по тем же причинам на наших глазах исчезает. Природа снова меняется, хотя уже не вследствие космических воздействий солнечной активности, а в результате деятельности человека, вооруженного машинной техникой и энергетическими ресурсами из недр земли. Степи превращаются в пашни; в предгорьях вырастают поселки и курорты; через пустыни проложены железные и шоссейные дороги; автомобили заменили верблюдов и лошадей. Изменился мир – и способы приспособления человека к среде тоже стали иными.

Бывшие кочевники теперь становятся иногда земледельцами, иногда фабричными рабочими, а часто, не желая покидать родные степи, превращаются в прекрасных водителей автомашин. Творческие силы, позволившие их предкам преодолеть эпоху засухи, не иссякли и теперь дают возможность потомкам найти свое собственное место в мировой цивилизации наших дней.

Где она, страна Хазария [166 - «Неделя», 1964, № 24, 7–13 июня.]

Задача, решение которой предлагается в этой статье, уже давно поставлена исторической географией. Вот ее условия, предельно кратко сформулированные М.И. Артамоновым в книге «История хазар»: «До сих пор точно не установлено местонахождение главнейших городов Хазарин – Итиля и Семендера, неизвестны их вещественные остатки. Не обнаружены не только могилы хазарских каганов, но вообще неизвестны собственно хазарские погребения.

Иными словами, до сих пор не была открыта территория, на которой жил хазарский народ, хотя довольно точно были известны границы хазарского каганата». Здесь же профессор Артамонов наметил путь к разгадке, утверждая, что только археологические поиски на Нижней Волге «прольют свет на вопросы, остающиеся неосвещенными письменными, источниками». Действительно, в 1960–1963 гг. Астраханская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа обнаружила не только хазарские могильники с богатым инвентарем, крепости, памятники искусства, следы поселений, но и составила карту распространения хазар в VI – X веках. Ученые, сочетая достижения археологии, исторической географии и палеогеографии, добились большого успеха.

Хазары были многочисленны и богаты. Занимались они главным образом земледелием и рыболовством, а также отгонным скотоводством. Виноградники и сады были неотъемлемой собственностью каждого хазарского рода. Все это показывает, что хазары жили не в сухих степях, а по берегам рек Волжской дельты.

И действительно, повторный осмотр берегов Волги в 1959 г. севернее Астрахани убедил в том, что остатков хазарского города Итиля там нет, но в пойме, ныне заливаемой в половодье, недалеко от села Селитряного, были найдены фрагменты керамики VII – X веков, которые скрыты речные наносы слоем в 1,2 метра [167 - Итиль находился в пойме и смыт при подъеме уровня Каспия в XIII веке.]. В 1960 г. в дельте Волги, на высоком бугре Степана Разина, было найдено первое хазарское погребение. Это дало повод предположить, что уровень Каспийского моря в VII – IX веках был ниже, чем ныне.

Для проверки мы исследовали подводный конец Дербентской стены, находящийся ныне на глубине 5,5 метра. Опустившись на дно в аквалангах, мы установили, что стена построена не на насыпном моле, а непосредственно на скальном основании из сасанидских плит VI века, что технически возможно было сделать на глубине меньше человеческого роста. Следовательно, уровень Каспийского моря был на четыре метра ниже, чем теперь. Значит, дельта Волги простиралась на юг гораздо дальше, до спада глубин, и площадь Хазарии была на 50 000 квадратных километров больше. Это подтвердили находки хазарских поселений на

мелководье Каспия в 15 км от берега. В VII – IX веках богатая Хазария представляла собой прикаспийские Нидерланды.

Хазарские погребения обнаружены на многих буграх центральной дельты. Полностью раскопан могильник на бугре Степана Разина. Там обнаружено 20 погребений, из которых только пять принадлежат самим хазарам. Кроме того, есть трупосожжения, знаменующие эпоху VI – VII веков, когда Хазария входила в состав Западнотюркютского каганата, и трупоположения кочевников, союзников тюркютов и хазар: уйгуров, барсилов и печенегов. До нашего времени уцелела лишь ничтожная часть погребений. Эта находка объясняет нам, почему византийские авторы VII века путали хазар и тюрков, называя их попеременно обоими именами, а также проливает свет на взаимоотношения хазар с их кочевыми соседями.

Карта Волжской Хазарии VI – XIII вв.: 1 – хазарские степи; 2 – земли, затопленные морем в XIII в.; 3 – берег моря в VI в.; 4 – современный берег моря

Могилы воинов тюркютского хана и хазарских женщин и детей расположены на тесном кладбище вперемешку, в одном слое, но с четкими интервалами между могилами не менее 1,5 метра. Это могло случиться лишь в том случае, если при погребении соседние могилы были видны. Очевидно, в VII веке они имели внешние признаки. Значит, кочевники и хазары не только умирали, но и жили поблизости и в согласии. Этот вывод из археологического исследования подтверждает соображения М.И. Артамонова, основанные на анализе письменных источников.

Мы наблюдаем не просто проникновение кочевников в дельту Волги, а их симбиоз с местным оседлым населением. При такой постановке проблемы становится понятно, почему тюркюты и хазары вместе ходили в Закавказье громить персов и почему византийские авторы смешивают их. Хотя это были разные народы, но держава их была единой. Хазар, барсилов, тюркютов и телесцев связывала не общность быта, нравов, культуры или языка, а общность исторической судьбы. Они были друзьями. И с этой точки зрения понятно, почему лишенная престола и гонимая на родине западная отрасль династии Ашина нашла убежище в Хазарии и правила там до начала IX века.

Подъем уровня Каспийского моря в X веке и наступившее тогда многоводье Волги резко изменили положение Хазарии. Во-первых, протоки дельты стали проходимы для мелкосидящих ладей, и с X века русы начали проникать водным путем в Каспийское море, что вызвало осложнение их отношений с хазарами. Во-вторых, площадь дельты сокращалась. Поля, пастбища и рыбные угодья оказались под водой. Население ютилось на бэровских буграх, спасаясь от наводнений. Экономика Хазарии рухнула.

В середине X века абсолютная отметка уровня Каспия, по нашим данным, была равна современной. Это значит, что хазары потеряли около двух третей своей территории, а следовательно, и своего богатства. Выйти же в соседние степи хазары не могли, ибо там бродили воинственные гузы, союзники киевского князя Святослава, пошедшего в 965 г. войной на Хазарию. Разгром полузатопленной страны был неизбежен. Русские, победив, ушли, но гузы некоторое время занимали Хазарию, о чем говорят фрагменты их керамики, разбросанные в небольших количествах на буграх центральной дельты. Уцелевшие хазары обратились за помощью в Хорезм и получили ее ценой обращения в ислам. В этом оказалось их спасение. Когда море поднялось еще на восемь-девять метров и залило остатки хазарских поселений в дельте, а Волга половодьями уничтожила их в пойме, потомки хазар нашли прибежище в столице полумира Сарае и растворились в огромной Золотой Орде. Мусульманская вера позволила им механически стать татарами, как в XIII – XV веках назывались верноподданные хана улуса Джучиева.

Установив характер ландшафта, излюбленного хазарами, мы в 1963 г. перенесли наши

исследования на Терек, в низовьях которого пытались найти прародину хазар. Однако оказалось, что хазарские памятники находились там, где позже возникли станицы гребенских казаков, таких же оседлых скотоводов, охотников и воинов, какими были хазары. На южной окраине песчаных дюн – бурунов – нашли много фрагментов керамики, сходных с той, которую мы находили в дельте Волги. Там же, около станицы Шелковской, расположена квадратная цитадель крепости, датируемая VII – X веками, а так как в этом районе располагался город Семендер, первая столица Хазарии, и других аналогичных крепостей в долине Терека нет, надо думать, это цитадель Семендера.

Поскольку развалины Итиля, находившегося в пойме Волги, смыты Каспием в XIII веке и Саркел (на Дону) был заселен не хазарами, а гарнизоном из наемников-кочевников, наши находки приобретают большое значение. Мы должны отрешиться от традиционного взгляда на хазар как на кочевников. Географические условия, в которых развивалась хазарская экономика и культура, показывают, что здесь был возможен только оседлый образ жизни, основанный на садоводстве, охоте и отгонном скотоводстве.

Древняя Русь и кыпчакская степь в 945–1225 гг. [168 - В кн.: Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980, с.38–71.]

Империя Рюриковичей, возникшая в X в. благодаря грандиозной победе Святослава над Хазарией и последующим военным успехам Владимира и Ярослава, была в начале XI в. наиболее сильной и процветающей державой не только Европы, но и Внутренней Азии. Хозяйство страны было на подъеме, так как подсечное земледелие при неполной оседлости [259, с.76–93] населения давало баснословные урожаи. Уцелевшие памятники архитектуры указывают на расцвет градостроительства и ремесла. Торговля с соседними странами протекала беспрепятственно, культура и письменность распространялись успешно, а искусство находилось на уровне, который рассматривается ныне как серия шедевров. В «Слове о законе и благодати» митрополит Илларион рассматривает русичей как молодой народ, которому по праву принадлежит будущее.

Прошло двести лет, за которые Русь ни разу не подверглась иноземному нашествию... и серия поражений потрясла страну. В 1221 г. русская рать была разбита сельджукским десантом в Крыму. В 1223 г. монголы в арьергардном бою разгромили русско-половецкое войско на Калке. В 1224 г. ливонские немцы взяли Юрьев, где не пощадили ни одного русского: с тех пор на месте русского города возник немецкий Дерпт. Литовцы вышли из своих лесов и опустошили русские земли до стен Москвы, а заволочская чужь стала уничтожать отряды новгородцев, двигавшихся к отрогам Урала. Трагичность положения страны была столь ясна современникам, что отразилась в огненных строках «Слова о полку Игореве» и в «Слове о погибели русской земли». Подумаем и мы над тем, как могла произойти такая страшная перемена, которая в XIV в. повела к фактическому разделу Руси. Польский король Казимир без боя овладел Червонной Русью, превратив ее в Галицию. Гедимин, Ольгерд и Витовт подчинили себе исконные русские города: Минск, Пинск, Киев, Чернигов, Смоленск, Вязьму. Новгород стал неполноправным членом Ганзы. Шведы утвердились в Финляндии, а остальная часть Руси платила дань золотоордынским ханам, защищавшим ее от западных захватчиков. Плохо стало на Руси, но не надолго.

В конце XIV в. обнаружился новый, еще более грандиозный подъем: от Куликова поля русские войска дошли до стен берлинского рейхстага. И тут можно поставить вопрос: как все это произошло? Почему подъем Киевской Руси сменился жутким упадком, а из упадка возник новый подъем? То, что это диалектический путь этнической истории, – ясно, но ведь надо понять и механизм смены явлений. Это можно сделать только последовательно. Сначала опишем период с 945 по 1225 г. – этой теме посвящена предлагаемая статья; потом надо было бы разобраться в сложной коллизии XIII – XIV вв. до Куликовской битвы, а остальное будет

читателю ясно и без дополнительных объяснений, лишь бы он усвоил принцип анализа этногенеза, постоянно идущего процесса, в котором все люди жили, живут и будут жить.

Когда наука (любая) накапливает большее количество сведений, нежели способна вместить обычная память, она вынуждена искать приемы и способы систематизации материала; в противном случае она захлебнется в неорганизованной информации. Дробление науки на все умножающееся число отдельных отраслей – не выход, так как координация их практически невозможна. Следовательно, надо искать способы интеграции знаний, т.е. принципы обобщения разрозненных сведений в системе. На этот путь встали естественные науки.

В XX в. появились кибернетика – наука об управляющих и управляемых системах – и системология – наука о системах неуправляемых. В 1937 г. биолог Л. фон Берталанфи предложил «теорию открытых систем и состояний подвижного равновесия», где «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [233, с.12]. Здесь первичным элементом информации является не отдельный факт, а совокупность фактов, обретающая особые свойства в силу наличия характерных связей между ними. Сама «большая система» не монолитна, а обобщает в себе системы 2-го, 3-го и т.д. порядков, что объясняет внутреннее разнообразие, эластичность и динамичность (т.е. историзм) системных образований [102].

Для нашего анализа системный подход важен как способ систематизации огромного и разнообразного исторического материала [169 - Литература затронутых ниже вопросов столь велика, что целесообразно давать отсылочные сноски на новые обобщающие работы, а при цитировании – на первоисточники.]. Применяя его для X – XIII вв., мы находим смысл в таких понятиях, как «christientum» (Христианский мир), включающий в себя католическую Западную Европу, но не Византию, Болгарию, Русь; «Мусульманский мир», тоже являющийся системой, а не исповеданием веры, так как в Египте господствовали Фатимиды, коих сунниты не признавали, и вполне правильно, за мусульман; Индия, не только полуостров, но и культурная целостность; Китай, не считавший в то время «своими» ни чжурчжэней, ни тангутов, ни монголов. А эти последние, вместе с кипчаками, составляли тоже особую систему, несмотря на жестокие межплеменные войны, которые, как ни странно, являлись для этой эпохи одним из средств общения. Ведь французские феодалы и русские удельные князья тоже постоянно воевали друг с другом, но это не нарушало единства королевства Франции или Великого Киевского княжества.

Изучение этно-социальной системы целесообразно лишь в целом. Даже если нас интересует только какая-нибудь деталь, то все равно надо окинуть взором всю систему, найти место этой детали, установить ее соподчиненность в системной иерархии, взаимосвязи, а уж потом говорить о той части, которая заставила поставить проблему.

Переведем эти соображения на почву исторической географии и этнографии. Сочетание зональных и азональных ландшафтов Евразии через типы хозяйства разных народов определило возникновение системной целостности, включавшей в себя как славян-земледельцев, так и охотничьи племена финно-угров, рыболовов низовий Волги – хазар и Дона – бродников, а также кочевых скотоводов степной зоны. Эта целостность противостояла на востоке – Китаю, на юге – мусульманским странам Ближнего Востока, на западе – романо-германской Европе, перенесшей в XIII в, колониальную агрессию из Палестины на Русь и Прибалтику. Эта картина, очевидная в равномерном приближении, нарушена одним только сочинением – «Словом о полку Игореве», где незначительный пограничный инцидент дан крупным планом, т.е. вне масштаба. Естественно, что в таких случаях требуется внести коррективы и привести степень приближения к единому масштабу. После этого все сомнения отпадают [117а)].

Сначала условимся о значении терминов. Существует мнение, что этносфера создавалась при появлении человека, причем именно этот момент именуется этногенезом, а потом этносы лишь меняются местами, как карты в пасьянсе. Эту точку зрения я не принимаю, как не

объясняющую ни одного сложного вопроса этнической истории. Наоборот, я считаю этногенез, понимаемый как возникновение и уничтожение этноса, постоянно идущим творческим процессом, а видимые и известные в истории этносы – фазами этногенеза. Но поскольку этносы возникают и исчезают отнюдь не синхронно, то надо счесть этническую историю серией дискретных этногенезов, постоянно взаимодействующих друг с другом.

Этносы имеют системную природу. Это значит, что в основе этноса лежит не похожесть особей, его составляющих, а связи, цементирующие коллектив и простирающиеся на природные особенности населяемого данным коллективом ландшафта. Наряду с пространственными связями этнос формируется связями временными, т.е. традицией.

Как всякая системная целостность, этнос бесконечно делим на субэтнические единицы: подсистемы, звенья, блоки и, наконец, элементы [170 - Под подсистемами понимаются субэтносы; блоки – конвексии; звенья – консорции; элементы – части целого, не могущие существовать вне целого, – люди.] [110, с.92] Группы этносов, возникшие одновременно и противопоставляющие себя всем прочим, – суперэтносы, целостности, стоящие на порядок выше этносов, наблюдаемых непосредственно. Суперэтносы [171 - Суперэтносы – группа этносов, возникших вследствие пассионарного толчка в определенном географическом регионе [116 с.70–80].] реальны, но столь велики, что, как правило, умопостигаемы. Однако именно этот уровень исследования дает нам возможность разобраться в поставленной задаче, подобно тому как для обозрения готического собора надо отойти настолько, чтобы он был виден весь на фоне неба.

Предлагаемый подход принципиально исключает качественные оценки явлений, но зато позволяет установить механизм процессов этногенеза, что и является нашей задачей.

Итак, системный подход, давая возможность широких обобщений, отнюдь не мешает точности изучения деталей. Так, на пейзажах старинных мастеров второстепенные фигуры только кажутся цветными пятнами. Будучи увеличены путем фотографии, они предстают перед зрителем как законченные, вырисованные до мелочей. Все на них верно, но в композицию они входят лишь постольку, поскольку они нужны.

Установив это, мы можем вернуться к соперничеству суперэтнических систем, наложивших отпечаток на политическую, экономическую, социальную и религиозную историю XI – XII вв., когда ойкумена Евразийского континента с добавлением Северной Африки вмещала в себя не «Восток» и «Запад», а пять больших суперэтнических систем, каждая из коих обладала собственной силой и слабостью. Западная Европа, носившая в то время название «Христианского мира», выбрасывала на восток храбрых рыцарей и предприимчивых купцов, сооружала замки и монастыри, совершенствовала науку, но страдала от соперничества пап с императорами и одних областей с другими. Последнее усугублялось тем, что средневековых наций было намного больше, нежели современных, и все они ревниво отстаивали свою самобытность друг от друга.

Так, на территории современной Франции, кроме бретанских кельтов и гасконских басков, жили аквитанцы, связавшие свою судьбу с Англией после того, как они посадили там свою династию – Плантагенетов; Арелатское королевство, нынешний Лангедок, подчинялось Священной Римской империи, а не Парижу; на берегах Средиземного моря жили провансальцы и каталонцы, которых поделили арагонская и французская короны. Политические границы не совпадали с этническими, что способствовало ожесточению при столкновениях, но войны велись не на истребление, а победа никогда не была полной, потому что ни папы не могли обойтись без светской власти, ни императоры не уничтожали института папства как такового. И наоборот, выступая против внешних врагов: пруссов, полабских славян, арабов, европейцы доводили войну до порабощения или истребления противника. Те же приемы войны они стихийно применяли против греческих и русских «схизматиков» и кельтов, если те не соглашались на церковную унию. Но в то время это означало

морально-интеллектуальное подчинение, что вызывало отчаянное сопротивление, остановившее средневековый натиск на восток.

«Мусульманский мир» был столь же разрознён политически и даже религиозно. Шииты, карматы, исмаилиты оставались мусульманами только на словах. Багдадские халифы пытались укрепить свой трон покупкой тюркских гулямов (рабов-воинов), но те взяли власть в свои руки, что открыло дорогу на запад туркменам-сельджукам. К концу XII в. сельджукский султанат распался на ряд мелких соперничавших княжеств, но по отношению к «гяурам» мусульмане выступали как нечто целое, включая даже камских булгар. Эти последние находились в зоне контакта с православной Русью и языческой Великой Пермью. По способу адаптации к ландшафту они не отличались от своих соседей. Однако торговые и культурные системные связи города Булгара с Ираном были действеннее, нежели воздействие географической среды. Они-то и сделали Волжскую Булгарию форпостом «мусульманского» суперэтнуса и противником владимирских князей.

Византия вместе с Грузией, Болгарией и Сербией составляли особый суперэтнос, умело отставивший себя от ударов с запада и востока. Здесь были слабы политические связи, но зато и не было такого ожесточения, как в католической Европе. Распри русских удельных князей или греко-болгарские столкновения далеко уступали по размаху войне гвельфов с гибеллинами и даже подавлению альбигойцев, вызвавшему организацию первой инквизиции. Но зато против внешних врагов византийцы XI – XII вв. только оборонялись.

В Азии были два больших суперэтнуса – Индия, постоянно захватываемая мусульманами, и Китай, политически разделённый на северную (чжурчжэньскую) империю Кинь и Южную Сун, включавшую в себя много тибето-бирманских, тайских, малайских и других народов, обитавших в джунглях бассейна Хуншуйхэ. На этих мы останавливаться не будем.

Но мы можем сказать о Великой степи, тянувшейся от Китайской стены до Карпат. В XII в. западная ее часть, как будет показано ниже, была объединена с Русью. Тюрки, принявшие ислам, – карлуки, канглы, ягма, чигили и др., – вошли в сферу мусульманского суперэтнуса. А монголы, карайты и найманы? Вспомним, что три четверти этих кочевников еще в XI в. стали христианами-несторианами; монголы-митраисты, захватившие в 1200–1206 гг. гегемонию в степи, оказались вынуждены считаться со своими многочисленными подданными, превратившимися в соратников. В результате там создалась сложная этнокультурная химера – христианский народ под управлением языческой династии. Просуществовала она только до середины XIII в. и распалась в жестокой войне между пекинским ханом Хубилаем, опиравшимся на наемное войско, и его народом, возглавлявшимся Аригбугой и Хайду, причем западные монголы стали называть себя ойратами.

Изоляция на Европейском континенте была возможна лишь для циркумполярных народов Сибири и побережья Белого моря [172 - Самодийцы, ненцы и угры, пришедшие в эти районы в III – V вв. из степей, подвергшихся засухе [98, с.118–131].], да и то она часто нарушалась, то эвенками, то якутами. Отметив это общее деление, перейдем к нашему главному сюжету – Древней Руси.

Как известно, при своем появлении в Восточной Европе славяне делились на племена, которые уже в начале XII в. сохранились только в памяти авторов «Начальной летописи». Это естественно. Этническая интеграция шла интенсивно вокруг больших городов, где прежние племенные различия в новых условиях теряли значение. А.Н. Насонов описывает Русь XI – XII вв. как систему «полугосударств» [198], стоящих на порядок ниже, нежели «Русская земля»: 1. Новгородская республика с пригородами; 2. Полоцкое княжество; 3. Смоленское княжество; 4. Ростово-Суздальская земля; 5. Рязанское княжество; 6. Турово-Пинская земля; 7. Русская земля, включавшая три княжества: Киевское, Черниговское и Переяславское; 8. Волынь; 9. Червонная Русь, или Галицкое княжество. К этому списку надо добавить завоеванную Владимиром Мономахом половецкую степь между

Доном и Карпатами, но Великий Булгар, задонские кочевья половцев, аланские земли на Северном Кавказе и Волжская Хазария лежали по ту сторону русской границы.

Внешнеполитическое положение Древней Руси было исключительно благоприятно. Южные империи – Византия и Арабский халифат – находились за морем, были заняты войной друг с другом и поэтому не были опасны для Руси. Запад был с XI в. агрессивен, но барьер из авар и венгров на Дунае, славян – на Эльбе и балтов сдерживал аппетит немцев до XIII в. Викинги были опаснее, но славяно-россы сумели парализовать их поползновения. Открытой была юго-восточная граница, за которой возникали коллизии, иногда очень опасные для Киевского государства, основанного задолго до Рюрика. Б.А. Рыбаков предполагает, что Кий, как историческое лицо, был современником Юстиниана и, следовательно, историю Руси следует вести с VI в. [230, с.42 и след.]. Соглашаясь с этой гипотезой, отметим, что за VI – X вв. Руси пришлось бы вести две большие войны: одну с аварами (обрами), другую с Хазарским каганатом. Так оно и было, но летопись об этих событиях рассказывает нарочито скупо. Как быть историку?

По нашему мнению, разделяемому не всеми, задача науки не только в том, чтобы констатировать известные факты, но еще и в том, чтобы путем анализа и синтеза устанавливать факты неизвестные и в источниках не упомянутые. Одним из наиболее эффективных способов исторического синтеза является применение системного подхода, осуществляемого следующим образом.

Представим себе автора литературного произведения или источника и того читателя, к которому автор адресует свой труд как простую систему односторонней информации. Иными словами, автор убеждает читателя в том, что тот не знает или чему тот не верит, но может узнать или поверить при достаточно талантливом рассказе. Проходят годы, а иногда века. Автор и читатель умерли, но произведение осталось. Значит, сохранилась его направленность, благодаря чему мы можем сообразить, что читатель-современник, который держался иных взглядов, нежели автор, был либо переубежден и зачарован его талантом, либо остался при своем мнении. В любом случае это незаписанное мнение читателя восстанавливается с известной степенью точности. Последняя может быть повышена, если нам известна историческая обстановка и события, актуальные для изучаемой эпохи.

Применим этот подход к занимающему нас сюжету. В древнерусской литературе сохранилось много религиозных произведений, поучений, житий, молитвенников и т.п. Значит ли это, что с 988 г. на Руси не было язычников? Скорее наоборот. Их было много, и потому проповедь православия была для авторов-монахов необходима. С этим, пожалуй, никто спорить не станет, но другая тема – необходимость борьбы с половцами и монголами – принимается большинством историков как трюизм. А ведь обилие летописных и поэтических призывов к этой борьбе должно указывать на то, что необходимость ее осознавалась далеко не всеми читателями. По-видимому, среди русичей XII – XIII вв. было немало таких, которые не разделяли взглядов автора «Слова о полку Игореве». Так попробуем отыскать их окольным путем – через историю.

Прежде всего необходимо установить, в какие эпохи Степь была настолько сильна, что угрожала самостоятельности Руси, начав обзор с IX в. Согласно летописи, поляне, северяне и вятичи платили дань хазарам [213], т.е. были их подданными. Это подчинение, видимо, произошло после 839 г., когда в Вертинских анналах, у Ибн Русте, Гардизи и в «Хулуд Аль-Алам» упоминается «каган Рос» как самостоятельный государь [11, с.366, прим. 5], В 882–885 гг. Олег освободил от хазар славянские племена, кроме вятичей, но затем в летописи идет хронологический пробел, что показывает на отсутствие успехов на хазарском фронте. В 932 г. хазары начали войну с Византией, а в 939–940 гг. разгромили вождя русов Хельги (т.е. Игоря) и заставили его в 941 г. выступить против греков. В этой войне он был разбит [167, с.119–120]. Это хорошо известный поход Игоря, закончившийся катастрофой, ибо русский

флот был сожжен греческим огнем.

Опасность для Руси была налицо. Перевес сил был у врага, так как наличие сильного Хазарского каганата на Волге, естественно, сказывалось на консолидации как кочевых, так и оседлых племен Восточной Европы. Хазарский царь, глава правительства, опирался на наемную мусульманскую гвардию [11, с.406–408], вербуемую в Хорезме и оплачиваемую за счет доходов от транзитной торговли. Один караванный путь шел через Хазарию из Китая в Прованс [173 - В X в. благодаря деятельности еврейских купцов-рахдонитов («знающих пути», перс.) не только в Китае узнали о Хазарии, но в самом Итиле стал известен китайский язык. См. [75, с.131].], а другой из Персии в Великую Пермь [163]. Благодаря этому в X в. Хазария была гегемоном Каспийско-Черноморского бассейна и состояла в союзе с мусульманскими правителями Ближнего Востока, направленном против Византии. Историей зафиксировано несколько походов русов на Каспий через Волгу, причем русы выступали как неравноправные союзники Хазарии в войне против шиитов Дейлема, нарушивших нормальную торговлю Итиля с суннитским Багдадом [122, с.164–174]. В 913 г. русы, направленные против шиитов в Гилян, были отбиты, но на обратном пути ограбили побережье Азербайджана, где располагались владения Саджидов, суннитов и союзников Хазарии. За это хазарский царь разрешил своим мусульманским воинам перебить русов, остановившихся на отдых около Итиля и переславших царю долю добычи. Предательство осталось неотмщенным.

Второй поход был в 943 г., после вышеотмеченной победы хазар. Русы захватили город Бердаа, но, ослабленные эпидемией и оставленные без помощи, пробились к морю и ушли назад. Судьба этих русов неизвестна.

Положение дел резко изменилось после гибели последнего варяжского конунга – Игоря Старого, убитого древлянами. А.А Шахматов убедительно показывает участие в перевороте группы оппозиционных дружинников, базировавшихся в Вышгороде [257, с.109, 365]. Можно думать, что здесь играло главную роль соперничество славянороссов с пришлыми варягами. Но так или иначе, как только киевский престол занял младенец со славянским теофорным именем – Святослав, политика Киева резко изменилась: был заключен союз с Византией и возобновлена война с Хазарией, закончившаяся в 965–966 гг. полной победой русов.

Изобразить поход Святослава как набег славянского викинга неправильно, несмотря на то что он не пытался закрепить за Русью Поволжье. Для безопасности Киевской державы достаточно было сломать систему, объединявшую степные народы. Население Прикаспия осталось этнографически неизменным, но лишилось общественной структуры и координации. Став разобщенными, малочисленные племена асов, черкесов, аланов, готов-тетракситов, печенегов и торков не могли быть угрозой для самостоятельности Киевского каганата, объединившего под своей державой не только славян, но и финские племена севера, что дало князьям Рюриковичам огромные богатства, а следовательно, увеличение военной силы. Вражда русов с Хазарией лежала не в этнической, а в социальной плоскости. Это было сопротивление купеческой верхушке Итиля.

В X в. Хазария лишилась и своей сельскохозяйственной базы. Дельта Волги в X в. была почти на две трети залита водами Каспия, поднявшего свой уровень на три метра [73, 74, 291, 292]. Население Хазарии было вынуждено отступать в степи, интенсивно усыхавшие, потому что трансгрессия Каспия совпадает с аридизацией степной зоны Евразии [81]. Хазары, потеряв не только торговую столицу, но и область, ее кормившую, превратились в мелкие народы, разделенные религией. Волжские хазары обратились в ислам, а донские стали православными и впоследствии стали называться «бродниками». Историческая судьба определила их этническую дивергенцию [83, с.175–178].

Русские князья господствовали над Причерноморьем, опираясь на крепости Белой Вежи и

Тьмутаракани вплоть до середины XI в., когда сюда вторглись половцы. Тогда положение Руси несколько осложнилось, но не слишком и не надолго. Чтобы избежать банальных ошибок, надо учесть некоторые особенности кочевого быта.

Кочевые народы Евразии в средние века выработали две формы социального устройства: орду и племенной союз. Орда – военная организация, где мужчины служили хану. Племенные союзы объединяли свободных кочевников, управлявшихся родовыми старейшинами, и число родовичей не могло расширяться свыше членов рода. Поэтому межплеменная координация была невозможна и силы каждого племени ограничены [94, с.60–63]. Такowymi были торки, печенеги и половцы. Именно поэтому они стали жертвой монголов, создавших в 1206 г. орду, т.е. военную организацию, пополнявшуюся за счет покоренных народов. Только в XIII в. объединенная Степь перешла в наступление против могучих оседлых соседей: Китая, Хорезма и Тангута. Аналогичная ситуация наблюдается в Восточной Европе.

Степные просторы Северного Причерноморья всегда были удобны для развития скотоводства. Поэтому в Восточную Европу переселялись азиатские кочевники: печенеги, торки, половцы и, наконец, монголо-татары. Разумеется, эти миграции были связаны со столкновениями с местным населением – славянами, хозяйство которых базировалось на лесных массивах. Однако кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческим, потому что обмен продуктами одинаково важен для обеих сторон. Поэтому мы наблюдаем, наряду с военными столкновениями, постоянные примеры симбиоза. Печенеги осели в Добрудже, где на короткое время, стали союзниками Византии. Торки поселились в правобережье Днепра и поставляли пограничную стражу для киевских князей.

Половцы, наиболее сильный и воинственный народ, после первых столкновений с русичами сделались союзниками черниговского княжества. Даже монголы постарались найти опору в Северо-Восточной Руси. Батый заключил союз с Александром Невским, который стал побратимом его сына Сартака.

И это не случайно. Экономико-географическое единство региона, в котором сочетаются зональные и аональные (речные долины) ландшафты [82], определяло необходимость создания целостной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую. Разумеется, это не исключало столкновений, тюдчас кровавых, и это-то бросалось в глаза современникам событий. Авторы XII – XVI вв. фиксировали свое внимание на событиях экстраординарных, посвящали им яркие страницы. Но было бы ошибочно не замечать общего фона, который для летописцев и их читателей был настолько очевиден, что они не уделяли ему внимания. Именно поэтому самое пристальное изучение летописных сведений может дать только искаженную картину событий. Однако привлечение широкого материала из истории окрестных стран позволило А.Ю. Якубовскому отнестись критически к банальному пониманию истории Руси и половецкой степи как вечной войне не на жизнь, а на смерть. Еще в 1932 г. он писал: «Русская буржуазная историография, заполненная рассказами о военных столкновениях с половцами, не сумела заметить того факта, что для отношений между русскими княжествами и половецкой степью более характерными и нормальными являются не войны и набеги, а интенсивный товарообмен» [265, с.29].

Действительно, только такая концепция соответствует несомненным фактам, что с X по XII в. функционировали торговые пути из Киева к Черному и Азовскому морям и посреди степи стояли русские города: Белая Вежа на Дону и Белгород в низовьях Днепра. Что же касается постоянных военных столкновений, то они имели место внутри самой Руси, как княжеские междоусобицы [17].

Что же касается политического единства степных народов X – XII вв., то это миф. Постоянные столкновения из-за пастбищ усугублялись институтом кровной мести, не

оставлявшей места для примирения, тем более объединения. Степной хан мог скорее найти компромисс с русским князем, считавшим, что «за удаль в бою не судят», нежели с другими степняками, полностью связанными родовыми традициями. Поэтому-то покинули родную степь венгры, болгары и аланы, уступившие место азиатам: печенегам и торкам, которых в Сибирских и Аральских степях теснили куманы (половцы), – именно в то время, когда в Русской земле креп могучий Киевский каганат. Так можно ли думать, что этому суверенному государству могли угрожать разрозненные группы беглецов, тем более что кочевники не умели брать крепости? А набеги и контрнабеги – это малая война, характерная для всех стран Средневековья.

Племенная вражда между печенегами и торками, а также постоянные войны кочевников с Болгарией и Венгрией повели к ослаблению этих нестойких племенных союзов. В 992 г. печенежский набег на Русь кончился их поражением. В 1036 г. Ярослав Мудрый разгромил их так, что западное объединение печенегов распалось. В 1060 г. Всеволод, Изяслав и Святослав Ярославичи, а с ними Всеслав Полоцкий пошли походом на торков, которые, «убояшася, побегаша» на Дунай, и вернулись оттуда с просьбой принять их в подданство, что и было осуществлено.

Несколько более серьезно было появление половцев, но главным образом потому, что оно совпало с обострением междукняжеских усобиц. Действительно, в 1068 г. половецкий отряд в 12 тыс. всадников нанес поражение дружине князей Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского. Святослав Черниговский месяц спустя, имея всего 3000 ратников, разбил этот отряд половцев [239, кн. I, с.354]. Отсутствие на Руси сильной власти, способной координировать огромные силы богатой страны, задержало достижение победы над мобильным, но тоже плохо организованным врагом. Когда же Владимир Мономах навел порядок на Руси и в 1115–1116 гг. перенес войну в степь, половцы были разбиты, расколоты на несколько племенных союзов и нашли себе применение в качестве союзников тех князей, которые нанимали их за плату. «Дикие» половцы остались за Доном и стали союзниками суздальских князей.

Решающую роль в ослаблении половцев сыграло, с одной стороны, их слишком широкое распространение, от Алтая до Карпат, а с другой – широко практиковавшаяся эмиграция: например, в Грузию по приглашению Давида IV уехал хан Атрак в 1118 г. с 20 тыс. воинов. Не реже появлялись половцы в Болгарии, Венгрии и Византии, а множество их продавалось на невольничьих базарах Ирана и Египта, где их превращали в гулямов – гвардейцев-невольников мусульманских султанов. Там они делали карьеру и даже достигали царской власти, как, например, Ильдегиз, основавший собственную династию.

С.А. Плетнева отмечает, что «в условиях почти ежегодно заключаемых мирных и брачных договоров многие половцы начали уже в середине XII в. переходить (часто целыми родами) в христианство. Даже сын и наследник Кончака Юрий был крещен» [211, с.461]. В.Т. Пашуто подсчитал, что, несмотря на разность русских князей, половецкие набеги коснулись лишь 1/15 территории Руси [207, с.213], тогда как русские походы достигали до Дуная и Дона, приводя половецкие коши к покорности.

Действительно, если бы половцы не капитулировали своевременно, а продолжали бы войну против Руси, то они были бы начисто уничтожены. Телеги, запряженные волами, движутся по степи со скоростью 4 км в час, а по пересеченной местности еще медленнее. Зато русская конница на рысях могла проходить 15 км, а хлынцой (быстрым бегом) – 8–10 км в час. Значит, кочевья были фактически беззащитны против русских ударов, тем более что легкая половецкая конница не выдерживала натиска тяжеловооруженных русских, а маневренность не имела значения при обороне жен и детей на телегах. Наконец, половецкие зимовья не были ни мобильны, ни укреплены, тогда как русские крепости надежно защищали их обитателей, а лес – всегда надежное укрытие для беглецов.

Половецкие ханы были бы глупцами, если бы они не учитывали всех этих обстоятельств. Но они были умны и предпочитали союзы с князьями черниговскими, галицкими и суздальскими против киевских, поскольку те опирались на торков, с которыми у половцев была вражда. Именно поэтому набег Игоря Святославича в 1185 г. оказался для Кончака и Гзы полной неожиданностью, но эта авантюра не меньше удивила русских князей и вызвала всеобщее осуждение за непродуманность и бесперспективность [231].

Лаврентьевская летопись была написана в 1377 г., перед грандиозным разрывом Руси с Поволжьем, который имел следствием Куликовскую битву. Тогда соотношение сил и этно-культурных доминант резко изменилось: православная партия, представленная на Руси Сергием Радонежским, а в Византии – Иоанном Кантакузином и афонскими старцами, выступила против католическо-мусульманского блока, представленного в Литве – Ягайлом, в Константинополе – Палеологами, в Золотой Орде – Мамаем, противником Тохтамыша. Мних Лаврентий учитывал политическую конъюнктуру, но мы постараемся извлечь из его летописи крупницы достоверной информации.

При подборе сведений о русско-половецких столкновениях по Лаврентьевской летописи оказывается, что за 180 лет (1055–1236 гг.) половцы нападали на Русь – 12 раз; русичи на половцев – 12 раз и совместных русско-половецких операций в междоусобных войнах было 30.

Но если мы рассмотрим период после похода Мономаха, завоевавшего степи от Дона до Карпат, то характер столкновений изменится значительно, причем уместно разобрать и проверить примеры, приводимые как доказательство «жестокой вражды» между «своими погаными» и русскими князьями [140, с.83–84].

1120 год

«Ярослав ходи на половци за Дон и не обрете их воротися» (стб. 292). Так можно ли пройти по вражеской земле 1000 км без столкновения с неприятелем?

1125 год

«Битва с половцами Ярополка» (стб. 295–296) на самом деле – набег половцев «на торкы проклятыя», кровных врагов половцев, которым Ярополк Владимирович оказал помощь.

1152 год

«Тогда же Мстиславу Изяславичу поможе Бог на половци: самех прогна, а веже их пойма, и коне и скоты их зая и множество душ христьяных отполони» (стб. 339). Это «тогда же» происходило во время похода Юрия Долгорукого на Изяслава, когда в 1149 г. Юрий призвал на помощь половцев (стб. 331, 323–4, 328). В 1152 г. сын Изяслава, Мстислав, нанес удар союзникам своего противника, т.е. налицо обычное участие половцев в междоусобице (стб. 330–335, II, 787).

1153 год

«Посла Изяслав сына своего Мстислава на половци к Песлу, зане пакостяхуть тогда по Суле, он же не нашед их и възвратися вспять» (стб. 340).

1154 год

«Тое же весны пришедше половци воеваша по Роси» (стб. 345). На самом деле их привел Глеб Юрьевич, «вборзе» разбил волынских князей (стб. 342–3), но берендеи разбили половцев, которые поссорились с Юрием Долгоруким и уехали в степь (там же).

1169 год

«Поход половцев на Киев и Переяславль» (стб. 357–361). Не было похода! 3 тыс. половцев пришли заключать договор с Глебом Юрьевичем, но часть их по пути произвела грабежи и была разгромлена 1500 берендеев. Учтем, что средние армии того времени – 50 тыс.; значит, половцев в этот раз было 6% от нормального войска.

1171 год

«Тое же зимы придоша половци на Киевскую сторону и взяша множество сел» (стб. 362). При отходе половцев изрубили торки и берендеи и освободили полон – 400 чел. (стб. 363).

Историками правильно отмечается жестокость половцев как активной силы в междоусобицах. Не буду их хвалить, но были ли русские дружинники добрее? И имеет ли это отношение к политическим коллизиям, когда русские князья использовали не только половцев, но и торков, ливов, ятвягов как наемные войска? Надо думать, что вопрос об их добросердечии князей не интересовал.

Но, пытаясь опереться на цитату, иногда совершают очередной промах. Под 1223 г. есть запись: «Много бо зла створиша ти окаяннии половци Руской земли, того ради всемилостивый Бог хотя погубити и наказати безбожнныя сыны Измайловы куманы, яко да отомстят кровь христьянску, еже и бысть над ними безаконными» (стб. 446). Этот же текст имеется в более внятной форме в том же томе ПСРЛ (стб. 505), но здесь это теологическое обоснование звучит из уст татарских послов: «...мы вашей земли не заяхом, ни городов ваших, ни сел, ни на вас приидохом, но приидохом Богом поущени на холопи наши и на конюси свои на поганыя половци, а возьмите с нами мир, а нам с вами рати нет» (стб. 505). Как известно, князья убили послов и выступили в защиту половцев против отходящей армии монголов. Как это объяснить? И почему в рукописи, переписанной монахом Лаврентием для Дмитрия Константиновича Суздальского в 1377 г. (с.IV), мотив осуждения половцев перекочевал из уст монгола в уста летописца? И, наконец, так ли уж было на самом деле справедливо осуждение половцев, остававшихся союзниками Руси во время войны с Батыем в 1237–1240 гг.?

Если же взять текст целиком, то получится, что монголы несли в мир справедливое воздаяние грешникам, а русские князья выступили в защиту жестоких преступников. Принимать этот тезис целиком – абсурд. Но все объяснимо, если вместо цитат за единицу исследования принять системы взаимосвязанных фактов и учитывать их естественную логику, что ныне называется моделированием исторической ситуации. При этом получается, что Русская земля, в широком смысле слова, была комплексом многих этносов, населявших монолитную территорию Восточной Европы. Славяне, среди прочих, были ведущим этносом, наиболее инициативным и восприимчивым к византийской культуре, позволявшей им противостоять другим суперэтническим целостностям, весьма агрессивным и потому опасным. Границы древнерусского суперэтноса были очерчены в XII в. четко.

Булгары в это время относились к «левантийскому» или «мусульманскому» суперэтносу; крымские готы – к византийскому; литовцы, латыши и ятвяги – к балтийскому; поляки и венгры уже вошли в западноевропейский суперэтнос, а победа немецких крестоносцев над полабскими славянами превратила Западную Европу в монолитную культурно, хотя и мозаичную этнически, целостность, которая в XII в. находилась на подъеме и неустанно, хотя и не всегда удачно, расширяла свой ареал, что в XIII в. привело к кризису.

Итак, раздробленность восточных соседей Руси, и отдаленность западных сводили внешние конфликты в XI – XII вв. к минимуму. Подлинным бичом страны были междоусобицы, которые мы теперь называем «феодальными войнами». Но, к несчастью, они были не только феодальными.

Война всегда дело дорогое, а удельные князья собственных доходов имели мало. Для того

чтобы содержать 50 тыс. ратников и в более позднее время требовались ресурсы большой страны [174 - Эдуард III высадился в Нормандии в 1346 г., имея тысячу рыцарей, 4 тыс. всадников и 10 тыс. англосаксонских и валлийских стрелков. С этими силами он выиграл битву при Креси (308, 1937, р.222). Генрих V в 1415 г. повторил операцию, имея 2500 ратников и 8000 стрелков; с обслугой и транспортом – около 30 тыс. человек... и выиграл битву при Азенкуре (там же, р.262). А ведь это крупнейшие операции целого королевства Англии.]. А ведь с таким войском Андрей Боголюбский шел на Киев в 1169 г. и столько же выставил против него Мстислав Волынский [175 - В.В. Каргалов оценивает численность русских военных сил в начале XIII в. в 100–110 тыс. человек [см. 49, с.79].]. Эта большая война была немыслима без участия населения Суздальской земли и Волыни. И не случайно, что в историографии спор старшей и младшей линии Мономашичей считался началом разделения Руси на Северо-Восточную и Юго-Западную. Однако, дело обстояло еще сложнее.

Обратим внимание на то, что во второй половине XII в. традиционная вражда Мономашичей и Ольговичей отступает на второй план, а обособленное Полоцкое ство почти не принимает участия в «феодалных войнах», хотя там княжила линия потомков Рогнеды и ее сына – Изяслава, не входившая в «ряд Ярославль» [176 - В то время еще не было деления на великорусов, украинцев и белорусов. Это были столкновения внутри единого древнерусского этноса.].

Спросим себя, откуда брали средства для походов изгой, – т.е. люди, лишенные не только власти, но и имущества? То, что они хотели получить свою долю наследства отцов, понятно, но ведь одного желания мало. Очевидно, они имели мощную поддержку, но от кого? Вот тут-то и ключ к загадке.

Просмотрим, для примера, биографию Олега Святославича, исключенного из престолонаследной очереди (лествицы) на том основании, что его отец умер раньше старшего брата Изяслава, вследствие чего его место в лестнице занял Владимир Мономах.

В 1076 г. осиротевший, но еще не обиженный Олег дружил с Владимиром Мономахом и даже крестил его сына Мстислава. В 1077 г. он получил стол в Чернигове, но был вынужден уступить его дяде – Всеволоду Ярославичу. Это не привело к ссоре, так как он жил у своего дяди и крестил другого сына Мономаха. И вдруг 10 апреля 1078 г. Олег бежал от Всеволода в Тьмутаракань и 25 августа пришел с Борисом Вячеславичем и половцами отбивать Чернигов. Поход кончился битвой на Нежатиной Ниве, в которой Погиб великий князь всей Руси Изяслав Ярославич. Ну можно ли думать, что вся война была затеяна из-за Олегова каприза [177 - «Олег надеялся на свою правду, потому что он был прав» [239, кн. 1, С.380].]? И откуда добыл он средства для столь большого похода?

Далее, после смерти великого князя Всеволода (13 апреля 1093 г.) Олег должен был, согласно «лестнице», занять черниговский стол, так как его старший брат Давыд сидел в Смоленске. И он его занял с боями, вытеснив оттуда Владимира Мономаха, который не посчитался с родовым старшинством. Черниговское население четко высказалось в пользу Олега. Отсюда и пошла вражда Олега с Владимиром, обострившаяся из-за того, что Олег отказался выдать на смерть гостившего у него половецкого князя. Спор князей решили симпатии населения.

Здесь успехи Олега окончились. Он перешел к обороне, но черниговскую землю для своих сыновей сохранил. Однако попытка Ольговичей овладеть Киевом в 1135 г. кончилась катастрофой 1146 г., ибо киевляне заявили: «Ольговичей не хотим». Игорь Ольгович был зверски убит, не своим победителем Изяславом Волынским, а толпой киевлян. Давидовичи (дети Давыда Святославича) предали Ольговичей, но те удержались потому, что, видимо, черниговцы так же не хотели Мономашичей, как киевляне – Ольговичей. Но если так, то здесь не только феодальная война, а и соперничество двух субэтносов: киево-волынского и

чернигово-северского, причем в основе тех и других лежат разные этнические субстраты.

Конечно, приравнять киевлян XI – XII вв. к полянам, а черниговцев – к северянам нелепо, но нельзя не отметить, что на месте племен, т.е. этносов, исчезнувших вследствие этнической интеграции и превратившихся в единый древнерусский этнос, снова возникают субэтноты, на этот раз с территориальными наименованиями, но с аналогичной функциональной нагрузкой. Пусть суздальцы сложились из кривичей, мери и муромы, новгородцы – из словен, кривичей и веси (вепсов), рязанцы из вятичей и муромы, полочане – из кривичей, ливов и леттов, но эти новые этносы, даже утерев традиции предков, несли функциональную нагрузку: поддерживать целостность большой этнической системы – Руси – способами, для них привычными, в том числе междоусобицами.

Звучит это парадоксально, но вдумаясь. Постоянные вмешательства в дела друг друга исключают равнодушие, а только последнее ведет к отчуждению. Именно благодаря постоянному взаимодействию, по тем временам не мыслившемуся без борьбы, изолированные этнические группы поддерживали свой этнос, а на базе его и суперэтноса, ибо в понятие «Русская земля» входили угорские, финские (меря, мурома), балтские (голядь) и тюркские племена (гужи, куманы), являвшиеся компонентами суперэтнической целостности. Например, союз с торками был традицией киевских и волынских князей, а союз с половцами – князей черниговских [118]. Последних осуждает за это не летописец, а поэт – автор «Слова о полку Игореве». Это он назвал Олега Святославича – Гориславичем и приписал ему вину за «обиду» русской земли. Думается, что его мнение было пристрастным, что я постарался показать в своей книге, рассмотрев вопрос на почве фактов [107, с.309–310].

Но если так, то инициаторами междоусобиц были не князья Рюрикова дома, а их окружающие, кормящие их и требующие с них за это вполне определенной работы, т.е. войны с соседями, с которыми они соперничали и боролись за власть в своей области и за гегемонию во всей Руси. А ведь так оно и было. И не только в Новгороде и Галиче, где подчиненное положение князей зафиксировано историей, но и во всех других полугосударствах Древней Руси. Инициатива действий принадлежала не князьям, а безымянным представителям различных социальных групп, объединявшихся по принципу «землячеств», вследствие чего увеличивались различия между отдельными городами. Во Владимире на Клязьме бояре убили, а холопы предали Андрея Боголюбского; толпа киевлян растерзала Игоря Ольговича; смоляне не дали в обиду своих Ростиславичей киевлянам и вместе с черниговцами расправились с «матерью городов русских», отдавшей предпочтение волынскому князю Роману, что отметил автор летописи: Рюрик... 2-го января 1203 г. в союзе с Ольговичами и «всею Половецкою землею» взял Киев. «...И сотворися велико зло в Русстей земли, якоже зла не было от крещения над Киевом... Подолье взяша и пожгоша ино, Гору взяша и митрополью святую Софью разграбиша и Десятинную (церковь)... разграбиша и монастыри все и иконы одраша... то положиша все себе в полон». Далее говорится, что союзники Рюрика – половцы – изрубили всех старых монахов, попов и монашек, а юных черниц, жен и дочерей киевлян увели в свои становища [213, т. 1, стб. 418–419].

Конечно, это ужасно, но кто виноват? Половцы, которым вместо платы позволили грабить, князь Рюрик Ростиславич или его вдохновитель Всеволод Большое Гнездо? И ведь кроме половцев, Киев брали черниговцы, приведенные Ольговичами: так что же, они не грабили?

И самое неожиданное тут то, что создание антикиевской коалиции, дипломатическая подготовка войны, наем половцев на службу за обещание разрешить им разграбить «мать городов русских» осуществил сам Игорь Святославич, ставший из новгород-северского князя черниговским князем, герой «Слова о полку Игореве», о чем пространно и убедительно повествует Б.А. Рыбаков [231, с.288–290]. Этот факт говорит, что древняя традиция межплеменной вражды полян и северян, возродившаяся как соперничество Киева и Чернигова, оказалась еще в XIII в. настолько живучей, что по сравнению с ней померкли

пограничные стычки между русичами и половцами.

И с другой стороны, Роман Мстиславич для защиты Киева привлек торков, которые мужественно отстаивали столицу Руси, сражаясь со своими заклятыми врагами – половцами. Это показывает, что Русь и завоеванная ею Степь составляли в XII в. единое, хотя и не централизованное государство, находившиеся в XIII в. в состоянии глубокого кризиса, выражавшегося в ожесточении междоусобных войн [178 - И здесь я опираюсь на книгу Б.А. Рыбакова, анализирующего текст «Слова о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава» – «А в ты дни болезнь крестьянам...». Эта «болезнь», по мнению Б.А. Рыбакова, «не связана ни с половецкой угрозой, ни с татарским нашествием; болезнь, ведущая к погибели, – внутренний разлад, разъедающий „светло-светлую и украсно украшенную землю Русскую“ [см. 231, с.80].].

Война между Правобережьем и Левобережьем Днепра продолжалась даже после битвы на Калке. В 1235 г. черниговские князья Михаил и Изяслав взяли Киев у Даниила Галицкого и держали три года, после чего обескровленный и полуразрушенный город, снова доставшийся галицкому князю, был взят в 1240 г. Батыем. Тогда Киев уже не был столицей Руси, и даже не первостепенным городом, резиденцией князя Даниила, бросившего свою страну и бежавшего в Польшу.

Но не все население Русской земли было в равной степени втянуто в междоусобные войны. В болотах Полесья и глухих чащах муромских лесов продолжали жить привычным бытом потомки вятичей [179 - Города вятичей упомянуты под 1196 г. [см.: 239, кн. 1, с.676].], дреговичей [180 - Земля дреговичей отнята Юрием Долгоруким у Изяслава Давидовича в 1149 г. [239, С.462].] и древлян [181 - Краниологический тип древлян, а не полян и северян, лег в основу современного украинского типа [2, с.299–300].], которых соперничество Ольговичей и Мономашичей не волновало. В социальном аспекте их можно назвать «отсталыми», а в этническом – реликтовыми этническими группами. По сравнению с горением страстей в городских центрах, жизнь этих реликтов можно уподобить тлению; но впоследствии они-то и сказали свое слово.

Неравномерность развития и разнообразие элементов являются обязательным условием устойчивости любой системы, в том числе и этнической. Следовательно, полиэтничность и разноукладность не разрушали, а укрепляли Дневнорусскую суперэтническую целостность, так ярко и красочно описанную авторами XIII в. в «Слове о погибели Русской земли» [16, с.182–184]. Но в середине XIII в. все переменялось. Так, значит, события второй четверти XIII в. рассматривались современниками как «погибель». В чем же она заключалась и почему произошла?

Как было показано, междоусобицы княжеств в XI – XII вв. мы должны рассматривать как «болезнь роста», фазу этногенеза, мучительную, но не угрожающую жизни этноса. Но столкновение с иными суперэтническими системами сулило куда более грозные последствия. В начале XIII в. вмешательство Запада в русские дела ограничивалось установлением военных союзов. Поскольку Польша и Венгрия находились в гвельфском блоке, Волынь выступила за гибеллинов, причем пал в бою князь Роман в 1205 г., а его соперники – черниговцы и суздальцы – установили контакты с папой и поддержали Новгород в его борьбе с Ливонским орденом, стоявшим на стороне Гогенштауфенов. Папа, воспользовавшись ситуацией, послал на Русь доминиканских миссионеров, но Юрий II выслал их из пределов своего княжества, так что от этих союзов большого вреда не возникло.

Но гораздо более сильной была травма 1223 г. – битва на Калке и 1224 г. – падение Юрьева, где ливонские рыцари пощадили пленных эстов, но не оставили в живых ни одного русского. С этой даты начались столкновения на суперэтническом уровне, так как балтский барьер был сломан немцами, а половецкий амортизатор – монголами. На месте «своих поганых», не

угрожавших самостоятельному существованию полиэтнической «Русской земли», появились народы чужие. Ситуация приобрела небывалую остроту, при которой междоусобицы превратились из привычного порядка в губительное явление. Половцев в XIII в. русичи считали «своими». Именно эта ситуация повела к тому, что в 1223 г. русские князья выступили в защиту половцев против монголов и сложили свои головы на Калке. Злейших врагов не защищают ценой своей жизни.

Надо признать, что в XIII в. на Руси чего-то не хватало. Об этом прямо говорит автор «Слова о полку Игореве»: «Усобица князем на поганья погыбе, рекоста бо брат брату: „Се мое, а то мое же“. И начаше князи про малое „се великое“ мльвите, а сами на себя крамолу ковати. А поганый всех стран прихождаху с победами на землю Русскую». И правильно, ведь только ослепление непомерным эгоизмом лишило князей Рюрика дома воли к сопротивлению иноземным вторжениям. Только их полная неспособность объединиться, даже при изменившихся условиях, позволила татарам взять поочередно Рязань и Владимир, Киев и Чернигов, литовцам – Полоцк, а ливонским рыцарям – разорить Псков. Автор «Слова о полку Игореве» все время подчеркивает, что храбрых и сильных воинов достаточно, военная техника – на уровне требований. Мы знаем, что и денег в торговых городах было в избытке. Не хватало лишь, как теперь бы сказали, творческой инициативы на широком общественном уровне. А это уже явление социальное: воздействие этногенеза на общественные процессы.

А ведь в конце X в. эта инициатива была в избытке. Ее хватило на освобождение от хазарского господства, на воссоединение Червонной Руси с Киевом, на походы новгородцев в «Каменному поясу» и на победу муромцев над мордвой в низовьях Оки, где князь Глеб основал Нижний Новгород. Так куда же она девалась?

Так как бесспорно установлено, что природные условия Восточной Европы, определяющие возможности и перспективы натурального хозяйства, были в XI – XII вв. стабильны, а социальная система консервативна, то причину столь резких изменений следует искать в характере этногенеза, процесса, идущего параллельно социогенезу [108]. При постоянном взаимодействии «истории природы и истории людей» [185, с.16, 19] неизбежно меняется и социальная и этническая психология, т.е. мотивы поведения и цели, на которые направлены усилия участников событий.

Этногенез – природный процесс, развивающийся по схеме: 1. Вспышка творческой активности и создание этносоциальной системы; 2. Акматическая фаза, кончающаяся кризисом, иногда фатальным для этноса; 3. Инерционная фаза, называемая «цивилизацией»; и 4. Персистирование (переживание), т.е. переход динамического процесса в гомеостаз. Вариабельность этой схемы определяется экзогенными воздействиями, которые сообщают каждому отдельному процессу неповторимый облик [128]. Последующие процессы связаны с прежними культурными традициями, но то и другое проходит на фоне социального развития, не ограниченного узкими рамками этнической истории.

Применим эту схему к нашему сюжету. Б.А. Рыбаков правильно указал, что история древних русов началась задолго до Рюрика. Ранняя ее фаза имела место в VI в., когда русы и анты (славяне) победили готов и поддержали гуннов. Акматическая фаза началась во время Кия и закончилась надломом, выразившимся в гибели Аскольда в 882 г. При Святославе надлом был преодолен, и русский этнос вступил в фазу постепенного угасания страстей, забвения идеалов и торжества себялюбия как социального императива поведения. Творческая энергия отдельных людей находила выход в составлении литературных произведений, сооружении храмов с дивными фресками, в выполнении шедевров ремесла, доходивших до степени искусства, и т.д. Но большая часть населения стала руководствоваться эгоистическими интересами, а не идеалами. Через несколько поколений наступила дезинтеграция этноса и кризис XIII – XIV вв. Однако новый взлет в конце XIV в. преодолел

этот гибельный процесс: с Куликовской битвы 1380 г. начался новый подъем России. Но по этому поводу надо писать не статью, а книгу.

Итак, в явлениях, описанных нами и последующих, требующих особого анализа и выходящих за пределы намеченной темы, просматривается стихийный процесс этногенеза в сочетании со спонтанным социальным развитием, вследствие которого в XIII в. возник кризис феодализма не только на Руси, но и в Западной Европе, и на Ближнем (мусульманском) и Дальнем (китайском) Востоке, в Византии и Грузии. Именно этот кризис объясняет грандиозные успехи монголов, но это новая тема, требующая специального изучения и выходящая за хронологические рамки нашего исследования.

Выбор веры [182 - «Истоки», 1989, вып. 20, с.373–376. Доклад дается по записи с голоса без текстовой обработки.]

Выступление в Ленинградской Духовной Академии на III Международной конференции, посвященной 1000-летию крещения Руси (31 января – 5 февраля 1988 г.)

Я буду предельно кратким. Перед тем как наша Святая Церковь пришла на Русь и произвела крещение нашего многогрешного народа, было столетие весьма острых коллизий, когда правительство и народ колебались в выборе одной из нескольких предлагаемых им вер.

В прошлом веке решение вопроса сводилось к изучению «Повести временных лет», где это изложено очень сжато в одной новелле летописца Нестора. Но благодаря работам А.А. Шахматова и Д.С. Лихачева мы можем относиться к «Повести временных лет» с некоторым недоверием. Критические работы Д.С. Лихачева натолкнули меня на мысль искать новые пути для решения проблем, которые оставались небесспорными, пути чисто исторические, которые в Писании определены одной фразой – «по делам их узнаете их». Дело в том, что источников IX века сохранилось мало и сведения их не очень достоверны. Поэтому лучше работать не по источникам, а по препарированным цепочкам фактов, что я и проделал. И пришел к следующим выводам, которые считаю достоверными.

Разрешите сначала сделать маленький пролог, вначале на Земле, а потом на Небе. И то и другое не займет у нас много времени.

Восточная Европа, где обитали предки современного русского народа, все время была этнографически пестра. Кроме славян, здесь жили русы. И славяне и русы, а также литовцы, латыши, другие прибалты, пруссы были весьма отрицательно настроены к христианству. Хазары находились во власти иудейского правительства, которое вело постоянную войну с Византией. Казалось бы, никаких шансов для того, чтобы христианская религия восторжествовала на этой земле, не было. Но следующий пролог происходил на Небе. Дело в том, что в сердцах людей заложена любовь к свободе и независимости, уважение к традициям, требование того, чтобы с ними считались, их понимали. Ни иудейское правительство Хазарии, ни жестокие обычаи языческих культов, в частности культа Перуна, требовавшего человеческих жертвоприношений, ни тенгрианский культ, идущий из Великой степи, не удовлетворяли сердца народа и, больше того, интересам правительства. И для того чтобы достичь собственного спасения и обеспечить это спасение своим ближним, спасение как на Земле, так и на Небе, нужно было сделать выбор веры из четырех вариантов – они описаны в «Повести временных лет». Можно было примкнуть к «Мусульманскому миру», который был тогда в расцвете, в кульминации своей культуры. Можно было примкнуть к католицизму, которое было на великом подъеме, развивалось... Можно было примкнуть к новому, возникшему только культу Перуна. Почему я говорю «новому», потому что он появился только в IX веке. Это не моя идея, а академика Б.А. Рыбакова, и в данном случае он прав. Это был новый культ, связанный с движением викингов, начавшимся в IX веке. До IX века, хотя имя Перун и встречается, в частности в работе Прокопия Кесарийского, но в совершенно ином изложении. Культ человекоубийственного бога, бога, требующего крови,

человеческих жертвоприношений, пришел на Восток, в Россию, вместе с викингами, во время их походов. Проник он и на Запад, достиг даже Америки. Но надо было выбирать. Первые варяжские князья, носившие титул Хельги, или Олег (это титул, это не имя собственное), весьма активно воевали с Византией. Но нашли себе союзника, как ни странно, в Хазарии. И вот тут-то перейдем к прологу на Небе. Дело в том, что с рождением Господа нашего Иисуса Христа на Землю снизошла благодать, породившая единобожие – теизм. Но раз существует теизм, с одним знаком, то должен существовать и атеизм – с противоположным знаком, и должно существовать что-то и между ними – нулевая композиция. И все это существует и существовало тогда в натуральную величину.

То, что мы называем язычеством, – это, по существу, большой комплекс суеверий, характерный для разных географических зон, для разных этносов, но приводящий не к тому, что люди во что-то верят, а к тому, что люди стараются себя от чего-то оградить, от чего-то спасти. Например, они стараются не заблудиться в лесу, не попасть в какое-то гиблое место, в котором можно умереть. Они стараются предугадать атмосферные воздействия, например циклоны с дождями, наводнения и т.д. На основе персонификации возникали образы леших, водяных, культ покойников, русалок. Но назвать этот культ религией или верой, по-моему, неправильно. В наше время все мы, включая атеистов, верим, что альфа-лучи влияют на здоровье вредно. Никто из нас альфа-лучей не видел, но все мы верим физикам, которые говорят, что это вредно. Желаящие могут проверить, но я к числу таких не отношусь. Я верю, что альфа-лучи вредят. И раньше было много таких явлений, про которые люди ничего не знали, но старались от них устраниваться. Поэтому при рассмотрении выбора веры мы уклонимся от этих верований, чисто этнографических. Обратимся к мусульманству.

Мусульманская религия есть, по существу, вариант раннего, дособорного христианства, потому что Мухаммед, будучи человеком безграмотным, слышал то, что говорили вокруг него караванщики из Пальмиры, Антиохии, Иерусалима. А то, что они говорили, было особой ересью – савеллианство или учение Павла Самосатского: строгое единобожие, учение, что Иисус был человек, пророк, и моделизм, то есть проявление единого Бога в разных лицах. Это было отвергнуто еще Никейским собором, но в Сирии и Аравии сохранялось и после Никейского собора. То есть мы можем определить теизм как единую религию с целым рядом вариантов и вариаций. Атеизм тоже можно определить как нечто целое. Разница в том, что если в теизме Бог признается существом, то в атеизме (манихействе, гностицизме, видимо, в талмудическом иудаизме) признается плерома, или стихия света, стихия мрака, культ стихии. К этой же системе атеизма относится митраизм – космический культ Солнца (Солнце – это глаз Митры, а сам Митра – это космос, законопорядок). Каждый мог свободно выбрать теизм или атеизм, хоть в самой мистической форме. И что оказалось: как на Западе, так и на Востоке возникали и атеистические церковные формы, которые во Франции назывались альбигойцы, на Балканах – катары, на Ближнем Востоке – исмаилиты (их много было), но смысл их был один. И вот тут-то надо было решить Руси, русским людям, которые были в исключительно тяжелом положении от постоянных ударов со стороны рахдонитской Хазарии и без чьей-либо помощи, поддержки. Надо было решить, куда деваться, какой выбор сделать?

И выбор был сделан в середине IX века, еще до Владимира. В 846 году патриарх Фотий отправил на Русь миссионеров, и они обосновали в Киеве первую православную общину. А за три года до этого святой Кирилл (философ Константин) сделал путешествие в Хазарию и окрестил некоторое количество хазар, которые положили начало донским казакам. Христианство уже в IX веке начало соперничать с местными культурами. И вот что самое интересное: антихристианская система, иудаизм и культ Перуна объединили свои действия. Сведений об этом не осталось. Люди были тогда безграмотными, а если писали по-гречески, то на березовой коре, которая, разумеется, не сохранилась. Текстов не было, есть цепочки

событий. И что же оказывается: варяги, приходившие с Балтики, быстро договорились с купеческой верхушкой Хазарии, с кем торговали, о союзных действиях. Когда мусульмане перерезали торговые пути, которые вели через Каспийское море, то Хазарии пришлось воевать. Но у нее не было собственной армии. Купеческая верхушка не брала местное население в войска и сама не воевала. Могущество Хазарского каганата базировалось на том, что правительство Хазарии нанимало воинственных горцев с южного берега Каспийского моря – дейлемитов. Они воевали за очень большую плату, но с одним условием, что против мусульман они сражаться не будут. Их применяли как полицейскую службу для подавления немусульманских племен: славян, башкир и прочих народов. А для борьбы с мусульманами пришлось нанять русов.

У купеческой верхушки Хазарии был жестокий, но весьма логический порядок. Войска, которые терпели поражения, наказывались за это смертью. И это было естественно для купцов. Они платили за то, чтобы воины одерживали победу. За поражение полагалась смертная казнь. Русы, которые этого не знали, трижды ходили на Каспий, трижды терпели поражения, трижды бывали истребляемы мусульманами и христианами, жившими по Волге – единственному пути из Каспия на Русь. После этого естественно, что отношение родственников погибших к этому направлению было крайне отрицательно. И влияние Хазарии за пределами ее крепостей терялось.

Но тут случилось одно страшное событие. В 939 году русский князь Хельги пришел с войском на хазарский город Самкерц и, воспользовавшись тем, что там не было его коменданта раб Хашмоная, взял крепость. На него бросили регулярные войска, которыми командовал «достопочтенный Песах». Хельги был разбит, а Песах прошел через Крым, где было вырезано все христианское население, кроме Херсонеса, а затем дошел до Киева в 939 году и обложил его данью. Это был кульминационный пункт развития Хазарии, что, естественно, никому не нравилось. Княгиня Ольга нашла разумный выход. Она обратилась к Византии. Это была единственная страна, твердо христианская, без отрицательного знака, без сектантов типа альбигойцев, зиндиков или измаилитов и которой поэтому можно было верить. С княгини Ольги начался путь, который через победу над Хазарией привел к крещению Руси.

Библиография

1. Аброров В.Н. Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон. – «Известия ВГО», 1962, № 4.
2. Алексеев В.П. В поисках предков. М., 1972.
3. Аммиан Марцеллин. История. Киев, 1908.
4. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937.
5. Аполлов Б.А. Доказательство прошлых низких стояний уровня Каспийского моря. В кн.: Вопросы географии, № 24. М., 1951.
6. Аполлов Б.А. Колебания уровня Каспийского моря. – Труды Ин-та океанологии АН СССР, т. XV, 1956.
7. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. – «Живая старина», вып. III и IV, 1896.
8. Арриан. Походы Александра. М.-Л., 1962.
9. Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. – Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. VI, 1940.
10. Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов. – «Вестник древней истории», 1950, № 2.
11. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

12. Банерджи А.Ч., СинхаН.К История Индии. М., 1954.
13. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. – Записки АН, VIII, сер. по ист.-филол. отд. т. 1, № 4, СПб., 1897.
- 13а. Бартольд В.В. Хафиз Абру и его сочинения. – В кн.: Сборник статей учеников проф. Розена. СПб., 1897.
14. Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в.: Научные результаты Аральской экспедиции. – Известия Туркестан, отд. Русского геогр. об-ва, т. IV, вып. 2, Ташкент, 1902.
15. Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.
16. Бегунов Ю.К Памятники русской литературы XIII в. М.-Л., 1966.
17. Белявский В.А. По поводу извечного антагонизма между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы. – В сб.: Славяно-русская этнография. Л., 1973.
18. Берг Л.С. Аральское море. СПб., 1909.
19. Берг Л.С. Номогенез. Пгр., 1922.
20. Берг Л.С. Климат и жизнь. М., 1947.
21. Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за исторический период. – В сб.: Очерки по физической географии. М. – Л., 1949.
22. Берг Л.С. Беседа со студентами Московского ун-та. – В кн.: Вопросы географии, № 24. М., 1951.
23. Бернштам А.Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. – В сб.: Советская этнография. М., 1947.
24. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1950.
25. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем. – В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969.
26. Бетин В.В., Преображенский Ю.В. Суровость зим в Европе и ледовитость Балтики. Л., 1962.
27. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Китая. VII (Рукопись. Ин-т востоковедения, фонд 7).
28. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
29. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. I, СПб., 1833.
30. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I – III, М.-Л., 1950.
31. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары; 1960.
32. Богословский В.А. Очерк истории тибетского народа. М., 1962.
33. Болтин И.Н. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным, т. 2, СПб., 1788.
34. Бонгард-Левин Г.М. Аграмес-Уграсена-Нанда и воцарение Чандрагупты. – «Вестник древней истории», 1962, №4.
- 34а) Боровкова Л.А. О борьбе китайского народа против монгольских завоевателей в середине XIV в. – В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
35. Бородой Ю.М. В поисках этногенного фактора. – «Природа», 1981, № 4.
36. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
37. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
38. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1988.
39. Брук СИ., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общности. В кн.: Расы и народы. Вып. 6, 1976.
40. Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926.
41. Бучинский И.Е. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954.
- 41а) Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. –

Записки Геогр. О-ва. СПб., 1857.

42. Васильев В.П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. СПб., 1857.
43. Вебер Г. Всеобщая история. В 15 тт. 2-е изд. М., 1893–1896.
44. Вернадский В.И. Биосфера.-Избр. соч., т. V. М.-Л., 1960.
45. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. М., 1965.
46. Веселовский Н.Н. Несколько новых соображений по поводу «пересмотра» вопроса о происхождении гуннов. – «Журнал Министерства народного просвещения», 1882.
47. Визе В.Ю. Климат морей советской Арктики. М. – Л., 1940.
48. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.
49. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.
50. Вопросы географии США. Доклады ВГО. Л., 1976.
51. Геродот. История в девяти книгах. М., 1888.
52. Грибанов Л.Н. Изменение южной границы ареала сосны в Казахстане. – «Вестник сельскохозяйственной науки». Алма-Ата, 1956, № 6.
53. Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан, т. II, СПб., 1873.
54. Грумм-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай, т. I, СПб., 1896.
55. Грумм-Гржимайло Г.Е. Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора. СПб., 1903.
56. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926.
57. Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период. – «Известия ВГО», т. XV, вып. 5, 1933.
- 57а) Грумм-Гржимайло Г.Е. Как произошло и чем было вызвано распадение монголов на восточных и западных? – «Известия Государственного географического общества», вып. 2, 1933.
58. Грязное М.П. Первый пазырыкский курган. М. – Л., 1950.
59. Гумилев Л.Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. Дисс. на соискание уч. степени канд. истор. наук, защищенная 28.XII. 1948 на ист. ф-те ЛГУ (рукопись).
60. Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяук-Мазара. – Сборник музея антропологии и этнографии, т. XII. М. – Л., 1949.
61. Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрков тугю. – «Советская археология», 1959, № 1.
62. Гумилев Л.Н. Терракотовые фигурки обезьян из Хотана. – «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1959, вып. XVI.
63. Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. – «Вестник древней истории», 1959, № 1.
64. Гумилев Л.Н. Китайская хронографическая терминология в трудах Н.Я. Бичурина на фоне всемирной истории. – В кн.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960.
65. Гумилев Л.Н. Некоторые вопросы истории хуннов. – «Вестник древней истории», 1960, № 3.
66. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.
- 66а) Гумилев Л.Н. Легенда и действительность в древней истории Тибета. – «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 3.
67. Гумилев Л.Н. Война 589 г. и Гератская битва. – «Известия АН Тадж. ССР», 1960, № 2.
68. Гумилев Л.Н. Великая распря в первом тюркском каганате в свете византийских источников. ВВ, XX, 1961.
69. Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа. – В сб.: Страны и народы Востока, вып. II. М., 1961.
70. Гумилев Л.Н. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль. – «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1962, вып. XX.
71. Гумилев Л.Н., Алексин А.Л. Хазарская Атлантида. – «Азия и Африка сегодня», № 2,

1962.

72. Гумилев Л.Н., Алексин А.А. Каспий, климат и кочевники Евразии. – Труды общ-ва истории, археологии и этнографии, т. 1, Казань, 1963.

73. Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос: I). – «Вестник ЛГУ, сер. геологии и географ.», 1964, № 6, вып. 1.

74. Гумилев Л.Н. Хазария и Терек (Ландшафт и этнос: II). – «Вестник ЛГУ», 1964, № 24, вып. 4.

75. Гумилев Л.Н. Соседи хазар. – «Страны и народы Востока», 1965, вып. IV.

76. Гумилев Л.Н. Хазарские погребения в дельте Волги. – «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1965, вып. XXVI.

77. Гумилев Л.Н. Памятники хазарской культуры в дельте Волги. – «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1965, вып. XXVI, с.49–51.

78. Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии. (Ландшафт и этнос: III). – «Вестник ЛГУ», т. 18., 1965, вып. 3, с.112–120.

79. Гумилев Л.Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности. – Византийский временник, т. XXVI, 1965.

80. Гумилев Л.Н. Диспут о древних тюрках. – Доклады по этнографии ВГО, № 1, Л., 1965.

81. Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии. – «Народы Азии и Африки», 1966, № 4, с.85–94.

82. Гумилев Л.Н., Гаель А.Г. Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижения народов за исторический период. – «Изв. АН СССР, сер. географ.», 1966, № 1.

83. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

84. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. (Ландшафт и этнос: IV). – «Вестник ЛГУ», 1966, № 6, вып. 1, с.62–71.

85. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. (Ландшафт и этнос: V). – «Вестник ЛГУ», 1966, № 18, вып. 3, с.81–90.

86. Гумилев Л.Н., Руденко С.И. Археологические исследования П.К. Козлова в аспекте исторической географии. – «Известия ВГО», 1966, т. 98, вып. 3.

87. Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки? – «Вестник древней истории», 1967, № 3.

88. Гумилев Л.Н. О термине «этнос». – Доклады отделений и комиссий ВГО (Этнография). Л., 1967, вып. 3, с.3–17.

89. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. – «История СССР», 1967, № 1, с.53–66.

90. Гумилев Л.Н. Этнос как явление. – Доклады отделений и комиссий ВГО (Этнография). Л., 1967, вып. 3, с.90–107.

91. Гумилев Л.Н. По поводу «единой» географии. (Ландшафт и этнос: VI). – «Вестник ЛГУ», 1967, № 6, вып. 1, с.120–129.

92. Гумилев Л.Н. Несторианство и Древняя Русь. – «Доклады по этнографии», вып. 5. Л., ВГО, 1967, с.5–24.

93. Гумилев Л.Н. Об антропогенном факторе ландшафтообразования. (Ландшафт и этнос: VII). – «Вестник ЛГУ», 1967, №24, с.102–112.

94. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., «Наука», 1967.

95. Гумилев Л.Н. Страна Шамбала в легенде и истории. – «Азия и Африка сегодня», 1968, № 5.

96. Гумилев Л.Н. Троецарствие в Китае. – Доклады отделений и комиссий ВГО (Этнография). Вып. 5. Л., 1968, с.108–127.

97. Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт. – «Известия ВГО», т. 100, 1968, №3, с.193–202.

98. Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период. – В кн.: «Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга», XIII – XIV, Л., 1968, с.118–134.
99. Гумилев Л.Н. Кочевнические погребения в дельте Волги. – Доклады отделений и комиссий ВГО (Этнография), 1968, вып. 6.
100. Гумилев Л.Н. Величие и падение древнего Тибета. – В кн.: Страны и народы Востока. VIII, М., 1969.
101. Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.И. Две традиции древне-тибетской картографии. (Ландшафт и этнос: VIII). – «Вестник ЛГУ», 1969, № 24, вып. 4, с.88–101.
102. Гумилев Л.Н., Эрдей И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века. – «Народы Азии и Африки», 1969, № 3.
103. Гумилев Л.Н., Кузнецов Б.И. Бон (Древняя тибетская религия). – Доклады ВГО. Вып. 15: Этнография. Л., 1970.
104. Гумилев Л.Н. Этногенез в аспекте географии. (Ландшафт и этнос: IX). – «Вестник ЛГУ», 1970, № 12, с.88–93.
105. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени. – Доклады ВГО. Вып. 15: Этнография. Л., 1970.
106. Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях. – «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.
107. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
108. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера. – «Природа», 1970, № 1, 2.
109. Гумилев Л.Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии. (Ландшафт и этнос: X). – «Вестник ЛГУ», 1970, № 24, вып. 4, с.39–49.
110. Гумилев Л.Н. Этнос – состояние или процесс? (Ландшафт и этнос: XI). – «Вестник ЛГУ», 1971, № 12, вып. 2, с.86–95.
111. Гумилев Л.Н. С.И. Руденко и современная этнография аридной зоны евразийского континента. – В кн.: Этнография народов СССР. Л., 1971.
112. Гумилев Л.Н. Этногенез – природный процесс – «Природа», 1971, № 2.
113. Гумилев Л.Н. О странном неприятии географии. – «Известия ЕГО», 1971, т. 103, вып. 3.
114. Гумилев Л.Н. Сущность этнической целостности. (Ландшафт и этнос: XII). – «Вестник ЛГУ», 1971, № 12, вып. 4, с.97–106.
115. Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников. – «Природа», 1972, № 4.
116. Гумилев Л.Н. Этнология и историческая география. (Ландшафт и этнос: XIII). – «Вестник ЛГУ», 1972, № 18, вып. 3, с.70–80.
117. Гумилев Л.Н. Искусство и этнос – «Декоративное искусство СССР». 1972, № 1.
- 117а) Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? – «Русская литература», 1972, № 1.
118. Гумилев Л.Н. Нужна ли география гуманитариям? – В кн.: Славяно-русская этнография. М., 1973.
119. Гумилев Л.Н. Внутренняя закономерность этногенеза. (Ландшафт и этнос: XIV). – «Вестник ЛГУ», 1973, № 6, вып. 1, с.94–103.
120. Гумилев Л.Н. Об антропологии для неантропологов. – «Природа», 1973, № 1.
121. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М., 1974.
122. Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани. – «Русская литература», 1974, № 3.
123. Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись. М., 1975.
124. Гумилев Л.Н. Дакоты и хунны. – В кн.: Вопросы географии США. Л., 1976, с.123–125.
125. Гумилев Л.Н. Викинги не солгали. – «Природа», 1977, № 5.
126. Гумилев Л.Н. Этносфера как одна из оболочек Земли. – В сб.: Вопросы физической

- географии и палеогеографии. «Ученые записки ЛГУ», 1977, № 388, с.24–32.
127. Гумилев Л.Н. С точки зрения Клио. – «Дружба народов», 1977, № 2.
128. Гумилев Л.Н. Монголы и меркиты в XII в. – Ученые записки Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1977.
129. Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания. – «Природа», 1978, № 12.
130. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. 1, 2, 3. М.-Л., 1979–1980. Депонировано ВИНТИ. №№ 1001–79, 3734–79, 3735–79.
131. Гумилев Л.Н. Эпоха Куликовской битвы. – «Огонек», 1980, № 36.
132. Гумилев Л.Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.). – В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
133. Гумилев Л.Н., Иванов К.Н. Этносфера и космос-В кн.: Космическая антропоэкология: техника и методы исследования. Л., 1984.
134. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Под редакцией к.г.н. К.П. Иванова. М.-Л., 1987. Депонировано, ВИНТИ. № 7904, 7905-В87. Вып. 4. Тысячелетие вокруг Каспия.
135. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
136. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1989.
137. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., Гидрометеиздат, 1990.
- 137а. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. – «Наш современник», 1992, № 10.
138. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948.
139. Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского. СПб., 1861.
140. Дмитриев Л.А. К спорам о датировке «Слова о полку Игореве» (по поводу статьи Л.Н. Гумилева). – «Русская литература», 1972, № 1.
141. Дорн Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан. – Записки Академии Наук. СПб., 1875, т. 26, № 1. Приложение.
142. Европеус Д. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда славян. СПб., 1874.
143. Ефименко П.С. Чудь Заволоцкая. Архангельск, 1869.
144. Жаринов Д.А., Никольский М.Н., Радциг С.И., Стерлигов В.Н. Древний мир в памятниках его письменности. М., 1915.
145. Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая. – В кн.: Труды членов русской духовной миссии в Пекине. Т. 1, СПб., 1852.
146. Иванов К.Н. Эколого-географический подход к изучению сельского населения и сельских хозяйств. – «Вестник ЛГУ», 1985, № 7.
147. Иванов К.Н. Эколого-географическое исследование сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР. – В кн.: География и хозяйство. М., 1989.
148. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. СПб., 1893.
149. Иностранцев К.А. Венец индо-скифского царя, тюрбан индийцев и женский головной убор Кафиристана в античном искусстве. – «Известия Ин-та истории АН». СПб., 1909.
150. Иностранцев К.А. Хунну и гунны. – Труды тюркологического семинария, т. 1, 1926.
151. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. / Пер. с лат. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
152. История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
153. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
154. Кабанов С.К. К вопросу о столице кидаритов. – «Вестник древней истории», 1953, № 2.
155. Кабанов С.К. Археологические данные по истории Нашхеба в III – IV веках. – «Вестник древней истории», 1956, № 2.
156. Калесник С.В. Человек и географическая среда. Л., 1949.
157. Калесник С.В. Основы общего землеведения. М., 1955.
158. Калесник С.В. Общие географические закономерности Земли. М., 1970.

159. Каминский А.А. Некоторые особенности климата северо-западной Монголии. – Географический сборник, т. П. Пгр., 1915.
160. Кармышева Б.Х. Этнографическая группа «тюрки» в составе узбеков. – «Советская этнография», 1960, № 1.
161. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
162. Книга Марко Поло. М., 1956.
163. Ковалевский А.Н. Книга Ахмеда ибн-Фадлаха о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы, комментарии. Харьков, 1956.
164. Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.-Пгр., 1923.
165. Козлов П.К. Тибет и далай-лама. Л., 1929.
166. Козлов П.К. Монголия и Кам. М., 1947.
167. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
168. Колебания уровня Каспийского моря. – Труды Ин-та океанологии АН СССР. М., 1956, т. XV.
169. Кононов А.Н. Опыт анализа термина «турк». – «Советская этнография», 1949, № 1.
170. Константин Багрянородный. Об управлении государством. – «Известия ГАИМК», вып. 91, М.-Л., 1934.
171. Константинов А.Ф. Взаимодействие природы и общества и современная география. – «Известия АН СССР, сер. географич.», 1964, № 4.
172. Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966.
173. Косиков И.Г. Этнические процессы в Кампучии. М., 1988.
174. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907.
175. Крюков М.В. Иньская цивилизация и бассейн р. Хуанхэ. – «Вестник истории мировой культуры», 1966, № 4.
176. Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956.
177. Кузнецов Б.И. Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных». Л., 1961.
- 177а. Курдюмов К.В. О колебаниях оз. Алакуль в историческом и географическом прошлом. – Вопросы географии, т. 24. М., 1951.
178. Кюнер Н.В. Описание Тибета. Часть I, вып. 2, Владивосток, 1907.
179. Лавренко Е.М. Основные черты ботанической географии Евразии и Северной Африки. – В кн.: Комаровские чтения. XV. М.-Л., 1962.
180. Леруа Ладюри Э. История климата за 1000 лет. Л., 1971.
181. Лидеров П.Д. Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
182. Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.
183. Молов С.Е. Памятники древне-тюркской письменности. Л., 1950.
184. Молов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М. – Л., 1952.
- 184а. Марков К.К. Высыхает ли Средняя и Центральная Азия? – Вопросы географии, т. 24. М., 1951.
185. Маркс К, Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 3. 185а) Маркс К, Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 46, ч. 1.
186. Массон В.М. Древняя культура Дахистана. М.-Л., 1954.
187. Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана, т. 1. М., 1964.
188. Матвеев КН., Мар-Юханна И.М. Ассирийский вопрос во время первой мировой войны. М., 1968.
189. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Алма-Ата, 1979.
190. Мерперт Н.Я., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Чингисхан и его наследие. – «История СССР», 1962, № 5.
191. Минаев И. Буддийский символ веры. – З.В.О.Р.А.О., т. 1, вып. III. СПб., 1886.
192. Моммзен Т. История Рима. т. IV М., 1949.

193. Мункуев Н.П. Заметка о древних монголах. – В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- 193а) Мункуев Н.П. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1985.
194. Мурзаев Э.М. Монгольская Народная Республика. М., 1952.
195. Мурзаев Э.М. Путешествия без приключений и фантастики. М., 1962.
196. Мусульманский мир. Пгр., 1918.
197. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940.
198. Насонов А.Н. «Русская земля» и Образование территории древнерусского государства. М., 1951.
199. Невский П.Л. Тангутская филология. Кн. 1 и 2. М., 1980.
200. Нестерук Ф.Я. Водное хозяйство Китая. – В кн.: Из истории науки и техники Китая. М., 1955.
201. Николаев Ю. В поисках за божеством. Очерки истории гностицизма. СПб., 1913.
202. Овдиенко И.Х. Внутренняя Монголия. М., 1954.
203. Окладников А.Н. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
204. Очерки истории Китая. М., 1959.
205. Очерки по истории СССР. Т. 1. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.
206. Патканьян К. Опыт истории династии Сасанидов. СПб., 1863.
207. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
208. Петров М.П. Восточный Тянь-Шань как физико-географический рубеж. – «Вестник ЛГУ, сер. геол. и геогр.». Вып. 1, 1964, № 6.
- 208а) Петров М.П. По степям и пустыням Центрального Китая. – «Природа», 1959, № 11.
209. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.
210. Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911.
211. Плетнева С.А. Кочевые народы VII – XIII вв. – В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966.
212. Покотилов Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. СПб., 1893.
213. Полное собрание русских летописей, т. I. М., 1962.
214. Попов И. Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения. Казань, 1898.
215. Пришвин М.М. Повести, поэмы, охотничьи рассказы. Челябинск, 1980.
216. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. (Пер. С. Дестуниса). СПб., 1876.
- 216а. Пути Евразии: Сб. статей. М., 1992.
217. Рашид эд-Дин. Сборник летописей. СПб., 1858.
218. Рерих Ю.Н. Кочевые племена Тибета. – В сб.: Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961.
219. Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. 2. отдел I. СПб., 1873.
220. Рихтер В.Г. Донные отложения залива Кара-Богаз-Гол как индикатор колебаний уровня Каспийского моря. – Бюлл. МОИП. Отделение геологии, т. 36, 1961, № 1.
221. Рихтер В.Г., Самсонов С.К. К последним страницам геологической истории Каспия. – «Известия АН СССР. Сер. геогр.», 1961, № 6.
222. Робертсон Дж.С. История христианской церкви. Т. 1, СПб., 1890.
223. Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. – «Материалы по этнографии России», т. II. СПб., 1914.
224. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. – Л., 1954.

225. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. – Л., 1960.
226. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. – Материалы по Отделению этнографии ВГО. 1961, вып. 1.
227. Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). М., 1961.
228. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л., 1962.
229. Руденко С.И. Культура бронзы Минусинского края и радио-углеродные датировки. – Доклады ВГО. 1968, вып. 5.
- 229а. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. – «Советская археология», 1953, № 10.
230. Рыбаков Б.А. Древние русы. – «Советская археология», т. XVIII, 1953.
231. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
232. Саблуков Г. История Абуль-Гази. Ч. I. Казань, 1854.
233. Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем. – В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1960.
234. Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. VI. СПб., 1903.
235. Свет Я.М. После Марко Поло. М., 1968.
236. Серебренников Б.А. Происхождение чуваш по данным языка. – В кн.: О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.
237. «Сказания Приска Панийского» / Пер. Дестуниса. – «Уч. записки II отд. ИАН», книга VII, вып. I. СПб., 1861.
238. Скржинская Е.Ч. Комментарии. – В кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
239. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I, П. М., 1960.
240. Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья. – В кн.: Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. 1940, т. VIII.
241. Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья. – Труды отдела истории первобытной культуры Эрмитажа. Л., 1941, т. 1.
- 241а. Стариков В.С. Монголы в Юннани. – Материалы по этнографии. Л., 1961.
242. Страбон. География. Л., 1964.
243. Тангутские рукописи и ксилограммы. М., 1963.
244. Теплоухов С.А., Киселев С.В., Грязное М.П. Наивный эволюционный подход, построенный на произвольных датировках памятников (см. Руденко С.И. Культура бронзы..., табл. на с.43).
245. Толстое С.П. Тирания Аброя. – «Исторические записки», 1938. № 3.
246. Толстое С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
247. Толстое С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. – Л., 1948.
248. Тревер К.В. Кушаны, хиониты, эфталиты по армянским источникам IV – VII вв. – «Советская археология», т. XXI, 1954.
249. Тревер К.В., Якубовский А.Ю. История народов Узбекистана. Ташкент, 1950.
250. Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. II. Л., 1940.
251. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.
252. Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цин-хай. – Записки Ими. Русского геогр. общества по отделению этнографии. Т. IV.
253. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.
254. Фриш В.А. Жемчужина Южного Забайкалья (Боры в Ононских степях). – «Природа», 1966, № 6.
255. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
256. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов. По следам древних культур, от Волги до Тихого океана. М., 1954.

257. Шахматов А.А. Разыскание о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
258. Шевченко Ю.Ю. На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы. Л., 1977.
259. Шенников А.А. Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества». – Этнография народов СССР. Л., 1971.
- 259а) Шмидт А.Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. – Уч. зап. Ин-та востоковедения. Т. XVI, 1958.
260. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. – Записки Геогр. общества СССР. Нов. сер., 1957, т. XVI.
261. Шнитников А.В. Ритм Каспия. – Доклады АН СССР. Т. 94, 1954, № 4.
262. Щербатской Ф.И. Буддийский философ о единобожии. – «Записки восточного отделения ИРАО», 1906, т. XVI.
263. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21.
264. Эрдеи И. Венгерская карта походов в Винланд. – «Природа», 1977, № 5.
265. Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X – XV вв. – материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3, ч. I. Л., 1932.
266. Яцунский В.К. Историческая география. М., 1955.
267. Alheim F., Striel R. Die Araber in der Alten Welt. Bd. I – V, Berlin, 1969.
268. Bell Ch. The Religion of Tibet. Oxford, 1931.
269. Bertholet A., Lehmann E. Lehrbuch der Religionsges-chichte. Tubingen, 1924, 39.
270. Chavannes E. Les religieux eminentes par J-tsing. Paris, 1894.
271. Chavannes E. Les pays d'Occident d'apres Wei-liou.-«T'oung Pao». ser. II, vol. VI, 1905.
272. Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux. – «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. IV, СПб., 1903.
273. Christensen A. Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936.
274. Church R.J. Harrison, Clarke John J., Clarke P.I.H., Henderson H.J.R. Africa and the Islands. London. 1965.
275. Cordier H. Histoire general de la Chine. I.
276. Deguignes. Histoire general des Huns, des Tures, des Mogols et des autres Tartares Occidentaux. Paris, 1756, vol. I.
277. Demieville P. Le Concile de Lhasa. Paris, 1957.
278. Der Islam. Bd. 35, 1960.
279. Droin E. Memoire sur les Huns Ephtalites dans leur rapports avec les rois Perses Sassanides. – «Le Museon», XIV, 1895.
280. 'Dus pa rin po che'i rgyud gzer mig. Delhi, Tibetan. Bon Foundation, 1965 (на тибетском языке).
281. Encyclopedie de la Islam. 10 eme Livre. 1913.
282. Enoki K. On the Nationality of Ephtalites. – «Memoirs of the Research Department of the Toyo Buncu». Tokyo, 1959, № 18.
283. Enoki K. The Origines of the White Huns or Heph-talites.-«East and West», 1955, № 3.
284. Firdousi. Le livre de Rois, trad. Mohl., vol. VI.
285. Foucher A. Etude sur L'iconographie bouddhique de l'Inde. Paris, 1905.
286. Francke A.H. A History of Western Tibet. London. 1907.
287. Getty A. The Gods of northern Buddhism. Oxford. 1914.
288. Ghirshman R. Les Chionites-Hephtalites. Le Caire, 1948.
289. Grandidier A. Histoire de la Geograpy de Madagaskar. Paris, 1892.
290. Grousset R. Histoire de L'Extreme-Orient. I. Paris, 1929.

- 290a) Grousset R. L'Empire Mongol. Paris, 1929. t. II.
291. Grousset R. L'Empire des steppes. Paris, 1960.
292. Grunwedel A. Mythologie du Bouddhisme au Tibet et en Mongolie. Leipzig, 1900.
293. Gumilev L.N. Les Fluctuations du Niveau de la Mer Caspienne. Camer du Monde Russe et Sovetique, vol. VI, № 3, Paris-Sorbonne, 1965.
294. Gumilev L.N. New Data of the History of Khazaria, Acta Archaeol. Academ. Sci. Hungar, t. XIX, f 1/2, 1967.
295. Hajdu P. Die altesten Berührungen zwischen Samojedern und jennisseischen Volkern. – «Acta orientalia». Budapest, 1953.
296. Haloun G. Zur Uetsi-Frage. – «Zeitschrift der Deutschen Morgen-Landischen Gesellschaft», 1937.
297. Hannestad K. Les relations de Byzance avec La Transcaucasie et l'Asie Centrale en V et VI siècles. – Byzantion. Bruxelles, 1957, t. XXV – XXVII.
298. Hoffmann H. Quellen zur Geschichte der tibetischen Bon-Religion. Wiesbaden, 1950.
299. Introduction a l'histoire des Mongoles de F. A. Rachid ed-Din. eiden – London, 1910.
300. Julien St. Histoire de la vie de Hiouentsang et de ses voyages dans LTnde. Paris, 1853.
301. Julien St. Memoires sur les contrees occidentales traduits de Sanscrit en chinois en l'an 648 par Hiouen-tsang. T. I – II, Paris, 1857–1858.
302. Julien St. Documents sur les T'ou-kiue. – «Journal Asiatique», 6 Serie, № 3. Paris, 1864.
303. Junker H.F.J. Die hephthalitischen Munzinschriften. – «Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften». vol. XXVII, Berlin, 1930.
304. Klapproth S. Tableaux historiques de l'Asie. Paris. 1826.
305. Kun las btus pa scrid pa'i mdzod gzhung. Kalimpong, Tibetan. Bon Foundation (без даты, на тибетском языке).
306. Labou M. Les Religions du Tibet. Paris, 1957.
307. Laufer B. Uber ein tibetisches Geschichtswerk der Bonpo. – «T'oung Pao». Leiden, 1901, vol. 2, № 1.
308. Laufer B. The Language of the Yuechi or Indo-Scythians. Chicago, 1917.
309. Legge J. A Record of Buddhistic Kingdoms Being an Account by the Chinese More Fa-hein. Oxford, 1886.
310. Longworth James M. Afganistan. – Encyclopedic de l'Islam. 1913.
311. Maenchen-Helfen O. The Huns and the Hsiung-nu. – Byzantion, American Series, III, vol. XVII, 1925.
312. Markquart J. Eransahr nach der Geographic des Ps. Moses Horenacii. Berlin, 1901.
313. Maurois A. Histoire d'Angleterre. Paris, 1937.
314. McGovern. The Early Empires of Central Asia. L., 1939.
315. Noldeke T. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879.
316. Parker E. A Thousand Years of the Tartars. Shanghai, 1895.
317. Pelliot P. L'origine des T'ou-kiue, nom chinois, des turks. Toung Pao. 1915.
- 317a. Pelliot P. La Haute Asie, s.a., p. 12.
318. Pritsak O. Stammesnahmen und Titulaturen der altaischen Volker. – Ural-Altäische Jahrbucher, 1952, H. 1–2.
319. Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1893.
320. Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. III. SPb., 1895.
321. Phys Davis T.W. Dhammapala. Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. 4. Edinburgh – New York, 1911.
322. Roerich G.N. Trails to Inmost Asia. New Haven – London, 1931.
323. Roerich G.N. The Blue Annals, pt. 1, Calcutta, 1949.
324. Saint-Martin V. de. Les Huns blancs ou Ephtalites des historiens bysantins. Paris, 1849.

325. Schlagintweit E. Die Konige von Tibet. Munchen, 1866.
326. Schmidt I.J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Furstenhauses. St.-Pbg., 1829.
327. Shiratori K ?ber die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stamme. St.-Pbg., 1902 (отд. оттиск) из «Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg».
328. Snellgrove D.L. The nine ways of Bon. London, Oxford Univ. Press, 1967.
329. Specht. Etudes sur l'Asie Centrale dap res les historiens chinois. – «Journal Asiatique», ser. 8, 1883.
330. Ta'rikh Nama-i Harat (персидский текст). Calcutta, 1944.
331. Terrien de Lacouperie. Les Langues de la China avant les chinois. – «Le Museon», 1888, VII.
332. Theophilacti Simocattae historiarum libri octo. Bon-nae, 1834, VII.
333. Theophilacts Excurs liber die skythischen Volker. Byzantion, vol. XXIII, 1953.
334. Tibetan – Zang Zung Dictionary. Delhi, Tibetan Bon Foundation (без даты, на тибетском языке).
335. Taynbee A.I. A Study of History. Abridgement of volumes I – VI by D.C Somervell. L. – N.Y – Toronto. 1946.
336. Tucci G. The Tombs of Tibetan Kings. Rome, 1950.
337. Waddel L.A. Lhasa and Its Mysteries. London, 1905.
338. Waddel L.A. Demons and spirits (Buddhisn). Encyclopaedia of Religion and Ethics. Vol. 4. Edinburgh – New York, 1911.
339. Waddel L.A. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Cambpidqe, 1959.
340. Wesendonk O.G. von. Kusan, Chioniten und Heph-taliten. – «Klio», Leipzig, 1933, Heft 2–3.
341. Zotenberg H. Chronique de Tabari, tr. sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Bel'ami. II. Paris, 1869.